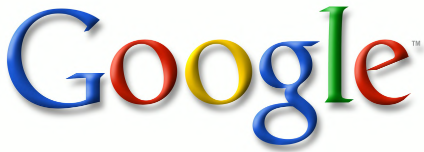
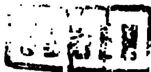


Никол. Нелюде

1856г. 20 Ма



ЮРИДИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

изданный

ДМИТРІЕМЪ МЕЙЕРОМЪ,

Ординарнымъ Профессоромъ Императорскаго Казанскаго Универ ситета, Докторомъ юридическихъ наукъ.

„И правды чистыя ученья."

КАЗАНЬ.

Иждивеніемъ книгопродавца И. Дубровина.

1855.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 1853 г. Октября 9 дня.

Ценсоръ М. Похвисневъ.

Въ типографіи Университета.

По стеченію обстоятельствъ у меня накопилось нѣсколько юридическихъ статей, которыя казались мнѣ заслуживающими изданія: считая неудобнымъ выпускъ ихъ въ отдѣльности и затруднительнымъ помѣщеніе въ журналѣ, я соединилъ ихъ въ настоящемъ сборникѣ. Полагаю, что и читатели и авторы статей выигрываютъ отъ этого способа изданія: первымъ легче обозрѣть и обсудить значеніе настоящаго посильнаго приношенія на пользу отечественнаго юридическаго образованія, послѣдніе могутъ расчитывать на бо̀льшую снисходительность первыхъ: между статьями невольно установляется круговая порука и недостатки ихъ въ частности выкупаются общею массою достоинствъ. Сборникъ не имѣетъ притязанія на единство въ направленіи статей: но какъ основныя юридическія понятія у насъ сформированы и каждый почти изслѣдователь юридическихъ учрежденій считаетъ въ настоящее время для себя необходимостью обратиться на дорогу историческаго розысканія, то не мудрено, что будетъ подмѣчена въ сборникѣ нѣкоторая общая связь между статьями, однакоже не столь рѣзкая, надѣюсь, чтобы навлечь на него упрекъ въ однообразіи. По содержанію статьи относятся къ различ-

нымъ частямъ права и обращаются то къ источникамъ его, то къ самимъ явленіямъ юридическаго быта. Изученіе послѣднихъ и ихъ законовъ до сихъ поръ у насъ мало въ ходу, не смотря на всю свою важность: сочту себя счастливымъ, если сборникъ съ своей стороны дастъ ее почувствовать и чрезъ то сколько-нибудь распространитъ вкусъ къ наблюденію и изслѣдованію юридическаго быта.

Д. Мейеръ.

ОБЪ ОРГАНАХЪ
СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ ВЪ РОССІИ
ОТЪ ОСНОВАНІЯ ГОСУДАРСТВА ДО ВСТУПЛЕНІЯ НА ПРЕСТОЛЪ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Власть судебная, какъ и всякая власть въ государствѣ, для проявленія въ дѣйствительности должна имѣть извѣстные органы. Органами ея могутъ быть или физическія лица или нравственныя, т. е. совокупность физическихъ лицъ, составляющихъ одно цѣлое — судебное мѣсто. Но судебныя мѣста являются уже въ государствахъ, достигшихъ извѣстной степени гражданскаго развитія; въ древнѣйшей же Россіи, какъ и во всѣхъ первоначальныхъ государствахъ, судъ и расправу творили, большею частію, лица физическія, права и обязанности которыхъ мало или даже и вовсе не были опредѣлены закономъ; ихъ большее или меньшее значеніе зависѣло отъ личнаго ихъ характера, отъ степени довѣрія къ нимъ государя. Только съ Іоанна III, а вѣрнѣе съ Іоанна IV, начинаютъ являться у насъ судебныя мѣста подъ разными наименованіями: *Избъ*, *Палатъ*, *Приказовъ* и проч.; но и эти мѣста имѣютъ первоначально характеръ личный; коллегіальнаго начала въ нихъ не видно: оно начинаетъ проглядывать только подъ конецъ времени, нами обозрѣваемаго.

Исчислить лица, творившія судъ и расправу въ древней Руси; изложить ихъ права и обязанности, ихъ взаимныя отношенія между собою и предметъ ихъ вѣдомства, и потомъ представить организацію судебныхъ мѣстъ, появившихся до вступленія на престолъ Алексѣя Михайловича: — вотъ предметъ этой статьи.

Что же касается до самой формы суда, то она не будетъ здѣсь изложена; и если я буду иногда касаться дѣйствій судебныхъ мѣстъ и лицъ, то очень мало, такъ сказать, вскользь, и то по необходимой связи процесса съ судебными лицами. Судъ духовный, какъ предметъ церковнаго права, я также исключаю изъ предметовъ моего разсмотрѣнія; но буду говорить о судебныхъ привилегіяхъ, которыми пользовались духовные, какъ и многія другія лица, на основаніи актовъ свѣтской власти — жалованныхъ грамотъ (тархановъ), освобождавшихъ ихъ отъ суда свѣтскаго.

Время, мною разсматриваемое, я раздѣляю на два большие періода, изъ которыхъ первый будетъ заключать въ себѣ нѣсколько отдѣловъ и будетъ простираться отъ основанія Руси до Іоанна Грознаго. Второй періодъ отъ Іоанна Грознаго до Алексѣя Михайловича. Причины, побудившія меня къ такому разграниченію моего предмета, суть слѣдующія: обыкновенно у насъ Іоанна III и Іоанна IV, и въ особенности перваго, почитаютъ строителями Государства, преобразователями России изъ частной собственности в. князя въ государство. При Іоаннѣ III дѣйствительно отношенія частнаго права, бывшія до того времени между государемъ и государствомъ, начинаютъ исчезать и замѣняются отношеніями государственными; Русь перестаетъ быть частною собственностію в. князя; уничтожаются удѣлы; появляются государственныя установленія — *Приказы*; но все это только начинаетъ быть при Іоаннѣ III, утверждается же окончательно при Іоаннѣ IV. Здѣсь не мѣсто распространяться болѣе о значеніи царствованія Іоанна IV въ политической исторіи Россіи; мы ограничимся только нашимъ предметомъ.

Обозрѣвая исторію развитія судебной власти въ древней Руси, невольно останавливаешься на царствованіи Іоанна Грознаго: ему безспорно принадлежитъ слава лучшаго устройства судебной власти въ Россіи. Явленіе Судебника Іоанна III не произвело ничего новаго въ области суда, Судебникъ въ исторіи русскаго права имѣетъ только то значеніе, что онъ былъ послѣ Русской Правды первое собраніе разбросанныхъ дотолѣ законовъ; судъ чинился, и по изданіи Судебника, по тѣмъ же судныимъ грамотамъ, которыя только велѣно было собрать, разсмотрѣть и соединить въ одно цѣлое дьяку Владиміру Гусеву. Напротивъ съ царствованія Іоанна IV является множество уставныхъ и судныхъ грамотъ, которыя произвели большія перемѣны въ устройствѣ судебной власти.

Появленіе губныхъ грамотъ при Іоаннѣ IV произвело отдѣленіе уголовной судебной власти отъ гражданской, и въ слѣдствіе этого отдѣленія появляется свойственный уголовнымъ дѣламъ процессъ слѣдственный вмѣсто прежняго обвинительнаго.

При Іоаннѣ Грозномъ народъ принимаетъ дѣятельное участіе въ судопроизводствѣ: — обстоятельство, свидѣтельствующее между прочимъ, что чиненіе суда и расправы не было у насъ въ древности вполнѣ ограждено отъ злоупотребленій, что неоднократно довольно рѣзко высказываетъ и самъ Іоаннъ IV во многихъ грамотахъ и указахъ; напр. въ одномъ мѣстѣ, онъ говоритъ про намѣстниковъ и волостелей, *«что сотворились имъ (народу) яко волцы, гонители «и раззорители»* [1])

Іоаннъ Грозный также уничтожилъ неблагопріятствующій государственному развитію взглядъ, что должности могутъ быть разсматриваемы какъ источникъ доходовъ: я говорю о *кормленіяхъ*, которыя замѣнилъ Іоаннъ IV *помѣстьями* [2]). Наконецъ самые Приказы, которые только начались при Іоаннѣ III, въ царствованіе Грознаго получили опредѣленное устройство. Все это заставило меня раздѣлить время, нами разсматриваемое, на два періода и принять гранью между ними царствованіе Іоанна Грознаго.

Въ 1-мъ періодѣ я разсмотрю:

1) Судъ и расправу отъ основанія государства до половины XIV вѣка.

2) Устройство судебной власти въ Новгородѣ и Псковѣ.

3) Судебное управленіе въ Россіи съ половины XIV ст. до Іоанна Грознаго.

Разсматривая устройство судебной власти въ 1-мъ періодѣ, я остановлюсь на половинѣ XIV ст. потому, что съ этого времени органы судебной власти получаютъ болѣе опредѣленный характеръ, въ слѣдствіе появленія сначала договорныхъ, потомъ судныхъ и уставныхъ грамотъ.

Второй періодъ, представляя болѣе однообразія въ устройствѣ судебной власти, не требуетъ подраздѣленій.

Источники и пособія, изъ которыхъ я почерпалъ свѣдѣнія объ устройствѣ судебной власти въ древней Россіи, суть слѣдующіе:

1) Акты Археографической Экспедиціи.

2) Акты Историческіе.

3) Акты Юридическіе.

4) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ Гр. Румянцева.

5) Указатель Максимовича часть 1.

6) Законы В. К. Іоанна Васильевича и Судебникъ Ц. и В. К. Іоанна Васильевича (по изданію Калайдовича и Строева).

---

[1]) Указ. Максимовича. Сводный Судебникъ ст. 102.

[2]) Сводный Судебн. ст. 102 и слѣд.

7) Псковская судная грамота.

8) Русскія Достопамятности, часть 1.

9) Лѣтопись Нестора по Лаврентьевской рукописи.

10) Исторія Государства Россійскаго Карамзина.

11) Чтенія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей 1847 г.

12) Древняя Россійская Вивліоѳика.

13) Эверса Древнѣйшее Русское Право, въ историческомъ его развитіи.

14) Опытъ Исторіи Россійскихъ Государственныхъ и Гражданскихъ Законовъ Рейца.

15) Опытъ историческаго изслѣдованія и описанія старинныхъ судебныхъ мѣстъ Россійскаго Государства и о качествѣ лицъ и дѣлъ въ оныхъ Мальгина. 1803 г.

16) Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра В. Неволина. Ж. М. Н. П. 1844.

17) Историческое изображеніе древняго судопроизводства въ Россіи Куницына. 1843.

18) О Судебникѣ Царя І. Васильевича Калачева въ Юридич. Запискахъ Рѣдкина.

19) Опытъ повѣствованія о Древностяхъ Руских Успенскаго.

При таковомъ обиліи матеріаловъ съ перваго взгляда всякому конечно можетъ придти мысль о легкости представить организацію судебной власти въ древней Россіи, а отсюда можетъ родиться требованіе и ожиданіе найти здѣсь систематическое, съ соблюденіемъ всей юридической точности, изложеніе органовъ судебной власти. Не думаю, чтобъ статья эта вполнѣ удовлетворила подобному требованію; хотя, сколь возможно, я старался представить органы судебной власти въ строгой системѣ и опредѣлить характеръ каждаго изъ нихъ. Полагаю однакожъ, что вообще для всякаго было бы дѣломъ весьма труднымъ представить стройную организацію судебныхъ мѣстъ въ древней Руси по слѣдующимъ причинамъ.

Акты Экспедиціи, а равно Историческіе и Юридическіе — главный источникъ такого труда, еще не разобраны критически, не соглашены многія противорѣчія, находящіяся въ нихъ. Самый языкъ древнихъ актовъ, понятный для поверхностнаго ихъ изученія, становится сомнительнымъ для желающаго извлечь изъ смысла разныхъ мѣстъ точныя юридическія начала. Но главнѣйшее затрудненіе состоитъ въ томъ, что постановленія объ устройствѣ судебной власти, составляя предметъ государственнаго или публичнаго права, могутъ быть многочисленны и достаточно опредѣлены только въ ту пору существованія государства, когда само государственное право по-

лучило уже нѣкоторое развитіе. Въ древней Россіи до Іоанна III, можно сказать, не существовало государственное право, потому-что древняя Русь, какъ извѣстно, разсматривалась не какъ государство, (принимая это слово въ теперешнемъ его значеніи), а какъ частная собственность князей. Отсюда слѣдуетъ, что всѣ постановленія объ устройствѣ судебной власти, какія мы встрѣчаемъ до Іоанна III, еще вѣрнѣе до Іоанна IV, не постановленія права государственнаго, а могутъ и должны быть принимаемы какъ административныя частныя мѣры в. князя, которыя онъ давалъ на частный случай. И дѣйствительно, что такое судныя и уставныя грамоты, какъ не частные наказы в. князя, даваемые намѣстникамъ и волостелямъ и разнымъ другимъ лицамъ, посылаемымъ въ какую нибудь область, какъ для управленія, такъ и для суда и расправы жителей этой области? Вотъ отъ чего судебная власть намѣстниковъ и другихъ лицъ, творившихъ судъ и расправу въ древней Россіи, представляется въ различномъ пространствѣ: большее или меньшее значеніе ихъ зависѣло отъ степени довѣрія къ нимъ князя. Такимъ образомъ въ изображеніи устройства судебной власти въ древней Руси должно руководствоваться не общими правилами права публичнаго, а частными, административными мѣрами князей, и созидать изъ разнообразныхъ частныхъ распоряженій о судѣ и расправѣ — общія правила судоустройства.

Объ устройствѣ судебной власти въ древней Россіи есть нѣсколько сочиненій въ нашей юридической литературѣ, но большею частію изслѣдованія берутъ за исходную точку время Іоанна IV или время Іоанна III. Сочиненіе *Куницына:* историческое изображеніе древняго судопроизводства въ Россіи, хотя и трактуетъ о временахъ древнихъ, но предметъ его главнымъ образомъ составляетъ судопроизводство, и то только въ Новгородѣ и Псковѣ. Сочиненіе *Малынина:* опытъ историческаго изслѣдованія и проч. содержитъ въ себѣ слабое изложеніе Приказовъ; до времени же появленія сихъ послѣднихъ оно почти не упоминаетъ объ устройствѣ судебной власти. Статья *Неволина*, говоря объ управленіи въ Россіи съ Іоанна III до Петра В., вмѣстѣ съ тѣмъ упоминаетъ и о судебной дѣятельности правительственныхъ лицъ; но какъ главный предметъ этой статьи есть управленіе вообще, то Неволинъ представилъ главнымъ образомъ характеры мѣстъ и лицъ правительственныхъ, а не судебныхъ, и только по связи администраціи съ судебною властію, говоритъ также и о сей послѣдней. Только сочиненіе Константина Троцины обнимаетъ судоустройство съ древнѣйшихъ временъ и ему посвящено исключительно: смѣю однакожь надѣяться, что оно не содѣлываетъ статьи моей совершенно лишнею.

ПЕРІОДЪ I.

ОТДѢЛЪ I.

О СУДѢ И РАСПРАВѢ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ ДО ПОЛОВИНЫ XIV СТОЛѢТІЯ.

1. *Судъ и расправа до появленія Русской Правды.*

Много было изслѣдователей древняго періода нашей исторіи, много и теперь подвизается на этомъ трудномъ поприщѣ; но представляющіяся тамъ явленія до сихъ поръ еще не разгаданы: сколько различныхъ мнѣній, противорѣчій, догадокъ, гипотезъ посѣяно на невоздѣланной почвѣ древней русской исторіи сперва иностранными, а потомъ и нашими изслѣдователями!

Но когда событія историческія, тщательно описанныя приложными лѣтописцами, представляются въ такомъ сомнительномъ видѣ, то что же можно сказать о юридическомъ бытѣ нашихъ предковъ, о бытѣ, для котораго такъ скупы были лѣтописцы. Все вниманіе ихъ сосредоточивалось на событіяхъ жизни внѣшней и то, большею частію, только на войнѣ, гладѣ, огнѣ, мечѣ и нашествіи иноплеменниковъ; встрѣчающіеся въ лѣтописи Нестора два юридическіе акта (договоры Олега и Игоря съ Греками) заключаютъ въ

себѣ болѣе внѣшнія отношенія Славянъ, чѣмъ внутреннія. Почти чрезъ 200 лѣтъ отъ основанія Руси является первый законодательный памятникъ — *Русская Правда* Ярослава 1020 года: памятникъ, бѣдный содержаніемъ, краткій слогомъ, заключающій въ себѣ почти исключительно уголовное право; нѣтъ и помина о какихъ нибудь учрежденіяхъ государственныхъ и управленіи. Тѣмъ не менѣе однакожь намъ предстоитъ рѣшить трудный вопросъ: кому принадлежала судебная власть въ Руси по основаніи государства, и потомъ, какъ она проявлялась въ дѣйствительности?

Добровольно призванный Славянами Рюрикъ не могъ перемѣнить вдругъ прежній бытъ Славянъ, не могъ уничтожить ихъ обычай; однимъ словомъ, не могъ измѣнить коренныя начала ихъ общественнаго, народнаго быта; начала эти продолжали господствовать при немъ и при его преемникахъ; а потому мы и должны сказать предварительно нѣсколько словъ о томъ, какъ поступали Славяне въ дѣлахъ суда и расправы до призванія князей варяжскихъ, чтобъ понять состояніе суда и расправы при первыхъ князьяхъ.

У Славянъ, какъ и у каждаго другаго народа, въ періодъ младенчества, можно принять основнымъ началомъ при возстановленіи нарушенныхъ правъ — *самоуправство*, а отсюда *кровную месть*. Впрочемъ эти понятія сходны между собою: кровная месть есть тоже самоуправство. Но обыкновенно подъ самоуправствомъ разумѣютъ самовольное возстановленіе нарушенныхъ правъ въ дѣлахъ гражданскихъ; кровная же месть употреблялась при возстановленіи нарушенныхъ правъ въ дѣлахъ уголовныхъ, преимущественно же въ случаѣ убійства [1]). Каждый, увидавшій свою вещь, бралъ ее безъ всякаго суда у похитителя; если собственныхъ силъ не доставало, то приглашалъ членовъ своего семейства, и такимъ образомъ общими силами вещь похищенная возвращалась къ собственнику.

Убійца преслѣдуемъ былъ родственниками убитаго, и рано или поздно подвергался смерти, тоже безъ всякаго суда, по началамъ кровной мести.

Если же самоуправство и кровная месть не могли быть употреблены, если нельзя было, съ перваго раза, открыть виновнаго или уличить его въ преступленіи, то въ такомъ случаѣ обращались къ старѣйшинамъ, къ родоначальникамъ; сіи послѣдніе, руководствуясь обычаемъ или здравымъ смысломъ, чинили судъ и расправу. Такимъ образомъ судъ старѣйшинъ будетъ составлять другое начало въ управной системѣ Славянъ.

---

[1]) Если я здѣсь употребляю слова гражданскій и уголовный, то, разумѣется, не думая, чтобъ выражаемыя ими понятія сознаваемы были въ пору, мною разсматриваемую.

Эти же самыя начала, т. е. *самоуправство*[1]) и *суд старѣйшин* существовали и при первых князьях варяжских, почти до Правды XIII столѣтія, съ нѣкоторыми ограниченіями и измѣненіями, какъ слѣдствіями верховной власти князей.

Существованіе мести при первыхъ князьяхъ подтверждается нѣкоторыми мѣстами договоровъ съ Греками. Такъ въ договорѣ Олега сказано: «*Русинъ ли убьетъ христіанина или христіанинъ Русина, да умретъ на томъ мѣстѣ гдѣ онъ совершилъ убійство*». И такъ прежнее фактическое мщеніе обратилось какъ бы въ законное.

Но самоуправство начинаетъ мало по малу ограничиваться; ограничить самоуправство гораздо легче, чѣмъ кровную месть, потому что вредъ, нанесенный имуществу, хотя считался прежде также личной обидой, но все таки снести такую обиду было гораздо легче, чѣмъ убійство родственника; и по этому-то въ статьѣ того же договора о воровствѣ, вора позволяется уже убить только въ такомъ случаѣ, если онъ будетъ сопротивляться при взятіи его хозяиномъ похищаемой вещи. Точно также за раны и побои уже платится деньгами.

Что касается до другаго начала управы славянской, т. е. до суда старѣйшинъ, то можно съ достовѣрностію сказать, что старѣйшины принимали большое участіе въ рѣшеніи споровъ, при первыхъ князьяхъ нашихъ, съ одной стороны потому-что народъ привыкъ видѣть въ нихъ судей своихъ, помня власть своихъ родоначальниковъ; съ другой потому-что законовъ письменныхъ еще не было, дѣла рѣшались по обычаю. А кто могъ лучше знать обычаи, какъ не самъ народъ, представителемъ котораго были старѣйшины, умудренные лѣтами и опытомъ? О нихъ-то, вѣроятно, Несторъ и упоминаетъ подъ имненемъ: *старцевъ градскихъ и людскихъ*. Сами князья уважали ихъ, призывая на совѣтъ свой («*и созвалъ Володимеръ боляры своя и старцы градскія*»).[2])

Но, управляясь самъ съ нарушителями общаго спокойствія, и прибѣгая къ суду старѣйшинъ въ дѣлахъ запутанныхъ, народъ, вѣроятно, обращался иногда и къ князю, въ особенности, ежели самъ не могъ управиться съ нарушителями общественнаго спокойствія. Но это случалось не часто. Въ первыя времена князья мало вмѣшивались въ дѣла, касающіяся управленія народа; они собирали только *дани* съ своихъ подданныхъ. Да и вообще можно сказать, что въ древности зависимость отъ какой нибудь власти и выражалась только платою пошлинъ и дани. Слова: «*кому дань дасте*», не разъ встрѣчающіяся въ лѣтописи, подтверждаютъ это мнѣніе.

---

[1]) Подъ самоуправствомъ я разумѣю здѣсь и кровную месть.

[2]) Лѣтопись Нестора, по Лавр. списку.

Да и не было времени первымъ князьямъ нашимъ заниматься внутреннимъ управленіемъ: они вели, большею частію, войны съ сосѣдями; съ другой стороны они не знали обычаевъ славянскихъ, по которымъ чинились судъ и расправа. Выраженіе Нестора про Рюрика, что *«онъ раздаяше грады мужемъ»*, нисколько не относится къ управленію; но, какъ думаетъ Эверсъ, эта раздача была ничто иное, какъ награда сподвижникамъ Рюрика. И дѣйствительно, можетъ быть, при другихъ обстоятельствахъ Рюрикъ и ввелъ бы у насъ ленныя отношенія; по крайней мѣрѣ княженіе Полоцкое, въ послѣдствіи образовавшееся какъ независимое, было слѣдствіемъ щедрости первыхъ князей. Далѣе въ лѣтописи встрѣчаемъ: *«и посади посадники своя»* (Олегъ) Но о судебной власти этихъ посадниковъ Олега и другихъ первыхъ князей ничего неизвѣстно. По крайней мѣрѣ до Правды XIII столѣтія въ древнихъ памятникахъ законодательныхъ о нихъ вовсе не упоминается. Въ случаяхъ важныхъ, касавшихся цѣлаго государства, князь, безъ сомнѣнія, принималъ участіе. Такъ, по увѣщанію духовенства, Владиміръ назначилъ смертную казнь разбойникамъ, но это было ничто иное, какъ административная мѣра, которую вскорѣ самъ же и уничтожилъ Владиміръ. Послѣ уже со времени введенія виры, князья, увидавъ свою пользу въ чиненіи суда и расправы, стали принимать дѣятельное въ нихъ участіе.

2. *Судъ и расправа по Русской Правдѣ въ различныхъ ея видахъ*[1])

Разсмотримъ, какія перемѣны произошли въ судѣ и расправѣ съ появленіемъ Русской Правды въ первоначальномъ ея видѣ, *Правды Ярослава* 1020 года.

Начнемъ опять съ частнаго мщенія. По водвореніи христіанской религіи, нравы народа должны были смягчиться. Просвѣщенное духовенство греческое не могло смотрѣть равнодушно на мщеніе, противное духу христіанской вѣры, и вѣроятно внушеніями своими старалось уничтожить его; съ другой стороны верховная власть князя, долженствовавшая, по крайней мѣрѣ въ идеѣ, заключать въ себѣ и судебную власть, видѣла въ мести камень преткновенія на пути въ своемъ развитіи. И вотъ вслѣдствіе этихъ причинъ, частное мщеніе начинаетъ ограничиваться: въ первой статьѣ Русской Правды

[1]) Русскую Правду, по удовлетворительнымъ доказательствамъ Эверса, можно принимать въ видахъ: древнѣйшая Русская Правда Ярослава, дополненія къ Русской Правдѣ и Правда XIII столѣтія. Я такъ и буду ее разсматривать, въ отношеніи къ моему предмету.

позволяется только ближайшимъ родственникамъ мстить за убитаго. Замѣчательно, какъ постепенно ограничиваютъ предѣлы мщенія: сначала мстилъ цѣлый родъ убитаго, потомъ семейство, и наконецъ только ближайшіе родственники, а именно: отецъ мстилъ за сына и на оборотъ; братья родные и двоюродные могли мстить другъ за друга. Но это ограниченіе права мести не должно почитать заимствованнымъ у Германцевъ, какъ думаетъ Куницынъ: оно произошло въ слѣдствіе приведенныхъ нами причинъ. Куницынъ [1]) говоритъ, что у Германцевъ только свободнымъ позволено было мстить, такъ какъ и у насъ въ Правдѣ *мужъ* означаетъ свободнаго человѣка; но все таки изъ этого не слѣдуетъ, что законъ о мщеніи въ Русской Правдѣ заимствованъ у Германцевъ. Мы знаемъ, что и у насъ рабы, также какъ и вездѣ, не имѣли никакого политическаго значенія, потому постановленія преимущественно касаются свободныхъ людей.

Вторая статья Правды Ярослава не менѣе важна для насъ: необходимо было замѣнить чѣмъ нибудь кровное мщеніе; и вотъ вмѣсто мести, ежели не было ближайшихъ родственниковъ, назначено было денежное вознагражденіе. Но кому оно платилось? О князѣ ничего не упоминается: вѣроятно семейству убитаго; такъ думаетъ Эверсъ, да такъ и должно, кажется, думать; это еще не была вира, а только начало ея, важное, потому — что составляетъ побудительную причину для князя вмѣшаться въ дѣла судныя.

Во всѣхъ другихъ случаяхъ, т. е. въ личныхъ обидахъ мщеніе было отмѣнено, вмѣсто его назначено денежное вознагражденіе.

И самоуправство не было еще совсѣмъ уничтожено въ Русской Правдѣ: статья VII позволяетъ дѣтямъ смирить человѣка, обидѣвшаго отца ихъ.

При нарушеніяхъ вещнаго права позволялось, безъ всякаго суда, брать свою вещь, въ случаѣ же запирательства употреблялся *сводъ*. Сводъ есть ничто иное, какъ судъ, предоставленный самому народу: въ самомъ дѣлѣ, кто наблюдалъ за сводомъ, какъ не самъ народъ, въ глазахъ котораго онъ производился?

Судебная дѣятельность народа въ спорахъ объ имуществѣ еще болѣе видна въ учрежденіи суда двѣнадцати [2]). Суду двѣнадцати, по Русской Правдѣ, подлежали: дѣла запутанныя, которыя нельзя было рѣшить самимъ тяжущимся посредствомъ свода. Въ самомъ дѣлѣ, народъ не могъ уже быть безмолвнымъ наблюдателемъ правосудія въ дѣлахъ неясныхъ, но долженъ былъ принять въ нихъ дѣятельное участіе: и вотъ, онъ избираетъ изъ среды себя 12 человѣкъ, ко-

[1]) Историческое изображеніе Древняго Судопроизводства. стр. 1. 2.

[2]) Русск. Правда, въ Древ. Правдѣ Эверса статья XIV.

торые рѣшаютъ дѣло, руководствуясь здравымъ смысломъ и обычаемъ.

Судебная власть князя, съ появленіемъ Русской Правды въ первоначальномъ ея видѣ, безъ сомнѣнія возрасла въ своемъ объемѣ, но какъ объ ней ничего не говорится въ означенномъ памятникѣ, то и мы также не можемъ ничего сказать о ней, а равно и о подчиненныхъ князю чиновникахъ: посадникахъ, намѣстникахъ, и проч., которые вѣроятно существовали; но, занимаясь исключительно защитою ввѣренныхъ имъ областей, а также сборомъ податей, мало вмѣшивались въ дѣла народа.

Гораздо обильнѣе статьями о судебной власти князя слѣдующіе законодательные памятники: Правда, распространенная сыновьями Ярослава, и Русская Правда XIII столѣтія.

Оба эти памятника имѣли рѣшительное вліяніе на ограниченіе самоуправства и усиленіе судебной власти князя. За всѣ личныя оскорбленія положена была плата, которая давалась обиженному по Правдѣ сыновей Ярославовыхъ, что можно заключить изъ словъ: *за обиду*. Только въ крайнихъ случаяхъ позволено было убить вора [1]).

За убійство положена была *вира*, *вирное*, и это вирное получалъ уже князь; если убійца скрывался, то виру платилъ тотъ округъ, въ которомъ совершилось убійство. *«А иже убьютъ огнищанина въ «разбои, или оубійца не ищоутъ: то вирное платити, внейже вири «голова начнетъ лежати»*. Изъ словъ *въ нейже вири*, кажется, можно заключить, что каждая область, въ судебно-уголовномъ отношеніи, была раздѣлена на участки для платежа виры. Такое учрежденіе совершенно соотвѣтствовало тогдашнему состоянію дѣлъ. Месть, хотя и запрещена была закономъ, но народъ, считавшій ее, какъ бы священною обязанностію, не могъ вдругъ оставить этотъ пагубный обычай, и потому убійства не рѣдко могли быть совершаемы, а убійцы скрываться отъ преслѣдованія закона: во избѣжаніе такихъ частыхъ побѣговъ, правительство вынуждено было учредить подобные вирные округи.

Въ Правдѣ XIII ст. *вира*, т. е. плата за убійство, взималась на князя; но является также и *продажа* — это пеня за панесенныя личныя оскорбленія и за нарушеніе вещного права.

И такъ князь дѣлается верховнымъ судьею народа. Усиленію судебной власти князя способствовало много, мнѣ кажется, худое состояніе финансовъ Россіи того времени. Нужды государства умножались; явились новые расходы на духовенство; происходили безпрестанныя войны удѣльныхъ князей между собою и съ сосѣдними народами;

[1]) Древн. Пр. Эверса. Русс. Прав. ст. XX.

сношеніе съ Византійцами не могло не имѣть вліянія на простоту образа жизни нашихъ князей: она вѣроятно не устояла противъ обольстительныхъ приманокъ роскоши. Все это требовало бо̀льшихъ противъ прежняго издержекъ, и потому князья, сначала, можетъ быть, по необходимости, единственно для обузданія частнаго мщенія, замѣнившіе его денежнымъ взысканіемъ, видя потомъ въ такихъ взысканіяхъ свою пользу, поспѣшили распространить вѣдомство судебной своей власти.

Но рождается вопросъ: самъ ли князь непосредственно былъ судьею народа, или поручалъ власть судьи другимъ лицамъ? Отвѣчать на это не трудно: обыкновенно князь не могъ одинъ управляться съ судебными дѣлами, и въ помощь себѣ назначалъ приближенныхъ; но трудно разграничить вѣдомство дѣлъ, опредѣлить, которыя изъ нихъ подлежали рѣшенію князя, и которыя рѣшенію его сановниковъ. Особенныхъ дѣлъ, подлежащихъ рѣшенію князя, мы не видимъ. Вѣроятно, всякій, недовольный рѣшеніемъ судьи, обращался къ князю, а иногда даже и прямо къ нему, чему свидѣтелство находимъ въ Русской Правдѣ: оскорбленные лично приходили прямо на дворъ княжескій, бывшій мѣстомъ суда княжескаго. Туда же приводили на разсвѣтѣ ночнаго татя[1]). Коневые тати выдавались князю головою[2]).

Изъ гражданскихъ дѣлъ, подлежавшихъ рѣшенію князя, Правда упоминаетъ только объ одномъ - о спорѣ братьевъ о наслѣдствѣ[3]). Самъ Князь, однакожъ, не ѣздилъ лично дѣлить ихъ, а посылалъ дѣтскаго[4]).

Но не на одномъ дворѣ своемъ князь судилъ своихъ подданныхъ: онъ ѣздилъ также и по областямъ. Такіе объѣзды княжескіе въ XIII в. назывались *полюдьемъ*. Хотя главною цѣлію полюдьевъ было собраніе даровъ; вмѣстѣ съ тѣмъ однакожъ князья, объѣзжая свои области, чинили судъ и расправу народу[5]).

Забѣлинъ въ статьѣ своей: *Троицкіе выходы* полагаетъ, что объѣзды князей прекратились съ владычествомъ Татаръ[6]), но это несправедливо: извѣстно, что Татары не вмѣшивались во внутреннее управленіе Руси, собирая только дань, и потому вовсе не мѣшали продолжаться объѣздамъ княжескимъ; и дѣйствительно въ позднѣйшихъ грамотахъ мы встрѣчаемъ нерѣдко выраженія: «*и буду опроче*

[1]) Эверса Древ. Русс. Пр. стр. 363.
[2]) Эверса стр. 360.
[3]) Тамъ же стр. 399.
[4]) Тамъ же.
[5]) Ист. Карамзина т. III. стр. 81.
[6]) Чтенія Общ. Ист. и Древн. Рос. 1847. № 5. стр. 24—57.

«Москвы, а ударитъ ми челомъ Москвитинъ на Москвитина, приставa «ми дати.» Слѣд. объѣзды княжескіе вовсе не прекратились со владычествомъ Татаръ. [1])

Перейдемъ къ лицамъ, которыя были помощниками князю при отправленіи правосудія: слѣдовало бы начать съ намѣстниковъ и посадниковъ, но въ Русской Правдѣ даже не упоминается о сихъ чиновникахъ; въ лѣтописяхъ этого времени, хотя и находимъ имена ихъ, но не какъ судей, а какъ областныхъ правителей, а потому мы и умолчимъ о нихъ до времени появленія жалованныхъ и судныхъ грамотъ, т. е. до половины XIV столѣтія, когда судебная власть этихъ чиновниковъ дѣлается опредѣленнѣе; а здѣсь представимъ только чиновниковъ правосудія, упоминаемыхъ въ Русской Правдѣ.

Русская Правда представляетъ намъ слѣдующія судебныя лица, права и власть которыхъ не опредѣлены съ точностію; но мы можемъ сдѣлать о нихъ нѣсколько заключеній.

Первое мѣсто между судьями по Русской Правдѣ занимаетъ *вирникъ*, должность котораго была судить убійцъ и взыскивать съ нихъ виру; суду вирника подлежали также, кромѣ убійства, и тяжкія обиды, побои, раны и другія оскорбленія, потому-что денежное взысканіе за эти преступленія называются также вирою [2]). Кромѣ уголовныхъ дѣлъ вирникъ рѣшалъ, кажется, и различныя тяжбы объ имуществѣ, что̀ видно изъ слѣдующей статьи: *«а се уроци вирніи: отъ виры 9 кунъ, а Метельнику 9 вѣкошь, а отъ бортьной земли 30 кунъ; а онѣхъ всѣхъ тяжь, кому помогутъ по 4 куны а Метельнику 6 вѣкошь»* [3]). Очевидно, что эти пошлины назначены были вирнику, хотя о немъ прямо и не упоминается въ вышеозначенной статьѣ; но въ началѣ оной говорится о вирѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что часть ея шла вирнику; а слѣд. и отъ бортной земли 30 кунъ шло также вирнику; и равнымъ образомъ отъ всѣхъ тяжь, кому помогутъ, по 4 куны бралъ также вирникъ, потому-что въ слѣдъ за нимъ назначается пошлина метельнику; и изъ предъидущихъ статей мы знаемъ, что, когда рѣчь шла о пошлинахъ, передъ метельникомъ упоминался всегда вирникъ.

Въ помощь вирнику придавался всегда *отрокъ*. Онъ упоминается въ статьѣ: *когда кто съ себя свергнетъ виру;* въ этой же статьѣ говорится объ испытаніи желѣзомъ и водою. Вѣроятно, отрокъ былъ главнымъ лицемъ при этомъ образѣ доказательствъ, въ качествѣ наблюдателя за правильностію производства испытаній. Больше

[1]) С. гос. гр. и дог. I. № 33. стр. 56. № 95. стр. 229.
[2]) Русс. Правда. ст. XIII.
[3]) Тамъ же, стр. 375 Эверса.

сего никакого значенія, кажется, нельзя приписать отроку, потому—что онъ былъ низшій служитель правосудія, и пеня за убійство его равнялась пенѣ за убійство низшихъ служителей княжескихъ, какъ то поваровъ, конюховъ и проч. Вирникъ съ отрокомъ объѣзжали волости и чинили судъ и расправу, въ означенныхъ нами дѣлахъ, на мѣстѣ преступленія, и взыскивали виры съ жителей. Кромѣ опредѣленнаго содержанія, состоявшаго изъ естественныхъ произведеній, вирникъ получалъ еще судныя пошлины: отъ каждой виры ему назначалась извѣстная часть. Вѣроятно князь опредѣлялъ его и увольнялъ отъ должности.

За вирникомъ слѣдуетъ *метельникъ*, или правильнѣе, какъ думаетъ Болтинъ, метальникъ. Успенскій [1]) и Максимовичъ [2]) понимаютъ подъ этимъ словомъ чиновника, мѣсто котораго въ послѣдствіи заступилъ дьякъ, потому, говорятъ они, что въ послѣдующихъ памятникахъ, въ Судебникѣ и въ разныхъ грамотахъ, гдѣ назначается пошлина судьѣ, за нимъ же сейчасъ назначается пошлина и дьяку, точно также какъ и въ Русской Правдѣ въ слѣдъ за мѣстомъ, гдѣ говорится о пошлинахъ судныхъ, назначаемыхъ вирнику, назначаются пошлины метальнику.

Но эта аналогія не совсѣмъ справедлива: дьяки лично не собирали судныхъ пошлинъ; при дьякахъ дѣломъ этимъ занимались праветчики; дьяки же исключительно занимались дѣлопроизводствомъ письменнымъ. При метальникѣ же, какъ самое слово показываетъ, кажется, совершались разныя гражданскія сдѣлки и взысканія по обязательствамъ: метальникъ отмѣчалъ, по неупотребленію въ тогдашнее время письменности, на палочкахъ, называемыхъ бирками, различными знаками, и расколовши такую бирку на 2 части, одну изъ нихъ отдавалъ плательщику, а другую бралъ себѣ для памяти; отъ этой то мѣты онъ и получалъ свое названіе, какъ думаютъ Успенскій и Максимовичъ.

Въ Русьой Правдѣ метальникъ потому упоминается непосредственно за вирникомъ, что онъ собиралъ также недоимки вирныя; виру можно разсматривать какъ обязательство князю, а потому сборомъ ея и завѣдывалъ иногда метальникъ.

Труднѣе опредѣлить значеніе *дѣтскаго* или *дѣчскаго*. Максимовичъ приписываетъ ему ту должность, которую, по нашему мнѣнію, занималъ отрокъ, полагаетъ, т. е. что дѣтской производилъ испытаніе желѣзомъ и вообще присутствовалъ при всякомъ испытаніи. Далѣе Максимовичъ говоритъ: «дѣтскіе отправляли разныя должности, при «Князѣ или Бояринѣ были яко адъютанты или ординарцы, для

[1]) Опытъ повѣствованія о Древностяхъ Рускихъ стр. 332.
[2]) Указатель Максимовича. часть I. стр. 372.

«посылокъ, а при судебныхъ мѣстахъ яко приставы или испол-«нители судейскаго приговора». Эверсъ же, переводя статью Русской Правды «о задницѣ,» назвалъ отрока дьякомъ [1]).

Мнѣніе Максимовича, будто главная должность дѣтскаго состояла въ испытаніи, невѣрно: дѣтскимъ нужно приписать гораздо большее значеніе; но что дѣтскіе отправляли разныя должности при князѣ, это ближе къ истинѣ, и должности, слѣдуетъ прибавить, не маловажныя, и даже иногда назначались посадниками въ города; въ доказательство приведемъ одно мѣсто Лаврентьевской лѣтописи, а именно подъ 1176 годомъ тамъ говорится: «сѣдящема Рости-«славичема въ княженьи, земля Ростовская раздаяла бяста по го-«родамъ посадничьство *Руськымъ дѣтьцкимъ;* они же многу тяготу «людемъ симъ створиша продажами и вирами.» И такъ дѣтскіе не были простые приставы, какъ думаетъ Максимовичъ, но самостоятельные чиновники, и именно какъ бы адъютанты князя, которымъ сей послѣдній поручалъ различныя должности и, между прочимъ, рѣшеніе тяжбъ и другихъ судебныхъ дѣлъ [2]).

Отчего дѣтскій получилъ свое названіе, мы не знаемъ. Что же касается до мнѣнія Эверса относительно дѣтскаго, то оно само собою опровергается: въ одномъ мѣстѣ Эверсъ придаетъ дѣтскому значеніе дьяка, въ другомъ же видитъ въ немъ княжескаго отрока; — явное противорѣчіе и смѣшеніе двухъ совершенно различныхъ лицъ [3]).

Теперь слѣдуетъ показать намъ значеніе *тіуновъ* въ судебномъ отношеніи. Тіуны были: *Огнищный, Конюшій, Сельской, Княжескій тіунъ и земледѣльческій тіунъ.* Первые два были значительнѣе прочихъ: за убійство ихъ назначена была полная вира (80 гривенъ). Для насъ въ особенности важенъ *тіунъ Огнищный:* у него въ управленіи и въ подсудности былъ многочисленный свободный классъ — огнищанъ. Тіунъ Конюшій былъ придворный чиновникъ. Прочіе тіуны едва ли имѣли какую нибудь судебную власть въ этомъ періодѣ; по крайней мѣрѣ изъ Русской Правды этого не видно; они избирались изъ рабовъ и управляли сельскими работами.

Максимовичъ упоминаетъ еще о *дворскомъ тіунѣ,* управлявшемъ боярскимъ домомъ [4]). Значеніе тіуновъ начинается въ слѣдующемъ періодѣ времени, т. е. съ половины XIV ст.; тамъ они являются уже облеченными судебною властію, а потому мы подробнѣе будетъ говорить о нихъ въ слѣдующемъ за симъ отдѣлѣ.

[1]) Древ. Прав. Русс. стр. 399.

[2]) Эверса стр. 399. Ст. Р. П. о задницѣ.

[3]) Эверса стр. 399 и 402.

[4]) Максимовича Указат. I. стр. 372.

Наконецъ еще слѣдуетъ упомянуть объ одномъ низшемъ служителѣ правосудія, о *мечникѣ*. Мечники завѣдывали орудіями, употребляемыми для испытанія желѣзомъ, наблюдали за соблюденіемъ тишины и порядка при испытаніяхъ и получали за это часть такъ называемой *пожелѣзной пошлины* [1]).

Здѣсь оканчиваю разсмотрѣніе суда и расправы по Русской Правдѣ въ различныхъ ея видахъ. Время, мною обозрѣнное, можно назвать временемъ *самоуправства* и начинающей развиваться судебной власти князя; результатъ такого развитія выразился въ Русской Правдѣ XIII ст., которую я разсмотрѣлъ въ отношеніи къ моему предмету.

Но, оставляя Русскую Правду, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о томъ, до которыхъ поръ существовали чиновники правосудія, означенные въ Русской Правдѣ. Нельзя окончательно и достовѣрно рѣшить этотъ вопросъ, потому въ особенности, что въ исторіи права нашего находится довольно большой промежутокъ, въ продолженіи котораго, за исключеніемъ Новгородскихъ грамотъ, гдѣ можно найти отрывочныя постановленія о судѣ, не встрѣчается юридическихъ памятниковъ до половины XIV ст.

Въ памятникахъ же съ этого времени уже являются новыя лица на поприщѣ судебной дѣятельности, или старыя получаютъ другое значеніе. И потому о судебномъ управленіи въ Россіи послѣ появленія Русской Правды до половины XIV ст., мы можемъ сказать мало положительнаго, за неимѣніемъ юридическихъ источниковъ. Время это самое трудное для изслѣдованія юридическаго. Государство, разсматриваемое какъ частная собственность владѣтельнаго дома, подвергалось всѣмъ ужасамъ раздора членовъ этого дома, въ особенности, когда дѣло доходило до дѣлежа земель по смерти какого нибудь князя. Это проистекало отъ недостатка положительныхъ правилъ при раздѣленіи государства, какъ частной собственности князей; когда и нынѣ, при всей опредѣленности положительныхъ законовъ о правѣ наслѣдованія, рѣдкіе наслѣдники частной собственности совершаютъ свое дѣло мирно, безъ споровъ, то что же было тогда? Государство разсматривалось какъ частная собственность князей, опредѣлительныя правила наслѣдованія не были сознаваемы; все зависѣло отъ произвола умирающаго владѣльца, а исполненіе воли умершаго отъ уваженія къ нему наслѣдниковъ.

Но владѣя Русью, какъ частною собственностію, князья въ то же время сознавали необходимость придать Руси и нѣкоторыя формы государства. Таковою представляется намъ попытка учрежденія

---

[1]) Максимовича Указ. I. стр. 334.

Старѣйшинства, какъ права на верховное обладаніе всею Русью. Такіе разнородные элементы частнаго и государственнаго права, очень естественно, должны были прійти во враждебное отношеніе между собою. И вотъ источникъ тѣхъ кровавыхъ усобицъ удѣльныхъ князей съ великими и между собою, тайныхъ и явныхъ злодѣяній и всякаго безначалія. Нашъ удѣльный періодъ многіе сравниваютъ съ феодальной системой въ западной Европѣ. Хотя въ сущности своей эти явленія различны между собою, но они произвели одинаковыя слѣдствія, а именно: безначаліе и высшее разстройство государства. Вотъ единственные признаки ихъ сходства. Къ этимъ внутреннимъ раздорамъ присоединились еще внѣшніе враги-Татары, которые впрочемъ, бывъ причиною соединенія удѣловъ, дорого поплатились въ послѣдствіи за свое временное господство. Не мудрено послѣ этого, что намъ-юристамъ не осталось, или очень мало осталось, памятниковъ отъ этого смутнаго времени: можетъ быть, они были, но время или невѣжество истребили ихъ. Да и трудно себѣ представить, чтобы князья того времени занимались внутреннимъ строеніемъ государства. Мечъ былъ постояннымъ спутникомъ ихъ жизни. Послѣ уже, съ половины XIV ст., когда удѣлы, подъ конецъ своего существованія, получили нѣкоторую опредѣленность, когда Татары, требуя дани, побудили князей нашихъ къ лучшему устройству своихъ областей, появляются грамоты: первоначально договорныя великихъ князей съ удѣльными и сихъ послѣднихъ между собою; потомъ жалованныя, судныя и уставныя, и наконецъ систематическое собраніе этихъ грамотъ въ Судебникѣ Іоанна III. Изъ этихъ только грамотъ мы и можемъ вывести что-нибудь положительное объ устройствѣ судебной власти.

Не слѣдуя системѣ, мною принятой, обращаюсь теперь къ судебному устройству въ вольныхъ городахъ нашихъ — Новгородѣ и Псковѣ, потому-что грамоты Новгородскія являются ранѣе прочихъ. Судебное управленіе въ Новгородѣ и Псковѣ было отлично отъ устройства судебной власти въ прочей Руси, а потому я и назначаю особенный отдѣлъ для разсмотрѣнія суда и расправы въ вольныхъ городахъ.

ОТДѢЛЪ II.

1. УСТРОЙСТВО СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ ВЪ НОВГОРОДѢ.

Новгородъ, нося названіе отчины великихъ князей, въ сущности постоянно выдерживалъ, до конца своего существованія, харак-

теръ державы самостоятельной и, что странно, отличной по формѣ своей отъ княжествъ прочей Руси.

Обыкновенно говорятъ, что услуги, оказанныя Новгородцами Ярославу, [1]) были причиною такого преимущества Новгорода предъ другими областями. И дѣйствительно, Новгородцы безпрестанно въ своихъ грамотахъ ссылаются на льготы, дарованныя Ярославомъ; во множествѣ Новгородскихъ грамотъ встрѣчаемъ выраженіе: «*Новгородъ ти держати по старинѣ*». Жаль только, что старина эта не дошла до насъ ни въ какомъ письменномъ актѣ, исключая Русской Правды; но сія послѣдняя была общимъ законоположеніемъ для всей Руси, и не содержитъ въ себѣ никакихъ особенныхъ преимуществъ для Новгорода. Мнѣ кажется, причинъ самостоятельности Новгорода должно искать древнѣе временъ Ярославовыхъ [2]): будучи главами призванія князей варяжскихъ, не пріобрѣли-ли Новгородцы тогда же какихъ нибудь преимуществъ? Можетъ быть, существовалъ какой нибудь договоръ между князьями и Новгородомъ; и въ семъ случаѣ Новгородцамъ легко было взять перевѣсъ надъ чужеземцами, съ малою дружиною пришедшими властвовать. Посему, можетъ быть, очень естественно, что Новгородцы пріобрѣли нѣкоторыя преимущества предъ землями, покоренными самими князьями. Можетъ быть, властолюбивый Олегъ потому и перенесъ свою столицу на югъ Россіи. При этихъ обстоятельствахъ еще слѣдуетъ взять во вниманіе торговлю Новгорода, сдѣлавшую гражданъ его богатыми и сильными: потому имъ легко было во всякое время хранить отношенія къ князю, первоначально установившіяся. Знакомство съ Ганзею могло также породить въ Новгородцахъ мысль о сохраненіи ихъ отношеній. Наконецъ самое мѣстоположеніе Новгорода, окруженнаго еще и нынѣ со всѣхъ сторонъ лѣсами и болотами, и находившагося въ отдаленіи отъ мѣстопребыванія князей, было благопріятнымъ обстоятельствомъ для Новгорода и защищало его отъ нечаяннаго нападенія, въ случаѣ, если бы князь захотѣлъ смирить его силою. Какихъ трудностей стоили походы противъ Новгорода и при Іоаннѣ III? Самое раздробленіе Руси на удѣлы, пришедшей отъ того въ слабость, способствовало политическому усиленію Новгорода. Къ причинамъ усиленія Новгорода, приведеннымъ нами, присоединились, можетъ быть, и услуги, оказанныя Новгородцами Ярославу, который обратилъ фактическое значеніе Новгорода въ законное своими грамотами.

---

[1]) Рейца Опытъ ист. росс. госуд. и гражд. законовъ, стр. 156.

[2]) Ср. Чтенія Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1846. № 1. ст. Соловьева объ отнош. Новгорода къ великимъ князьямъ, стр. 96.

Какъ бы то ни было, только Новгородъ съ половины XIII ст., является самостоятельною державою, и очень можетъ быть, что онъ былъ таковою и ранѣе. Съ этого времени сами князья утверждаютъ формы правленія Новгородскаго въ своихъ грамотахъ. Вслѣдствіе такой самостоятельности Новгорода, устройство судебной власти въ немъ было отлично отъ ея устройства въ другихъ удѣльныхъ княжествахъ.

Органами непосредственнаго выраженія этой власти были *вѣче* и *посадники;* сіи послѣдніе назначаемы были народомъ, для соучастія въ судѣ съ княземъ и сановниками Новгородскими. Посредственно судебная власть выражалась въ судѣ самыхъ чиновниковъ Новгородскихъ, потому-что отъ народа зависѣли ихъ выборъ и отрѣшеніе отъ должности. Но и князю принадлежала судебная власть: она выражалась *въ судѣ княжескомъ, проѣзжемъ* и др. и единственно предоставлена была ему, кажется, для пошлинъ. Мы увидимъ въ послѣдствіи, что судебная власть князей въ древней Руси имѣла характеръ финансовый; такъ было и въ Новгородѣ: финансовою цѣлію мы можемъ объяснить себѣ тѣ дробные участки, на которые раздѣлялись нѣкоторыя волости и города въ Новгородской области, по отношенію къ подсудимости ихъ князю; напр. *«а что «ти княже пошло на Торжку и на Волоцѣ, тіунъ свой держати «на своей части, — и Новгородецъ на своей части»* [1]). Не для удобства же давать судъ назначены были такія мелкія подсудимости; напротивъ каждое управленіе, а равно и судебное, любитъ округленность, сосредоточенность предметовъ, подлежащихъ его дѣйствію, въ одномъ мѣстѣ. Однакожъ князья допускали ограниченія своей судебной власти: такъ князь или его намѣстникъ не могъ судить никого безъ посадника Новгородскаго [2]), князь не могъ судить Новгородца *на низу*, т. е. въ своихъ областяхъ [3]). Въ особенности Новгородцы въ дѣлахъ своихъ съ подданными ихъ князя, если у него былъ свой удѣлъ, уклонялись отъ суда князя или его судей, и это обстоятельство производило неоднократно неудовольствія между княземъ и Новгородомъ, для устраненія коихъ былъ учрежденъ такъ называемый смѣсный судъ [4]); составъ и вѣдомство его мы увидимъ ниже. Кромѣ народа, избранныхъ имъ сановниковъ и князя, участіе въ судной власти въ Новгородѣ принималъ архіепископъ Новгородскій, на основаніи греческаго церковнаго права и вслѣдствіе при-

[1] Др. Росс. Вивл. часть 1. Грамоты Новгородскія N° 1.
[2]) Тамъ же N° 4. 1309 года.
[3]) Тамъ же N° 1. 1263 г. Гр. Новг.
[4]) Акт. Арх. Эксп. т. 1. N° 87.

вилегій, освобождавшихъ духовенство отъ суда свѣтскаго; я буду разсматривать судебную власть архіепископа въ семъ последнемъ отношеніи.

Оканчивая обзоръ судебной власти въ Новгородѣ, слѣдуетъ еще замѣтить, что всѣ суды Новгородскіе были коллегіальнаго устройства, что увидимъ при изложеніи самыхъ судилищъ въ Новгородѣ.

Суды Новгородскіе имѣли слѣдующую, довольно стройную классификацію: во 1-хъ, въ Новгородѣ были суды, общіе для Новгородской области; таковыми были: *вѣче*, *судъ княжій*, *судъ посадничій*, *судъ одринъ*, *судъ архіепископа;* во 2-хъ, въ Новгородѣ были суды особенные, вѣдомство которыхъ опредѣлялось извѣстнымъ родомъ дѣлъ, какъ напр. *судъ смѣсный*, разбиравшій дѣла Новгородцевъ съ подданными великокняжескими, *судъ порубежный*, *судъ таможенный* или *иванской*, *судъ провѣзжій* и наконецъ *судъ тысяцкаго*. Нельзя строго опредѣлить предѣлы вѣдомства всѣхъ этихъ судовъ; въ грамотахъ Новгородскихъ нѣтъ строгаго разграниченія дѣлъ между ними, однакожь постараюсь, сколь возможно, представить характеристику судилищъ Новгородскихъ.

СУДЫ ОБЩІЕ.

а. *Вѣче* [1]).

Не вдаваясь въ подробныя изслѣдованія о вѣчахъ, скажу только, что вѣче въ Новгородѣ было народное собраніе, имѣвшее законодательную, судебную и высшую исполнительную власть. Созывать вѣче имѣли право посадникъ и князь. Такое вѣче можно назвать законнымъ, въ противуположность самовольнымъ, возмутительнымъ собраніямъ, которыя нерѣдко бывали въ Новгородѣ и даже по нѣскольку вдругъ. Мѣстомъ собранія вѣча былъ *Дворъ Ярославовъ* (Ярославово дворище). Успенскій [2]) предполагаетъ, что въ послѣдствіи времени въ Новгородѣ были два вѣча: одно *судебное*, другое *народное*. Неизвѣстно, на чемъ онъ основываетъ такое раздѣленіе, но названія ихъ довольно неопредѣленны; спрашивается: кто же составлялъ судебное вѣче, если не народъ? Оба вѣча, ежели и существовало также раздѣленіе, были народныя.

Право голоса на вѣчѣ имѣли всѣ свободные граждане, начиная съ бояръ именитыхъ до черныхъ или молодшихъ людей.

[1]) Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ С. Соловьева, въ началѣ.

[2]) Успенскаго опытъ повѣствованія о древностяхъ Рускихъ, стр. 297.

Предметы, подлежавшие судебной власти вѣча, были слѣдующіе: 1) всѣ преступленія, извѣстныя въ нашемъ современномъ уголовномъ правѣ подъ именемъ государственныхъ, какъ-то: измѣна гражданъ, соглашеніе съ непріятелями и иностранцами, нарушеніе послами уполномочія при переговорахъ; 2) преступленія по должности: a) нарушеніе должностей высшими чиновниками; b) противузаконное угнетеніе простолюдиновъ вельможами; c) возмущеніе общей тишины и спокойствія [1]). Слѣд. преступленія уголовныя подлежали только суду вѣча. Куницынъ [2]) относитъ еще къ суду вѣча: отступленіе отъ Православной вѣры, ересь и расколъ, и ссылается на Никонову лѣтопись, въ которой подъ 1227 годомъ сказано: «*Вѣче, собравшись на дворѣ Ярослава, осудило на сожженіе «волшебниковъ*». Но преступленія противъ вѣры подлежали суду церковному. Это извѣстно изъ достовѣрнѣйшихъ источниковъ; можетъ быть, волшебники, какъ нарушители общаго спокойствія, подлежали суду вѣча, потому-что съ волшебствомъ у насъ въ древности соединялись, да и нынѣ соединяются въ понятіи простаго народа, многія преступленія, какъ напр. изведеніе людей и проч.; но волшебники, какъ церковные отступники, судились судомъ духовнымъ. Этими свѣдѣніями мы ограничиваемся о вѣчахъ; до насъ не дошли извѣстія касательно формы самыхъ совѣщаній на вѣчахъ славянскихъ, какъ собирались голоса и т. п.

б. *Судъ княжій* [3]).

Новгородцы рано пріобрѣли право самовольнаго избранія князей своихъ; иногда князьями въ Новгородѣ были великіе князья, иногда удѣльные, а иногда даже и такіе, которые не имѣли своихъ собственныхъ удѣловъ. Великіе князья рано начали заботиться объ утвержденіи своей власти въ Новгородѣ, и если не для самихъ себя, то, по крайней мѣрѣ, для сыновей и ближайшихъ родственниковъ искали власти надъ Новгородомъ. Князья, имѣвшіе свои удѣлы, въ особенности великіе князья, и бывъ избраны Новгородцами, не жили сами въ Новгородѣ, а посылали туда намѣстника, иногда, въ качествѣ таковаго, сына или ближайшаго родственника, даже

[1]) Неволина управл. въ Росс. отъ Іоан. III до Петра, стр. 20.
[2]) Историч. изображ. древ. судопроизводства въ Россіи 1843 г. стр. 13.
[3]) Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ С. Соловьева, стр. 3. 27.

малолѣтнаго, но въ такомъ случаѣ давали имъ для совѣта людей опытныхъ, чему нерѣдко примѣры видимъ въ лѣтописи. Князья, не имѣвшіе удѣловъ и избранные Новгородцами, имѣли пребываніе у нихъ. Сообразно съ этими обстоятельствами, судебная власть князя въ Новгородѣ проявлялась различно: или самъ князь отправлялъ ее, или онъ назначалъ намѣстниковъ и тіуновъ, въ областяхъ же Новгородскихъ дѣйствовалъ чрезъ судей проѣзжихъ; но объ этомъ послѣднемъ судѣ я буду говорить ниже. Судебная власть князя въ самомъ Новгородѣ была ограничена участіемъ въ его судѣ посадника [1]); князья могли судить Новгородцевъ только въ самомъ Новгородѣ [2]); въ грамотѣ сказано: *«а на низу ти, княже, «Новгорода не судити»*. Очевидно, здѣсь Новгородцы разумѣли, въ отношеніи къ Новгороду, лежащему выше всѣхъ областей русскихъ, всѣ прочія княжескія. И нынѣ еще всѣ губерніи, лежащія по Волгѣ, называются на сѣверѣ *низовыми губерніями*, *Понизовьемъ*. Князь не могъ принимать жалобы отъ рабовъ на ихъ господина [3]). Князья Новгородскіе судили Новгородъ по старинѣ, т. е. не произвольно, а по Новгородскимъ обычаямъ и законамъ [4]); князья не могли посылать приставовъ изъ своего княженія по Новгородцевъ [5]). Касательно лицъ, подлежавшихъ суду князя, въ договорной грамотѣ Новгорода съ Казиміромъ сказано: *«что князь судилъ какъ боярина, такъ и житьего, такъ и молодшаго, такъ и селянина»*; слѣдовательно всѣ сословія въ Новгородѣ подлежали суду князя. Мѣсто суда княжескаго съ посадникомъ было во владычнемъ дворѣ, на такъ называемомъ въ грамотѣ *пошломъ мѣстѣ*. Что это было за пошлое мѣсто, неизвѣстно. Замѣчательно, что всѣ суды публичные въ Новгородѣ происходили во владычномъ дворѣ: хотѣли ли Новгородцы близкимъ присутствіемъ священной особы архіепископа выразить неподкупность своихъ судовъ, или было это для напоминанія судьямъ ихъ священной обязанности? Но спрашивается, какія же дѣла подлежали рѣшенію князя или его намѣстника. Не составлялъ ли этотъ судъ высшей инстанціи для областныхъ судовъ? Въ грамотахъ Новгородскихъ часто встрѣчается выраженіе: *«А намѣстнику князя и «его тіуну пересудъ свой вѣдати»*; для чего же бы не употребить

---

[1]) Вивл. часть I. Новг. грамоты. N° 4.

[2]) Тамъ же N° 1.

[3]) Тамъ же N° 5. *«А холопъ или роба начнетъ вадити на гос«поду, тому ти вѣры не яти»*.

[4]) Тамъ же N° 5. *«а самосуда не замышляти»*.

[5]) Тамъ же N° 5. *«а приставовъ ти съ низу во всю Новг. волость «не посылати»*.

слова *судъ*, еслибъ подъ этимъ разумѣлось первоначальное рѣшеніе дѣла? Основываясь на словѣ *пересудъ*, мы съ достовѣрностію можемъ заключить, что князь или его намѣстникъ принималъ жалобы на рѣшеніе судей; но здѣсь мы разумѣемъ только рѣшенія судей, подвластныхъ князю, какъ то тіуновъ, проѣзжихъ судей и другихъ, но ни въ какомъ случаѣ пересмотру князя не подлежали рѣшенія судовъ собственно Новгородскихъ, какъ-то: одрина, суда тысяцкаго, а еще менѣе приговоры вѣча, какъ верховнаго судилища. Равнымъ образомъ добровольныя сдѣлки тяжущихся сторонъ, учиненныя между ними при содѣйствіи посредниковъ, не подлежали разсмотрѣнію князя и его судей [1]). «*А ряду въ Новгородской волости тобѣ, княже, и твоимъ судьямъ не посуживати*»: такъ толкуетъ Куницынъ это мѣсто грамоты. Дѣла гражданскія и уголовныя, въ особенности послѣднія, подлежали суду княжескому и въ первой степени суда; вообще трудно опредѣлить вѣдомство суда княжескаго, потому-что, какъ мы замѣтили выше, главною цѣлію судовъ княжескихъ не было утвержденіе правосудія и правильнаго устройства суда въ Новгородѣ, но имѣлась въ виду личная выгода: такъ судъ былъ отдаваемъ въ откупъ на нѣсколько лѣтъ [2]). «*А судъ княже отдалъ Димитрій Бѣжичаномъ и Обонежаномъ, на три лѣта судьи не слати*».

Низшими служителями правосудія въ Новгородѣ при князѣ или его намѣстникѣ были княжескіе подвойскіе [3]); ихъ должность состояла въ призывѣ къ суду и въ разныхъ судебныхъ операціяхъ; а также дворяне *княжескіе* и дворяне *тіунскіе* [4]); впрочемъ кругъ дѣйствія сихъ послѣднихъ ограничивался только областями Новгородскими, въ самомъ Новгородѣ въ судъ призывали подвойскіе.

в. *Судъ посадничій.*

Посадники первоначально опредѣляемы были князьями. Неизвѣстно, когда и по какимъ обстоятельствамъ князья утратили вліяніе на назначеніе этихъ сановниковъ, только въ послѣдствіи посадникъ былъ избираемъ народомъ [5]), вѣроятно, изъ людей высшаго класса,

---

[1]) Вивл. ч. I. N° 4. Новг. грам.

[2]) Вивл. ч. I. N° 2. Новг. гр.; Акт. Эксп. т. I. N° 27. Откупная Обонежская грамота.

[3]) Акты Эксп. т. I. N° 58.

[4]) Вивл. ч. I. N° 4. Новг. грам.

[5]) Опытъ о посадникахъ стр. 39. «Отяша посадничьство у Петрила и даша Ивану Павловицю» и т. д. Соловьева объ отнош. и т. д. стр. 29 и слѣд.

Наконецъ еще слѣдуетъ упомянуть объ одномъ низшемъ служителѣ правосудія, о *мечникѣ*. Мечники завѣдывали орудіями, употребляемыми для испытанія желѣзомъ, наблюдали за соблюденіемъ тишины и порядка при испытаніяхъ и получали за это часть такъ называемой *пожелѣзной пошлины* [1]).

Здѣсь оканчиваю разсмотрѣніе суда и расправы по Русской Правдѣ въ различныхъ ея видахъ. Время, мною обозрѣнное, можно назвать временемъ *самоуправства* и начинающей развиваться судебной власти князя; результатъ такого развитія выразился въ Русской Правдѣ XIII ст., которую я разсмотрѣлъ въ отношеніи къ моему предмету.

Но, оставляя Русскую Правду, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о томъ, до которыхъ поръ существовали чиновники правосудія, означенные въ Русской Правдѣ. Нельзя окончательно и достовѣрно рѣшить этотъ вопросъ, потому въ особенности, что въ исторіи права нашего находится довольно большой промежутокъ, въ продолженіи котораго, за исключеніемъ Новгородскихъ грамотъ, гдѣ можно найти отрывочныя постановленія о судѣ, не встрѣчается юридическихъ памятниковъ до половины XIV ст.

Въ памятникахъ же съ этого времени уже являются новыя лица на поприщѣ судебной дѣятельности, или старыя получаютъ другое значеніе. И потому о судебномъ управленіи въ Россіи послѣ появленія Русской Правды до половины XIV ст., мы можемъ сказать мало положительнаго, за неимѣніемъ юридическихъ источниковъ. Время это самое трудное для изслѣдованія юридическаго. Государство, разсматриваемое какъ частная собственность владѣтельнаго дома, подвергалось всѣмъ ужасамъ раздора членовъ этого дома, въ особенности, когда дѣло доходило до дѣлежа земель по смерти какого нибудь князя. Это проистекало отъ недостатка положительныхъ правилъ при раздѣленіи государства, какъ частной собственности князей; когда и нынѣ, при всей опредѣленности положительныхъ законовъ о правѣ наслѣдованія, рѣдкіе наслѣдники частной собственности совершаютъ свое дѣло мирно, безъ споровъ, то что же было тогда? Государство разсматривалось какъ частная собственность князей, опредѣлительныя правила наслѣдованія не были сознаваемы; все зависѣло отъ произвола умирающаго владѣльца, а исполненіе воли умершаго отъ уваженія къ нему наслѣдниковъ.

Но владѣя Русью, какъ частною собственностію, князья въ то же время сознавали необходимость придать Руси и нѣкоторыя формы государства. Таковою представляется намъ попытка учрежденія

---

[1]) Максимовича Указ. I. стр. 334.

«человѣка, а кто кого къ суду посадитъ, ино тотъ съ тѣмъ и «вѣдается». Мнѣ кажется, что больше нужно вѣрить грамотѣ, чѣмъ Никоновской лѣтописи; во 1-хъ потому уже, что грамота преимущественно юридическій памятникъ; въ 2-хъ слогъ приведеннаго Куницынымъ изъ лѣтописи мѣста не такъ удобопонятенъ и нѣсколько подозрителенъ, потому-что слово *тяжущійся* образовалось гораздо позднѣе времени, о которомъ идетъ рѣчь въ приведенномъ мѣстѣ. Неизвѣстно, какую силу имѣли эти посредники, были ли они только примирителями. или имѣли голосъ рѣшительный. Опредѣлительнаго объ этомъ сказать ничего нельзя.

Суду посадника подлежали, кажется, тѣже иски, которые и княжескому намѣстнику; изъ судной Новг. грам. 1471 г. видно, что посадникъ разбиралъ болѣе дѣла гражданскія, какъ-то: споры о землѣ, о *селѣ*, о займѣ, дѣла о холопствѣ. Споры о межеваніи также подлежали суду посадниковъ. Замѣчательно, что въ этой же грамотѣ назначенъ срокъ посаднику *для* производства дѣлъ; для большей части дѣлъ назначенъ былъ мѣсяцъ. *«А орудье судити «посаднику и тысяцкому и владычню намѣстнику и ихъ судьямъ и «инымъ судьямъ мѣсяцъ».* *Орудье* здѣсь значитъ, кажется, дѣло, препорученіе, по крайней мѣрѣ въ Русской Правдѣ, въ гл. IV. ст. 2. это слово употреблено въ этомъ же значеніи [1]); *для* дѣлъ о землѣ срокъ производства суда былъ два мѣсяца; а если при этомъ потребно *будетъ* межеваніе, осматриваніе земель и проч., то еще прибавлялось два мѣсяца; *«а доле»*, сказано въ грамотѣ, *«не волочить»*. Посадникъ, уѣзжая совсѣмъ съ какого нибудь города, долженъ былъ прежде кончить всѣ начатыя имъ дѣла; въ противномъ случаѣ платилъ князю и Новгороду 50 рублей, кромѣ удовлетворенія истца — сумму очень значительную по тогдашнему времени. Суду посадника подлежали также и уголовныя дѣла: воровство съ поличнымъ, разбой, грабежъ, убійство, подлоги въ монетѣ [2]). Изъ грамотъ видно, что судъ посадника назывался иногда также *Новгородскимъ*; мѣсто его засѣданія былъ дворъ архіепископа.

г. *Судъ одринъ.*

Судная Новгородская грамота 1471 года представляетъ намъ слѣдующее устройство суда одрина: съ каждаго конца города выбирались по боярину, да по житьему для присутствованія въ судѣ

---

[1]) Указатель Максимовича, ч. I. Русс. Правда.
[2]) Акт. Эксп. т. I. № 92. Судн. Новг. грамота.

теръ державы самостоятельной и, что̀ странно, отличной по формѣ своей отъ княжествъ прочей Руси.

Обыкновенно говорятъ, что услуги, оказанныя Новгородцами Ярославу, [1]) были причиною такого преимущества Новгорода предъ другими областями. И дѣйствительно, Новгородцы безпрестанно въ своихъ грамотахъ ссылаются на льготы, дарованныя Ярославомъ; во множествѣ Новгородскихъ грамотъ встрѣчаемъ выраженіе: «*Новгородъ ти держати по старинѣ*». Жаль только, что старина эта не дошла до насъ ни въ какомъ письменномъ актѣ, исключая Русской Правды; но сія послѣдняя была общимъ законоположеніемъ для всей Руси, и не содержитъ въ себѣ никакихъ особенныхъ преимуществъ для Новгорода. Мнѣ кажется, причинъ самостоятельности Новгорода должно искать древнѣе временъ Ярославовыхъ [2]): будучи главами призванія князей варяжскихъ, не пріобрѣли-ли Новгородцы тогда же какихъ нибудь преимуществъ? Можетъ быть, существовалъ какой нибудь договоръ между князьями и Новгородомъ; и въ семъ случаѣ Новгородцамъ легко было взять перевѣсъ надъ чужеземцами, съ малою дружиною пришедшими властвовать. Посему, можетъ быть, очень естественно, что Новгородцы пріобрѣли нѣкоторыя преимущества предъ землями, покоренными самими князьями. Можетъ быть, властолюбивый Олегъ потому и перенесъ свою столицу на югъ Россіи. При этихъ обстоятельствахъ еще слѣдуетъ взять во вниманіе торговлю Новгорода, сдѣлавшую гражданъ его богатыми и сильными: потому имъ легко было во всякое время хранить отношенія къ князю, первоначально установившіяся. Знакомство съ Ганзою могло также породить въ Новгородцахъ мысль о сохраненіи ихъ отношеній. Наконецъ самое мѣстоположеніе Новгорода, окруженнаго еще и нынѣ со всѣхъ сторонъ лѣсами и болотами, и находившагося въ отдаленіи отъ мѣстопребыванія князей, было благопріятнымъ обстоятельствомъ для Новгорода и защищало его отъ нечаяннаго нападенія, въ случаѣ, если бы князь захотѣлъ смирить его силою. Какихъ трудностей стоили походы противъ Новгорода и при Іоаннѣ III? Самое раздробленіе Руси на удѣлы, пришедшей отъ того въ слабость, способствовало политическому усиленію Новгорода. Къ причинамъ усиленія Новгорода, приведеннымъ нами, присоединились, можетъ быть, и услуги, оказанныя Новгородцами Ярославу, который обратилъ фактическое значеніе Новгорода въ законное своими грамотами.

---

[1]) Рейца Опытъ ист. росс. госуд. и гражд. законовъ, стр. 156.

[2]) Ср. Чтенія Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1846. № 1. ст. Соловьева объ отнош. Новгорода къ великимъ князьямъ, стр. 96.

Какъ бы то ни было, только Новгородъ съ половины XIII ст., является самостоятельною державою, и очень можетъ быть, что онъ былъ таковою и ранѣе. Съ этого времени сами князья утверждаютъ формы правленія Новгородскаго въ своихъ грамотахъ. Вслѣдствіе такой самостоятельности Новгорода, устройство судебной власти въ немъ было отлично отъ ея устройства въ другихъ удѣльныхъ княжествахъ.

Органами непосредственнаго выраженія этой власти были *вѣче* и *посадники*; сіи послѣдніе назначаемы были народомъ, для соучастія въ судѣ съ княземъ и сановниками Новгородскими. Посредственно судебная власть выражалась въ судѣ самыхъ чиновниковъ Новгородскихъ, потому-что отъ народа зависѣли ихъ выборъ и отрѣшеніе отъ должности. Но и князю принадлежала судебная власть: она выражалась *въ судѣ княжескомъ, проѣзжемъ* и др. и единственно предоставлена была ему, кажется, для пошлинъ. Мы увидимъ въ послѣдствіи, что судебная власть князей въ древней Руси имѣла характеръ финансовый; такъ было и въ Новгородѣ: финансовою цѣлію мы можемъ объяснить себѣ тѣ дробные участки, на которые раздѣлялись нѣкоторыя волости и города въ Новгородской области, по отношенію къ подсудимости ихъ князю; напр. «*а что «ти княже пошло на Торжку и на Волоцѣ, тивунъ свой держати «на своей части, — и Новгородецъ на своей части*» [1]). Не для удобства же давать судъ назначены были такія мелкія подсудимости; напротивъ каждое управленіе, а равно и судебное, любитъ округленность, сосредоточенность предметовъ, подлежащихъ его дѣйствію, въ одномъ мѣстѣ. Однакожь князья допускали ограниченія своей судебной власти: такъ князь или его намѣстникъ не могъ судить никого безъ посадника Новгородскаго [2]), князь не могъ судить Новгородца *на низу*, т. е. въ своихъ областяхъ [3]). Въ особенности Новгородцы въ дѣлахъ своихъ съ подданными ихъ князя, если у него былъ свой удѣлъ, уклонялись отъ суда князя или его судей, и это обстоятельство производило неоднократно неудовольствія между княземъ и Новгородомъ, для устраненія коихъ былъ учрежденъ такъ называемый смѣсный судъ [4]); составъ и вѣдомство его мы увидимъ ниже. Кромѣ народа, избранныхъ имъ сановниковъ и князя, участіе въ судной власти въ Новгородѣ принималъ архіепископъ Новгородскій, на основаніи греческаго церковнаго права и вслѣдствіе при-

[1] Др. Росс. Вивл. часть 1. Грамоты Новгородскія N° 1.
[2]) Тамъ же N° 4. 1309 года.
[3]) Тамъ же N° 1. 1263 г. Гр. Новг.
[4]) Акт. Арх. Эксп. т. 1. N° 87.

вилегій, освобождавшихъ духовенство отъ суда свѣтскаго; я буду разсматривать судебную власть архіепископа въ семъ послѣднемъ отношеніи.

Оканчивая обзоръ судебной власти въ Новгородѣ, слѣдуетъ еще замѣтить, что всѣ суды Новгородскіе были коллегіальнаго устройства, что увидимъ при изложеніи самыхъ судилищъ въ Новгородѣ.

Суды Новгородскіе имѣли слѣдующую, довольно стройную классификацію: во 1-хъ, въ Новгородѣ были суды, общіе для Новгородской области; таковыми были: *вѣче*, *судъ княжій*, *судъ посадничій*, *судъ одринъ*, *судъ архіепископа*; во 2-хъ, въ Новгородѣ были суды особенные, вѣдомство которыхъ опредѣлялось извѣстнымъ родомъ дѣлъ, какъ напр. *судъ смѣсный*, разбиравшій дѣла Новгородцевъ съ подданными великокняжескими, *судъ порубежный*, *судъ таможенный* или *иванской*, *судъ процажій* и наконецъ *судъ тысяцкаго*. Нельзя строго опредѣлить предѣлы вѣдомства всѣхъ этихъ судовъ; въ грамотахъ Новгородскихъ нѣтъ строгаго разграниченія дѣлъ между ними, однакожъ постараюсь, сколь возможно, представить характеристику судилищъ Новгородскихъ.

СУДЫ ОБЩІЕ.

а. *Вѣче*[1]).

Не вдаваясь въ подробныя изслѣдованія о вѣчахъ, скажу только что вѣче въ Новгородѣ было народное собраніе, имѣвшее законодательную, судебную и высшую исполнительную власть. Созывать вѣче имѣли право посадникъ и князь. Такое вѣче можно назвать законнымъ, въ противуположность самовольнымъ, возмутительнымъ собраніямъ, которыя нерѣдко бывали въ Новгородѣ и даже по нѣскольку вдругъ. Мѣстомъ собранія вѣча былъ *Дворъ Ярославовъ* (Ярославово дворище). Успенскій[2]) предполагаетъ, что въ послѣдствіи времени въ Новгородѣ были два вѣча: одно *судебное*, другое *народное*. Неизвѣстно, на чемъ онъ основываетъ такое раздѣленіе, но названія ихъ довольно неопредѣленны; спрашивается: кто же составлялъ судебное вѣче, если не народъ? Оба вѣча, ежели и существовало также раздѣленіе, были народныя.

Право голоса на вѣчѣ имѣли всѣ свободные граждане, начиная съ бояръ именитыхъ до черныхъ или молодшихъ людей.

[1]) Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ С. Соловьева, въ началѣ.

[2]) Успенскаго опытъ повѣствованія о древностяхъ Рускихъ, стр. 297.

Предметы, подлежавшіе судебной власти вѣча, были слѣдующіе: 1) всѣ преступленія, извѣстныя въ нашемъ современномъ уголовномъ правѣ подъ именемъ государственныхъ, какъ-то: измѣна граждан, соглашеніе съ непріятелями и иностранцами, нарушеніе послами уполномочія при переговорахъ; 2) преступленія по должности: а) нарушеніе должностей высшими чиновниками; b) противузаконное угнетеніе простолюдиновъ вельможами; c) возмущеніе общей тишины и спокойствія [1]). Слѣд. преступленія уголовныя подлежали только суду вѣча. Куницынъ [2]) относитъ еще къ суду вѣча: отступленіе отъ Православной вѣры, ересь и расколъ, и ссылается на Никонову лѣтопись, въ которой подъ 1227 годомъ сказано: «*Вѣче, собравшись на дворъ Ярослава, осудило на сожженіе «волшебниковъ*». Но преступленія противъ вѣры подлежали суду церковному. Это извѣстно изъ достовѣрнѣйшихъ источниковъ; можетъ быть, волшебники, какъ нарушители общаго спокойствія, подлежали суду вѣча, потому-что съ волшебствомъ у насъ въ древности соединялись, да и нынѣ соединяются въ понятіи простаго народа, многія преступленія, какъ напр. изведеніе людей и проч.; но волшебники, какъ церковные отступники, судились судомъ духовнымъ. Этими свѣдѣніями мы ограничиваемся о вѣчахъ; до насъ не дошли извѣстія касательно формы самыхъ совѣщаній на вѣчахъ славянскихъ, какъ собирались голоса и т. п.

б. *Судъ княжій* [3]).

Новгородцы рано пріобрѣли право самовольнаго избранія князей своихъ; иногда князьями въ Новгородѣ были великіе князья, иногда удѣльные, а иногда даже и такіе, которые не имѣли своихъ собственныхъ удѣловъ. Великіе князья рано начали заботиться объ утвержденіи своей власти въ Новгородѣ, и если не для самихъ себя, то, по крайней мѣрѣ, для сыновей и ближайшихъ родственниковъ искали власти надъ Новгородомъ. Князья, имѣвшіе свои удѣлы, въ особенности великіе князья, и бывъ избраны Новгородцами, не жили сами въ Новгородѣ, а посылали туда намѣстника, иногда, въ качествѣ таковаго, сына или ближайшаго родственника, даже

---

[1]) Неволина управл. въ Росс. отъ Іоан. III до Петра, стр. 20.
[2]) Историч. изображ. древ. судопроизводства въ Россіи 1843 г. стр. 13.
[3]) Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ С. Соловьева, стр. 3. 27.

Кромѣ сего судилища, архіепископъ Новгородскій имѣлъ цѣлый штатъ чиновниковъ, большею частію сходныхъ съ чиновниками княжескими: такъ у него были для областнаго управленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для суда, намѣстники, архіепископскіе бояре, дьяки, даньщики, завѣдывавшіе судомъ и расправой жителей извѣстныхъ слободъ или мѣстъ, отправлявшихъ для архіепископа какую нибудь повинность. Волостели и посельскіе [1]) давали судъ въ разныхъ волостяхъ и селахъ архіепископа. Были также и низшіе служители правосудія: *приставы, зазывщики, доводчики, заѣздчики* [2]). Должность первыхъ двухъ состояла въ призывѣ къ суду тяжущихся; доводчики давали на поруки лицъ, обязанныхъ въ срокъ быть на судѣ; заѣздчики исправляли разныя порученія.

Въ дѣлахъ, общихъ между духовными и мірскими лицами, судьями были намѣстникъ архіепископа и князь или его намѣстникъ съ посадникомъ Новгородскимъ [3]). Таковой судъ назывался *смѣснымъ* и составлялъ высшую инстанцію, въ отношеніи къ низшимъ смѣснымъ судамъ, судьями въ которыхъ были въ дѣлахъ, общихъ между крестьянами духовнаго вѣдомства и свѣтскими, — волостели и прикащики духовныхъ властей съ волостелями и прикащиками свѣтскими.

Исполненіе приговоровъ церковнаго суда поручаемо было свѣтской исполнительной власти [4]).

СУДЫ ОСОБЕННЫЕ.

а. *Судъ тысяцкаго.*

Главная должность тысяцкаго была собственно военная. Онъ предводительствовалъ войскомъ Новгородскимъ [5]). Неизвѣстно, почему тысяцкій попалъ въ число судей, но въ грамотѣ Новгородской 1471 г. сказано: «*а Тысяцкому судить свой судъ*». Что разумѣлось подъ словами: «*свой судъ*», опредѣлить довольно трудно. Только по аналогіи можно, по крайней мѣрѣ приблизительно, означить вѣдомство суда тысяцкаго. Выраженіе, встрѣчающееся въ грамотѣ,

---

[1]) Акты Эксп. часть I. № 92.
[2]) Акт. Эксп. т. I. № 103. Запись Новгородская о церковныхъ судѣ.
[3]) Тамъ же.
[4]) Ист. Карамзина, т. IV. прим. 324.
[5]) Указ. Максим. т. I. стр. 373.

данной церкви св. Предтечи [1]), *«отъ черныхъ тысяцкаю»*, заставляетъ насъ думать, что подъ непосредственнымъ покровительствомъ тысяцкаго былъ простой, но свободный народъ. Самое названіе тысяцкаго заставляетъ думать, что онъ завѣдывалъ въ совокупности сотнями, на которыя раздѣлялся тогда народъ. На сотни раздѣлялись также и купцы, потому-что часто встрѣчается выраженіе: *«а что купець пойдетъ въ свое сто»*. Слѣд. тысяцкій завѣдывалъ купцами и черными или молодшими людьми, и, вѣроятно, былъ главнымъ ихъ и судьею. Въ судѣ его, также какъ и въ судѣ посадника, участвовали избираемые тяжущимися сторонами, съ каждой по одному человѣку [2]). Тысяцкій могъ имѣть своихъ подчиненныхъ судей [3]) и дьяка. Что касается до дѣлъ, подлежавшихъ суду тысяцкаго, то они были тѣ же самыя, какія вошли въ составъ дѣлъ, рѣшаемыхъ въ судѣ посадника.

6. *Судъ смѣсный.*

Онъ учрежденъ былъ для рѣшенія дѣлъ, возникавшихъ между Новгородцами и подданными великаго князя. До 1471 года мѣсто суда по такимъ общимъ дѣламъ опредѣлялось мѣстомъ жительства отвѣтчика. Такъ въ договорной грамотѣ 1425 г. между Новгородомъ и в. к. Борисомъ Александровичемъ Тверскимъ мы читаемъ: *«а «имуть чего искати на Новгородцѣхъ или на Новоторжцѣхъ судъ, и Новгородцѣмъ въ Новгородѣ, а съ Новоторжцѣмъ въ Торжку; или чего имутъ «искати Новгородци или Новоторжци на Тверитинѣ, судъ имъ въ Твери»*.

По дѣламъ уголовнымъ судъ производился тамъ, гдѣ совершилось преступленіе, ибо въ той же грамотѣ находится: *«а привведутъ Тверитина съ поличнымъ къ Новгородскому посаднику или «къ Новоторжскому, судити его по крестному цѣлованію»*. Великіе князья не довольствовались этимъ, и, распространяя всюду судебную власть свою, желали и въ Новгородѣ распространенія суда княжескаго. Но съ другой стороны Новгородцы всячески старались сохранить коренное правило свое относительно суда гражданскаго, что Новгородецъ судится только въ Новгородѣ: отъ этого происходили неоднократно распри между великими князьями и Новгородомъ, бывшія нерѣдко причиною войнъ. Наконецъ въ 1471 г. Іоаннъ вынудилъ у Новгородцевъ сіе право, если не совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ въ половину. Дѣла, возникавшія между Новго-

---

[1]) Русскія Достопамятности, ч. I. стр. 78.

[2]) Суд. Нов. гр. 1471 г.

[3]) Тамъ же.

родцами и подданными великаго князя, постановлено было судить следующимъ образомъ [1]): избраны были два боярина, одинъ отъ Новгорода, другой отъ Великаго Князя, и имъ поручено было судить «*князей великихъ человѣка*» съ Новгородцемъ на Городищѣ. Въ случаѣ разногласія или невозможности рѣшить какое нибудь дѣло, избранные судьи должны были представлять оное на разсмотрѣніе В. Князя или сына его или брата, смотря потому, кто будетъ тогда въ Новгородѣ; такимъ образомъ Великій Князь, его сынъ или братъ рѣшали оное окончательно, вмѣстѣ съ посадникомъ Новгородскимъ. Таково было устройство смѣснаго суда. Относительно дѣлъ, подлежавшихъ рѣшенію смѣснаго суда, должно сказать, что предметами вѣдомства его были гражданскіе иски и тяжбы между Новгородцами и велико-княжескими людьми, а равно и уголовныя дѣла по преступленіямъ, учиненнымъ Новгородцами совокупно съ людьми в. князя. Въ грамотѣ упоминаются еще розыски о найденныхъ мертвыхъ тѣлахъ и о грабежѣ [2]).

в. *Порубежный судъ.*

Порубежный судъ представляетъ большое сходство съ судомъ смѣснымъ, какъ по составу своему, такъ и по цѣли, которая, главнымъ образомъ, состояла въ слѣдующемъ: прекращать драки и споры, нерѣдко возникающіе между жителями на границахъ удѣловъ. Кромѣ того, обязанностію порубежнаго суда было розыскивать уголовныхъ преступниковъ, обыкновенно спасавшихся бѣгствомъ въ сосѣднее княжество. Слѣд. порубежный судъ имѣлъ еще значеніе полицейское. Въ первый разъ о немъ упоминается въ договорной грамотѣ кн. Георгія съ в. к. Тверскимъ Михаиломъ Ярославичемъ и съ Новгородцами 1318 г. [3]). Но тамъ находятся только слова: «*а обидному на рубежи судъ*»; о составѣ же его ничего не сказано. За то другая грамота Новгородская [4]), 1425 г., показываетъ намъ, что порубежный судъ состоялъ изъ двухъ бояръ — Новгородскаго и Тверскаго, кои обязаны были чрезъ годъ съѣзжаться на рубежѣ, отдѣляющемъ Новгородскую область отъ в. княжества Тверскаго, для суда и расправы пограничныхъ жителей. Главнымъ предметомъ порубежнаго суда были дѣла уголовныя, и, какъ я уже замѣтилъ, розысканіе преступниковъ и рабовъ, пере-

---

[1]) Вивл. часть I. N° 17.
[2]) Тамъ же.
[3]) Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ, часть I. N° 14.
[4]) Вивл. часть I. N° 15.

бѣжавшихъ чрезъ рубежъ Новгородской области въ Тверскую и на оборотъ. Вѣроятно и дѣла гражданскія, возникавшія между жителями пограничными, рѣшались въ порубежномъ судѣ, въ особенности, я думаю, споръ о земляхъ пограничныхъ подлежалъ его рѣшенію. Очень естественно, что споры о земляхъ часто возникали между пограничными жителями: строгаго разграниченія между землями того и другаго княжества не могло существовать въ тогдашнее время, и кому, какъ не порубежному суду, находившемуся въ мѣстностяхъ, о которыхъ происходилъ споръ, удобнѣе всего было рѣшать оный?

г. *Судъ таможенный или Иванской.*

Иностранные купцы, пріѣзжая не рѣдко въ Новгородъ по дѣламъ торговымъ, и даже живя въ немъ, нуждались въ судилищѣ для рѣшенія споровъ, возникавшихъ у нихъ, какъ между собою, такъ и съ Новгородцами. Съ этою цѣлью учрежденъ былъ въ Новгородѣ при церкви св. Іоанна Предтечи судъ, который отъ того и получилъ свое названіе. Онъ преимущественно рѣшалъ споры по дѣламъ торговымъ, возникавшіе между иностранными гостями, какъ между собою, такъ и съ Новгородцами. Кромѣ иностранныхъ гостей Иванскому суду въ Новгородѣ подлежала еще особенная гильдія купцовъ, платившая подати для содержанія церкви св. Іоанна Предтечи. Гильдія эта получила названіе *купечества Иванскою* и составляла самый почетный классъ купцовъ, исключительно, кажется, занимавшійся иностранною торговлею.

Таможенный или *Иванской судъ* состоялъ изъ трехъ старостъ, избираемыхъ изъ именитыхъ гражданъ, изъ двухъ старостъ изъ купцовъ и одного тысяцкаго изъ простаго народа [1]). Но когда въ судѣ этомъ рѣшались дѣла иностранныхъ гостей съ Россіянами, тогда въ ономъ присутствовалъ князь и староста нѣмецкій, голландскій, смотря потому къ какой націи принадлежалъ подсудимый гость [2]). Кромѣ сихъ дѣлъ суду таможенному подлежали также всѣ дѣла торговыя какъ Новгородцевъ, такъ и иностранныхъ гостей.

д. *Проѣзжій судъ.*

Учрежденіе проѣзжаго суда въ Новгородѣ ведетъ свое начало съ давнихъ временъ [3]). Мы видѣли, что князья, для чиненія суда

[1]) Историч. изображ. древн. судопр. въ Россіи, стр. 61.

[2]) Исторія Карамзина, т. III. стр. 215 (изд. 2). Ср. Троцины Судоустр. стр. 20.

[3]) Ср. статью Неволина въ Фин. Вѣстникѣ 1848 г. о значеніи слова гира.

и расправы, а главнымъ образомъ для собранія дани и даровъ, имѣли обыкновеніе объѣзжать свои области. Въ Новгородѣ также было предоставлено князю право объѣздовъ, съ нѣкоторыми только ограниченіями, вызванными самостоятельнымъ характеромъ Новгорода. Право князя объѣзжать области Новгородскія извѣстно было подъ именемъ *проѣзжаго суда*. Главная цѣль проѣзжаго суда состояла въ томъ, чтобы доставить князю нѣкоторыя выгоды, въ чемъ легко можно убѣдиться, если разсмотрѣть ближе учрежденіе проѣзжаго суда: такъ напр. предоставлено было право нѣкоторымъ землямъ въ Новгородской области отъ него [1]) откупаться. Если имѣть въ виду одну только цѣль юстиціи въ проѣзжемъ судѣ, то откупы судебные покажутся довольно странными и непонятными. Самое постановленіе, по которому князь имѣлъ право посылать судей своихъ въ нѣкоторыя области только чрезъ 2 года въ третій [2]), представляется намъ какъ финансовая льгота. При такомъ значеніи проѣзжаго суда нѣтъ нужды предполагать, какъ дѣлаетъ Куницынъ, что учрежденіе сіе заимствовано у Франковъ, и думать, что проѣзжіе судьи князя суть одно и то же что *missi dominici* временъ Карла Великаго. Учрежденія сего государя, имѣющія предметомъ отправленіе правосудія, не представляютъ никакой другой цѣли кромѣ строгой юстиціи, и missi dominici посылаемы были съ единственною цѣлію — имѣть надзоръ надъ графами (comites), областными правителями и судьями, и принимать на несправедливые приговоры графовъ жалобы отъ мѣстныхъ жителей. Вообще Куницынъ чрезвычайно охотно допускаетъ заимствованія: нѣтъ учрежденія у Славянъ, которое не было бы заимствовано, по его мнѣнію или у Норманновъ или у Датчанъ, или у Франковъ, или даже у Англо-Саксовъ. Неужели ни одно учрежденіе у предковъ нашихъ не могло возникнуть само по себѣ, на ихъ почвѣ, по законамъ общечеловѣческаго развитія, свойственнымъ всѣмъ народамъ? Тѣмъ болѣе мы можемъ предполагать противное мнѣнію Куницына, что Славяне жили, большею частію, постоянно на своихъ мѣстностяхъ, и скитальческая толпа, приходя къ нимъ со своими обычаями, не могла дѣйствовать на огромную массу населенія славянскаго, а напротивъ сама смѣшивалась съ Славянами и изчезала какъ капля въ морѣ. Но обратимся къ суду проѣзжему: мы видѣли, что онъ ограниченъ былъ въ Новгородѣ: князья могли осуществлять

---

[1]) Вивл. часть I. грам. Новг. N° 2. «А судъ княже отдалъ Ди«митрій Бѣжичаномъ и Обонижаномъ, на три лѣта судьѣ не «слати».

[2]) Тамъ же.

право проѣзжаго суда только въ нѣкоторыхъ областяхъ Новгородскихъ, и то не каждый годъ: такъ въ Русу и Ладогу они ѣздили въ третью зиму [1]). Да и вообще, кажется, во всѣ области Новгородскія сами князья лично могли пріѣзжать только чрезъ два года въ третій [2]). Кромѣ личнаго объѣзда, по праву проѣзжаго суда, князья могли посылать въ области Новгородскія судей своихъ, которые назывались различно: *дворянами* [3]), *тіунами* и *судьями* [4]). Право посылать проѣзжихъ судей было обширнѣе: въ нѣкоторыя области Новгородскія князья имѣли право посылать проѣзжихъ судей ежегодно, напр. въ Волоцкую область [5]). Время проѣзда судей княжескихъ было обыкновенно предъ Петровымъ днемъ [6]) или послѣ него [7]). Право проѣзжаго суда было ограничено и тѣмъ еще, что суду сему подлежали лица, постоянно живущія въ волости; пріѣзжающія же на время въ оную, какъ напр. купцы и проч., были освобождены отъ проѣзжаго суда [8]). Несвободныхъ проѣзжіе суды должны были судить въ присутствіи господъ [9]). Судъ проѣзжій долженъ былъ производиться непремѣнно въ чертѣ Новгородской области; въ область князя никакъ не позволено было переводить судъ [10]). Самый путь судей проѣзжихъ опредѣленъ былъ въ грамотахъ: проѣзжіе судьи должны были первоначально пріѣхать въ Новгородъ и потомъ уже отправиться въ области и обратно также должны были первоначально заѣхать въ Новгородъ. Что вызвало это постановленіе, неизвѣстно.

Что касается до рода дѣлъ, подлежавшихъ рѣшенію проѣзжихъ судей, то утвердительно сказать объ этомъ предметѣ ничего нельзя; извѣстно только, что дѣла уголовныя рѣшались проѣзжими судьями, потому-что собираніе виръ принадлежало князю [11]). Участвовали ли въ судѣ проѣзжемъ посредники или приставы отъ народа,

---

[1]) Вивл. ч. I. Нов. грам. N° 3.

[2]) Тамъ же N° 17. «*А крюкъ в. княземъ по старинѣ на третій годъ*».

[3]) Вивл. часть I. Новг. грам. N° 4.

[4]) Тамъ же.

[5]) Тамъ же N° 17. «*а въ Волоцкую землю княземъ великимъ ежегодовъ по старинѣ*».

[6]) Тамъ же.

[7]) Тамъ же N° 7.

[8]) Тамъ же.

[9]) Тамъ же N° 5.

[10]) Тамъ же.

[11]) Тамъ же часть I. N° 17. Новгор. грамоты.

неизвѣстно; въ грамотахъ не упоминается объ этомъ. Но по характеру всѣхъ судовъ Новгородскихъ можно думать, что такіе посредники были и въ судѣ проѣзжемъ.

2. СУДЕБНОЕ УПРАВЛЕНІЕ ВЪ ОБЛАСТЯХЪ НОВГОРОДСКИХЪ.

Судебное управленіе въ областяхъ Новгородскихъ было различно: въ иныя области назначались посадники [1]; были области, въ которыхъ судъ и расправу чинили посадники и тіуны, какъ княжескіе, такъ и Новгородскіе [2]; нерѣдко цѣлыя области отдавались въ кормленіе князьямъ и боярамъ, которые въ этихъ областяхъ были главными судьями, и имѣли своихъ подчиненныхъ судей [3]) (*«князь великій Андрей и весь Новгородъ дали Ѳедору Михайловичу «городъ стольный и онъ ѣстъ хлѣбъ»* и проч.; или въ другомъ мѣстѣ: *«а Бориса Константиновича кормилъ Новгородъ кормою»);* наконецъ нѣкоторыя области покупали себѣ право независимаго самостоятельнаго суда [4]). Опредѣленіе посадниковъ, равно какъ и раздача областей и откупной судъ зависѣли отъ князя и отъ Новгорода; при этомъ соблюдались слѣдующія правила: посадниковъ должно было избрать изъ Новгородцевъ, а не изъ княжескихъ подданныхъ [5]) («что волости всѣхъ Новгородскихъ, того ти княже «не держати своими мужи, держати мужи Новгородскими»). Хотя бывали исключенія изъ этого правила, но очень рѣдко; если и удавалось иногда князьямъ опредѣлить въ какую-нибудь область Новгородскую своего намѣстника, то Новгородцы, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, достигали отмѣны такихъ распоряженій в. князя. Въ договорѣ в. к. Михаила Александровича Тверскаго съ Новгородомъ 1360 г. видимъ тому примѣръ: *«и князю Михаилу свои намѣстники въ «Торжку и со всихъ волости съ Новгородскихъ свести».* Князь не могъ произвольно смѣнить посадника или другого какого нибудь правителя областнаго *(«а безъ вины ти волости мужа не лишати»),* и на оборотъ сами Новгородцы не могли лишить кого-нибудь должности безъ согласія князя; но это соблюдалось рѣдко: фактически

[1]) Вивл. часть I. грам. Новг. N° 15.
[2]) Тамъ же N° 3.
[3]) Тамъ же N° 8.
[4]) Тамъ же N° 2.
[5]) Тамъ же.

Новгородцы смѣняли правителей областныхъ. Отдача областей въ кормленіе и въ откупъ зависѣла также отъ князя вмѣстѣ съ посадникомъ [1]). Относительно отдачи въ откупъ слѣдуетъ замѣтить, что князю позволено было отдавать волости въ откупное содержаніе только Новгородцамъ [2]); собственные подданные его не пользовались правомъ откупа.

Что касается до правъ и обязанностей областныхъ судебныхъ лицъ, то изъ нихъ, вѣроятно, большее значеніе предъ прочими имѣли областные посадники: они могли даже приводить смертные приговоры свои въ исполненіе [3])

Предметы вѣдомства судебнаго областныхъ посадниковъ были такіе же какъ и посадниковъ Новгородскихъ, только въ гораздо меньшемъ объемѣ. Присутствовали ли на судѣ ихъ выборные отъ народа, неизвѣстно; но можно съ достовѣрностію полагать, что присутствовали. Посадники имѣли подъ властію тіуновъ и другихъ чиновниковъ правосудія.

Что касается до тіуновъ княжескихъ, то они были, кажется, только въ двухъ областяхъ Новгородскихъ: въ *Торжкѣ* и въ *Волокѣ* [4]). Но и здѣсь пространство ихъ судебнаго вѣдомства ограничивалось тіунами Новгородскими; такъ что области сіи раздѣлялись каждая на 2 части: одною завѣдывалъ тіунъ княжескій, другою Новгородскій [5]). Очевидно, что тіуны дѣйствовали отдѣльно и независимо другъ отъ друга. Кто присутствовалъ на судѣ ихъ, неизвѣстно, а равнымъ образомъ и дѣла, подлежавшія суду тіуновъ, опредѣлить трудно.

Кромѣ сихъ высшихъ чиновниковъ, упоминаются еще въ грамотахъ сотскіе и старосты, но они не имѣли судебной власти, а избирались для ближайшаго управленія народомъ; можетъ быть, занимались раскладкою и сборомъ податей и прочими дѣлами по части финансовой администраціи.

Вотъ все, что можно сказать о лицахъ, завѣдывавшихъ судебною частію въ областяхъ Новгородскихъ.

Представленное мною устройство судебной власти въ Новгородѣ продолжалось до 1478 г.: въ этомъ году политика Іоанна III со-

---

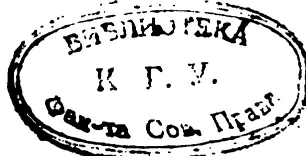
[1]) Вивл. часть I. Новгор. грамоты N° 8.

[2]) Тамъ же N° 7.

[3]) Договоръ Новгородцевъ съ Ганзою. (Приб. II. у Куницына).

[4]) Вивл. часть I. Новг. грам. N° 3.

[5]) Тамъ же N° 4. *«а что ти княже пошло на Торжку и на «Волоцѣ, тіунъ свой держати на своей части, а Новгородцы на «своей части».*



крушила древнее общественное устройство Новгорода, а вмѣстѣ съ нею уничтожились и всѣ формы суда Новгородскаго, представляющаго намъ странную, но довольно стройную смѣсь разнородныхъ началъ. Преимущества, дарованныя Іоанномъ Новгороду, какъ бы изъ милости, состояли въ томъ, что Новгородцамъ позволено было выбрать отъ улицъ Новгородскихъ 48 цѣловальниковъ, какъ бы присяжныхъ: четверо изъ нихъ каждый мѣсяцъ судили вмѣстѣ съ княжескимъ тіуномъ [1]); а также старостѣ купеческому позволено было судить вмѣстѣ съ намѣстникомъ [2]).

Взглянемъ теперь на судебное управленіе Пскова, который, хотя не въ такой мѣрѣ какъ Новгородъ, но все-таки представляетъ намъ нѣчто отличное отъ организаціи судебной власти въ прочихъ княжествахъ древней Руси.

3. ВЗГЛЯДЪ НА СУДЕБНОЕ УПРАВЛЕНІЕ ПСКОВА.

Псковъ до 1348 года, находясь въ зависимости отъ Новгорода, составлялъ его провинцію и назывался стольнымъ городомъ [3]). Зависимость эта выражалась въ томъ, что Новгородъ назначалъ своихъ посадниковъ въ Псковъ, и еще въ томъ, что по дѣламъ духовнымъ Псковитяне требовались на судъ къ святой Софіи. Въ 1348 г. Псковъ, подъ именемъ *младшаго брата* Новгорода, сдѣлался независимымъ городомъ, съ народными формами правленія. Независимость Пскова утвердилъ слѣдующій актъ, находящійся въ Псковской лѣтописи: «*одна любовь и вѣра да утвердятъ искренній, вѣч*«*ный союзъ между нами* (Новгородомъ и Псковомъ), *не будемъ да*«*вать вамъ посадниковъ, не будемъ требовать васъ къ святой Софіи;* «*правьте и рядите сами; а для суда церковнаго архіепископъ из*«*беретъ намѣстника изъ вашихъ гражданъ*».

Судебное устройство въ Псковѣ нельзя съ точностію опредѣлить: занимаясь разсмотрѣніемъ суда въ Новгородѣ, мы имѣли предъ собою множество грамотъ; напротивъ Псковъ не представляетъ намъ этого удобства. Я имѣлъ въ виду только одну судную грамоту Псковскую; но и касательно этой встрѣчается недоразумѣніе: не-

[1]) Значеніе цѣловальниковъ еще до сихъ поръ не объяснено достаточно въ исторіи судоустройства. Удовлетворительнѣе прочихъ мнѣніе Кавелина объ этомъ предметѣ. Я о значеніи цѣловальниковъ буду говорить въ устройствѣ судовъ Іоанна IV, который ввелъ цѣловальниковъ по-всюду.

[2]) Ист. Карамз. часть VII. примѣч. 362.

[3]) Вивл. часть I. Новгород. грамоты № 8.

извѣстно, къ которому году относится она. Время появленія Псковской судной грамоты обыкновенно полагаютъ отъ 1462 — 1477 г.; *Мурзакевичъ* [1]) относитъ ее къ 1467 году; и такъ она явилась уже почти подъ конецъ стараго порядка вещей въ Псковѣ.

Но получивъ свою самостоятельность отъ Новгорода, Псковъ, вѣроятно, и устройство судебной власти заимствовалъ отъ Новгорода. Тѣмъ болѣе мы въ правѣ допустить это предположеніе, что причина благосостоянія Новгорода и Пскова была одинаковая — торговля. И потому, стремясь къ одной цѣли съ Новгородцами, Псковичи, очень естественно, и средства къ достиженію ея могли выбрать одинаковыя съ Новгородомъ.

Главными органами судебной власти въ Псковѣ были вѣче, князь и сановники, избираемые или вѣчемъ или княземъ. Разсмотримъ каждый изъ этихъ органовъ порознь.

Имѣя въ виду Новгородское вѣче, о Псковскомъ мы можемъ сказать тоже, что Неволинъ [2]), а именно что кромѣ общихъ дѣлъ по законодательной и высшей исполнительной власти, вѣче Псковское «могло, если почитало нужнымъ, производить судъ по дѣламъ граж«данскимъ и уголовнымъ, и наказывать преступниковъ».

Но главнымъ предметомъ вѣча по части судебной были преступленія по должности. Опредѣляя чиновниковъ и свергая ихъ, вѣче, по самой необходимости, должно было и судить ихъ. Примѣры такого суда, по крайней мѣрѣ фактическаго, мы видимъ въ Псковской лѣтописи. О судебныхъ дѣйствіяхъ Псковского вѣча сказать болѣе нечего.

Второй высшій органъ судебной власти въ Псковѣ былъ князь. Какъ и Новгородцы, Псковитяне также пользовались правомъ избранія князя; но въ выборѣ своемъ они были гораздо постояннѣе Новгородцевъ, и титулъ князя, большею частію, предлагали Московскимъ великимъ князьямъ, или выбраннаго князя представляли на утвержденіе в. князя Московскаго. Вслѣдствіе такого устройства, у Псковитянъ рѣдко встрѣчались князья въ собственномъ смыслѣ этого слова, а были, большею частію, намѣстники, назначаемые в. к. Московскимъ. Конечно были и исключенія изъ этого правила, и намъ извѣстно, какъ мужественно стояли Псковитяне за князя своего Александра. Но обратимся къ судебной власти князя или намѣстника Псковского. Также какъ и въ Новгородѣ судебная власть князя въ Псковѣ была ограничена, и, по всей вѣроятности,

---

[1]) Псковская судная грамота. Одесса, 1847 года.

[2]) Управленіе въ Россіи отъ Іоанна III до Петра В. Ж. М. Н. Просв., стр. 23.

князь могъ осуществить свое право суда въ самомъ Псковѣ только вмѣстѣ съ посадникомъ. Мы заключаемъ это потому, что въ судной Псковской грамотѣ князь и посадникъ всегда упоминаются вмѣстѣ: говоря о дѣйствіяхъ князя, грамота въ то же время упоминаетъ и о дѣйствіяхъ посадника. Даже судебныя пошлины посадника были соединены вмѣстѣ съ судебными пошлинами князя. Такъ мы находимъ выраженія: *«ино князю и посаднику приставы отпустити»*, или *«да 4 деньи князю и посаднику»*, или *«а князь и посадникъ на «вѣчѣ суду не судить»*. Изъ этого послѣдняго мѣста видно, что князья и посадники не могли судить на вѣчѣ.

Касательно дѣлъ, подлежавшихъ рѣшенію князя или его намѣстника, слѣдуетъ сказать, что Псковская судная грамота, въ статьѣ подъ заглавіемъ: *«Се судъ княжій»* исчисляетъ всякаго рода воровство, разбой и грабежъ; слѣд. дѣла уголовныя подлежали суду его.

Убійство также подлежало суду княжескому, ибо въ той же грамотѣ мы находимъ: *«а гдѣ учинится головщина и доличатъ кого «головника; ино князю на головникахъ взять рубль продажа. А что «бы сынъ отца убилъ или братъ брата, ино князю продажа»*.

Суду княжескому подлежали также дѣла гражданскія. Замѣтимъ здѣсь объ одномъ родѣ дѣлъ гражданскихъ, а именно о денежныхъ искахъ. Денежные иски рѣшались при церкви святой Троицы въ Псковѣ; въ судной грамотѣ сказано: *«а кто имѣетъ на комъ «сочить станетъ искать торговыхъ денегъ по доскамъ [1]), тотъ че«ловѣкъ противуположитъ рядницу, а противу той рядницы не «будетъ въ церкви въ лари, въ тѣхъ рѣчи другой; ино тая ряд«ница повинити.»*. Но кто занимался разборомъ этихъ рядницъ? При вѣчѣ упоминается о ларникѣ, какъ хранителѣ дѣлъ и казны: вѣроятно, были такіе ларники и въ церкви святой Троицы; но были ли это духовные чиновники или свѣтскіе, опредѣлить нельзя. Мѣсто суда князя было въ его домѣ; въ грамотѣ сказано: *«судити имъ «у князя на сѣнехъ»*.

Опредѣливъ судебную власть вѣча и князя, обратимся къ второстепеннымъ служителямъ правосудія въ Псковѣ. Первое мѣсто между ними занимаетъ посадникъ: лице это не опредѣлено въ Псковской грамотѣ. Даже неизвѣстно число посадниковъ. Неволинъ говоритъ, что «иногда было два посадника въ одно и тоже время». Дѣйствительно и акты юридическіе показываютъ намъ, что въ Псковѣ

---

[1]) Договоры въ Псковѣ писались на доскахъ; такія доски назывались *рядницами:* онѣ совершались и хранились, какъ видно, въ церкви святой Троицы.

было по нѣскольку посадниковъ. Такъ въ одномъ актѣ 1483 года находимъ: *«передъ господиномъ Псковскимъ Ярославомъ Васильевичемъ, и передъ посадники степенными передъ Левонтіемъ Тимоѳеевичемъ, и передъ «Степаномъ Максимовичемъ, и передъ соцкими, на сѣняхъ, стоя на судѣ»* и проч. [1]). Избраніе посадника принадлежало вѣчу. Посадникъ избирался на одинъ годъ; впрочемъ, по окончаніи срока, онъ вторично могъ быть избранъ. Служащіе посадники въ Псковѣ также, какъ видно изъ приведеннаго акта, назывались *степенными*, для различія отъ старыхъ. Что касается до судебной дѣятельности посадника, то мы видѣли, что посадники судили вмѣстѣ съ княземъ или его намѣстникомъ; но спрашивается: могъ ли посадникъ независимо отъ намѣстника чинить судъ и расправу? Относительно самаго Пскова, кажется, съ вѣроятностію можно сказать, что судебная дѣятельность посадниковъ и ограничивалась только общимъ судомъ ихъ съ княжескимъ намѣстникомъ, въ пригородахъ же посадники имѣли право назначать своихъ судей. У посадниковъ также какъ у князей были тіуны, приставы и другіе низшіе служители правосудія. На судѣ какъ у князя, такъ и у посадниковъ присутствовали сотскіе [2]).

Ближайшими начальниками простого народа были купеческіе старосты и сотскіе; можно допустить, что тѣ и другіе разбирали маловажныя дѣла между жителями; это видно изъ одного мѣста лѣтописи Псковской, въ которой сказано: *«еще свѣдали мы, что «ваши посадники и судьи земскіе не даютъ истинной управы, тѣснятъ и обижаютъ народъ»*; кто здѣсь, если не сотскіе и старосты, разумѣется подъ земскими судьями?

Судебное управленіе въ областяхъ Псковскихъ подвергалось многимъ перемѣнамъ. Извѣстно, что Псковъ раздѣлялся на 12 пригородовъ; судебное управленіе въ нихъ раздѣлялось между княземъ и посадникомъ, который посылалъ туда чиновниковъ. Первоначально только въ двухъ пригородахъ были княжескіе чиновники [3]): они назывались намѣстниками [4]), а иногда просто – тіунами. Въ прочіе пригороды назначались посадники изъ Пскова: въ лѣтописи упоминается, что девять посадниковъ прибыли въ Новгородъ съ жалобою къ в. к. Василію Іоанновичу. Посадники въ пригородахъ были главными судьями, какъ по части уголовной, такъ и гражданской; только въ отношеніи къ первой слѣдуетъ замѣтить, что Псковскіе пригородскіе посадники не могли приводить въ

---

[1]) Акты Юридическіе № 2. (Правыя грамоты).

[2]) Тамъ же.

[3]) Неволина Управленіе въ Россіи до Іоанна III и проч. стр. 23.

[4]) Псковская судная грамота Мурзакевича, 1847 года, стр. 1. 2.

исполненіе смертные приговоры свои безъ утвержденія Псковского посадника [1]).

Въ послѣдствіи времени князья получили право посылать своихъ намѣстниковъ въ пригороды, и наконецъ, въ 1469 году, Псковитяне, изъ уваженія къ тогдашнему намѣстнику княжескому, уступили право суда князю во всѣхъ 12 пригородахъ [2]). Опредѣленіе намѣстниковъ въ пригороды зависѣло отъ князя или отъ его намѣстника [3]). Составъ дѣлъ, подлежавшихъ рѣшенію пригородскихъ намѣстниковъ, былъ одинаковъ съ составомъ дѣлъ Псковского намѣстника, только кругъ дѣйствія ихъ былъ менѣе значителенъ. Намѣстники предъ отъѣздомъ своимъ въ пригороды цѣловали крестъ въ томъ, *«что имъ хотѣти Пскову добра»* [4]).

Изъ низшихъ служителей правосудія упоминаются въ судной Псковской грамотѣ и въ лѣтописяхъ: *приставы*, какъ посадничьи, такъ и намѣстничьи, въ самомъ Псковѣ и въ пригородахъ [5]); *дьякъ вѣча; ларникъ*, хранитель дѣлъ и казны; *подвойскіе*, лица, извѣстныя намъ уже изъ изображенія судебной власти въ Новгородѣ.

Такое сотояніе судебной власти въ Псковѣ продолжалось до 1510 года, когда к. князь Василій Іоанновичъ уничтожилъ преимущества Пскова, который за тѣмъ вошелъ въ составъ великаго княжества Московскаго. Въ замѣнъ прежней независимости Пскова въ дѣлахъ судныхъ Василій даровалъ Псковитянамъ право выбирать изъ среды себя старостъ, которые бы вмѣстѣ съ Московскими намѣстниками и тіунами судили въ бывшихъ 12 пригородахъ.

ОТДѢЛЪ III.

СУДЕБНОЕ УПРАВЛЕНІЕ ВЪ РОССІИ СЪ ПОЛОВИНЫ XIV СТОЛѢТІЯ ДО ІОАННА ГРОЗНАГО.

Памятники, изъ которыхъ можно почерпать свѣдѣнія о судебномъ управленіи въ Россіи съ половины XIV столѣтія, не пред-

---

[1]) Куницына Историч. изображ. древн. судопр. въ Россіи, стр. 73.
[2]) Карамзинъ т. 6, стр. 21. (изд. 2).
[3]) Неволина Управлен. въ Россіи съ Іоанна III до Петра В.
[4]) Судная Псковская грамота, изд. Мурзакевича 1847 г., стр. 1—2.
[5]) Тамъ же.

ставляютъ обильной жатвы; самый судебникъ Іоанна III мало говоритъ объ органахъ судебной власти, объ ихъ отношеніяхъ между собою, о пространствѣ ихъ дѣйствія. Судебникъ занимается, по преимуществу, опредѣленіемъ судныхъ пошлинъ и отчасти трактуетъ о самой формѣ суда — о процессѣ. Бояринъ, окольничій и дьякъ, упоминаемые въ Судебникѣ, еще не изчерпываютъ состава всѣхъ лицъ, облеченныхъ судебною властію. Въ особенности начало времени, разсматриваемаго мною въ этомъ отдѣлѣ, скудно памятниками: договорныя грамоты великихъ князей съ удѣльными и сихъ послѣднихъ между собою содержатъ большею частію внѣшнія отношенія княжествъ; о ихъ внутреннемъ устройствѣ почти не упоминается въ грамотахъ. Что касается до судныхъ и уставныхъ грамотъ, то онѣ немногочисленны, начинаются съ XV вѣка, и опредѣляютъ только областное судебное управленіе. Но небогатое общими постановленіями объ устройствѣ судебной власти, время съ половины XIV столѣтія представляетъ намъ огромное количество постановленій, содержащихъ въ себѣ частныя привилегіи судебныя разнымъ лицамъ и вѣдомствамъ. Четыре тома Актовъ Археографической Экспедиціи и Акты Историческіе наполнены жалованными грамотами. Правительство какъ бы желало этимъ восполнить недостатокъ общихъ постановленій объ устройствѣ судебной власти. Нельзя оставить безъ вниманія такую массу частныхъ привилегій судебныхъ; и потому я въ этомъ отдѣлѣ разсмотрю сначала общее судебное устройство съ половины XIV ст. до Іоанна Грознаго, а потомъ судебныя привилегіи этого времени.

Кромѣ недостатка юридическихъ памятниковъ, есть еще другое важное обстоятельство, по которому трудность представить организацію судебной власти еще болѣе увеличивается: это раздѣленіе Россіи на удѣлы. Каждое удѣльное княжество, управляясь самостоятельно, въ свою очередь дѣлилось еще на мелчайшія княжества. Слабая, неопредѣленная власть в. князя худо связывала эти отдѣльныя княжества. При такомъ раздробленіи власти государственной, трудно искать общихъ судебныхъ учрежденій для всей Руси, потому-что, какъ сказано выше, каждое княжество управлялось самостоятельно, нерѣдко самовольно опредѣляя даже и внѣшнія свои отношенія; тѣмъ болѣе внутреннее управленіе, а слѣдовательно и устройство судебной власти, зависѣло отъ произвола удѣльныхъ князей. Тѣмъ не менѣе однакожь, составляя одну націю, повинуясь князьямъ одной династіи, подданные разныхъ удѣльныхъ княжествъ очень естественно приходили между собою въ соприкосновеніе, которое не могло не породить у нихъ иногда спорныхъ вопросовъ, необходимо подлежавшихъ рѣшенію судебнымъ порядкомъ; и вотъ

причинѣ тѣхъ учрежденій, которыя въ грамотахъ договорныхъ извѣстны подъ именемъ *судовъ общихъ* (вобчихъ, опчихъ) и *третейскихъ*. Суды общіе и третейскіе суть единственныя учрежденія, которыя можно назвать общими для тогдашней Россіи, раздробленной на удѣлы.

Общій судъ.

Общій судъ учреждался для рѣшенія споровъ, возникавшихъ какъ между самими князьями, такъ и между подданными разныхъ княжествъ. Неизвѣстно время его учрежденія, но можно съ достовѣрностію предположить, что общій судъ возъимѣлъ начало вскорѣ по раздробленіи Руси на удѣлы; самая необходимость того требовала: высшей судебной власти для всѣхъ княжествъ въ совокупности не было, но между тѣмъ споры между жителями разныхъ княжествъ возникали; и вотъ для рѣшенія ихъ принуждены были прибѣгнуть къ слѣдующему средству: съ обоихъ княжествъ, между подданными которыхъ происходилъ споръ, назначали по боярину, или даже по нѣскольку, и они должны были рѣшить дѣло съ общаго согласія [1]); при этомъ наблюдались слѣдующія правила: а) избранные судьи должны быть люди старѣйшіе [2]); б) великіе князья не должны были вступаться въ общіе суды; в) судьи должны были цѣловать крестъ при вступленіи въ должность [3]). Суду общему подлежали всякаго рода дѣла, въ особенности гражданскія.

Третейскій судъ.

Третейскій судъ составлялъ какъ бы высшую инстанцію суда общаго. Онъ употреблялся, когда общіе судьи или не могли рѣшить какое-нибудь дѣло, или были несогласны между собою, и въ такомъ случаѣ судьи должны были обратиться къ третьему, который бы рѣшилъ дѣло [4]). Избраніе третьяго было различно: или оно предоставлялось самимъ судьямъ [5]): «*а о каковомъ дѣлѣ* «*можи собе сопрутся, ѣхати имъ на третей, кого себѣ изберутъ*»; или третій назначался заранѣе обѣими тяжущимися сторонами: «*а* «*о чемъ судьи наши вопчіи сопрутся, и ніи ѣдутъ на третій на князя*

---

1) Вивл. часть I. догов. грам. N° 7.
2) Тамъ же N° 61 и 62.
3) Тамъ же N° 7.
4) Тамъ же.
5) Тамъ же.

«великого Олга»; или избирались три князя и одного изъ нихъ отвѣтчикъ долженъ былъ выбрать, если бы дѣло коснулось до третейскаго суда: *«а третей межи насъ кто хочетъ, тотъ воиме-«нуетъ три князя крестьянскіе, а на комъ ищутъ, тотъ собѣ избе-«ретъ изъ трехъ одного»*. Но послѣдняго вида третейскій судъ рѣшалъ, мнѣ кажется, только дѣла, возникавшія между самими князьями. Ежели общій судъ рѣшалъ дѣла, возникавшія между удѣльными князьями или ихъ подданными, составлявшими одно великое княженіе, то третьяго должно было избирать въ этомъ только великомъ княженьи: *«а о чемъ ся судьи наши сопрутъ, ино собѣ третьяго избе-«рутъ въ нашей отчинѣ въ великомъ княженьи, а изъ земли вонъ на «третей ся не зовутъ»*. Если общій судъ рѣшалъ дѣло, возникшее между подданными в. княжества и удѣльнаго, находящагося въ томъ великомъ княженіи, то сначала выбирали изъ подданныхъ великаго князя двухъ бояръ и изъ бояръ удѣльнаго князя одного боярина и потомъ уже третьяго изъ нихъ назначалъ истецъ изъ выбранныхъ трехъ бояръ, а отвѣтчикъ долженъ былъ принять его, въ противномъ случаѣ третьимъ дѣлался князь великій: *«а берутъ «себѣ третьяго изъ моихъ бояръ великаго князя дву бояриновъ, а изъ «твоихъ, брате, большого боярина одного, а воименуетъ третьяго «тотъ, кто ищетъ, а тотъ беретъ, на комъ ищутъ; а не изберутъ «себѣ третьего изъ тѣхъ трехъ бояриновъ, ино имъ третей язъ «Князь Великій»*. Какъ избранный третьимъ, является митрополитъ Московскій [1]). Приговоры третейскаго суда предоставлено было исполнять великому князю, въ случаѣ сопротивленія в. князь употреблялъ и силу [2]). Исполненіе приговоровъ третейскаго суда есть, кажется, единственное преимущество великаго князя относительно судебной его власти, во время развитія удѣловъ.

Судамъ общимъ и третейскимъ подлежали, кажется, только дѣла гражданскія; что же касается до уголовныхъ, то мѣсто суда по такимъ дѣламъ опредѣлялось мѣстомъ совершенія преступленія [3]). Впрочемъ уголовно-судебная власть, подъ конецъ существованія удѣловъ, начала мало по малу переходить въ руки в. князя Московскаго; такъ уже въ духовной грамотѣ Іоанна III, 1504 года, находится слѣдующее постановленіе: *«а что есми далъ дѣтемъ своимъ «Юрью съ братьею у города у Москвы сельца съ дворы съ городскими «и учинится въ тѣхъ сельцѣхъ и во дворѣхъ городныхъ душегубство «или поличное, и то судитъ намѣстникъ болшей сына моего Ва-*

---

[1]) Вивл. часть I. догов. грам. N° 58.
[2]) Тамъ же N° 17.
[3]) Тамъ же N° 61.

«силья». Но не только въ самой Москвѣ, и въ мѣстахъ, приписанныхъ къ ней, но даже и въ удѣльныхъ областяхъ великаго княженія, удѣльные князья не могли уже самостоятельно судить дѣла уголовныя, возникавшія даже между ихъ подданными: *«а что есми «далъ дѣтемъ своимъ села въ станѣхъ Московскихъ, и надъ тѣми «селы судъ и дань моихъ дѣтей; а душегубствомъ и поличнымъ тѣ «села тянутъ къ городу Москвѣ, по старинѣ, опричь того поличного, «что будетъ въ тѣхъ селѣхъ промежь ихъ крестьянъ, что судятъ «ихъ прикащики и докладываютъ намѣстника Московскаго болшего «сына моего Василья»*. Даже въ самыхъ удѣлахъ Московскихъ уголовный судъ является принадлежностію в. князя: *«А которые есми «городы и волости подавалъ дѣтемъ своихъ Юрью съ братьею въ «удѣлы, а тянули душегубствомъ къ городу Москвѣ, и тѣ городы и «уѣзды и волости тѣхъ городовъ тянутъ душегубствомъ къ Москвѣ «по старине, а дѣти мои въ то не вступаются»*. И такъ переходъ уголовно-судебной власти отъ удѣльныхъ князей къ великому князю совершался не вдругъ, а постепенно: первоначально важныя преступленія отнимались отъ ихъ вѣдомства, какъ-то душегубство, потомъ «поличное», и наконецъ въ слѣдующемъ періодѣ вся власть судебно-уголовная и судебно-гражданская принадлежитъ уже во всемъ государствѣ Московскомъ — царю Московскому.

Суды общіе и третейскіе, учрежденные вслѣдствіе недостатка общей государственной власти, должны были уничтожиться, по образованіи изъ многихъ удѣльныхъ княжествъ Московскаго государства, когда власть в. князя Московскаго, сосредоточивъ въ себѣ всѣ удѣльныя власти, начала принимать мало-по-малу характеръ государственный, вслѣдствіе котораго высшая судебная власть сдѣлалась принадлежностію в. к. Московскаго: тогда являются высшія судебныя мѣста, извѣстныя подъ именемъ *приказовъ*. Но переходъ этотъ совершился не другъ: удѣльную ситему, существовавшую 400 лѣтъ въ Россіи, нельзя было сокрушить однимъ законодательнымъ актомъ; она уничтожалась постепенно: съ Іоанна Калиты почти до самого Іоанна Грознаго, мы видимъ въ исторіи цѣлый рядъ тайныхъ и явныхъ, иногда даже болѣе или менѣе крутыхъ мѣръ, которыя употребляли в. князья Московскіе, чтобъ уничтожить удѣлы. Безъ сомнѣнія болѣе всѣхъ въ этомъ дѣлѣ участвовалъ Іоаннъ III, но слѣдствія совершеннаго имъ дѣла еще не оказываются въ полной силѣ своей въ его время; хотя власть в. князя Московскаго, получивъ характеръ государственный, начала заботиться объ устройствѣ государства, созидать общія государственныя учрежденія; но дѣйствія ихъ чрезвычайно неопредѣленны; старыя начала не могли вдругъ уничтожиться, а новыя воспріять силу; вотъ причина

той неопредѣленности пространства власти и дѣйствія приказовъ, возъимѣвшихъ начало, безъ всякаго сомнѣнія, при Іоаннѣ III, но болѣе опредѣленными представляющихся въ юридическихъ памятникахъ со времени Іоанна Грознаго. По этой неопредѣленности приказовъ при Іоаннѣ III, я отнесу изложеніе ихъ къ слѣдующему періоду, т. е. къ царствованію Іоанна Грознаго; потому-что только въ его время можно съ нѣкоторою увѣренностію говорить о вѣдомствѣ приказовъ.

По разсмотрѣніи судовъ, касающихся всей удѣльной Россіи слѣдовало бы обратиться къ судамъ отдѣльныхъ княжествъ. Но, какъ управленіе въ нихъ, вслѣдствіе одинаковыхъ элементовъ, изъ которыхъ составились удѣльныя княжества, было одинаково, то мы будемъ разсматривать только судебное устройство въ великомъ княженіи Московскомъ, чтобъ заключать по немъ объ устройствѣ судебной власти и въ другихъ удѣльныхъ княжествахъ; потому-что каждый удѣльный князь, въ отношеніи ко внутреннему управленію, въ своемъ княжествѣ былъ полный властелинъ, также какъ и великій князь въ своей отчинѣ. Удѣльные князья даже иногда ограничивали судебную власть самаго великаго князя. Такъ въ самомъ великомъ княженіи имъ предоставлялась иногда треть доходовъ, получаемыхъ отъ судныхъ пошлинъ, и вотъ вслѣдствіе этого въ грамотахъ договорныхъ нерѣдко встрѣчаются слѣдующія выраженія: «*а судовъ ти Московскихъ безъ моихъ намѣстниковъ не судити, а «азъ иму Московскіе судити: тѣмъ ми съ тобою дѣлити*»[1]); или въ договорной грамотѣ в. к. Рязанскаго Ивана Васильевича съ братомъ его роднымъ княземъ Ѳедоромъ Васильевичемъ, 1496 г., сказано: «*а въ городѣ Переяславлѣ быти, брате, твоему третчику съ «моимъ намѣстникомъ съ большимъ*». Очевидно, такое дробленіе судебной власти произошло вслѣдствіе тогдашняго воззрѣнія на государство, какъ на частную собственность князя: главнѣйшее качество всякой собственности состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, чтобъ она была годна къ чему-нибудь, чтобъ приносила доходъ собственнику; а мы видимъ, что Русь, во время, нами разсматриваемое, вполнѣ осуществляла понятіе собственности: не только земли, но даже самыя права, соединенныя съ властію князя, разсматривались какъ собственность и приносили извѣстный доходъ.

Въ изложеніи устройства судебной власти въ великомъ княженіи Московскомъ, слѣдуя принятому мною плану, я разсмотрю сначала высшее судебное управленіе для цѣлаго княжества, а потомъ

[1]) Вивліоѳ. ч. I. договор. грам. № 12.

областное; заметить должно, что второе гораздо легче определить, чѣмъ первое: отпуская чиновниковъ въ отдаленныя области, князья великіе снабжали ихъ уставами, наказами, памятями и другими грамотами, дошедшими до насъ, хотя въ небольшомъ количествѣ. Но высшее судебное управленіе, совершаясь предъ ихъ глазами, и исходя отъ нихъ самихъ, не требовало такого опредѣленія; да и не могло быть его, потому-что князья, пользуясь неограниченною властію, не имѣли нужды заранѣе опредѣлять свои дѣйствія, а дѣлали распоряженія въ то самое время, когда возникала въ нихъ надобность.

I. *Высшее судебное управленіе въ великомъ княженіи Московскомъ.*

Высшее, да и вообще всякое судебное управленіе въ періодъ, мною разсматриваемый, носило характеръ личный; высшихъ судебныхъ мѣстъ, въ которыхъ бы оно сосредоточивалось, не было; а потому должно представить лица, составлявшія высшее судебное управленіе, и, сколько позволяютъ памятники, опредѣлить ихъ судебный характеръ.

Главными судьями въ великомъ княженіи были князь, его дѣти, братья, родственники и вообще всѣ приближенные князя. Трудно опредѣлить, какія именно дѣла подлежали рѣшенію великаго князя; на нѣкоторыя однакожь мы можемъ указать, а именно дѣла эти были двоякаго рода: или они поступали къ князю, какъ въ высшую инстанцію суда; сюда относятся жалобы на рѣшенія областныхъ начальниковъ—намѣстниковъ, волостелей и проч. [1]); или были и такія дѣла, которыя прямо поступали къ князю, какъ въ первую инстанцію суда; сіи послѣднія гораздо обширнѣе первыхъ и суть слѣдующія: вообще жалобы на притѣсненія чиновниковъ, дѣла лицъ, имѣвшихъ судебныя привилегіи, а именно уголовныя преступленія, совершенныя какъ самими привилегированными лицами, такъ и имъ подвластными [2]), дѣла гражданскія, возникавшія у этихъ лицъ съ лицами, которыя не пользовались привилегіями [3]). Далѣе непосредственному суду великаго князя подлежали споры, возникавшіе между лицами духовнаго званія и свѣтскими, но, разумѣется, только высшіе чины духовные могли прямо обращаться къ князю: митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены и др. суду княжескому

[1]) Уставная Двинская грамота в. к. Василія Дмитріевича, въ Актахъ Арх. Эксп. т. I. № 13.

[2]) Акты Экспед. т. I. № 99.

[3]) Тамъ же № 44.

подлежали также всякія дѣла, рѣшаемыя смѣснымъ судомъ (смѣсному суду, состоявшему изъ свѣтскаго и духовнаго судьи, подлежали дѣла, возникавшія между лицами духовнаго и свѣтскаго званія; объ этомъ судѣ будетъ говорено при изложеніи привилегій) и не оконченныя имъ въ случаѣ разногласія судей [1]). Подъ конецъ времени, нами разсматриваемаго, рѣшенію великаго князя стали подлежать преступленія уголовныя, совершенныя подданными удѣльныхъ князей Московскихъ [2]).

Что касается до лицъ приближенныхъ, бывшихъ высшими судебными органами при князѣ, то они въ разное время были различны. Приближенные эти носили общее названіе бояръ; но кромѣ бояръ были также княжескіе казначеи, тіуны, дьяки, приставы; позднѣе являются дворецкіе, окольничіе. Трудно опредѣлить предметъ вѣдомства каждаго изъ этихъ лицъ. Въ Судебникѣ Іоанна III, хотя есть намеки на распредѣленіе рода дѣлъ между боярами, но только одни намеки; а именно тамъ сказано: «*а которагo жалобника а не пригоже управити, и то сказати великому князю, или къ тому его послати, которому которые люди приказаны вѣдати*» [3]). Слѣдовательно вѣдомство дѣлъ и лицъ существовало и предполагалось уже извѣстнымъ по Судебнику, но до насъ не дошло ни въ какомъ памятникѣ. Большею частію дѣла поручались по произволу в. князя; долгое время князь не почиталъ нужнымъ опредѣлить дѣйствія лицъ приближенныхъ; въ случаѣ недоразумѣнія на счетъ какого-нибудь дѣла, бояринъ, которому оно было поручено, обращался къ князю, и тотъ лично давалъ ему наставленіе, какъ поступить въ такомъ случаѣ; съ другой стороны предметъ вѣдомства дѣлъ, поручаемыхъ князьями кому-нибудь изъ бояръ, зависѣлъ отъ ихъ личности, отъ степени довѣрія къ нимъ князя, отъ ихъ личныхъ качествъ; все это, вмѣстѣ взятое, не даетъ никакой возможности опредѣлить предметы вѣдомства поименованныхъ лицъ. Съ нѣкоторою достовѣрностію однакожь можно сказать о *дворецкомъ* и о *писцѣ*, чиновникѣ, назначаемомъ княземъ для того, чтобы приводить въ извѣстность поземельныя отношенія разныхъ областей Московскаго великаго княжества. Писцы носили различныя названія, смотря по мѣсту, въ которое они были посланы для описыванія земель; такъ были писцы *Костромскіе*, *Вологодскіе*, *Яро-*

[1]) Тамъ же.

[2]) Собраніе госуд. гр. и дог. ч. I. Духов. грамота В. Князя Іоанна Васильевича 1504 года.

[3]) Законы В. К. Іоанна Васильевича.......Строева и Калайдовича, стр. 1.

славскіе и т. д.[1]); они являются также судьями различныхъ лицъ, по дѣламъ спорнымъ о землѣ[2]): *«по великаго князя слову Ивана «Васильевича, си судъ судилъ великаго князя писецъ Бѣлозерской, «Василей Григорьевичъ Наумовъ, съ товарищи»;* и много такихъ мѣстъ, доказывающихъ, что писцы имѣли судебную власть по спорамъ о землѣ, находится въ Актахъ Юридическихъ. Вѣроятно князья, въ случаѣ споровъ о землѣ, поступавшихъ къ нимъ, поручали симъ чиновникамъ изслѣдованіе дѣла на самой землѣ, о которой шелъ споръ. Неизвѣстно, когда получила начало должность писцовъ, но если принять во вниманіе чрезвычайно мелкія дѣленія селъ и деревень, происходившія между удѣльными князьями (въ чемъ легко убѣдиться при чтеніи любой духовной грамоты), то можно предположить съ достовѣрностію, что рано явилась необходимость въ писцахъ. Только точнымъ приведеніемъ въ извѣстность всѣхъ земель, отказываемыхъ удѣльнымъ князьямъ, могли устраниться ихъ частые споры между собою. По крайней мѣрѣ въ духовной грамотѣ 1410 года писцы являются уже существующими; а именно въ грамотѣ этой сказано: *«И моя княгиня и мои дѣти пошлютъ «писцевъ, да удѣлы свои спишутъ по крест. . . . цѣловъ . . . . . . и обло«жатъ по сохамъ и по людемъ»* и проч. На судѣ у писцовъ присутствовали низшіе чиновники, называемые въ актахъ ихъ *товарищами*, и еще *дворцовый дьякъ*.

Что касается до судебной власти дворецкаго, то замѣтимъ, что сей чиновникъ, завѣдывая дворцовыми селами и деревнями, имѣлъ надъ жителями оныхъ также и судную власть, а равно и надъ служителями, находившимися при дворѣ великокняжескомъ[3]). Дворецкаго не должно смѣшивать съ *дворскимъ*, какъ дѣлаетъ Рейцъ[4]). Дворскій былъ гораздо ниже дворецкаго, но должность его съ точностію не опредѣлена: въ договорныхъ грамотахъ дворскій является начальникомъ слугъ, княжескихъ ли или вообще несвободнаго класса—опредѣлить трудно. Въ Судебникѣ Іоанна III онъ, вмѣстѣ съ тіуномъ княжескимъ, является исполнителемъ смертной казни по приговору бояръ[5]). Это послѣднее значеніе дворскаго заставляетъ насъ принять мнѣніе Максимовича, который говоритъ, что дворскій въ городахъ имѣлъ смотрѣніе надъ казенными домами;

---

[1]) Акты Юридическіе. N° 8. 1498 г. N° 9. 1503 г. N° 168—170.

[2]) Акт. Юрид. N° 11. 1504 г. Судный списокъ по спорному дѣлу и проч.

[3]) Акт. Юрид., стр. 45. 48. 191. 384.

[4]) Опытъ истор. р. госуд. и гражд. законовъ, стр. 101.

[5]) Суд., стр. 59. Акты Юрид. N° 22., стр. 51. Др. Росс. Вивл. I. 402.

въ послѣдствіи воеводскій дворъ, приказы и тюрмы были въ его завѣдываніи; въ Москвѣ онъ завѣдывалъ только тюремнымъ дворомъ. Дворецкій же былъ ближайшимъ органомъ судебной власти князя. Кромѣ дѣлъ, которыя подлежали суду дворецкаго по управленію, великій князь часто поручалъ этому чиновнику рѣшеніе дѣлъ, поступавшихъ къ нему, какъ въ первую инстанцію суда [1]).

Имѣя высшихъ чиновниковъ правосудія, князья нуждались также и въ низшихъ служителяхъ: таковыми являются приставы, недѣльщики, подъячіе. Приставы, употреблявшіеся въ дѣлахъ судныхъ, назывались большею частію *недѣльщиками*, потому-что должность свою исправляли по недѣлямъ, и оттого въ Судебникѣ Іоанна III не встрѣчается названія приставъ, а идетъ рѣчь о недѣльщикѣ: должность его состояла въ призваніи подсудимыхъ къ суду великокняжескому, и въ отдачѣ на поруки подсудимыхъ. Подъячіе уже являются въ это время помощниками дьякамъ: ихъ обязанность состояла въ письмоводствѣ, подъ наблюденіемъ дьяковъ.

Сказанное мною о высшемъ судебномъ управленіи въ великомъ княженіи Московскомъ можно примѣнить также и ко всякому другому великому княженію и удѣльному. Въ главныхъ началахъ судоустройство одинаково, а именно судебное управленіе въ каждомъ княжествѣ носило характеръ личный, и слѣдовательно было чрезвычайно неопредѣленно, и управленіе это сосредоточивалось въ рукахъ князя и его приближенныхъ.

2. *Судебное управленіе въ областяхъ великаго князя Московскаго.*

Областное судебное управленіе въ княженіи Московскомъ, какъ и во всякомъ другомъ удѣльномъ княжествѣ, имѣло слѣдующую организацію: княжество, какъ въ отношеніи къ управленію вообще, такъ и къ судебному въ особенности, дѣлилось на участки или города съ принадлежащими къ нимъ пригородами, слободами и волостями [2]). Въ каждомъ такомъ участкѣ или городѣ судебное управленіе составлялъ намѣстникъ, одинъ или два, смотря по обширности города и округа, къ нему приписаннаго. Подъ властію намѣстника находились другіе низшіе чиновники правосудія. Въ пригородахъ и волостяхъ судебное управленіе составляли волостели, также съ подчиненными имъ чиновниками; впрочемъ въ первыхъ судебными дѣлами иногда управлялъ и намѣстникъ и въ такомъ

[1]) Акт. Истор. I. NN° 295. 301. Доп. I. NN° 9. 26. 36. 44. 117.

[2]) Вивл. часть I. Духов. грам. N° 18.

случаѣ назывался *пригородскимъ*. Что касается до слободъ, то онѣ или составляли особенное судебное вѣдомство, подъ властію слободчика, или были приписаны къ городу или къ волости. И такъ мы должны разсмотрѣть сначала судебныя права и обязанности намѣстника съ его подчиненными судьями, и потомъ перейти къ правамъ и обязанностямъ волостелей съ подчиненными имъ судьями.

а. Намѣстникъ и подчиненные ему судьи.

Намѣстникъ имѣлъ свои пребываніе въ городѣ и сосредоточивалъ въ себѣ судебное управленіе цѣлой области. Опредѣленіе намѣстника зависѣло отъ князя. Число намѣстниковъ было неодинаково; но при его опредѣленіи не принималось въ расчетъ количество дѣлъ въ области, имъ ввѣренной, а руководствовались другою цѣлію; въ періодъ удѣльный, какъ мы выше видѣли, вслѣдствіе частнаго взгляда на государство, право суда, для личной пользы князя, дѣлилось иногда въ одной и той же области между двумя и болѣе удѣльными князьями и вслѣдствіе этого въ одинъ и тотъ же городъ назначались два намѣстника, какъ представители своихъ князей, для производства суда, а главное, для взысканія судныхъ пошлинъ въ пользу князей [1]: *«а въ городѣ Переяславлѣ быти, брате, твоему «третчику съ моимъ намѣстникомъ съ большимъ»*; или въ другой грамотѣ: *«а имешь, господине Князь Великій, Московскіе суды судити, «тѣмъ ти ся съ нами дѣлити. А будешь господине, Князь Великій, «опроче Москвы, ударитъ ти челомъ Москвитинъ на Москвитина, «пристава ти дати, а послати ихъ къ Москвѣ къ своимъ намѣ«стникомъ и они имъ исправу учинятъ, а мои намѣстницы съ ними»*. По присоединеніи удѣловъ къ государству Московскому, финансовое воззрѣніе на судъ не исчезло, но стало проявляться иначе: право суда въ областяхъ стали раздроблять для пользы частныхъ лицъ, желавшихъ получить судебную власть, какъ источникъ дохода. Въ доказательство привожу мѣсто изъ одной жалованной грамоты 1499 г.: *«здѣся мнѣ билъ челомъ Якимъ Захарьичь, что «вамъ обѣма на Костромѣ сытымъ быти не съ чего: и язъ здѣсе «Князь Великій Якова пожаловалъ городомъ Володимеромъ, а тебѣ есми «пожаловалъ придалъ другую половину Костромы съ правдою»*. Два намѣстника, получивъ въ управленіе одинъ городъ, производили судъ въ немъ или съобща, или городъ съ его округомъ раздѣляли на двѣ равныя части, и дѣйствовали, каждый въ своей части, независимо

[1]) Вивліоѳ. часть I. догов. грам. №№ 12, 14. Собран. госуд. грам. и догов. часть I. 1496.

другъ отъ друга; каждый изъ нихъ пользовался половиною доходовъ судныхъ, что̀ и показываютъ слова: «половина Костромы съ «правдою» [1]).

Что касается до дѣлъ, подлежавшихъ рѣшенію намѣстника, то они были какъ гражданскія, такъ и уголовныя, и преимущественно послѣднія были главнымъ предметомъ дѣятельности намѣстника [2]). Въ грамотахъ видны намеки на то, что намѣстнику принадлежала уголовно-судебная власть въ цѣломъ округѣ; впрочемъ утвердительно сказать объ этомъ нельзя. Въ Судебникѣ Іоанна III, намѣстники относительно дѣлъ, входящихъ въ кругъ ихъ вѣдомства, раздѣляются на: намѣстниковъ *съ боярскимъ судомъ* и безъ боярскаго суда. Намѣстники безъ боярскаго суда не могли рѣшать окончательно, безъ доклада великому князю, дѣла о холопахъ, какъ о свободѣ ихъ, такъ и объ укрѣпленіи за кѣмъ-либо [3]); равнымъ образомъ дѣла уголовныя намѣстники сіи не могли рѣшать окончательно безъ докладу [4]). Напротивъ намѣстники съ боярскимъ судомъ все эти дѣла могли рѣшать окончательно безъ доклада. На судѣ у намѣстниковъ должны были присутствовать дворскій, старосты и лучшіе люди [5]). Право сихъ лицъ присутствовать при судѣ намѣстниковъ существовало еще до Судебника [6]), но неизвѣстно, когда оно началось; однакожъ въ Актахъ Юридическихъ нѣтъ ни одного суднаго дѣла, при производствѣ котораго бы не присутствовали нѣсколько лицъ, извѣстныхъ подъ именемъ судныхъ мужей [7]). Кто бы ни былъ судьею, особенный ли чиновникъ великаго князя, намѣстникъ ли, тіунъ ли его, у всѣхъ у нихъ на судѣ присутствовали эти судные мужи. Имѣли ли они право голоса или нѣтъ, рѣшить трудно, но скорѣе можно отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно, тѣмъ болѣе, что въ самыхъ актахъ видна обязанность судныхъ мужей. Судные мужи свидѣтельствовали только, производился ли судъ правильно, сообразно понятіямъ времени и формѣ суда. Князья или высшіе органы правосудія, при представленіи имъ судныхъ дѣлъ, не переизслѣдовали ихъ, а рѣшали окончательно, на основаніи суда, произведеннаго ихъ чиновниками; и потому имъ необходимо было удостовѣриться предварительно, дѣйствительно ли такъ былъ про-

[1]) Строева и Калайдовича законы І. Васильевича и проч. стр. 23.
[2]) Акты Экспедиціи т. І. № 144.
[3]) Строева и Калайдовича, стр. 8 (Судебника).
[4]) Тамъ же стр. 17.
[5]) Тамъ же.
[6]) Акты Юрид. № 7 и др.
[7]) Тамъ же № 14.

изводимъ судъ, какъ онъ представленъ въ докладномъ спискѣ; и вотъ для этого-то они прежде всего спрашивали подсудимыхъ, таковъ ли былъ имъ судъ [1]): и если которая нибудь изъ тяжущихся сторонъ отвѣчала отрицательно, то обращались въ такомъ случаѣ къ суднымъ мужамъ, и по показанію ихъ судили о дѣйствительности или недѣйствительности суда первой степени (*«а отвѣтчики «Михалко и въ товарищовъ своихъ мѣсто сказали, что имъ былъ судъ, «да не таковъ, какъ въ семъ спискѣ писано. И послалися по сему «списку на судныхъ мужей»*). Слѣд, судные мужи составляли какъ бы контроль надъ дѣйствіями судей; другого значенія ихъ не видно.

Что касается до жалованья намѣстниковъ, то въ разныхъ актахъ оно опредѣляется съ точностію. Кромѣ судныхъ пошлинъ, которыя также опредѣлены подробно въ уставныхъ грамотахъ и въ Судебникѣ Іоанна III, жители намѣстничествъ обязаны были давать намѣстнику извѣстное количество съѣстныхъ припасовъ. Но намѣстникъ могъ вмѣсто оныхъ получать и деньгами, количество которыхъ также опредѣлено въ грамотахъ. Три срока въ году назначено было намѣстнику для собиранія жалованья, а именно Петровъ день, Рождество и Пасха (или Великъ день, какъ сказано въ грамотахъ). Сверхъ того, при вступленіи въ должность намѣстника, жители обязаны были давать ему въ видѣ дара извѣстное количество съѣстныхъ припасовъ или сообразную этому сумму денегъ, что называлось *въѣзжимъ кормомъ*; но и самый даръ этотъ былъ тщательно опредѣленъ въ грамотахъ [2]). Обиженные намѣстникомъ приносили жалобу великому князю, который посылалъ за нимъ въ такомъ случаѣ своего пристава.

Изъ чиновниковъ, подвластныхъ намѣстнику, были тіунъ, дьякъ и низшіе служители судные — приставы или недѣльщики, доводчики и праветчики.

Что касается до тіуновъ, опредѣляемыхъ и увольняемыхъ намѣстникомъ, то ихъ должно отличать отъ тіуновъ сельскихъ, которые могли быть какъ у князей, такъ и бояръ: тіуны сельскіе были несвободнаго званія и отправляли должность деревенскихъ старостъ [3]); тіуны намѣстника, а также тіуны княжіе, употребляемые князьями въ судебныя должности, отправляли общественную службу, между тѣмъ какъ тѣ были частные служители. Число тіуновъ было неодинаково, а было сообразно пространству

[1]) Акты Юридич. № 14.
[2]) Акты Экспедиціи т. I. № 120.
[3]) Вивліоѳ. часть I. № 5. Дух. грам.

области, состоявшей въ управленіи намѣстника; впрочемъ число тіуновъ при намѣстникѣ опредѣлялось независимо отъ его произвола уставными грамотами. Такъ въ Двинской области положено было держать намѣстникамъ въ городѣ и въ станахъ двухъ тіуновъ, которыхъ намѣстники обязывались не перемѣнять до году [1]).

Что касается до рода дѣлъ, подлежавшихъ суду тіуна, то въ этомъ отношеніи онъ заступалъ мѣсто намѣстника: всѣ дѣла, какъ уголовныя, такъ и гражданскія, подлежали его вѣдѣнію; только судъ его не былъ окончательный: судъ тіуна составлялъ низшую инстанцію въ отношеніи къ суду намѣстника [2]). Главная обязанность тіуновъ была производить судъ и расправу въ станахъ. На судѣ ихъ, также какъ и на судѣ намѣстника, присутствовали сотскій и судные мужи [3]). Жалованья тіуны получали половину противъ жалованья намѣстниковъ, по тѣмъ же правиламъ, какъ намѣстники, натурою и деньгами. Жалобы на тіуновъ подавались князю.

Въ одной изъ Двинскихъ грамотъ упоминается о *дьякѣ* при намѣстникѣ (*«а отъ печати намѣстнику 3 бѣлки, а дьякамъ отъ «письма отъ судные грамоты 2 бѣлки»*). Неизвѣстно, всегда ли существовали при намѣстникахъ эти чиновники, и кѣмъ они были опредѣляемы: самимъ ли намѣстникомъ или княземъ. Въ Судебникѣ Іоанна III объ областныхъ дьякахъ ничего не упоминается; вѣроятно они появились по распространеніи письменности. Встрѣчается одинъ примѣръ, что властію судною завѣдывалъ дьякъ совершенно независимо отъ намѣстника; это было въ Псковѣ, когда намѣстниками въ немъ были бояринъ Давыдовъ и конюшій Челяднинъ: судными дѣлами завѣдывалъ тогда независимо отъ нихъ дьякъ Мисюрь [4]). Но только и находится одинъ примѣръ такого отдѣленія судной власти въ пользу дьяковъ, исключая привилегій, представляющихъ намъ дьяковъ самостоятельными судьями.

Низшіе служители правосудія, какъ при намѣстникахъ, такъ и при тіунахъ, были: *доводчики* и *праветчики;* впрочемъ иногда упоминаются приставы [5]); но приставы и доводчики имѣли одну и ту же должность [6]). Обязанностію доводчиковъ было призывать къ суду намѣстника тяжущихся или обвиняемыхъ, давать ихъ на поруки,

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Акты Юрид. N° 14.
[3]) Тамъ же.
[4]) Карамзина Исторіи т. VII, стр. 27. (изд. Эйнерлинга).
[5]) Акты Экспедиціи, часть I. N° 120.
[6]) Указатель Максимовича, часть I., стр. 373.

если найдутъ за себя поручителей, и, при производствѣ самаго суда, ѣздить за разными справками на мѣсто жительства подсудимыхъ: *«а доводчику имати хоженое, ѣздъ и правда по грамотѣ»* [1]); но не разумѣется ли здѣсь подъ словомъ *правда* обыскъ или отобраніе разныхъ показаній о подсудимомъ въ мѣстѣ его жительства? По крайней мѣрѣ слово обыскъ не встрѣчается въ грамотахъ до Іоанна Грознаго; но не можетъ быть, чтобъ до того времени обыскъ не употребляемъ былъ для открытія уголовныхъ преступленій. Число доводчиковъ опредѣлялось при намѣстникѣ уставными грамотами; такъ въ Двинской области положено было намѣстнику имѣть 10 доводчиковъ: два въ городѣ и восемь человѣкъ въ станахъ. Каждый доводчикъ имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи опредѣленную часть становъ, въ которой онъ и исполнялъ свои обязанности. Намѣстники не могли доводчиковъ, также какъ и тіуновъ, отрѣшать отъ должности ранѣе году по опредѣленіи. Доводчикамъ опредѣлены были также извѣстныя взимація съ жителей волости, какъ естественными произведеніями, такъ и деньгами, смотря по желанію [2]). Подъ властію намѣстниковъ состояли также праветчики: въ отношеніи къ судебному управленію должность ихъ состояла въ собираніи разныхъ пеней по приговору суда.

б. Волостели и подчиненные имъ судьи.

Судебное управленіе въ пригородахъ, какъ мы уже замѣтили выше, поручаемо было или особеннымъ намѣстникамъ, называемомъ *пригородскими*, или волостелямъ. Но отдѣленіе пригородовъ отъ главныхъ городовъ случалось чрезвычайно рѣдко: большею частію пригороды приписаны были къ городамъ, и тогда они въ судебномъ управленіи зависѣли отъ намѣстника. И потому намъ остается теперь только разсмотрѣть лица, которымъ ввѣряема была судебная власть въ волостяхъ.

Главными лицами въ волости въ судебномъ отношеніи представляются волостель и подчиненные ему чиновники: тіуны, доводчики и праветчики, слѣд. тѣ же лица, которыя были и при намѣстникѣ. Опредѣленіе волостелей зависѣло отъ князя [3]). Въ періодъ развитія удѣловъ, власть опредѣлять волостелей принадлежала въ одномъ удѣльномъ княжествѣ не одному князю, а многимъ лицамъ.

---

[1]) Строева и Калайдовича Судеб., стр. 15.
[2]) Акты Экспед. т. I. № 120.
[3]) Акт. Эксп. т. I. № 111.

Въ удѣльномъ княжествѣ выдѣлялись многіе города и области разнымъ лицамъ женскаго пола, принадлежавшимъ къ семейству удѣльнаго князя; такъ супругѣ его, дочерямъ, матери и проч., и владѣнія этихъ лицъ, хотя не составляли особенныхъ удѣльныхъ княженій, во внутреннемъ управленіи не зависѣли отъ удѣльнаго князя: *«а изъ тѣхъ волостей и слободъ и селъ, что есмь вымалъ у дѣтей «своихъ изъ удѣловъ и подавалъ княгинѣ своей, а кому будетъ жа«лоба сиротамъ на волостели, и тѣмъ людемъ учинитъ исправу кня«гиня моя; а дѣти мои въ то не вступаются»* [1]). И много подобныхъ мѣстъ читаемъ въ грамотахъ разнаго рода; что показываетъ, какъ была раздроблена судная власть въ удѣльныхъ княжествахъ. По уничтоженіи удѣловъ не встрѣчается такой дробности судебныхъ вѣдомствъ, и опредѣленіе волостелей преимущественно стало зависѣть отъ в. к. Московскаго. Число волостелей бывало также различно въ одной и той же волости: о немъ можно сказать тоже, что и о числѣ намѣстниковъ.

Что касается до судебныхъ дѣлъ, которыя вѣдалъ волостель, то изъ дѣлъ гражданскихъ ему подлежали, мнѣ кажется, тѣ же самыя, какія намѣстнику. Рейцъ [2]) напротивъ думаетъ, что волостель могъ рѣшать только тяжбы, не превышавшія рубля. Не знаю, на чемъ онъ основывается, но въ грамотахъ находятся мѣста, которыя довольно ясно доказываютъ противное, напр.: «А случится «судъ предъ волостелемъ или передъ его тіуномъ о *рублѣ* или *выше*» и проч. [3]). Еслибъ дѣйствительно цѣна исковъ, подлежавшихъ рѣшенію волостеля, не превышала рубля, за чѣмъ же бы законодатель прибавилъ слова *«или выше»?* Эти слова нельзя принимать за описку, потому что они встрѣчаются не одинъ, не два, а много разъ. Тѣмъ болѣе я увѣренъ въ моемъ предположеніи, что въ послѣдствіи волостели бывали съ боярскимъ судомъ [3]): безъ всякаго сомнѣнія не назначали бы въ волость такого чиновника только для рѣшенія тяжебъ, не превышавшихъ рубля.

Что касается до уголовныхъ дѣлъ, находившихся въ вѣдомствѣ волостеля, то можно сказать, что волостель судилъ также и уголовныя дѣла, только съ нѣкоторыми ограниченіями противу намѣстника. Въ грамотѣ подъ названіемъ *запись, что тянетъ душегубствомъ къ Москвѣ* [4]), мы находимъ о судебно-уголовной власти волостеля слѣдующее: *«а что деревни въ Московскомъ стану удѣль-*

---

[1]) Вивл. часть I. догов. грам. № 13.

[2]) Опытъ исторіи росс. госуд. и гражд. законовъ, стр. 177.

[3]) Судебникъ Строева и Калайдовича, стр. 8.

[4]) Кар. V. прим. 402.

«иныхъ князей, и волостели ихъ судятъ, а доложатъ своего князя, «ажо будетъ на Москвѣ, а не будетъ и имъ доложить великаго «князя или болшого намѣстника, а по инымъ городамъ не водить «къ докладу». Впрочемъ, какъ видно изъ грамоты, эта зависимость волостеля отъ намѣстника въ уголовныхъ дѣлахъ ограничивалась только Московскою областію, и потому, основываясь на этой грамотѣ и еще на многихъ другихъ, мы съ достовѣрностію можемъ допустить уголовно-судебную власть волостеля на пространствѣ, ему подчиненномъ: *«а побьются на полѣ въ пожегъ или въ душегубствѣ «или въ разбоѣ или въ татбѣ и на убитомъ истцово доправити, «а самъ убитой къ казни и въ продажи волостелю и его тіуну»* [1]). На судѣ у волостелей, также какъ и у намѣстниковъ, присутствовали староста и лучшіе люди.

Что касается до чиновниковъ, подчиненныхъ волостелю, то права и обязанности ихъ сходны съ правами и обязанностями чиновниковъ намѣстничьихъ, только что кругъ дѣйствій сихъ послѣднихъ былъ обширнѣе, а потому и говорить о нихъ значило бы повторять сказанное.

Областное судебное управленіе, представленное мною, не распространялось на всѣ лица и на всѣ земли, находившіяся въ области: многія лица съ принадлежащими имъ землями и людьми были исключены изъ вѣдомства областного судебнаго управленія. Права этихъ лицъ, дарованныя имъ верховною властію, составляютъ *судебныя привилегіи*. Разсмотримъ, кто пользовался ими и въ чемъ онѣ состояли.

3. *Судебныя привилегіи.*

а. О судебныхъ привилегіяхъ вообще.

Судебныя привилегіи въ исторіи нашего древняго государственнаго права представляютъ странное явленіе. Если мы сравнимъ съ ними разныя привилегіи по части управленія, допущенныя въ наше время, то увидимъ, что сіи послѣднія, если существуютъ, то по самой естественной необходимости, а именно по отличію общинъ, въ пользу которыхъ даются привилегіи, отъ главнаго населенія; отличіе это состоитъ въ языкѣ, религіи, обычаяхъ и наконецъ въ самыхъ законахъ: однимъ словомъ настоящія изъятія касательно управленія, дѣлаемыя въ пользу нѣкоторыхъ областей или общинъ, вызываются единственно тѣмъ, что жители этихъ областей не сходствуютъ въ

ты Экспедиціи т. I. N° 144, N° 99, N° 111.

существенныхъ элементахъ своихъ съ главнымъ населеніемъ государства и по самой этой разнородности не могутъ быть облечены въ тѣ формы управленія, которымъ подчинилось все государство. На этомъ основаніи, примѣняемое у насъ Остзейское судопроизводство и другія учрежденія, нѣсколько отличныя отъ общаго государственнаго устройства, обязаны существованіемъ своимъ единственно приведеннымъ причинамъ. Теперь посмотримъ, что вызвало наши древнія судебныя привилегіи. Различія народа въ существенныхъ элементахъ его въ древнемъ отечествѣ нашемъ не было. Преобладающее населеніе составляло повсюду славянское племя, имѣвшее одну религію, нравы, обычаи и отчасти даже самые законы. Раздѣленіе на удѣлы не представляло необходимости давать судебныя привилегіи, потому-что управленіе во всѣхъ удѣльныхъ княжествахъ было одинаково и основывалось на однихъ и тѣхъ же началахъ. И такъ никакихъ внѣшнихъ причинъ къ существованію привилегій нѣтъ, и мы должны искать ихъ въ характерѣ судебной власти, въ самой сущности ея, которая, какъ мы видѣли нѣсколько разъ, состояла въ финансовомъ характерѣ: въ основаніи разныхъ судебныхъ учрежденій древней Россіи лежало начало финансовое, какъ частное, а не начало государственное и, какъ прежде сказано, начало это внесено было въ судебное управленіе вслѣдствіе частнаго взгляда на государство, господствовавшаго въ древней Россіи. Большому количеству судебныхъ привилегій способствовали и другія внѣшнія причины, но ихъ можно назвать второстепенными, а именно права и обязанности и предметъ вѣдомства органовъ судебной власти не были опредѣлены съ точностію; если и есть опредѣленія, находящіяся въ судебныхъ уставныхъ грамотахъ, то сіи послѣднія появляются только съ XV столѣтія (первая Двинская судная грамота явилась въ 1397 году) и не исчерпываютъ всѣхъ правъ и обязанностей органовъ судебной власти: многое было предоставлено ихъ произволу. Эта неопредѣленность судебной дѣятельности чиновниковъ правосудія рѣзко выразилась въ древней юридической пословицѣ: *«не бойся суда, а бойся судьи»*. И чтобъ избавиться отъ этого страха, отъ этой неопредѣленности судейскихъ правъ, многія лица и общины старались пріобрѣсти себѣ право независимаго суда, какъ собственно для себя, такъ и для подвластныхъ имъ лицъ. Къ этому еще присоединились разныя бѣдствія и опустошенія, произведенныя въ нашемъ отечествѣ Татарами: раззоренному народу нужно было дать какія нибудь льготы; и вотъ цѣлыя массы народа, освобождаясь отъ многихъ податей и повинностей, вмѣстѣ съ тѣмъ освобождались и отъ общаго суда, какъ бы отъ повинности. Теперь понятно, почему съ XIV столѣтія появляется такое огромное количество жалованныхъ грамотъ.

Судебныя привилегіи можно раздѣлить, во 1-хъ, въ отношеніи лицъ, пользовавшихся ими, на *привилегіи духовнымъ, разнымъ общинамъ и частнымъ лицамъ*; и, во 2-хъ, въ отношеніи правъ, содержащихся въ нихъ, привилегіи были: *полныя*, заключавшія въ себѣ освобожденіе какъ отъ гражданскаго, такъ и отъ уголовнаго суда, и *неполныя*, освобождавшія только отъ суда гражданскаго. Полныя привилегіи были не такъ многочисленны какъ неполныя, и давались только до XV вѣка включительно, и то, большею частію, преимущественно духовенству. Разсмотримъ содержаніе привилегій.

б. Судебныя привилегіи духовнымъ.

Судебныя привилегіи духовенства должно отличать отъ суда духовнаго, перешедшаго къ намъ вмѣстѣ съ религіею изъ Греціи; даже нѣтъ никакой связи между судомъ духовнымъ и судебными привилегіями духовенству; сіи послѣднія давались ему, какъ и каждому свѣтскому вѣдомству или лицу. Еслибъ даже не существовалъ у насъ уставъ св. Владиміра, духовныя привилегіи все-таки явились бы, потому-что, какъ мы видѣли, причина всѣхъ привилегій судебныхъ лежала въ характерѣ судебной власти.

Изъятія отъ свѣтскаго суда давались какъ черному, такъ и бѣлому духовенству, и потому въ составъ судебныхъ привилегій духовнымъ входятъ: *α.* привилегіи святителямъ: митрополитамъ, архіепископамъ и епископамъ; *β.* привилегіи монастырямъ; *γ.* привилегіи соборамъ и церквамъ. Разсмотримъ каждыя порознь.

α. Судебныя привилегіи святителямъ.

Отъ свѣтскаго суда освобождались, сверхъ самихъ святителей: а) всѣ лица духовнаго званія, по дѣламъ свѣтскимъ, подчиненныя которому нибудь изъ упомянутыхъ нами святителей; б) лица свѣтскаго званія, отправлявшія у нихъ разныя должности; в) вотчины поименованныхъ іерарховъ съ принадлежавшими къ нимъ крестьянами [1]); г) разныя общины, отправлявшія какую нибудь повинность въ пользу іерарховъ; д) монастыри, непосредственно зависѣвшіе отъ нихъ. Всѣ эти лица и вѣдомства изъяты были отъ свѣтскаго суда только по дѣламъ, возникавшимъ у нихъ между собою, и то только по дѣламъ гражданскимъ и неважнымъ уголовнымъ. Что же касается до дѣлъ, возникавшихъ у привилегированныхъ лицъ и общинъ съ лицами и общинами другихъ вѣдомствъ, то для этого

---

[1]) Акты Экспед. т. I. № 75.

учреждался *смѣсный судъ*, который мы разсмотримъ ниже, а теперь скажу нѣсколько словъ о судебномъ управленіи, которое существовало для всѣхъ этихъ лицъ и вѣдомствъ, освобожденныхъ отъ свѣтскаго суда.

Высшее судебное управленіе составлялъ іерархъ съ подчиненными ему и имъ самимъ установляемыми властями, какъ свѣтскими, такъ и духовными. У святителей были свои намѣстники, тіуны [1]), приставы, доводчики, дьяки и прочіе судебные чины. Судебное управленіе въ отчинахъ іерарховъ поручалось *волостелямъ* [2]), *прикащикамъ* [3]), въ небольшихъ участкахъ *посельскимъ*: всѣ эти лица чинили судъ и расправу въ подвѣдомственныхъ имъ участкахъ по дѣламъ гражданскимъ, возникавшимъ между подчиненными имъ лицами, и сбирали пошлины. Первоначально вслѣдствіе полныхъ привилегій они имѣли уголовно-судебную власть надъ лицами своего вѣдомства, если не вполнѣ, то по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ уголовныхъ преступленіяхъ [4]). Что касается до дѣлъ общихъ, возникавшихъ между лицами, изъятыми отъ свѣтскаго суда, и не изъятыми, то для нихъ, какъ мы видѣли, учреждаемъ былъ *смѣсный судъ*. Онъ состоялъ въ томъ, что судьями въ ономъ были ближайшіе начальники по судебной части обѣихъ тяжущихся сторонъ. Такъ напр. если дѣло происходило между митрополичьими крестьянами и крестьянами, подвѣдомыми общему суду, то судьями въ смѣсномъ судѣ были митрополичій волостель, или его тіунъ, или прикащикъ, или посельскій съ волостелемъ или тіуномъ, въ судебной власти котораго находились спорящіе крестьяне [5]). Были даже привилегіи, освобождавшія и отъ смѣснаго суда, и въ такомъ случаѣ общія дѣла рѣшались самимъ княземъ [6]). Получивъ право суда надъ своими людьми, высшіе сановники духовные могли въ свою очередь раздавать его разнымъ лицамъ: такъ вмѣстѣ съ отчинами митрополичьими или архіепископскими и т. д., отдаваемыми въ кормленіе боярскимъ дѣтямъ, отдавалось право суда надъ отчинами [7]). Въ помѣстной грамотѣ Новгородскаго архіепископа Леонида Софійскимъ дѣтямъ боярскимъ Девятому и Ивану Епишковымъ находится: *и а онѣ* (Епишковы) *васъ* (крестьянъ) *вѣдаютъ и судятъ*

---

[1]) Акты Экспед. т. I. № 34.
[2]) Тамъ же № 23.
[3]) Тамъ же № 75.
[4]) Акты Экспед. т. I. № 23, № 175.
[5]) Тамъ же.
[6]) Акты Экспед. т. I. № 175.
[7]) Акты Историч. т. I.

«*во всемъ, по сей нашей грамотѣ*». Подобнаго содержанія находится нѣсколько грамотъ. Изъ этой передачи суднаго права отъ одного къ другому видно также, что судебныя привилегіи духовнымъ имѣютъ не государственную, а частную цѣль — финансовую.

β. Судебныя привилегіи монастырямъ.

Монастыри въ древности владѣли въ Россіи обширными населенными землями, вслѣдствіе религіознаго убѣжденія предковъ нашихъ, по которому каждый умирающій считалъ обязанностію отказать часть имѣнія своего въ монастырь на помииъ души своей. Если же не успѣвалъ это сдѣлать умирающій, то дѣти его или ближайшіе родственники считали священною обязанностію такое пожертвованіе. Благочестивые князья наши сами подавали тому примѣръ. Въ свою очередь монастыри старались удержать эти дары и пріобрѣтали сами посредствомъ различныхъ сдѣлокъ пространныя населенныя земли. Судебныя привилегіи монастырей главнымъ образомъ касались этихъ земель. Всѣ жившіе на земляхъ монастырскихъ, хотя бы временно, освобождались отъ общаго суда, какъ гражданскаго, такъ первоначально и уголовнаго [1] («а что ся учи«нитъ или разбой, или душегубство, или татба, которой судъ що «будетъ межи монастырскихъ людей, судитъ ихъ и дворянъ даетъ «монастырскій тіунъ одинъ, а нашимъ судьямъ не надобѣ ни почто»). Высшее судебное управленіе въ монастырскихъ земляхъ сосредоточивалось въ лицѣ *игумена;* въ зависимости отъ него производилъ судъ *келарь* [2] («а келарю вели судити въ монастырскихъ селахъ, «а присудъ ему»). За келаремъ самыми ближайшими къ монастырскому народу судьями были *посельскіе* [3]), *тіуны, монастырскіе прикащики* [4]). У нихъ были также низшіе служители правосудія: доводчики, приставы; должности ихъ одинаковы съ подобными должностями, которыя мы узнали въ областномъ судебномъ управленіи. Что касается до посельскихъ, прикащиковъ и тіуновъ, то трудно себѣ представить должности каждаго изъ нихъ въ отдѣльности: въ разныхъ грамотахъ эти чиновники употребляются одинъ вмѣсто другого.

Что касается до общихъ дѣлъ, возникавшихъ между монастырскими людьми и лицами другихъ вѣдомствъ, то для рѣшенія сихъ

---

[1]) Акты Экспед. т. I. № 5.
[2]) Акты Историч. т. I. 1490 года.
[3]) Акты Экспедиціи т. I. № 31.
[4]) Акты Экспедиціи т. I. № 136.

дѣлъ употреблялся также свѣтскій судъ, составъ котораго мы разсмотрѣли выше.

7. *Судебныя привилегіи церквамъ.*

Судебныя привилегіи церквамъ были не такъ многочисленны какъ монастырскія; причина очень естественная: къ церквамъ не было приписано такихъ огромныхъ массъ народа, какими завѣдывали монастыри; причтъ церковный немногочисленъ. Чаще другихъ освобождались не только отъ общаго свѣтскаго, но даже и отъ митрополичьяго суда священники и причты церковные въ дворцовыхъ селахъ; и въ такомъ случаѣ они подлежали суду самого государя или его дворецкаго. («Кто будетъ въ тѣхъ селѣхъ нашъ «посельской и онъ тѣхъ поповъ и дьяконовъ и ихъ дѣтей и ихъ лю«дей, ни проскурницъ, ни пономарей ни всего причту церковнаго «не судитъ ни въ чемъ»)[1]. Освобождались также отъ общаго суда соборы со всѣмъ причтомъ и крестьянами, если оные были приписаны къ собору. Такую привилегію представляетъ жалованная грамота 1515 г. Владимірскому Дмитріевскому собору: намѣстники Володимірскіе или митрополичи тѣхъ поповъ и дьяконовъ и ихъ людей въ деревняхъ церковныхъ не судятъ, опричь душегубства и разбоя и татбы съ поличнымъ, а судятъ тѣхъ людей Дмитріевскіе попы или ихъ приканщикъ[2]).

в. Судебныя привилегіи разнымъ общинамъ и частнымъ лицамъ.

Всѣ общины, исправлявшія какую нибудь повинность для двора государева, были освобождены отъ общаго суда въ дѣлахъ гражданскихъ и непосредственно были судимы въ низшей инстанціи ближайшимъ своимъ начальникомъ, въ высшей самимъ государемъ. Такія общины составляли: Переяславскіе рыболовы, которыхъ независимо ни отъ кого судилъ въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ, исключая душегубства, *волостель стольнича пути* или его тіунъ[3]); Переяславскіе сокольники, судебная власть надъ которыми въ дѣлахъ гражданскихъ поручаема была *сокольничему; дѣла же общія рѣшалъ самъ государь[4]); бобровники, которыхъ судилъ *ловчій* или

[1]) Акты Историческіе Жал. гр. церквамъ. А. Э. II. N° 16. 62. III. N° 67. 95.

[2]) Акты Экспед. т. I. N° 158.

[3]) Акты Экспедицій т. I. N° 143.

[4]) Тамъ же N° 147.

его тіунъ; на судѣ у нихъ должны были присутствовать дворскій и лучшіе люди [1]). Вообще всѣ общины, находившіяся въ какомъ нибудь особенномъ отношеніи ко двору государеву, какъ бы въ вознагражденіе за это освобождены были отъ общаго суда.

Что касается до судебныхъ привилегій частнымъ лицамъ, то онѣ давались преимущественно владѣльцамъ населенныхъ земель и освобождали этихъ владѣльцевъ, вмѣстѣ съ ихъ крестьянами, отъ общихъ правилъ подсудности. Касательно владѣльцевъ нельзя однакожь сказать, какъ полагаютъ нѣкоторые ученые, что у насъ съ правомъ владѣнія соединялось право суда, то есть, что одинъ разъ на всегда было постановлено, что кто владѣетъ землею, пріобрѣтаетъ также право суда надъ живущими на ней: въ такомъ случаѣ не нужно бы было давать и жалованныя грамоты. Но дѣйствительно при пожалованіи земель иногда давалось и право суда надъ живущими на ней: *«а пожаловалъ есми Василья и сына его Артема «тѣми деревнями въ вотчину, опроче душегубства и разбоя съ по«личнымъ, впрокъ ему и его дѣтемъ»* [2]). Далѣе судебныя привилегіи давались лицамъ за услуги государю, или наконецъ онѣ пріобрѣтались куплею земли, старый хозяинъ которой имѣлъ судную привилегію: привилегія эта переходила также и къ покупщику. Касательно пространства судебной власти, получаемой вслѣдствіе привилегіи частными лицами, слѣдуетъ замѣтить, что она простиралась даже и на дѣла уголовныя, исключая душегубства [3]). Въ грамотахъ часто встрѣчается выраженіе: *«а разбой и татба съ по«личнымъ его же»*. Вообще касательно уголовно-судебной власти привилегированныхъ лицъ слѣдуетъ замѣтить, что она была различна: не распространяясь на всѣ три преступленія, (душегубство, разбой и татьба съ поличнымъ), почти исчерпывавшія тогдашнее уголовное право, она могла заключать въ себѣ которое нибудь изъ этихъ преступленій; но душегубство рѣдко поручалось частному изслѣдованію; разбой и татьба могли подлежать, и вмѣстѣ, и порознь, частной судебной власти.

Частныя лица, получивъ судебную власть надъ людьми, имъ подвѣдомственными, могли поручать ее кому либо для осуществленія, по своему произволу. Такъ мы видимъ *прикащиковъ*, чинившихъ судъ и расправу въ земляхъ, одаренныхъ привилегіями.

Лица, получившія судебную привилегію, въ общихъ дѣлахъ

---

[1]) Акты Экспед. т. I. Уставная грамота Каменскаго стана Бобровниковъ, N° 150.

[2]) Акты Экспед. т. I. 1516 г. N° 162.

[3]) Акты Экспед. т. I. N° 44.

людей своихъ съ людьми другого вѣдомства, составляли общій судъ съ судьями того вѣдомства. Наконецъ о всѣхъ лицахъ, получившихъ судебныя привилегіи, слѣдуетъ сказать, что сами они были судимы государемъ или его бояриномъ *введеннымъ* [1]). Почему этотъ бояринъ получилъ такое названіе, неизвѣстно.

Изложеніемъ судебныхъ привилегій, я оканчиваю первый періодъ времени, нами разсматриваемаго. Сознаюсь, что онъ представленъ блѣдно, но скудны и памятники этого времени; главное же, государство разсматривалось почти во весь этотъ періодъ какъ частная собственность великаго князя, и потому не было и не могло быть государственныхъ и областныхъ учрежденій, какъ предметовъ государственнаго права въъ этомъ періодѣ, а принимались только частныя административныя мѣры великимъ княземъ, для осуществленія судебной его власти. И трудно изъ этихъ частныхъ административныхъ распоряженій князя созидать общія правила судоустройства.

---

[1]) А. А. Э. I. NN° 44. 46. 51. 60. 164. 166.

ПЕРІОДЪ II.

СУДЕБНОЕ УПРАВЛЕНІЕ ВЪ РОССІИ СЪ ІОАННА IV ДО АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Начатое при Іоаннѣ III преобразованіе Россіи изъ удѣльной въ единодержавную, изъ частной собственности князя въ государство имѣло большое вліяніе на судебное управленіе. Высшая судебная власть, находившаяся до того времени въ рукахъ князей, начинаетъ сосредоточиваться въ лицѣ Государя Московскаго, и вслѣдствіе сего, исходя изъ одного пункта, получаетъ нѣкоторое единство. Вмѣсто прежнихъ физическихъ лицъ, составлявшихъ судебное управленіе, органами судебной власти являются лица юридическія — судебныя мѣста, состоящія изъ нѣсколькихъ физическихъ лицъ, права и обязанности которыхъ болѣе или менѣе представляются опредѣленными. Но переходъ этотъ не могъ совершиться вдругъ, и только при Іоаннѣ Грозномъ обнаруживается ясно то, что начато было его дѣдомъ. По крайней мѣрѣ объ учрежденіяхъ, которыя мы встрѣчаемъ при Іоаннѣ Грозномъ, можно говорить съ нѣкоторою вѣроятностію, между тѣмъ какъ въ памятникахъ Іоанна III и послѣ него мы встрѣчаемъ объ нихъ одни только намеки. Самые приказы безъ всякаго сомнѣнія начали учреждаться при Іоаннѣ III, но не получили при немъ тѣхъ опредѣленій, которыя мы встрѣчаемъ въ памятникахъ Іоанна Грознаго. Въ Судебникѣ Іоанна III только одно мѣсто и указываетъ на существованіе приказовъ: «а котораго жалобника, а непригоже управити, и то сказати великому князю, «или къ тому его послати, *которому которые люди приказаны вѣдати*»[1]). Но основываясь на этомъ неопредѣленномъ мѣстѣ и руководствуясь еще другими слабыми указаніями, невозможно представить систему приказовъ при Іоаннѣ III. Вслѣдствіе сего, обозрѣвая судебное управленіе Россіи съ половины XIV ст., мы не остановились на царствованіи Іоанна III, по недостатку положитель-

---

[1]) Судебн. Іоанна III. въ началѣ.

ныхъ памятниковъ о новомъ судебномъ устройствѣ, получившемъ свое начало при этомъ Государѣ.

Другая причина, побуждающая насъ начать съ Іоанна IV новый періодъ повѣствованія о судебныхъ органахъ, та, что этотъ Государь гораздо болѣе обратилъ вниманія на организацію судебной власти; при немъ совершились два событія, очень важныя въ исторіи древняго русскаго судопроизводства, это — отдѣленіе уголовной отъ гражданской судебной власти, и вслѣдствіе этого появленіе свойственнаго уголовному судопроизводству слѣдственнаго процесса, вмѣсто прежняго обвинительнаго. Второе событіе, тоже важное въ области судебнаго управленія, это—участіе народа въ судопроизводствѣ. Все это заставляетъ признавать новое устройство судебной власти съ царствованія Іоанна Грознаго, и слѣдуя моему плану, я первоначально буду говорить о высшемъ судебномъ управленіи въ Россіи, въ составъ котораго войдутъ: а) судебная дѣятельность Государя и ближайшихъ къ нему высшихъ судебныхъ учрежденій; б) главное судебное управленіе по приказамъ; далѣе я разсмотрю областное судебное управленіе отъ Іоанна Грознаго до Алексѣя Михайловича.

1. *Высшее судебное управленіе.*

Высшее судебное управленіе Россіи во время, нами разсматриваемое, составляли *Государь*, съ учрежденіями, непосредственно находившимися въ его вѣдѣніи, и приказы, какъ главныя судебныя мѣста въ Россіи.

А. Учрежденія, ближайшія къ Государю.

Высшими судебными учрежденіями, ближайшими къ Государю, были Царская Дума, Расправная Палата и Челобитный Приказъ.

а. Царская Дума.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробности о началѣ Царской Думы, тѣмъ болѣе, что главное ея назначеніе было не судебное, а правительственное и законодательное; скажу только, что она ведетъ начало съ глубокой древности. При Іоаннѣ IV Царская Дума получила лучшее устройство: такъ при этомъ Государѣ, кромѣ бояръ, исключительно прежде бывшихъ членами Думы, получаютъ право засѣдать въ ней и прочіе дворяне, хотя не имѣвшіе достоинства боярскаго, но извѣстные Государю своими дарованіями и за-

слугами. Эти новые члены Царской Думы получили название *думныхъ дворянъ* [1]. Члены Царской Думы: бояре, окольничие и думные дворяне, избирались самимъ Государемъ. Председательствовалъ въ Царской Думѣ большею частію самъ Царь.

Что касается до судебныхъ дѣлъ, вносимыхъ въ Царскую Думу, то опредѣлить ихъ трудно; потому-что предметъ вѣдомства Думы точно опредѣленъ лишь Уложеніемъ; въ памятникахъ же Іоанна IV мы мало находимъ указаній касательно этого предмета. Впрочемъ 97-я статья Своднаго Судебника [2]) указываетъ, нѣкоторымъ образомъ, на предметы Думы; въ ней говорится: *«а которыя будутъ «дѣла новыя въ Судебникѣ не писаны, а какъ тѣ дѣла съ государева «докладу и со всѣхъ съ бояръ съ приговору вершатся»*. Слѣдов. всѣ новые случаи, встрѣчавшіеся въ тогдашней судебной практикѣ приказовъ, подлежали сужденію Царской Думы. Равнымъ образомъ случаи запутанные, отвѣтственность за которые судья боялся принять на себя, также представлялись на разрѣшеніе Царской Думы: *«а ко«торому будетъ жалобнику безъ государева вѣдома управы учинити «не мочно, ино челобитье его сказати Царю Государю»* [3]). Кромѣ означенныхъ дѣлъ въ Царскую Думу поступали также дѣла изъ приказовъ по обыкновенному теченію дѣлопроизводства, въ особенности дѣла уголовныя изъ *Разбойнаго Приказа*, въ который они поступали изъ областей [4]), а равно и гражданскія, такъ-что отъ всякаго зависѣло, не лишиться, безъ царскаго доклада, жизни и имущества [5]). Впрочемъ для дѣлъ, обыкновеннымъ порядкомъ поступавшихъ изъ приказовъ въ Царскую Думу, при сей послѣдней учреждена была въ послѣдствіи *Расправная Палата*.

6. Расправная Палата.

Расправная Палата, какъ отдѣленіе Царской Думы, была учрежденіе, также ближайшее къ Государю и непосредственно отъ него зависѣвшее. Она называлась также и *Золотою Расправною Палатою*, вѣроятно отъ украшенія комнаты, въ которой происходили засѣданія ея членовъ. Хотя въ Вивліоѳикѣ и говорится, что Расправная Палата по записнымъ книгамъ упоминается не ранѣе 1684 г.;

---

[1]) Карамзина томъ IX, стр. 263. (изд. Эйнерл.)
[2]) Указатель Максимовича Свод. Судеб., стр. 97.
[3]) Судеб. Іоанна IV ст. 7. изд. Строева и Калайдовича.
[4]) Акт. Экспед. т. I. № 224.
[5]) Карамз, т. IX., стр. 262. (изд. Эйнерл.)

но можно съ вѣроятностію предположить, что Расправная Палата существовала ранѣе, получила начало свое въ царствованіе Іоанна Грознаго; потому-что въ ст. Судебника Іоанна IV о безчестьѣ оно назначается уже и палатнымъ дьякамъ [1]), которые, какъ извѣстно, занимались письмоводствомъ въ Расправной Палатѣ. Дьяковъ изъ приказовъ Судебникъ не могъ разумѣть подъ этимъ именемъ, такъ какъ изъ другихъ памятниковъ этого времени видно, что дьяки изъ приказовъ назывались по именамъ сихъ послѣднихъ.

Въ Расправную Палату, какъ мы уже видѣли, вносились судьями дѣла изъ приказовъ по обыкновенному теченію дѣлопроизводства. Касательно прочихъ дѣлъ, подлежавшихъ сужденію Расправной Палаты, въ Вивліоѳикѣ (XX тома на стр. 311) находимъ слѣдующее извѣстіе: «въ Золотой Расправной Палатѣ содержались списки «всему дворянству, по которымъ ихъ во всякія службы наряжали «и въ разбираніи старшинства родовъ и особъ между тѣми, кото-«рые мѣстничались, докладывали самому Государю и рѣшеніе прямо «отъ него получали». Слѣд. по Вивліоѳикѣ Расправной Палатѣ подлежали дѣла о мѣстничествѣ. Но вообще нельзя принять это положеніе. Мы знаемъ, что службою дворянъ до стольниковъ завѣдывалъ *Разрядъ*, какъ въ самой же Вивліоѳикѣ упоминается; слѣд. дѣла низшихъ дворянъ вовсе не поступали въ Расправную Палату. Что касается до споровъ бояръ о мѣстничествѣ, то они дѣйствительно рѣшались подъ руководствомъ самого Государя въ Расправной Палатѣ. Но не одни дѣла о мѣстничествѣ поступали туда, а также всякія спорныя и тяжебныя дѣла, какъ дворянъ, такъ и прочихъ классовъ рѣшались въ ней: извѣстно, что многія лица, привилегированныя по дѣламъ своимъ, подлежали исключительному царскому суду; всѣхъ этихъ дѣлъ, по многочисленности ихъ, самъ Царь вѣроятно не могъ рѣшать, и потому важнѣйшія изъ нихъ поручалъ членамъ Расправной Палаты, какъ судному отдѣленію Царской Думы. Въ Расправную Палату также поступали, кажется, дѣла изъ Челобитнаго Приказа.

в. Челобитный Приказъ.

Челобитный Приказъ также имѣлъ непосредственное отношеніе къ самому Государю. Время учрежденія этого приказа неизвѣстно; въ записныхъ книгахъ онъ упоминается съ 1627 года [2]). Но въ

[1]) Судеб. Іоанна Грознаго. статья 26.

[2]) Вивліоѳ. т. XX. Приказы.

описаніи царскаго архива, помѣщеннаго въ Актахъ Экспедиціи подъ 1575 годомъ, упоминается о Челобитной Избѣ [1]): вѣроятно это было начало Челобитнаго Приказа. Въ первую пору существованія своего многіе приказы носили названіе *избъ*. Но точное понятіе о Челобитномъ Приказѣ находится въ Актахъ Историческихъ, во 2-мъ томѣ, въ запискѣ о царскомъ дворѣ, придворныхъ чинахъ, приказахъ и проч. (1610 — 1613) [2]); въ запискѣ этой сказано: «*Приказъ Челобитный, какъ Государь куды пойдетъ, бьютъ челомъ всякіе люди, и предъ Государемъ бояринъ и дьякъ тою приказу принимаютъ челобитные и по нимъ расправу чинятъ, а которыхъ не могутъ, тѣ къ Государю взносятъ*». Слѣдов. рѣшенію Челобитнаго Приказа подлежали жалобы, подаваемыя лично Государю. Судебникъ Іоанна IV нѣкоторымъ образомъ показываетъ, какого рода были эти жалобы: «*а которой судья жалобника своего приказа отошлетъ, а жалобницы* «(челобитной) *не возметъ, управы ему или отказа не учинитъ и* «*Царю Государю челобитья его не скажетъ, а учнетъ тотъ жалоб*«*никъ бити челомъ Царю Государю, что ему управы не учинили*» [3]). И такъ Челобитному Приказу подавались жалобы на судей, въ случаѣ, если они не давали управы, т. е. не принимали отъ лица прошенія или не давали ему никакого хода. Обязанность Челобитнаго Приказа въ этомъ случаѣ была представлять такія жалобы Государю, и потомъ, когда Государь находилъ ихъ основательными, Челобитной Приказъ отправлялъ жалобы въ тотъ приказъ, въ который онѣ слѣдовали, и повелѣвалъ произвести по нимъ судъ. Нѣкоторыя изъ этихъ жалобъ Челобитный Приказъ рѣшалъ непосредственно, какъ показываетъ приведенное нами мѣсто. Кромѣ сихъ жалобъ, въ Челобитный Приказъ поступали также жалобы истцевъ и отвѣтчиковъ, когда въ приказахъ съ нихъ требовали болѣе пошлинъ, чѣмъ бы слѣдовало по закону: «а кто учнетъ «бити челомъ на судью или на подьячаго, или на недѣльщика, «что взялъ на немъ сверхъ пошлинъ лишекъ» [4]). Присутствовали въ Челобитномъ Приказѣ бояре, впрочемъ рѣдко: большею частію окольничіе и дьяки [5]).

Но кромѣ сихъ дѣлъ, производившихся подъ непосредственнымъ надзоромъ Царя въ трехъ поименованныхъ нами учрежденіяхъ, по самому ходу судопроизводства или по жалобамъ на рѣшеніе

---

[1]) А. А. Э. I. № 289. Опис. царскаго архива, ящ. 191.
[2]) А. И. II. № 355. Ср. Неволина Упр. въ Россіи, стр. 70.
[3]) Судебн. Іоанна IV. изд. Строева и Калайд., стр. 39.
[4]) Тамъ же стр. 40.
[5]) Вивліоѳ. часть XX, стр. 409.

судьи, туда поступавшихъ, къ Государю поступали еще многія другія дѣла прямо, какъ въ судъ первой степени. Къ сему разряду дѣлъ принадлежали какъ уголовныя, такъ и гражданскія дѣла лицъ привилегированныхъ, не зависѣвшихъ ни отъ кого въ судебномъ отношеніи, кромѣ какъ отъ Царя; но дѣла такого рода будутъ разсмотрѣны нами по поводу судебныхъ привилегій; здѣсь же упомянемъ только о судебной власти государей Московскихъ надъ удѣльными людьми; потому-что въ царствованіе Іоанна Грознаго еще не исчезли совсѣмъ понятія удѣльной системы, еще существовали удѣльные князья, хотя безъ всякаго политическаго значенія, но съ правомъ собирать подати и производить судъ въ своихъ владѣніяхъ. Впрочемъ судъ этотъ уже не былъ самостоятеленъ: послѣдняя статья Судебника Іоанна IV Васильевича представляетъ намъ слѣдующія преимущества Государя Московскаго предъ удѣльными князьями въ судѣ удѣльномъ. Царю Московскому принадлежало право судить иски своихъ подданныхъ на волостеляхъ удѣльныхъ князей, жалобы удѣльныхъ подданныхъ на волостелей своихъ, иски удѣльныхъ людей на подданныхъ Царя Московскаго. Напротивъ иски людей Московскаго государства на людяхъ удѣльныхъ судились *судомъ общимъ*, который составляли какъ судья Московскаго Царя, такъ и судья удѣльнаго князя. Общій судъ непремѣнно долженъ былъ въ Москвѣ, а не въ удѣльныхъ земляхъ. И такъ мы видимъ, что судебная власть удѣльныхъ князей сравнялась почти съ судебными привилегіями, которыя давались разнымъ лицамъ, и не мудрено, потому-что князья удѣльные съ Іоанна IV вступаютъ въ ряды подданныхъ Государя Московскаго.

Б. ГЛАВНОЕ СУДЕБНОЕ УПРАВЛЕНІЕ РОССІИ ПО ПРИКАЗАМЪ.

Общій взглядъ на судебную власть приказовъ.

Приказы существованіемъ своимъ обязаны, главнымъ образомъ, образованію изъ разныхъ удѣльныхъ княжествъ единодержавнаго Московскаго государства. Вслѣдствіе этого прежнее простое управленіе съ личнымъ характеромъ, существовавшее въ удѣльныхъ княжествахъ, не могло быть примѣнено въ Московскомъ государствѣ: по многочисленности и разнородности дѣлъ прежнимъ правительственнымъ и судебнымъ лицамъ стали давать помощниковъ, сообразно обширности дѣлъ. Такъ произошли въ Россіи тѣ правительственныя и судебныя мѣста, которыя получили названіе приказовъ. Представляя судебную власть въ древней Россіи, мы видѣли, что она не отдѣлялась отъ управленія вообще: смѣшеніе админи-

стративной и судебной власти осталось и по образованіи приказовъ. Такимъ образомъ приказы представляютъ намъ вмѣстѣ правительственныя и судебныя мѣста.

Пространство судебной власти приказовъ опредѣлялось самымъ управленіемъ ихъ, а именно смотря потому, заключали ли они въ себѣ тѣсный или обширный кругъ дѣйствія. Такъ Стрѣлецкій Приказъ, составляя высшее управленіе для всѣхъ стрѣльцовъ и имѣя судебную власть надъ ними, представлялъ и гораздо значительнѣйшее вѣдомство судебное, чѣмъ напр. Приказъ Каменный, судебная власть котораго простиралась только на слишкомъ незначительное число лицъ. Прежнее личное управленіе отразилось и на приказахъ: всѣ они устроены были бюрократическимъ образомъ, т. е. въ каждомъ приказѣ главнымъ правителемъ и судьею было одно лице, съ властію, неограниченною прочими членами, которые составляли только его помощниковъ или совѣтниковъ, и во власти главнаго члена было слѣдовать или не слѣдовать мнѣніямъ помощниковъ. Доказательствомъ служатъ разные акты, наказы, предписанія и проч., отправляемые въ приказы: въ этихъ актахъ всегда идетъ рѣчь объ одномъ только лицѣ, о прочихъ и не упоминается. Въ составѣ приказовъ различаются два рода лицъ, изъ которыхъ одни занимались сужденіемъ дѣлъ, другія письменною частію; первыми были бояре, окольничіе, казначеи; вторыми дьяки и подъячіе. Впрочемъ были и такіе приказы, главными членами которыхъ были дьяки, напр. четь дьяка Варѳоломея Иванова, и вообще во всѣхъ четвертяхъ присутствующими были дьяки. Приказы составляли вторую инстанцію суда, въ отношеніи къ областнымъ чиновникамъ, какъ видно изъ Актовъ Археографической Экспедиціи [1]). Что касается до отношенія приказовъ между собою, то опредѣлить его довольно трудно: хотя можно предположить, что они не зависѣли другъ отъ друга, однакожъ въ памятникахъ встрѣчаются нѣкоторыя указанія на зависимость одного приказа отъ другого; но эта слабая зависимость существовала только между приказами, сродными между собою по управленію. Такъ изъ одного акта [2]) явствуетъ, что Земскій Приказъ былъ въ зависимости отъ Разбойнаго; въ приведенномъ актѣ она выразилась слѣдующимъ образомъ: Земскій Приказъ испрашивалъ разрѣшеніе отъ Разбойнаго: что дѣлать съ лошадьми, пойманными на дорогѣ и приведенными въ Земскій Приказъ, если хозяева за ними не являлись? Разбойный Приказъ съ своей стороны отвѣчалъ, «что «государевъ указъ тѣхъ лошадей продать на государя». Но мѣсто,

---

[1]) А. Эксп. Губныя гр. I. NN° 337. 342.

[2]) Дополнит. ст. къ Судебнику ст. XI.

приведенное мною, и еще нѣсколько подобныхъ мѣстъ показываютъ только зависимость приказовъ въ административномъ отношеніи; но мы ничего не можемъ сказать объ отношеніяхъ приказовъ между собою, какъ судебныхъ мѣстъ. Съ вѣроятностію однакожь можно заключить, что приказы, завѣдывавшіе какою нибудь одною частію управленія, представлялись въ отношеніи зависимости къ главному приказу, завѣдывавшему тою же самою частію управленія. Такъ напр. приказы, управлявшіе разными отраслями дворцоваго хозяйства, какъ-то: Хлѣбный, Конюшенный, Житный и проч. были въ зависимости отъ Большого Дворца, какъ главнаго по этой части управленія; Казенный Дворъ отъ Приказа Большей Казны; Смоленскій и другіе разряды — отъ Большого Разряда. Допуская эту зависимость приказовъ въ административномъ отношеніи, по аналогіи, по крайней мѣрѣ, мы можемъ допустить ее и въ судебномъ отношеніи. Опредѣленіе судебнаго вѣдомства разныхъ приказовъ представляетъ большія трудности. Онѣ проистекаютъ, во 1-хъ, оттого, что при образованіи приказовъ не было одной общей цѣли—сосредоточить въ нихъ управленіе извѣстными дѣлами всего государства, напротивъ многіе изъ приказовъ учреждались сначала для одного только в. княжества Московскаго, и, по мѣрѣ присоединенія удѣльныхъ областей, приказамъ поручалось управленіе въ этихъ областяхъ или по всѣмъ родамъ дѣлъ, или по какому либо извѣстному роду [1]); и такъ многіе приказы государственнымъ своимъ значеніемъ обязаны какъ-бы случаю; при первоначальномъ же образованіи приказовъ правительство не имѣло въ виду дать имъ значеніе государственное; а гдѣ нѣтъ единства цѣли при основаніи какого нибудь учрежденія, тамъ едва ли можетъ быть и опредѣленность въ его правахъ и обязанностяхъ. Во вторыхъ, трудность опредѣлить судебное вѣдомство приказовъ происходитъ отъ того, что самое правительство, учреждая приказы для управленія государствомъ, не избрало одного какого-нибудь начала при распредѣленіи предметовъ управленія между ними, а руководствовалось разными началами: оно раздѣляло управленіе между приказами и по роду дѣлъ, и по пространству областей. Отъ этой разнородности началъ управленія произошло, что нерѣдко въ одномъ и томъ же приказѣ вѣдомство дѣлъ, подлежавшихъ ему, опредѣлялось и по роду дѣлъ, и по пространству областей. Такъ вѣдомство Разбойнаго Приказа главнымъ образомъ опредѣлено было родомъ дѣлъ; но между тѣмъ ему же подчинены

---

[1]) Кавелина. Устройство гражд. судовъ и проч. въ Юридичес. Запискахъ Рѣдкина II, стр. 93 и далѣе.

были нѣкоторые области и города и по всѣмъ отраслямъ управленія: *«а въ городахъ, которые по государеву указу вѣдають въ Разбойномъ Приказѣ............послать къ воеводамъ съ статейнаго списка грамоты»* [1]). Эта неопредѣленность въ предметахъ вѣдомства приказовъ проистекала еще и отъ того, что при распредѣленіи дѣлъ между ними брались въ расчетъ способности и качества лицъ, которымъ поручались приказы. Такъ, если лицо, которому ввѣрялась какая нибудь отрасль управленія, по своимъ достоинствамъ было извѣстно самому Государю и пользовалось его довѣріемъ, то получало гораздо обширнѣйшій кругъ дѣйствія, и нерѣдко къ части управленія, имъ завѣдываемой, придавались и другія дѣла, можетъ быть, совершенно отличныя отъ рода дѣлъ, подлежавшихъ его управленію. Этимъ объясняются частыя перемѣны въ устройствѣ приказовъ, послѣдовавшія при Алексѣѣ Михайловичѣ и его преемникахъ [2]). Наконецъ трудность опредѣлить предметъ вѣдомства приказовъ происходитъ еще и отъ того, что при распредѣленіи управленія между приказами имѣлось въ виду и начало финансовое. Смѣтъ государственныхъ доходовъ и расходовъ въ старину не составлялось, а просто для покрытія издержекъ по какой нибудь отрасли управленія употреблялись доходы, получаемые отъ этого же самого управленія; если ихъ было недостаточно, то отдѣлялись нѣкоторыя дѣла, приносившія доходъ, отъ другой вѣтви управленія и придавались, для покрытія издержекъ, къ той, которой не доставало собственныхъ доходовъ; и при этомъ не принималось во вниманіе сходство или несходство приданныхъ дѣлъ съ главными дѣлами приказа, которому не доставало своихъ собственныхъ доходовъ. Въ особенности же судныя дѣла, какъ приносившія доходъ, подвергались частымъ переходамъ изъ вѣдомства одного приказа въ другой. Только такимъ образомъ можно объяснить себѣ столь разнообразное вѣдомство дѣлъ Посольскаго Приказа. Посольскій Приказъ требовалъ бо̀льшихъ издержекъ въ сравненіи съ другими, и для удовлетворенія ихъ онъ вѣдалъ судомъ и расправою многіе города. Вотъ общія черты устройства приказовъ: переходимъ къ изложенію каждаго приказа порознь. И хотя всѣ они болѣе или менѣе имѣли судную власть, мы однакожь представимъ только тѣ изъ нихъ, которые преимущественно предъ другими облечены были судебною властію.

Что касается до раздѣленія приказовъ для удобнѣйшаго ихъ разсмотрѣнія, то слѣдуетъ замѣтить, что трудно подвести приказы

---

[1]) Акты Историч. т. III. № 167. Статейный списокъ.
[2]) Неволина Ж. М. Н. П. 1844. стр. 49.

подъ какіе нибудь классы, въ особенности въ судебномъ отношеніи, потому-что судныя вѣдомства приказовъ, какъ мы видѣли, чрезвычайно были разнообразны. Нѣкоторые издатели статей о приказахъ размѣщали ихъ въ алфавитномъ порядкѣ. Такая система при изложеніи приказовъ принята въ Вивліоѳикѣ, въ Указателѣ Максимовича. Въ опытѣ историческаго изслѣдованія Мальгина приказы помѣщены безъ всякой системы. Первый, сдѣлавшій вѣрную классификацію приказовъ, былъ Неволинъ; но онъ имѣлъ въ виду при этомъ не одну только судебную власть ихъ, но и вообще все управленіе, сосредоточивавшееся въ приказахъ. Въ отношеніи же къ судебной власти ихъ можно раздѣлить на три класса.

Къ первому классу будутъ относиться приказы, судебная власть которыхъ опредѣлялась пространствомъ областей, подчиненныхъ имъ въ административномъ отношеніи; сюда относятся четверти и судные приказы.

Ко второму классу относятся приказы, судебная власть которыхъ опредѣлялась родомъ дѣлъ, подлежавшихъ ихъ вѣдомству; сюда принадлежатъ Разбойный Приказъ, Холопій Судъ или Приказъ, Помѣстный и проч.

Къ третьему классу принадлежатъ приказы, судебная власть которыхъ опредѣлялась предметами ихъ управленія: управляя какою-нибудь частію въ государствѣ, въ то же время приказы эти имѣли и судную власть надъ всѣми лицами, находившимися въ вѣдомствѣ ихъ по управленію; къ таковымъ относятся Дворцовый, Аптекарскій, Иноземскій и проч. Не должно однакожь думать, что раздѣленіе это вѣрно характеризуетъ приказы. Напротивъ, при изложеніи ихъ въ отдѣльности, мы увидимъ многія отступленія отъ предложенной классификаціи. Дѣлая такое раздѣленіе приказовъ, я имѣлъ въ виду только главные предметы ихъ судебнаго управленія.

I. ПРИКАЗЫ, СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ КОТОРЫХЪ ОПРЕДѢЛЯЛАСЬ ПРОСТРАНСТВОМЪ ОБЛАСТЕЙ.

Къ приказамъ, судебная власть которыхъ опредѣлялась пространствомъ областей, безъ всякаго сомнѣнія должно отнести *четверти или чети, судные приказы* и *Приказъ Казанскаго Дворца*. Раздѣленіе Россіи на части въ административномъ отношеніи ведетъ свое начало съ Іоанна III. При немъ Россія раздѣлялась на 3 части, называвшіяся *третями*. Въ послѣдствіи при Іоаннѣ IV названіе трети замѣняется названіемъ *четверти*, вѣроятно вслѣдствіе раздѣленія Россіи на 4 части; названіе четверти удержалось для многихъ

управленій, не смотря на то, что уже ихъ было не четыре, а болѣе. Четверти или чети были ничто иное, какъ приказы; въ памятникахъ часто вмѣсто четверти встрѣчается наименованіе *четвертного приказа*. Главное назначеніе всѣхъ вообще четвертей было финансово-административное; по мнѣнію Мальгина [1]), онѣ занимались преимущественно откупными и оброчными дѣлами [2]). И дѣйствительно, въ памятникахъ часто встрѣчается названіе *четвертныхъ доходовъ*; находимъ также свидѣтельство, что въ послѣдствіи изъ четвертей посылались доходы въ разные приказы. Такъ въ 1658 г. изъ Новгородской четверти въ Иноземскій Приказъ послано по 15 тысячъ рублей на мѣсячный кормъ рейтарскаго, драгунскаго и солдатскаго строю начальнымъ людямъ и солдатамъ [3]).

Но кромѣ дѣлъ по финансовому управленію, четверти завѣдывали также и судными дѣлами въ тѣхъ областяхъ, которыя были приписаны къ нимъ. Обязанностію ихъ въ этомъ отношеніи было приводить къ крестному цѣлованію выборныхъ земскихъ судей, если жителямъ тѣхъ городовъ и областей, которыми завѣдывали четверти, предоставлено было право имѣть своихъ собственныхъ судей [4]); принимать иски, подаваемые на жителей тѣхъ городовъ и областей, которыми онѣ завѣдывали [5]); рѣшать сомнѣнія земскихъ судей, въ случаѣ ихъ недоразумѣнія [6]). Также жалобы на рѣшенія областныхъ судей, вѣроятно, подлежали разбору четвертныхъ приказовъ, хотя этого и не видно изъ законодательныхъ памятниковъ того времени; но можно заключить объ этомъ по аналогіи, сравнивая четверти съ другими приказами, которые имѣли такое значеніе. Кромѣ того управляя винными доходами и разными откупами, четверти занимались также разборомъ и судомъ преступленій, возникавшихъ изъ нарушенія финансовыхъ мѣръ правительства; сюда относятся корчемныя дѣла о винѣ, о запрещенныхъ винахъ и питьяхъ и о табакѣ [7]).

Суду четверти подлежали также иски и жалобы на духовныхъ, изъятыхъ отъ общаго суда: «*а будетъ какое дѣло до игумна съ братіею и до монастырскихъ или чего будетъ кому искати на*

[1]) Акты Историч. т. II. N°. 72.
[2]) Опытъ историч. изслѣдованія и описанія, стр. 60.
[3]) Вивліоѳ. часть XX, стр. 346.
[4]) Акты Экспедиціи т. II. N° 52.
[5]) Тамъ же.
[6]) Тамъ же.
[7]) Мальгина Опытъ повѣств. и проч., стр. 60.

книгъ, и ихъ судятъ нашим четвертные дьяки, у кого Двинская земля въ приказѣ будетъ» [1]).

По исчисленіи предметовъ вѣдомства судебнаго четвертныхъ приказовъ, остается только указать, какіе приказы существовали до Алексѣя Михайловича и въ какомъ они были видѣ.

α. Новгородская четверть (четь).

Въ записныхъ книгахъ она упоминается съ 1627 года; но не смотря на то, учрежденіе Новгородской четверти можно отнести къ царствованію Іоанна Грознаго, потому-что она упоминается еще въ 1606 году [2]), а извѣстно, что въ царствованіе Θеодора Іоанновича и въ слѣдующія за тѣмъ бурныя царствованія до самаго Михаила Θеодоровича не сдѣлано никакихъ учрежденій, кромѣ Каменнаго Приказа въ царствованіе Бориса Годунова; слѣдов. съ вѣроятностію можно сказать, что четверть Новгородская учреждена была при Іоаннѣ Грозномъ вмѣстѣ со многими другими приказами. Новгородская четверть имѣла судебную власть въ предметахъ, мною изложенныхъ выше, надъ Арзамасомъ, Вологдою, Двиною, Кольскимъ Острогомъ, Красьмъ, Ладогою, Псковомъ, Пустозерскимъ и Тесовскимъ Острогами [3]). Также Пермь съ ея городами Чердынью и Соликамскомъ находилась въ вѣдѣніи Новгородской чети [4]). Въ Новгородской чети присутствовали большею частію дьяки, какъ видно изъ Вивліоѳики.

β. Галицкая четь.

О времени учрежденія Галицкой чети можно сказать тоже, что и о Новгородской. Галицкая четь также упоминается въ Актахъ Арх. Эксп. подъ 1606 годомъ [5]). Въ Галицкой чети въ судебномъ отношеніи вѣдомы были города Бѣлевъ, Галичь, Карачевъ, Кашинъ, Кологривовъ, Коломна, Кашира, Мценскъ, Мещовскъ, Новосиль, Парѳеньевъ, Ростовъ, Соль-Галицкая, Судай, Суздаль, Унжа, Чухлома, Шуя, Юрьевъ Польскій [6]). Въ ней присутствовали окольничій и дьяки [7]).

---

[1]) Акты Историч. III. № 95, № 65.
[2]) Акты Экспед. II. № 72.
[3]) Вивліоѳ. томъ XX. Приказы, стр. 345.
[4]) Неволинъ, Жур. М. Н. П. 1844 года, стр. 103.
[5]) Акты Экспед. II. № 52.
[6]) Вивліоѳ. т. XX, стр, 296.
[7]) Тамъ же.

γ. Устюжская четверть.

По Вивліоѳикѣ значится въ записныхъ книгахъ съ 1627 года; но въ росписи бояръ и дьяковъ, съ предназначеніемъ имъ въ управленіе Московскихъ приказовъ и другихъ судебныхъ мѣстъ, 1611 года, помѣщенной въ Актахъ Историческихъ [1]), Устюжская четь предполагается уже существующею, слѣд. учрежденіе ея также можно отнести къ царствованію Іоанна Грознаго. Въ Устюжской четверти вѣдомы были города Бѣжецкій Верхъ, Веневъ городъ, Вязьма, Гремячій, Звенигородъ, Клинъ, Клязьма, Можайскъ, Погорѣлое Городище, Пошехонье, Ржева Володимерова, Руза, Соль-Вычегодская, Старица, Тотьма, Устюгъ-Великій, Устюжна-Желѣзнопольская, Чаронда [2]). Присутствующими въ Устюжской четверти бывали бояре, думные дворяне и дьяки [3]).

δ. Четь дьяка Вареоломея Иванова.

Названіе свое получила отъ имени дьяка, присутствовавшаго въ ней. Оно служитъ намъ новымъ доказательствомъ бюрократическаго устройства приказовъ. Четь сія въ записныхъ книгахъ упоминается съ 1596 по 1599 годъ [4]). О судебной власти этой чети неизвѣстно; управляя Сибирью, она, вѣроятно, завѣдывала и судебными дѣлами ея. Такъ напр. преступленія чиновниковъ по должности, служившихъ въ Сибири, были судимы въ этой чети.

Прочія четверти, какъ напр. Костромская, Владимірская и другія, являются подъ конецъ времени, нами разсматриваемаго, или уже въ царствованіе Алексѣя Михайловича, по этому намъ нечего говорить о нихъ. Обратимся къ суднымъ приказамъ, судебная власть которыхъ опредѣлялась также пространствомъ областей, ввѣренныхъ судебному управленію этихъ приказовъ.

ε. Судные приказы.

Судные приказы были: Московскій, Владимірскій, Рязанскій и Дмитровскій; всѣ они въ историческихъ памятникахъ упоминаются въ послѣднемъ десятилѣтіи XVI вѣка. Трудно опредѣлить предметъ

---

[1]) Акты Историч. II. N°314.
[2]) Вивліоѳ. ч. XX. Приказы. стр. 104.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же.

вѣдомства судныхъ приказовъ, и въ какомъ отношенiи они находились къ четвертямъ. Можно однакожь сдѣлать слѣдующее предположенiе: разсматривая четверти, мы видѣли, что преимущественное ихъ назначенiе состояло въ финансовой администрацiи городовъ и областей, имъ подчиненныхъ; о судебной власти четвертей въ памятникахъ упоминается мало, и если гдѣ говорится, то всегда въ связи съ выборными судьями; даже самыя названiя четвертей совпадаютъ съ названiями тѣхъ областей, жители которыхъ преимущественно пользовались правомъ избирать судей изъ среды себя. Намъ извѣстно также, что выборные судьи, кромѣ производства суда, должны были также собирать съ жителей подвѣдомственныхъ имъ округовъ доходы, которые бы слѣдовали намѣстникамъ, волостелямъ и тiунамъ, и доставлять эти доходы въ четверти. Соображая всѣ эти обстоятельства, нельзя ли предположить, что судебная власть четвертей преимущественно обнаруживалась въ тѣхъ областяхъ, которыя были освобождены отъ намѣстниковъ и отъ волостелей, и что выборные земскiе судьи, завися отъ четвертныхъ дьяковъ во взносѣ податей, зависѣли также и въ судномъ отношенiи; по крайней мѣрѣ въ Новгородской четверти мы видѣли такую зависимость. Такое предположенiе оправдывается еще и тѣмъ, что города и волости, получившiе право избирать своихъ судей, имѣли связь съ прочими городами только по финансовому управленiю, слѣд. одни только четверти и могли составлять для этихъ городовъ главное, какъ административное, такъ и судебное мѣсто. Напротивъ судные приказы преимущественно завѣдывали, можетъ быть, въ судебномъ отношенiи, областями, которымъ не даровано было, или за которыми не утвердилось право выбирать своихъ собственныхъ судей. По крайней мѣрѣ ни Московской, ни Рязанской, ни Дмитровской четверти не встрѣчается; также ни въ которой изъ этихъ областей не встрѣчается судей выборныхъ. Устраняя такое предположенiе, трудно будетъ найти отношенiе между четвертями и судными приказами.

Что касается до предмета дѣлъ, рѣшаемыхъ въ судныхъ приказахъ, то въ памятникахъ до Уложенiя они точно не опредѣлены. Въ запискѣ о царскомъ дворѣ (1610 — 1613) объ этихъ приказахъ сказано, *«что они расправу чинятъ всякимъ дѣламъ»* [1]). Можно допустить, что каждый изъ этихъ приказовъ, рѣшалъ всѣ дѣла гражданскiя между жителями тѣхъ городовъ и областей, которые подчинены ему были въ судебномъ отношенiи. Въ указѣ Царя Михаила Ѳеодоровича 1635 года [2]) слѣдующiя дѣла упоминаются

[1]) Историч. Акт. I. № 355.

[2]) Указат. Максимовича I, стр. 146.

подвѣдомственными Владимірскому судному приказу: поклажи, займы и всякія ссуды, какъ денежныя, такъ и хлѣбныя. Указомъ этимъ повелѣно было Владимірскому судному и другимъ приказамъ принимать челобитныя объ упомянутыхъ сдѣлкахъ только въ такомъ случаѣ, когда онѣ будутъ утверждены какимъ нибудь письменнымъ актомъ, какъ-то заемными крѣпостями, кабалами, записями, памятями и др., на «*безкабальные же и безкрѣпостные иски* «*суда давать не велѣно*».

Были также и уголовныя дѣла, подлежавшія рѣшенію судныхъ приказовъ: въ выпискѣ изъ уставной книги Разбойнаго Приказа, помѣщенной въ Актахъ Историческихъ [1]), находится слѣдующее мѣсто: «*на которыхъ людей истцы бьютъ челомъ въ татбахъ и въ* «*разбояхъ именно безъ поличнаго и безъ язычной молки и не по-*«*хованнымъ обыскомъ и тѣхъ челобитчиковъ отсылати въ судной* «*приказъ, гдѣ кто судимъ*». Впрочемъ изслѣдованіе такихъ дѣлъ можно было продолжать въ судномъ приказѣ только до пытокъ, съ наступленіемъ коихъ слѣдовало отсылать дѣла въ Разбойный Приказъ, ибо въ томъ же актѣ находится: «*а будетъ въ судномъ при-*«*казѣ сыщется, что тѣ дѣла разбойныя дошли до пытокъ и тѣхъ* «*истцовъ и отвѣтчиковъ изъ суднаго приказа отсылать въ Разбой-*«*ный*». Этимъ и ограничивалась дѣятельность судныхъ приказовъ. Присутствовали въ нихъ по боярину да по дьяку [2]). Въ періодъ, нами разсматриваемый, съ судными приказами не произошло никакихъ перемѣнъ.

ζ. Приказъ Казанскаго Дворца.

Къ приказамъ, судебная власть которыхъ опредѣлялась пространствомъ областей, можно также отнести и Приказъ Казанскаго Дворца. Учрежденіе сего приказа относится къ царствованію Іоанна Грознаго, ибо уже въ 1597 году въ Актахъ Арх. Эксп. встрѣчается извѣстіе о *Казанской Избѣ*, которая въ 1601 году переименована приказомъ [3]). Приказъ Казанскаго Дворца въ царствованіе Бориса Годунова завѣдывалъ дѣлами царствъ Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго и вообще всѣми понизовыми городами, а именно въ вѣдѣніи его были всѣхъ этихъ мѣстъ воеводы, дьяки, приказные, головы Татарскіе, стрѣлецкіе, казачьи, сотники, дворяне, дѣти боярскіе, князья муры, Татаре служилые, новокрещенцы, Тарханцы,

[1]) Акты Историч. III. № 167.
[2]) Акты Историч. I. № 355.
[3]) Успенскаго Опытъ повѣств. о древностяхъ рус., стр. 308.

Чуваши, Черемисы, Мордва и Башкирцы. Для всѣхъ этихъ лицъ и народовъ высшимъ судебнымъ мѣстомъ былъ Приказъ Казанскаго Дворца, что видно изъ указа Царя Михаила Ѳеодоровича 1624 года [1]). Кромѣ того въ подсудности Казанскаго приказа были нѣкоторые монастыри, съ принадлежавшими къ нимъ лицами изъятые отъ общаго суда по дѣламъ гражданскимъ. Такъ въ несудимой грамотѣ Пурдышевскому монастырю находится слѣдующее извѣстіе: «*Нашимъ воеводамъ и приказнымъ людямъ монастырскихъ людей не* «*судити, опричь татьбы, разбоя съ поличнымъ и душегубства; а кому* «*будетъ на игумена и на старцахъ и на монастырскихъ людяхъ* «*чего искати, или кто по нихъ свезетъ зазывную грамоту, и ихъ* «*въ тѣхъ искахъ судятъ на Москвѣ въ Приказѣ Казанскаго Дворца*» [2]). Въ Приказѣ Казанскаго Дворца присутствовали бояринъ и по нѣскольку дьяковъ, большею частію по два [3]).

II. ПРИКАЗЫ, СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ КОТОРЫХЪ ОПРЕДѢЛЯЛАСЬ РОДОМЪ ДѢЛЪ.

Къ приказамъ этимъ относятся *Холопій Судъ* или *Приказъ*, *Казенный Приказъ*, *Разбойный* и *Помѣстный*.

а. Холопій Судъ.

Холопій Судъ, можно сказать, былъ единственный приказъ, который представлялъ однообразіе въ вѣдомствѣ дѣлъ. Онъ ничѣмъ другимъ не завѣдывалъ, кромѣ дѣлъ о холопствѣ, но за то кругъ дѣйствія его простирался на все государство. По Вивліоѳикѣ приказъ сей получилъ начало свое еще въ царствованіе Іоанна III, въ 1500 году. Предметомъ вѣдомства Холопьяго Суда были дѣла о холопствѣ, а именно: онъ выдавалъ кабалы на холопство, также выдавалъ отпускныя; рѣшалъ тяжбы о холопствѣ или о свободѣ [4]). Что онъ былъ общимъ судомъ для всего государства по дѣламъ о холопствѣ, то видно изъ одной дополнительной статьи къ Судебнику, которая начинается такъ: «*били челомъ Государю Царю и* «*Великому Князю Василью Ивановичу всея Россіи въ Приказѣ Хо-* «*лопья Суда дворяне и дѣти боярскіе разныхъ многихъ городовъ*» и проч. [5]).

---

[1]) Максимовича Указатель I, стр. 134.
[2]) Акт. Историч. III. № 94.
[3]) Указ. Максимовича I, стр. 134.
[4]) Указ. Максимовича I, стр. 125.
[5]) Акт. Историч. II. № 85. Дополн. ст. къ Судебнику, стр. 115.

β. Казенный Приказъ.

Хотя по Вивліоѳикѣ имя Казенной Избы встрѣчается въ первый разъ въ 1578 году [1]), однакожь существованіе этого учрежденія, не только подъ именемъ Избы, но даже подъ именемъ *Казеннаго Приказа*, слѣдуетъ допустить ранѣе, потому-что еще въ 1559 году, въ дополнительномъ указѣ къ Судебнику Ц. и В. К. Іоанна Васильевича [2]), находимъ слѣдующее извѣстіе о Казенномъ Приказѣ: *«память Государя Царя и В. К. Казначѣямъ Ѳедору Иваковичу Сукину, да хозяину Юрьевичу Тютину......: и въ тотъ «день»*, (въ который большая панихида), *«смертною и торговую казнію вамъ въ своемъ приказѣ казнити не велѣти никого»*. А извѣстно, что въ Казенномъ Приказѣ присутствовали казначеи. Кромѣ того изъ послѣднихъ словъ уже видно, что Казенный Приказъ, сверхъ завѣдыванія царскою казною (утварью), имѣлъ еще и судебную власть. Она преимущественно опредѣлялась родомъ дѣлъ; были однакожь общины, подчиненныя ему по всѣмъ родамъ въ судебномъ отношеніи. Въ первомъ случаѣ суду Казеннаго Приказа подлежали: судебныя дѣла въ денежныхъ долгахъ, въ особенности въ кабальныхъ, т. е. если кто, занявъ деньги, кредитору своему давалъ на себя кабалу, по которой обязывался ему служить извѣстное время вмѣсто того, чтобъ платить ростъ [3]). Слѣдов. дѣла не о холопствѣ, а о взысканіи долговъ, подлежали суду казначеевъ, что видно изъ словъ: *«и заимщики по кабаламъ и въ сносъ скажутся виноватии, а иные судомъ винны дойдутъ, а доправити на «тѣхъ отвѣтчикахъ истцовыхъ исковъ по кабаламъ и сносовъ не мочно»* и проч. Если въ холопство поступалъ какой нибудь новокрещенный иноземецъ, то крѣпости на нихъ непремѣнно должны были записываться также у казначеевъ: *«а кто новокрещена приметъ къ себѣ «въ службу и крѣпость на него возметъ безъ вѣдома казначея, и тѣ «крѣпости отставливати и въ сносахъ суда не давати никому, по«тому-что безъ казначеева вѣдома новокрещена принялъ и крѣпость «взялъ»*. Но можно также думать, что и въ этомъ случаѣ судъ надъ новокрещенными, какъ холопами, не принадлежалъ казначеямъ; что безъ ихъ вѣдома они не могли вступать въ холопство, это еще не показываетъ судебной власти казначеевъ надъ ними. Можетъ быть, пошлины, которыя брались при поступленіи въ холопство новокрещенныхъ, назначены были въ Казенный Приказъ;

[1]) Вивліоѳ. XIV, стр. 350.
[2]) Максимов. I, стр. 99.
[3]) Тамъ же. Дополнит. ст. къ Судебнику 145.

и вотъ по-этому и велѣно было являть крѣпости или даже брать ихъ на новокрещенныхъ у казначеевъ; но этимъ актомъ вступленія въ холопство, кажется, и ограничивалось вѣдомство Казеннаго Приказа надъ новокрещенными; судъ же надъ ними, какъ надъ холопами, принадлежалъ, кажется, Холопьему Приказу. Можетъ быть, и самыя крѣпости на новокрещенныхъ иноземцевъ брались въ Холопьемъ Приказѣ и являлись только казначеямъ для полученія съ нихъ пошлины въ пользу Казеннаго Приказа. Гораздо явственнѣе судебная власть Казеннаго Приказа надъ нѣкоторыми общинами, которымъ предоставлено было право избирать себѣ судей. Сіи общины и выборные судьи ихъ были въ судебномъ вѣдомствѣ Казеннаго Приказа. Такъ Переяславскіе рыболовы въ силу уставной грамоты [1]) 1555 г. подчинены были въ судебномъ отношеніи вѣдомству Казеннаго Приказа: *«а въ «чемъ имъ* (судьямъ Переяславскихъ рыболововъ) *управити невоз«можно, и имъ въ томъ суда своего списки и обоихъ истцовъ при«сылати къ докладу на Москву къ нашимъ казначеямъ»*. Были и еще общины, коихъ главное судебное управленіе составлялъ Казенный Приказъ. Такъ въ подсудности Казеннаго Приказа были гости и гостиная сотня [2]). Впрочемъ Неволинъ относитъ ихъ къ вѣдомству Приказа Большой Казны. Но вѣроятнѣе кажется допустить первое, потому-что въ послѣдствіи, при Алексѣѣ Михайловичѣ, заподлинно извѣстно, что Казенный Приказъ, а не Большая Казна завѣдывалъ гостиною сотнею [3]). Суду Казеннаго Приказа подлежали также нѣкоторыя торговыя лица, изъятыя отъ общаго суда. Такъ, въ жал. грам. торговому человѣку Андрею Окулову, 1606 г., сказано: *«наши бояре и воеводы и дьяки ни въ чемъ ихъ*, (т. е. Окулова съ его людьми) *не судятъ, а кому до нихъ дѣло, сужу азъ «самъ Царь и В. К. на Москвѣ или мой казначей»*. Кромѣ показанныхъ нами предметовъ едва-ли на что нибудь простиралось судебное вѣдомство Казеннаго Приказа.

γ. *Разбойный Приказъ.*

Къ числу приказовъ, судебная власть которыхъ преимущественно опредѣлялась родомъ дѣлъ, должно отнести самый важный по пространству дѣйствія — Приказъ Разбойный. Утвердительно сказать нельзя, когда онъ получилъ свое начало. Объ общемъ вѣдомствѣ разбойныхъ дѣлъ впервые упоминается въ Бѣлозерской губной грамотѣ 1539 года: *«и вы бъ о томъ отписали часа того*

[1]) Акты Экспед. I. № 242.

[2]) Вивл. ч. XX, стр. 320; Указат. Максим., стр. 20. Неволина, ст. 89.

[3]) Вивліоѳ. часть XX, стр. 321.

«въ Москву къ нашимъ боярамъ, кому разбойныя дѣла приказаны» [1]). Но можно предположить, что еще до установленія губныхъ старостъ, какъ уголовныхъ судей, существовало въ Москвѣ вѣдомство для разбойныхъ дѣлъ; потому-что въ той же грамотѣ говорится: *«и мы къ вамъ посылали на Бѣлоозеро* (для разбойныхъ дѣлъ) *обы-«щиковъ своихъ»*; но для отправленія обыщиковъ непремѣнно должно было существовать какое нибудь вѣдомство; вѣдь не самъ же Царь занимался каждый разъ отправленіемъ обыщиковъ, въ особенности при тогдашнихъ постоянныхъ разбояхъ. Но до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній о кругѣ дѣйствій сего вѣдомства, тогда какъ для Разбойнаго Приказа въ губныхъ грамотахъ и другихъ актахъ онъ опредѣленъ съ нѣкоторою точностію.

Предметъ вѣдомства Разбойнаго Приказа преимущественно составляли дѣла уголовныя. Впрочемъ ему были подчинены и нѣкорые города по всѣмъ родамъ судныхъ дѣлъ [2]). Что касается до дѣлъ перваго рода, то, говоря о судныхъ приказахъ, мы показали, какія изъ уголовныхъ дѣлъ подлежали Разбойному Приказу: а именно ему принадлежалъ высшій судъ *«надъ вѣдомыми «лихими людьми»*, и преимущественно надъ шайками разбойниковъ. Къ лихимъ людямъ относились также поддѣлыватели разныхъ письменныхъ актовъ и подписей [3]). Обязанностію Разбойнаго Приказа въ этихъ дѣлахъ было: утверждать губныхъ старостъ и цѣловальниковъ и губныхъ дьяковъ, избранныхъ народомъ [4]), приводить этихъ чиновниковъ къ крестному цѣлованію [5]) и давать имъ наказы, какъ отправлять ихъ должности (*«и губныхъ бы старостъ и выборы «прислали къ намъ въ Москву для нашего крестнаго цѣлованія и для «наказу явиться имъ въ Разбойномъ Приказѣ»*) [6]); докладывать Царю о важныхъ случаяхъ, превышавшихъ власть областныхъ судей, и получать отъ него рѣшенія въ этихъ дѣлахъ [7]); дѣлать распоряженія касательно имущества, оставшагося послѣ казненныхъ губными старостами [8]). Были города, надъ которыми уголовный судъ въ означенныхъ дѣлахъ непосредственно производился въ Разбойномъ Приказѣ, какъ въ судѣ 1-й степени, такъ напр. Устюжна Желѣзополь-

[1]) Акты Арх. Экспед. I. N° 187.
[2]) Акты Историч. т. III. N° 60.
[3]) См. губныя грамоты. Ярлыкова Сводъ губ. гр. въ Чт. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1846.
[4]) Акты Экспед. I. N° 187.
[5]) Тамъ же.
[6]) Акты Эксп. III. 1627. N° 171.
[7]) Акты Экспед. I. N° 224.
[8]) Губная Бѣлозерская грамота. Акт. Экспед. I. N° 187.

ская [1]). Разбойному Приказу въ отношеніи подсудности подлежали по всѣмъ родамъ дѣлъ губные старосты, цѣловальники и дьяки [2]). Разбойный Приказъ, какъ уже сказано, завѣдывалъ нѣкоторыми городами и по управленію вообще, слѣд. ему подлежали не только уголовныя, но и гражданскія дѣла жителей этихъ городовъ, по общимъ правиламъ подсудности. Какіе именно города находились въ вѣдѣніи Разбойнаго Приказа, неизвѣстно. Знаемъ только, что были таковые города («а въ городѣхъ, которые по Госуда«реву указу вѣдаютъ въ Разбойномъ Приказѣ........послать къ «воеводамъ съ статейнаго списка грамоты») [3]). Присутствующими въ Разбойномъ Приказѣ были бояринъ, а иногда и два, съ нѣсколькими дьяками; но большею частію въ Разбойномъ Приказѣ засѣдали по нѣскольку бояръ вдругъ; въ губныхъ грамотахъ всегда говорится: «*къ боярамъ нашимъ, кому разбойныя дѣла приказаны*».

8. Помѣстный Приказъ.

Судебное вѣдомство Помѣстнаго Приказа опредѣлялось также родомъ дѣлъ. Въ соборномъ уложеніи Іоанна Грознаго о монастырскихъ земляхъ 1581 года въ первый разъ упоминается о *Помѣстной Избѣ* [4]) въ смыслѣ судебнаго мѣста о земляхъ помѣстныхъ. Неизвѣстно, когда эта Помѣстная Изба получила названіе приказа,но для насъ важнѣе опредѣлить судное значеніе Помѣстнаго Приказа. Въ сущности онъ носилъ характеръ учрежденія административнаго; главнымъ назначеніемъ было надѣлять казенными землями частныя лица, желавшія нести какую-нибудь службу въ пользу Государя или государства. По неопредѣленному праву собственности или, лучше, по неопредѣленному отношенію этихъ временныхъ владѣльцевъ къ помѣстной землѣ, у нихъ могло родиться о ней множество спорныхъ вопросовъ, какъ между собою, такъ и въ отношеніи къ государству. Очевидно, что Помѣстному Приказу, какъ ведшему подробную вѣдомость помѣстнымъ землямъ, всего легче и удобнѣе можно было рѣшать спорные вопросы, возникавшіе у помѣщиковъ, и распоряженіями на частный случай дополнять то неопредѣленное право владѣнія, которымъ пользовались помѣщики въ отношеніи къ своимъ помѣ-

---

[1]) Акт. Эксп. III. 1614. Уставная гр. Устюжны Желѣзопольской.
[2]) Акт. Историч. т. III. № 60.
[3]) Тамъ же.
[4]) Указат. Максимов. I, стр. 101.

отчинъ. Вслѣдствіе сего Помѣстный Приказъ является судебнымъ мѣстомъ по спорнымъ дѣламъ о помѣстьяхъ и отчинахъ. Отчины, мнѣ кажется, потому подлежали вѣдомству Помѣстнаго Приказа, что онѣ, возникая изъ помѣстьевъ, тоже чрезъ посредство Помѣстнаго Приказа дѣлались отчинами, слѣдовательно и въ этомъ отношеніи Помѣстный Приказъ скорѣе другихъ могъ рѣшать спорные вопросы объ отчинахъ. И такъ ему подлежали слѣдующія дѣла: переходъ помѣстьевъ, какъ отъ казны къ частнымъ лицамъ, такъ и отъ одного частнаго лица къ другому [1]); тяжбы о помѣстьяхъ, возникавшія между частными лицами, что видно изъ указа Царя Михаила Ѳеодоровича 8 Авг. 1628 года, гдѣ сказано: «*по приговору боярина Князя Андрея Васильевича* «*Сицкаго* [2]) *съ товарищи дано Фирсу Аничкову да Василью Шам*«*шеву Алексѣево помѣстье Колычево въ Великомъ Новгородѣ 430* «*четвертей, по прежнему къ Новгородскому ихъ помѣстью и въ о*«*клады; а первому Харламову съ товарищи въ томъ помѣстьи от*«*казано*». Споры объ отчинахъ рѣшались также въ Помѣстномъ Приказѣ [3]); и ему же подлежали, кажется, тяжбы, возникавшія у помѣщиковъ и отчинниковъ изъ перехода крестьянъ, какъ видно изъ указа Царя Василія Іоанновича Шуйскаго [4]).

III. ПРИКАЗЫ, СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ КОТОРЫХЪ ОПРЕДѢЛЯЛАСЬ УПРАВЛЕНІЕМЪ.

Изъ этихъ приказовъ мы поименуемъ *Дворцовый*, *Иноземскій*, *Посольскій*, *Стрѣлецкій* и нѣкоторые другіе, болѣе значительные по кругу лицъ, находившихся у нихъ въ подсудности.

а. Приказъ Большого Дворца.

Первоначально дѣлами дворца и отчасти тѣмъ, что въ послѣдствіи вошло въ составъ Приказа Большого Дворца, завѣдывалъ дворецкій. Званіе дворецкаго существовало еще до Іоанна III [5]). Не занималъ ли этой должности при князьяхъ такъ часто упоми-

---

[1]) Неволина Управ. Россіи отъ Іоанна III до Петра Великаго, стр. 87.

[2]) Князь Андрей Васил. Сицкій въ 1628 г. присутствовалъ въ Помѣстномъ Приказѣ (см. Вивл. XX. Приказы).

[3]) Указат. Максимовича I. Указы Царя Михаила Ѳеодоровича.

[4]) Указат. Максимовича I. Указъ 1607 года.

[5]) Неволина Управл. въ Россіи, стр. 74.

емый въ древнихъ грамотахъ *бояринъ введеный*, можетъ быть, отъ свободнаго доступа къ князю получившій это названіе? По крайней мѣрѣ дѣла, поручаемыя прежде боярину введеному, сходны съ должностями, которыя въ послѣдствіи стали исправлять дворецкіе. Такъ при освобожденіи кого-нибудь отъ общаго суда и подчиненіи непосредственному княжескому суду, должность судьи часто вмѣсто самого Князя отправлялъ бояринъ введеный; при такихъ же обстоятельствахъ въ послѣдствіи, съ назначеніемъ дворецкаго, должность судьи исправлялъ сей послѣдній. Тождество боярина введенаго и дворецкаго подтверждается еще тѣмъ, что названіе перваго исчезаетъ по появленіи дворецкаго.

Что касается до времени учрежденія Дворцоваго Приказа, то имя его въ первый разъ встрѣчается въ 1547 году, въ Актахъ Историческихъ [1]). И потомъ какъ судебное мѣсто Дворцовый Приказъ упоминается въ Актахъ же Историческихъ въ 1556 году [2]).

Судебная власть Дворцовому Приказу принадлежала: во 1-хъ, по управленію самимъ дворцомъ; во 2-хъ, по управленію приписанными къ дворцу какъ городскими, такъ и сельскими общинами; въ 3-хъ, относительно нѣкоторыхъ лицъ и общинъ, вслѣдствіе освобожденія ихъ отъ общаго суда. По управленію самимъ дворцомъ, Дворцовый Приказъ имѣлъ судебную власть надъ всѣми чиновниками и служителями, находившимися при дворѣ. Сюда относятся чиновники и служители дворовъ, въ послѣдствіи обратившихся въ приказы, кормового, хлѣбнаго, житнаго и сытеннаго. Далѣе Дворцовый Приказъ былъ высшимъ судебнымъ мѣстомъ для всѣхъ, приписанныхъ къ дворцу слободъ, волостей и селъ; для отличія отъ прочихъ вѣдомствъ, они получили названіе *дворцовыхъ*. Первоначально Дворцовый Приказъ завѣдывалъ только дворцовыми волостями, въ Великомъ Княженіи Московскомъ находившимися. По присоединеніи удѣльныхъ княжествъ, для управленія и суда надъ всѣми общинами, приписанными къ удѣльнымъ дворцамъ, оставлены были прежніе дворецкіе удѣльныхъ князей и при нихъ учреждены были особыя вѣдомства. Но Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ всѣ эти дворцы соединилъ въ одинъ подъ названіемъ Большого Дворца [3]). Такимъ образомъ Приказъ Большого Дворца сдѣлался общимъ судебнымъ мѣстомъ для всѣхъ дворцовыхъ вѣдомствъ. Обязанность его въ этомъ отношеніи была посылать въ дворцовыя волости, если симъ послѣднимъ не дано было права

---

[1]) Т. I. № 149.
[2]) Тамъ же № 165.
[3]) Вивл. XX, стр. 140.

избирать своихъ собственныхъ судей, для суда и расправы ключниковъ, посельскихъ и прикащиковъ [1]). Если же волости дворцовой предоставлено было право избирать своихъ судей; то обязанность Дворцоваго Приказа въ этомъ случаѣ была утверждать выборныхъ судей [2]), также принимать на нихъ жалобы и иски [3]) и рѣшать судныя дѣла, превышавшія власть сихъ послѣднихъ [4]). Нѣкоторыя слободы и волости дворцовыя и по суду въ 1-й степени подлежали Дворцовому Приказу [5]). Въ подсудности Приказа Большого Дворца были также многіе монастыри и церкви, освобожденные отъ общаго суда съ принадлежавшими къ нимъ лицами [6]); въ этомъ отношеніи Приказъ Большого Дворца непосредственно давалъ судъ первой степени въ дѣлахъ между духовными и ихъ людьми съ лицами постороннихъ вѣдомствъ: «*а кому будетъ до* «*игумена и до братьи и до слугъ и до крестьянъ каково дѣло; а* «*игумену Харитону или его слугамъ и крестьянамъ до кого какое дѣло* «*будетъ въ управныхъ дѣлахъ, а кто будетъ у нихъ въ монастырѣ* «*ихъ данной приставъ, и тотъ ихъ данной приставъ отъ нихъ и по* «*нихъ ѣздитъ на одинъ срокъ въ году и ставитъ ихъ передъ нашимъ* «*дворецкимъ, у кого будетъ Болшой Дворецъ въ приказѣ*» [7]). Въ послѣдствіи времени всѣ монастыри поступили въ вѣдомство, и слѣдовательно въ подсудность Дворцоваго Приказа, что видно изъ записки о царскомъ дворѣ 1610 — 1613 года, гдѣ сказано: «*да во* «*дворцѣ жъ въ приказѣ монастыри всѣхъ городовъ*» [8]). Присутствовали въ Приказѣ Большого Дворца дворецкій и съ нимъ два дьяка [9]).

Въ актахъ упоминается еще о *Дворцовомъ Судномъ Приказѣ*. Этотъ приказъ былъ ничто-иное какъ судное отдѣленіе, учрежденное въ послѣдствіи для успѣшнаго хода дѣлъ въ Приказѣ Большого Дворца. Слѣдовательно всѣ судныя дѣла Приказа Большого Дворца перешли въ послѣдствіи въ Дворцовый Судный Приказъ. Время учрежденія его относится къ 1626 году [10]).

---

[1]) Акты Экспед. III. 1613 года.
[2]) Акты Историч. I. № 165.
[3]) Тамъ же.
[4]) Акты Историч. I. № 165.
[5]) Акты Экспед. III. № 324; 1631 года Фев. 23.
[6]) Акт. Экспед. II. 1601. Жалов. гр. Тверскому Преображенскому собору.
[7]) Акты Экспедиціи III. 1562 г.
[8]) Акт. Историч. III. № 60.
[9]) Акт. Историч. т. II. № 349.
[10]) Вивл. XX. Приказы.

β. Иноземскій Приказъ.

Начавшіеся съ Іоанна III къ намъ пріѣзды иноземцевъ продолжались въ слѣдующія царствованія; наконецъ при Θеодорѣ Іоанновичѣ, а можетъ быть и ранѣе, число ихъ такъ было значительно, что правительство принуждено было учредить для нихъ особое вѣдомство. Такое вѣдомство, подъ именемъ Иноземскаго Приказа, упоминается въ запискѣ о царскомъ дворѣ въ 1610 — 1813 годахъ [1]) («приказъ иноземцевъ, гдѣ ихъ вѣдаютъ всѣхъ»). Въ подсудности Иноземскаго Приказа были иностранцы, жившіе въ нѣмецкой слободѣ въ Москвѣ, и въ другихъ частяхъ государства, по дѣламъ гражданскимъ: какъ между собою, такъ и въ дѣлахъ съ Русскими они судимы были въ Иноземскомъ Приказѣ, ежели противное не было постановлено особеннымъ указомъ: «*А по нашему указу иноземцевъ и ихъ людей и крестьянъ во всякихъ дѣлахъ вѣдаютъ судомъ въ Иноземскомъ Приказѣ бояре наши, а въ иныхъ приказѣхъ и городѣхъ иноземцевъ и ихъ людей и крестьянъ вѣдати и судити безъ нашего указу не велѣно; а кого мы иноземцевъ и ихъ людей и крестьянъ укажемъ судити въ городѣхъ, и о томъ посылаютъ наши грамоты изъ Иноземскаго Приказа, и во всякихъ истцовыхъ искѣхъ суда не давати, и ни въ чемъ ихъ не вѣдати, окромѣ съ поличнымъ татбы и разбою и татиные и разбойные язычные молки*» [2]). Слѣдовательно по дѣламъ уголовнымъ иностранцы не освобождались отъ общихъ правилъ подсудности. Этимъ и ограничивалось вѣдомство Иноземскаго Приказа до Алексѣя Михайловича.

γ. Посольскій Приказъ.

Посольскій Приказъ упоминается въ первый разъ въ 1584 г. [3]). Главнымъ назначеніемъ его было сношеніе съ иностранными державами. Но такъ-какъ у насъ, не смотря на главную цѣль учрежденія приказовъ, всѣ они имѣли судную власть, то и Посольскій Приказъ въ свою очередь, и еще въ большей предъ другими мѣрѣ, пользовался правомъ суда. Посольскій Приказъ подобно Иноземскому имѣлъ судную власть надъ иностранцами. Трудно разграничить, которые изъ нихъ подлежали суду одного и которые суду другого. Мнѣ кажется, что преимущественно Посольскому

---

[1]) Акты Историч. III N°. 60.

[2]) Акты Историч. III. N° 183. 1635 г.

[3]) Вивліоθ. XX. Приказы.

Приказу подлежали тѣ изъ иностранцевъ, которые пріѣзжали къ намъ на время и, не вступая въ русскую службу, занимались торговыми дѣлами. Вступившіе же въ службу или поселившіеся на жительство въ Москвѣ и въ иныхъ городахъ вѣдались судомъ и расправою въ Иноземскомъ Приказѣ. Кромѣ сихъ дѣлъ въ послѣдствіи времени Посольскому Приказу подчинены были многіе приказы съ приписанными къ нимъ городами; но это послѣдовало при Алексѣѣ Михайловичѣ и его преемникахъ [1]). Во время же, нами разсматриваемое, Посольскій Приказъ завѣдывалъ немногими городами, а именно: Пермью, Чердынью и Солью-Камскою. Въ эти города воеводы и дьяки посылались изъ Посольскаго Приказа [2]). Въ судномъ отношеніи городами этими завѣдывалъ Посольскій Приказъ по общимъ правиламъ. Ему же подсудны были нѣкоторыя общины и частныя лица въ другихъ городахъ. Такъ посадскіе люди города Романова судимы были въ Посольскомъ Приказѣ [3]); разумѣется, въ семъ случаѣ судебная власть Посольскаго Приказа простиралась только на дѣла гражданскія. Въ числѣ лицъ, находившихся въ подсудности Посольскаго Приказа, были именитые люди Строгановы со всѣмъ тѣмъ, что находилось въ ихъ вѣдѣніи [4]). Низшихъ чиновниковъ своихъ Посольскій Приказъ судилъ самъ, т. е. переводчиковъ, толмачей и подъячихъ [5]). Наконецъ въ подсудности Посольскаго Приказа были нѣкоторые монастыри съ принадлежавшими къ нимъ людьми, а именно: Саввинъ, Симоновъ, Воскресенскій, Новоіерусалимскій, Иверскій, что на Валдаяхъ, Кіевопечерскій и др. [6]). Всѣ эти лица и общины находились въ вѣдомствѣ и въ подсудности Посольскаго Приказа, съ тою цѣлію, вѣроятно, чтобъ доставить ему большій доходъ, потому-что нужды Посольскаго Приказа были довольно значительны. Присутствовали въ Посольскомъ Приказѣ думные дьяки.

Прочіе приказы, судебная власть которыхъ опредѣлялась предметами и лицами, находившимися въ ихъ управленіи, были незначительны въ судебномъ отношеніи. Суду ихъ подлежали всѣ дѣла гражданскія, возникавшія какъ между лицами, находившимися у нихъ въ управленіи, такъ и между сими послѣдними и лицами стороннихъ вѣдомствъ. Изъ этихъ приказовъ значительнѣе другихъ по

---

[1]) Неволина Управл. въ Росс. отъ Іоанна III до Петра В., стр. 100.
[2]) Тамъ же.
[3]) Акты Экспедиціи III. № 14. 1613. г.
[4]) Вивліоѳ. XX. Приказы, стр. 363.
[5]) Тамъ же.
[6]) Вивліоѳ. XX. Приказы.

пространству судебной власти были: *Стрѣлецкій*, въ подсудности котораго были всѣ стрѣльцы; *Ямской*, завѣдывавшій въ судномъ отношеніи ямщиками; *Пушкарскій*, *Аптекарскій* и друг. Особенныхъ вѣдомствъ судныхъ, внѣ ихъ управленія, приказы сіи не имѣли.

2. Областное судебное управленіе Россіи отъ Іоанна Грознаго до Алексѣя Михайловича.

Въ областномъ судебномъ управленіи при Іоаннѣ Грозномъ произошли значительныя перемѣны. Однѣ изъ этихъ перемѣнъ коснулись цѣлаго государства или, по крайней мѣрѣ, большей части его; другія, хотя и ихъ тоже предполагалось сдѣлать всеобщими, введены были по причинамъ, намъ неизвѣстнымъ, только въ нѣкоторыхъ областяхъ. Къ перемѣнамъ перваго рода слѣдуетъ отнести: во 1-хъ, отдѣленіе важныхъ уголовныхъ преступленій отъ гражданской судебной власти и образованіе для нихъ особенныхъ судей подъ именемъ *губныхъ старостъ*, избираемыхъ самимъ народомъ; во 2-хъ, всеобщее введеніе старостъ и цѣловальниковъ, какъ представителей народа, при судѣ чиновниковъ, назначаемыхъ княземъ или избираемыхъ народомъ. Цѣловальники и старосты существовали еще до Іоанна IV, но участіе ихъ въ судѣ было тогда случайное и не было введено вездѣ. Іоаннъ Грозный напротивъ участію въ судѣ старостъ и цѣловальниковъ далъ всеобщее значеніе: «*А которому намѣстнику далъ въ кормленье городъ съ волостели или* «*ему даны въ кормленье волости, а которыхъ напередъ сего старостъ* «*и цѣловальниковъ не было, и нынѣ въ тѣхъ во всѣхъ волостяхъ* «*быти старостамъ и цѣловальникамъ*» [1]. Перемѣны, дѣйствіе которыхъ ограничивалось только нѣкоторыми областями, состояли въ предоставленіи народу, вмѣсто намѣстниковъ и волостелей, избирать для суда и расправы изъ среды себя судей. И такъ судебное управленіе областей съ Іоанна IV до Алексѣя Михайловича составляли 1) по гражданскимъ дѣламъ: а) лица, назначенныя правительствомъ, б) судьи, избираемые народомъ, 2) по уголовнымъ дѣламъ — губные старосты, также избираемые народомъ. Сообразно этому мы разсмотримъ сначала лица, назначаемыя правительствомъ преимущественно для гражданскихъ и отчасти уголовныхъ дѣлъ; далѣе разсмотримъ права и обязанности судей, избираемыхъ народомъ; потомъ будутъ представлены губные старосты, какъ судьи для уголовныхъ дѣлъ. Въ заключеніе же взглянемъ еще на судьбу судебныхъ привилегій, которыя продолжаютъ существовать и въ этомъ періодѣ.

[1]) Судебн. Іоанна IV, Строева и Калайдовича, стр. 73.

А. ЧИНОВНИКИ, НАЗНАЧАЕМЫЕ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ.

Относительно лицъ, назначаемыхъ правительствомъ для судебнаго управленія въ областяхъ, не произошло въ этомъ періодѣ важныхъ измѣненій. Лица эти по прежнему вмѣстѣ съ судебною властію обладали и правительственною. Въ рѣшеніи дѣлъ судебныхъ господствуетъ тоже начало бюрократическое, хотя подъ конецъ періода и видны слѣды начала коллегіальнаго. Такъ въ одной грамотѣ 1608 г. находимъ: «*а по нашему наказу велѣно тебѣ въ Перми съ Өедоромъ начи всякія дѣла дѣлати и Пермскихъ посадскихъ людей и волостныхъ «судити, а ты въ судную избу не ѣздишь и тѣ судныя дѣла су«дишь и приговариваешь одинъ у себя на подворьѣ съ земскими дьячки, «и впредь тебѣ того не дѣлати*» и проч. [1]). Лица, назначаемыя правительствомъ для судебнаго управленія въ городахъ съ округами, были: намѣстникъ и подчиненные ему чиновники; по прежнему намѣстники были съ боярскимъ судомъ или безъ боярскаго [2]), и въ чемъ состояло различіе между ними, мы уже знаемъ. Намѣстники съ боярскимъ судомъ были большею частію въ большихъ областяхъ, составлявшихъ прежде независимыя княжества или владѣнія, такъ напр. въ Новгородѣ, Псковѣ, Казани, Астрахани, въ Сибири и другихъ мѣстахъ. Намѣстники въ сихъ городахъ имѣли судную власть не только въ городѣ и его округѣ, но, кажется, и въ цѣлой области; въ такомъ случаѣ судебная власть намѣстника распространялась и на дальнѣйшихъ областныхъ чиновниковъ — волостелей. Были намѣстники съ судебною властью въ городѣ и въ волостяхъ, къ нему приписанныхъ; были и такіе, которые завѣдывали въ судебномъ отношеніи одними только волостями («А которому намѣ«стнику данъ въ кормленье городъ съ волостьми, или ему даны въ «кормленье волости») [3]). Права и обязанности намѣстниковъ по прежнему опредѣлялись судными и уставными грамотами [4]).

Что касается до дѣлъ, подлежавшихъ вѣдомству намѣстника въ судебномъ отношеніи, то всѣ дѣла гражданскія, возникавшія между лицами, находившимися въ его управленіи, подлежали рѣшенію намѣстника [5]). Въ отношеніи гражданскихъ дѣлъ предписывалось намѣстникамъ принимать иски и рѣшать тяжбы лицъ, имъ подвѣдомственныхъ, сообразно ихъ имуществу: иски же и тяжбы,

---

[1]) Акты Экспедиціи III. № 86.
[2]) Судеб. Іоанна IV, Строева и Калайдовича, стр. 71.
[3]) Тамъ же, стр. 73.
[4]) Акт. Экспед. I. № 181. 1536 г. Устав. Онежская грам. и другія.
[5]) Тамъ же.

превышавшіе цѣною имущество истцовъ, запрещалось принимать намѣстникамъ; почему *для* споровъ объ имуществѣ истцевъ у старостъ и цѣловальниковъ, сидѣвшихъ на судѣ у намѣстниковъ, велись такъ называемыя *розметныя* книги [1]). Но для насъ гораздо важнѣе опредѣлить дѣла уголовныя, судъ по которымъ раздѣлялъ намѣстникъ съ губными старостами. Изъ уголовныхъ дѣлъ подлежали рѣшенію намѣстника татьба, душегубство, татьба съ поличнымъ и прочія преступленія, кромѣ разбою, который судили губные старосты; это видно изъ слѣдующихъ мѣстъ: *«а на кого доведутъ «татбу или душегубство, или иное какое лихое дѣло, опричь разбою, «въ которомъ городѣ или волости, а будетъ вѣдомой лихой человѣкъ, «и намѣстнику или волостелю велѣти того казнить смертною каз«нію»* [2]); *«а старостамъ излюбленнымъ, опричь вѣдомыхъ разбойниковъ, «у намѣстниковъ не вступатся ни во что»* [3]). Слѣдовательно изъ уголовныхъ дѣлъ только разбой изъятъ былъ изъ судебной власти намѣстника; все прочее, какъ и прежде, подлежало суду его. Въ началѣ XVII ст. имя намѣстника все болѣе и болѣе исчезаетъ: мѣсто его встрѣчается названіе *воеводы*. Воеводы до Алексѣя Михайловича имѣли тоже значеніе въ судебномъ отношеніи, что и намѣстники [4]). Слѣдовательно сказанное о намѣстникахъ можно примѣнить и къ воеводамъ въ разсматриваемое нами время. Первоначально они являются въ областяхъ пограничныхъ.

Я указалъ чиновниковъ, подвластныхъ намѣстникамъ и ими опредѣляемыхъ въ періодъ времени до Іоанна Грознаго; и при немъ мы встрѣчаемъ тѣхъ же тіуновъ, праветчиковъ и доводчиковъ, съ тѣми же правами и обязанностями, которыя принадлежали имъ въ предъидущемъ періодѣ [5]). Ближе къ царствованію Алексѣя Михайловича лица эти исчезаютъ: новое назначеніе въ составѣ чиновъ, подвластныхъ намѣстникамъ и воеводамъ, получаютъ въ началѣ XVII ст. дьяки и подъячіе. Независимо отъ письменныхъ дѣлъ, отправляемыхъ этими лицами, они, въ особенности первые, являются судьями вмѣстѣ съ намѣстниками и воеводами. Такъ въ указѣ Михаила Ѳеодоровича 1624 г., Іюня 21, сказано: *«А самому ему Андрею, бывъ въ Свіяжскомъ съ воеводою «со княземъ Алексѣемъ Долгорукимъ, Государевымъ дѣломъ промыш«ляти вмѣстѣ за одинъ, и всякихъ людей судити и расправа межъ*

---

[1]) Судеб. Іоанна IV, стр. 77.
[2]) Тамъ же стр. 67.
[3]) Тамъ же.
[4]) Акты Экспед. т. III. Жалован. грамоты и наказы. 1616—1618 г.
[5]) Судебникъ Іоанна Грознаго, стр. 45. 61.

«ими чинити въ правду по Государеву Цареву крестному цѣлова-«нію, а розни никоторыя межь себя ни въ чемъ не чинити» [1]). Изъ этого указа видно, что въ устройствѣ судебной власти начинаетъ проглядывать начало коллегіальное. Еще явственнѣе оно видно въ жалованной грамотѣ въ Пермь князю Вяземскому съ выговоромъ за притѣсненіе Вятчанъ [2]). Въ грамотѣ предписывается производить судъ и расправу въ Перми и въ Пермскихъ городахъ вмѣстѣ съ подъячимъ Леонтьемъ Сафоновымъ. Изъ этихъ данныхъ видно, что у насъ, вопреки мнѣнію Кавелина [3]) и другихъ, еще до Петра Великаго положено было начало коллегіальному устройству судовъ. Но начало это до Петра Великаго подавлялось личнымъ характеромъ судоустройства, потому - что еще по недостатку образованія не было столько лицъ, чтобъ можно было замѣстить ими судилища, коллегіальнымъ образомъ устроенныя, и такимъ образомъ до Петра Великаго преимущественный характеръ судоустройства былъ личный. Встрѣчаются акты, изъ которыхъ видно, что судная власть въ областяхъ была поручаема приказнымъ людямъ съ коллегіальнымъ характеромъ власти. Примѣръ такого судебнаго управленія представляетъ вышеупомянутая грамота 1608 года въ Пермь подъячему Науму Романову [4]). Въ этой грамотѣ сказано: *«А по нашему наказу велѣно тебѣ, въ Перми съ Ѳедоромъ нашим «всякія дѣла дѣлати и Пермскихъ посадскихъ людей и волостныхъ «судити, а ты въ судную избу не ѣздишь и тѣ судныя дѣла су-«дишь и приговариваешь одинъ у себя на подворьѣ съ земскими дьяч-«ки, и впредь тебѣ того не дѣлати»*. Опредѣленіемъ намѣстниковъ въ города занимался главнымъ образомъ *Большой Разрядъ*. Но были приказы, которые независимо отъ разряда назначали воеводъ и намѣстниковъ въ города, ими завѣдываемые. На судѣ намѣстниковъ, въ силу 68 ст. Судебнику Іоанна IV, должны были присутствовать старосты и цѣловальники. Не принимая участія въ судѣ, старосты и цѣловальники должны были наблюдать за правильнымъ производствомъ суда у намѣстниковъ, и въ случаѣ жалобы свидѣтельствовали, какъ производился судъ у намѣстника: такъ ли, какъ представлялъ жалобникъ, или какъ въ судномъ спискѣ изложено: *«А пришлетъ намѣстникъ или волостель ихъ или тіуны «списокъ судной къ докладу, и будетъ ищея или отвѣтчикъ у до-*

---

[1]) Указатель Максимовича, стр. 134.
[2]) Акт. Экспедиціи III. №. 78.
[3]) Устр. гражд. суд. стр. 83 и далѣе.
[4]) Акт. Экспед. III. № 86.

«кладу списокъ обложивить, и послати на правду по дворскаго и по «старосту и по цѣловальниковъ, которые у того дѣла сидѣли въ су«дѣ; да будетъ тѣ судные мужи скажутъ, что судъ таковъ былъ» и проч. И такъ не незнаніе намѣстниками обычаевъ народа при судѣ вызвало учрежденіе старостъ и цѣловальниковъ, какъ думаютъ нѣкоторые [1]), а желаніе искоренить злоупотребленія и оградить народъ отъ произвола намѣстниковъ и прочихъ судей можно почесть побудительною причиною повсемѣстнаго учрежденія старостъ и цѣловальниковъ. Самый судъ во времена Іоанна Грознаго уже производился по законамъ, не по однимъ обычаямъ. Судебникъ, судныя дѣла и уставныя грамоты и другія акты содержатъ довольно пространныя правила производства суда, и ихъ скорѣе должны были и могли знать сами судьи, чѣмъ старосты и цѣловальники, такъ-что не было нужды Іоанну IV, для указанія обычаевъ судныхъ намѣстникамъ, вводить повсемѣстно званіе старостъ и цѣловальниковъ; но онъ имѣлъ при этомъ именно желаніе прекратить злоупотребленія суда. И дѣйствительно, изъ приведеннаго мѣста мы видѣли, что старосты и цѣловальники не принимали никакого участія въ судѣ, а были только безмолвными свидѣтелями и наблюдателями, а не органами выраженія народныхъ обычаевъ. Цѣловальники, присутствовавшіе въ судѣ намѣстниковъ, назывались *судными цѣловальниками*, для отличія отъ цѣловальниковъ, исправлявшихъ другія должности по низшей административной части [2]).

За намѣстниками по пространству судебной власти слѣдуютъ волостели съ подчиненными имъ судьями. Въ судебной власти ихъ не произошло никакихъ перемѣнъ въ періодъ, нами разсматриваемый; только на судѣ ихъ, также какъ и у намѣстниковъ, повсемѣстно стали присутствовать старосты и цѣловальники.

Б. Земскіе выборные судьи.

Новыми лицами, вызванными на поприще судебной дѣятельности Іоанномъ Грознымъ, являются земскіе выборные судьи. Желая искоренить продажность правосудія и вслѣдствіе безпрестанныхъ жалобъ, приносимыхъ областными жителями на намѣстниковъ и волостелей, Іоаннъ IV уничтожилъ въ нѣкоторыхъ обла-

[1]) Ср. ст. Попова: „устройство уголовныхъ судовъ въ Московскомъ Государствѣ“ въ Сѣверномъ Обозрѣніи Т. I, стр. 193 и слѣд. прим. 82.

[2]) Акт. Историч. II. № 146.

стяхъ званіе намѣстника и волостеля, и даровалъ мѣстнымъ жителямъ право выбирать изъ среды себя судей для отправленія правосудія, какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго. Даровавъ это право въ видѣ привилегіи нѣкоторымъ областямъ, Іоаннъ хотѣлъ сдѣлать его всеобщимъ и неоднократно высказывалъ это желаніе. Въ доказательство приведемъ мѣсто изъ уставной грамоты рыболовамъ Переяславскимъ, данной въ 1555 году [1]); тамъ же высказаны Іоанномъ и причины, по которымъ уничтожено званіе намѣстника въ нѣкоторыхъ областяхъ: *«что напередъ сего жаловали есмя бояръ своихъ и князей и дѣтей боярскихъ, городы и волости «давали имъ въ кормленье, и намъ отъ крестьянъ челобитья великіе и докука была безпрестанная, что намѣстники наши и волостели и ихъ пошлинные люди, сверхъ нашего жалованья указу, чинятъ имъ продажи и убытки великіе; и отъ намѣстниковъ и отъ «волостелей, и отъ пошлинныхъ людей намъ докука и челобитья «великіе, что имъ посадскіе люди, и волостные подъ судъ и на поруки не даются и кормовъ имъ не платятъ, и ихъ бьютъ, и въ «томъ межъ ихъ поклепы и тяжбы великіе; до отъ того на посадѣхъ многіе крестьянъ дворы, а въ уѣздахъ деревни и дворы запустѣли и наши дани и оброки сходятся не сполна, и мы жалуючи крестьянство, для тѣхъ великихъ продажъ и убытковъ, намѣстниковъ и волостелей и праветчиковъ отъ городовъ и отъ волостей отставили; а за намѣстничьи и за волостелины и за праветчиковы, и за присудъ и за ихъ пошлинныхъ людей, пошлины «велѣли есми посадскихъ и волостныхъ крестьянъ пооброчити деньгами, а того для, чтобы крестьянству продажъ и убытковъ не «было, и намъ бы отъ нихъ на намѣстниковъ и на волостелей и «на праветчиковъ докуки не было, а посады бы и волости отъ того не пустѣли, велѣли есми во всѣхъ городѣхъ и волостяхъ учинити старостъ излюбленныхъ, кому межъ крестьянъ управа чинити «и доходы намѣстничьи, волостелины и доводчиковы сбирати и къ «намъ въ срокъ привозити и разсудити бы ихъ умѣли вправду и «безпосулно и безволокитно».* Однакожъ не безвозмездно были отставлены намѣстники и волостели: и по уничтоженіи ихъ, доходы, слѣдовавшіе намѣстникамъ и волостелямъ, сбирались, какъ видно изъ грамоты, слѣдовательно и самъ Іоаннъ, желавшій учредить судебную власть на прочныхъ началахъ, не уничтожилъ совершенно древняго финансоваго взгляда на судебную власть, какъ на источникъ государственныхъ доходовъ, и въ платежѣ намѣстничьихъ и волостелиныхъ пошлинъ видѣнъ этотъ слабый остатокъ древняго воззрѣнія на власть судебную.

[1]) Акт. Эксп. I. № 242.

Изъ означенной грамоты видно также, какъ уже упомянуто, что Іоаннъ IV имѣлъ намѣреніе ввести выборныхъ земскихъ судей во всемъ государствѣ; въ самой грамотѣ говорится о нихъ, какъ будто бы существующихъ повсемѣстно; но на самомъ дѣлѣ выборные судьи являются только въ нѣкоторыхъ областяхъ, между тѣмъ какъ въ другихъ существовало прежнее судебное управленіе. Разсмотримъ составъ и пространство власти выборныхъ судей.

Они носили различныя названія, смотря по пространству дѣйствія ихъ власти. Такъ они назывались *излюбленными головами*, если судебная власть ихъ простиралась на цѣлый округъ, освобожденный отъ намѣстниковъ, напр. въ Важскомъ уѣздѣ [1]). Въ меньшихъ участкахъ, какъ напр. въ слободахъ, посадахъ, выборные судьи назывались *излюбленными старостами* [2]). Въ волостяхъ и отдѣльныхъ селахъ выборные судьи просто назывались *земскими судьями, судейками* и проч. Число выборныхъ судей было различно, смотря по тому, простиралась ли власть ихъ на цѣлую область или только на волость или слободу или село, освобождаемыя отъ намѣстниковъ. Число судей для цѣлаго уѣзда или области обыкновенно не превышало десяти [3]). Въ волостяхъ было по два и по одному выборному судьѣ, смотря по пространству волости [4]).

Въ избраніи земскихъ судей участвовалъ весь уѣздъ, участвовала цѣлая область, цѣлая волость, цѣлая слобода, смотря по тому, для какой изъ этихъ частей они назначались [5]): «*и велѣли есмя во всѣхъ городѣхъ и въ станѣхъ и въ волостяхъ учинити старостъ излюбленныхъ, кому межъ крестьянъ управа чинити, которыхъ себѣ крестьяне межъ себя излюбятъ и выберутъ всею землею*». Избраніе записывалось въ особенные списки, называвшіеся *выборными* и *излюбленными списками* [6]), подъ которыми подписывались всѣ, участвовавшіе въ выборѣ [7]). Избранные съ этими списками отправлялись въ Москву, въ тотъ приказъ, въ вѣдѣніи котораго состояли избиратели, и тамъ приводились къ крестному цѣлованью: «*а выборы о тѣхъ земскихъ судьяхъ посадскіе люди, за своими руками присылаютъ къ намъ къ Москвѣ въ Четвертной Приказъ, и тѣхъ судей на Москвѣ приведутъ къ крестному цѣлованью*» [8]). Какъ въ выборѣ, такъ и

[1]) Акты Экспедиціи. I. N° 234.
[2]) Тамъ же. I. N° 242.
[3]) Тамъ же. I. N° 234.
[4]) Тамъ же. III. 1622 года; II. N° 69.
[5]) Тамъ же. I. N° 234, 242.
[6]) Тамъ же. II. N° 30.
[7]) Тамъ же. II. N° 52.
[8]) Тамъ же.

въ отрѣшеніи отъ должности, земскіе судьи зависѣли отъ общины, которая ихъ выбирала («и будетъ посадскіе люди и волостные «крестьяне похотятъ выборныхъ своихъ людей перемѣнить и имъ «всѣмъ выбирати лучшихъ людей») [1]).

Что касается до дѣлъ, подлежавшихъ рѣшенію выборныхъ судей, то дѣла сіи были какъ гражданскія, такъ и уголовныя: «*а «вѣдаютъ и судятъ Важанъ, Шенкурцевъ посадскихъ людей и ста«новыхъ и волостныхъ ихъ излюбленные головы во всякихъ дѣлахъ и «по кабаламъ по нашему Судебнику*» [2]). Какъ въ уголовныхъ, такъ и въ гражданскихъ дѣлахъ, выборнымъ судьямъ подлежали только дѣла, возникавшія между подсудными имъ лицами, а равнымъ образомъ жалобы на нихъ отъ постороннихъ лицъ; но иски своихъ людей на людяхъ постронних земскіе судьи не имѣли права рѣшать, еслибъ даже иски были встрѣчные («А встрѣчу той полу«сохи крестьянамъ на инородцевъ предъ своими судьями не оты«скивати») [3]). Касательно уголовно-судебной власти выборныхъ судей слѣдуетъ замѣтить, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ она равнялась совершенно власти губныхъ старостъ, которыхъ мѣсто они заступали въ такомъ случаѣ. Такое значеніе выборные судьи имѣли въ Важскомъ уѣздѣ («а случится душегубство, то, изымавъ душе«губца, отдати его излюбленнымъ головамъ, да его судятъ; а на «разбой съ поличнымъ ѣздятъ сами излюбленные головы съ истца«ми») [4]). Но это относилось только, кажется, къ выборнымъ судьямъ, имѣвшимъ въ своемъ завѣдываніи цѣлый уѣздъ; что же касается до волостныхъ выборныхъ судей, то по дѣламъ уголовнымъ волости они принимали участіе въ судѣ вмѣстѣ съ губными старостами: «*а кто взыщетъ пожоги или душегубство или разбоя или «татьбы и выборнымъ судьямъ съ губными старостами того сыски«вати всѣми людьми въ правду*» [5]). Наконецъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ дѣла, по общимъ правиламъ подлежавшія губнымъ старостамъ, отдѣлялись совершенно отъ выборныхъ земскихъ судей и подлежали рѣшенію однихъ губныхъ старостъ: «*а въ разбойныхъ «дѣлахъ волостныхъ людей судити ихъ и управливати губнымъ ста«ростамъ по ихъ губнымъ грамотамъ, и по наказнымъ спискамъ*» [6]).

---

[1]) Акты Экспедиціи. I. N° 250.
[2]) Тамъ же. I. N° 234.
[3]) Тамъ же. I. 1561 г. Судная грам. Замосковской волости крестьянамъ.
[4]) Тамъ же. I. N° 234.
[5]) Тамъ же. I. 1561 г. Судная грам. Замосковской Вохонской волости.
[6]) Тамъ же. III. 1622 г. Жалов. грам. Устьянскимъ волостямъ.

Въ случаяхъ, превышавшихъ власть выборныхъ судей, какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ, они должны были отсылать дѣла, истцевъ и отвѣтчиковъ въ Москву, въ тотъ приказъ, къ которому относилось вѣдомство: *«а въ чемъ будетъ имъ управы учинити невозможно, и имъ въ томъ суда своего списки и обоихъ истцовъ присылати къ докладу къ Москвѣ, въ Устюжскую четь къ «дьякамъ нашимъ, кто будетъ въ Устюжской чети»* [1]). На судѣ у выборныхъ судей, также какъ и у намѣстниковъ, должны были присутствовать лучшіе люди или цѣловальники, но и здѣсь они были нечто иное какъ свидѣтели и оберегатели правъ народныхъ: *«а на «судѣ у излюбленныхъ головъ быти лучшимъ людемъ сколько пригоже, «чтобъ обиды и продажи никому не было отъ нихъ»* [2]). Кромѣ цѣловальниковъ у выборныхъ судей были также дьяки для письмоводства, получившіе названіе *земскихъ дьяковъ*, а также приставы и доводчики. Всѣ эти лица, а равно и цѣловальники, избирались народомъ, къ цѣлованью приводились выборными судьями; списки же объ избраніи ихъ отсылались въ Москву для утвержденія въ приказѣ [3]). Но чтобъ не вчинались напрасные иски, выборнымъ судьямъ повелѣно было, съ судныхъ дѣлъ сбирать пошлины, которыя отправлять въ Москву: *«пошлины у нихъ выборнымъ старо«стамъ съ судныхъ дѣлъ на виноватыхъ имать велѣлъ съ рубля по «гривнѣ; потому-что предъ выборными старостами многіе люди ищутъ «исковъ великихъ безлѣпичными поклепы, надѣючись на то, что съ «нихъ на виноватыхъ пошлинъ не емлютъ; и выборнымъ судьямъ тѣ «пошлины класти въ тотъ же оброкъ волостелинъ столнича пути»* [4]). Званіе выборныхъ судей существовало до Уложенія Алексѣя Михайловича.

В. Губные старосты.

Губою въ древности назывался участокъ обработанной земли [5]). Въ послѣдствіи времени губа въ Россіи стала означать опредѣленный округъ, составлявшій особое управленіе. Въ такомъ значеніи слово губа встрѣчается въ Актахъ Археографической Экспеди-

[1]) Акты Экспед. III. 1622 г. Жалован. грам. Устьянскимъ волостямъ.

[2]) Тамъ же I. N° 234.

[3]) Тамъ же. I. N° 242.

[4]) Тамъ же.

[5]) Успенскаго Опытъ, стр. 342 Рейца. стр. 282. Русск. Достоп. I. стр. 119 и слѣд. Кар. IX. пр. 818. Объ угол. пр. по Судебнику Ц. I. В., ст. Калачова въ Юрид. Зап. Рѣдкина II. 368 и д.

ніи еще до Іоанна Грознаго [1]). Слѣдовательно раздѣленіе Россіи на губы не должно относить къ царствованію Іоанна IV: онъ примѣнилъ только это раздѣленіе къ судебно-уголовному управленію Россіи. И съ того времени подъ словомъ *губа* стали разумѣть опредѣленное пространство земли, составляющее одно цѣлое въ судебно-уголовномъ управленіи. Если мы сравнимъ древнее раздѣленіе Руси на *верви* (округа въ отношеніи платежа пени) съ позднѣйшимъ на губы, то между этимъ двумя учрежденіями найдемъ нѣкоторое сходство: какъ верви, такъ и губы составляли одинъ судебно-уголовный округъ. Но позднѣйшее раздѣленіе на губы совпадаетъ большею частію съ административнымъ управленіемъ Россіи вообще: такъ, почти каждая волость заключала въсебѣ губу; иногда ее составлялъ городъ съ округомъ. Пространство губъ опредѣлялось также принадлежностью земель: такъ деревни и села какого-нибудь монастыря, вмѣстѣ взятыя, равно какъ и села и деревни частнаго лица, тоже въ совокупности взятыя, могли составлять особенную губу [2]). Въ каждой такой губѣ или, проще, въ каждомъ городѣ или волости назначены были Іоанномъ особенные чиновники, подъ именемъ *губныхъ старостъ*, для разбойныхъ, а въ нѣкоторыхъ областяхъ и для прочихъ уголовныхъ дѣлъ, какъ-то: татьбы, поличнаго, душегубства, лживыхъ подписей и проч. Причинами такого отдѣленія разбойныхъ дѣлъ отъ суда намѣстниковъ и волостелей были главнымъ образомъ умножившіеся тогда до невѣроятности разбои, усиленію которыхъ благопріятствовали смутныя обстоятельства нашего отечества въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ. Съ одной стороны внутреннія междоусобія князей мѣшали водворенію всякаго порядка; съ другой — постоянный грабежъ Татаръ, извѣстный подъ именемъ собранія дани, долженъ былъ пріучить нѣкоторымъ образомъ самихъ Россіянъ къ грабежу. Ничего не значило укрыться отъ преслѣдованія законной власти въ непроходимыхъ лѣсахъ, въ особенности въ сѣверной Россіи. Все это чрезвычайно благопріятствовало развитію разбойничества въ Россіи и трудно было искоренить распространившіеся повсюду разбои: намѣстники или не хотѣли или не могли это сдѣлать за недостаткомъ средствъ; сыщики, присылаемые изъ Москвы, еще болѣе разоряли мѣстныхъ жителей своимъ присутствіемъ и волокитами. При такихъ обстоятельствахъ, вслѣдствіе безпрестанныхъ жалобъ мѣстныхъ жителей, Іоаннъ IV

---

[1]) А. Э. I. № 38. 91.

[2]) Уголовные законы Ц. и В. К. Іоанна Васильевича, изд. князя Оболенскаго 1841. Губная грамота 1614 года.

рѣшился предоставить самимъ жителямъ право избирать чиновниковъ для разбойныхъ дѣлъ изъ дѣтей боярскихъ съ хорошими душевными качествами, («которые были душею прямы») [1]), а также и съ достаточнымъ состояніемъ («и животомъ прожиточны») [2]).

Въ выборѣ губного старосты участвовала вся губа или волость, для которой онъ назначался, а именно духовные, дворяне, дѣти боярскіе, посадскіе, волостные и всѣ прочіе крестьяне [3]). Впрочемъ правомъ рѣшать разбойныя дѣла въ монастырскихъ земляхъ первоначально пользовались монастырскіе прикащики, т. е. лица, имѣвшія и гражданскую судебную власть въ этихъ земляхъ. Въ царской окружной грамотѣ 1601 г. (о губныхъ прикащикахъ и цѣловальникахъ въ селахъ и деревняхъ Троицкаго Сергіева монастыря) находимъ тому свидѣтельство: *«быти у нихъ въ ихъ монастырскихъ селахъ и въ деревняхъ для татиныхъ и разбойныхъ «дѣлъ ихъ прикащику губному».* [4]) Въ нѣкоторыхъ городахъ должность губныхъ старостъ исправляли прикащики городовые. Но въ послѣдствіи времени, какъ въ монастырскихъ селахъ, такъ и во всѣхъ городахъ, вмѣсто прикащиковъ являются губные старосты. По избраніи своемъ губной староста, взявъ выборъ, (списокъ, которымъ утверждался выборъ его) за подписью избирателей, отправлялся въ Москву и являлся тамъ въ Разбойномъ Приказѣ, гдѣ приводился къ крестному цѣлованью и получалъ *наказъ* объ исправленіи должности [5]).

Число губныхъ старостъ было различно: трудно найти масштабъ, по которому назначалось то или другое число ихъ въ каждой губѣ. Въ губной Бѣлозерской грамотѣ 1539 г. назначены были по 3 и даже по 4 губныхъ старосты въ каждой волости: *«и вы бы, межъ себя свестясь всѣ за одинъ, учинили себѣ въ тѣхъ «своихъ волостяхъ въ головахъ»* (здѣсь они назывались головами) *«дѣтей боярскихъ, въ волости человѣка 3 или четыре»*. Между тѣмъ въ городахъ встрѣчается по два, а еще чаще по одному губному старостѣ [6]).

---

[1]) Акты Экспед. III. N° 171.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же. Акт. Экспед. II. N° 19. Окружн. грам. 1601 г. Уголовные законы Ц. и В. К. Іоанна Васильевича, кн. Оболенскаго. Губная грамота 1614 года. Акты Экспед. I. N° 192.

[4]) Тамъ же. II. N° 19.

[5]) Тамъ же. III. N° 171.

[6]) Тамъ же. II. 19.

Что касается до рода дѣлъ, подлежавшихъ рѣшенію губныхъ старостъ, то, разсматривая судъ намѣстниковъ, мы обратили вниманіе на различіе между дѣлами уголовными, рѣшаемыми губными старостами, и такими же дѣлами, составлявшими предметъ вѣдомства намѣстниковъ. Но, кромѣ дѣлъ о вѣдомыхъ разбойникахъ, губные старосты судили иногда и прочія уголовныя дѣла вмѣстѣ съ волостелями: *«котораго татя поймають и приведутъ къ вамъ къ старостамъ губнымъ, а поймають его въ волости, или въ которомъ «селѣ, и выбъ старосты губные того татя судили съ волостелями «тѣхъ волостей; а коли не будетъ въ тѣхъ волостяхъ волостелей, и «волостелины бы тіуны тѣхъ татей судили съ вами съ губными «старостами»*. Городскіе губные старосты нерѣдко пріобрѣтали надъ жителями уголовно-судебную власть и кромѣ разбоя; такъ въ городѣ Шуѣ: *«А котораго посадскаго человѣка приведутъ въ татбѣ «съ поличнымъ или безъ поличнаго, или въ разбоѣ, и земскимъ судьямъ «тѣхъ посадскихъ людей отдавати губнымъ старостамъ»*. [1]) Неважныя разбойныя дѣла каждый губной староста рѣшалъ одинъ въ своей волости. Въ случаѣ же важныхъ разбоевъ, а также дѣлъ, касавшихся нѣсколькихъ волостей, губные старосты изъ волостей съѣзжались въ городъ, и тамъ сообща рѣшали дѣла [2]) Губные старосты въ дѣлахъ, превышавшихъ власть ихъ, должны были относиться въ Разбойный Приказъ, а равнымъ образомъ представлять туда и всѣ рѣшенныя ими дѣла [3]).

На судѣ губныхъ старостъ присутствовали цѣловальники, извѣстные подъ именемъ *губныхъ*, числомъ до шести человѣкъ, избираемыхъ жителями [4]) и перемѣняемыхъ ежегодно [5]). Должность цѣловальниковъ состояла въ наблюденіи за правильностію суда и въ разныхъ порученіяхъ, какія давалъ имъ губной староста: *«А «взговорятъ языки на кого въ иныя губы въ разбоѣ или въ татбѣ, «и губному старостѣ Измирѣ въ тѣ губы посылати къ старостамъ «же цѣловальниковъ губныхъ съ грамотами, чтобъ про тѣхъ людей «обыскали»* [6]).

Для письмоводства при губныхъ старостахъ были *губные дьячки*, избираемые также жителями [7]). Какъ цѣловальники, такъ и

[1]) Акт. Эксп. I. N° 224. II. N° 52.
[2]) Тамъ же. I. N° 224. Тамъ же, губн. гр. 1586 года.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же.
[5]) Тамъ же. III. N° 210.
[6]) Тамъ же. т. I. Губн. грам. 1586.
[7]) Тамъ же.

губные старосты и дьячки приводились къ крестному цѣлованію, обыкновенно предъ всею волостію. Мѣстомъ суда губныхъ старость была *губная изба*. Деревня, въ которой имѣли пребываніе губной староста, цѣловальники и дьякъ, называлась *губнымъ станомъ*. Въ станахъ находились тюрьмы, которыя также были въ завѣдываніи губныхъ старость.

Губные старосты, кромѣ означенныхъ мною дѣлъ, завѣдывали также и другими предметами, входящими въ область администраціи. Такъ они занимались обнародованіемъ законовъ въ уѣздѣ [1]); исполняли разныя предписанія верховной власти: *«и свѣстяся... «съ губнымъ съ Иваномъ Заблинымъ и съ Андреяномъ, и съѣхався «на одинъ станъ,... у дворянъ и у дѣтей боярскихъ и съ монастырей, къ городовому дѣлу....пять человѣкъ...взяли...»* [2]).

Г. Судьба судебныхъ привилегій.

Изъятія отъ общаго суда не прекратились при Іоаннѣ Грозномъ и его преемникахъ. По прежнему освобождались отъ общаго суда многія духовныя лица, какъ бѣлыя, такъ и черныя, съ принадлежавшими къ нимъ людьми, слободы и волости, хотя изъятія сихъ послѣднихъ и совпадаютъ съ общимъ многимъ областямъ правомъ выбирать своихъ собственныхъ судей. Разныя общины, какъ то дворцовыя села и деревни, по прежнему были изъяты отъ общаго суда. Нѣкоторыя частныя лица также не подходили подъ общія правила подсудности. Въ чемъ состояли эти изъятія, мы видѣли въ предшествующемъ періодѣ. Въ періодъ, нами разсматриваемый, привилегіи состояли часто въ правѣ, даруемомъ нѣкоторымъ лицамъ и общинамъ, быть судимыми прямо въ какомъ нибудь приказѣ, какъ въ судѣ первой степени. При изображеніи судебной власти приказовъ я представилъ такія привилегіи, здѣсь укажу еще на важную льготу монастырскихъ крестьянъ: иски на нихъ принимались только въ Приказѣ Большого Дворца. Впрочемъ законодательство Іоанна IV не было такъ благопріятно для судебныхъ привилегій духовенству, какъ законодательства прежнихъ государей. Со времени учрежденія Патріаршества, прежнія привилегіи митрополитовъ Московскихъ остались за патріархами. Верховный судъ для людей патріаршихъ происходилъ въ *Патріаршемъ Приказѣ*, получившемъ начало не позже 1625

---

[1]) Акт. Эксп. III. 1619 г. Царская окружная грамота губ. ст. Перелешину.

[2]) Тамъ же № 201.

года [1]). Въ приказѣ семъ не только рѣшались дѣла, возникавшія между патріаршими людьми, но также и иски стороннихъ людей на нихъ. Но въ ихъ тяжбахъ съ лицами иныхъ вѣдомствъ, въ разныхъ приказахъ, встрѣчные иски на патріаршихъ людяхъ судились тамъ же, гдѣ началась тяжба или искъ. Тоже можно сказать и о встрѣчныхъ искахъ на людей митрополичьихъ, архіепископскихъ, епископскихъ и прочія лица духовнаго званія [2]).

Кромѣ духовенства, въ приказахъ, какъ судахъ первой степени, судимы были и разныя общины, слободы [3]), волости и проч. Нѣкоторыя изъ нихъ подчинены были непосредственному суду Государя, по дѣламъ жителей этихъ областей съ разными сторонними лицами [4]). Сверхъ того многія частныя лица съ своими людьми, въ искахъ и жалобахъ на нихъ, судились непосредственно въ приказахъ, какъ судахъ первой степени.

Изъятія отъ мѣстной судебной власти давались преимущественно за услуги. Такъ непосредственному суду приказовъ подлежали Строгановы [5]), Минины и разныя другія фамиліи, въ особенности торговаго званія. Въ семъ послѣднемъ случаѣ правительство вѣроятно имѣло въ виду распространить внутреннюю торговлю Россіи. Но нельзя исчислить всѣ судебныя привилегіи: онѣ такъ были многочисленны и разнообразны, что взоръ самаго внимательнаго наблюдателя потерялъ бы изъ виду, не говорю уже столь огромное количество, но даже столь разнообразные виды привилегій. Лицо или община, получивъ привилегію, само въ свою очередь давало подобныя же привилегіи другимъ лицамъ, сіи послѣднія поступали точно также: такимъ образомъ представляется безчисленный рядъ привилегій, отъ обширнѣйшихъ по кругу дѣйствія до самыхъ малыхъ. Судебныя привилегіи, въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ существовали въ древней Россіи, показывая плохое устройство судебной власти, вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ о желаніи правительства доставить подданнымъ своимъ правосудіе.

---

[1]) Вивліоѳика XX. Приказы, стр. 350.
[2]) Акты Историч. III. 33 дополн. статья къ Судебнику.
[3]) Акты Экспедиціи I. N° 324.
[4]) Акты Историч. I. N° 295.
[5]) Вивліоѳика. XX, стр. 363. 238 и д.

П. Чоглоковъ.

О ПРЯМЫХЪ НАЛОГАХЪ

ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Началомъ финансоваго устройства въ Россіи является установленіе даней. Въ пространномъ смыслѣ слова, онѣ были первоначально почти единственнымъ доходомъ князей и служили удовлетвореніемъ потребностямъ князя и его дружины, составлявшимъ тогда единственный государственный расходъ. Но при дальнѣйшемъ развитіи государственной жизни необходимо должны были явиться другія потребности. Такъ управленіе государствомъ требовало содержанія чиновниковъ — намѣстниковъ государя; войны, которыя велись уже не для пріобрѣтенія добычи, а для защищенія государства, требовали увеличенія доходовъ; установленіе жалованья войску вызвало новыя подати; однимъ словомъ, каждая вновь возникавшая потребность государственной жизни соотвѣтственно вызывала новую повинность или подать. Для содержанія исполнительныхъ органовъ установлено было такъ называемое кормленіе; во время войны взимались чрезвычайныя подати; для жалованья войску явились постоянныя подати: стрѣлецкія деньги, хлѣбъ и т. д. Почти каждая изъ податей по этому возникла вслѣдствіе новой потребности и назначалась собственно только для ея удовлетворенія. И такъ мы видимъ, что разныя подати, повинности, кормы, запросы, сборы на жалованье ратнымъ людямъ и т. д. суть вмѣстѣ съ тѣмъ представители разныхъ отношеній государственной жизни, что развитіе ихъ есть нѣкоторымъ образомъ исторія государства нашего: финан-

времени, т. е. въ царствованіе Алексѣя Михайловича, пользовались исключительнымъ правомъ заниматься сими отраслями промышленности. оказавшимися обильнѣйшимъ источникомъ богатства и дохода [1]). Въ это царствованіе городскіе обыватели распадаются на гостей, сотни и посадскихъ людей. Соотвѣтствіе этому раздѣленію мы находимъ въ прежнихъ житьихъ людяхъ, купцахъ и черныхъ людяхъ, о которыхъ часто упоминается въ удѣльномъ періодѣ [2]).

Гости первоначально вѣроятно были купцы иностранные, которые получали особенныя охраненія отъ правительства, а въ послѣдствіи съ ними сравнены и другіе. Классъ гостей, такъ какъ онъ является въ Московскомъ государствѣ, былъ не только почетный, но имѣлъ важное значеніе въ финансовомъ правѣ, а именно составлялъ переходъ сословія средняго къ высшему или къ классу служилыхъ людей. Съ званіемъ гостя была соединена и служба царская. Котошихинъ говоритъ: *«а бываютъ они гостиннымъ имянемъ пожалованы, какъ бываютъ у царскихъ дѣлъ въ вѣрныхъ головахъ, и въ цѣловальникахъ у соболиные казны, и въ таможняхъ и на кружечныхъ дворѣхъ»* . . . . . [3]). Служба ихъ слѣдовательно относилась только къ управленію финансами. Кромѣ того изъ другихъ мѣстъ явствуетъ, что гости участвовали какъ депутаты или какъ люди свѣдущіе при переписяхъ, при составленіи окладовъ, при раскладкѣ и даже иногда непосредственно при взиманіи податей. Напрям.: *«для сбору стрѣлецкихъ денегъ велѣно помѣтить и учинить окладъ гостямъ вновь, по чему въ городѣхъ по-*

---

[1]) Мы нигдѣ въ источникахъ не встрѣчаемъ указаній на подати, взимаемыя въ древнее время съ купцовъ: только по извѣстію изъ удѣльнаго періода видно, что купцы и ремесленники платили подати на-ряду съ земледѣльцами; такъ въ грамотѣ, относящейся къ 1437 году, говорится о взысканіи дани, платимой Татарамъ.: *«а въ соху два коня, а третья въ приприяжь, да тиунъ Коштемшской за соху, неводъ за соху, лавка за соху, плугъ за двѣ сохи, кузнецъ за соху, четыре пешцы за соху, ладья за двѣ сохи, црънъ за двѣ сохи* и т. д. Кар. Ист. Гос. Росс. V. пр. 283).

[2]) *«Поставилъ есмь 3 старосты отъ житьихъ людей и отъ черныхъ тысяцкаго, и отъ купцовъ 2 старосты»* . . . . . . Ист. Карамз. т. VII. прим. 103.

[3]) Котошихинъ о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, глав. X. ст. I.

«водскимъ и уѣзднымъ людямъ платить». . . . далѣе: *«и гости при-«мыкались къ окладу прошлаго 188 году учинили. . . . . окладъ вновь». . . . .* или: *«по гостинному окладу»*[1]). Котошихинъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: *«а на Москвѣ въ то время* (мятежа) *грабили домъ одного «гостя, который собиралъ со всего Московскаго государства пятую «деньгу»*. . . Изъ этихъ и многихъ другихъ подтверждающихъ мѣстъ можно заключить, что званіе гостей было соединено съ царскою службою, за что гости пользовались многими преимуществами: не платили оброка за земли, не отправляли повинностей, лежавшихъ на другихъ черныхъ людяхъ, однимъ словомъ, не считались тяглыми, а платили подати только съ своихъ промысловъ и торговъ. Кромѣ того, они имѣли право курить и держать вино *для* своего употребленія, могли владѣть вотчинами[2]). Въ гости жаловались почетные люди изъ другихъ сотенъ и изъ посадскихъ людей[3]). Гостей было немного въ Москвѣ; Котошихинъ говоритъ: *«и будетъ ихъ близко 30 человѣкъ.*

Сотенъ было три: гостиная, суконная и черная. Каждая сотня имѣла еще подраздѣленія на статьи: большую, среднюю и меньшую. Это подраздѣленіе имѣло, кажется, болѣе финансовый характеръ и соотвѣтствовало таковому же раздѣленію низшаго сословія на людей лучшихъ, среднихъ и молодшихъ. Черная сотня не точно опредѣляется въ источникахъ; иногда подъ черною сотнею разумѣется вообще низшій класъ торговыхъ людей, со включеніемъ и посадскихъ. Котошихинъ опредѣляетъ сотни слѣдующимъ образомъ: *«гостинная и суконная сотни устроены для того: на Москвѣ «и въ городѣхъ бываютъ у сборовъ Царскія казны съ гостьми въ то-«варищахъ, въ цѣловальникахъ и торги своими торгуютъ и всякими «промыслы промышляютъ, и питье всякое въ домѣхъ своихъ вольно «имъ держать безъ заказу, а крестьянъ купити и держати имъ «заказано. А будетъ ихъ съ 200 человѣкъ»*[4]). Такимъ образомъ и гостинная и суконная сотни употреблялись въ различныхъ должностяхъ по финансовому управленію, также такъ гости, и вслѣдствіе сего пользовались также нѣкоторыми преимуществами, изъ которыхъ главное было то, что они не считались тяглыми, были слѣдовательно освобождены отъ многихъ повинностей и сборовъ, связанныхъ съ понятіемъ тягла. Котошихинъ не упоминаетъ о черной сотнѣ, почему и можно заключить, что подъ нею разумѣлись посадскіе люди.

---

[1]) Акты Археогр. Эксп. IV. 250. и мн. другіе.

[2]) Котошихинъ X. ст. I.

[3]) Тамъ же.

[4]) Котошихинъ, гл. X, ст. 2.

Посадскіе люди составляли многочисленный классъ людей торговыхъ и промышленныхъ вообще. Они встрѣчаются, подъ названіемъ черныхъ горожанъ, черныхъ людей, въ самое отдаленное время. Это сословіе возникло частію изъ людей, поселившихся около городовъ и занимавшихся торговлею, ремеслами и земледѣліемъ (собственно посадскихъ людей), частію изъ жителей слободъ, т. е. селеній, которымъ дарованы были особенныя права и льготы. Въ Софійскомъ Временникѣ (т. I, стр. 242,) говорится, что Татары взяли съ Ростовской и Суздальской областей 14 городовъ *«кромѣ слободъ и погостовъ»*. Здѣсь слободы отличаются уже отъ деревень. Посадскіе люди и слобожане въ послѣдствіи встрѣчаются подъ общимъ именемъ посадскихъ людей. Посадскіе люди составляли переходъ отъ класса людей вольныхъ къ прикрѣпленнымъ. Хотя то правда, что они считались вольными, но въ самомъ дѣлѣ они во многихъ случаяхъ были ограничены. Посадскіе люди обязаны были жить на тяглой государственной землѣ и не могли ее оставить.

Гости, сотни и посадскіе люди платили одинаково подати съ своей торговли и съ своихъ промысловъ, но посадскіе люди кромѣ того подлежали еще многимъ сборамъ и повинностямъ, связаннымъ съ понятіемъ о тяглѣ, тяглой землѣ. Дворы гостей и первыхъ двухъ сотенъ считались бѣлыми, между тѣмъ какъ дворы посадскихъ людей были тяглыми въ полномъ объемѣ сего понятія. Въ прежнее время классъ торговыхъ и посадскихъ людей платилъ подати наравнѣ съ низшимъ, былъ росписанъ въ сошное письмо, но недостатки взиманія податей по сохамъ, т. е. по поземельному владѣнію, всего болѣе выказывались у класса торговыхъ и ремесленныхъ людей, гдѣ ни земля, ни дворъ не могли служить справедливою мѣрою взиманія податей. Отъ-того уже Іоаннъ IV ввелъ взиманіе податей по животу и промыслу.

Съ этого времени подати съ торговаго класса людей дѣлаются однимъ изъ обильнѣйшихъ источниковъ государственныхъ доходовъ. Налагаемы были на города и посады огромные оклады. Правительство старалось не только объ умноженіи сословія посадскихъ людей, но и объ огражденіи интересовъ ихъ, предоставляя имъ исключительное право заниматься торговлею, ремеслами и другими отраслями промышленности, вступать въ откупа съ казною. Запрещалось всякому другому, въ особенности человѣку неподатному, заниматься промыслами, торговлею и т. д; также не позволялось непосадскому жить на землѣ, приписанной къ посаду; равнымъ образомъ человѣкъ непосадскій не могъ купить или принять въ закладъ дворъ посадскій [1]). Особенно богато постановленіями ка-

[1]) Улож. глав. XIX; Ак. Арх. Экспед., т. IV, NN° 24, 32, 35, 169 и д.

сательно посадскихъ людей царствованіе Алексѣя Михайловича. Подати сего сословія распадаются на 2 отдѣла: а) подати общія, падающія въ равной мѣрѣ на всѣхъ и б) подати, связанныя съ тягломъ или участкомъ земли и угодьями, находящимися во владѣніи посадскихъ людей, и соразмѣряющіяся участку каждаго. Сіи послѣднія извѣстны подъ названіемъ оброковъ.

Б. Сельскіе обыватели.

Это сословіе менѣе всѣхъ подвергалось перемѣнамъ, удержавъ первоначальное, единообразное свое занятіе. Сословіе крестьянъ разсматривалось почти всегда какъ принадлежность земли. Въ отношеніи взиманія податей между крестьянами не было различія. Крестьяне различались только именемъ по землѣ, на какой они обитали; по этому назывались дворцовыми, когда жили на землѣ, принадлежавшей Государю какъ частная собственность; назывались черными, когда жили на черной, податной землѣ, считавшейся собственностію государства; или назывались патріаршими, митрополичьими, монастырскими, помѣстными и вотчинными крестьянами, смотря по владѣльцу земли, на которой жили. Прямыя подати были для всѣхъ одинаковы. Нельзя сказать, что въ отношеніи платежа прямыхъ податей существовали бы особенныя правила для крестьянъ того или другого вѣдомства, и если мы и встрѣчаемъ напр. освобожденіе монастырскихъ имѣній отъ податей, то это должно считать за исключеніе. Въ концѣ разсматриваемаго нами времени крестьяне совершенно уравнены податями, въ особенности со введенія излюбленныхъ цѣловальниковъ и старостъ для взиманія податей.

II. Предметы, съ которыхъ взимались подати.

А. Земля.

Нѣкоторыя славянскія племена, жившія въ сосѣдствѣ сильныхъ и воинственныхъ народовъ, еще за-долго до основанія государства русскаго находились подъ вліяніемъ сихъ сосѣдей,—на югѣ Хозаръ, на сѣверѣ Норманновъ, и платили имъ дань. Конечно эти временныя дани не могутъ быть названы финансовыми учрежденіями, но онѣ важны для насъ по тому, что образъ взиманія сихъ даней служитъ основаніемъ позднѣйшаго порядка. Такъ у Полянъ, занимавшихся уже земледѣліемъ и скотоводствомъ, мы находимъ первые слѣды поземельной подати: они

платили дань Хозарамъ отъ рала (плуга) [1]. Другія племена, занимавшіяся преимущественно звѣриною и рыбною ловлею, скитавшіяся по лѣсамъ, берегамъ рѣкъ и озеръ, жившія въ пещерахъ и землянкахъ, платили дань, то съ человѣка, то съ дыма [2]. Варяги, налагая дань на покоренныхъ Славянъ, первоначально мало обращали вниманія на существовавшій обычай: удобство и выгода были главными ихъ руководителями. По этому въ первое время являются преимущественно поголовная и подымная подати, какъ простѣйшія. Вскорѣ однакожь элементъ славянскій, нравственно, если не физически, сильнѣйшій, является преобладающимъ: побѣдители болѣе и болѣе сливаются съ побѣжденными, и при водвореніи новаго порядка послѣдовавшія учрежденія являются по этому дальнѣйшимъ развитіемъ славянскихъ обычаевъ. Въ это время земледѣліе составляетъ главнѣйшее занятіе большой части славянскихъ племенъ и распространяется повсюду, а вслѣдствіе этого поземельная собственность дѣлается главнымъ мѣриломъ взиманія податей. Единицами земляныхъ мѣръ, относительно взиманія податей, являются плугъ и соха [3]. Подъ сими названіями, кажется, не должно въ это время разумѣть самый плугъ или соху, но уже болѣе или менѣе опредѣленную часть земли. Почти у всѣхъ народовъ земледѣльческихъ извѣстные участки земли получали названіе отъ времени, которое употреблялось на воздѣлываніе поля или отъ употребляемыхъ для того орудій, напр. нѣмецкое слово Morgen, означающее нынѣ опредѣленный участокъ, первоначально означало участокъ земли, который можно было обработывать съ утра до полудня, или Hufe (лошадиное копыто) тоже имѣетъ значеніе земляной мѣры. Такъ у насъ плугъ и соха во время пришествія Варяговъ означали уже участокъ земли, хотя еще очень неопредѣленный. По этому трудно указать, какая была величина этихъ мѣръ въ первое время ихъ появленія, потому-что она постоянно измѣнялась. Перемѣны эти относились не только ко времени, но и къ мѣсту: въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества упоминается о дру-

---

[1]) «По шлягу отъ рала». Нест. Кенигсб. сп. стр. 19.

[2]) «По чернѣ кунѣ съ человѣка». Въ другомъ мѣстѣ: «съ дыма».... Тамъ же.

[3]) «*Въ лѣто 6489 побѣди Вятичи* (Володимiръ) *и възложи нань «дань отъ плуга; якоже отецъ имаше*». Нест. сп. Кениг. стр. 71. Здѣсь должно замѣтить, что Вятичи платили уже Хозарамъ дань съ плуга: «*по шлягу отъ рала*». Соха, какъ земляная мѣра, является позднѣе.

гомъ содержаніи земляныхъ мѣръ. Въ особенности отличаются земляныя мѣры Новгорода. Когда Россія объединилась подъ скипетромъ великихъ князей Московскихъ, когда всѣ вообще государственныя учрежденія получили болѣе общности и опредѣленности, то и земляныя мѣры сдѣлались болѣе постоянными. Такъ при переписяхъ, учиненныхъ въ разныя времена, старались вездѣ ввести Московскую мѣру. Что касается до стараго письма, т. е. содержанія мѣръ, употребленныхъ нормами при взиманіи податей, въ особенности во время удѣльнаго періода, то на основаніи скудныхъ указаній можно сдѣлать слѣдующіе приблизительные выводы. Мѣры, встрѣчающіяся въ это время, суть: плугъ, соха, выть, четверть, десятина. Плугъ и соха не всегда были исключительно земляными мѣрами, но на мѣсто извѣстнаго количества земли въ сохѣ и плугѣ полагались часто и другіе предметы. Очевидно, что взиманіе податей на основаніи одной поземельной собственности, при постепенномъ развитіи другихъ отраслей промышленности, должно было измѣниться: отъ-того въ Новгородѣ, который въ отношеніи промышленности занималъ первое мѣсто, мы встрѣчаемъ исчисленіе разныхъ предметовъ и ремеслъ, которые приняты за основаніе при раскладкѣ податей параллельно съ поземельною собственностію. Такъ напр. въ грамотѣ 1437 года, данной Новгородцами Великому Князю на черный боръ, говорится: *«а въ соху два коня, а третья въ «припряжъ, да тшанъ кожевнической за соху; неводъ за соху; лавка «за соху; плугъ за двѣ сохи; кузнецъ за соху; четыре пешцы за «соху; лодья за двѣ сохи црънъ за двѣ сохи»* [1]).....Подраздѣленія сохи и плуга: обжа, выть, четверть, десятина, всегда означали извѣстное количество земли. На плугъ полагалось сѣять 16 кадей ржи [2]), или 64 четверти [3]). Четверть посѣва равнялась чети (четверти) пашни, слѣдовательно въ плугѣ полагалось 64 четверти пашни. Подъ плугомъ кромѣ того разумѣлись еще, какъ принадлежности, луга, пастбища и лѣсъ. Плугъ составляли двѣ сохи; въ сохѣ полагалось 3 обжи: *«деревень по старому письму 21, а дво«ровъ въ нихъ 45, а людей 48, а обежъ 47, а сохъ 16 безъ тре«ти»* [4])..... *«съ десяти сохъ, а въ сохѣ 3 обжи»* [5]). Въ обжѣ полагалось 10 четей, слѣдовательно въ сохѣ 30. Плугъ, какъ мѣра

---

[1]) Карамз. Ист. Г. Росс. т. V, прим. 283.

[2]) Подъ словомъ рожь разумѣется вообще хлѣбъ.

[3]) По списку Русской Правды, сохран. въ Соф. времен., статья *«о рѣзахъ»*.

[4]) Карамз. Ист. Г. Росс. т. V, прим. 1031

[5]) Ак. Арх. Эксп. т. I, № 181.

для взиманія податей, къ концу удѣльнаго періода встрѣчается уже рѣдко. Вообще прежнія мѣры сохранялись еще долго въ Новгородѣ. Соха при дальнѣйшемъ своемъ развитіи безпрестанно измѣнялась, такъ что наконецъ въ большой или Московской сохѣ содержалось 800 четвертей земли. Подраздѣленія же сохи во все разсматриваемое нами время не подвергались большимъ измѣненіямъ. Обжа и въ послѣдствіи содержала въ себѣ 10 четвертей, десятина 2 четверти; а на четь или четверть полагалось всегда сѣять четверть ржи. Разница Московской или новой десятины отъ старой заключалась только въ томъ, что первая имѣла въ длину 80 [1]), а въ ширину 40 саженъ, а въ послѣдней считалось 80 саженъ въ длину, и 30 въ ширину [2]). Эта разница, кажется, объясняется тѣмъ, что Московская таможенная хлѣбная мѣра была нѣсколько увеличена; а такъ какъ на четь пашни полагалось сѣять четверть ржи, то необходимо содержаніе чети пашни должно было увеличиться. Что касается до земляныхъ мѣръ, введенныхъ въ государствѣ Московскомъ, то онѣ были слѣдующаго содержанія: въ десятинѣ полагалось двѣ чети, десятина имѣла 80 саженъ въ длину и 40 въ ширину. Этотъ выводъ я дѣлаю, основываясь на слѣдующемъ мѣстѣ Актовъ Арх. Ком.: «*измѣрить въ десятины, противъ государева* «*указу, длиннику по осмидесять саженъ, поперешнику по сороку саженъ десятина, по три аршина саженъ*» [3]). Карамзинъ полагаетъ въ четверти, т. е. въ полдесятинѣ 40 саженъ въ длину и 30 поперегъ [4]), въ десятинѣ слѣдовательно 80 въ длину и 30 въ ширину. Тоже самое принимаетъ графъ Толстой. Но этотъ выводъ относится къ старому письму, какъ видно изъ предъидущаго. Труднѣе опредѣлить содержаніе выти, часто употреблявшейся самостоятельнымъ мѣриломъ взиманія податей. Выть, какъ и соха, служа преимущественно нормою для взиманія податей, въ особенности при даль-

---

[1]) Дополн. къ Акт. Арх. Ком. т. II, N° 73.

[2]) Акт. Арх. Ком. III, N° 138.

[3]) Доп. къ Акт. Арх. Ком., т. II, N° 73.

[4]) Ист. Г. Р., IX., пр. 816. Гр. Толстой въ исторіи финансовыхъ учрежденій (стр. 8) говоритъ: «*Карамзинъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, положительно утверждаетъ, что* «*десятина была въ длину 40 саженъ, поперегъ 30 саженъ*»...., между тѣмъ какъ Карамзинъ говоритъ не о десятинѣ, а о четверти: «*четверть была обыкновенно въ длину 40 саж, по*«*перегъ 30 саженъ*»; по-этому въ десятинѣ содержалось 80 саж. въ длину и 30 въ ширину—тоже самое, что полагаетъ гр. Толстой.

вѣйшей раскладкѣ, не только въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ имѣла разное содержаніе [1]), но, для соблюденія нѣкоторымъ образомъ соразмѣрности во взиманіи податей, обращалось еще вниманіе на качество облагаемой земли. Земля раздѣлялась на добрую, среднюю и худую; соотвѣтственно этому раздѣленію содержаніе выти было различно. Добрая земля относилась къ средней и худой, какъ 1 къ $1\frac{2}{7}$ и $1\frac{1}{4}$. Въ сошныхъ книгахъ, въ сохѣ полагается $66\frac{2}{3}$ выти хорошей, 73 съ дробью средней и 75 худой земли; въ сохѣ полагалось 800 четвертей хорошей земли, слѣдовательно выть содержала 12 четвертей хорошей земли, около 14 средней, а худой около 16 четей. Этотъ выводъ подтверждается слѣдующими мѣстами Актовъ Юрид.: «*пашенъ восемь десятинъ въ полѣ, а въ дву* «*полѣхъ потомужъ......выть, а вытей десять безъ трети выти* «*и полполтрети выти да пустыхъ вытъ съ четью выти, а сошные* «*пашни полтрети сохи*» [2]). Здѣсь говорится о худой землѣ. Далѣе: «*пашни въ полѣ 20 десятинъ, а въ дву потомужъ......земля доб*«*ра......а въ ней три выти съ третью выти.....пашни въ полѣ* «*шестнадцать десятинъ безъ осьмины....а въ ней двѣ выти съ чет*«*вертью выти, земля средняя*» [3]). Карамзинъ, на основаніи книги о сошномъ письмѣ, полагаетъ въ выти тоже 12 четей доброй, 14 средней и 16 четей худой земли [4]).

Обжа удерживалась въ Новгородскихъ волостяхъ то какъ мѣра самостоятельная, то какъ часть сохи. Она содержала въ себѣ 10 четвертей или 5 десятинъ [5]). Обжи и выти раздѣлялись на большія и малыя или обежки. Это послѣднее раздѣленіе соотвѣтствовало такому же раздѣленію сохи на малую и большую или Московскую [6]). Малая «*сошка*» содержала въ себѣ 360 четей или 180 десятинъ [7]). Малая соха, относящаяся къ старому письму, встрѣчается еще въ царствованіе Михаила Θеодоровича, но при переписяхъ, учиненныхъ при семъ Царѣ, большею частію перекладывается на Москов-

---

[1]) Ак. Юрид., N° 830. — Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ. т. III, стр. 44.

[2]) А. Ю. N° 228.

[3]) Тамъ же. N° 104.

[4]) Ист. Г. Рос. т. IX. прим. 816.

[5]) Ак. Арх. Ком. III, N° 139.—Дополн. къ Акт. Арх. Ком. т. I, N° 52.

[6]) Дополн. къ Акт. Арх. К. т. II, N° 39.

[7]) Тамъ же. Иногда даже и меньше, такъ въ Акт. Арх. Э. т. II, N° 102: «*а съѣтся на малую сошку у насъ всего по осмидесяти* «*четвертей*», т. е. въ сошкѣ считалось 40 десятинъ или 80 четвертей.

скую мѣру [1]). Большая или Московская соха содержала 800 четей или 400 десятинъ хорошей земли [2]), 1000 четей средней земли и 1200 четей худой земли. Но при переписяхъ обыкновенно средняя и худая земля сводились къ соотвѣтственному количеству хорошей, отъ чего въ актахъ мало встрѣчается это раздѣленіе земли на хорошую, среднюю и худую. То, что прибавлялось къ средней и худой землѣ при переходѣ въ хорошую, называлось наддачею: *«въ томъ селѣ и въ деревняхъ и «въ починкѣ написано: пашни въ одномъ полѣ среднія земли 950 «четьи съ осминою, а худыя земли 230 четьи съ осминою, и обо«его пашни среднія и худыя 1181 четверть, за добрую землю съ «наддачею 930 четьи съ осминою»* [3]). Кромѣ того монастырскія имѣнія имѣли особенное измѣреніе: монастырской земли полагалось въ сохѣ 600 четей [4]). Соха подраздѣлялась на половины, четверти и трети, а сіи послѣднія на основаніи половиннаго раздѣленія опять на 8, 16, 32 и на 6, 12, 24 и т. д. четей; такъ $\frac{1}{8}$ называлось полчетвертью, $\frac{1}{6}$ полтретью, $\frac{1}{16}$ полполчетвертью, $\frac{1}{12}$ полполтретью и т. д. Эти подраздѣленія сохи не относились однакожь къ частной раскладкѣ податей, какъ выть и четверть, но встрѣчаются только тогда, когда величина сохи превосходила или все содержаніе или остатокъ окладываемаго посада или села [5]). Когда подати взимались съ одного поземельнаго владѣнія, то отдѣльныя части сохи: выть, обжа и четь, хотя по самому своему свойству и относились къ сохѣ, какъ виды относятся къ роду, какъ части къ цѣлому, иногда однакожь встрѣчаются какъ самостоятельныя земляныя мѣры, или даже на ряду съ сохою, замѣняясь сохою и замѣняя оную [6]). Въ особенности самостоятельно и рядомъ съ сохою встрѣчаются выть и четверть при взиманіи подати хлѣбомъ, такъ что денежныя подати взимались по сохамъ, а хлѣбныя по вытямъ и четямъ [7]). Уже прежде упомянуто, что съ развиваю-

---

[1]) Доп. Ак. Арх. К. II № 39.

[2]) Ак. Арх. Эк. III № 116: *«съ сохи 800 рублевъ, а съ четвер«ти пашни по рублю»*; III., 121. Доп. Ак. Арх. К. II. 39. Ак. Арх. К. III. 132: *«съ сохи.. ...съ помѣстныхъ и вот«чинныхъ земель, которыя положены по осмисотъ четьи въ соху»*.

[3]) Ак. Арх. К. I. № 180.

[4]) А. А. К. III. № 132. *«а съ митрополичьихъ и съ монастыр«скихъ земель, которыя кладены по шестисотъ четвертей въ соху»*.

[5]) Ак. Арх. Э. т. I. NN° 299. 261. 343. А. Арх. К т. III № 219.

[6]) А. А. Э. II. № 216 и III. № 93 и д.

[7]) Смотри стрѣлецкія деньги и стрѣлецкій хлѣбъ.

щимся образованіемъ, съ появленіемъ различныхъ отраслей промышленности и особеннаго класса людей промышленныхъ, сошная мѣра, какъ поземельная, не могла быть примѣняема вездѣ, и дѣйствительно уже рано въ составъ сохи начинаютъ входить другіе элементы, изъ которыхъ дворовое счисленіе дѣлается главнѣйшимъ. Такъ уже не одно опредѣленное количество земли, измѣренное четями и вытями, но и извѣстное число дворовъ стало составлять соху. Трудно опредѣлить число дворовъ, ибо изъ немногихъ указаній актовъ не явствуетъ, какихъ основаній держались при раскладкѣ дворовъ въ соху. Кромѣ того и самыя показанія о числѣ дворовъ различны. Можетъ быть, переписныя книги, составленныя въ царствованіе Алексѣя Михайловича и Өеодора Алексѣевича, о которыхъ въ актахъ часто упоминается, могли бы служить важными источниками, но къ сожалѣнію онѣ хранятся только въ рукописяхъ и намъ недоступны. По нѣкоторымъ мѣстамъ актовъ, издан. Арх. Коммиссіею, въ сохѣ полагается 62 и 64 двора [1]). Нельзя сказать, было ли это число постояннымъ, или обращалось вниманіе и на имущественныя отношенія окладываемыхъ податныхъ лицъ: источники объ этомъ предметѣ слишкомъ скудны.

Въ писцовыхъ книгахъ встрѣчаются еще земляныя мѣры — четверикъ или четверть и осмина: *«съ осмины пашни да съ деревни «Т. съ четверика пашни да съ сельца О......съ полуосьмины пашни»* [2]). Четверикъ или четверть здѣсь явно отличается отъ четьи, разсмотрѣнной уже прежде, но въ чемъ именно состоитъ четверикъ, не явствуетъ изъ приведенныхъ мѣстъ. Въ другомъ мѣстѣ подъ четверикомъ или четвертью разумѣется извѣстное число дворовъ: *«платять съ пяти четвертей безъ полутретника пашни по «сей выписи, а по прежнимъ платежнымъ книгамъ, что положено «было на живущую четверть пашни по два двора крестьянскихъ, «да по два двора бобыльскихъ, платежу нѣтъ, потому-что ны«нѣ.......положено противъ Рязанскихъ городовъ съ убавкою на «живущую четверть по пяти дворовъ крестьянскихъ, да по три*

---

[1]) *«А у Соли на посадѣ по вашему письму, живущихъ черныхъ «триста тридцать четыре дворы...а сошного письма 5 сохъ «съ третью и полполтрети сохи, а кладено въ соху по шести«десять по два двора и полполтрети двора.»* А. Арх. Э. I. N° 343. Кар. IX пр. 816: «64 двора.» Ак. Юрид. N° 229: *«и обоего живущихъ и пустыхъ дворовъ и мѣстъ 738..., «а сошного писма во всемъ посадѣ въ живущемъ, и въ пустѣ «12 сохъ безъ чети, безъ малой трети и полполчети сохи.»*

[2]) Ак. Юрид. N° 213. п.

«бобыльских».» [1]) Эта мѣра однакожъ рѣдко встрѣчается, и потому на основаніи этихъ отрывковъ нельзя сдѣлать вѣрный выводъ, какъ о содержаніи, такъ и о значеніи ихъ. Вѣроятно, четверикъ означалъ, также какъ осмина и треть, часть обжи или выти.

Чтобы объяснить себѣ съ одной стороны составъ сохи, а съ другой процессъ раскладки податей по отдѣльнымъ участкамъ, необходимо обратиться къ самому производству переписей. Здѣсь прежде всего должно замѣтить, что въ этомъ отношеніи является первое существенное отличіе сословія людей промышленныхъ—посадскихъ отъ сословія земледѣльцевъ: у перваго дворовое счисленіе, у послѣдняго поземельное владѣніе представляются преимущественно основаніемъ сошного письма. Село или селеніе состояло изъ нѣсколькихъ деревень, изъ которыхъ каждая состояла изъ нѣсколькихъ крестьянскихъ дворовъ съ извѣстнымъ количествомъ земли и съ угодьями. Въ писцовыхъ книгахъ означалось сперва число дворовъ, составлявшихъ деревню, потомъ количество пашни, луговъ, лѣсу и т. д. По количеству пашни въ одномъ полѣ, измѣренномъ десятинами или четями, высчитывалось число вытей или обежъ, а сложность цѣлыхъ вытей или обежъ, содержавшихся въ цѣлой волости означено уже сохами, напр.: *«въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, во«лость Ивановъ Борокъ, деревня селцо Бережное на Шекснѣ, дворъ З.....М, дворъ С. М, дворъ О. И. и т д.......пашни восемь десятинъ въ полѣ, а въ дву полѣхъ потомужъ, сѣна 30 копенъ..... «выть».....«и всѣхъ деревень въ волости Иваново Бору 19, де«ревень пустыхъ и пустошей 8, а дворовъ 40, а людей въ нихъ «41 человѣкъ; да 13 дворовъ пустыхъ, пашни 77 десятинъ съ по«лудесятиною, перелогу 41 десятина въ полѣ, а въ дву полѣхъ по«томужъ, сѣна 506 копенъ, а лѣсу...а вытей 10 безъ трети «выти и полполчети выти и полполтрети выти, да пустыхъ вытъ «съ четью выти, а сошныя пашни полтрети сохи»* [2]).

Въ посадахъ главнымъ образомъ во вниманіе бралось число дворовъ и дворовыхъ мѣстъ, а земля разсматривалась какъ принадлежность: *«и всего въ Муромѣ на посадѣ по Михайлову по Богда«нову дозору и сыску въ живѣ черныхъ тяглыхъ дворовъ 111 дво«ровъ, да 107 дворовъ пустыхъ, да пустыхъ дворовыхъ мѣстъ 520 «мѣстъ и обоего живущихъ и пустыхъ дворовъ и мѣстъ 738.... «пашни у всего посаду съ Московскія дороги и перелогу, и животин«наго выпуску во всѣхъ трѣхъ полѣхъ худые земли 608 чети, а*

[1]) Акт. Юрид. N° 164.
[2]) Тамъ же. N° 228.

«сошного письма во всемъ посадѣ въ живущемъ и въ пустѣ 12 «сохъ безъ чети безъ малой трети и полполчети сохи» . . . . . [1]) Здѣсь очевидно не количество земли, а дворовое счисленіе при нималось за основаніе сохи. Раскладка податей производились слѣдующимъ образомъ: по окладу, назначенному по сохамъ, расчитывалась сумма, падающая на волость; потомъ оклады распредѣлялись по деревнямъ и посадамъ. По окладу, падавшему на отдѣльную деревню или посадъ, опредѣлялась величина подати, падающая на каждый дворъ или податное лицо или, лучше сказать, на тягло его. Списки съ писцовыхъ книгъ, данные волостямъ и посадамъ для соображенія при раскладкѣ податей, назывались сошными [2]). Это распредѣленіе податей вполнѣ соотвѣтствовало древнему быту нисшаго сословія, но для сословія людей промышленныхъ представляло много важныхъ недостатковъ, изъ которыхъ главнѣйшій несоразмѣрность. Главное имущество земледѣльца есть поземельная собственность, и земля слѣдовательно всего удобнѣе можетъ быть облагаема податью, но у человѣка, занимающагося торговлею, ремесломъ и т. д. понятіе имущества гораздо сложнѣе и не можетъ быть сведено къ понятію двора, земли. Одна и таже подать, взимаемая съ двора, падала въ равной мѣрѣ на бѣднаго и на богатаго Отъ-того при большемъ развитіи сословія людей промышленныхъ недостатки древней раскладки податей должны были рѣзко выступить. Вслѣдствіе сего съ Іоанна IV, правительство старалось ввести распредѣленіе податей *«по животомъ и промысломъ»*. Такимъ образомъ съ того времени оклады, положенные по сошному писму, распредѣлены были по дворамъ уже не равно, а сообразно съ достояніемъ владѣльца. У сословія земледѣльцевъ эта раскладка собственно мало или совсѣмъ не отличалась отъ прежней, ибо понятіе о *«животѣ»* совершенно почти совпадало съ понятіемъ поземельной собственности, тѣмъ б лѣе однакожь выиграло сословіе промышленное. И такъ подати, взимаемыя по сохамъ, имѣли характеръ, во 1-хъ, подати поземельной, во 2-хъ, подати промысловой и, въ 3-хъ, имущественной вообще; наконецъ всѣ эти роды въ связи съ дворовою податью.

Совокупность имущества отдѣльнаго человѣка, обложеннаго податьми, называлась тягломъ, и на оборотъ: совокупность обще-

---

[1]) Акт. Юрид. N° 229.

[2]) Списки эти можно сравнить съ нынѣшними окладными листами.

ственныхъ тяжестей, лежавшихъ на извѣстномъ участкѣ, называлась также тягломъ. [1])

Слово тягло происходитъ отъ выраженія
го обязанность платить подати и от
«въ разметы и проторы» [2]) Такъ-ка
нуло въ платежѣ податей и повин
участка или имущества вообще, то у
торому оно носило общественныя тя
послѣдствіи, когда понятіе о госуда
развилось, слово тягло получило бол
подъ тягломъ разумѣлся участокъ гос
шійся во владѣніи частнаго лица и п
отъ-того дворы и другія заведенія,
на такъ называемой тяглой землѣ или
тяглыми; точно также и посадскіе—л
землѣ, преимущественно назывались т
особенности имѣло важное значеніе от
Тягло такимъ образомъ не имѣло значе
наго участка земли, какъ полагаютъ Кара
основаніи тягла, податные, черные и тя
три статьи: на людей лучшихъ, средни
комъ же смыслѣ, какъ тягло, встрѣчается
какъ участокъ, подлежавшій платежу под
дѣленное количество земли. Такъ-какъ о
ныхъ лицъ вообще въ сошныхъ и писцо
были вытями, то отсюда и отдѣльные уча
зывались вытями [5]).

Б. Дворъ, домъ (ды.

По свидѣтельству Нестора, нѣкоторыя
въ IX столѣтіи по Р. Х. стояли на низкой ст
скитались по лѣсамъ, по берегамъ рѣкъ и

[1]) Этотъ выводъ я основываю вообще на
упоминается о тяглѣ, напр. А. Ар. Э.
Ш. № 226; IV. № 24, 32 и мн. друг.
4, 6, 8, 23, 32, 34.

[2]) А. А. Э. I. 46. 51. 52. 69. 143 и мн. др.

[3]) Улож. гл. XIX. А. А. Э. IV. 24, 32; I. II. Ш. 35, 169. и др.

[4]) Кар. И. Г. Р. X, стр. 139. (изд. Эйнерл.).

[5]) А. Арх. Э. Ш. №№ 37, 138 и др.

ныхъ хижинахъ, землянкахъ и пещерахъ; только дымъ, выходившій изъ отверстій, указывалъ на существованіе человѣческаго жилища. Что могло быть естественнѣе и удобнѣе, какъ взиманіе дани съ этихъ племенъ по дыму? И въ самомъ дѣлѣ, Варяги преимущественно брали дань съ дыма. Взиманіе податей съ дыма, какъ оно встрѣчается въ древнія времена, существенно не отличается отъ дворовыхъ податей, встрѣчающихся въ послѣдствіи. Но въ древнее время дворовая или подымная подать совершенно соотвѣтствовала еще быту народному, между тѣмъ какъ въ послѣдствіи чисто дворовая подать имѣла недостатокъ несоразмѣрности. Когда весь народъ состоялъ еще изъ мелкихъ владѣльцевъ, жившихъ семействами въ отдѣльныхъ дворахъ, не могла еще обнаружиться большая разность въ имуществахъ, и раскладка податей по дворамъ могла сдѣлаться несоразмѣрною лишь при дальнѣйшемъ развитіи промышленности, при болѣе рѣзкой противоположности имущественныхъ отношеній гражданъ. Тогда сама собою развилась другая система раскладки податей по поземельному владѣнію. Какое значеніе имѣло дворовое счисленіе, какъ составная часть сохи, мы уже видѣли. Но кромѣ того взиманіе податей съ дыма, двора встрѣчается все еще самостоятельнымъ и на ряду съ взиманіемъ податей по сохамъ, въ особенности въ чрезвычайныхъ случаяхъ и при нѣкоторыхъ мелкихъ сборахъ и повинностяхъ [1]). Со введеніемъ излюбленныхъ цѣловальниковъ и раскладки податей *«по животомъ и промысломъ»*, соха необходимо должна была потерять прежнее свое значеніе. Уже прежде было указано на то, какъ дворовое счисленіе болѣе и болѣе вытѣсняетъ изъ состава сохи поземельный характеръ. Къ концу же XVII столѣтія дворовое счисленіе является очень часто самостоятельною мѣрою и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно замѣняетъ прежнее сошное счисленіе: *«а въ Московскомъ же уѣздѣ «сбираютъ стрѣлецкій хлѣбъ съ сошного письма, а не съ двороваго «числа»*..... Здѣсь Московскій уѣздъ противополагается другимъ мѣстамъ, гдѣ стрѣлецкій хлѣбъ взимался съ двороваго числа, по переписнымъ книгамъ, какъ видно изъ продолженія: *«а противъ «указу, прошлаго 187 году.......велѣно Новгородскаго уѣзду Ве«ликаго Государя дворцовымъ и митрополичьимъ и монастырскимъ «и дворянъ и дѣтей боярскихъ, помѣщиковъ и вотчинниковъ, всѣхъ «пятинъ крестьянамъ стрѣлецкой хлѣбъ съ 183 году и на 186 «годъ доплатить по прежнему указу* (Алекс. Михайл. 183 г.) *съ*

[1]) Акт. Арх. Э. т. IV, NN° 68, 67, 86, 232; Ак. Юрид. N° 334: Ак. Арх. К. т. III, N° 149.

двороваю числа»[1]); «*а имать въ нихъ* (съ поморскихъ и Вятскихъ «городовъ) *за стрѣлецкій хлѣбъ и за данные и за оброчные и за «иные мелкіе доходы по нынѣшнимъ переписнымъ книгамъ.....по «рублю по десяти алтынъ съ двора»*[2]). Почти исключительно съ двороваго числа взимались чрезвычайныя денежныя подати, между тѣмъ какъ хлѣбные запасы взимались большею частію съ сошного письма[3]) Жалованье, взимаемое въ военное время служилымъ людямъ, называлось по-этому поворотною, подымною, дворовою податью[4]). Если здѣсь говорится о взиманіи податей съ двора, дыма, то должно замѣтить, что большею частію подати эти падали на дворы только по общимъ окладамъ, между тѣмъ какъ при частной раскладкѣ соблюдались другія правила (распредѣляли «по животу и промыслу»). Этотъ образъ раскладки податей по дворамъ или дыму составляетъ прямой и естественный переходъ къ такъ называемой подушной подати, введенной Петромъ Великимъ. Тутъ существеннаго различія нѣтъ: дворовые и подушные оклады касались только общей раскладки, и видимая несоразмѣрность, сопровождавшая подобныя подати, совершенно исчезала при частной раскладкѣ по животу и промыслу. И такъ подати, хотя и назывались подымными и подушными, на самомъ дѣлѣ имѣли характеръ поземельныхъ и имущественныхъ, даже иногда чисто промысловыхъ.

Дворомъ называлось отдѣльное жилище одного семейства, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ. Дворы съ землею назывались крестьянскими, а безъ земли бобыльскими. Это раздѣленіе въ особенности имѣло значеніе при поземельномъ характерѣ сохи, но при дальнѣйшей раскладкѣ податей по имуществамъ и промысламъ почти совсѣмъ теряло значеніе. Дворъ, принадлежавшій человѣку, подлежавшему платежу податей, назывался тяглымъ, чернымъ; напротивъ дворы людей, освобожденныхъ отъ податей, назывались бѣлыми. Когда мало по малу развилось понятіе о тяглой землѣ, т. е. когда вся земля, не бывшая собственностью человѣка

---

[1]) А. Арх. К. т. V; N° 38,

[2]) Тамъ же. NN° 48, 49 и 77.

[3]) «*Взять тѣмъ даточнымъ людемъ на кормъ по рублю съ двора*». А. А. К. V. N° 29; «*сверхъ рублевыхъ денегъ по полтинѣ съ двора*». N° 42 и др.

[4]) Ак. Арх. Э. т. I. N° 348; т. IV. N° 241; А. Арх. К. т. I. N° 178. Ак. Юридич. N° 216. Акт. Арх. Э. I. N° 135, 152, 164, 175. А. Арх. К. Ш. NN° 108, 109, 120, 133. Ак. Юрид. NN° 65 и 376.

неподатного, считалась собственностью государства, то всякій дворъ, находившійся на таглой, черной землѣ, хотябы онъ и принадлежалъ человѣку, свободному отъ податей, или человѣку, платившему уже подати на другомъ мѣстѣ, считался податнымъ на ряду съ другими: *«а которые поповы и діаконовы или «дьячковы и слугъ монастырскихъ дѣти или сами попы и діаконы и «дьячки или монастырскіе крестьяне....козаки и пушкари, ко«торые торгуютъ большими торги, по пятисотъ и по шестисотъ «рублевъ и больше.....торгуютъ всякими промыслами и живутъ «на посадскихъ* (тяглыхъ) *мѣстахъ, и вы бы тѣмъ велѣли..... «съ посадскими людьми вмѣстѣ»* [1]). Переходъ крестьянъ въ прежнее время подавалъ поводъ къ большимъ безпорядкамъ въ дворовомъ счисленіи. Пустые дворы, обложенные податью, считались въ окладахъ вмѣстѣ съ жилыми, и оставшіеся на старыхъ мѣстахъ крестьяне и посадскіе люди принуждены были платить подати вмѣсто удалившихся за пустые дворы, между тѣмъ какъ переселившіеся крестьяне на новыхъ мѣстахъ до новой переписи *«жили въ льготѣ»*, т. е. совсѣмъ не платили податей. Съ окончательнымъ развитіемъ крѣпостного состоянія это неудобство двороваго счисленія уменьшается.

Правительство до и послѣ Уложенія старалось многими опредѣленіями предупредить злоупотребленія, запретивъ съ одной стороны посадскимъ людямъ переходить съ одного посада на другой, а съ другой стороны владѣть посадскими мѣстами и дворами непосадскимъ людямъ, не приписавшимся въ посадъ.

В. Поголовная подать.

Поголовная подать встрѣчается съ разными измѣненіями у народовъ во всѣхъ степеняхъ гражданскаго развитія.

Въ древней Руси часто встрѣчается взиманіе дани съ человѣка [2]), какъ и во все разсматриваемое нами время, не будучи однакожь никогда господствующимъ, а относясь только къ сбору нѣкорыхъ вещественныхъ повинностей и чрезвычайныхъ податей. Такъ поголовная подать сбиралась съ жителей для должностныхъ лицъ, или собиралась по случаю чрезвычайныхъ обстоятельствъ, напр. войны и т. п., но эти случаи довольно рѣдки.

Поголовная подать бралась также съ новопокоренныхъ, полудикихъ народовъ. Ее давали напр. въ древнѣйшія времена нѣкото-

---

[1]) Ак. Арх. Эк. т. IV, № 24.

[2]) Лѣт. Арх., стр. 43: *«отъ человѣка»*. Кениг., стр. 70. Воскрес. I. 176.

рыя финскія племена Новгороду; позднѣе, подъ именемъ ясака, жители Сибири — Черемисы, Вогуличи и друг., Московскимъ Государямъ.

Наконецъ въ Россіи является еще третій родъ поголовной подати—подушная подать. Подать съ человѣка, какъ она существовала въ древнѣйшее время, только внѣшнею своею формою является поголовною, между тѣмъ какъ въ самомъ дѣлѣ была семейственною, пала на отца семейства. Древнѣйшій семейственный бытъ, семейственное и родовое имущество необходимо предполагаютъ взиманіе податей съ отца семейства. Ясакъ былъ чисто поголовною податью: онъ взимался съ каждаго мужчины, достигшаго такого возраста, что могъ заниматься промысломъ; падалъ равно на всякаго. Такъ называемая подушная подать существенно отличается отъ ясака, т. е. отъ чисто поголовной подати. При подушной подати должно отличать общую раскладку отъ частной. При общей принимается за основаніе число душъ, при частной же подать по большой части падаетъ не равно на податныя лица, ибо принимаются за основаніе частной раскладки еще имущественныя отношенія податного лица. Конечно въ другихъ случаяхъ и подушная подать имѣетъ характеръ чисто поголовной подати, но вообще этого нельзя сказать.

Въ концѣ разсматриваемаго періода, когда дворовое счисленіе сдѣлалось почти единственнымъ основаніемъ податей, нерѣдко въ дополненіе къ нему является подушное счисленіе, потому-что многіе, какъ крестьяне, такъ и посадскіе люди, жившіе въ селахъ, городахъ, и посадахъ и занимавшіеся работами и промыслами, не имѣли собственныхъ дворовъ: напр. велѣно было собирать подати съ Латышей *«по дворамъ и душамъ»* [1]).

III. Прямыя подати въ отдѣльности.

Во время первоначальнаго образованія гражданскихъ обществъ не платятъ никакихъ податей. Люди, бывшіе дотолѣ свободными, или независимыя семейства, которыя сначала образуютъ между собою гражданское общество, еще не привыкли платить дань; да и состояніе, въ которомъ они живутъ, дѣлаетъ подати ненужными. Члены семейства исправляютъ для домоначальника личную службу и получаютъ за то отъ него продовольствіе. Самъ домоначальникъ несетъ въ пользу государства, которое оказываетъ защиту его семейству, личныя службы, состоящія въ защищеніи государства, по требованію временныхъ и мѣстныхъ обстоятельствъ. Требованіе же подати за принадлежность къ государству показалось бы грубому,

[1]) Полн. собр. зак. т. IV, № 1940.

естественному человѣку дикимъ и унизительнымъ. Въ началѣ государство не имѣетъ почти ни въ чемъ нужды. Граждане должны сами защищать его, не подавая повода ни къ какимъ издержкамъ. Верховный властитель государства—князь содержитъ себя на счетъ собственнаго имущества. Только одни побѣжденные народы платятъ дань, т. е. цѣну, которою окупаются отъ рабства, и составляя такимъ образомъ замѣну рабскаго служенія, всякій налогъ, всякая подать въ древнія времена считались чѣмъ-то позорнымъ. Варяжскіе князья, призванные нѣкоторыми славянскими племенами, не требовали съ нихъ дани, но въ вознагражденіе за доставляемую защиту—за водворенный миръ, «*мира дѣля*», получали отъ нихъ дары, поклоны; другія же племена славянскія, подчиненныя силою оружія, платили дань, болѣе или менѣе тяжкую.

И такъ мы видимъ здѣсь двоякія отношенія славянскихъ племенъ къ пришедшимъ Варягамъ: отношенія подданныхъ къ правительству и отношенія побѣжденныхъ къ побѣдителю. Первые, получая отъ сильныхъ пришельцевъ защиту и покровительство, охотно жертвовали имъ часть своего имущества; послѣдніе—побѣжденные должны были откупаться отъ рабства.

Дары—поклоны. Добровольныя приношенія подданныхъ вскорѣ начали принимать характеръ подати, но существенно отличались отъ дани. Это видно уже изъ постановленій Олега; лѣтописецъ говоритъ: «*сей же Олегъ начатъ городы ставити и устави дани по* «*всей Русской земли, Словеномъ и Кривичемъ и Мѣряномъ даяти Ва*«*рягамъ; а отъ Новгорода гривенъ 300 мира дѣля*». Здѣсь плата Новгородцевъ явно отличается отъ дани съ другихъ племенъ, и выраженіе «*мира дѣля*» указываетъ даже на происхожденіе этой подати. Далѣе подати эти отличались еще отъ даней тѣмъ, что взимались не князьями, ни намѣстниками ихъ, а самими податными лицами. Подати, взимаемыя великими князьями въ послѣдствіи съ Новгорода и принадлежавшихъ къ нему волостей, удержали прежнее названіе дара, поклона: «*а даръ имате отъ тѣхъ волостей*» [1]). Кромѣ того слово даръ означало еще случайную подать, взимаемую князьями при въѣздѣ въ какой-нибудь городъ или въ какое-либо мѣсто и при выѣздѣ, также означало приношенія подданныхъ при вступленіи новаго князя на престолъ. Въ Новгородѣ встрѣчается такой сборъ подъ именемъ крюка, который былъ взимаемъ великимъ княземъ на 3-й годъ [2]).

Дань. Она собственно означаетъ контрибуцію съ наро-

[1]) Собр. госуд. гр. и д. I, N° 2; далѣе NN° 3, 7, 9, 6, 20.
[2]) Тамъ же. I. Новгородскія грамоты. Крюкъ значитъ кругъ, объѣздъ.

довъ покоренныхъ, есть, такъ сказать, цѣна, которою опи откупаются отъ рабства, подать съ ихъ имуществъ и стяжаній въ замѣну рабскаго служенія. Дань въ первое время владычества Варяговъ имѣла значеніе такой контрибуціи съ покоренныхъ народовъ. Но такъ какъ сильные пришельцы — Варяги и покоренныя ими славянскія племена вскорѣ сблизились такъ, что отношенія между ними можно болѣе назвать отношеніями подданныхъ къ правительству, чѣмъ побѣжденныхъ къ побѣдителямъ, то дань необходимо должна была потерять характеръ контрибуціи и мало по малу содѣлаться чистою податью. Конечно это совершилось не вдругъ, но начало уже было положено при первыхъ князьяхъ, а именно при Олегѣ. Дѣйствительно, дань его времени еще не есть спеціальная подать, какою является въ послѣдствіи, но означаетъ уже всякую плату, производимую подданными, какъ князю и его дружинѣ, такъ и намѣстникамъ. Отдѣльные сборы, подати и повинности, подведенные первоначально подъ одно понятіе дани, мало по малу только подверглись особымъ опредѣленіямъ и развились самостоятельно—вышли изъ состава дани. Такимъ образомъ дань только въ послѣдствіи, отдѣлившись отъ пошлинъ и вещественныхъ повинностей, стала означать уже чисто прямую подать, и въ такомъ видѣ является во все остальное время, нами разсматриваемое. На ряду съ этимъ собственнымъ значеніемъ дани, сохранилось однакожь еще и прежнее обширное значеніе слова дани: по-этому мы еще часто встрѣчаемъ слово дань въ смыслѣ общественной тяжести вообще. Такъ напр. Ярославъ, даруя Новгородцамъ грамоту (правду) говоритъ: «*по сей грамотѣ дадите дань*». Въ выраженіи, часто встрѣчающемся въ древнихъ грамотахъ: «*судомъ и данью тянути по землѣ и по водѣ*» [1]), слово дань употреблено въ семъ послѣднемъ значеніи. Въ выраженіи же: «*не надобѣ имъ моя дань, ни мыть, ни тамга...... никоторая оная пошлина*» [2]) дань означаетъ прямую подать. Первыя постановленія касательно дани относятся къ княженію Олега. Лѣтописецъ говоритъ: «*сей же Олегъ начатъ городы ставити и устави дани по всей Русской земли, Словеномъ, Кривичемъ и Мѣряномъ дати Варяюмъ*» [3]) Здѣсь дань означаетъ не отдѣльную подать, а вообще доходъ князя съ народовъ подчиненныхъ, однакожь болѣе уже приближается къ подати, чѣмъ къ военной контрибуціи. О финансовыхъ распоряженіяхъ Ольги лѣтописецъ говоритъ: «*И иде*

[1]) Собр. г. гр. и д. I, N° 28 и слѣдующій.

[2]) Ак. Арх. Э. т. I, NN° 18, 19, 21, 23, 31, 34, 35. 38, 47 и многіе другіе.

[3]) Нест., слич. Шлец. ч. II, стр. 253.

«Ольга по Деревенской земли ссыномъ своимъ и со дружиною, «уставляющи уставы и уроки» . . . . *«Влѣто 9455 иде «Ольга къ Новугороду, устави по Мстѣ погосты и дани и по Лузѣ оброки и дани»* [1]) Здѣсь слова: *урокъ* и *оброкъ* указываютъ, что другія финансовыя учрежденія, хотя не ясно еще обозначенныя, выходятъ уже изъ состава дани. Такъ подъ урокомъ вѣроятно должно разумѣть повинности, установляемыя въ пользу судей и намѣстниковъ [2]), а подъ словомъ оброкъ доходъ съ образовавшихся уже регалій (рыбныхъ ловель, бобровыхъ гоновъ и д.). Вообще можно сказать, что дань до времепъ удѣльнаго періода означаетъ еще подать вообще, хотя подъ конецъ является иногда уже отдѣльною прямою податью. Во время удѣльнаго періода дань — чистая и, можно сказать, почти единственная прямая подать, но вслѣдствіе того, что дань не была уже единственнымъ источникомъ доходовъ, она естественно стала занимать менѣе важное мѣсто. Со времени единодержавія великихъ князей Московскихъ, при стараніяхъ правительства ввести въ финансовыя учрежденія болѣе единства, является оброкъ въ замѣнъ мелкихъ сборовъ и повинностей; подати же, взимаемыя на содержаніе войска, будучи прежде только временными сборами, дѣлаются отчасти постоянными, болѣе и болѣе увеличиваются, и къ концу разсматриваемаго нами времени составляютъ слишкомъ треть количества всѣхъ податей. При такихъ обстоятельствахъ, дань, существенно не перемѣнившаяся, должна была необходимо сдѣлаться менѣе важнымъ источникомъ, и по-этому не удивительно, что въ актахъ, относящихся къ царствованію Θедора Михайловича, дань названа уже мелкимъ доходомъ: *«съ Вятки, съ посадовъ и уѣздовъ за «стрѣлецкой хлѣбъ, стрѣлецкихъ денегъ по окладу положено по четырнадцати тысячъ по четыреста, по семидесяти по три рубли . . . . да данныхъ и оброчныхъ и полоняночныхъ и ямскихъ и «иныхъ мелкихъ доходовъ по три тысячи по семисотъ по девяносто по осми рублевъ».* [3]).

Дань въ первое время взималась то съ человѣка, то съ дыма то отъ рала—плуга, большею частію по обычаю того племени, на которое она была наложена. Обычай, какъ мы уже видѣли, основывался на платежѣ дани, производимомъ воинственнымъ сосѣдямъ Славянъ,—Хозарамъ, Норманнамъ, еще за долго до основанія государства. Такъ Олегъ на Радимичей наложилъ дань отъ ра-

[1]) Несторъ, слич. Шлец. ч. III, стр. 344.
[2]) Смотри Эверса древн. русск. право, стр. 67.
[3]) Ак. Арх. К. т. V; № 48.

ла: «*Въ лѣто 6393 посла къ Родимичемъ рькучи: кому дань «даете? Они же рѣша*: *Козаромъ* (по шлягу отъ рала), *и рѣ«че имъ Олегъ: не дайте Козаромъ, но мнѣ давайте. И даша Ол«гови по шлягу, яко же и Козаромъ*».... [1]) Или на Древлянъ съ дыма: «*въ лѣто 6391 поча Олегъ воевати на Древляны и приму«чивъ я и имаше на нихъ данъ по черньй кунѣ съ дыма*» [2]). Въ другомъ мѣстѣ Игорь взималъ «*по чернѣ кунѣ съ человѣка*». Кромѣ того не только взиманіе дани соотвѣтствовало обычаю, но и предметы, которыми взималась дань, соотвѣтствовали занятіямъ данниковъ. Такъ съ Древлянъ, занимавшихся преимущественно звѣриною ловлею, взималось «*по чернѣ кунѣ*». Съ Новгородцевъ, и тогда уже богатыхъ торговлею, «*300 гривенъ*». Съ Полянъ, Радимичей и другихъ, уже знакомыхъ съ деньгами по сношеніямъ своимъ съ другими народами, «*по шлягу*» (Schilling?). Въ продолженіе удѣльнаго періода, земледѣліе было главнѣйшимъ занятіемъ податного класса: отъ-того поземельное владѣніе сдѣлалось преимущественно мѣриломъ взиманія дани и всѣхъ податей вообще. Здѣсь, какъ уже прежде указано, развивается соха, и дань, слѣдуя постепенному развитію, является то чисто поземельною, то дворовою, то наконецъ имущественною податью (съ живота и промысла).

Оброкъ. Въ собственномъ смыслѣ, слово оброкъ означаетъ плату за пользованіе извѣстнымъ предметомъ; отсюда всякая подать, взимаемая съ извѣстнаго предмета, называлась оброкомъ. Уже первые варяжскіе князья стали требовать части произведеній съ угодій, промысловъ, напр. съ рыбныхъ ловель, бобровыхъ гоновъ и т. п., и подать эта называлась оброкомъ. Въ этомъ значеніи, т. е. какъ доходъ съ государственныхъ имуществъ и регалій, слово оброкъ играетъ важную роль. Для нашего предмета важно другое значеніе оброка, а именно оброкъ означалъ еще подать, платимую въ замѣнъ разнородныхъ повинностей и сборовъ. Здѣсь оброкъ является иногда совокупною платою, окладомъ, большею частію однакожь совершенно замѣняетъ прежніе сборы и повинности и является по этому прямою податью. Въ смыслѣ прямой подати, оброкъ является такимъ образомъ въ слѣдующихъ случаяхъ: во 1-хъ, дарованныя монастырямъ земли въ прежнее время часто освобождались отъ податей и повинностей, а въ замѣнъ ихъ платили небольшой оброкъ: «*не надобѣ имъ съ двора того никоторая «моя дань, ни ять..... иныя имъ никоторыя пошлины не надобѣ*,

[1]) Нестор. по Кениг. сп., стр. 19, 20.
[2]) Тамъ же.

«а даютъ мнѣ Великому Князю (Василію) *оброкъ съ тою двора на годъ, на Рождество Христово, рубль»* [1]). Во 2-хъ, кормы, и пошлины намѣстниковъ и чиновниковъ ихъ замѣнены въ царствованіе Іоанна IV оброкомъ. Это постановленіе вызвано злоупотребленіями намѣстниковъ и ихъ людей. Любопытно мѣсто акта, установляющаго этотъ оброкъ: *«что напередъ жаловали есмя бо«яръ своихъ и дѣтей боярскихъ, горды и волости давали имъ въ «кормленіе, и намъ отъ крестьянъ челобитья великія и докука была «безпрестанная, что намѣстники наши и волостели и ихъ пошлин«ные люди сверхъ нашего жалованья указу, чинятъ имъ продажи и «убытки великіе,.....а отъ намѣстниковъ и отъ волостелей и отъ «ихъ пошлинныхъ людей намъ докука и челобитья многія, что имъ «посадскіе и волостные люди подъ судъ и на поруки не даются и «кормовъ не платятъ........да отъ того на посадѣхъ многіе «крестьянскіе дворы, а въ уѣздахъ деревни, и дворы запустѣли и «наши дани и оброки сходятся не сполна. И мы жалуючи крестьян«ство для тѣхъ великихъ продажъ и убытковъ.......за намѣст«ники и за волостелины и за праветчиковы доходы и за присудъ и «за ихъ пошлинныхъ людей пошлинъ велѣли есми...крестьянъ по«оброчити деньгами»* [2]). Въ 3-хъ, оброкъ установленъ въ замѣнъ разныхъ повинностей и сборовъ: этотъ видъ въ особенности встрѣчается съ тѣхъ поръ, какъ правительство начало стараться ввести болѣе единства въ финансовомъ управленіи и именно во времена Іоанна III и Іоанна IV.

Слѣдующее мѣсто Актовъ Арх. Эк. ясно указываетъ на всѣ эти значенія оброка: *«а сверхъ намѣстнича оброка, платити имъ «нашъ оброкъ за.....* (на мѣсто различныхъ)....*и иные наши об«роки* (плата за пользованіе государственной землею) *по писцовымъ «книгамъ и по сохамъ давати»* [3]).

Оброкъ въ смыслѣ прямой подати всегда взимался на общемъ основаніи съ сошного письма, между тѣмъ какъ другіе оброки условливались тѣмъ предметомъ, для котораго были установлены.

Ямскія деньги. Для провоза гонцевъ, посланниковъ, должностныхъ лицъ и т. д. въ древней Руси устроены были ямскія слободы. Къ каждому яму приписывались, смотря по числу ямщиковъ земли, которыя освобождались отъ всякихъ податей, равно какъ и самые ямщики отъ сборовъ и повинностей. Такъ-какъ учрежденіемъ ямовъ податной классъ освобождался отъ тяжкой повинности,

---

[1]) А. А. Э. I, N° 69 и во многихъ другихъ тарханныхъ грамотахъ.

[2]) А. А. Э. I. N° 242. Оброкъ этотъ въ послѣдствіи часто встрѣчается.

[3]) Ак. Арх. Эк. т. I. N° 234.

то на него пала обязанность давать ямщикамъ подмогу, т. е. жалованье, и отправлять разныя повинности въ пользу учрежденныхъ ямовъ [1]). Чтобъ уравнять эти сборы и повинности относительно мѣстъ, отдаленныхъ отъ большихъ дорогъ, собиралась подать—ямская подмога, ямскія деньги. Когда ямъ дѣлался болѣе и болѣе учрежденіемъ общимъ, нѣкоторымъ образомъ соотвѣтствовавшимъ нынѣшнимъ почтамъ, то прежніе сборы и повинности мало по малу замѣнились общею податью, т. е. ямскими деньгами, взимавшимися со всего государства. Въ такомъ видѣ ямскія деньги занимаютъ важное мѣсто въ системѣ податей; такъ напр. уже въ царствованіе Михаила Θеодоровича съ сохи взималось 800 рублей: *«сбирано съ городовъ, къ Москвѣ въ приказахъ, Московскимъ и разныхъ городовъ охотникамъ на жалованье и на прогоны, съ сохи по «800 рублевъ, съ чети пашни по рублю»* [2]).

По извѣстію Котошихина собиралось со всего Московскаго государства кромѣ Новгорода, Пскова, Смоленска, Казани, Астрахани и Сибири около 50,000 рублей [3]). Наши древніе акты богаты постановленіями о сборахъ на содержаніе ямовъ, но большею частію эти постановленія касаются не сущности этой подати, а вызваны мѣстными обстоятельствами и касаются болѣе возвышенія и пониженія ея количества.

ПОДАТИ, ВЗИМАЕМЫЯ НА СОДЕРЖАНІЕ ВОЙСКА.

Подати эти были чрезвычайныя и постоянныя. Чрезвычайныя взимались во время войны; онѣ встрѣчаются уже рано, подъ именемъ запроса или кормовъ и жалованья ратнымъ людямъ. Подати эти были: вещественныя, состоявшія изъ всякихъ хлѣбныхъ и другихъ запасовъ, и денежныя. Постоянныя подати на содержаніе войска встрѣчаются не ранѣе Іоанна III, и сначала преимущественно состояли въ хлѣбныхъ запасахъ, на мѣсто которыхъ въ послѣдствіи являются и денежныя подати. Развитіе этихъ податей шло рядомъ съ успѣхами военнаго искуства, съ постепеннымъ усовершенствованіемъ котораго, съ одной стороны, средства веденія войны дѣлаются сложнѣе, а съ другой, и самыя войны становятся продолжительнѣе. При тогдашнемъ финансовомъ устройствѣ, всякій новый расходъ требовалъ новаго источника дохода:

---

[1]) А. А. Э. II. N° 84; III. N° 323. и друг.
[2]) А. А. Э. III. N° 116.
[3]) Котошихинъ о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, гл. VII, ст. 26.

такъ напр. пищальныя деньги, первая постоянная подать сего рода, являются со введеніемъ огнестрѣльнаго оружія; съ учрежденіемъ постояннаго войска возникаютъ на содержаніе его такъ называемый стрѣлецкій хлѣбъ и стрѣлецкія деньги.

Подати, взимаемыя на содержаніе войска, какъ чрезвычайныя, такъ и постоянныя, были весьма значительны, въ особенности во времена Михаила Ѳедоровича. Одинъ стрѣлецкій хлѣбъ и стрѣлецкія деньги составляли болѣе одной трети непосредственныхъ доходовъ. Если прибавить сюда другіе чрезвычайные сборы, превышавшіе иногда пятую часть всего дохода податного лица, то не удивительно, что прежнія подати: дань, оброкъ и т. п. сдѣлались мелкими сборами въ сравненіи съ податями на содержаніе войска.

a. *Чрезвычайныя подати.*

Чрезвычайныя пожертвованія во время войны и вообще въ затруднительныхъ обстоятельствахъ встрѣчаются съ древнѣйшихъ временъ. Такъ Новгородцы помогали Владиміру не только войскомъ, но также имущественными пожертвованіями; тоже самое встрѣчаемъ и при Ярославѣ [1]). Эти чрезвычайныя подати попадаются въ продолженіе удѣльнаго періода подъ именемъ запроса. Онѣ состояли большею частію изъ хлѣбныхъ и другихъ запасовъ, взимались съ дыма, двора, иногда и по сошному разводу. Сборъ ихъ былъ предоставленъ или особеннымъ чиновникамъ, или самому податному классу. Часто запросъ является совершенно добровольною податью; такъ напр. Михаилъ Ѳеодоровичъ, въ началѣ царствованія, находясь въ крайности, да и видя, можетъ быть, невозможность собрать опредѣленный окладъ, требовалъ: «*сверхъ всякихъ доходовъ.....служилымъ людямъ на жалованья, какъ кому «мочь лляжетъ*». [2]) Обыкновенно за добровольныя пожертованія обѣщаемы были разныя льготы: «*чего у васъ и на умѣ нѣтъ*». Въ такихъ сборахъ принимали участіе всѣ сословія: «*съ бояръ...... «съ монастырей.....и съ епископовъ.....кто что дастъ,.... «да ко всякимъ приказнымъ людямъ послать государевы грамоты, «чтобы они съ своихъ пожитковъ вспоможеніи разнымъ людемъ де«негъ дали*». [3]) Въ особенности въ такія смутныя времена оказывали незабвенныя услуги монастырскія казны, которыя заимообразно употреблялись правительствомъ въ раздачу наемному войску.

[1]) Несторъ по Кениг. сп, стр. 96, 97.
[2]) А. А. Э. т. III. N° 5.
[3]) А. А. Э. III. N° 213.

Когда, съ утвержденіемъ на престолѣ дома Романовыхъ, водворились внутри государства опять порядокъ и спокойствіе, чрезвычайныя подати, вызванныя внѣшними войнами, получили болѣе правильный характеръ. Обыкновенно стала быть взимаема извѣстная часть доходовъ: пятая, десятая, пятнадцатая или двадцатая часть, такъ называемая пятая, десятая......деньга. Въ первый разъ встрѣчается эта подать въ 1632 году [1]). Ей подлежалъ сначала весь податной классъ, въ послѣдствіи же только сословіе промышленное. Съ крестьянъ вмѣсто пятой доли положено было брать *«по сту по двадцати рублевъ съ сохи»* [2]), а въ послѣдствіи *«по рублю»* или *«по полтинѣ съ двора»* [3]). Въ 1637 году, по случаю войны съ Крымомъ, постановлено брать чрезвычайную подать—по два рубля съ двора; прибавлено однакожь: *«а сбирали бы есте тѣ «денги съ дворовъ развытя промежь себя, чтобъ бѣднымъ людемъ «предъ прожиточными тягости не было»* [4]). Сверхъ этихъ сборовъ иногда собирали еще различные запасы, напр.: *«съ четверти паш«ни* (съ помѣстьевъ) *по чети муки ржаныя,.....на своихъ лоша«дехъ доставить въ Смоленскъ».....* [5]) или *«съ бѣлыхъ дворовъ, «съ нетяглыхъ, со всѣхъ и съ гостинныхъ дворовъ.....а съ сукон«ничьихъ дворовъ...а съ черныхъ дворовъ, съ 5 дворовъ* (всякіе запасы) *«съ 20 дворовъ пудъ зелья....съ 20 дворовъ за пудъ зелья по 2 рубли»* [6]).

Есть въ источникахъ указанія на денежный сборъ на мѣсто даточныхъ людей, какъ на чрезвычайную подать: *«собрати на «мѣсто даточныхъ людей съ городовъ и съ посадовъ и съ уѣздовъ, «съ черныхъ волостей по 2 рубли съ двора»* [7]). Замѣчательно также, что въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, семейство Строгановыхъ по особымъ царскимъ грамотамъ подвергалось платежу огромныхъ суммъ въ видѣ чрезвычайной подати. Такъ въ 1616 году положено было взять съ нихъ 40,000 рублей [8]).

Кромѣ этихъ чрезвычайныхъ сборовъ, назначенныхъ собственно для содержанія войска во время войны, встрѣчаются иногда еще сборы на строеніе и укрѣпленіе городовъ. Напримѣръ въ

---

1) А. А. Э. т. III. N° 213.
2) А. А. Э. III. N° 70.
3) А. А. К. V. NN° 29, 33, 37, 77 и др. А. А. Э. IV. NN° 137, 175. Полн. собр. зак. NN° 750, 799, 1200 и друг.
4) А. А. Э. III. N° 275.
5) Тамъ же. III. NN° 214, 216, 244.
6) Тамъ же. III. N° 271.
7) Тамъ же. N° 275.
8) Тамъ же, N° 87.

1637 г. Михаилъ Θеодоровичъ требовалъ подобной подати для строенія разоренныхъ городовъ и для укрѣпленія пограничныхъ мѣстъ [1]).

б. Постоянныя подати, взимаемыя на содержаніе войска.

Стрѣлецкій хлѣбъ и стрѣлецкія деньги. Эта подать состояла въ сборѣ хлѣбныхъ и другихъ съѣстныхъ запасовъ и въ деньгахъ Впервые она встрѣчается въ царствованіе Іоанна IV, которымъ, кажется, и установлена, какъ видно изъ слѣдующаго мѣста актовъ: *«а стрѣлецкій хлѣбъ съ тѣхъ съ живущихъ съ 38 чети не «положенъ для того. что въ спискахъ съ прежнихъ писцовыхъ и съ «приходныхъ и окладныхъ книгъ, каковы присланы къ писцамъ къ «стольнику Никитѣ Ксенофонтовичу Тороканову да къ подьячему.... «стрѣлецкаго хлѣба не написано»* (эти писцовыя книги относятся къ 216 году, т. е. къ 1540 г. [2]) Смутныя времена самозванцевъ и междуцарствія, безпрестанныя войны Михаила Θеодоровича и его преемниковъ съ Польшею, Швеціею и Крымомъ были поводомъ къ образованію многочисленнаго наемнаго войска. Вслѣдствіе сего окладъ, собираемый на жалованье стрѣльцамъ, безпрестанно былъ увеличиваемъ, такъ что въ концѣ разсматриваемого нами времени онъ дѣлается важнѣйшею прямою податью.

Наемное войско получало хлѣбное и денежное жалованье; по-этому и подать, для него положенная, состояла въ сборѣ хлѣба и денегъ: *«и вы бы стрѣльцамъ на жалованье давали деньги и хлѣбъ «съ посаду.......* [3]) *и ратнымъ людемъ..... даютъ хлѣбнаго и «денежнаго жалованья»* [4]) Стрѣлецкій хлѣбъ собирался только съ поземельной собственности—*«съ чети пашни»*, деньги же стрѣлецкія собирались съ сошного письма вообще. Такимъ образомъ стрѣлецкій хлѣбъ съ посадовъ взимался не съ двороваго числа, какъ другія подати, а съ количества земли, приписаннаго къ посаду [5]). Съ отдаленныхъ мѣстъ позволялось на мѣсто стрѣлецкаго хлѣба вносить деньги [6]). Точно также города и посады большею частію въ замѣнъ стрѣлецкаго хлѣба платили деньгами [7]). Эта денежная

---

[1]) Тамъ же, N° 268,
[2]) Ак. Юрид. N° 231.
[3]) А. Ар. Э. III. N° 43.
[4]) Тамъ же, N° 45.
[5]) А. Ар. Э. III. N° 72. Ак. Арх. К. V, N° 38.
[6]) Ак. Арх. Э. N° 131.
[7]) А. Арх. К. V. N° 11, 77 и мн. друг.

плата въ замѣнъ стрѣлецкаго хлѣба и прежняя собственно денежная подать въ послѣдствіи совершенно слились, относительно средняго сословія, въ одну подать подъ названіемъ стрѣлецкихъ денегъ. Какъ велико было количество стрѣлецкихъ денегъ въ сравненіи съ количествомъ всѣхъ другихъ податей, въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, видно изъ слѣдующаго мѣста: «*Борисоглѣбская слобода: 210 дворовъ, 273 рубли* (за всѣ подати) *и въ томъ «числѣ стрѣлецкихъ денегъ 130 рублевъ*»[1]). Замѣчательна попытка Алексѣя Михайловича замѣнить стрѣлецкія и ямскія деньги косвеннымъ налогомъ, а именно пошлиною съ соли. Въ актѣ, относящемся къ 1646 году, говорится: «*для пополненія нашія государ«скія казны и служилымъ людемъ на жалованье, положити на соль «новую пошлину, за весь старыя пошлины.....съ прибавкою на «пудъ по двѣ гривны......а какъ та соляная пошлина въ нашу «казну сполна сберется, и мы Великій Государь указали со всее зем«ли и со всякихъ людей наши доходы стрѣлецкіе и ямскіе денги сло«жити, а заплатити тѣ стрѣлецкіе и ямскіе доходы тѣми соля«ными пошлинами, потому-что та соляная пошлина будетъ всѣмъ «равна, и въ избылыхъ никто не будетъ, и лишняго платить не «станетъ, а платить всякой станетъ безъ правежу собою, а стрѣ«лецкіе и ямскіе денги сбираютъ не равно, инымъ тяжело, а инымъ «легко, и платятъ за правежемъ съ большим избытки*»[2]). Далѣе выставляется еще та выгода, что иностранцы и неподатные люди подвергаются также косвенному налогу. Но попытка была оставлена: вѣроятно потому, что нововведеніе не было согласно съ выгодами народа и что при тогдашнемъ устройствѣ управленія финансами должны были оказаться препятствія въ исполненіи со стороны самого правительства.

Пищальныя деньги. Изъ названія явствуетъ происхожденіе этой подати, впервые встрѣчающейся въ смыслѣ постоянной подати въ царствованіе Іоанна IV[3]). Впрочемъ нѣтъ ясныхъ указаній на ея назначеніе: вѣроятно она служила для пріобрѣтенія огнестрѣльныхъ и другихъ воинскихъ запасовъ. Прежде каждый воинъ являлся на службу въ своемъ вооруженіи, но со введенія огнестрѣльнаго оружія — артиллеріи, необходимо само правительство должно было заботиться объ орудіяхъ и запасахъ. Въ послѣдствіи пищальныя денги вошли въ составъ оброковъ или стрѣлецкихъ денегъ.

Полоняночныя деньги. Эта подать образовалась изъ сбора, про-

---

[1]) А. А. Э. т. IV, N° 250.
[2]) А. Арх. Э. т. IV, N° 5.
[3]) А. А. К. I, NN° 164. 222. А. А. Э. I, N° 343. Ак. Юрид. N° 231.

водимаго правительствомъ для выкупа плѣнныхъ. Вѣроятно начало этого сбора, сперва временнаго, относится ко времени борьбы Россіи съ Ордою Со времени же Іоанна III сборъ на выкупъ плѣнныхъ дѣлается постояннымъ. Замѣчательно, что онъ всегда взимался [1]) съ двороваго числа. Онъ поступалъ въ Посольскій Приказъ и былъ употребляемъ единственно лишь для назначенной цѣли. Котошихинъ говоритъ: *«да въ тотъ же «приказъ* (Посольскій) *со всего Московскаго государства, съ царскихъ, «дворцовыхъ и черныхъ волостей и съ помѣщиковыхъ, и съ вотчин-«никовыхъ крестьянъ и бобылей собираются денги плѣннымъ на окупъ, «которые бываютъ въ Крыму и въ Турецкой землѣ, погодно по указу, «и сберется тѣхъ полоняночныхъ денегъ съ полтораста тысячь руб-«левъ въ годъ, и окромѣ выкупу тѣхъ денегъ не даютъ ни въ какіе «расходы»* [2]). Иногда на ряду съ постоянною податью встрѣчается еще чрезвычайный сборъ для выкупа плѣнныхъ, при особенно дѣятельномъ участіи духовенства [3]).

ПОДАТИ, ВЗИМАЕМЫЯ СЪ НОВОПОКОРЕННЫХЪ НАРОДОВЪ, ИЗВѢСТНЫХЪ ПОДЪ ИМЕНЕМЪ ЯСАЧНЫХЪ.

Сѣверовосточныя части Европы и даже нѣкоторыя страны по ту сторону Урала уже рано были извѣстны смѣлымъ Новгородцамъ, и отчасти находились въ зависимости отъ нихъ, платили имъ дань. Тамъ уже рано начинаетъ развиваться та ситема, которую въ послѣдствіи усвоили себѣ великіе князья: отысканіе *«новыхъ землицъ «людей»*, приведеніе ихъ въ зависимость и наложеніе на нихъ дани. Какъ важны были эти данники для Новгорода, видно изъ его усилій распространить и упрочить владычество надъ обитателями пустынь сѣвера. Великіе князья Московскіе, распространивъ границы Руси до такъ называемаго каменнаго пояса, подчинили себѣ многія племена востока и сѣвера. Пермь и Чердынь были въ то время исходными пунктами для дѣйствій правительства противъ иноплеменниковъ. Туда ближайшія племена приносили дань, оттуда отправлялись экспедиціи въ отдаленныя страны для сбора дани. Господство по ту сторону каменнаго пояса, за Ураломъ, было еще слабо и ненадежно [4]). Татары сибирскіе, признавъ Іоанна IV верховнымъ властителемъ, не только худо платили ему дань, но и частыми набѣгами тревожили пограничныя русскія владѣнія. Завоева-

---

[1]) Акт. Юрид. N° 353.
[2]) Котош. гл. VII, ст. 2.
[3]) Ак. Арх. Эк. т. III, N° 299.
[4]) Ак. Арх. К. N° 179.

нія, сдѣланныя казаками въ Сибири, вдругъ открыли обширное и богатое поле для новыхъ пріобрѣтеній, и Іоаннъ IV не замедлилъ воспользоваться ими. Внутренніе безпорядки временъ самозванцевъ и междуцарствія на время остановили успѣхи Русскихъ въ Сибири, но тѣмъ дѣятельнѣе становится правительство со времени Михаила Ѳеодоровича. Важнѣйшія постановленія касательно финансоваго устройства Сибири относятся къ этому времени. Главное вниманіе правительства обращено было на учрежденіе во всѣхъ новопріобрѣтенныхъ земляхъ остроговъ и городовъ для удержанія въ зависимости полудикихъ жителей сѣвера. Изъ этихъ-то пунктовъ для сбора дани отправлялись экспедиціи, которымъ вмѣстѣ съ тѣмъ вмѣнялось въ обязанность отъискивать и приводить въ зависимость новыя земли и племена: «*и тѣмъ служилымъ людемъ новыхъ землицъ неясачныхъ людей призывати, и подъ Государеву Царскую руку приводиши, ясакъ съ нихъ на Государя имать*..... *и что служилые люди новыхъ землицъ людей провѣдаютъ и подъ Государеву Царскую высокую руку и къ шерти приводятъ, и ясаку съ нихъ на Государя возмутъ, и то*...*писать велѣно въ ясачныя книги подлинно*»[1]). Ясачныя книги служили основаніемъ взиманія ясака. Онъ составлялъ чисто поголовную подать. Всякій, достигшій 18 или 20 лѣтняго возраста, способный заниматься звѣринымъ промысломъ, подлежалъ ясачному сбору; освобождались же отъ него только престарѣлые и неспособные къ промысламъ[2]). Предметы, которыми уплачивался ясакъ, были «*соболи и лисицы и шубы и ожерелья и пластины собольи и шубы юрностаньи и бобры и выдры*»....[3]). Количество взимаемаго съ человѣка ясака было различно въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ: обыкновенно упоминается «*по пяти соболей съ человѣка*»[4]), но къ этой мѣрѣ сводились и другіе предметы[5]). Время взиманія ясака не было опредѣлено во всѣхъ случаяхъ, а по большой части соображалось съ обстоятельствами. Служилымъ людямъ, отправленнымъ для сбора, въ особенности подтверждалось «*имати лаской, а не жесточью*»[6]). Далѣе предписывалось всѣми мѣрами утвердить господство мирнымъ путемъ: «*призвать тѣхъ землицъ ясачныхъ тунгускихъ князей и всякихъ улусныхъ людей*.....*а оказавъ имъ Государево жаловальное слово, на-*

---

[1]) Доп. къ А. А. К. II, N° 73.
[2]) Полн. собр. зак. III, N° 1670.
[3]) Д. А. А. К. II, N° 73.
[4]) А. А. Э. II, N° 75; III, N° 79; А. А. К., II, N° 76.
[5]) А. А. Э. III, NN° 118, 122.
[6]) А. А. К. II, N° 73.

«кормить и напоить ихъ Государевы запасы довольно......взяти «ясакъ съ нихъ, какъ мочно, чтобъ имъ было не въ тягость, и тѣмъ «бы ихъ наперво не ожесточить» [1]). Для устраненія злоупотребленій со стороны посланныхъ для сбора ясака чиновниковъ присутствовали цѣловальники изъ людей торговыхъ, знавшихъ дѣло: *«послати въ якутскіе и тунгускіе землицы и въ улусы для ясачнаго «сбору....лучшихъ служилыхъ людей, да цѣловальника по два изъ «торговыхъ и изъ промышленныхъ людей»* [2]).

Главный надзоръ за сборомъ ясака имѣли воеводы; при нихъ находилась такъ называемая соболиная казна. Когда, съ распространеніемъ городовъ и остроговъ, многія туземныя племена пришли уже въ совершенную зависимость, сборъ ясака экспедиціями производился только въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ; изъ близкихъ отъ городовъ мѣстъ уже ясачники сами привозили ясакъ въ назначенное мѣсто.

Кромѣ общаго взиманія ясака съ человѣка встрѣчаются еще указанія на взиманіе съ лука [3]), но въ сущности здѣсь разницы никакой нѣтъ.

Кромѣ ясака, съ сибирскихъ и другихъ иногородцевъ взимались еще такъ называемые поминки: *«съ разныхъ родовъ собрать на «Государя ясакъ и поминки»* [4]). Сборъ этотъ собственно былъ добровольный, т. е. каждый ясачный человѣкъ давалъ какъ бы въ даръ государю сколько могъ и захотѣлъ самъ, но иногда воеводы назначали или вынуждали извѣстное количество предметовъ на поминки.

Иноплеменники царствъ Казанскаго и Астраханскаго большею частію назывались тоже ясачниками, и подати были взимаемы съ нихъ тоже въ видѣ ясака, но существенно отличались отъ разсмотрѣннаго нами ясака. Племена эти вели большею частію жизнь осѣдлую, занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ. Покоренныя, они обложены были данью, подъ именемъ ясака, замѣнившею въ послѣдствіи, когда они болѣе и болѣе стали уравниваться съ другими подданными, всѣ разнородныя подати сихъ послѣднихъ. Ясакъ этотъ былъ денежный: *«платятъ намъ Черемиса денежный «ясакъ»* [5]), и взимался съ двороваго числа.

---

[1]) Доп. А. А. К., II. N° 86.
[2]) Тамъ же. N° 73.
[3]) Собр. г. гр. и дог. I. N° 158; А. А. Э. IV. N° 298.
[4]) Наказы воеводамъ и служилымъ людямъ. Д. А. А. К. II.
[5]) Доп. къ Ак. Арх. К. II. N° 79.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ

ИСТОРИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ ПРЯМЫХЪ ПОДАТЕЙ ВООБЩЕ.

I. ОТЪ НАЧАЛА ГОСУДАРСТВА ДО УДѢЛЬНАГО ПЕРІОДА.

Лѣтописи, сообщая большею частію только о походахъ князей, представляютъ мало извѣстій объ устройствѣ Руси и еще менѣе о древнѣйшихъ финансахъ. Впрочемъ изъ нѣкоторыхъ разсѣянныхъ извѣстій о нихъ можно извлечь кое-какія свѣдѣнія. Всѣ доходы въ древнія времена состояли 1) въ такъ называемыхъ дарахъ, — поклонахъ, доставляемыхъ подданными добровольно, 2) въ дани съ народовъ покоренныхъ и 3) въ сборахъ на случай войны. Что разумѣлось подъ данью, дарами и поклонами, уже прежде было изложено; остается еще разсмотрѣть въ общихъ чертахъ характеръ и взиманіе сихъ податей.

Изъ предыдущаго было видно, что подати взимались съ дыма, человѣка и плуга. Спрашивается, что должно разумѣть подъ этими словами и какой былъ характеръ податей. Если обратить вниманіе на древній семейственный бытъ, то оказывается необходимымъ предположеніе, что подати взимались съ главы семейства, и въ такомъ случаѣ подать съ дыма и подать съ человѣка — одно и тоже. Слѣдственно подати были не поголовныя, не дворовыя, какъ онѣ являются въ послѣдствіи, а семейственныя. Изъ исторіи всѣхъ народовъ легко убѣдиться, что первоначально чисто поголовныхъ податей не было (онѣ являются въ послѣдствіи), а были подати хозяйственныя, семейныя. О взиманіи податей съ плуга, сохи, г[illegible]ствующемъ позднѣе, въ это время мало указаній; [illegible]

необходимо должно предполагать, что оно существовало, ибо есть указанія на существованіе поплужной подати еще до основанія Варягами государства. Нельзя же допустить, что взиманіе податей съ плуга изчезло въ этомъ періодѣ, а въ слѣдующемъ вдругъ введено снова. Въ исторіи древнихъ нашихъ финансовъ мы не замѣчаемъ насильственныхъ переворотовъ: обычай вездѣ является руководителемъ законодателя и основаніемъ учрежденій. Да и есть прямыя указанія на существованіе поплужной подати, напр.: *«въ «лѣто 6489 побѣди Вятичи* (Владиміръ) *и взложи нанъ дань отъ плуга, «яко же отецъ имаше»* [1]). При существованіи семейной недвижимой собственности и эта подать почти совпадаетъ съ подымною и податью съ человѣка, такъ что существовала собственно одна подать семейственная. Поплужная или сошная подать содержала однакожъ уже зародышъ другого элемента — начало соразмѣрнаго распредѣленія податей, хотя еще въ грубомъ видѣ. И такъ вначалѣ подати имѣютъ преимущественно характеръ семейственный: взиманіе ихъ съ дыма, человѣка и даже съ плуга есть только чисто внѣшняя форма, не имѣющая еще вліянія на самый характеръ податей.

Сословія въ этомъ періодѣ находятся еще въ началѣ развитія; земледѣліе и скотоводство суть главнѣйшія занятія Славянъ, по этому подати, падающія равно на всѣхъ, взимаются на самыхъ простыхъ основаніяхъ: съ дыма, человѣка, плуга; недостатокъ равномѣрности сихъ податей еще нечувствителенъ и обнаруживается только съ дальнѣйшимъ ходомъ образованія. Отъ податей были свободны воины, составлявшіе дружину князей—единственную аристократію и, со введенія христіанства, духовенство.

Налоги собирались первоначально самими князьями. Они проводили лѣто на войнѣ, а остальное время года кочевали съ дворомъ и дружиною, продовольствуя себя и приближенныхъ на счетъ данниковъ и взимая съ нихъ установленный сборъ. Обыкновенно князья съ приближеніемъ осени отправлялись *«въ дань»*, какъ говорилось: *«и приспѣ осень и помяну Олегъ конь свой»......* [2]) *«и «приспѣ осень, и нача* (Игорь) *мыслити на Древляны, хотя примыслити на большую дань* [3]). Далѣе изъ нѣкоторыхъ мѣстъ лѣтописи видно, что князья имѣли постоянныя мѣста — погосты, становища, гдѣ останавливались и откуда производился сборъ податей [4]). Отсюда раздѣленіе государства на погосты и станы, сдѣланное съ чисто финансовою цѣлью.

---

[1]) Нест. по сп. Кен., стр. 71.

[2]) Тамъ же, стр. 33.

[3]) Тамъ же, стр. 46.

[4]) Нест., слич. Шлец., III, стр. 344. *«и иде Олга по Деревенской*

Когда князья перестали вести кочевую жизнь, сборъ налоговъ и раскладка ихъ предоставлены были намѣстникамъ или отправляемымъ въ извѣстное время чиновникамъ, такъ называемымъ даньщикамъ, которые объѣзжали города и села: *«въ се же время приключился... .отъ Святослава дань емлюще Янева»* [1]). Сборщики эти обыкновенно сопровождались конвоемъ, ибо господство не вездѣ еще довольно утвердилось: *«и бѣ 12 отрокъ его съ нимъ»* [2]).

II. УДѢЛЬНЫЙ ПЕРІОДЪ.

Въ этомъ періодѣ рѣзко проявляется воззрѣніе на государство, какъ на частную собственность государя, и раздробленіе Руси на множество мелкихъ княжествъ именно вытекало изъ этого воззрѣнія. Каждый удѣльный князь имѣлъ свой дворъ, содержалъ дружину, считался независимымъ властителемъ. Очевидно, что такое состояніе должно было увеличить сумму общественныхъ налоговъ, лежавшихъ на черни; кромѣ того безпрестанныя междоусобія требовали большихъ чрезычайныхъ налоговъ. Если присоединить еще хищные сборы Татаръ, почти совершенно произвольные, то понятно затрудненіе подвести финансовыя учрежденія этого времени подъ одну систему. Прежнія постоянныя подати конечно и въ этомъ періодѣ существовали, но въ сравненіи съ чрезвычайными налогами занимали не очень важное мѣсто. Когда мало по малу стало изчезать непосредственное вмѣшательство Татаръ, и великіе князья, вслѣдствіе посредничества своего между Ордою и Русью, пріобрѣли перевѣсъ надъ удѣльными, то и въ учрежденіяхъ государственныхъ является болѣе общности, и тогда прямыя подати начинаютъ развиваться на болѣе твердыхъ основаніяхъ. Вообще однакожь этотъ періодъ отличается болѣе чрезвычайными налогами, изъ которыхъ многіе въ послѣдствіи получаютъ окончательное образованіе и остаются постоянными.

Одно финансовое учрежденіе — взиманіе налоговъ съ плуга, сохи, развивается въ этомъ періодѣ по всей Руси и служитъ характеристикою тогдашней податной системы.

Такъ-какъ владычество Татаръ имѣло значительное вліяніе на финансовую систему, то кажется умѣстнымъ здѣсь разсмотрѣніе на-

---

«земли съ сыномъ своимъ, и со дружиною уставляющи уставы «и уроки, и суть становища ея и ловища...... и иде Олга «к Новугороду и устави по Мстѣ погосты и даны».

[1]) Нест. по Соф. врем. I, стр. 161.

[2]) Тамъ же.

логовъ, собираемыхъ Татарами и для Татаръ. Учрежденія эти не измѣнили въ сущности прежде существовавшихъ, но прибавили къ нимъ много новаго, вызвали много новыхъ учрежденій.

Татары первоначально требовали, кажется, десятой части всего имущества. Іоаннъ Карпинъ, посланный папою Инокентіемъ IV въ 1246 г. къ хану въ Орду, въ описаніи путешествія говоритъ: *побѣжденные обязаны давать Монголамъ десятую часть всего имѣнія и войска и служить для истребленія другихъ народовъ* [1]. Вскорѣ однакожъ десятинный сборъ былъ отмѣненъ въ Россіи и на мѣсто его введенъ подушный. Для него было сдѣлано нѣсколько переписей. Карпинъ говоритъ: «*въ наше время Гаюкъ и Батый прислали въ Россію вельможу своего съ тѣмъ, чтобъ онъ бралъ вездѣ отъ двухъ сыновей третьяго.....и переписалъ всѣхъ жителей, какъ данниковъ, обложивъ каждаго изъ нихъ шкурою бѣлаго медвѣдя, бобра, куницы, хорька и черною лисью, а неплатящіе должны быть рабами* [2]. Первоначально въ перепись входили, кажется, всѣ классы народа, кромѣ духовенства. Такимъ образомъ и знатные, какъ напр. бояре, подлежали сначала сей подати [3], но они вскорѣ успѣли облегчить себѣ тягость и наконецъ совсѣмъ отъ нея освободиться [4]. Посему все бремя осталось на черни [5]. Подати, платимыя Татарамъ, отличались существенно отъ поголовныхъ податей, существовавшихъ въ Россіи до и послѣ этого времени. Древнѣйшая поголовная подать имѣла болѣе характеръ семейственный (см. о под. съ человѣка), между тѣмъ какъ татарская дань была чисто поголовная подать, падала равно на всѣхъ. Для сбора ея надъ 10,100,1000 людей поставлены были Татарами надзиратели: «*поставиша десятники, сотники, тысячники*» [6]......«*поставиша тысящникы и пятьдесятникы*» [7]. Надъ цѣлыми же княжествами поставлены были особенные чиновники съ войскомъ, отвѣчавшіе за полный сборъ назначеннаго по переписи оклада. Оттого называютъ ихъ и откупщиками [8]. При сборахъ они поступали самовольно,

---

[1] Ист. Гос. Росс. Карамз. IV, стр. 58.
[2] Тамъ же.
[3] Тамъ же, стр. 127.
[4] Карамз. IV, прим. 99.
[5] Соф. врем., I, стр. 271. «*чернь же не хотѣша дати числа*»
[6] Тамъ же, стр. 269.
[7] Сузд. II. 30. Карамз. IV., стр. 71.
[8] «*Бесермены откупахуть бо ти окаяніи дань татарскую*». Чиновники эти были большею частію иностранные купцы: Армяне, Черкесы, Ясы и др. Кар. IV, стр. 86.

позволяя себѣ всякаго рода злоупотребленія. Болѣе всѣхъ страдала отъ Татаръ южная Русь, гдѣ упоминается о нѣсколькихъ переписяхъ. На сѣверѣ же упоминается только о двухъ [1]). Первая относится ко времени Александра Невскаго, къ 1257 году. До того времени сѣверная Русь, кажется, была освобождена отъ непосредственнаго вмѣшательства Татаръ. Карамзинъ на основаніи источниковъ говоритъ: *«въ слѣдъ за ними»* (т. е. за князьями, бывшими въ Ордѣ) *«пріѣхали чиновники татарскіе въ область Суздальскую, Рязанскую, Муромскую, сочли жителей и поставили надъ «ними десятниковъ, сотниковъ, пятниковъ, для собранія налоговъ, «увольняя отъ сей общей дани только церковниковъ и монаховъ»* [2]). Здѣсь очевидно въ первый разъ является непосредственное взиманіе дани Монголами въ сихъ мѣстахъ. Въ 1258 году послѣ долгаго сопротивленія была сдѣлана перепись народа въ Новгородѣ, но взиманіе дани предоставлено было, кажется, самимъ Новгородцамъ [3]). Какъ долго продолжался изложенный порядокъ взиманія дани, опредѣлительно сказать нельзя, потому-что князьямъ только мало-по-малу удалось сдѣлаться посредниками между подданными и Ордою. Къ концу XIV ст. татарскіе чиновники уже рѣдко являются для сбора обыкновенной дани, а взималась она и представлялась въ Орду самими князьями. Съ того времени такъ называемая татарская дань—проторъ, взималась на ряду съ прочими податями князей и была раскладываема по сохамъ. На это указываетъ выраженіе въ ярлыкѣ, данномъ духовенству Узбекомъ, гдѣ говоря о даняхъ, собираемыхъ въ Россіи, Узбекъ именуетъ поплужную [4]). Такимъ образомъ дань, платимую Татарамъ, можно уже разсматривать какъ прибавку къ прежнимъ податямъ, взимаемымъ князьями. Между разными удѣльными князьями старшій въ родѣ собиралъ татарскую дань съ младшихъ, дабы потомъ отправить всю сумму въ то мѣсто, откуда она была доставляема въ Орду [5]). Посредниками же между Ордою и удѣльными князьями являются великіе князья, которые ѣздили въ Орду за признаніемъ великокняжескаго достоинства и вмѣстѣ съ тѣмъ договаривались тамъ о количествѣ дани, въ платежѣ которой каждое княжество участвовало по извѣстной соразмѣрности. Очевидно, что домогательство князей получить въ Ордѣ великокняжеское достоинство должно было способствовать увеличе-

---

[1]) Карамз. IV, стр. 71, 115.

[2]) Тамъ же, стр. 75.

[3]) Тамъ же.

[4]) Карамз. V, стр. 192 и примѣч. 245.

[5]) Собр. г. гр. и д. стр. 106: *«отведете въ большую казну»*.

нію тягостной дани. Кромѣ того подарки, дѣлаемые князьями въ Ордѣ для успѣха дѣлъ своихъ, нерѣдко превосходили даже постоянную дань. Договоры, заключенные въ это время между великими и удѣльными князьями, содержатъ съ одной стороны обѣщанія удѣльныхъ князей: *«не вступатися въ Орду и Орды знати одному ве-«ликому князю»*, а съ другой опредѣленіе суммы, падавшей на удѣлъ ихъ *«по уроку»* [1]). Трудно опредѣлить количество платимой дани. Съ достовѣрностію знаемъ ее только съ того времени, какъ великіе князья платили одни. Такъ Димитрій Донской платилъ 5000 рублей. Эта пятитысячная дань встрѣчается и послѣ, напр.: *«а «выдетъ дань великаю князя къ Ордѣ дати, и дѣти мои и княгиня «моя возмутъ дань, кто же на своемъ удѣлѣ по уроку... а коли «выдетъ дань великаю князя къ Ордѣ въ 5000 рублевъ, имати дани 320 рублевъ»*.....[2]). Въ послѣдствіи обыкновенная дань, вносимая великими князьями Московскими въ Орду, была—7000 рублей: *«А дати ми* (Влад. Андр.) *господина тебѣ* (Вас. Дмит.) *съ Углеча* (въ выходъ) *авъ семь тысячь рублевъ, сто рублевъ и пятьдесятъ руб-«левъ...а съ Городца....полторы тысячи рублевъ сто рублевъ и «пятьдесятъ рублевъ, а что къ тому прибудетъ или убудетъ, ино ми «дати по расчету»*.......[3]). *«Въ семьтысячной выходъ, пять-«сотъ рублевъ и одинадцать рублевъ»* [4]).

Количество татарской дани вообще измѣнялось по мѣрѣ большей или меньшей силы хановъ и великихъ князей; но нѣтъ сомнѣнія, что послѣдніе съ подданныхъ взимали гораздо болѣе, нежели сколько отправляли въ Орду. Равнымъ образомъ есть поводъ допустить, что великіе князья нерѣдко притѣсняли удѣльныхъ, сдѣлавшись посредниками между ними и Монголами.

Кромѣ обыкновенной дани Татары взимали часто, при каждомъ удобномъ случаѣ, еще чрезвычайную, извѣстную подъ названіемъ запроса. Она была иногда даже значительнѣе обыкновенной. По большой части ханы посылали для этого своихъ пословъ: *«а придетъ «къ намъ изъ Орды коли посолъ силенъ, а не мочно будетъ его спро-«вадити, ино тогды архимандритъ пособитъ въ ту тяготу»* [5]). Чрезвычайные татарскіе налоги взимались на томъ же основаніи какъ и обыкновенные: *«а ордынская тягость, прибудетъ ли, убудетъ ли,*

---

[1]) Собр. г. гр. и дог. I. № 40 и др.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же. № 38.
[4]) Тамъ же. № 51. 1434 г.
[5]) Ак. Арх. Э. I. 34.

«ино по расчету......а долю бесерменскій а проторъ, и русскій «долю, а тѣ ны подъняти потому же по расчету»[1]).

Сюда принадлежатъ еще сборы, производимые для содержанія татарскихъ пословъ, войска, чиновниковъ и сборы въ замѣнъ различныхъ повинностей, установленныхъ Татарами[2]).

Прямыя подати или сборы, составлявшіе доходъ князей въ началѣ сего періода, существенно не отличаются отъ податей, взимаемыхъ въ предъидущее время. Разница состояла однакожь въ томъ, что непосредственныя подати не составляли уже столь важнаго источника дохода князей, какъ прежде, ибо при тяжкихъ налогахъ, собираемыхъ Татарами, взиманіе прямыхъ податей должно было сдѣлаться затруднительнымъ и ненадежнымъ; слѣдовало по-этому прибѣгнуть къ другимъ источникамъ доходовъ —оброкамъ и косвеннымъ налогамъ. Не должно однакожь думать, что прямые налоги, взимаемые въ пользу князей, перестали существовать, хотя объ увеличеніи ихъ и о дальнѣйшемъ развитіи при тогдашнихъ обстоятельствахъ нельзя было думать; напротивъ того изъ многихъ мѣстъ актовъ явствуетъ, что они существовали на ряду съ татарскою данью, напр.: *«А дани дѣтемъ моимъ на матернѣ удѣлѣ и на селехъ не имати; а данъ емлетъ княгини моя съ «удѣла своего и въ селѣ.....А выйдетъ дань В. Князя въ Ордѣ дати и дѣти мои и княгини моя возмутъ дань, кто же на своемъ «удѣлѣ по уроку»*[3]). Когда непосредственное вмѣшательство Татаръ въ сборѣ податей прекратилось, то прямыя подати сдѣлались опять обильнымъ источникомъ доходовъ для князей. Количество дани, платимой Татарамъ, постоянно уменьшалось, а князья собирали ее съ народа по прежнимъ окладамъ[4]). Такимъ образомъ иго служило съ одной стороны къ усиленію власти великаго князя, сосредоточивъ въ его рукахъ огромныя суммы, съ другой стороны взиманіе дани необходимо должно было вызвать новыя финансовыя учрежденія. Оттого къ этому времени относится установленіе многихъ чрезвычайныхъ сборовъ, какъ напр. сбора на выкупъ плѣнныхъ, на содержаніе ямщиковъ, учрежденныхъ для Татаръ, и на содержаніе войска и т. д., и въ послѣдствіи сборы эти становятся постоянными прямыми налогами. Въ особенности стали развиваться

---

[1]) Собр. гос. гр. I. стр. 64 и друг.

[2]) Тамъ же стр. 64 и 280. Карам. IV. прим. 245.

[3]) Собр. гос. грам. и дог. I. стр. 77.

[4]) Карамз. V, 186. Сами ханы упрекали в. князей въ томъ, что они собирали съ подданныхъ своихъ несравненно болѣе, чѣмъ платили въ Орду.

въ это время косвенные налоги, бывшіе едва-ли въ другомъ государствѣ столь многочисленными какъ у насъ. Запутанность и затрудненіе во взиманіи многочисленныхъ мелкихъ сборовъ побудили въ концѣ сего періода правительство соединить много отдѣльныхъ сборовъ и плату за исправленіе повинностей въ одинъ окладъ, который подъ названіемъ оброка является прямою податью.

Подати взимались съ человѣка, дыма, двора, съ земли, промысловъ и съ имуществъ вообще. Въ XIV столѣтіи взиманіе податей съ сохи сдѣлалось господствующимъ. Сошная мѣра, при постепенномъ своемъ развитіи, вмѣщала въ себѣ, какъ составныя части, поземельную, подымную или дворовую, промысловую и имущественную подати. Подати, взимаемыя по сохамъ, въ отношеніи сословія земледѣльцевъ имѣютъ преимущественно характеръ поземельныхъ податей, въ отношеніи же сословія горожанъ и слобожанъ, людей торговыхъ и посадскихъ, являются имущественными, Чисто промысловой подати не существовало еще въ то время: выраженіе *«по животу и промыслу»* указываетъ болѣе на имущественную подать, потому-что при раскладкѣ принималеся въ основаніе не одинъ промыселъ, а доходъ вообще. Имущественная и поземельная подати большею частію являются въ соединеніи съ дворовою; ибо подати разлагались по дворамъ, по землѣ, по животу и по промыслу.

Поголовная подать является еще при взиманіи нѣкоторыхъ мелкихъ, и въ особенности чрезвычайныхъ, сборовъ, но довольно рѣдко.

Такъ-какъ въ этомъ періодѣ два главныя сословія составляли классъ податныхъ лицъ, и при своемъ дальнѣйшемъ развитіи уже болѣе рѣзко обозначаются, то и подати съ того и съ другаго сословія получаютъ отличительный характеръ. Земледѣліе дѣлается достояніемъ сельскихъ, а промыслы достояніемъ сословія городскихъ обывателей; у тѣхъ подати имѣли характеръ преимущественно поземельный, у послѣднихъ промысловой или имущественный. Дворовое же счисленіе является пополненіемъ той и другой.

Налоги въ началѣ сего періода собирались обыкновенно естественными произведеніями, кожанными деньгами и мѣхами. Мало по малу являются и благородные металлы какъ представители цѣнности. Количество благородныхъ металловъ въ Россіи постоянно увеличивалось не смотря на то, что дань, платимая Татарамъ, въ послѣдствіи состояла изъ одпихъ благородныхъ металловъ. Торговля возвращала ихъ въ избыткѣ, вымѣнивая произведенія Россіи на эти металлы. Къ концу періода мы уже встрѣчаемъ денежныя платы, въ замѣнъ разныхъ припасовъ и произведеній, которыя жи-

тели должны были ставить для продовольствія княжескаго двора и чиновниковъ. Со введенія взиманія податей по сохамъ самый сборъ и раскладка податей сдѣлались постояннѣе и правильнѣе. Соха содержала въ себѣ извѣстное количество земли или извѣстное число дворовъ или другихъ промышленныхъ заведеній. При каждой подати означаемое было количество, падающее на соху. Дальнѣйшая раскладка производилась уже по отдѣльнымъ участкамъ на основаніи этого оклада. Въ сошныхъ и писцовыхъ книгахъ означалось не только число сохъ, содержавшихся въ извѣстномъ округѣ (городѣ, посадѣ, уѣздѣ, погостѣ или станѣ), но и описаніе отдѣльныхъ участковъ. Вѣроятно и въ это время производилась уже раскладка податей самими податными обществами: по крайней мѣрѣ существованіе старостъ, тысяцкихъ и д. указываетъ на это. Равнымъ образомъ подати по многимъ отдѣльнымъ обществамъ и округамъ собирались самимъ мѣстнымъ начальствомъ. На это указываетъ часто встрѣчающееся выраженіе «*тянути*» (податями и повинностями) «*по староств*» или «*въ станъ*» или «*къ становщику*». Княжескіе чиновники, извѣстные подъ названіемъ данниковъ или даньщиковъ, объѣзжая области, принимали по-этому только собранныя уже суммы. Вѣдомство этихъ чиновниковъ или сборщиковъ податей было однакожь не вездѣ одинаково и были многія мѣста, въ которыхъ они, кажется, непосредственно взимали подати. Время взиманія податей было различно. Въ актахъ встрѣчаются слѣдующіе сроки: Петровъ день, Рождество Христово, Великъ день Юрьевъ день, иногда и Срѣтеньевъ день [1]). Обыкновенно подати собирались весною и осенью: «*даетъ съ того села и съ деревень оброку* (въ замѣнъ податей) *сотнику въ Юрьевъ день вешней три четверти, а на Юрьевъ день осенней три четверти*» [2]). Или въ одинъ разъ зимою: «*оброкъ съ того двора на годъ на Рождество Христово*» [3]). Для сборовъ, заключавшихся въ естественныхъ произведеніяхъ, сроки взиманія были назначаемы различные по соображенію, что самыя произведенія получались не въ одно время. Такъ-какъ собственно государственныя потребности удовлетворялись большею частію повинностями и особо для того назначенными сборами, которые прямо поступали въ расходъ, и какъ подати, поступавшія въ княжескую казну, служили преимущественно для содержанія двора и составляли, такъ сказать, частный до-

---

[1]) Акт. Арх. Э. I. №№ 87, 123, 144, 150, 164, 181, 202 и друг.

[2]) Тамъ же. № 19 и друг.

[3]) Тамъ же. № 69 и друг.

ходъ князя, то особыхъ установленій для управленія финансами не было. Имъ завѣдывало ближайшее мѣстное начальство. Сборщики вносили подати въ казну князя, которую держали его чиновники подъ главнымъ присмотромъ его самого.

III. ОТЪ ІОАННА III ДО ВВЕДЕНІЯ ПОДУШНОЙ ПОДАТИ.

Источники исторіи финансовъ въ это время становятся чрезвычайно богатыми; отъ-того многія учрежденія, о которыхъ въ прежнее время или вовсе не упоминается, или о которыхъ мы по прежнимъ источникамъ можемъ составить только темное понятіе, теперь вдругъ являются болѣе или менѣе развитыми. Такимъ образомъ царствованіе Іоанна III, а въ особенности Іоанна IV, представляется намъ часто въ рѣзкой противоположности съ предъидущимъ временемъ, между тѣмъ какъ въ самомъ дѣлѣ не было ни насильственнаго перехода, ни рѣзкихъ нововведеній. Со времени сверженія татарскаго ига и прекращенія удѣльныхъ войнъ жизнь народная замѣтно развивается, и возвышающееся вслѣдствіе сего народное богатство позволяетъ правительству увеличить прямыя подати, которыя до Іоанна IV составляли не очень важный источникъ доходовъ въ сравненіи съ другими доходами — оброками, пошлинами и др.

Прямымъ слѣдствіемъ увеличенія прямыхъ податей было измѣненіе характера самыхъ податей. Если подать маловажна, то неравномѣрная раскладка ея не такъ чувствительна, по-этому въ предъидущемъ періодѣ недостатки прежняго образа взиманія не были чувствительны. Теперь же, съ увеличеніемъ прямыхъ налоговъ, правительство необходимо должно было обратить вниманіе на раскладку. Кромѣ того съ увеличеніемъ промышленной дѣятельности народа главнѣйшимъ источникомъ доходовъ является уже не одна поземельная собственность, а имущество вообще—животъ и промыселъ. Конечно перемѣна совершилась не вдругъ: съ одной стороны мы встрѣчаемъ уже въ отдаленное время подати съ промысловъ, съ другой царствованіе Михаила Ѳеодоровича представляетъ намъ еще остатки стараго сошного письма; но все-таки можно сказать, что имущественныя подати на твердомъ основаніи впервые являются съ Іоанна IV. Со введеніемъ раскладки податей по животамъ и промысламъ прежняя поземельная подать не изчезаетъ, ибо понятіе имущества у сословія земледѣльческаго почти совершенно совпадаетъ съ понятіемъ поземельной собственности. Кромѣ того нѣкоторыя подати, въ особенности вещественныя, взимались исключительно съ поземельнаго владѣнія. У сословія промышленнаго эти подати, падающія только на землю, встрѣчаются

рѣдко, потому-что этому сословію вскорѣ позволено было вносить, на мѣсто вещественныхъ податей, деньги, а эта денежная подать платилась на-ряду съ другими съ живота и промысла. Такъ напр. стрѣлецкій хлѣбъ состоялъ изъ различныхъ запасовъ и взимался преимущественно съ поземельнаго владѣнія. Но сословію горожанъ позволялось въ замѣнъ запасовъ платить соразмѣрную денежную подать, которая уже раскладывалась на общемъ основаніи. Чисто промысловая подать въ это время еще рѣдко встрѣчается: подъ словомъ *«по промысломъ»* разумѣлся, кажется, не только доходъ съ промысловъ, но вообще доходъ лица безъ всякаго различія; просоединивъ еще слово *«животъ»*, мы необходимо должны назвать подать, взимаемую съ живота и промысла, имущественною. Но нельзя не согласиться, что она въ извѣстныхъ случаяхъ имѣла характеръ чисто промысловой, напр. какъ подать съ гостей и сотенъ.

Всѣ эти различныя понятія: подать съ земли, подать съ живота и промысла и наконецъ еще съ двора, сосредоточиваются въ сошной подати, которая по-этому въ одно и тоже время была поземельною, имущественною, промысловою и подымною или дворовою. Если обратить вниманіе на характеръ податей, платимыхъ отдѣльными сословіями, то оказывается, что подати, платимыя сословіемъ низшимъ или земледѣльческимъ, были преимущественно поземельныя, между тѣмъ какъ подати сословія промышленнаго могутъ быть отнесены къ имущественнымъ податямъ вообще. Всего болѣе проявляется отличіе податей по сословіямъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, когда своеобразное развитіе сословій въ древней Руси достигло высшей степени. Въ это время подати по характеру своему были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: гости и сотни — гостиная и суконная, платили подати съ промысловъ; посадскіе люди съ имущества вообще — съ живота и промысла, такъ однакожь, что главное вниманіе обращалось на промыселъ; сословіе сельскихъ обывателей платило подати съ земли и живота такъ, что въ расчетъ преимущественно принималось поземельное владѣніе. Дворовое счисленіе служило однакожь основаніемъ раскладки податей какъ у того, такъ и у другого сословія, но опять съ тою разницею, что у сословія промышленнаго дворовое счисленіе служило главнымъ основаніемъ сошного письма, между тѣмъ какъ у сословія сельскихъ обывателей разсматривалось какъ принадлежность, какъ предметъ второстепенный. Время царствованія Ѳеодора Алексѣевича и начало царствованія Петра составляютъ уже
одъ къ новому порядку. Если до сихъ поръ дворовое счи-
ъ составѣ сохи дѣлалось болѣе и болѣе важнымъ, то теперь

оно почти преимуществуетъ предъ сохою и почти совершенно замѣняетъ прежнюю сошную мѣру, такъ что основаніемъ общей раскладки податей въ концѣ разсматриваемаго нами времени служитъ одно дворовое счисленіе. Здѣсь я различаю общую раскладку отъ частной, въ томъ смыслѣ, что первая производилась правительствомъ на единообразномъ основаніи по переписямъ, по сохамъ и по дворамъ, между тѣмъ какъ послѣдняя производилась самимъ податнымъ сословіемъ по землѣ, по животу и по промыслу. Такимъ образомъ, если обратить вниманіе на общую раскладку податей, то она во все продолженіе разсматриваемаго времени является чисто дворовою и поземельною. Если же обратить вниманіе на частную раскладку, то она является промысловою, имущественною вообще и поземельною. Переходъ прежняго образа взиманія податей къ позднѣйшему порядку представляется такимъ образомъ менѣе рѣзкимъ, если примемъ въ соображеніе, что распредѣленіе податей по душамъ относилось собственно только къ общей раскладкѣ, между тѣмъ какъ частная раскладка податей мало измѣнилась.

Кромѣ общей системы взиманія податей, встрѣчаемъ еще подати съ характеромъ чисто подымныхъ или дворовыхъ и поголовныхъ.

Что касается до самостоятельнаго существованія подымной или дворовой подати на-ряду съ сошною, то оно относится къ нѣкоторымъ мелкимъ сборамъ, въ особенности къ чрезвычайнымъ. Такъ напр. полоняночныя деньги, будучи первоначально чрезвычайнымъ сборомъ, сбирались еще и въ послѣдствіи исключительно съ числа дворовъ. Сборы эти можно назвать чисто дворовыми, подымными податями, потому-что они въ равномъ количествѣ падали на дворы безъ исключенія. Но подобно нынѣшнимъ подымнымъ и дворовымъ податямъ онѣ могутъ быть подведены подъ семейственныя. Здѣсь должно замѣтить, что собственно подымные сборы отличались существенно отъ дворовыхъ податей вообще. Общая раскладка податей по дворамъ не служила основаніемъ раскладки на отдѣльныя податныя лица, между тѣмъ какъ собственно подымные сборы прямо и въ равномъ количествѣ падали на дворы и на семейства.

Когда при Михаилѣ Өедоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ всѣ эти разнородные сборы соединились въ одинъ окладъ, то мало по малу и отдѣльные мелкіе сборы были раскладываемы на общемъ основаніи. Болѣе важное мѣсто занимаетъ поголовная подать. Какъ нѣкогда покоренныя славянскія племена платили побѣдителямъ дань съ человѣка, такъ и теперь Русскіе требовали съ покоренныхъ инородцевъ поголовной дани, извѣстной подъ названіемъ ясака. Но между прежней поголовной данью и ясакомъ есть та существенная

разница, что первая была, какъ уже прежде упомянуто, болѣе семейственною, чѣмъ поголовною, между тѣмъ какъ ясакъ является чисто поголовною податью: каждый, достигшій 18-лѣтняго или 20-лѣтняго возраста, подлежалъ платежу ясака [1]).

Въ предшествовавшемъ періодѣ князья управляли своими удѣлами, частію непосредственно, частію чрезъ намѣстниковъ. Со времени соединенія Россіи въ огромную державу, для завѣдыванія отдѣльными частями государства, или для отдѣльныхъ отраслей государственнаго управленія, необходимы были особенныя установленія. Въ великомъ княженіи Московскомъ они являются уже рано. Ко времени Іоанна III и Іоанна IV относятся четверти и приказы.

Въ финансовомъ отношеніи приказы распадаются на 2 разряда: 1) приказы, вѣдающіе отдѣльную отрасль финансоваго управленія, какъ напр. Счетный, Ямской и Стрѣлецкій приказы, и 2) приказы, завѣдывающіе доходами извѣстной области. Для насъ важны первые, потому-что существованіе ихъ объясняетъ отчасти древнюю систему прямыхъ налоговъ.

Приказовъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича было до 42 [2]); изъ нихъ отдѣльными отраслями финансовъ управляли слѣдующіе:

1. Посольскій Приказъ, который завѣдывалъ, кромѣ доходовъ съ нѣкоторыхъ городовъ, сборомъ и расходованіемъ полоняночныхъ денегъ. Котошихинъ говоритъ: *«да въ тотъ же приказъ со всего «Московскаго государства съ царскихъ дворцовыхъ и черныхъ волостей, «и съ помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ крестьянъ и бобылей собираются деньги плѣннымъ на окупъ, которые бываютъ въ Крыму и «въ Турецкой землѣ, погодно по указу: и сберется тѣхъ полоняночныхъ денегъ съ полтораста тысячь рублевъ въ годъ, и окромѣ выкупу тѣхъ денегъ не даютъ ни въ какіе расходы»* ..... [3]).

2. Стрѣлецкій Приказъ. Сюда поступали всѣ окладные и неокладные, постоянные и чрезвычайные сборы на содержаніе войска [4]). Кромѣ того для покрытія огромныхъ расходовъ по сему предмету приписаны были сюда доходы со многихъ городовъ и

---

[1]) Такъ какъ выводы на счетъ характера податей основаны не на отдѣльныхъ какихъ - либо мѣстахъ, а представляются результатами вѣкового развитія финансовъ, то я считаю лишнимъ ссылаться на мѣста актовъ, тѣмъ болѣе что основанія, изъ которыхъ почерпнулъ я свои мнѣнія, приведены уже при обзорѣ податей въ отдѣльности.

[2]) Котоших. гл. VII, стр. 36.

[3]) Тамъ же, стр. 2.

[4]) Тамъ же, стр. 5.

областей. Точное описаніе вѣдомства Стрѣлецкаго Приказа находимъ въ выпискѣ изъ окладныхъ книгъ, помѣщенной въ Актахъ Археографической Коммиссіи [1]). По этому акту видно, что однимъ Московскимъ стрѣльцамъ на жалованье собиралось болѣе 107 тысячь рублей въ годъ. Кромѣ того въ Новгородѣ, Псковѣ, Смоленскѣ, Казани, Астрахани, Архангельскѣ, и въ Сибири стрѣлецкіе деньги и хлѣбъ прямо поступали въ расходъ и не входили въ вышеупомянутую сумму [2]).

3. Ямской Приказъ. Сюда поступали подати, взимаемыя на жалованье ямщикамъ. По свидѣтельству Котошикина доходъ приказа, за исключеніемъ Новгорода, Пскова, Смоленска, Казани и Астрахани простирался до 50,000 рублей [3]).

4. Счетный Приказъ. Онъ составляетъ, такъ сказать, центральное мѣсто для управленія финансами. Здѣсь ежегодно составлялась такъ называемая большая государственная смѣта, до которой отъ всѣхъ воеводъ и намѣстниковъ и изъ другихъ приказовъ доставляемы были частные окладные и смѣтные списки доходамъ и расходамъ какъ за истекавшій годъ, такъ и за наступавшій [4]). Изъ Счетнаго Приказа разсылались окладные списки на основаніи писцовыхъ и переписныхъ книгъ [5]). Наконецъ сюда поступали такъ называемыя остаточныя и недоимочныя деньги [6]).

Что касается до остальныхъ приказовъ по финансовому управленію, то большею частію они завѣдывали доходами извѣстныхъ областей и городовъ. Доходы эти назначены были единственно на расходы, случавшіеся въ томъ или другомъ приказѣ.

Обширнѣе было вѣдомство приказовъ Казанскаго Дворца и Сибирскаго. Первый завѣдывалъ финансами царствъ Казанскаго и Астраханскаго, а послѣдній Сибири. Доходы съ этихъ странъ поступали непосредственно въ расходъ, излишекъ же и счеты представлялись въ Четный Приказъ. Кромѣ того Сибирскій Приказъ вѣдалъ ясачниковъ и подати, съ нихъ взимаемыя.

Что касается до мѣстнаго управленія финансами, то надзоръ за правильнымъ взиманіемъ податей и взносомъ ихъ по принадлежности имѣли мѣстные начальники: намѣстники, воеводы, волостели и д. Взиманіе и раскладка податей производились самимъ

---

[1]) IV. 250.
[2]) Котоших. гл. VII. стр. 5.
[3]) Тамъ же, стр. 26.
[4]) Ак. Арх. Эк. IV. N° 8.
[5]) Тамъ же. N° 250 и др.
[6]) Котоших. гл. VII, стр. 36.

податнымъ сословіемъ посредствомъ выборныхъ, старостъ и цѣловальниковъ, и уже упомянуто, на какихъ основаніяхъ [1]). Но есть еще указанія на взиманіе нѣкоторыхъ мелкихъ сборовъ посредствомъ откупа [2]); такъ напр. упоминается объ отдачѣ на откупъ полоняночныхъ денегъ [3]). Въ случаѣ неисправности податныхъ лицъ въ платежѣ податей прибѣгали къ правежу, которому подвергались или сборщики податей—цѣловальники, или цѣлое податное общество. Въ послѣднемъ случаѣ онъ назывался великимъ правежемъ и часто встрѣчается въ началѣ царствованія Михаила Өеодоровича.

В. Кури.

См. о предметахъ, съ которыхъ взимались подати.
. глав. X.
, т. I. N° 250.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ НАЧАЛЪ ОГРАЖДЕНІЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХЪ ОТНОШЕНІЙ ВЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ПАМЯТНИКАХЪ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

Немногочисленные дѣятели на поприщѣ русской юридической литературы въ послѣднія пятнадцать лѣтъ обратились преимущественно, чтобы не сказать исключительно, къ изслѣдованію древняго юридическаго быта, въ историческомъ его развитіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, къ разработкѣ древнѣйшихъ памятниковъ законодательства и состоящихъ въ связи съ ними актовъ маститой старины. Явленіе это безошибочно можно назвать весьма утѣшительнымъ признакомъ, ручающимся за прекрасную будущность ученой разработки права въ Россіи; ибо неоспоримо, что законовѣдѣнію, котораго исходною точкою была исторія, будетъ всегда имѣть за собою одно важное преимущество—основательность. Но чему приписать, чѣмъ объяснить это явленіе?

Хотя бывшій министръ народнаго просвѣщенія, графъ С. С. Уваровъ, при личномъ обозрѣніи университетовъ, и въ особенности Московскаго [1]), не разъ высказывалъ мысль о необходимости исторической методы въ раскрытіи юридическихъ наукъ, нельзя однако утверждать, что господствующее въ настоящее время историческое направленіе въ изученіи русскаго законодательства

[1]) Рейца Опытъ исторіи росс. госуд. гражд. законовъ, перев. Морошкина, Москва 1836 г. См. посвященіе и предисловіе переводчика.

есть прямое послѣдствіе этой благой мысли. Едва-ли можно допустить и то, что всѣ, слѣдующіе этому направленію, объединены общимъ сознаніемъ необходимости дѣлать такъ, а не иначе. Допустить это—значило бы тоже самое, что признать существованіе исторической школы законовѣдѣнія; но, сколько мнѣ извѣстно, никто еще не думалъ дать такое значеніе современной дѣятельности русскихъ законовѣдовъ.

Я готовъ скорѣе видѣть въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности, таинственное сочетаніе воли и необходимости. Нѣтъ сомнѣнія, что каждый изъ предпринимавшихъ какой-либо трудъ для уясненія того или другого вопроса, въ историческомъ его развитіи, выбиралъ себѣ и самый предметъ, и способъ его разработки, по своему усмотрѣнію или желанію, потому-что онъ находилъ болѣе удовольствія въ изысканіи историческомъ, нежели въ какомъ-либо другомъ. Но въ тоже время надъ каждымъ тяготѣла, быть можетъ, необходимость искать удовольствія въ прошедшемъ, заниматься исторіею своего предмета. Это мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ и я вижу эту необходимость въ томъ дивномъ, почти безошибочномъ инстинктѣ, которому повинуясь безотчетно, люди славянскаго племени попадали не разъ и не въ одномъ обстоятельствѣ на самую вѣрную точку зрѣнія и дѣйствія. Кому догадка моя покажется странною, тотъ можетъ замѣнить ее другою, лучшею и болѣе убѣдительною; но думаю по крайней мѣрѣ, что никто не станетъ оспаривать дѣйствительность самаго явленія, по поводу котораго догадка эта высказана,—явленія, столь уже богатаго послѣдствіями [1]). Какъ бы то ни было, и я съ своей стороны, частію удовлетворяя собственному желанію, частію повинуясь, можетъ быть, инстинктивно необходимости, занимаюсь иногда изученіемъ древнѣйшихъ памятниковъ русскаго законодательства, преимущественно Русской Правды, въ особенности съ того времени, какъ г. Калачовъ представилъ ученому свѣту, въ капитальномъ трудѣ своемъ, систематическое и по возможности полное изданіе текста этого драгоцѣннѣйшаго памятника, основанное на сличеніи 50 раз-

[1]) Не мѣсто здѣсь указывать на сочиненія историческаго содержанія въ русской юридической литературѣ: всѣ они указаны, между прочимъ, въ позднѣйшемъ изъ нихъ, а именно въ разсужденіи г. Пахмана о судебныхъ доказательствахъ, по древнему русскому праву, Москва, 1851, не говоря уже объ исторіи росс. граж. законовъ Неволина Спб. 1851 г. 3 т.

личныхъ списковъ [1]). При чтеніи этого текста, равно какъ и договоровъ Олега и Игоря съ Греками, часто и невольно вниманіе мое останавливалось на тѣхъ довольно многочисленныхъ постановленіяхъ и отрывкахъ, въ которыхъ рѣчь идетъ объ опредѣленіи и огражденіи имущественныхъ отношеній частныхъ лицъ. Мнѣ казалось, что въ нихъ проглядываетъ особенная заботливость объ обезпеченіи благосостоянія, я видѣлъ, или по крайней мѣрѣ думалъ видѣть, въ ихъ развитіи извѣстную постепенность, въ ихъ совокупности единство и систему. Наконецъ мнѣ захотѣлось повѣрить свои предположенія и при этомъ я преимущественно обратилъ вниманіе на мѣры огражденія имущественныхъ отношеній, давъ имъ впрочемъ значеніе довольно обширное и поставивъ ихъ въ связи съ древнѣйшимъ судопроизводствомъ гражданскимъ, которое, какъ справедливо замѣчаетъ Пахманъ [2]), сдѣлалось особливымъ предметомъ историческихъ изслѣдованій, результатами которыхъ были уже замѣчательныя сочиненія Калачова, Куницына, Кавелина, Михайлова и другихъ [3]).

Безъ притязаній на какую либо заслугу въ разработкѣ историческихъ матеріаловъ древнѣйшаго русскаго законодательства, предлагаю здѣсь, въ безискуственной оболочкѣ, мое изслѣдованіе о мѣрахъ огражденія имущественныхъ отношеній частныхъ лицъ, ограничивающееся договорами Олега (912) и Игоря (945) съ Греками, и Русскою Правдою.

Оба договора, не смотря на то, что заключены были различными князьями, при различныхъ обстоятельствахъ и въ довольно значительномъ другъ отъ друга разстояніи времени, должны быть, по мнѣнію Эверса [4]), разсматриваемы какъ нѣчто цѣлое: именно первый изъ нихъ надобно считать какъ бы договоромъ главнымъ, второй—только дополненіемъ его. Въ это дополненіе внесены были и нѣкоторыя измѣненія началъ Олегова договора, выгодныя для Грековъ, которые, какъ извѣстно, пользовались при заключеніи договора съ Игоремъ правомъ побѣдителей. Въ обоихъ договорахъ, какъ я уже замѣтилъ, и въ особенности въ первомъ изъ нихъ, явно обнаруживается желаніе обезпечить личныя и имущественныя отношенія частныхъ лицъ, подданныхъ обѣихъ договаривающихся сторонъ. Изъ одинадцати статей Олегова договора, одна только, именно послѣдняя, въ которой рѣчь идетъ о выдачѣ преступни-

---

[1]) Калачова, предварительныя изслѣдованія о Русской Правдѣ, Москва, 1846,4°.

[2]) Пахмана разсужд. о суд. док. Москва 1851 г, введеніе.

[3]) Тамъ же.

[4]) Ewers d. ält. R. d. R. S. 118 ff.

ковъ, совершившихъ преступленія въ своемъ отечествѣ и бѣжавшихъ въ предѣлы другого государства, имѣетъ въ виду выгоды обѣихъ договаривающихся державъ; остальныя всѣ направлены на обезпеченіе отношеній частныхъ. Съ самаго начала (ст. I) Руссы и Греки обѣщаютъ другъ другу миръ и вѣчную дружбу; за тѣмъ (ст. II) опредѣляется общій порядокъ судебнаго разбирательства, въ случаѣ преступленія, нарушающаго эту дружбу, съ той или другой стороны; далѣе (ст. III) устанавливаются наказанія за смертоубійство, также (ст. IV) за раны и побои. Эти первыя четыре статьи имѣютъ въ виду обезпеченіе личныхъ отношеній Руссовъ и Грековъ, равно какъ и ст. VIII, въ которой говорится о выдачѣ плѣнныхъ и вообще невольниковъ. Остальныя за тѣмъ пять статей Олегова договора, именно V, VI, VII, IX и X, направлены исключительно на огражденіе имущественныхъ отношеній гражданъ договаривающихся сторонъ, и на нихъ преимущественно должны мы обратить вниманіе.

Вникая въ содержаніе этихъ статей, мы убѣждаемся, что участники договора имѣли въ виду всестороннее обезпеченіе права собственности и старались защитить ее не только отъ похищенія тайнаго или явнаго, но также отъ подлога и обмана, и даже отъ случайныхъ несчастій.

Прежде всего (ст. V) установляются мѣры огражденія права собственности отъ тайнаго ея похищенія, или наказанія за воровство [1]). Изъ сего заключить можно, что этотъ видъ нарушенія имущественныхъ отношеній чаще другихъ встрѣчался, а строгость по отношенію къ нарушителю заставляетъ думать, что воровство считалось тогда преступленіемъ, равнымъ почти убійству. Текстъ этой статьи приведенъ Эверсомъ [2]) изъ Нестора, сличеннаго Шлёцеромъ, въ слѣдующихъ словахъ:

«*Аще украдетъ что Русинъ либо у хрестьянина, или паки хре-*
«*стьянинъ у Русина, и ятъ будетъ въ томъ часъ тать, егда татьбу*
«*сотворитъ, отъ погубившаго что либо; аще приготовится тать*
«*творяй и убьенъ будетъ — да не взыщется смерть его ни отъ хре-*
«*стьянъ, ни отъ Руси, но паче да возметъ свое, иже погубилъ.—*
«*Аще дасть руцѣ свои украдый, да ятъ будетъ тѣмъ же, у него же*

---

[1]) Сравн. Ewers. d. ält. R. d. R. S. 146—152. Rakowiecki Prawda Russka. Warszawa. T. II. 1822 г., стр. 5.

[2]) Эверса древнѣйшее право Руссовъ, переводъ Платонова, Спб. 1835, стр. 169. См. также E. S. Tobien Die ältesten Tractate Russlands I 1844. Dorpat, стр. 30.

«будетъ украдено, и связанъ будетъ, отдастъ тое, еже смѣ сотво-«рити (и сотворитъ тричій о семъ)» [1]).

Эверсъ переводитъ эту статью такъ: *ежели Русинъ украдетъ что либо у христіанина, или христіанинъ у Русина, и будетъ пойманъ въ то самое время,* (когда дѣлаетъ покражу), *тѣмъ, который лишился чего либо* (т. е. украденной вещи), *и ежели укравшій приготовится* (къ сопротивленію) *и будетъ убитъ, то да не взыщется смерть его ни отъ христіанъ, ни отъ Руси, но да возьметъ обратно свое тотъ, кто потерпѣлъ убытокъ. Но ежели тотъ, кто укралъ, отдастся въ руки, то да будетъ онъ взятъ тѣмъ, у кого укралъ, да будетъ связанъ и да воздастъ за то, что сотворилъ.*

Отдавая должную справедливость остроумію знаменитаго изслѣдователя древнѣйшаго русскаго права, я долженъ однако сознаться, что переводъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и толкованіе, этой статьи Олегова договора мнѣ кажется не совсѣмъ удовлетворительнымъ. По мнѣнію Эверса выраженіе: *«аще приготовится тать творяй»*, надобно понимать такъ, какъ если бы здѣсь было написано: *аще приготовится къ сопротивленію татьбу сотворившій;* потому-что въ слѣдующемъ за тѣмъ положеніи говорится о ворѣ, который сдается безъ сопротивленія. Толкованіе это, выведенное чрезъ противоположеніе одного правила другому, кажется, нѣсколько натянуто. Хотя конечно составители договора явнымъ образомъ имѣли въ виду, при постановленіи второго правила, тотъ случай, когда воръ сдается на милость застигшаго его хозяина; но изъ словъ *«аще приго-«товится тать творяй»* нельзя безпорно заключить, что въ первомъ изъ этихъ правилъ рѣчь идетъ о ворѣ, представляющемъ сопротивленіе. Чтобы словамъ этимъ придать такой смыслъ, надобно, во первыхъ, подразумѣвать послѣ слова *«приготовится»* слова *къ сопротивленію*, во вторыхъ, надобно выраженіе *«тать творяй»* замѣнить словами *татьбу сотворившій*,—что едва-ли возможно. По моему убѣжденію, выраженіе: *«аще приготовится «тать творяй»*, въ связи съ предшествующими словами, представляетъ довольно ясный смыслъ и указываетъ именно на тотъ случай, когда воръ приготовился уже къ совершенію преступленія, но не успѣлъ этого сдѣлать, бывъ застигнутъ хозяиномъ. Позволяю себѣ представить здѣсь переводъ цѣлой статьи, какъ я ее понимаю. *Ежели украдетъ что либо Русинъ у христіанина или христіанинъ у Русина, и воръ*

---

[1]) Послѣднія слова, заключенныя въ скобки, находятся, по свидѣтельствамъ Эверса и Тобина, въ одномъ только спискѣ.

пойманъ будетъ въ тотъ самый часъ, когда совершилъ[1]) *воровство, тѣмъ, кто лишился чего-либо* (т. е. хозяиномъ украденной вещи), *или же когда воръ приготовился совершить кражу, и будетъ убитъ, то ни христіане, ни Руссы не должны искать въ смерти его, но еще кромѣ того лотерпѣвшій убытокъ долженъ получить имущество свое обратно. Если же укравшій дастъ руки свои*[2]), *то да будетъ онъ взятъ тѣмъ, у кого укралъ, да будетъ связанъ и да воздастъ за то, что смѣлъ совершить*[3]).

И такъ, по моему мнѣнію, эта статья договора не только опредѣляетъ правила, какъ поступать должно съ воромъ, который не сдается на милость застигшаго его хозяина, и съ тѣмъ, который, повинится, но также въ ней есть намекъ на преступленіе уже совершенное (delictum consummatum) и покушеніе къ оному (delictum attentatum)[4]). Впрочемъ и то, и другое подвергаются одинаковому наказанію, если только убійство вора, застигнутаго на мѣстѣ преступленія, можно назвать наказаніемъ. Мы не станемъ удивляться тому, что въ разсматриваемомъ нами постановленіи не дѣлается различія между воровствомъ, уже совершеннымъ, и покушеніемъ на оное, ежели вспомнимъ, что древнѣйшее право Руссовъ и права другихъ народовъ, на той же ступени развитія стоящихъ, не различаютъ даже убійства умышленнаго отъ случайнаго, подвергая и то, и другое кровной мести[5]). Замѣтимъ притомъ, что въ разбираемомъ нами постановленіи не обращено также вниманія на различную цѣнность вещей; по-этому надобно предполагать, что и тотъ, кто кралъ вещь высокой цѣны, и тотъ, кто похищалъ бездѣлицу, подвергались равной участи. Такова стро-

---

[1]) Эверсъ пишетъ: «*da er den Diebstahl verübt*» (когда онъ творитъ кражу), между тѣмъ въ подлинникѣ читаемъ: «*егда татьбу сотворитъ*»; здѣсь глаголъ вида опредѣленнаго указываетъ на дѣйствіе, уже совершенное.

[2]) Какъ бы для того, чтобы онѣ были связаны, т. е. когда воръ повинится. Эверсъ переводитъ такъ: «*Wenn aber der, welcher ge-*«*stohlen hat, sich in die Hand giebt*».

[3]) Послѣднія выраженія напоминаютъ постановленія законовъ XII таблицъ о несостоятельномъ должникѣ:—сходство, конечно совершенно случайное, потому-что и Греки уже не могли руководствоваться этими законами.

[4]) Издатель позволяетъ себѣ однакожь замѣтить, что при такомъ объясненіи первой половины статьи опредѣленіе участи вора не будетъ сообразно съ назначеннымъ въ слѣдующей статьѣ легкимъ наказаніемъ за насильственное отнятіе вещи.

[5]) Сравн. Ewers d. ält. R. d. R. S. 139.

гость древнѣйшаго закона,—строгость, доказывающая очень ясно, какъ сильно было желаніе людей того времени обезпечить жестокостію наказанія неприкосновенность частной собственности. Что касается до права, предоставляемаго хозяину вещи, убить вора, застигнутаго на мѣстѣ преступленія, въ томъ случаѣ, когда онъ не сдавался на милость, то весьма справедливо замѣчаетъ Эверсъ [1]), что право это гораздо ближе подходитъ къ понятіямъ русскаго законодательства, нежели греческаго: подтвержденіе этому мы находимъ въ томъ, что подобное же постановленіе встрѣчается и въ Русской Правдѣ, и въ договорѣ Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою и Готландіею (о чемъ буду имѣть случай говорить ниже), съ тою только разницею, что, по смыслу Правды, не каждое воровство, а только кража нѣкоторыхъ предметовъ, могло подать поводъ къ примѣненію этого права.

Касательно правила о томъ, какому наказанію подвергался воръ, сдавшійся на милость, то здѣсь опять представляется сомнѣніе, какъ надобно понимать: «*отдасть тое, еже смѣ сотворити*». Въ одномъ спискѣ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, спискѣ впрочемъ, по словамъ Эверса, исполненномъ позднѣйшихъ вставокъ, прибавлено къ этимъ словамъ выраженіе: «*и сотворить трійчій о «семь*». Изъ этихъ послѣднихъ словъ надо бы было предполагать, что воръ, пойманный и связанный, какъ выражается законъ, обязанъ былъ хозяину вещи, которую онъ намѣревался украсть, заплатить тройную ея цѣну. Такое правило, если оно дѣйствительно и существовало, могло быть развѣ внесено въ договоръ изъ греко-римскаго правā, но не было кореннымъ закономъ Руссовъ, какъ это весьма остроумно доказываетъ Эверсъ [2]). По мнѣнію этого ученаго выраженіе: «*отдасть тое, еже смѣ сотворити*», безъ позднѣйшаго къ нему прибавленія, не значитъ, что воръ обязанъ былъ заплатить только цѣну украденной вещи, но что онъ, сдавшись на милость хозяина, который иначе могъ бы убить его, обезпечивалъ такимъ образомъ жизнь свою, но за то вполнѣ подчинялся требованіямъ поймавшаго его хозяина и долженъ былъ удовлетворить его за нанесенные ущербъ и обиду, по усмотрѣнію послѣдняго. Мнѣніе это тѣмъ болѣе кажется вѣроятнымъ, что, если допустить это предположеніе, установляется нѣкоторая постепенность въ наказаніяхъ вора не сдающагося и вора сдавшагося, между тѣмъ какъ если думать, что сдавшійся воръ долженъ былъ только за-

---

[1]) Тамъ же, стр. 147 и 148.

[2]) Тамъ же, стр. 148. Сравн. также Рейца опытъ, переводъ Морошкина, стр. 61. прим. 1.

платить цѣну украденной вещи, то взысканіе это было бы слишкомъ слабо въ сравненіи съ наказаніемъ вора, не сдающагося на милость. Конечно можно замѣтить, что ежели не была установлена мѣра вознагражденія со стороны вора, то такимъ образомъ хозяину украденной вещи предоставленъ слишкомъ большой произволъ: но самая эта неопредѣленность есть, можетъ быть, именно вѣрнѣйшій признакъ древности этого постановленія. Мы знаемъ, что и гораздо позже сего въ подобномъ же положеніи по опредѣленіямъ русскаго законодательства находились иногда даже не воры, а несостоятельные должники.

Перейдемъ теперь къ слѣдующей статьѣ Олегова договора, опредѣляющей мѣру наказанія за насильственное завладѣніе чужимъ имуществомъ. Вотъ текстъ этой статьи изъ Нестора, сличеннаго Шлецеромъ [1]).

«*Аще кто отъ хрестьянъ или отъ Руси мученья образомъ* «*искусъ творить и насильемъ явѣ возметъ что любо дружне, да* «*вспятить тройче*».

Текстъ этотъ представляетъ также нѣкоторыя затрудненія, въ разрѣшеніи которыхъ изслѣдователи древняго русскаго права несогласны между собою. Раковецкій переводитъ эту статью такъ: [2])

Ежели Русинъ или христіанинъ, подъ предлогомъ исканія пропавшей вещи, войдетъ въ чужой домъ, и насильственно и явно возьметъ чужую вещь, то долженъ будетъ заплатить за нее втрое.

Изъ перевода этого видно, что Раковецкій совершенно упустилъ изъ виду слова подлинника: «*мученья образомъ*», быть можетъ, потому, что они представлялись ему неудобопонятными, слово же «*искусъ*» принялъ онъ въ такомъ смыслѣ, какъ будто-бы оно означало отыскиваніе чего-нибудь; наконецъ онъ совершенно произвольно вставилъ въ переводъ свой выраженіе: *подъ предлогомъ исканія пропавшей вещи, войдетъ въ чужой домъ*. И такъ переводъ, или скорѣе толкованіе, Раковецкаго вовсе неудовлетворителенъ, тѣмъ болѣе, что онъ не позаботился даже чѣмъ-нибудь оправдать свои догадки.

Эверсъ, съ своей стороны, предлагаетъ слѣдующій переводъ разсматриваемой статьи Олегова договора: «*Wenn ein Russe von einem* «*Christen, oder ein Christ von einem Russen mit Zwang* (мученіе) *den* «*Versuch macht, so muss er es dreifach ersetzen*» [3]).

---

[1]) Эверса древ. право Руссовъ, переводъ Платонова, стр. 170. Тобина Tractate, тамъ же.

[2]) Prawda Russka. т. II, стр. 5.

[3]) Das ält. R. d. R. S. 147.

Переводчикъ же Эверса слова подлинника передаетъ такъ: *«если кто изъ христіанъ или Руссовъ покусится на насиліе и «возьметъ что-нибудь у другого явно силою, да воздастъ за то «втрое»* [1]).

И такъ Эверсъ и переводчикъ его слово *искусъ* принимаютъ въ смыслѣ *покушенія*, предшествующее же ему слово *мученье* одинъ переводитъ словомъ *принужденіе* (Zwang), другой словомъ *насиліе*. Такой переводъ и толкованіе мнѣ кажутся неудовлетворительными, потому-что они явно измѣняютъ значеніе словъ подлинника и стараются придать имъ такой смыслъ, какой нуженъ былъ переводчикамъ, слѣдовательно смыслъ, отчасти по крайней мѣрѣ произвольный. Позволяю себѣ опять предложить здѣсь мое мнѣніе о значеніи разсматриваемой статьи. Что касается до словъ: *мученье* и *искусъ*, которыя представляютъ по-видимому самое большое затрудненіе для истолкованія смысла цѣлаго текста, то я оставляю имъ ихъ настоящее значеніе: именно подъ словомъ *мученье* я понимаю *муку* или *истязаніе*, слово же *искусъ* значитъ по моему мнѣнію *искушеніе*, *пытаніе*, *допрашиваніе*. Послѣ того, мнѣ кажется, разсматриваемый текстъ можно перевести такъ: *Ежели кто изъ христіанъ или изъ Руссовъ, посредствомъ мученья или истязанія («мученья образомъ»), будетъ допрашивать* (т. е. пытать или искушать, подразумѣвается, хозяина дома) *и явно насильемъ возьметъ что-нибудь чужое, то долженъ будетъ сдѣлать тройное вознагражденіе».* И дѣйствительно, нельзя ли предположить, что при установленіи этого правила имѣли въ виду такой же случай, какой нерѣдко встрѣчается и въ настоящее время: что разбойникъ, забравшись въ домъ, разнаго рода истязаніями выпытываетъ у хозяина о мѣстѣ, гдѣ хранятся его деньги или другія цѣнныя вещи, и потомъ завладѣваетъ ими явно насильственнымъ образомъ?

Что касается до наказанія за насильственное завладѣніе чужою собственностію, наказанія, состоявшаго въ томъ, что грабитель долженъ былъ заплатить втрое нанесенный имъ убытокъ, то, хотя Эверсъ думаетъ, что оно могло вытекать и изъ началъ древнѣйшаго русскаго права, однакожь другая догадка его мнѣ кажется болѣе правдоподобною. Весьма вѣроятно, что правило, установлявшее это тройное вознагражденіе, заимствовано было по вліянію Грековъ, участвовавшихъ въ договорѣ, изъ римскаго права, именно изъ *actio vi bonorum raptorum* [2]). Хотя *actio vi bonorum raptorum* требуетъ четвертного вознагражденія (in quadruplum restitutio), од-

---

[1]) Эверса древн. пр. Р., стр. 170.

[2]) Тамъ же, стр. 152. прим. 21.

такожь это различіе въ мѣрахъ вознагражденія нельзя считать важнымъ аргументомъ для опроверженія догадки Эверса; потому-что Греки, вводя въ составъ договора правило, заимствованное изъ началъ римскаго права, могли притомъ сдѣлать нѣкоторую уступку Руссамъ, по неизвѣстнымъ для насъ теперь побужденіямъ.

Разсмотрѣвъ мѣры огражденія собственности отъ тайнаго похищенія и насильственнаго ея завладѣнія, обратимся теперь къ той статьѣ Олегова договора (ст. IX), въ которой, по моему убѣжденію, рѣчь идетъ о присвоеніи чужой собственности посредствомъ подлога.

Замѣчу съ самаго начала, что въ этой статьѣ говорится объ одномъ только предметѣ собственности, именно о челядинахъ или невольникахъ, но правила, здѣсь постановленныя, легко могли быть примѣняемы и къ другимъ вещамъ.

Текстъ этой статьи таковъ:

«Аще украденъ будетъ челядинъ русскій или ускочитъ, или по «нужи проданъ будетъ, а жаловати начнутъ Русь, покажется та«ковое отъ челядина, и да поимутъ въ Русь. Но и гостіе погубише «челядинъ и жалуютъ, да ищутъ, обретше да поимутъ е. Аще ли «кто искушенія сего не дастъ сотворити, местникъ да погубитъ «правду свою» [1]).

Смыслъ этой статьи, за исключеніемъ послѣдняго положенія, совершенно ясенъ. Хозяинъ украденнаго, бѣжавшаго или по принужденію проданнаго раба могъ жаловаться (вѣроятно мѣстному начальству) и искать его, отыскавъ же, взять обратно, въ особенности ежели самъ рабъ покажетъ, какимъ изъ означенныхъ противозаконныхъ способовъ онъ перешелъ во владѣніе другого лица. Правило это по всей вѣроятности почерпнуто изъ началъ русскаго права, потому-что и потомъ въ Русской Правдѣ и даже въ позднѣйшихъ постановленіяхъ владѣльцу раба предоставлено было право отыскивать его вездѣ, гдѣ бы онъ ни былъ и, отыскавъ, взять его себѣ. Замѣчательно, что здѣсь не опредѣлено никакого наказанія тому, кто противозаконно завладѣлъ чужимъ рабомъ; требуется только, чтобы рабъ былъ возвращенъ хозяину его. Это можно, кажется, объяснить тѣмъ, что хозяинъ, который позволялъ у себя украсть раба или допустилъ его бѣжать, или который согласился противу собственнаго желанія продать его другому, самъ какъ-будто оказывался виновнымъ въ оплошности и слабости, а потому, хотя и дозволялось ему отыскивать вездѣ своего раба, но

---

[1]) Тамъ же, стр. 178. Тобина Tractate, стр. 36.

онъ не имѣлъ права требовать для себя особеннаго еще какого нибудь вознагражденія.

Что касается до послѣдняго положенія разсматриваемой статьи: *«аще ли кто искушенья сего не дасть сотворити, местникъ да по-«губитъ правду свою»*, то мнѣ кажется весьма трудньимъ его истолковать. Раковецкій [1]), скользя, такъ сказать, надъ встрѣчающимися ему трудностями, такъ переводитъ эти слова: *ежели бы кто-либо сталъ противиться такому поиску, тю признанъ будетъ виновнымъ.* Ясно, что слова: *«местникъ да погубитъ правду свою»* остались для Раковецкаго совершенно неразгаданными.

Эверсъ предлагаетъ слѣдующее ихъ толкованіе: «*Der Rächer* «(местникъ) *ist offenbar nach russischen Begriffen der nächste Verwandte,* «*der das erchlagene oder gemisshandelte Familien-Glied rächen musste. Nach* «*griechischen Begriffen konnte hierunter nur die Obrigkeit verstanden werden,* «*die bei den Griechen in die Stelle des Privat-Rächers getreten war,* «*wenn man nicht lieber auch hier nur denjenigen darunter verstehen will,* «*der für die einem anderen* (Griechen) *zugefügte Beleidigung Recht for-*«*dern konnte, sey es nun die Familie, oder der öffentliche Beamte. Der* «*Sinn ist in beiden Fällen: wer die Nachsuchung hindert, ist rechtlos.* «*Widerfährt ihm deshalb ein Uebel, so darf er nicht gerächt, d. h. es* «*darf dafür kein rechtlicher Ersatz gefordert werden. Also war hier noch,* «*im Fall der verwehrten Nachsuchung, Selbsthülfe jeder Art erlaubt*». (Das ält R. d. R. S. 154 und 155). Хотя это толкованіе можетъ еще оставлять за собою нѣкоторыя сомнѣнія, но не имѣя средствъ къ болѣе удовлетворительному изъясненію словъ: *«местникъ да по-«губитъ правду свою»*, мы должны покуда удовольствоваться тѣмъ, которое предлагаетъ намъ Эверсъ. [2])

Кромѣ разсмотрѣнныхъ уже статей Олегова договора, въ которыхъ, какъ я старался показать, изложены мѣры ограждения собственности отъ тайнаго и насильственнаго ея похищенія, а также отъ неправильнаго завладѣнія вообще, въ этомъ же памятникѣ находимъ и такія статьи, которыя, какъ я думаю, явно доказываютъ заботливость обѣихъ договаривающихся сторонъ, и въ особенности Руссовъ, объ охраненіи ихъ имуществъ отъ гибельнаго вліянія несчастныхъ случаевъ. Въ договорѣ Олега предусмотрѣны преимущественно два изъ такихъ несчастныхъ случаевъ, именно кораблекрушеніе (ст. VII) и смерть владѣльца (ст. X). О первомъ изъ нихъ

---

[1]) Rakowiecki, Prawda Russka. т. II, стр. 6.

[2]) Ср. Тобина Tractate, стр. 36. Тамъ читаемъ: *«аще ли кто «искушенія того не дасть сотворити местнику, да погубитъ «правду свою».*

говорится исключительно въ видахъ пользы Грековъ, о второмъ напротивъ для выгоды Руссовъ.

Смыслъ статьи о кораблекрушеніи есть слѣдующій: Руссы обѣщаютъ оказывать помощь греческимъ ладьямъ, когда онѣ заброшены будутъ бурею на чужой берегъ, гдѣ случится быть въ то время и Руссамъ. Помощь эта состоять должна или въ томъ, что ладью отводятъ въ ближайшій греческій портъ, или же ее провожаютъ въ русскую землю, ежели (какъ основательно догадывается Эверсъ [1]) грузъ ея предназначенъ былъ для Россіи. Здѣсь продается грузъ и вырученныя за него деньги отсылаются въ Грецію съ купцами или съ посольствомъ, отправляемымъ къ греческому царю.

Гораздо болѣе интереса для изслѣдователя началъ древнѣйшаго русскаго права представляетъ та статья Олегова договора, въ которой говорится объ имуществѣ Руссовъ, умирающихъ въ Греціи. Разсмотримъ сначала текстъ ея [2]).

«Аще кто умреть не урядивъ своего имѣнья, ни своихъ не имать, «да возвратить имѣнье къ милымъ ближникамъ въ Русь. Ащель со«творитъ обряженіе, таковый да возметъ уряженное кому будетъ «писалъ наслѣдити имѣнье его, да наслѣдитъ е отъ взимающихъ «куплю Руси, отъ различныхъ ходящи въ Греки и удолжающихъ».

Судя по первому взгляду, надобно было бы думать, что здѣсь рѣчь идетъ о каждомъ вообще Руссѣ, умирающемъ во время пребыванія своего въ Греціи; но статья эта надписывается: *«о работающихъ во Грецехъ Руси у хрестьянскаго царя»*, и потому Эверсъ заключаетъ, что въ ней установляются только правила объ имуществѣ тѣхъ изъ Руссовъ, которые умираютъ въ Греціи, состоя на службѣ (работѣ) у греческаго царя [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ дѣлаетъ весьма остроумную догадку на счетъ обезпеченія цѣлости имущества другихъ, не служащихъ греческому царю Руссовъ. Онъ думаетъ именно, что Руссы, отправлявшіеся въ Грецію по своимъ торговымъ дѣламъ, подобно купцамъ другихъ народовъ того времени, ѣздили туда большими партіями, которыя подчинялись одному лицу, изъ среды ихъ избранному (какъ бы старостѣ), и составляли такимъ образомъ, па время путешествія, родъ политической общины. Ежели кто изъ среды этой общины умиралъ во время путешествія, то компанія брала оставшееся послѣ умершаго имущество и обязывалась доставить его въ цѣлости въ

[1]) Das ält. R. d. R. S. 164. Anm. 26.

[2]) Несторъ, слич. Шлёц. ч. II, стр. 738 и сл., Эверсъ, стр. 187. Тобина Tractate, стр. 37.

[3]) Эверсъ. стр. 160 и 161.

отечество, для удовлетворенія кредиторовъ покойнаго или для передачи роднымъ его. Такая мѣра тѣмъ болѣе была необходима, для обезпеченія имущества умирающихъ въ чужой землѣ; что государи этихъ странъ тогда, и даже во время гораздо позднѣйшее, нерѣдко присвоивали себѣ право наслѣдовать имущество послѣ умершихъ въ ихъ владѣніяхъ иностранцевъ, какъ имущество вымороч ное. Весьма вѣроятно, что подобное притязаніе обнаруживали и греческіе цари, въ особенности на имущество тѣхъ изъ Руссовъ, которые находились у нихъ на службѣ, тѣмъ болѣе, что самое это имущество могло быть пріобрѣтено службою, а состоящіе на службѣ разсматривались какъ временные по крайней мѣрѣ подданные императора. Для огражденія соотчичей своихъ отъ такихъ притязаній, Руссы включили въ договоръ Олега приведенную статью о наслѣдствѣ. Надобно однакожь замѣтить, что и содержаніе, и редакція этой статьи скорѣе, можетъ быть, принадлежатъ Грекамъ, нежели Руссамъ. Къ такому заключенію ведетъ во-первыхъ то, что въ разсматриваемой статьѣ очень ясно различается наслѣдованіе безъ завѣщанія (какъ бы по закону) и наслѣдованіе по завѣщанію, при чемъ первое совершенно подчинено послѣднему, и законный наслѣдникъ (родной, ближникъ) тогда только могъ получить имущество, когда умершимъ не было сдѣлано никакого о немъ распоряженія. Конечно, и русскому праву могло быть не чуждо различіе между двумя видами наслѣдованія, оно даже могло, согласно съ понятіями о неограниченности отеческой власти, какая тогда была у Руссовъ, предпочитать завѣщаніе законному наслѣдованію; но понятія эти являются здѣсь слишкомъ ясно и отчетливо сформулированными и весьма живо напоминаютъ постановленія римскаго права объ этомъ же предметѣ. Далѣе изъ словъ: *«кому будетъ писалъ наслѣдити»* видно, что здѣсь говорится именно о письменныхъ завѣщаніяхъ, а не упоминается вовсе о другихъ ихъ видахъ. Но едва-ли Руссы того времени, даже и тѣ, которые находились на службѣ у греческаго императора, до такой степени обладали искуствомъ писанія, чтобы эта форма завѣщанія могла быть у нихъ самою употребительною. Явно, что Греки свои понятія о наслѣдствѣ вообще и о формѣ завѣщаній въ особенности приписали и Руссамъ [1]). Самая наконецъ редакція разсматриваемой статьи—редакція, совершенно правильная и систематическая, какой не встрѣчаемъ ни въ одной другой статьѣ Олегова договора, говоритъ, кажется, въ пользу моего предположенія.

Этою статьею оканчивается рядъ постановленій Олегова дого-

[1]) См. мое разсужденіе объ актахъ укрѣпленія правъ на имущество, стр. 111..

вора, опредѣляющихъ мѣры огражденія имущественныхъ отношеній обѣихъ договаривающихся сторонъ, и въ особенности Руссовъ. Посмотримъ теперь, что было постановлено о нихъ въ договорѣ Игоря (945).

Договоръ Игоря съ Греками, по замѣчанію Эверса, долженъ быть разсматриваемъ какъ дополненіе и поясненіе Олегова договора, но это дополненіе и поясненіе влечетъ за собою, отчасти по крайней мѣрѣ, измѣненіе прежде уже установленныхъ началъ. Не говоря о перемѣнахъ, введенныхъ Игоревымъ договоромъ по другимъ отраслямъ права, я намѣренъ обратить вниманіе на тѣ только, которыя соприкасаются непосредственно съ разсматриваемыми мною началами огражденія имущественныхъ отношеній.

Въ IV статьѣ этого договора находится постановленіе о воровствѣ и насильственномъ отнятіи вещей. Текстъ ея слѣдующій:

«*Аще кто покусится отъ Руси взяти что отъ люди царства* «*вашего*[1]) *(или нашего), иже то состоритъ, покажснъ будетъ вельми.* «*Аще ли взялъ будетъ, да заплатитъ сугубь. И аще сотворитъ* «*тожв Гречинъ Русину, да пріиметъ туже казнь, якоже пріялъ* «*есть и онъ. Аще ли прилучится украсти Русину отъ Грекъ что,* «*или Гречину отъ Руси, достойно да взворотье не точію едино, но* «*и цѣну его. Аще обрящется украденное продаемо, да вдастъ цѣну* «*его сугубу. И то* (у Раковецкаго и той) *покажснъ будетъ по уста*«*ву Грецкому и по закону Грецкому, и по закону Русскому*». (Несторъ слич. Шлёц. Ч. III. стр. 139; Эверса стр. 195).

Сравнивая постановленія этой статьи Игорева договора съ постановленіями Олегова, мы замѣчаемъ, что въ ней съ самаго начала рѣчь идетъ о насильственномъ отнятіи чужой собственности и о покушеніи на такое противозаконное дѣйствіе. Покушеніе отлично здѣсь не по одному только имени отъ преступленія уже совершеннаго, но и самое наказаніе за то и другое полагается, какъ я думаю, различное. Именно, покусившійся на отнятіе вещи у другого долженъ быть «*покажснъ вельми*» (вѣроятно уже не по произволу частнаго лица, потерпѣвшаго обиду, а по опредѣленію

---

[1]) Въ большей части списковъ стоитъ: «*отъ люди царства ва*«*шего*», въ нѣкоторыхъ «*царства нашего*». Принимая первое чтеніе, надобно было бы думать, что здѣсь Руссы говорятъ отъ своего имени и предлагаютъ Грекамъ слѣдующія за тѣмъ мѣры огражденія отъ воровства; если же читать «*царства нашего*», то выходитъ, какъ будто Греки предлагаютъ условіе Русскимъ. (Сравн. впрочемъ Ewers, d. ält. R. d. R. 172. Anm. 31. Rakowiecki, Pr. R. т. II. стр. 13.)

правительства), не видно однако, въ чемъ должно состоять это наказаніе, о вознагражденіи же обиженнаго таковымъ дѣйствіемъ ничего не упоминается, быть можетъ, потому, что онъ при этомъ ничего не терялъ. Если же послѣдовало уже дѣйствительное отнятіе имущества, то виновный долженъ былъ сдѣлать вознагражденіе вдвое *(«да заплатитъ сугубь»)*. Опредѣляемое здѣсь двойное вознагражденіе, слѣдовавшее конечно хозяину отнятой вещи, состояло вѣроятно въ возвращеніи самой вещи и приложеніи цѣны ея, или въ уплатѣ двойной цѣны, если вещь была уже продана, утрачена или испорчена. Такъ по крайней мѣрѣ надобно думать, если принимать въ соображеніе то, что постановляется нѣсколько ниже о воровствѣ. Хотя при этомъ не упоминается объ особенномъ наказаніи преступника, но подразумѣвать должно, что совершившій насильственное завладѣніе чужою собственностью долженъ былъ подвергнуться тому же наказанію, какое опредѣлено было для покусившагося на это дѣйствіе.

Въ постановленіяхъ о воровствѣ замѣчаемъ недостатокъ опредѣленія о томъ, какъ должно поступать съ пойманнымъ на мѣстѣ воромъ. Эверсъ предполагаетъ [1]), что въ Игоревомъ договорѣ потому умалчивается объ этомъ, что не хотѣли повторять высказаннаго уже въ договорѣ Олега. Нѣтъ сомнѣнія однако, что вора, пойманнаго на мѣстѣ, можно было и теперь убить, потому-что право это предоставлено было у Руссовъ хозяину даже въ XIII столѣтіи. Что касается до удовлетворенія хозяина украденной вещи, то оно опредѣляется, также какъ и при насильственномъ завладѣніи его, двойное; кромѣ того виновный подвергается наказанію *по закону греческому и русскому.* Послѣднія слова Эверсъ считаетъ темными и полагаетъ, что воръ могъ быть наказываемъ по одному изъ этихъ законовъ, смотря потому, какому народу принадлежалъ самъ преступникъ или, еще вѣроятнѣе, обиженный или истецъ [2]). Чтобы эта догадка была вполнѣ убѣдительна, надобно, чтобы въ текстѣ написано было: *по закону грецкому или по закону русскому*, между тѣмъ вмѣсто *или* мы здѣсь видимъ *и*, а потому нельзя ли предположить, что участвовавшіе въ договорѣ Греки и Руссы, для бо̀льшаго обезпеченія своей собственности отъ тайнаго или насильственнаго завладѣнія ею согласились, чтобы виновный въ этихъ преступленіяхъ подвергался двойному наказанію, по закону обоихъ договаривающихся народовъ? Конечно, догадка

---

[1]) Das alt. R. d. R. S 166.
[2]) Тамъ же, стр. 168.

эта не можетъ быть подкрѣплена никакими положительными данными, по крайней мѣрѣ мы въ правѣ сдѣлать ее, по прямому смыслу. словъ текста, и, допустивъ такое предположеніе, для насъ становится нѣсколько понятнѣе другое совершенно неопредѣленное выраженіе этой статьи договора, именно что покусившійся на отнятіе чего-либо у другого *покажень будеть вельми*. Быть можетъ, это *веліе* покаженіе состояло дѣйствительно въ двойномъ наказаніи преступника, по закону греческому и по закону русскому.

Какъ бы то ни было, разсматриваемая статья Игорева договора заключаетъ въ себѣ нѣсколько измѣненій статьи такого же содержанія въ договорѣ Олега,—измѣненій, свидѣтельствующихъ о развитіи юридическихъ идей въ сознаніи составителей перваго изъ нихъ. По смыслу договора Олега, виновный въ похищеніи чужой собственности тайнымъ или насильственнымъ образомъ, подвергался только взысканію для частнаго удовлетворенія хозяина похищенной вещи: въ договорѣ Игоря, независимо отъ частнаго удовлетворенія, преступленія эти подвергаются наказанію со стороны правительства и по опредѣленію закона, хотя вѣроятно не иначе, какъ только въ слѣдствіе иска лица обиженнаго. Далѣе Олеговъ договоръ установляетъ тройное вознагражденіе въ пользу потерпѣвшаго убытокъ; по крайней мѣрѣ такъ было несомнѣнно при насильственномъ завладѣніи чужою собственностію: договоромъ Игоря требуется только сугубое удовлетвореніе, вѣроятно потому, что теперь преступникъ подвергался сверхъ того особому наказанію, отъ котораго прежде онъ былъ свободенъ, заплативъ втрое нанесенный убытокъ. Наконецъ, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, въ разсматриваемой статьѣ Игорева договора установляются различныя наказанія за покушеніе и за совершенное преступленіе, между тѣмъ какъ въ договорѣ Олега различія этого не усматриваемъ. Впрочемъ весьма возможно, что эти поступательныя измѣненія были слѣдствіемъ особеннаго вліянія Грековъ на составленіе договора, заключеннаго ими съ Игоремъ.

Къ предмету нашего изслѣдованія относится еще въ Игоревомъ договорѣ статья о побѣгѣ невольниковъ и ихъ выдачѣ (ст. III). Къ сожалѣнію текстъ ея подверженъ различнымъ толкованіямъ вслѣдствіе весьма сбивчиваго употребленія въ ней мѣстоименій *нашь* и *вашь*, такъ что нѣтъ другой возможности выйти изъ представляющихся по этому случаю затрудненій, какъ только если позволить себѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣну одного мѣстоименія другимъ. Вотъ текстъ ея изъ Нестора, сличеннаго Шлёцеромъ [1]).

[1]) Часть III. стр. 133: у Эв. въ р. пер., стр. 200 и 201.

«И аще ускочитъ челядинъ отъ Русь, по нежъ приидутъ въ «страну царства вашего и отъ святою Мамы, и аще будетъ обрящется да поимутъ. Аще ли не обрящется, да на роту идутъ на«ша христіанная Русь, а не христіане по закону своему. Тогда воз«имаютъ отъ насъ цѣну свою, якожъ уставлено есть прежде, двѣ «паволоцѣ за челядина. Аще ли кто отъ людей царства вашего, или «отъ иныхъ городовъ ускочитъ челядинъ нашъ къ вамъ и принесетъ «что, да возвратятъ опять; и еже что принеслъ все цѣло, да воз«метъ отъ него золотника два».

Не стану приводить здѣсь различныхъ толкованій и переводовъ этой статьи Шлёцеромъ, Раковецкимъ и Эверсомъ: это заняло бы слишкомъ много мѣста и не привело бы ни къ какимъ положительнымъ результатамъ; скажу только, что, ежели догадка Эверса справедлива, будто въ договорѣ Игоря Греки являются предлагающими условія отъ своего имени, то въ такомъ случаѣ можно себѣ позволить читать и переводить приведенный текстъ такимъ образомъ:

Ежели рабъ бѣжитъ отъ Руссовъ и отъ св. Мамы [1]), *за нимъ же пріидутъ въ страну царства нашего* [2]) *и онъ будетъ найденъ, то да возьмутъ его* [3]). *Если же онъ не отыщется, то пусть наши* [4]) *христіанскіе Руссы дадутъ присягу, а нехристіане пусть клянутся по своему закону* [5]), *и пусть тогда взыщутъ съ насъ цѣну, какая установлена была прежде, по двѣ паволоки* [6]) *за раба. Ежели кто изъ людей царства нашего* [7]) *или города нашего* [8]), *или*

---

[1]) То есть отъ Руссовъ же, живущихъ въ предмѣстьи этого названія въ Цареградѣ. См. Ewers. d. ä. R. d. R. S. 172. Anm. 33.

[2]) Въ текстѣ стоитъ *вашего.*

[3]) Разумѣется Руссы.

[4]) Справедливо замѣчаетъ Эверсъ, что Греки могли называть Руссовъ, принявшихъ христіанскую религію *нашими*, потому что они были ихъ единовѣрцами. Тамъ же стр. 172, прим. 34.

[5]) Разумѣется въ томъ, что рабъ дѣйствительно бѣжалъ отъ нихъ къ Грекамъ.

[6]) *Паволока*, родъ шелковой, дорогой ткани, которая иногда употребляема была вмѣсто денежно платы. См. Rakowiecki, Pr. R. т. I. стр. 162.

[7]) Въ текстѣ опять написано *вашего.* Здѣсь въ особенности замѣчательно толкованіе Эверса. Тамъ же стр. 172, прим. 35.

[8]) Конечно Константинополя. Раковецкій читаетъ *отъ рода нашего.* Pr. R. т. II. стр. 13.

другихъ городовъ, убѣжитъ рабъ нашъ къ вамъ и принесетъ съ собою что-либо [1]*), то онъ долженъ быть возвращенъ, и ежели притомъ снесенное имъ окажется все въ цѣлости, то да возьметъ отъ нею два золотника* [2]*).*

Замѣчательно, что въ разсматриваемой статьѣ ничего не говорится ни о тайномъ похищеніи чужого раба, ни о вынужденной его продажѣ. Вѣроятно, замѣчаетъ Эверсъ [3]), кража раба и принужденіе къ продажѣ его отнесены были къ общему правилу о воровствѣ и насильственномъ похищеніи чужой собственности. Относительно бѣжавшаго раба въ Олеговомъ догорѣ постановлено было, что хозяинъ могъ его отыскивать и взять обратно, въ случаѣ же если онъ не находился, то, вѣроятно, хозяинъ пропавшаго раба не могъ претендовать на какое-нибудь вознагражденіе. Напротивъ въ договорѣ Игоря установляется мѣра вознагражденія за потеряннаго раба, если хозяинъ подтвердитъ присягою, что рабъ его дѣйствительно бѣжалъ къ Грекамъ. Съ своей стороны, Греки требовали отъ Руссовъ не только возвращенія бѣжавшаго раба, но еще и всего снесеннаго бѣглецомъ, съ платою въ такомъ случаѣ двухъ золотниковъ; вѣроятно впрочемъ, что этимъ же правиломъ могли также пользоваться и Руссы по отношенію къ Грекамъ [4]).

Наконецъ въ Игоревомъ договорѣ есть также постановленіе, имѣющее въ виду охраненіе имущества и лицъ, находящихся на кораблѣ или ладьѣ, выброшенной на берегъ (ст. VII).

«*Аще обрящутъ Русь кувару* (корабль или ладью) *Грецкую вверженну на коемъ либо мѣсте, да не приобидятъ ея. Аще ли отъ нея «взметъ кто что, или человѣка поработитъ или убьетъ, да будетъ «виненъ закону Руску и Грецку*»[5]).

За исключеніемъ послѣднихъ словъ: «*да будетъ виненъ закону Руску и Грецку*», которыя и здѣсь опять могутъ подать поводъ къ различнымъ толкованіямъ и къ которымъ надобно примѣнить то, что сказано уже выше въ статьѣ о насильственномъ и тайномъ похищеніи чужой собственности, смыслъ приведенной статьи совершенно ясенъ. Различие ея отъ статьи подобнаго же содержанія въ Олеговомъ договорѣ состоитъ въ томъ, что, по смыслу перваго договора, Руссы даютъ только обѣщаніе оказывать пособіе гре-

---

[1]) Разумѣется, украденное имъ.
[2]) Конечно тотъ, кто доставитъ бѣжавшаго раба съ покражею.
[3]) Das ält. R. d. R. S. 171.
[4]) Эверсъ, тамъ же.
[5]) Несторъ, слич. Шлёц. ч. III, стр. 151; у Платонова, перев. др. Р. Пр., стр. 198.

ческимъ кораблямъ, не обязываясь притомъ никакою отвѣтственностью въ случаѣ, если бы что-нибудь изъ груза ихъ пропало; напротивъ, въ статьѣ договора Игоря не упоминается уже о помощи греческимъ ладьямъ со стороны Руссовъ, Греки требуютъ только, чтобы Руссы не дѣлали обиды выброшенной на берегъ ладьѣ, а въ случаѣ, если бы кто-нибудь, пользуясь бѣдственнымъ ея положеніемъ, взялъ что-либо изъ груза ея или убилъ человѣка, на ней находящагося, долженъ былъ подвергнуться наказанію, по закону русскому и греческому. Отсюда можно вывести заключеніе, что постановленная въ Олеговомъ договорѣ статья не была достаточнымъ обезпеченіемъ для кораблей, потерпѣвшихъ крушеніе, и что, при заключеніи дополнительныхъ условій съ Игоремъ, Греки считали необходимымъ подкрѣпить ее, установляя, по взаимному соглашенію съ Руссами, наказаніе для хищниковъ и разбойниковъ. Замѣтимъ наконецъ, что, хотя и въ этой статьѣ говорится объ однихъ только греческихъ ладьяхъ, вѣроятно однако, что она имѣла взаимно обязательную силу для обоихъ договаривающихся народовъ; только Греки, можетъ быть, чаще нежели Руссы имѣли случай ссылаться на ея содержаніе и согласно съ нимъ требовать себѣ удовлетворенія.

Таковы были мѣры огражденія имущественныхъ отношеній частныхъ лицъ по смыслу договоровъ Олега и Игоря съ Греками.

Обращаемся теперь къ изслѣдованію этихъ мѣръ по началамъ обширнѣйшаго и важнѣйшаго памятника древняго русскаго законодательства, — по началамъ Русской Правды.

Мы имѣли случай замѣтить, занимаясь разсматриваніемъ содержанія договоровъ Олега и Игоря, во сколько это было необходимо для уясненія премета настоящаго изслѣдованія, что въ нихъ рѣчь идетъ исключительно объ огражденіи одного только вида имуществъ, именно движимыхъ. Причина этому весьма легко открывается. Въ условіяхъ, заключенныхъ двумя народами, для взаимнаго обезпеченія правъ частныхъ лицъ, къ каждому изъ этихъ народовъ принадлежащихъ, не могло быть даже говорено объ имуществахъ недвижимыхъ, которыя были, можно сказать, недоступны для предполагаемыхъ нарушителей права собственности и имущественныхъ отношеній вообще. И дѣйствительно, трудно представить себѣ, чтобы Руссъ, пребывая временно въ Греціи, или Грекъ въ Россіи, могъ имѣть случай или даже подумалъ завладѣть чужою недвижимою собственностію, напримѣръ землею или домомъ; и потому участвовавшіе въ договорахъ, считая недвижимое имущество внѣ всякой опасности, не позаботились объ установленіи какихъ-нибудь правилъ для его огражденія. За то съ о-

собеннымъ вниманіемъ, какъ мы это видѣли, старались они обезпечить имущество движимое, не только отъ злонамѣренныхъ дѣйствій лицъ постороннихъ, но даже отъ гибельнаго на него вліянія несчастныхъ случаевъ, потому-что дѣйствительно этотъ видъ имущества, по своей природѣ, гораздо болѣе представляетъ возможности къ неправильному имъ завладѣнію и даже къ истребленію его. Что касается до Русской Правды, то, хотя въ нѣкоторыхъ ея статьяхъ ясно указывается на разные предметы недвижимой собственности и даже на поземельное право [1]), замѣтимъ однако, что указанія были уже, по всей вѣроятности, плодомъ законодательной дѣятельности продолжателей Ярославова Суда; между тѣмъ Правда, въ первоначальномъ ея видѣ [2]), заключаетъ лишь только правила огражденія имущества движимаго. Впрочемъ и въ позднѣйшей ея редакціи весьма только немногочисленныя постановленія имѣютъ въ виду обезпеченіе нѣкоторыхъ предметовъ недвижимой собственности; напротивъ здѣсь также обращено преимущественно вниманіе на имущества движимыя, конечно по указанной побудительной причинѣ: потому-что они болѣе нуждались въ мѣрахъ огражденія. Однакожь изъ тѣхъ немногихъ статей, которыя находимъ мы въ Русской Правдѣ касательно огражденія недвижимыхъ имуществъ, легко убѣдиться, что эти имущества, въ умѣ законодателей и въ народномъ сознаніи, имѣли бо̀льшую важность и цѣнность, нежели имущества движимыя, хотя нѣкоторые предметы изъ разряда послѣднихъ, по особенному на нихъ воззрѣнію людей того времени, были также очень высоко цѣнимы, подобно тому какъ и у другихъ Славянъ [3]).

Начнемъ съ постановленій, имѣющихъ въ виду обезпеченіе недвижимыхъ имуществъ.

Самымъ важнымъ предметомъ въ ряду этихъ имуществъ вездѣ и въ каждое время считалась земля, какъ прочнѣйшая опора существованія человѣка. Такъ конечно было и въ древней Россіи, которая въ то время болѣе еще нежели послѣ жила произведеніями своей земли, хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, ловлею звѣрей и т. п. Принимая это въ соображеніе, надобно было бы думать, что въ древнѣйшемъ памятникѣ русскаго законодательства постановлены весьма точныя и строгія мѣры для огражденія поземельной собственности отъ всякаго рода противозаконныхъ дѣй-

[1]) Калачова, изслѣд. о Р. Пр. Москва, 1846. 4°, стр. 181.
[2]) Сравн. Ewers das ält. R. d. R. 264 — 270.
[3]) Maciejowski Historya Prawodawstw Słowiańskich, Warszawa. 1832. т. 2. стр. 8 — 11.

ствій. Однако, разсматривая внимательно содержаніе Правды, мы почти убѣждаемся въ противномъ. Важнѣйшій видъ противозаконныхъ дѣйствій, направленныхъ на земскую собственность, есть конечно насильственное завладѣніе ею, произведенное лицомъ посторонннимъ, не имѣющимъ на нее права. Русская Правда, ни въ первоначальномъ своемъ видѣ, ни въ позднѣйшихъ ея дополненіяхъ, не представляетъ намъ постановленія, которое бы направлено было непосредственно на отраженіе этого противозаконнаго дѣйствія. Какое же мы можемъ вывести отсюда заключеніе, ежели не то, что въ сознаніи народномъ слишкомъ укоренено было понятіе неприкосновенности участка земли, составляющаго отдѣльную собственность извѣстнаго лица, семейства или даже рода, и что по этому насильственное имъ завладѣніе считалось дѣломъ невозможнымъ. Невозможность эта могла усиливаться конечно, въ древнѣйшее по крайней мѣрѣ время, въ такомъ случаѣ, если земля составляла предметъ общаго владѣнія цѣлаго рода и защищаема была, въ случаѣ надобности, не однимъ лицемъ, а болѣе или менѣе значительною совокупностію лицъ [1]). Ежели однако въ разсматриваемую нами эпоху дѣйствительно насильственное завладѣніе чужою землею никогда еще, какъ видно, не случалось, то, съ другой стороны, нѣкоторыя изъ статей Правды, дополненной уже сыновьями Ярослава и позднѣйшими законодателями, заставляютъ думать, что сознаваема была возможность такого завладѣнія въ послѣдствіи времени, а желаніе ее устранить вызвало постановленія, опредѣлявшія строгія мѣры взысканія за истребленіе или порчу межевыхъ знаковъ, отдѣлявшихъ одинъ участокъ земли отъ другого. Сюда относятся слѣдующія статьи Русской Правды, по изданію Калачова [2]).

Ст. CV.

а. *«А иже межу переоретъ, любо перетесъ, то за обиду 12 «гривенъ».*

Полнѣйшая редакція этой статьи, по большинству списковъ, есть слѣдующая:

б. «Аже межу перетнетъ бортьную, или ролейную межу розореть, или дворную межу тыномъ перегородить, то 12 гривнѣ «продаже».

---

[1]) Ewers, d. ält. R. d. R. S. 260 — 264. Рейцъ, переводъ Морошкина, стр. 4 и 10, примѣчаніе 9.

[2]) Изсл. о Рус. Пр., отд. III. Систематическое изложеніе и изданіе полнаго въ юридическомъ отношеніи текста Рус. Правды (на основаніи 50 списковъ).

Ст. CIV.

«Аще кто разнаменаетъ бърть, то 12 гривнъ продажи, а за «дерево полгривны».

Ст. CVI.

«Оже кто дубъ перетнеть знаменный или межный, то 12 гривнъ продажe».

Изъ этихъ статей открывается, что употребительнѣйшими межевыми гранями были для пахатныхъ и, вѣроятно, всѣхъ безлѣсныхъ полей, земляныя насыпи или другіе земляные знаки; для лѣсовъ вообще и въ особенности бортныхъ угодій—деревья, на корню стоящія, преимущественно дубъ и сосна, какъ самыя прочныя; наконецъ усадьбы или *дворы* разграничивались изгородами, плетнями или тынами [1]). Далѣе видимъ, что порча межевыхъ знаковъ (разнаменаніе борти), равно какъ и совершенное ихъ истребленіе, подвергала виновнаго одинаковому взысканію, именно уплатѣ 12 гривенъ пени. Кромѣ того, надобно, быть можетъ, было заплатить хозяину цѣну испорченнаго или срубленнаго дерева. На это указываетъ въ статьѣ о разнаменаніи борти выраженіе: «*а за дерево полгривны»;* замѣтимъ однако, что слова эти находятся въ одномъ только спискѣ Правды, именно Бальзеровомъ, принадлежащемъ Археографической Коммиссіи. Сравнивая постановленное въ этихъ статьяхъ взысканіе съ пенями по другимъ видамъ преступленій, видимъ, что оно нерѣдко равняется и даже превышаетъ наказанія, установленныя за убійство нѣкоторыхъ лицъ [2]), также за увѣчье [3]), самовольное истязаніе [4]), нанесеніе ранъ и побоевъ. [5]). Отсюда со всею вѣроятностію заключить можно, что порча и истребленіе межевыхъ знаковъ считались на-ряду съ важнѣйшими и опаснѣйшими противозаконными дѣйствіями и что законодательная власть имѣла въ виду предохранить отъ нихъ общество, установляя за нихъ высокія пени. Подтвержденіемъ моему предположенію можетъ служить то, что, по смыслу одной статьи, имѣющей впрочемъ различныя чтенія, искъ о разломанной борти и посѣченной межѣ производится даже и тогда, когда виновный положительно неизвѣстенъ: округа

---

[1]) Тынъ и въ настоящее время на малороссійскомъ нарѣчіи значитъ *плетень* или *заборъ*.

[2]) Ср. ст, LXXX — LXXXIV. Изд. Калачова.

[3]) Ср. ст. XCIII, CXXXIV и CXXXV, тамъ же.

[4]) Ср. ст. XCV и XCVI, тамъ же.

[5]) Ср. ст. XCVII — XCIX, тамъ же.

(вервь), въ которой случилось это преступленіе, обязана была отыскать виновнаго (татя) или заплатить 12 гривенъ продажи [1]).

Хотя изъ приведенныхъ нѣсколько выше статей нельзя заключить совершенно положительно, что въ нихъ рѣчь идетъ о злоумышленной порчѣ и истребленіи межевыхъ знаковъ, напротивъ, скорѣе можно было бы думать, что здѣсь обращено было вниманіе не на умыселъ, а на самый фактъ; однакожь съ большою вѣроятностію предположить можно, что дѣйствительно только злоумышленное истребленіе и порча межей подвергались опредѣленному взысканію, упущеніе же указанія на этотъ предметъ въ самомъ законѣ надобно конечно отнести на счетъ весьма понятной и извинительной неопытности въ дѣлѣ редакціи законовъ. Что первоначальная редакція законовъ всегда бываетъ весьма несовершенна и представляетъ потомъ обширное поприще для различнаго ихъ толкованія, доказательствъ тому и примѣровъ можно было бы привести очень много, но ближе всего возьмемъ двѣ различныя редакціи одной изъ приведенныхъ статей, именно CV. Въ первой изъ нихъ, кратчайшей, говорится о перепаханіи или изрубленіи межи вообще; во второй, обширнѣйшей, ясно уже различается межа *ролейная* отъ *бортной* и *дворной*. Очевидно, что такая опредѣленность могла быть только произведеніемъ опыта, доказавшаго недостаточность первоначальной редакціи этой статьи.

Въ заключеніе скажу, что Раковецкій [2]) находитъ весьма вѣроятнымъ, что постановленія Русской Правды о межахъ имѣли вліяніе на образованіе понятій о томъ же предметѣ въ Литвѣ, доказательствомъ чему могутъ служить нѣкоторыя статьи Литовскаго Статута, даже позднѣйшей его редакціи, 1588 года, на польскомъ языкѣ [3]). Еще болѣе сходства замѣчаетъ тотъ же ученый между постановленіями нашего памятника о межевыхъ знакахъ и такимъ же постановленіемъ въ законахъ чешскаго короля Владислава: Ktoz bykoli wiek komu mežniky wymetal, a nebo podsekał, neb ge ginam přesadil, bez wule a wedomite skymž ty mežniky spotu ma, tehdy ten tomu (neb tiem) propadmi dwadceti hrywen [4]). Изъ сего послѣдняго сближенія можно вывести предположеніе, довольно впрочемъ натуральное, что понятія различныхъ славянскихъ народовъ о неприкосновенности межевыхъ знаковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по-

---

[1]) Ср. въ изд. Калачева, ст. CXXIX *«о бобрѣ и о разломанной борти»* (по 33 и 34 сп.).

[2]) Rakowiecki, Pr. R. т. II, стр. 91, прим. (6).

[3]) Именно Rozdział IX, art. 18, §§ 1 и 2; у Раковецкаго тамъ же.

[4]) У Раковецк. т. II, стр. 91, прим.

земельной собственности вообще, могли быть весьма сходны между собою.

Поищемъ теперь въ изучаемомъ нами памятникѣ установленій, направленныхъ противу неправильнаго пользованія чужою землею или ея произведеніями.

Такъ-какъ вѣроятно весьма трудно и едва-ли возможно было въ древнѣйшее время пользованіе противозаконное, хотя бы даже и самое непродолжительное, чужою землею, со всѣми ея принадлежностями, то по-этому въ Правдѣ не находимъ ни одного правила, которое бы имѣло въ виду опредѣленіе наказаній или пени за такое противозаконное дѣйствіе. Напротивъ весьма нерѣдко могло случаться, что тотъ или другой, не имѣя въ своемъ участкѣ земли тѣхъ угодій или произведеній, которыя ему были необходимы, рѣшался воспользоваться ими воровски на чужой землѣ. И дѣйствительно, на этотъ видъ противозаконныхъ дѣйствій указываютъ, по моему мнѣнію, во-первыхъ приведенная уже статья Правды *о бобрѣ и разломанной борти*, которая въ большой части списковъ, принятыхъ Калачовымъ въ основаніе его изданія, представляетъ слѣдующее чтеніе.

Ст. CXXIX.

«Аже будетъ разсѣчена земля или на земли знаменіе есть имъ «же ловлено, или сѣть то по вьрви искати въ собѣ татя, а любо «платити продажю» (12 гривенъ?).

Во-вторыхъ статья XLV, имѣющая три различныя чтенія, изъ коихъ я приведу здѣсь одно только полнѣйшее, соединяющее въ себѣ всѣ признаки другихъ.

Ст. XLV.

«А въ сѣнѣ и въ дровѣхъ 9 кунъ, а господину, колико будетъ «возъ украдено, то имати ему по 2 ногатѣ за возъ».

Въ первой изъ этихъ статей рѣчь, кажется, идетъ объ охотѣ или ловлѣ въ чужихъ дачахъ, быть можетъ, именно о ловлѣ бобровъ, какъ это можно предположить изъ словъ варіанта этой же статьи, надписываемаго *«о бобрѣ и о разломанной борти»* [1]). Смыслъ постановленія, въ этой статьѣ находящагося, есть, по моему убѣжденію, слѣдующій: ежели земля будетъ изрыта, или же на ней найдены будутъ другіе признаки ловли [2]) или самая сѣть, то, хотя бы виновный въ этомъ не былъ извѣстенъ, вервь или округа должна

[1]) Срав. изд. Калачова на стр. 95, также чтеніе этой статьи у Раковецкаго, Prawda Russka, т. II. стр. 88, ст. 45.

[2]) Быть можетъ, именно вырытіе ямъ было однимъ изъ способовъ, употребляемыхъ для ловли дикихъ звѣрей, какъ и теперь.

принять на себя трудъ отыскать татя, въ противномъ же случаѣ она обязана заплатить опредѣленную пеню (12 гривенъ).

Отсюда представляется возможность вывести нѣкоторыя общія заключенія. Такъ-какъ пеня, опредѣляемая за производство ловли въ чужихъ земляхъ, равна той, которую, какъ мы уже видѣли, установляетъ Правда за порчу и истребленіе межевыхъ знаковъ, такъ-такъ она вообще есть одна изъ высшихъ пеней, нашимъ памятникомъ опредѣляемыхъ, то это можетъ служить доказательствомъ, что этотъ видъ неправильнаго пользованія произведеніями чужой земли почитаемъ былъ однимъ изъ самыхъ важныхъ противозаконныхъ дѣйствій, какія могли быть направлены противу чужой собственности вообще. Далѣе, изъ словъ: *«то по вьрви искати въ собѣ татя»*, надобно заключить, что ловля въ чужихъ дачахъ считалась *татьбою* или воровствомъ. Впрочемъ, въ понятіяхъ людей разсматриваемаго времени не могли еще развиться тѣ тонкія различія, какія обыкновенно устанавливаются законодательствами позднѣйшаго, болѣе образованнаго времени, между разными видами неправильнаго пользованія и завладѣнія чужою собственностію. Напротивъ, каждое неправильное дѣйствіе по отношенію къ чужому имуществу считается теперь безразлично злодѣяніемъ, воровствомъ, а виновный въ томъ—*татемъ* или *воромъ*[1]). Подтвержденіе этому находимъ въ множествѣ статей Правды, между прочимъ и во второй изъ приведенныхъ мною статей, именно въ ст. *«о сѣнѣ и о дровѣхъ»*. Въ ней рѣчь идетъ также о неправильномъ пользованіи угодьями чужой земли, именно сѣномъ въ чужихъ лугахъ, дровами въ чужомъ лѣсу; но и то, и другое считалось также, какъ видно изъ словъ: *«колико будеть возъ украдено»*, воровствомъ. Нельзя однако не замѣтить, что неправильное пользованіе упомянутыми произведеніями чужой земли считалось, какъ видно, гораздо меньшимъ преступленіемъ, нежели охота въ чужихъ угодьяхъ, а потому и постановленная на этотъ случай пеня гораздо ниже: виновный въ пользованіи чужимъ лѣсомъ или сѣнокосомъ обязанъ заплатить только 9 кунъ пени и кромѣ того за каждый возъ дровъ и сѣна по 2 ногаты[2]). Это различіе въ пеняхъ не должно удивлять, въ особенности, если мы примемъ въ соображеніе, что охота въ чужихъ дачахъ могла дѣйствительно лишать хозяина земли значительныхъ выгодъ, которыхъ онъ могъ ожидать отъ ловли раз-

---

[1]) Ср. Ewers d. ält. R. d. R. S. 278 и 297.

[2]) О цѣнности и взаимномъ отношеніи гривны, куны, вѣкши, ногаты, рѣзани и другихъ древнихъ денегъ сравн. Rakowiecki Prawda Russka, т. I, стр. 166 — 198.

ныхъ пушныхъ звѣрей и въ особенности бобровъ [1]), между тѣмъ какъ сѣна и дровъ, при обширности луговъ въ тогдашнее время, было болѣе нежели вдоволь, а потому владѣлецъ не терпѣлъ большого убытка, ежели кто изъ его сосѣдей покосилъ въ лугахъ его возъ травы или вывезъ изъ лѣса возъ дровъ. Вѣроятно, что и искъ о покражѣ сѣна и дровъ не принадлежалъ къ разряду такихъ, въ которыхъ при неизвѣстности виновнаго округа обязана была отыскивать его или платить пеню; по крайней мѣрѣ изъ словъ сюда относящейся статьи нельзя вывести другого заключенія.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ уже статей, я не нахожу въ Русской Правдѣ другихъ, которыя бы указывали еще на мѣры ограждения поземельной собственности отъ неправильнаго ею завладѣнія или пользованія. Что же касается до другихъ предметовъ недвижимаго имущества, то о двухъ только изъ нихъ, конечно важнѣйшихъ и какъ-бы обнимающихъ собою всѣ другіе, находится точное постановленіе въ слѣдующей статьѣ:

Ст. LXXIII.

«Аже кто зажьжетъ гумно, то на потокъ и на разграбежь «домъ его, а переди пагубу исплатити, а въ прочи князю поточити «и. Такожде еже кто и дворъ зажьжетъ».

Статья эта имѣетъ еще и другія два чтенія [2]), которыя впрочемъ не представляютъ значительнаго различія отъ приведеннаго мною текста. Во всякомъ случаѣ смыслъ ея выходитъ тотъ, что кто зажжетъ гумно или дворъ, тотъ со всѣмъ своимъ имуществомъ (домомъ) выдается князю *на потокъ и разграбленіе*, но прежде изъ имущества его уплачивается потеря (пагуба) или причиненный убытокъ. Нѣкоторые, какъ Эверсъ и Рейцъ [3]), подъ словомъ *потокъ* понимаютъ заточеніе или изгнаніе; другіе, какъ Раковецкій [4]), думаютъ, что оно значитъ отдачу въ рабство, третіе наконецъ, какъ переводчикъ Эверса [5]), думаютъ, что слово *потокъ* означаетъ выдачу виновнаго головою князю. Хотя по-видимому Платоновъ удаляется отъ подлинника, переводя такимъ образомъ слово *потокъ*, однакожь мнѣ кажется, что догадка его есть самая правдоподобная,

---

[1]) Извѣстно притомъ, что звѣриная и рыбная ловля составляли въ то время одну изъ важнѣйшихъ отраслей народной промышленности въ Россіи.

[2]) См. въ изд. Калачова, на стр. 108.

[3]) Ewers d. ält. R. d. R. S. 332 ff; Рейцъ, перев. Морошкина, стр. 182 и въ др. м.

[4]) Prawda Russka, т. 2. стр. 59 ст. 17 и др.

[5]) Древн. право Р., перев. Платонова, стр. 409 и въ др. м.

по крайней мѣрѣ толкованіе его есть самое обширное и обнимаетъ собою всѣ другія, потому-что князь могъ поступить по своему усмотрѣнію съ человѣкомъ, выданнымъ ему головою: онъ могъ его заточить, сослать въ изгнаніе, лишить свободы какимъ-бы то ни было образомъ, можетъ быть, даже и жизни Что касается до слова *грабежъ* или *разграбежъ*, то всѣ понимаютъ его одинаково: оно значитъ конфискацію имущества преступника.

Такимъ образомъ, виновный въ зажигательствѣ и самъ лишался политическаго существованія, и имущество его, остававшееся за удовлетвореніемъ причиненнаго убытка, подвергалось конфискаціи: это самое высокое наказаніе, какое мы встрѣчаемъ въ Правдѣ; кромѣ означеннаго случая, оно опредѣлялось еще за злонамѣренное убійство и кражу нѣкоторыхъ болѣе цѣнныхъ предметовъ [1]), о чемъ будемъ имѣть случай говорить нѣсколько ниже. Отсюда явствуетъ, что истребленіе (конечно злонамѣренное) чужого жилища или гумна огнемъ считалось самымъ важнымъ преступленіемъ, доказывающимъ присутствіе злѣйшаго ожесточенія въ преступникѣ, который дѣйствіемъ своимъ могъ лишить заразъ цѣлое семейство и крова и способовъ къ пропитанію, въ особенности если бы дѣйствіе это осталось неоткрытымъ. Не стану утверждать, что въ приведенной статьѣ рѣчь идетъ о злоумышленномъ зажигательствѣ, думаю однако, что случайное причиненіе пожара не могло бы влечь за собою столь страгаго наказанія; по крайней мѣрѣ это было бы очевидно несправедливо. Можно впрочемъ предполагать съ большою вѣроятностію, что тотъ, кто случайно даже причинялъ пожаръ, долженъ былъ отвѣчать за происшедшій отъ сего убытокъ всѣмъ своимъ имуществомъ, но притомъ ни самъ онъ не лишался гражданской свободы, ни имущество его, остававшееся за удовлетвореніемъ убытка, не подвергалось конфискаціи.

Во всякомъ случаѣ, судя по нѣкоторымъ признакамъ, надобно думать, что прежде нежели виновный могъ быть подвергнутъ опредѣленному наказанію, требовалось доказать ему, посредствомъ иска, что онъ дѣйствительно виновенъ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ Правды, непосредственно послѣ статьи *о гумнѣ*, безъ особеннаго даже заглавія и отдѣленія, слѣдуетъ постановленіе о злостномъ зарѣзаніи коня или скотины, а вслѣдъ за тѣмъ опять правила о производствѣ исковъ по этого рода дѣламъ [2]), а можетъ быть, и

---

[1]) Сравн. ст. LXXI, изд. Калачова.

[2]) Ср. изданіе текста Правды XIII ст. въ сочиненіи Эверса, переводъ Платонова, стр. 408 и 409, также у Раковецкаго Pr. R. т. II. стр. 97 — 100.

по другимъ о поврежденіи и истребленіи чужой собственности. Текстъ статей, опредѣляющихъ порядокъ производства извѣстныхъ исковъ, по изданію Калачова, слѣдующій.

Ст. CXIX.

«*А тыяже тяже всѣ судять съ послухы съ свободными; будеть ли послухъ холопъ, то холопу на правду не вылазити; но «оже хочеть исьтчь, или*[1]) *иметь и, а река тако:* по сею (т. е. «холопа) *рѣчи емлю тя, но азъ емлю тя, а не холопъ. И емлеть и на «железо. Аже обвинить и, то и емьлеть на немь свое; не обвинить «ли его, то заплатити ему гривну за муку, зане по холопьи рѣчи «ялъ и*»

Ст. CXLI.

«*А железнаго платити 40 кунъ, а мечнику 5 кунъ, а полгривне дѣтьскому. То ти железныи урокъ, кто си въ чемъ поемлеть. А оже иметь на железо, по свободныхъ людіи рѣчи, любо «ли* запананъ *будеть*[2]), *любо прохоженіе ночное, или кымъ любо*

[1]) Въ 44 сп. вмѣсто *или* поставлено *и*: это понятнѣе.

[2]) Такъ читается въ 9, 11, 14, 15, 22, 23, 29 и 32 спискахъ, и это, по моему мнѣнію, самое правильное чтеніе. Извѣстно, сколь различнымъ толкованіямъ подвергалось до настоящаго времени выраженіе «*любо ли запананъ* (или *запа нанъ*, или *запананъ*) *будетъ*». Не входя въ критическій разборъ мнѣній, высказанныхъ о семъ различными писателями, предлагаю здѣсь свою догадку на усмотрѣніе читателей. Нѣтъ сомнѣнія, что Правда, именно въ позднѣйшихъ къ ней прибавленіяхъ, заключаетъ въ себѣ очень много словъ и выраженій, которыя могутъ быть объяснены не иначе какъ изъ языка южно-русскаго или малороссійскаго. Самыя даже грамматическія формы языка Русской Правды (если только о нихъ можно сказать что нибудь положительное) напоминаютъ нерѣдко формы малороссійскаго нарѣчія; напр. *укравъ* вмѣсто *укралъ*, *убивъ* вмѣсто *убилъ* и т. п. Къ числу тѣхъ выраженій, которыхъ значеніе открывается изъ малороссійской рѣчи, я отношу также и «*любо ли запананъ будетъ*». Мнѣ кажется именно, что слово *запананъ* происходитъ отъ малороссійскаго *запыныть*, что̀ значитъ *остановить*, *задержать*, какъ-бы *запнуть*. Ежели допустимъ такое происхожденіе слова *запананъ*, то выраженіе: «*любо ли запананъ будетъ*», получитъ такой смыслъ: или же если онъ (т. е. обвиняемый и подвергаемый испытанію посредствомъ желѣза) былъ остановленъ (или задержанъ) кѣмъ-либо (подразумѣвается, на самомъ томъ мѣстѣ или вблизи того мѣста, гдѣ совершилось преступленіе, въ кото-

«образомъ, аже не объяжеться, то про то муки не платити ему, «нъ одно жельзное, кто и будеть ялъ».

Смыслъ обѣихъ этихъ статей тотъ, что, въ извѣстныхъ по крайней мѣрѣ искахъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и искъ о сожженіи гумна или двора, истецъ долженъ основывать обвиненіе свое на показаніяхъ людей свободнаго состоянія и только за недостаткомъ свободныхъ свидѣтелей можетъ, ежели пожелаетъ, основать свое обвиненіе на свидѣтельствѣ человѣка несвободнаго — холопа. Впрочемъ, въ послѣднемъ случаѣ онъ рискуетъ иногда самъ подвергнуться нѣкоторой отвѣтственности. Отъ обвиняемаго, конечно въ томъ случаѣ, когда бы онъ запирался въ совершеніи приписываемаго ему противозаконнаго дѣйствія, требовалось, чтобы онъ очистилъ себя испытаніемъ желѣзомъ. Ежели при этомъ онъ обжигался, то, былъ ли онъ вызванъ на это испытаніе вслѣдствіе показанія людей свободныхъ или даже по свидѣтельству холопа, былъ окончательно обвиняемъ и долженъ былъ заплатить убытки истцу и пеню въ пользу князя. Если же, напротивъ, обвиняемый при испытаніи желѣзомъ не обжегся, то дѣло принимало различный оборотъ, смотря потому, былъ ли онъ вызванъ на это испытаніе по свидѣтельству свободныхъ людей, или по показанію холопа. Въ первомъ случаѣ, истецъ, независимо отъ потери иска, долженъ былъ еще заплатить такъ называемое *желѣзное*, т. е. установленную за испытаніе желѣзомъ въ пользу князя пошлину, именно 40 кунъ; во второмъ же случаѣ, т. е. когда истецъ вызывалъ отвѣтчика на испытаніе желѣзомъ по показанію холопа, онъ обязанъ былъ кромѣ того заплатить еще гривну невинно потерпѣвшему муку. И такъ видно, что нѣкоторые по крайней мѣрѣ иски, между прочими и о зажигательствѣ, производимы были съ извѣстною торжественностію, и для окончательнаго обвиненія подозрѣ-

---

ромъ хотятъ уличить его). Догадку эту подтверждаетъ отчасти и слѣдующее за симъ выраженіе: *«любо прохоженіе ночьное»*, которое я перевожу такъ: или же если его (т. е. обвиняемаго) видѣли проходящимъ ночью (опять надобно подразумѣвать мѣсто совершенія преступленія) И такъ на испытаніе желѣзомъ можно было вызвать, или основываясь на свидѣтельствѣ свободныхъ людей, или на томъ, что обвиняемый задержанъ былъ на мѣстѣ преступленія, или же что его видѣли проходящимъ ночью вблизи того мѣста, или наконецъ и по другимъ обстоятельствамъ, могущимъ подать поводъ къ подозрѣнію.

[illegible] въ совершеніи преступленія требовались полнѣйшія, по [illegible] того времени, противу него доказательства. Думаю даже, [illegible] послѣдней изъ приведенныхъ статей: *«оже иметь на [illegible] по свободныхъ людiи рѣчи, любо ли запаланъ будеть, любо [illegible] ночное»* и проч., указываютъ преимущественно на производство дѣла о зажигательствѣ.

Замѣчу еще, что законъ предписываетъ истцу, вызывающему отвѣтчика на испытаніе желѣзомъ по показанію холопа, произносить слова: *«по сего* (холопа) *рѣчи емлю тя, но азъ емлю тя, а не холопъ»*. Слова эти имѣютъ видъ юридической формулы, (solemnia verba) и, можетъ быть, дѣйствительно формулу эту обязанъ былъ произносить истецъ съ требуемою въ такихъ случаяхъ торжественностію. Можно даже предположить, что подобныя торжественныя изрѣченія опредѣлены были, ежели не закономъ, то по крайней мѣрѣ обычаемъ, и для другихъ судебныхъ случаевъ и для разныхъ юридическихъ сдѣлокъ. Прописанныя сейчасъ слова ведутъ наконецъ къ заключенію, что холопъ, какъ человѣкъ несвободный, принадлежавшій вполнѣ своему господину, не могъ быть никогда истцемъ, тѣмъ болѣе, что если бы искъ его оказался несправедливымъ, то не было бы возможности взыскать съ него что-нибудь, какъ съ человѣка, не имѣвшаго собственности. Свободный же человѣкъ, основывая требованія свои на показаніи холопа и произнося: *«азъ емлю тя, а не холопъ»*, показывалъ тѣмъ самымъ, что онъ готовъ, въ случаѣ потери иска, отвѣчать и казнѣ, и несправедливо обвиняемому отвѣтчику.

Разсмотрѣнными до сего времени статьями ограничивается кругъ постановленій Русской Правды, имѣющихъ въ виду огражденіе недвижимаго имущества частныхъ лицъ.

Обращаюсь теперь къ изслѣдованію постановленій, направленныхъ на охраненіе движимаго имущества. Статьи, сюда относящіяся, довольно многочисленны, и я постараюсь расположить ихъ въ нѣкоторомъ систематическомъ порядкѣ, смотря по различію предметовъ, до которыхъ онѣ касаются.

Прежде всего слѣдуетъ, какъ я думаю, обратить вниманіе на статьи, опредѣляющія мѣры огражденія противу похищенія разныхъ предметовъ движимаго имущества, или постановленія о воровствѣ. Нѣкоторыя изъ статей, относящихся къ этому предмету, имѣютъ видъ общихъ, такъ сказать, правилъ, другія, напротивъ, указываютъ на особенные случаи, въ которыхъ эти общія правила могутъ быть вполнѣ или отчасти примѣнены.

Къ числу общихъ постановленій о воровствѣ относятся, по изданію Калачова, слѣдующія статьи:

LXXXV.

«Аже убіють огнищанина у клѣти, или у коня, или у говядь, «или у коровь татьбы, то убити въ пса мѣсто; а тоже покон «и тивуницу».

Ст. LXXXVI.

«А оже убьють кого у клѣти, или у которои татьбы, то «убьють и въ пса мѣсто. Оже ли и додьржать до свѣта, то вести «и на княжь дворъ; оже ли убіють и, а уже будуть видѣли людіе «и связана, то платити въ томъ 12 гривне» [1]).

Ст. LXXXVII.

«Оже убіенъ тать, а подымуть нози во дверѣ [2]), *ино убитъ; «если подымуть нози за вороты, толи платити въ немъ».*

Всѣ три статьи заключаютъ, какъ видимъ, одну основную мысль: что хозяинъ вещи можетъ застигнутаго на мѣстѣ преступленія вора убить *въ пса мѣсто*, или, какъ говорится еще и теперь въ просторѣчіи, какъ собаку (ни за собаку), т. е. безнаказанно, не подвергаясь за то никакой отвѣтственности.

Но притомъ каждая изъ этихъ статей служитъ какъ-бы дополненіемъ и поясненіемъ другихъ. Можно даже предполагать, что онѣ суть не иное что, какъ различныя, въ разное время появившіяся редакціи одного и того же закона. Между тѣмъ какъ первая изъ нихъ, быть можетъ, древнѣйшая, позволяетъ просто убить вора безнаказанно, во второй постановляется уже ограниченіе, состоящее въ томъ, что ежели вора успѣли поймать живого и додержали до свѣта, то не позволялось уже убивать его, подъ опасеніемъ уплаты пени въ 12 гривенъ (?) Третья, наконецъ, изъ приведенныхъ статей [3]) указываетъ какъ-бы на возникшее сомнѣніе о томъ, былъ ли дѣйствительно воръ убитъ на мѣстѣ преступленія (гдѣ его позволялось убить), или же внѣ этого мѣста, внѣ двора. Сомнѣніе разрѣшалось отыскиваніемъ слѣдовъ ногъ убитаго внутри двора и за воротами его. Какъ бы то ни было, видно по крайней мѣрѣ, что мысль о безнаказанномъ убіеніи вора, застигнутаго на мѣстѣ преступленія, была, такъ сказать, задуше-

---

[1]) Статья эта имѣетъ еще другое чтеніе, по 1 списку, и это чтеніе тѣмъ въ особенности отличается отъ приведеннаго, что въ концѣ статьи, вмѣсто *«платити въ томъ 12 гривне»* сказано просто: *«платити въ немъ»*. Кромѣ того вмѣсто *«то «убьють въ пса мѣсто»* читаемъ, *«то тои убитъ»*.

[2]) Эверсъ думаетъ, что надобно читать: *во дворѣ*.

[3]) Она находится въ одномъ только спискѣ, именно 4. См. изд. Калачова, стр. 113, примѣч.

мою мыслію, глубоко укоренившеюся въ сознаніи народномъ и въ умѣ законодателей. Мы видѣли уже прежде, что она нашла для себя выраженіе въ договорѣ Олега съ Греками, видимъ ее здѣсь, и наконецъ эта же мысль проявляется, быть можетъ, и въ одной изъ статей договора, заключеннаго Смоленскимъ княземъ Мстиславомъ Давидовичемъ съ Ригою и Готландіею. Статья 24 этого договора, по изданію Раковецкаго [1]), гласитъ слѣдующее:

«Который Роусинъ или Латынескый имьть татя, надъ тьмь «іему своя вьля, камь іего хочеть, тамъ держеть». Изъ словъ: *«надъ тьмь* (т. е. надъ пойманнымъ воромъ) *іему своя вьля»*, можно было бы сдѣлать предположеніе, что хозяинъ, поймавшій вора, могъ даже и убить его; послѣднія однако слова: *«камь іего «хочеть, тамъ держеть»*, заставляютъ думать, что при постановленіи этой статьи имѣли въ виду именно тотъ случай, когда воръ, не представляя сопротивленія, взятъ былъ живымъ. Тогда хозяину предоставлено было право поступать съ нимъ какъ ему было угодно и держать его въ заключеніи (вѣроятно до окончательной съ нимъ раздѣлки) гдѣ самъ пожелаетъ. Ежели это такъ, то какъ Русская Правда велитъ пойманнаго вора вести на *княжь дворъ*, гдѣ онъ конечно былъ судимъ и наказуемъ независимо отъ произвола поймавшаго его хозяина, договоръ Мстислава Давидовича обращается какъ бы вспять, къ началамъ, которыя мы уже видѣли въ Олеговомъ договорѣ, и, подобно ему, участь пойманнаго вора предоставляетъ произволу обиженнаго, частнаго лица. Независимо отъ сего воръ, который оказывалъ какое-нибудь сопротивленіе и котораго хозяинъ, въ первомъ порывѣ гнѣва, убивалъ, считался вѣроятно, по смыслу договора съ Ригою и Готландіею, точно также какъ и по смыслу Правды, убитымъ *въ пса мъсто.* Карамзинъ [2]) и нѣкоторые другіе писатели, желающіе, можетъ быть, очистить законодательство славяно-русское отъ упрека въ жестокости, столь несообразной, по ихъ мнѣнію, съ приписываемою древнимъ Славянамъ мягкостію характера, старались доказать посредствомъ разнаго рода сближеній, что законъ, дозволявшій убивать вора на мѣстѣ преступленія, не былъ закономъ кореннымъ, а что онъ заимствованъ изъ законодательства скандинавскаго.

Весьма возможно, что постановленія Русской Правды имѣютъ довольно даже близкое сходство съ постановленіями скандинавскими о томъ же предметѣ, но едва-ли можно уже по-этому утверждать рѣшительно, что первыя были составлены подъ вліяніемъ послѣд-

---

[1]) Rakowiecki, Prawda Russka, т. II. стр. 31.

[2]) Ист. Гос. Росс. изд. 1. т. I. стр. 237 и 481, прим. 503.

нихъ. Защищать себя и свою собственность всѣми возможными средствами, хотя бы даже чрезъ лишеніе жизни того, кто на нихъ нападаетъ, есть конечно такое право, которое человѣкъ, не достигшій еще высшаго гражданскаго образованія, независимо отъ своей народности, считаетъ своею неотъемлемою принадлежностію. Здѣсь надобно искать причины сходства постановленій, ограждающихъ право собственности у различныхъ народовъ. Во всѣхъ почти славянскихъ земляхъ воровство наказываемо было очень строго, всегда почти смертію [1]).

Всего однако замѣчательнѣе то, что Статутъ Литовскій, котораго послѣдняя редакція появилась уже въ концѣ XVI столѣтія и который до недавняго еще времени имѣлъ обязательную силу, содержитъ постановленія, живо напоминающія опредѣленія Русской Правды, что и онъ также допускаетъ, какъ видно, безнаказанное убіеніе застигнутаго на мѣстѣ преступленія вора [2]), предписывая притомъ, съ большою подробностію, какъ именно долженъ поступить въ этомъ случаѣ хозяинъ — убійца для того, чтобы доказать предъ судомъ, что онъ дѣйствительно убилъ вора при совершеніи имъ кражи и чтобы такимъ образомъ избѣгнуть судебнаго за то преслѣдованія.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ общихъ постановленій о воровствѣ, Русская Правда содержитъ еще довольно много статей, опредѣляющихъ, съ одной стороны, какому наказанію долженъ подвергнуться воръ, когда преступленіе его доказано, а съ другой стороны, въ какой мѣрѣ долженъ быть вознагражденъ хозяинъ украденной вещи за потерпѣнный имъ убытокъ.

Изъ содержанія этихъ статей нашего памятника мы убѣждаемся, что не только мѣра вознагражденія частнаго лица, что очень понятно, но самое наказаніе за воровство, наказаніе, состоявшее большею частію въ платежѣ опредѣленной пени или т. наз. *продажи* въ пользу князя, было различно, смотря по различію украденныхъ вещей. Въ сущности воровство есть всегда воровство и характеръ этого противозаконнаго дѣйствія нисколько не зависитъ отъ различія похищаемыхъ предметовъ и различной ихъ цѣнности. Скорѣе можно бы допустить, что на опредѣленіе сущности этого престу-

---

[1]) Сравн. Maciejowskiego Historya Prawodawstw Słowiańskich, т. II. 1832 г., стр. 162 и слѣд.

[2]) Statut Litewski, Rozdz. XIV, art. 21. § 1. «*Gdzieby kto złodzieja przy licu w domu scym zabił* etc.» ....; также Rozdział XIV art. 26 § 2; у Раковецкаго Pr. R. т. II, стр. 66 и 67, примѣч. (i).

цѣнностей вообще нигдѣ не упоминается, изъ чего вывести можно заключеніе, что эти предметы были тогда довольно рѣдки [1]) и хранились, что называется, *подъ спудомъ*. Самая высокая пеня (12 гривенъ) назначается за кражу бобра. Кажется, что въ старину, хотя бобровъ и нельзя причесть къ разряду домашнихъ животныхъ, Славяне, не только русскіе, но и другіе, занимались ихъ разведеніемъ и имѣли правильно устроенныя бобровыя хозяйства. Знаменитый польскій ученый, Ѳадей Чацкій [2]), утверждаетъ, что многія постановленія XIII столѣтія упоминаютъ объ особенныхъ даже чиновникахъ въ Польшѣ, называемыхъ *бобровниками*, а изъ одной рукописи 1229 года, писанной на латинскомъ языкѣ и принадлежавшей этому ученому, усматривается, что около Пултуска такъ были устроены бобровыя хозяйства, что владѣльцы умѣли даже подбирать цѣлыя стада одношерстныхъ бобровъ, преимущественно черныхъ (castores nigricini). Вѣроятно въ подобномъ же состояніи находилась эта отрасль хозяйства въ древней Россіи.

Далѣе опредѣляются пени, большею частію въ 3 гривны, за кражу зерноваго и немолоченнаго хлѣба (первый хранился въ ямахъ, послѣдній въ гумнахъ), за похищеніе домашняго скота изъ хлѣва или клѣти, равно какъ и въ полѣ. Такъ-какъ охота была вѣроятно не только любимымъ занятіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и прибыльною отраслію промышленности, то по-этому за похищеніе охотничьей собаки, ястреба и сокола опредѣляется столь же почти высокая пеня, какъ и за кражу домашняго скота. Равнымъ образомъ съ точностію обозначены пени за похищеніе пчелъ, также рѣчныхъ и морскихъ ладей [3]).

Всего замѣчательнѣе для насъ должно быть то, что, какъ это видно изъ содержанія статей CVIII — CX включительно, всѣ участники преступленія подвергались равному наказанію, именно каждый изъ нихъ порознь долженъ былъ заплатить полную, опредѣленную за тотъ или другой видъ покражи пеню, хотя бы даже 10 человѣкъ одну овцу украли [4]). Хотя опредѣленіе это находимъ мы только въ статьяхъ, упоминающихъ о кражѣ скота и хлѣба, можно однако думать, что это же правило примѣняемо было и къ другимъ видамъ похищенія чужой собственности, а можетъ быть, даже и

---

[1]) Сравн. Рейца, переводъ Морошкина, стр. 67, § 16.

[2]) Czacki o Litewskich i Polskich Prawach, т. II, стр. 261.

[3]) Описаніе разныхъ сортовъ ладей см. у Раковецкаго Pr. R. т. I, стр. 139 — 141.

[4]) Это видно изъ варіанта CIX ст., по 1 списку (сравн. изд. Калачова).

къ другимъ преступленіямъ. Какъ скоро человѣкъ достигъ сознанія справедливости въ отдѣльномъ какомъ нибудь случаѣ, то ему не трудно уже примѣнить свое о ней понятіе къ другимъ подобнымъ же явленіямъ и такимъ образомъ возвести его на степень общаго начала. Это даже, мнѣ кажется, есть одно изъ желаній, врожденныхъ человѣческому уму. Замѣчу наконецъ, что въ Статутѣ Литовскомъ находимъ опять постановленія, весьма сходныя съ тѣми статьями Правды, въ которыхъ установляются пени за похищеніе охотничьихъ птицъ и собакъ, также за кражу пчелъ и меда. Само собою разумѣется, что постановленія Статута болѣе подробны и опредѣлительны; это однако не мѣшаетъ замѣчать явное на нихъ вліяніе правилъ разсматриваемаго нами памятника. Надобно даже удивляться, что не смотря на промежутокъ времени, заключающій въ себѣ около 400 лѣтъ и раздѣляющій оба эти законодательные сборника, въ томъ и другомъ встрѣчаемъ мы еще одинаковыя подробности и даже одни и тѣже слова. Такъ, напримѣръ, въ Литовскомъ Статутѣ [1]) различается, такъ же какъ и въ Правдѣ, похищеніе пчелъ *лаженыхъ* отъ *нелаженыхъ*; здѣсь и тамъ говорится о *перевѣси* и о *перевѣсной сѣти* и т. п. [2]). Не есть ли это довольно убѣдительное доказательство тому, что Правда Русская имѣла даже въ Литвѣ обязательную силу закона и принята была, при составленіи Статута Литовскаго, за одно изъ главныхъ руководствъ?

Независимо отъ болѣе или менѣе значительной пени, которою виновный въ похищеніи чужой собственности долженъ былъ удовлетворить хозяина за претерпѣнный имъ убытокъ, общее въ этомъ случаѣ правило было, кажется, то, что украденная вещь возвращаема была *лицемъ* прежнему ея хозяину, если же лица уже не было, то воръ обязанъ былъ заплатить за нее опредѣленную цѣну (урокъ), а иногда и болѣе того, въ вознагражденіе за *обиду*, противозаконнымъ дѣйствіемъ его причиненную хозяину украденной вещи.

Нѣкоторыя изъ разсмотрѣнныхъ сейчасъ статей Правды, рядомъ съ постановленіями о пеняхъ, содержатъ также указанія на

---

[1]) Stat. Lit. Rozdz. X. art. 13. § 2......«*Za barć ze pszczołami nie podrąbanemi 3 ruble groszy*». (у Rakowiecki Pr. R. т. II, стр. 93).

[2]) Stat. Lit. Rozdz. X, art. 8, § 3. «*A ktoby przewieś komu drugiemu porąbał, abo sieć przewieśną skradł, ma zapłacić 6 rubli groszy, a za sieć kopę groszy zapłacić*» (у Раковецкаго, тамъ же, стр. 96).

то, въ какой мѣрѣ долженъ быть удовлетворенъ хозяинъ, потерпѣвшій убытокъ. Такъ въ ст. CX значится, что тотъ, у кого украденъ хлѣбъ, получалъ его обратно, «*а за лѣто възметь по полугривнѣ*». Послѣднія слова обыкновенно объясняются такъ, что хозяинъ покраденнаго хлѣба, сверхъ того, что получалъ его обратно, имѣлъ еще право на вознагражденіе со стороны вора за понесенный убытокъ вслѣдствіе того, что воръ отнялъ у него возможность пользоваться этимъ хлѣбомъ въ теченіи лѣта [1]). Далѣе ст. CXII, кромѣ пени за кражу собаки и сокола или ястреба, опредѣляетъ еще вознагражденіе хозяину ихъ: «*а господину за тщину гривна*». Точно также въ ст. CXIII (о пчелахъ) независимо отъ пени за выдраніе пчелъ назначается вознагражденіе за медъ, 10 и 15 кунъ, смотря по тому, были ли пчелы *нелажены*, или только гнѣздо отъ нихъ (олекъ). Нѣкоторые подъ словомъ *олекъ* понимаютъ *улей* и въ такомъ случаѣ надобно его противопоставить борти. Наконецъ въ ст. CXIV опредѣляется, что воръ, кромѣ пени, долженъ былъ или возвратить хозяину украденную ладью, или, когда ея не было въ наличности, заплатить за морскую ладью 3 гривны, за набойную 2 гривны, за стругъ гривну, а за челнъ 20 кунъ.

Кромѣ приведенныхъ указаній на вознагражденіе хозяина, потерпѣвшаго убытокъ, есть еще нѣсколько статей, относящихся непосредственно къ этому предмету, таковы:

Ст. XLI.

«*Пакы ли лица не будеть, аще будеть княжь конь, то платити зань 8 гривны, а за инъхъ по 2 гривнѣ*».

Ст. XLII.

«*Оже за кобылу 60 кунъ, а за волъ гривну, а за корову 40 кунъ, а за третьяку 30 кунъ, а за лоньщину полгривны, а за теля 5 кунъ, а за свинью 5 кунъ, а за порося ногата, а за овцю пять кунъ, а за баранъ ногата, а за жеребець, оже будеть не всѣдано нань, то гривна кунъ дати зань, а за жеребя 6 ногатъ, а за коровіе молоко 6 ногатъ. То ти уроци смердомъ, оже платять князю продажю*».

Ст. XLIII.

«*А за голубь 9 кунъ, а за куря 9 куня, а за утовь 30 кунъ*».

Ст. XLIV.

«*А за гусь 30 кунъ, а за лебедь 30 кунъ, а за жеравль 30 кунъ*».

При опредѣленіи мѣры вознагражденія частнаго лица, потерпѣвшаго убытокъ, принимаемы, быть можетъ, были во вниманіе

[1]) Сравн. впрочемъ Раковецкаго Pr. R. т. II, стр. 69. примѣч.

еще и тѣ статьи Правды, въ которыхъ съ такою точностію обозначается приращеніе всякаго рода вещей, находившихся въ чужомъ пользованіи, по истеченіи опредѣленнаго времени [1]). Что касается до четырехъ только-что прописанныхъ статей, которыя по всей справедливости можно почесть за одну, то изъ нихъ я нахожу возможнымъ вывести одно только заключеніе, именно то, что собственность князя цѣнима была выше, нежели собственность частныхъ лицъ. На это указываетъ именно ст. XLI, въ которой значится, что за княжескаго коня надобно было заплатить 3 гривны, а за коня, частному лицу принадлежащаго, только 2 гривны. Нельзя ли предположить, что это частное постановленіе о конѣ имѣло также значеніе общаго правила и что въ такой же соразмѣрности надобно было платить и за другія у князя украденныя вещи? Ежели, напримѣръ, за похищеніе какой-нибудь вещи у частнаго лица назначено было вознагражденіе въ 20 кунъ, то за похищеніе этой же вещи, если она принадлежала князю, надобно было заплатить 30 кунъ. Можетъ быть, требовалось при томъ, чтобы вещь носила на себѣ признаки, что она дѣйствительно принадлежала князю; такъ по крайней мѣрѣ надобно думать, судя потому, что сказано въ варіантѣ статьи о конѣ: «*а за княжь конь, иже той съ пятномъ, 3 гривнѣ*» и проч. [2]).

Таковы были постановленія Русской Правды о похищеніи чужой собственности людьми свободными.

Но весьма многочисленный классъ народонаселенія въ тогдашнее время составляли люди несвободные—рабы или холопы. Чаще, можетъ быть, нежели люди свободнаго состоянія позволяли они себѣ похищать чужія вещи, иногда по нуждѣ, а иногда и по другимъ какимъ-нибудь побужденіямъ.

Какъ бы то ни было, законодатели должны были замѣтить, что правила, установленныя для огражденія частной собственности отъ противозаконныхъ дѣйствій свободныхъ людей, не могли быть примѣняемы къ таковымъ дѣйствіямъ людей несвободныхъ, слѣдовательно нерасполагавшихъ собою и, въ строгомъ смыслѣ, не имѣвшихъ другого значенія кромѣ значенія движимыхъ вещей. Вотъ почему въ разсматриваемомъ памятникѣ русскаго законодательства находимъ нѣсколько особенныхъ правилъ о воровствѣ, совершенномъ холопами. Правила эти выражены въ слѣдующихъ статьяхъ:

Ст. XLVI.

(Она имѣетъ два замѣтно различныя чтенія).

а. *А оже ли будуть холопи татье, то судъ княжь любо княжи*

---

[1]) Именно въ ст. XXII — XXXVII вкл., по изд. Калачова.

[2]) См. изд. Калачова, ст. XLI, по 1 сп.

«любо боярстии, любо черньчи, ихъ же князь продажею не казнитъ, «занеже суть не свободнии, то двоици платити истьцу за обиду». (Таково чтеніе по большинству списковъ).

б. *Аже будетъ холопски тать, то судъ княжь, ихъ же князь «обиду платитъ истцу».* (Чтеніе по 33 и 34 спискамъ).

Ст. XLIX.

«Аже ли холопъ покрадеть кого любо, то господину выкупати «и, любо выдати и съ кымъ будеть кралъ: а женѣ, ни дѣтемъ не «надобе, а оже будуть съ нимъ крали или хоронили, то всѣхъ ихъ «выдати. Паки ли я выкупаеть господинъ, аже ли будуть свобо«днии съ нимъ крали или хоронили, то всѣ князю въ продажѣ».

Ст. XLVII.

«Аже холопъ обѣльный выведеть конь чiй любо, то платити «зань господину его 2 гривнѣ.

Двѣ первыя изъ приведенныхъ статей заключаютъ какъ-бы общія правила относительно кражи, совершенной холопами; другія двѣ, напротивъ, указываютъ на особенные случаи. Смыслъ общихъ правилъ, кажется, тотъ, что, ежели воръ оказался человѣкомъ несвободнымъ, а принадлежащимъ кому-нибудь холопомъ, то такъ-какъ холопъ ничего своего не имѣлъ, и нельзя было подвергнуть его пенѣ въ пользу князя. Частное лице однако, потерпѣвшее убытокъ, не должно было оставаться безъ удовлетворенія. Хозяинъ раба, совершившаго кражу, долженъ былъ заплатить обиженному лицу вдвое противу того, чего стоила украденная вещь и тѣмъ какъ-бы выкупить своего холопа; если же онъ не хотѣлъ выкупать своего раба, то обязанъ былъ выдать его головою хозяину украденной вещи, и не только его одного, но и всѣхъ, непосредственно участвовавшихъ въ кражѣ или только потворствовавшихъ этому преступленію черезъ укрывательство воровскихъ вещей. Законъ однако явнымъ образомъ отдѣляетъ участь вора отъ участи его семейства, постановляя, что жена и дѣти холопа, совершившаго воровство, не выдаются вмѣстѣ съ нимъ, развѣ только, когда они также участвовали въ кражѣ или же хранили украденныя вещи. Ежели въ совершеніи воровства или утайкѣ вещей вмѣстѣ съ холопомъ участвовали свободные люди, то, хотя бы господинъ выкупилъ своего холопа, всѣ прочіе не освобождались уже черезъ это отъ наказанія, напротивъ каждый изъ нихъ долженъ былъ заплатить князю опредѣленную закономъ продажу. И такъ здѣсь опять видимъ мы, что не только всѣ соучастники преступленія, но и укрыватели подвергались равному взысканію.

Особенное правило постановляется на тотъ случай, когда бы

чей-нибудь холопъ, бѣжавъ, слѣдовательно вышедши на время, хотя и незаконно, изъ-подъ непосредственной власти и присмотра своего господина, снесъ что-либо отъ сосѣдей его. Хозяинъ бѣжавшаго и потомъ укравшаго что-либо раба могъ конечно отказаться отъ него и предоставить его распоряженію потерпѣвшаго убытокъ; но ежели онъ хотѣлъ получить своего холопа обратно, то долженъ былъ заплатить хозяину украденной вещи только цѣну ея (*«урокъ платити»*), не бывъ обязаннымъ платить за нее вдвое, какъ-бы во вниманіе къ тому, что хозяинъ бѣглаго раба не имѣлъ уже возможности присматривать за его дѣйствіями.

Въ послѣдней наконецъ изъ прописанныхъ статей постановляется, что ежели чей-либо холопъ уведетъ чужого коня, то господинъ его долженъ за него заплатить 2 гривны (за княжескаго коня, быть можетъ, 3 гривны). Не могу понять, почему за кражу коня холопомъ господинъ его платилъ только обыкновенную обиду [1]), между тѣмъ какъ по общему правилу онъ бы долженъ платить вдвое.

Кромѣ людей свободныхъ и несвободныхъ, были еще въ древней Россіи такія лица, которыя, не теряя личной свободы, состояли однако, хотя и временно, въ столь тѣсной зависимости отъ другихъ лицъ, что ихъ можно назвать людьми полусвободными: это такъ называемые *закупы* или *закупни*, т. е. люди, которыхъ дѣятельность и личная свобода закуплена была на опредѣленное время другими за извѣстное количество денегъ. Такіе закупы легко могли обратиться въ людей совершенно несвободныхъ — *въ холопей*, ежели, напримѣръ, они дѣлали покушеніе на бѣгство отъ господина, во власти котораго состояли [2]). Объ этихъ полусвободныхъ людяхъ Русская Правда содержитъ довольно много постановленій, и между ними есть одно, которое именно указываетъ на тотъ случай, когда кража совершена закупомъ.

Ст. XXI.

«О закупѣ. Оже уведеть что, то господинъ въ томъ не платить [3]), нъ оже индѣ налѣзуть и, то заплатить, переднiи господинъ его конь, или ино что будеть взялъ, а ему холопъ обьльный. Паки ли господинъ его не хотѣти начнеть платити зань, а продасть и, отдасть же переди или за конь, или за волъ, или за товаръ, что будеть чюжего взялъ, а прокъ ему самому взяти собѣ».

---

[1]) Сравн. выше ст. XLI.

[2]) Сравн. ст. XVII, изд. Калачова, стр. 87.

[3]) *«Не платить»* прибавлено въ 12 и 40 спискахъ.

Начало этой статьи представляетъ поводъ къ сомнѣніямъ, именно потому-что въ нѣкоторыхъ спискахъ не достаетъ словъ: *«не платить»*, въ другихъ напротивъ, хотя и не многихъ, слова эти прибавлены. Отсюда произошли различные переводы и толкованія этого текста. Нѣкоторые, между прочими и Раковецкій [1]), не принимая во вниманіе словъ: *«не платить»*, думаютъ, что когда закупъ уведетъ чью-либо скотину, то господинъ его долженъ заплатить. Напротивъ Эверсъ [2]) понимаетъ начало этой статьи такъ, что господинъ не отвѣчаетъ за своего закупа, если сей, снеся что-нибудь у посторонняго человѣка, скрывался и если онъ не былъ представленъ хозяину своему на лице. Съ этимъ послѣднимъ толкованіемъ надобно, кажется, согласиться, принимая во вниманіе все, что читаемъ непосредственно послѣ словъ: *«то господинъ въ томъ не платитъ»*. Да, хозяинъ закупа не платитъ за него, покуда его не отыщутъ, потому-что въ такомъ случаѣ хозяинъ терпѣлъ бы двойной убытокъ, лишаясь и услугъ закупа и сверхъ того вознаграждая причиненный имъ кому-нибудь убытокъ. Но когда закупъ, совершившій кражу, былъ отысканъ и представленъ своему хозяину, тогда послѣдній, заплативъ за него владѣльцу украденной вещи, пріобрѣталъ уже надъ закупомъ право полной собственности,—закупъ становился холопомъ. Впрочемъ законъ предоставляетъ хозяину закупа, безъ предварительнаго платежа за причиненный имъ убытокъ, продать его какъ раба, удовлетворить изъ вырученныхъ за продажу денегъ владѣльца украденной вещи, остальное же взять себѣ въ вознагражденіе за деньги, которыя онъ, по выраженію закона, *запустилъ* за закупа. Было ли это вознагражденіе достаточнымъ для господина закупа, или нѣтъ, объ этомъ уже законъ не заботится: довольно того, что онъ позаботился о томъ, чтобы равно хозяинъ украденной вещи, какъ и владѣлецъ закупа по возможности были удовлетворены.

Не лишнимъ считаю присовокупить здѣсь, что правила, опредѣляющія взаимныя отношенія господъ и слугъ, не чужды также законодательствамъ другихъ славянскихъ народовъ, и что правила эти представляютъ довольно много общаго между собою; въ особенности во всѣхъ проглядываетъ желаніе закона быть по отношенію къ обѣимъ сторонамъ равно безпристрастнымъ и справедливымъ. Въ доказательство этого Раковецкій приводитъ цѣлый рядъ постановленій права чешскаго, короля Владислава, также Статута Вислицкаго Казиміра В. и наконецъ Статута Литовскаго [3]). Ближай-

[1]) Rakowiecki Pr. R. т. II. стр. 84.

[2]) Ewers d. ält. R. d. R. S. 330 und 340, Anm. 27.

[3]) Rakowiecki Pr. R. т. II, стр. 83 и 84, прим. (u)

шее сходство съ статьею Правды о закупѣ, совершившемъ кражу, имѣетъ постановленіе Вислицкаго Статута: «*Si famulus alicujus, dic-«tus Goloma* (дословно—голышъ, бѣднякъ, *aut alias Obłomek* (обломокъ—какъ-бы ничтожная часть общественнаго союза), *vicino Domini sui «aut alieno damnum intulerit, aut injuriatus fuit, Dominus ipsius pro ipso «satisfacere teneatur»* [1]).

Ежели древнѣйшій памятникъ русскаго законодательства заключаетъ въ себѣ, съ одной стороны, особенныя правила о кражѣ, совершенной холопами, то, съ другой, онъ не могъ также не обратить вниманія на то, что холопы, какъ собственность частныхъ лицъ, могли въ свою очередь быть предметомъ похищенія, увода и другихъ видовъ противозаконнаго завладѣнія. Такъ-какъ притомъ холопы составляли конечно одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ частной собственности, то законодательство должно было позаботиться объ установленіи точнѣйшихъ мѣръ для обезпеченія спокойнаго ими владѣнія. Мѣры эти дѣйствительно опредѣлены были, въ особенности въ тѣхъ статьяхъ Правды, которыя устанавливаютъ порядокъ отысканія и возвращенія вещей, опознанныхъ настоящимъ ихъ хозяиномъ въ чужихъ рукахъ. Объ этихъ статьяхъ буду имѣть случай говорить нѣсколько ниже; здѣсь считаю необходимымъ указать только на одну статью, въ которой прямо говорится о кражѣ или уводѣ чужого раба и о пенѣ за такое противозаконное имъ завладѣніе. Она имѣетъ два различныя чтенія:

Ст. CVII.

а. (по 1-му списку)

«Аже уведеть чюжь холопъ, любо робу, платити ему за обиду «12 гривенъ».

б. (по большинству списковъ)

«А князю продаже 12 гривне въ челядинъ, или украденъ или «уведенъ есть».

Отсюда видно, что за уводъ и кражу холопа или рабы постановлена была пеня, равная той, какой подвергался виновный въ кражѣ бобра.

Изъ всего, что до сего времени сказано было о похищеніи чужой собственности, легко убѣдиться, что древнее русское законодательство выказало необыкновенную заботливость въ изысканіи мѣръ для огражденія имущества частныхъ лицъ отъ этого рода противозаконныхъ дѣйствій. Но оно не ограничилось указаніями на пени, которыя виновный обязанъ былъ платить въ пользу князя, и на мѣру вознагражденія частныхъ лицъ за понесенный ими убы-

---

[1]) Vol. Legum, t. I, fol. 36; у Раковецкаго тамъ же стр. 85, пр. (w).

токъ: оно еще предоставило послѣднимъ всѣ способы для отыскавія принадлежащаго имъ имущества, но по тому или другому случаю находящагося въ чужихъ рукахъ. Способы эти опредѣляются въ слѣдующихъ статьяхъ Правды:

Ст. CXXIII.

а. (по большинству списковъ)

«Аще кто конь погубить или оружіе, или портъ, а заповѣсть «и на търгу, а послѣди познаеть въ своемъ городѣ, и свое ему лицемь взяти, а за обиду платити ему 3 гривны».

б. (По 1-му списку)

«Аще поиметь кто чюжь конь, любо оружіе, любо портъ, а «познаеть въ своемъ міру, то взяти ему свое, а 3 гривнѣ за обиду»,

Ст. CXXV.

«Аже кто познаеть свое, что будеть погубилъ, или украдено «у него что, или конь, или портъ, или скотина, то не рци ему: «се мое, но: поиди на сводъ, гдѣ еси взялъ [1]). Сведитеся, и кто бу«деть виноватъ, на того татба снидеть. Тъгда онъ свое възметь, «а оже что будеть съ нимъ погыбло, тойже начнеть ему платити».

Ст. CXXVI.

«А оже будеть въ одиномъ городѣ, то ити истцю, до конца «того свода; будеть ли сводъ по землямъ, то ити ему до третьяго «свода, а что будеть лицемъ, то третьему платити кунами за «лице, а съ лицемъ ити до конца свода, а истчю ждати прока. А «гдѣ снидеть на конечьнаго, то тому все платити, и продажю».

Ст. CXXVIII.

«А изъ своего города въ чюжю землю свода нѣтуть, нъ такоже [2]) «вывести ему послухы, любо мытника, передъ кымъ же купивше; то «истьцю лицемъ взяти, а прока ему желѣти, что съ нимъ погыбло, «а оному своихъ кунъ желѣти, дондеже налезѣть».

Ст. CXXIV.

«Аже челядинъ съкрыеться, а закличють и на търгу, а за «три дни не выведуть его, а познаеть и въ третій день, то свой «челядинъ пояти, а оному платити 3 гривны продаже».

Ст. CXXVII.

«Аже кто познаеть челядинъ свой украденъ, а поиметь и, то «оному вести и по кунамъ, до третьяго свода: пояти же челя«динъ въ челядина' мѣсто, а оному же дати лицемъ, отъ идеть и «до конечьняго свода; а то есть не скотъ нельзѣ рчи: не вѣмь у

---

[1]) Въ 1-мъ спискѣ послѣ словъ: «*гдѣ еси взялъ*», прибавлено: «*или «не поидеть, то поручника за пять днiи*».

[2]) Въ нѣкоторыхъ спискахъ: «*тамъ же*».

«кого есмь купилъ, но по языку ити до конча свода, а кдѣ будеть ко-«нечній тать, то опять воротить челядина, а свой поиметь, и «проторъ тому же платить». [1])

Прежде всего нужнымъ считаю замѣтить, что Калачовъ, говоря о процессѣ въ дѣлахъ по воровству, высказалъ слѣдующее о немъ мнѣніе. *«Когда хозяинъ пропавшей вещи или скрывшагося че-«лядина объявитъ немедленно объ этой пропажѣ во всеобщее свѣдѣніе «на торгу, то, по отысканіи ея въ чужомъ владѣніи, имѣетъ право «взять предметъ иска у кого нашелъ, безъ всякихъ судебныхъ формъ, «потому-что послѣдній предполагается воромъ безъ дальнѣйшихъ до-«казательствъ и обязанъ заплатить хозяину за обиду, а князю про-«дажу. Напротивъ, когда хозяинъ пропавшей вещи или челядина не «объявитъ о томъ предварительно на торгу, онъ долженъ, для воз-«вращенія ея въ свое владѣніе, отыскать дѣйствительнаго или пред-«полагаемаго закономъ вора. Но чтобъ установить этотъ искъ, хо-«зяину необходимо найти пропавшую у него вещь или челядина: тогда «онъ обращается къ ихъ незаконному владѣльцу, но не можетъ взять «ихъ у него прямо, а долженъ взять его на сводъ»* [2]). И такъ, Калачовъ думаетъ, что *сводъ*, или хожденіе истца отъ одного отвѣтчика къ другому, тогда только былъ употребляемъ, когда хозяинъ пропавшей вещи не объявилъ на торгу о своей пропажѣ, если же онъ это сдѣлалъ, то могъ взять ее у кого находилъ безъ всякихъ судебныхъ формъ. Какой же хозяинъ послѣ того не позаботился бы о томъ, чтобы, кликнувъ кличъ на торгу, избавиться отъ хожденія по своду и имѣть право отнять вещь свою у каждаго, какъ скоро опознаетъ ее? Ученый Эверсъ дѣлаетъ другое предположеніе [3]). Онъ думаетъ также, что хозяинъ пропавшей вещи, опознавъ ее въ чужихъ рукахъ, имѣлъ право взять ее безъ дальнихъ околичностей (ohne weitere Umstände), какъ скоро не настояло сомнѣнія, что эта вещь есть дѣйствительно его собственная, или когда тотъ, у кого она была находима, не обнаруживалъ притязаній на законное владѣніе ею: въ противномъ случаѣ надобно было прибѣгнуть къ своду. Но часто ли могло случаться, чтобы тотъ, у кого находима была чужая вещь, соглашался безъ дальныхъ околичностей отдать ее и не старался напротивъ доказать, что она пріобрѣтена имъ законнымъ образомъ, тѣмъ болѣе, что, отдавая

---

[1]) Эверсъ думаетъ, что надобно читать, въ началѣ статьи, не *«по купамъ»*, а *по конамъ* или *по концамъ*, т. е. по частямъ города (das ält. R. d. R. S. 339, Anm. 22).

[2]) Калачова изсл. о Русск. Пр., стр. 128 и 129.

[3]) Das ält R. d. R. S. 279 ff.

вещь безспорно, онъ какъ-бы самъ себя признавалъ воромъ и обязанъ былъ заплатить довольно значительную пеню? Конечно нѣтъ. Принявъ предположеніе Калачова, мы должны прійти къ заключенію, что къ своду прибѣгали очень рѣдко, быть можетъ, даже никогда. Напротивъ, допустивъ, что мнѣніе Эверса справедливо, надобно будетъ остановиться на мысли, что хозяинъ пропавшей вещи весьма рѣдко могъ получить ее обратно безъ дальнѣйшихъ околичностей, — безъ употребленія свода. Равно Эверсъ, какъ и Калачовъ обнаруживаютъ мнѣніе, что хозяинъ, отыскивавшій вещь свою, могъ самоуправствомъ получить ее отъ того, въ чьихъ рукахъ она находилась, и полагаютъ, что это было очень натурально въ тогдашнемъ положеніи общества. Съ этимъ мнѣніемъ я не могу согласиться, тѣмъ менѣе, что постановленія Русской Правды, опредѣляющія порядокъ отысканія пропавшихъ вещей, по моему убѣжденію, нисколько не предоставляютъ произвола и самоуправства хозяину этихъ вещей, а, напротивъ, положительно предписываютъ ему соблюденіе извѣстныхъ формальностей. Въ этомъ, мнѣ кажется, довольно легко убѣдиться, разсматривая внимательно текстъ приведенныхъ статей Правды, именно въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ мною прописаны.

Въ первой изъ этихъ статей (CXXIII), представленной въ двухъ замѣчательныхъ варіантахъ, которые могутъ быть даже приняты за два отдѣльныя постановленія, опредѣляется, что тотъ, у кого пропала лошадь, оружіе или платье, или у кого они были украдены, долженъ объявить о томъ на торгу, а если въ послѣдствіи времени онъ опознаетъ ихъ въ своемъ городѣ или своемъ мірѣ у кого нибудь, то можетъ взять собственность свою *лицемъ* и доправить еще 3 гривны за причиненную ему обиду. Эта-то статья подала поводъ Эверсу и Калачову думать, что хозяинъ пропавшей вещи могъ отнять ее у каждаго безъ дальнихъ околичностей или формальностей. Конечно, если бы въ Правдѣ не было еще другихъ постановленій, касающихся этого же предмета, то надобно было бы согласиться съ мнѣніемъ этихъ ученыхъ. Но ежели эта статья нашего памятника предоставляетъ хозяину пропавшей или украденной вещи право взять ее обратно, то вслѣдъ за тѣмъ она также опредѣляетъ, какимъ именно образомъ онъ можетъ получить ее, устраняя мысль о самоуправствѣ, которое, равно въ быту общественномъ, какъ и въ такъ называемомъ *естественномъ состояніи* (im Naturstande) [1]), вело бы необходимо къ враждѣ, дракѣ или войнѣ. И дѣйствительно мы видимъ, что статья CXXV говоритъ положи-

[1]) Ewers, d. ält. R. d. R. S. 292.

тельно хозяину, отыскивающему свою собственность: если ты опознаешь у кого что-нибудь у тебя украденное или пропавшее, то не скажи ему: *это мое*, но скажи ему: *пойди на сводъ, — укажи, гдѣ ты пріобрѣлъ вещь, которую я нахожу у тебя и которая принадлежитъ мнѣ*. Ежели тотъ, у кого опознана вещь, не можетъ сейчасъ-же удовлетворить требованію истца, если что-нибудь препятствуетъ ему немедленно отправиться на сводъ, то онъ можетъ потребовать себѣ отсрочки на 5 дней, давъ по себѣ поручителей въ томъ, что по истеченіи сего срока онъ пойдетъ отыскивать того, отъ кого онъ пріобрѣлъ опознанную у него вещь. Справедливо замѣчаетъ Эверсъ, что въ этомъ постановленіи положено начало законнымъ срокамъ, въ послѣдствіи времени столь разнообразнымъ и многочисленнымъ [1]). Далѣе гласитъ та же статья: сведитесь (т. е. идите отъ одного пріобрѣтателя къ другому), а кто окажется виновнымъ (т. е. не будетъ въ состояніи доказать, что онъ законнымъ образомъ пріобрѣлъ вещь отъ другого), на того *татьба снидетъ* (т. е. тотъ будетъ признанъ воромъ, хотя бы дѣйствительно и не онъ укралъ вещь). Послѣ того первый истецъ возьметъ вещь свою лицемъ, а если вмѣстѣ съ нею еще что-нибудь пропало, то и за остальное долженъ будетъ заплатить тотъ, кто не могъ доказать законнаго пріобрѣтенія отыскиваемой вещи.

Гдѣ же тутъ самоуправство? Я по крайней мѣрѣ не вижу его и радуюсь за древнѣйшій памятникъ русскаго законодательства, что онъ умѣлъ устранить его, не смотря на то, что власть общественная не принимала еще никакого почти участія въ разбирательствѣ исковъ объ имуществѣ [2]) и предоставляла все самимъ тяжущимся, при участіи только добрыхъ людей своего города или округа.

Сводъ, или хожденіе отъ одного пріобрѣтателя къ другому, подверженъ былъ извѣстнымъ ограниченіямъ для пользы хозяина, отыскивавшаго пропавшую у него вещь. Такъ ст. CXXVI устанавляетъ, что ежели всѣ пріобрѣтатели были въ самомъ (единомъ) городѣ, то истецъ долженъ былъ ходить до конца свода (т. е. покуда не отыскался тотъ, кто не могъ уже вести далѣе, не въ состояніи будучи указать на того, отъ кого онъ пріо-

---

[1]) Das ält. R. d. R. S. 282 и 283.

[2]) За исключеніемъ тяжебъ о раздѣлѣ наслѣдства между братьями, на что̀ указываетъ ст. CXLIII: «*Аже братья ростяжуться передъ княземъ о задницю, то который дѣтьскый идетъ ихъ дѣлить, то тому взяти себѣ гривнѣ кунѣ*».

брѣлъ спорную вещь). Но ежели приходилось дѣлать сводъ *по землямъ* (т. е. внѣ городской черты), — *въ земстѣ* [1]), то истецъ обязанъ былъ ходить самъ только до третьяго свода (т. е. до 3-го пріобрѣтателя), послѣ чего онъ получалъ деньгами (кунами) плату за свою вещь, которая, какъ поличное, оставалась въ рукахъ третьяго пріобрѣтателя. Послѣдній долженъ былъ отправиться отыскивать того, у кого онъ купилъ вещь, а настоящій хозяинъ, получивъ цѣну ея, долженъ былъ покуда удовольствоваться этимъ, хотя бы кромѣ того еще что-нибудь вмѣстѣ съ этой же вещью у него пропало, за что бы онъ имѣлъ право требовать себѣ вознагражденія. Когда же отыщется послѣдній пріобрѣтатель, не могущій доказать законность пріобрѣтенія, то сей обязанъ былъ заплатить за все и кромѣ того пеню или продажу. Далѣе въ ст. CXXVIII указывается на тотъ случай, когда бы надобно было искать незаконнаго владѣльца внѣ опредѣленнаго вѣдомства, *въ чужой земли*. Но по словамъ закона, въ чужой землѣ свода быть не должно; по-этому тотъ, на комъ остановился сводъ въ своей землѣ, ежели онъ хотѣлъ избавиться отъ платы за все пропавшее вмѣстѣ съ отыскиваемою вещью и отъ пени, долженъ былъ представить свидѣтелей или мытника, въ присутствіи которыхъ онъ купилъ вещь. Послѣ сего законный хозяинъ вещи получалъ ее обратно, но о прочемъ, вмѣстѣ съ нею пропавшемъ, онъ могъ только жалѣть (*«а прока ему жальти»*), точно также какъ и тотъ, на комъ сводъ остановился, могъ только жалѣть о своихъ деньгахъ, заплаченныхъ имъ за отнятую у него вещь, по крайней мѣрѣ покуда не представится ему случай отыскать того, у кого самъ онъ вещь эту купилъ.

На подобный же случай указываетъ еще правило о куплѣ краденныхъ вещей, изображенное въ

Ст. VIII.

«Паки ли будеть что татебное купилъ въ търгу или конь, «или пъртъ, или скотину, то выведеть свободна мужа два, или «мытника; аже начьнеть не знати у кого купилъ, то ити по немъ «тъмъ видокомъ на роту. А истцю свое лицемъ взяти, а что съ «нимъ погыбло, того ему желъти, а оному желъти своихъ кунъ, «зане не знаеть у кого купивъ; а познаеть ли и на долзѣ у кого то «купивъ, то свое куны възметь, и сему платити что у него бу«деть погыбло, а князю продажю».

---

[1]) Сравн. Rakowiecki Pr. R. т. II. стр. 139, прим. 51. У насъ и теперь еще въ извѣстныхъ случаяхъ отличается городское вѣдомство отъ земскаго.

Изъ этой статьи видимъ, что свидѣтели, представляемые тѣмъ, кто желалъ избавиться отъ платежа пени, опредѣленной за неправильное присвоенiе чужой собственности, должны были дать присягу (идти на роту) въ томъ, что они дѣйствительно присутствовали при совершенiи купли. Калачовъ на основанiи этой же статьи полагаетъ, что договоръ купли - продажи, для того, чтобы онъ имѣлъ юридическое значенiе, всегда долженъ быть совершаемъ и приводимъ въ исполненiе въ присутствiи 2 свидѣтелей и мытника [1]). Нельзя ли предположить скорѣе, что покупщикъ тогда только долженъ былъ для собственнаго спокойствiя выводить 2 свидѣтелей или мытника, когда онъ имѣлъ поводъ подозрѣвать, что продаваемая ему вещь есть краденная? Мнѣ кажется, что это предположенiе болѣе сообразно съ духомъ того времени и тою довѣрчивостiю, которая проглядываетъ во многихъ постановленiяхъ разсматриваемаго нами памятника.

Мы видѣли, каковы были общiя постановленiя о способахъ отысканiя утраченной или украденной вещи: нельзя не удивляться ихъ ясности, полнотѣ и стройности. Но подобно тому, какъ и въ другихъ случаяхъ, и здѣсь также рядомъ съ общими правилами находятся еще особенныя опредѣленiя объ отысканiи нѣкоторыхъ, такъ сказать, привилегированныхъ предметовъ собственности, именно украденныхъ или скрывшихся рабовъ. Впрочемъ эти особенныя опредѣленiя не многимъ отличаются отъ общихъ, разсмотрѣнныхъ уже правилъ.

Изъ словъ CXXIV статьи видимъ, что хозяинъ скрывшагося челядина объявлялъ о томъ на торгу, такъ же какъ и о другой пропажѣ. Послѣ такого объявленiя, которое, будучи сдѣлано на торгу, считалось довольно гласнымъ, тотъ, у кого находился скрывшiйся рабъ, обязанъ былъ *вывести* его въ теченiи трехъ дней (т. е., по моему мнѣнiю, отвести его къ господину); ежели онъ этого не сдѣлалъ, а по истеченiи трехъ дней хозяинъ раба опознавалъ его, то виновный не только долженъ былъ отдать раба, но еще заплатить и 3 гривны пени [2]). Впрочемъ и здѣсь также имѣетъ мѣсто сводъ, въ томъ случаѣ, когда бы опознанный рабъ попалъ къ послѣднему владѣльцу по одному изъ за-

---

[1]) Калачова Изслѣд. о Русск. Пр., стр. 83.

[2]) Эверсъ думаетъ напротивъ, что тотъ, у кого скрывался рабъ, обязанъ былъ только выпроводить его изъ своего дома (Das ält. R. d. R. S. 285 и 286, nota 24). Надѣюсь однако найти подтвержденiе моему мнѣнiю въ нѣкоторыхъ другихъ постановленiяхъ Правды, о которыхъ буду сейчасъ говорить.

конныхъ способовъ пріобрѣтенія. На это указываетъ именно статья CXXVI, въ которой заключаются особыя правила о сводѣ при отыскиваніи рабовъ. По смыслу этой статьи, тотъ, у кого найденъ былъ бѣжавшій или украденный рабъ, долженъ былъ вести истца по частямъ города или *концамъ* до третьяго свода. Дошедши до третьяго пріобрѣтателя, хотя бы и другіе были въ томъ же городѣ, хозяинъ отыскиваемаго раба освобождался уже отъ дальнѣйшаго хожденія и, не дожидаясь окончательной раздѣлки, получалъ отъ третьяго пріобрѣтателя одного изъ его рабовъ на мѣсто своего собственнаго, который оставался, какъ живое поличное, у того, кто долженъ былъ продолжать сводъ. Такъ-какъ, говоритъ весьма раціонально законъ, рабъ не есть животное безсловесное, то и нельзя покончить дѣла по отзыву о невѣденіи, у кого купленъ (*«не вѣмь у кого есмь купилъ»*); напротивъ надобно *по языку* (т. е. по указанію самого раба) отыскивать окончательнаго татя, т. е. того, кто дѣйствительно укралъ раба или кто, скрывъ его у себя, не смотря на сдѣланное о пропажѣ объявленіе, не возвратилъ его хозяину и продалъ его какъ свою собственность другому. Этотъ окончательный тать долженъ былъ, разумѣется, заплатить опредѣленную пеню и кромѣ того *проторъ*, т. е. убытки, отъ самого производства дѣла происшедшіе [1]). Украденный или бѣглый рабъ возвращался къ хозяину, который въ свою очередь долженъ былъ отдать третьему пріобрѣтателю того раба, котораго онъ взялъ у него для временнаго пользованія его услугами въ замѣнъ своего собственнаго.

Въ непосредственной связи съ постановленіями, сейчасъ разсмотрѣнными, состоятъ еще нѣкоторыя статьи Правды, имѣющія въ виду обезпеченіе возврата рабовъ къ законному ихъ владѣльцу. Сюда именно относятся:

Ст. IX.

«Аже кто кърнетъ (купитъ) чюжь холопъ, а не вѣдая, то «первому господину холопъ поятм, а оному куны имати, ротъ ходивше, яко не вѣдая есмь купилъ; вѣдая ли будетъ купилъ, то «кунъ ему лишену быти».

Ст. LII.

«Аже ли холопъ бѣжитъ, а заповѣсть его господинъ, оже слышавъ кто, или зная, или вѣдая, оже есть холопъ и дасть ему хлѣба «или укажетъ ему путь, то платити ему за холопъ 5 гривенъ «кунъ, а за робу 6 гривенъ кунъ».

Ст. LIII.

«Аже ли кто не вѣдая чюжь холопъ усрящетъ, или повѣсти

[1]) Это первый намекъ на вознагражденіе судебныхъ издержекъ.

«дъетъ [1]*), любо дьржить и у себе, а отъидеть отъ него, то ити ему «къ ротъ, яко не въдалъ есмь оже есть холопъ и бьыаеть, а пла-«тежа ему въ томъ нътуть».*

Ст. LIV.

«Аже кто переимътъ чюжь холопъ или робу и подасть въсть «господину его, то имати ему переемъ гривна кунъ; не 'ублюдеть «ли холопа, то платити ему 4 гривны кунъ за холопъ, а пятая «ему переима, оже ли будеть роба, то дати ему 5 гривенъ, а шестая «на переемъ отходитъ ему».

Ст. LVIII.

«Оже холопъ бьыая добудеть товару, то господину же и хо-«лопъ, и долги, господину же и товаръ, а не лишатися его».

Первая изъ приведенныхъ статей гласитъ, что тотъ, кто купитъ чужого холопа, не зная о томъ, что онъ чужой, долженъ отдать его настоящему хозяину, а доказавъ невѣденіе свое присягою, имѣетъ въ свою очередь право требовать заплаченныхъ имъ денегъ отъ того, у кого онъ купилъ чужого раба. Если же покупщикъ зналъ, что онъ покупаетъ чужого раба, то лишался своихъ денегъ, но этимъ, кажется, и ограничивалась его отвѣтственность, опредѣленную же пеню вѣроятно долженъ былъ во всякомъ случаѣ платить тотъ, кто продалъ завѣдомо чужого раба. Достойно замѣчанія, что покупщикъ чужого холопа могъ очистить себя личною присягою, между тѣмъ какъ покупщикъ другихъ краденныхъ вещей [2]) долженъ былъ вести къ присягѣ двухъ свободныхъ свидѣтелей или мытника. Кажется, это можно объяснить тѣмъ, что холопъ, о покупкѣ котораго шло дѣло, могъ самъ засвидѣтельствовать незнаніе того, кто купилъ его.

Слѣдующія за тѣмъ три статьи: LII, LIII и LIV, составляютъ какъ-бы одно отдѣльное постановленіе, опредѣляющее правила о побѣгѣ рабовъ и возвращеніи ихъ хозяину. Смыслъ этихъ правилъ тотъ, что когда кто объявитъ о побѣгѣ холопа, то никто, *зная и вѣдая*, что холопъ есть бѣглый, не долженъ держать его у себя, давать ему пищу или *указывать путь* къ дальнѣйшему побѣгу. Въ противномъ случаѣ виновный обязанъ будетъ заплатить хозяину такую же сумму, какъ и за убійство ра-

---

[1]) Эверсъ переводитъ это непонятное для меня выраженіе словами: или подастъ ему вѣсть. Если бы можно было вмѣсто *«повъсти дъетъ»* поставить *повъсти даетъ*, то смыслъ былъ бы совершенно ясенъ.

[2]) Сравн. выше, замѣчаніе на ст. VIII.

ба [1]), т. е. за холопа. 5, а за рабу 6 гривенъ [2]). Впрочемъ и въ этомъ случаѣ обвиняемый могъ очистить себя присягою въ томъ, что онъ не зная встрѣтилъ, накормилъ и держалъ у себя чужого раба: тогда онъ освобождался отъ всякой платы.

Съ другой стороны опредѣлено было, что тотъ, кто принялъ чужого бѣглаго раба и далъ о томъ знать его господину, получалъ въ вознагражденіе гривну (за переемъ); но ежели перенявшій не сумѣлъ уберечь бѣглаго холопа и тотъ опять бѣжалъ, то онъ подвергался такому же взысканію, какъ за поноровку и помощь, оказанныя заведомо бѣглому рабу, за вычетомъ только слѣдовавшей ему переимочной гривны, т. е. онъ платилъ за холопа 4, а за рабу 5 гривенъ. Не лучше ли было, для избѣжанія столь строгаго взысканія, отвести бѣглаго раба къ его настоящему владѣльцу и получить съ него гривну переема?

Послѣдняя наконецъ изъ прописанныхъ статей (LVIII) содержитъ постановленіе, которымъ хозяину бѣглаго раба не только предоставлено было право получить его обратно, но вмѣстѣ съ тѣмъ взять и все имъ пріобрѣтенное во время бѣговъ. Впрочемъ, изъ словъ: *«господину же и долги.........а не лишатися его»*, можно предполагать, что этотъ же хозяинъ обязанъ былъ заплатить и долги, сдѣланные бѣжавшимъ рабомъ его.

Кромѣ разсмотрѣннаго уже способа отысканія утраченной тѣмъ или другимъ образомъ собственности, кромѣ такъ называемаго свода, одна изъ статей Русской Правды содержитъ еще указаніе и на другой способъ, который могъ быть употребленъ тогда, когда не было возможности сдѣлать сводъ. Для того, чтобы установить сводъ, надобно было хозяину утраченной или украденной вещи опознать ее въ чужихъ рукахъ, найти ее *лицемъ*. Но утратившій какую-либо вещь,—была ли она у него украдена, или просто потерялась, не всегда и не вдругъ могъ увидѣть ее въ чужомъ владѣніи. Между тѣмъ могли остаться какіе нибудь признаки или *слѣды*, по которымъ представлялась возможность къ отысканію пропажи. Законъ, заботясь о томъ, чтобы каждый владѣлъ и пользовался вещію, ему принадлежащею, не только предоставляетъ

---

[1]) Въ этомъ именно я вижу опровержение предположенія Эверса, что тотъ, у кого находился чужой рабъ, могъ удовольствоваться тѣмъ, чтобы вывесть его изъ своего дома. Это значило бы почти тоже, что показать ему дорогу. Здѣсь также нахожу я подтвержденіе моему предположенію, что бѣглаго раба надобно было бы отвести къ его хозяину.

[2]) Сравн. ст. LXXXII и LXXXIV.

хозяину утраченной, и въ особенности украденной, вещи право *гнать по слѣду*, для отысканія ея, но еще возлагаетъ въ извѣстной мѣрѣ обязанность принять въ этомъ участіе и на постороннихъ людей, которые, если этого не захотятъ сдѣлать, могутъ даже подвергнуться опредѣленной отвѣтственности. На это указываетъ именно

Ст. CXXX.

«А не будеть ли татя, то по слѣду женуть. Аже ли будеть слѣдъ[1]*) или къ селу или къ товару*[2]*) а не отсочать отъ «себе слѣда и не идуть на слѣдъ, или отобіються, тъ тѣхъ платити и татьбу и продажю, а слѣдъ гнати съ чужими людьми «и послухы. А еже погубять слѣдъ на гостинци*[3]*) на велицѣ, а*

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ спискахъ, вмѣсто *«аже ли будеть слѣдъ»*, читаемъ *«не будетъ ли слѣда»*; но примемъ ли то или другое чтеніе, смыслъ будетъ одинъ и тотъ же.

[2]) Эверсъ переводитъ это слово словомъ Waare (имущество, имѣніе — das ält. R. d. R. S. 331), Раковецкій словомъ *таборъ* (tabor — Pr. R. т. II, стр. 93 и 143, прим. 69). Послѣдній переводъ мнѣ кажется удачнѣе. Хотя конечно словомъ *товаръ* очень часто въ Русской Правдѣ обозначается имущество движимое, но оно могло имѣть и другое значеніе, именно такое же, какое имѣетъ и въ настоящее время въ Малороссіи. Тамъ товаромъ называется домашній скотъ, преимущественно рогатый, иногда однако этимъ же словомъ, въ особенности во множественномъ числѣ, обозначаются предметы торговли, такъ напр. говорится: *купецъ прыихавъ съ товарами или съ товаромъ*. Извѣстно также, что въ степныхъ мѣстахъ южно-русскихъ губерній выкармливаются огромныя стада рогатаго скота (товара), для чего обыкновенно люди, занимающіеся этимъ дѣломъ,—*пастухи*, удаляются во внутренность степи, устраиваютъ тамъ на цѣлое лѣто временное для себя и для скота помѣщеніе или таборъ. Конечно тоже самое бывало и въ старину. И такъ можно думать, что выраженіе: *«аже ли будеть слѣдъ или къ селу или къ товару»*, значитъ: *будетъ ли слѣдъ вести къ селу или къ тому мѣсту, гдѣ пасется товаръ*, т. е. къ пастушескому табору.

[3]) Нѣтъ сомнѣнія, что слово *гостинецъ* значитъ тоже что польское gosciniec, т. е. большую дорогу (wielki gosciniec), а не постоялый дворъ, гостинницу, какъ думали нѣкоторые. (Ср. Раков. Pr. R. т. II. стр. 143, прим. 71. Ewers d. ält. R. d. R. S 340, Anm. 29.

«села не будеть, или на пусть, кдѣ же не будеть ни села ни лю-«діи, то не платити ни продаже, ни татьбы».

Смыслъ этого постановленія есть тотъ, что когда воръ неизвѣстенъ, то хозяинъ украденной вещи долженъ отыскивать его по имѣющимся слѣдамъ, въ сопровожденіи свидѣтелей и стороннихъ людей. Ежели слѣдъ приведетъ къ селу или къ пастушескому табору, то люди, къ жилью которыхъ слѣдъ привелъ, обязаны были отвести его отъ себя, показавъ хозяину, отыскивавшему вещь свою, что слѣдъ ведетъ дальше, и вмѣстѣ съ нимъ отправиться по этому слѣду отыскивать вора. Если же люди, къ жилью которыхъ слѣдъ привелъ, не отведутъ его отъ себя, не захотятъ итти на слѣдъ или станутъ насильственно отъ него отбиваться, то должны будутъ заплатить хозяину украденной вещи цѣну ея, а князю продажу. Между тѣмъ отыскивающій вещь свою *гонитъ слѣдъ* далѣе съ чужими людьми и съ послухами. Но если бы вмѣстѣ съ нимъ отправились отыскивать вора и тѣ люди, къ жилью которыхъ слѣдъ первоначально привелъ, и если бы оказалось, что слѣдъ пропадалъ на большой дорогѣ или на пустомъ мѣстѣ, гдѣ не было ни села, ни людей, то они освобождались уже отъ всякой отвѣтственности.

Въ связи съ этимъ постановленіемъ состоитъ то, на которое я уже имѣлъ случай указать выше, именно о ловлѣ въ чужихъ дачахъ (ст. CXXIV). Хотя разсмотрѣнное правило о слѣдѣ, потому-что оно въ нѣкоторыхъ спискахъ помѣщено непосредственно послѣ статьи о бобрѣ и разломанной борти [1]), можетъ подать поводъ думать, что оно относилось къ этимъ только случаямъ, гораздо однако натуральнѣе предположить, что это соединеніе двухъ различныхъ статей, подобно тому какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, произошло отъ невѣденія позднѣйшихъ переписчиковъ и что постановленіе о слѣдѣ могло имѣть общее примѣненіе во всѣхъ случаяхъ, когда надобно было отыскивать неизвѣстнаго вора. Кажется, что гнать по слѣду было древнѣйшимъ кореннымъ обычаемъ у Славянъ вообще и что обычай этотъ нашелъ для себя выраженіе въ ихъ законодательствахъ. Такъ въ древнѣйшемъ сборникѣ польскаго законодательства, именно въ Статутѣ Вислицкомъ Казиміра В., находится постановленіе [2]), что ежели кто ночью станетъ звать сосѣдей, чтобы они помогли ему гнать по слѣдамъ вора, укравшаго лошадь, и ежели они откажут-

---

[1]) Сравн. у Раковецкаго Pr. R, т. II., стр. 92—94; у Эверса (переводъ Платонова) стр. 405 и 406.

[2]) Volumina Legum, t. I. fol. 23; у Раков. Pr. R. т. II., стр. 94.

ся дать требуемую помощь, то обязаны будутъ заплатить цѣну украденной лошади хозяину ея. Гораздо замѣчательнѣе постановленія о слѣдѣ, встрѣчаемыя въ Статутѣ Литовскомъ, именно въ томъ отношеніи, что статья Русской Правды объ этомъ же предметѣ, вошла въ нихъ, можно сказать, цѣликомъ и только распространена нѣкоторыми позднѣйшими дополненіями. Не лишнимъ считаю привести эти постановленія въ переводѣ на русскій языкъ. *Ежели бы украдены были лошади, волы, скотъ и другія вещи, въ домѣ или другомъ какомъ мѣстѣ, а потерпѣвшій убытокъ нашелъ бы слѣдъ своей пропажи, то, собравъ добрыхъ людей, окольныхъ сосѣдей, имѣетъ онъ, по древнему обычаю, гнать слѣдъ. Если бы слѣдъ этотъ привелъ къ селу или чьему-либо дому, то отыскивающій вещь свою долженъ послать туда стороннихъ добрыхъ людей, заслуживающихъ довѣрія съ тѣмъ, чтобы люди, къ жилью которыхъ слѣдъ привелъ, приняли его, такъ сказать, отъ тѣхъ, которые его гнали* (u tej kopy wziąć'), *и отвели его отъ своего села, дома или земли до сосѣдней межи, куда слѣдъ пойдетъ. Если же люди того села, куда слѣдъ привелъ, отъ себя его не отведутъ или отобьютъ отъ слѣда тѣхъ, которые его гнали, или же, выпасъ скотъ, затопчутъ слѣдъ, то тѣ люди* (ta kopa), *которые слѣдъ гнали, должны остановиться на томъ мѣстѣ, откуда слѣдъ не былъ отведенъ далѣе или на которомъ отъ слѣда отбивались, призвать вознаго* (судебнаго служителя) *и вмѣстѣ съ нимъ оцѣнить потерю хозяина, отыскивающаго вещь свою. Потерпѣвшій убытокъ* (szkodnie) *долженъ самъ-третей* (т. е. съ двумя свидѣтелями) *дать присягу въ томъ, что онъ дѣйствительно потерпѣлъ его. Послѣ того, то село, которое отъ себя слѣда не отвело, должно заплатить хозяину убытокъ его, а само отыскивать виновнаго* [1]).

Мы имѣли возможность убѣдиться, что постановленія Русской Правды, имѣющія въ виду огражденіе движимаго имущества отъ тайнаго его похищенія, довольно многочисленны и обнаруживаютъ особенную заботливость законодателей объ этомъ имуществѣ вообще и о нѣкоторыхъ предметахъ его въ особенности. Достойно однакожъ вниманія, что о другихъ видахъ противозаконнаго чужимъ имуществомъ завладѣнія, напримѣръ, о насильственномъ завладѣніи, Правда умалчиваетъ совершенно. Нельзя ли объяснить себѣ это молчаніе предположеніемъ, что, по духу того времени, каждое явно насильственное дѣйствіе со стороны наступающаго давало право къ такому же насильственному дѣйствію со стороны обороняющагося и что это могло имѣть послѣдствіемъ преступленіе, которое

[1]) Stat. Lit. Rozdz. XIV. art. 9, §§ 1 и 2.

ближе касалось особы, нежели имущества частнаго лица,—побои, раны, увѣчье и смертоубійство?

О противозаконномъ пользованіи чужою движимою собственностію также ничего почти не говорится, за исключеніемъ одной статьи, которая указываетъ на особенный случай.

Ст. CXV.

«А оже кто всядеть на чюжь конь, не прошав, то за то «3 гривны продажи» [1]).

И такъ за то, что кто-нибудь поѣдетъ на чужомъ конѣ, не просивъ позволенія хозяина, онъ долженъ былъ заплатить такую же пеню, какъ и за кражу этого же коня. Это кажется довольно страннымъ. Но странность эта исчезаетъ отчасти, если мы (какъ это уже сдѣлали и многіе другіе) [2]) допустимъ, что законъ этотъ не есть произведеніе туземное, русское, но что онъ заимствованъ отъ Норманновъ, у которыхъ, какъ людей по преимуществу военныхъ, конь,—эта, можетъ быть, лучшая половина всадника [3]), могъ имѣть особенную цѣнность, а ѣзда на чужомъ конѣ, безъ дозволенія хозяина, могла считаться важною обидою. Допустить это мы можемъ, не опасаясь нисколько за самостоятельность древнѣйшаго памятника русскаго законодательства, самостоятельность весьма очевидную, а допустить должны потому, что самая редакція приведенной статьи представляетъ не одно случайное сходство съ законами народовъ германскаго племени [4]). Въ

[1]) Въ нѣкоторыхъ спискахъ вмѣсто 3 гривны значится одна гривна. Сравн. изд. Калачова, стр. 122.

[2]) Напр. Струбе, Карамзинъ, Чацкій и др. Сравн. Rakow. Pr. R. т. II. стр. 57, примѣч. f.

[3]) Такъ думалъ извѣстный генералъ Жомини.

[4]) Срав. текстъ нашей статьи съ постановленіями нижеслѣдующими: Legis Francorum Salicae, tit XXVI. «*Si quis caballum «extra consilium domini sui ascenderit, et eum caballaverit, DC «den., qui faciunt sol. XV, culpabilis judicetur, et pro eo, qui a«scenderit, similiter alios XV solidos solvat*». Legis Ripuariorum, tit. XV. «*Si quis caballum extra consilium domini sui ascenderit, «triginta solidis culpabilis judicetur*». (Leges Francorum Salica et Ripuariorum, ed. Eccardi, 1720, fol. 51 et 219). Законъ ютландскій: «*Ritt jemand eines andern Mannes Perd, ane des sinen «Willen, deme dat Perd thohöret, de brikt davor dre Mark an den «Bonden*». Объ этомъ законѣ Карамзинъ замѣчаетъ, что хотя ютландское уложеніе позднѣе Ярославова, но во всякомъ случаѣ сходство нѣкоторыхъ постановленій въ обоихъ доказы-

пользу этого говоритъ довольно убѣдительно и самое одиночество, отчужденность разсматриваемаго нами постановленія посреди другихъ статей нашего памятника, которыя какъ члены одной семьи носятъ на себѣ признаки фамильнаго сходства, легко группируются и удаляются отъ постановленій, случайно въ ихъ кругъ попавшихъ.

Къ разряду разсматриваемыхъ мною мѣръ огражденія имущественныхъ отношеній частныхъ лицъ принадлежатъ еще нѣкоторыя постановленія Правды, указывающія на случаи уничтоженія и порчи чужого движимаго имущества.

Ст. CI.

«Аще кто пакощами порѣжеть[1]*) конь или скотину, за то «продаже 12 гривне, а за пагубу господину гривна, а урокъ платити».*

Ст. CII.

«Аже ли кто посѣчеть верею или перетнеть верв въ перевѣсѣ, «то 3 гривне продаже, а господину за верею и за вервь гривна кунъ»[2]).

Ст. CIII (въ двухъ варіантахъ).

а. *«Аже кто борть подътнеть, то 3 гривны продаже, а за дерево полгривнѣ».*

б. *«А въ княжѣ борти 3 гривны, любо пожгуть, любо изодруть, «а въ смерди 2 гривны».*

Ст. LI.

«А иже изломить копье, любо щитъ, любо пртъ, а начнеть

ваетъ, что какъ то, такъ и другое образовались подъ вліяніемъ древнѣйшихъ скандинавскихъ законовъ. Ист. Гос. Рос. 1 изд., т. II, стр. 55 и 362, прим. 91. Сравн. Раков. Pr. R. т. II, 57, пр. f.

[1]) Въ нѣкоторыхъ спискахъ *зарѣжеть*. Ср. изд. Калач., стр. 118.

[2]) Слово *верея* (по-польски wierzeja) значитъ *дверь* или *ворота*; на малороссійскомъ же нарѣчіи *вирья* (множ. число) значитъ *жерди*, *шесты*. Слово *перевѣсъ* или *перевѣсь*, встрѣчающееся и въ Статутѣ Литовскомъ, означало, какъ можно догадываться, ограду, въ которой хранились домашнія, а можетъ быть, и пойманныя дикія птицы подъ сѣтію. Иногда также этимъ словомъ означаемо было мѣсто, гдѣ содержались охотничьи собаки, ястребы и т. д. И такъ, можно, кажется, статью эту перевести такъ: Ежели кто изрубитъ дверь въ перевѣсѣ (т. е. въ птичьемъ дворѣ) или перерѣжетъ веревку (на которой держится покрывающая ограду перевѣсная сѣть), то долженъ заплатить 3 гривны продажи, а хозяину за дверь и за веревку гривну кунъ. Ср. Раковецкаго Pr. R. т. II, стр. 144, прим. 72.

«хотѣти его держати у себе, то прияти скота [1] *у него; а иже «есть изломилъ, аще ли начнеть примѣтати, то скотомъ ему за-«платити колько далъ будеть на немъ».*

Вникая въ содержаніе прописанныхъ статей, мы видимъ, что законъ ясно отличаетъ злонамѣренное *(пакостное)* истребленіе и порчу имущества отъ неумышленнаго, а вслѣдствіе того установляетъ и различныя взысканія, которыя во всякомъ случаѣ падаютъ на истребляющаго или портящаго чужую вещь. Главное различіе состоитъ въ томъ, что умышленное истребленіе или порча чужой собственности подвергаютъ виновнаго не только уплатѣ хозяину, потерпѣвшему убытокъ, цѣны истребленныхъ или испорченныхъ вещей, но еще виновный долженъ заплатить тому же хозяину гривну или полъ-гривны (смотря по различію предметовъ) за нанесенную ему обиду и кромѣ того продажу князю отъ 12 до 3 или 2 гривенъ; между тѣмъ какъ испортившій неумышленно чужія вещи обязанъ только заплатить хозяину ихъ то, чего онѣ ему самому стоили. Такимъ образомъ злостно зарѣзавшій (а можетъ быть, и порѣзавшій только) [2] чужую скотину платитъ князю 12 гривенъ, а хозяину гривну *пагубы*, да сверхъ того цѣну зарѣзанной скотины. За злостное посѣченіе перевѣси или перевѣсной веревки виновный платитъ 3 гривны пени и гривну хозяину за нанесенный убытокъ. Умышленно подрубившій, пожогшій или ободравшій бортное дерево платитъ, если борть была княжеская, 3 гривны, если же она принадлежала смерду, 2 гривны пени, да хозяину за самое дерево полъ-гривны вознагражденія. Я уже имѣлъ случай замѣтить, что имущество, князю принадлежавшее, имѣло въ глазахъ закона большую цѣнность, нежели имущество простолюдина. Здѣсь находимъ опять подтвержденіе этому.

Въ послѣдней изъ приведенныхъ статей (LI) рѣчь идетъ, кажется, о предметахъ, данныхъ въ ссуду или на подержаніе, именно о копьѣ, щитѣ и платьѣ. Тотъ, кто ими былъ ссуженъ, конечно долженъ былъ возвратить ихъ хозяину въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ ихъ получилъ; если же онъ ихъ тѣмъ или другимъ образомъ испортилъ, то могъ оставить ихъ у себя или отдать назадъ хозяину, но въ обоихъ случаяхъ обязанъ былъ заплатить послѣ-

---

[1] *Скотъ* — pecus, pecunia.

[2] Въ Малороссіи и теперь въ большомъ ходу обычай, что хозяинъ, въ котораго огородъ или поле повадится ходить чужая скотина, преимущественно свиньи, поймавъ эту скотину, подрѣзываетъ ей т. наз. *жижки*, т. е. сухія жилы на заднихъ ногахъ, отъ чего скотина навсегда остается калѣкою.

девому цѣну испорченныхъ предметовъ. Надобно впрочемъ сознаться, что различные варіанты этой статьи могутъ подать поводъ къ различному ея толкованію.

Таковы были мѣры огражденія имущества наличнаго. Я бы считалъ изслѣдованіе свое неполнымъ, если бы не указалъ еще на тѣ постановленія древнѣйшаго памятника русскаго законодательства, которыя имѣютъ въ виду обезпеченіе имущества долговаго.

Прежде всего Правда объявляетъ, что человѣкъ, который, задолжавъ, бѣжитъ въ чужую землю, считается лишеннымъ довѣрія, на-равнѣ съ воромъ. На это указываетъ именно

Ст. CXVI.

«Оже человѣкъ помаев куны у людей, а побѣжить въ чужую «землю, вѣры ему не яти, какъ и татю».

Далѣе мы встрѣчаемъ постановленія, опредѣляющія общія правила займовъ между людьми свободнаго состоянія и особенныя для лицъ, занимающихся торговлею. Первыя содержатся въ

Ст. XIII.

«Аже кто куны даетъ въ рѣзъ, или медъ въ наставъ, или жито «въ присопъ, то послухы ему наставити, како ся съ нимъ будетъ «рядилъ, тако же ему и имати».

Содержаніе этой статьи даетъ поводъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Не только деньги (куны, скотъ), но и другія вещи, въ особенности произведенія сельскаго хозяйства (медъ, жито), могли быть предметомъ займа. Предметы эти при возвращеніи ихъ заимодавцу въ опредѣленные сроки приносили ему извѣстную прибыль или наддачу (рѣзъ, наставъ и присопъ). Заемъ долженъ быть совершенъ при свидѣтеляхъ (вѣроятно двухъ), поставляемыхъ заимодавцемъ, а условія договора зависѣли отъ взаимнаго соглашенія лицъ, участвовавшихъ въ немъ, какъ бы они ни были тягостны для должника. Изъ того, что займы совершаемы были при свидѣтеляхъ, можно также заключить, что письменная форма договоровъ не была еще въ употребленіи. Впрочемъ, судя по отрывку XIV статьи, который относится уже къ взысканію по долговымъ обязательствамъ, можно думать, что отъ воли заимодавца зависѣло отдать деньги въ заемъ при свидѣтеляхъ или безъ нихъ; а въ займахъ незначительныхъ, цѣною до 3 гривенъ включительно, вовсе даже не требовалось послуховъ.

Относительно купеческихъ займовъ, особенное правило, совершенно отличное отъ правила общаго, установляетъ слѣдующая статья Правды:

Ст. XI.

«Аже ли кто купьць а купцю даетъ въ купьлю куны, или въ

«*гостьбу, то куницю передъ послухы кунъ не имати, и послуси ему*
«*не надобь, нъ ити ему самому ротъ, оже ся почнеть запирати*».

Отсюда видно, что купцы въ долговыхъ обязательствахъ между собою не нуждались въ свидѣтеляхъ, какъ бы ни великъ былъ заемъ. Заимодавецъ могъ всегда запирающагося должника принудить къ уплатѣ долга, присягнувъ лично въ томъ, что онъ дѣйствительно далъ въ заемъ извѣстное количество денегъ. Такимъ образомъ отъ лицъ торговаго званія требовалось и болѣе взаимнаго довѣрія, и болѣе добросовѣстности въ платежѣ долговъ. Замѣтимъ наконецъ, что въ прописанной статьѣ указывается на внутреннюю и внѣшнюю торговлю (купля и гостьба).

Далѣе Правда установляетъ общія и особенныя мѣры взысканія по долговымъ обязательствамъ. Сюда относятся:

Ст. CXXXVI (въ двухъ варіантахъ).

а. «*А оже кто взищеть кунъ или скота на друзѣ, а онъ ся*
«*начнеть запирати, то оже нань выведеть послуси, то тии поидуть*
«*на роту, а онъ възметь свое куны, занеже не далъ ему есть кунъ*
«*за многю лѣтъ, то платити ему за обиду ту 3 гривны*».

б. «*Аже гдѣ взыщеть кто на друзѣ прочѣ, а онъ ся запирати*
«*почнеть, то ити ему на изводъ предъ 12 человѣка, да еще обидя*
«*его вдалъ будеть, достойно ему свои скотъ, а за обиду 3 гривнѣ*».

Ст. XIV.

«*А послуховъ ли не будеть, а будеть ли кунъ 3 гривны, то*
«*ити ему про свое куны ротѣ, будеть ли болѣе кунъ, то речи ему*
«*тако: промиловался еси, оже еси не поставилъ послуховъ*».

Ст. LV.

«*Аще кто многимъ долженъ будеть, а придеть гость изъ иного*
«*града, или чюжь земець, не вѣдая запустить за него товаръ*[1]), *и*
«*оно хочеть гостю дати кунъ, а первыи должники начнуть ему за-*
«*пинати, тогда вести его на торгъ и продати, и дати прежде ино-*
«*земцу, а домашнимъ что ся останеть нынѣ подѣлятъ. Аще за*
«*нимъ будуть княжи куны, то княжи куны прежъ имати, а прочее*
«*въ дѣлъ; а кто много рѣза ималъ, тому не имати кунъ*»

Ст. XII.

«*Аже который купьць, шедъ, кдѣ либо съ чужими кунами, и*
«*истопиться, любо рать възметь, а любо огнь, то не насилити*
«*ему, ни продати его, но како почнеть мочи отъ лѣта платити,*
«*такоже и платить; занеже пагуба отъ Бога есть, а самъ не ви-*

---

[1]) Здѣсь слово *товаръ* употреблено въ значеніи предметовъ торговли.

«новать есть. Оже ли пропьеться или пробіеться [1]*), а въ томъ «безуміи чюжь товаръ испортить, то како любо тъмъ чье то куны, «ждуть ли ему, а своя имъ воля, продадять ли его, своя имъ воля».*

Первыя двѣ изъ приведенныхъ статей имѣютъ въ виду тотъ случай, когда должникъ отпирается отъ своего долга и не хочетъ платить заимодавцу. Заимодавецъ долженъ тогда вести отвѣтчика передъ 12 мужей [2]), поставить тѣхъ свидѣтелей, которые были при заключеніи условія займа, и ежели они объявятъ о томъ подъ присягою, то заимодавецъ получаетъ свои деньги и сверхъ того 3 гривны за обиду, если должникъ въ теченіе многихъ лѣтъ не платилъ ему долга. Впрочемъ, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, ежели заемъ былъ не болѣе 3 гривенъ, то, какъ при совершеніи его, такъ и при взысканіи, свидѣтелей не требовалось, подобно тому какъ не требовалось ихъ и во взаимныхъ долговыхъ обязательствахъ между купцами: въ этихъ случаяхъ истецъ самъ долженъ былъ утвердить своею присягою справедливость своего притязанія. Но ежели заемъ, цѣною выше 3 гривенъ, совершенъ былъ безъ свидѣтелей, а должникъ въ послѣдствіи времени сталъ отпираться отъ своего долга, то неосторожный кредиторъ долженъ былъ потерять искъ свой и такимъ образомъ наказываемъ былъ за свою *милость* или снисходительность. «*Промиловался еси, оже еси не поставилъ послуховъ*», говоритъ ему законъ устами 12 мужей.

За тѣмъ въ ст. LV и XII заключаются правила о несостоятельныхъ должникахъ и конкурсѣ. Замѣтимъ прежде всего, что въ этихъ правилахъ не упоминается вовсе о ложной несостоятельности или злостномъ банкротствѣ: конечно это преступленіе не было еще извѣстно безхитростнымъ людямъ того времени и составляетъ жалкую принадлежность позднѣйшихъ, болѣе *образованныхъ* вѣковъ. Но Правда весьма ясно различаетъ несостоятельность, происшед-

---

[1]) Раковецкій переводитъ это словомъ *проиграется*, основываясь на томъ, что и теперь у простого народа въ употребленіи многія игры, при которыхъ имѣетъ мѣсто *битва*, *біеніе*; напр., когда *бьются* объ закладъ, *бьются* на кулачки, *бьютъ* яйца на праздникъ Воскресенья Христова, *бьютъ* бабки и т. п. Сравн. Rakowiecki, Pr. R. т. I, стр. 20, т. II, стр. 96 и 77, также 141, примѣчаніе 58.

[2]) Эверсъ думаетъ, что эти 12 мужей были избираемы изъ среды всего общества (своего міра) и что они представляли собою это общество. Въ нихъ также видитъ онъ начало суда присяжныхъ. Сравн. Das älteste Recht der Russen. S. 300 и 301.

шую отъ какого-нибудь несчастнаго случая, и несостоятельность, которой причиною была виновная неосторожность должника. Въ первомъ случаѣ, когда причиною несостоятельности было несчастіе, напримѣръ, потопленіе, пожаръ или ограбленіе купца военными отрядами, законъ воспрещаетъ заимодавцамъ употреблять какія-нибудь понудительныя мѣры противу несчастнаго должника, а тѣмъ болѣе продавать его для своего удовлетворенія, поставляя имъ на видъ начала христіанской религіи и вѣру въ Провидѣніе (*«занеже «пагуба отъ Бога есть, а самъ не виноватъ есть»*). Однакожъ несостоятельный должникъ, сдѣлавшійся таковымъ по какому-нибудь несчастному случаю, не освобождался вовсе отъ платежа своимъ кредиторамъ, напротивъ, онъ долженъ былъ (вѣроятно, по взаимному соглашенію съ заимодавцами) разложить платежъ на извѣстное число лѣтъ и уплачивать ежегодно или въ опредѣленные сроки положенную при раскладкѣ сумму, пока не заплатитъ долга своего сполна.

Такимъ образомъ въ постановленіи о несчастномъ несостоятельномъ должникѣ видно, съ одной стороны, желаніе обезпечить цѣлость имущества заимодавца, съ другой, сострадание къ несчастію и желаніе облегчить снисходительностію участь должника. Оба эти начала еще явственнѣе обнаруживаются въ правилахъ о несостоятельности, происшедшей отъ собственной вины или неосторожности должника; но и здѣсь также чувство состраданія беретъ верхъ надъ строгостію, которой заслуживаетъ промотавшійся пьяница или игрокъ—должникъ. Законъ какъ-будто не рѣшается отказать заимодавцамъ въ средствахъ удовлетворенія себя и предоставляетъ имъ право продать даже для этой цѣли несостоятельнаго должника; но, съ другой стороны, онъ намекаетъ имъ и на то, что они могутъ отсрочить взысканіе и дать такимъ образомъ должнику время къ исправленію себя и своихъ торговыхъ обстоятельствъ (*«како любо тѣмъ чье то куны-ждуть ли ему, а своя имъ воля; продадять ли его, а своя имъ воля»*). Какая утѣшительная разница между постановленіями древнѣйшаго памятника русскаго законодательства и постановленіями безчеловѣчно строгихъ римскихъ децемвировъ!

Есть однако случай, когда законъ обнаруживаетъ болѣе настойчивости во взысканіи долга, именно когда въ числѣ заимодавцевъ несостоятельнаго должника есть гость изъ чужого города или чужеземецъ. Чувство національной гордости, столь сильно развитое теперь во всѣхъ народахъ славянскаго племени, было, какъ видно, не менѣе сильно и въ древнѣйшемъ періодѣ ихъ общественной жизни. Это-то чувство похвальной гордости въ соединеніи съ

правилами гостепріимства и желаніе показать чужеземцамъ, что они ни въ какомъ случаѣ не должны бояться за цѣлость своего имущества, были конечно руководительною мыслію законодателя при установленіи слѣдующаго правила: если чужеземецъ, не зная о критическихъ обстоятельствахъ торговца, отпуститъ ему товаръ, за который тотъ не въ состояніи будетъ заплатить, будучи должнымъ многимъ другимъ заимодавцамъ, требующимъ также удовлетворенія, то несостоятельнаго должника надобно продать на торгу и удовлетворить прежде всего претензію иностранца, потомъ заплатить долгъ князя (ежели былъ таковой долгъ), остальное же раздѣлить между своими, домашними заимодавцами, вѣроятно, соразмѣрно капиталу каждаго. Тотъ однакоже изъ заимодавцевъ, который бралъ слишкомъ много процентовъ, въ случаѣ открывшейся несостоятельности должника и конкурса, не имѣлъ права на дальнѣйшее удовлетвореніе [1]).

И такъ, основное правило конкурсовъ было то, что претензія князя, а если былъ иностранецъ, то прежде еще его претензія, удовлетворяема была сполна; остальные же туземные заимодавцы, исключая слишкомъ корыстолюбивыхъ ростовщиковъ, дѣлили остатокъ суммы, вырученной за продажу несостоятельнаго должника, сообразно величинѣ капитала каждаго изъ нихъ [2]).

Подобно тому какъ во многихъ другихъ отношеніяхъ, такъ и въ отношеніи къ обезпеченію долговыхъ обязательствъ, Правда установляетъ особенныя правила о долгахъ, сдѣланныхъ людьми

---

[1]) Что значило: много процентовъ? На это вѣроятно надобно искать отвѣта въ постановленіи Владиміра Мономаха о рѣзѣ: ст. XV изд. Калачова, стр. 86.

[2]) Въ такомъ же духѣ написаны нѣкоторыя статьи договора Мстислава Давидовича съ Ригою и Готландіею, такъ что можно думать, что онѣ составлены были подъ вліяніемъ нашего памятника. Вотъ текстъ ихъ по изданію Раковецкаго (т. II, стр. 23 и 24): ст. 17. *«Аже Латынинъ дасть Роусиному товаръ свой оу дѣлю, оу Смольнске, заплатити Немчиноу пьрвѣе, хотя бы инѣму кому виноватъ былъ Роусиноу: тако оузяти Роусиноу оу Ризѣ и на Готьскомъ березѣ»*; ст. VII. *«Аже разгнѣваіется Князь на своего человѣка, а боудѣте виноватъ Немчиню Роусинъ, а отнять Князь все, женоу и дѣти у холъпство, первоіе платити іемоу Латининy, а потомъ Князю какъ любо съ своимъ человѣкомъ: таку правду взяти Роусину оу Ризѣ и на Гочкъмь березѣ».*

несвободными — холопами. Мы уже имѣли случай видѣть, изъ договора о возвращеніи бѣглыхъ рабовъ ихъ господину, что послѣдній получалъ при томъ добытый холопомъ его во время бѣговъ товаръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ принималъ на себя и всѣ долги его. Кромѣ этого постановленія есть еще другія, указывающія на обязанность господина платить долги за своего раба. Сюда относятся

Ст. LVII.

«*Аже кто пустить холопа въ торгъ, а одолжаетъ, то вы*«*купати его господину, а не лишитися его*».

Ст. LVI.

«*Аче же холопъ кдѣ куны вложить,*[1]) *а онъ будеть не вѣдая* «*вдалъ, то господину выкупати и, али лишитися ему его; вѣдая* «*ли будеть вдалъ кунъ, то кунъ ему лишитися*».

И такъ кто дозволилъ своему холопу заниматься торговлею, тотъ обязанъ былъ платить за него всѣ долги. Выраженіе: «*выку*«*пати его господину, а не лишитися его*», скорѣе указываетъ, по моему мнѣнію, на обязательство господина выкупать задолжавшаго раба, нежели на право *не лишиться его*. Но если бы даже рабъ, не имѣющій позволенія отъ своего господина на производство торга, взялъ у кого-нибудь деньги подъ видомъ свободнаго человѣка, а заимодавецъ не зналъ дѣйствительно о томъ, что онъ даетъ деньги рабу, то и въ такомъ случаѣ хозяинъ раба долженъ или выкупить его, или предоставить въ распоряженіе заимодавца. Напротивъ, ежели заимодавецъ зналъ, что онъ даетъ деньги чужому холопу, то онъ лишался возможности получить ихъ обратно.

Наконецъ къ мѣрамъ огражденія долговыхъ обязательствъ надобно отнести постановленія, опредѣляющія взаимное обезпеченіе закупа и его господина. Мы видѣли уже, что закупъ, взявшій извѣстную сумму денегъ у своего господина, долженъ былъ въ теченіи опредѣленнаго времени заслуживать долгъ свой. Ежели онъ въ продолженіи этого времени бѣжалъ отъ господина, то, бывъ пойманъ, обращался за наказаніе въ полнаго, обѣльнаго холопа. Но не каждая отлучка закупа, хотябы даже и самовольная, считалась побѣгомъ, за который господинъ имѣлъ бы право поработить его. Напротивъ, ежели закупъ явно отлучается для взысканія долговъ или же уходитъ по причинѣ обидъ, наносимыхъ ему господиномъ его, ища *правды* у князя или у судьи (быть можетъ, также у 12 мужей), то законъ предписываетъ «*дать ему правду*». Ежели въ особенности закупъ докажетъ что господинъ

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ спискахъ написано: «*вылжетъ*». Это, кажется, правильнѣе. Ср. изд. Калачова, стр. 100.

продалъ его подъ видомъ своего раба другому, то онъ освобождается отъ дальнѣйшей выслуги и уплаты взятыхъ имъ въ заемъ денегъ, и сверхъ того господинъ обязанъ заплатить за такую обиду, нанесенную свободному человѣку, 12 гривенъ продажи: безпристрастіе закона, достойное удивленія нашего времени. Изложенныя начала заключаются въ слѣдующихъ статьяхъ:

Ст. XVII.

«Аже закупъ бѣжить отъ господы, то обѣль. Идеть ли искать «кунъ, а явлено ходить, или къ князю, или къ судіямъ бѣжить, обы«ды для своего господина, то ему про то не роботять его, но да«ти праведу ему».

Ст. XX.

«Продасть ли господинъ закупа обѣль, то и наимету свобода «въ всѣхъ кунахъ, а господину платити за обиду 12 гривенъ про«даже».

Таковы были мѣры огражденія долговыхъ обязательствъ.

Въ заключеніе моего изслѣдованія скажу еще, что древнѣйшее русское законодательство не оставило безъ вниманія имущества малолѣтныхъ и постановило мѣры для охраненія его отъ растраты тѣми лицами, которыя должны были заботиться объ осиротѣвшихъ дѣтяхъ. Постановленія, сюда относящіяся, заключаются въ слѣдующихъ статьяхъ:

Ст. LXVIII.

«Аже ли будутъ у мужа въ дому дѣти малы, а не дѣжи «(дюжи) ся будуть сами собою печеловати, а мати имъ пойдеть «за мужь, то кто имъ ближеи будеть, тому же дати ихъ на «руцѣ и съ добыткомъ. и съ домомь, донелѣже возмогуть. А то«варъ дати имъ передъ добрыми людьми, а что сърѣзить това«ромъ тѣмъ, или пригостить, то ему собѣ, а исьтый товаръ во«ротить ему имъ, а прикупъ ему собѣ, занеже онъ кърмилъ и «печаловался ими. Аже ли отъ челяди плодъ, или отъ скота, то «то все поимати лицемь; что ли будеть истерялъ, то то ему все «платити дѣтемъ тѣмъ».

Ст. LXIX.

«Аче же и отьцимъ приметь дѣти тѣ съ задьницею, и то «такоже имъ есть рядъ, якоже ся изрядилъ; а дворъ безъ дѣла «отьнь всяко мьншему сынови».

Ст. LXX.

«А ежели жена вречеться сѣдѣти по мужи, а ростерять «добытокъ и паки пойдеть за мужь, и то платити ей все дѣтемъ».

Отсюда явствуетъ, что, была ли опекуншею мать или опекуномъ ближайшій родственникъ, или наконецъ вотчимъ,—во вся-

номъ случаѣ имущество малолѣтныхъ было обезпечено. Ближе всего, разумѣется, опека надъ дѣтьми должна была принадлежать оставшейся въ-живыхъ матери, но ежели она, находясь во вдовствѣ, растратила ихъ имущество и потомъ вышла опять за-мужъ, то должна была заплатить за все утраченное. Опекунъ—родственникъ также обязанъ былъ вознаградить всѣ убытки, происшедшіе въ имуществѣ малолѣтныхъ во время его управленія; но въ вознагражденіе его за труды законъ предоставляетъ въ его пользу все, что было имъ приторговано или приращено къ имуществу малолѣтныхъ, поступившему въ его завѣдываніе, исключая приплодъ отъ скота и рабовъ, какъ независящій отъ воли и распоряженія опекуна, а отъ самой природы. Что касается до вотчима, то, кажется, онъ могъ быть опекуномъ малолѣтныхъ пасынковъ и падчерицъ своихъ (падѣтей?) не иначе какъ по особому договору (ряду), заключаемому между нимъ и *добрыми людьми*, при которомъ отдаваемо было имущество малолѣтныхъ, или между нимъ и родственниками. Условія договора зависѣли отъ взаимнаго соглашенія (*«яко же ся изрядилъ»*), но конечно основаніемъ его служило то правило, что ввѣряемое опекуну имущество малолѣтныхъ должно быть возвращено имъ въ цѣлости по достиженіи совершеннолѣтія, въ противномъ же случаѣ надобно было заплатить всѣ убытки.

Закрывая листки древнѣйшаго памятника русскаго законодательства, доставившаго мнѣ главный матеріалъ для настоящаго труда, я не могу не высказать моего удивленія, что законодательство столь еще раннее могло уже съ такою отчетливостію понимать частные интересы и постановить столь полныя мѣры для ихъ огражденія.

А. Станиславскій.

ДРЕВНЕЕ
РУССКОЕ ПРАВО ЗАЛОГА.

Различіе, существующее между правомъ на чье-либо дѣйствіе и правомъ на вещь относительно ихъ предмета, оказываетъ значительное вліяніе и на самое осуществленіе этихъ правъ. Дѣйствіе всегда состоитъ въ зависимости отъ человѣка, предпринимающаго его, и потому не можетъ подлежать безусловному господству посторонняго лица, удобомыслимому надъ вещью. Право на дѣйствіе для осуществленія предполагаетъ въ равной мѣрѣ волю двухъ лицъ *), а вещное волю одного. Отъ того шаткость и малонадежность свойственны правамъ на чужія дѣйствія, и существованіе такого права не даетъ еще ручательства за его проявленіе въ дѣйствительности. А между тѣмъ въ области права существованіе въ отвлеченіи, безъ внѣшняго воплощенія, мало имѣетъ достоинства; обязательства же принадлежатъ къ самымъ частымъ въ ней явленіямъ, особенно при значительномъ развитіи гражданственности, вслѣдствіе котораго самыя права на вещи замѣщаются нерѣдко обязательственными отношеніями.

Не находя обезпеченія въ самой сущности правъ на чужія дѣйствія, каждое общество стремится создать его искуственными средствами: если нѣтъ возможности разсторгнуть связь между лицемъ обязаннымъ и его дѣйствіемъ, то по крайней мѣрѣ можно усилить готовность лица къ совершенію дѣйствія, на которое предоставлено другому право. Обычай и законодательство идутъ слѣдующими путями.

*) Право на чужое дѣйствіе и обязательство суть двѣ стороны одного и того же юридическаго понятія.

А. Право на дѣйствіе замѣщается правомъ на лице или на вещь: напр., должникъ или имущество его отдаются въ собственность неудовлетворенному заимодавцу.

Б. Содержаніе обязательства отъ несвоевременнаго исполненія усиливается: напримѣръ, назначается неустойка, полагается въ наказаніе ростъ.

В. Обязанное лице замѣщается другимъ, какъ напрím. въ случаѣ поручительства.

Учрежденія перваго рода даютъ наилучшее обезпеченіе обязательствамъ, ибо устраняютъ самыя обязательства, которыя тутъ только въ силѣ, пока они исполняются. Прочія же учрежденія не выходятъ изъ круга правъ на дѣйствія.

Въ составъ учрежденій перваго рода входитъ и право залога, состоящее въ томъ, что право на дѣйствіе обезпечивается еще до исполненія обязательства установленіемъ права на вещь, въ противуположность *взысканію*, которое допускаетъ обезпеченіе вещнымъ или личнымъ правомъ только тогда, когда не воспослѣдуетъ исполненіе обязательства.

Взысканіе удовлетворяетъ крайней потребности гражданскаго общества, поставляя на-мѣсто обязательства, оказавшагося безнадежнымъ, предметъ осязательный. Право залога даетъ гораздо болѣе: въ самое возникновеніе права на чужое дѣйствіе оно способно внести обезпеченіе и тѣмъ поправить коренной недостатокъ этого права.

Въ развитіи права взысканіе предшествуетъ залогу, въ которомъ выражается стремленіе не только побудить къ исполненію обязательствъ, но также внушить довѣріе, потребное для ихъ заключенія. Первоначальныя законодательства народовъ всегда строги къ должнику неплатящему, о правѣ же залога едва въ нихъ упоминается: законодательства странъ образованныхъ ослабляютъ мѣры взысканія и развитіемъ права залога стараются употребленіе ихъ сдѣлать лишнимъ или по крайней мѣрѣ болѣе рѣдкимъ.

Обычаи и законодательства представляютъ право залога въ весьма разнообразныхъ видахъ. Я сдѣлаю имъ краткое обозрѣніе и постараюсь показать, въ какой степени каждый ведетъ къ обезпеченію обязательствъ.

А. Залогопринимитель становится собственникомъ залога, отчуждаемаго прежнимъ хозяиномъ съ условіемъ получить его обратно въ случаѣ исполненія обязательства. Обезпеченіе тутъ въ такой степени полно, что удовлетвореніе по обязательству можетъ нисколько не озабочивать залогодержателя: онъ хозяинъ залога, и любое осуществленіе права собственности въ его власти. Продавая

заложенную вещь до выкупа, онъ не нарушаетъ ничьего права на нее, такъ-какъ отчужденіе продажею содержится въ правѣ собственности. Но такой избытокъ обезпеченія дается, очевидно, на счетъ залогодателя: оно основано здѣсь не на томъ, что у залогодателя есть собственность, а на томъ, что она у него отнимается; чтобы пользоваться одною выгодою, сопряженною съ собственностью, хозяинъ закладываемой вещи долженъ отказаться отъ всѣхъ прочихъ выгодъ. Римское учрежденіе fiducia даетъ такое право залога заимодавцамъ. [1]) Для охраненія однакоже закладчика отъ убытковъ римское право требуетъ продажи залога въ случаѣ неплатежа и обязываетъ заимодавца доставить за собственнымъ удовлетвореніемъ излишекъ выручки должнику. Но по особенному условію продажа залога можетъ быть устранена.

Б. Залогоприниматель не собственникъ залога, а только владѣетъ имъ въ обезпеченіе обязательства. Сюда принадлежатъ римское учрежденіе pignus, французское gage. Обезпеченіе залогодержателя здѣсь весьма ограниченное: такъ-такъ ему присвояется одно право владѣнія, то залогъ подлежитъ всѣмъ распоряженіямъ хозяина, возможнымъ безъ владѣнія. Право продажи не содержится въ этомъ видѣ залога, а допускается въ видахъ понужденія къ исполненію обязательства и для взысканія.

В. Залогоприниматель получаетъ въ обезпеченіе обязательства право на заложенную вещь, въ силу котораго онъ можетъ требовать себѣ удовлетворенія изъ выручки за продажу залога. Право продажи входитъ здѣсь въ составъ самаго понятія о правѣ залога. Право продажи собственно принадлежитъ хозяину вещи, который можетъ не только осуществить его дѣйствительною продажею, но можетъ также передать его другому лицу, получающему тогда часть, какъ-бы вырѣзокъ, права собственности хозяина, слѣдовательно право на чужую вещь. Это право залога достаточно обезпечиваетъ исполненіе по обязательству, не стѣсняя залогодателя, который остается хозяиномъ и можетъ остаться владѣльцемъ своей вещи. Добросовѣстный должникъ для удовлетворенія вѣрителя, въ случаѣ нужды, самъ собою прибѣгаетъ къ отчужденію какого-либо имущества, въ настоящемъ же случаѣ залогодатель уже предварительно предоставляетъ эту мѣру другому лицу, чтобы вызвать тѣмъ его довѣріе. Право продажи безъ-того есть окончательное выраженіе права собственности, разрушающее ее своимъ осуществленіемъ: по этому залогодатель ограничиваетъ себя лишь въ такомъ распоряженіи, которое хотя и вытекаетъ изъ права собственности надъ имуществомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ прекращаетъ это право, всякое же другое пользованіе остается за хозяиномъ неограниченно. Вла-

дѣніе залогомъ и тутъ можетъ быть предоставлено вѣрителю, но оно не составляетъ сущности обезпеченія, которое заключается въ правѣ на продажу залога, въ чьихъ рукахъ онъ бы ни находился, и на удовлетвореніе изъ выручки, такъ-что для хозяина залога есть возможность одною и тою же вещью обезпечить нѣсколько обязательствъ. [2])

Послѣдняя система болѣе первыхъ двухъ соотвѣтствуетъ существу обезпеченія. При содѣйствіи римскаго права, въ которомъ она извѣстна подъ именемъ hypotheca, она вошла въ составъ новѣйшихъ законодательствъ и вытѣснила употребительное дотолѣ право залога или по крайней мѣрѣ измѣнила видъ его. Она находится въ тѣсной связи съ промышленною дѣятельностью народа, нуждающеюся между прочимъ въ двухъ условіяхъ: въ полномъ господствѣ лицъ надъ собственностью, со всевозможнымъ устраненіемъ всякихъ ограниченій, и въ утвержденіи взаимнаго довѣрія гражданъ другъ къ другу, дающаго теченіе имущественнымъ ихъ средствамъ, обобщающаго, такъ сказать, пользу отъ стяжанія отдѣльныхъ лицъ, дающаго возможность средства соразмѣривать съ потребностями общества, которое безъ того въ тѣсной зависимости отъ средствъ. Разсмотрѣнный мною послѣдній способъ обезпеченія обязательствъ несравненно менѣе другихъ стѣсняетъ осуществленіе права собственности и въ то же время можетъ быть развитъ законодательствомъ такъ, что обезпеченіе будетъ совершенно прочное.

И въ составъ отечественнаго законодательства вошла эта послѣдняя система залога. Когда потребность кредита стала вслѣдствіе преобразованій Петра Великаго замѣтно ощутительною въ государствѣ, правительство озаботилось водвореніемъ у насъ этой системы: изданъ былъ въ 1737 году, Августа 1, достопамятный указъ, которымъ открывается дорога новому праву залога въ Россіи. Но дѣйствовавшее до него право залога, образовавшееся само собою въ народѣ и соотвѣтствовавшее вполнѣ степени его образованія, гнѣздилось столь упорно въ общественномъ сознаніи, что должно было неминуемо произойти сильное столкновеніе между старымъ и новымъ порядкомъ вещей. Ходъ законодательства до самаго устава о банкротахъ, 1800 г., свидѣтельствуетъ о борьбѣ двухъ системъ права залога, борьбѣ, кончившейся не столько побѣдою новаго начала надъ древнимъ воззрѣніемъ, сколько примиреніемъ обоихъ между собою. Новая система вытѣснила старую, но подверглась сильному ея вліянію, и сохранились даже опредѣленія старой системы, положенныя въ основаніе нѣкоторымъ постановленіямъ современнаго законодательства.

Я поставляю себѣ задачею разсмотрѣть древнее право зало-

га, съ тѣмъ, чтобы показать, какое вліяніе имѣло оно на видоизмѣненіе той системы, которая была принята ему въ замѣну. Изображеніе же дѣйствующаго права залога не входитъ въ составъ моей статьи.

Обычай развилъ древнее право залога: писанный законъ касался его лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было ограничить выводы, которые получались изъ древняго, обычнаго воззрѣнія на залогъ, когда возникали злоупотребленія или настояла надобность согласить залогъ съ другими общественными учрежденіями. Но рѣдко законодательство приступало непосредственно къ самому основанію залога: сущность права залога оставляется древнимъ законодательствомъ неприкосновенною; оно предпочитаетъ дѣйствовать ограниченіями: запрещаетъ рядъ залоговъ и тѣмъ самымъ дѣлаетъ примѣненіе существующаго права болѣе рѣдкимъ. При такомъ отрицательномъ участіи законодательства въ образованіи права залога главнымъ источникомъ должны служить моему изложенію памятники права обычнаго, содержащіеся въ различныхъ актахъ. Пользуясь ими, я позволяю себѣ заключать объ общемъ существованіи обычая по отдѣльнымъ его проявленіямъ: кто не допускаетъ такого пріема, долженъ отчаяваться въ успѣшномъ раскрытіи древняго юридическаго быта нашего отечества: не установленный законами, онъ основанъ почти исключительно на обычаяхъ, никогда не принимавшихъ систематическаго вида и сохранившихся для насъ отрывочно, въ частныхъ примѣненіяхъ. Но въ области обычнаго права заключеніе отъ частнаго къ общему не составляетъ погрѣшности, ибо частное тутъ только проявленіе общаго. Гораздо смѣлѣе и опаснѣе было бы опредѣлить черты юридическаго быта на основаніи сохранившихся законовъ, ибо въ существованіи закона въ древности нѣтъ еще ручательства за его приложеніе къ дѣйствительности. Для насъ важно знать, какія юридическія воззрѣнія выработались въ общественномъ сознаніи народа относительно залога, и если высказываетъ ихъ хотя отдѣльный случай, то этого уже довольно для увѣренности въ ихъ существованіи.

Нашъ древній юридическій бытъ не развилъ до надлежащей ясности понятія права. Тому, что для насъ составляетъ право, въ этомъ быту соотвѣтствовала фактическая возможность предпринимать извѣстныя дѣйствія, не запрещаемыя общественною властію. Воля замѣняетъ право: [2]) *«вольному воля»*, *«въ вотчинѣ волѣнъ»*, *«вольно продати»* и проч. читаемъ мы въ древнихъ актахъ, а права нѣтъ въ поминѣ. Въ обществѣ, въ составъ юридическаго развитія котораго входитъ сознаніе права, усматривается явленіе совершенно противное: мы говоримъ о правѣ, что мы въ правѣ и

т. д. там, гдѣ собственно не можетъ быть рѣчи о правѣ, а гдѣ существуетъ одна фактическая возможность, основанная на томъ, что государственный бытъ подчиняетъ себѣ естественную волю человѣка не во всемъ ея пространствѣ, а предоставляетъ множество сторонъ ея собственнымъ, ближайшимъ опредѣленіямъ. Но если чуждо древнему юридическому быту сознаніе права, то и въ раскрытіи какой-либо стороны сего быта нельзя искать строгихъ юридическихъ началъ, которыя всегда сводятся къ понятію о правѣ въ подлежательномъ смыслѣ [4]), а приходится довольствоваться раскрытіемъ юридическихъ воззрѣній древняго быта, т. е. тѣхъ понятій, которыя были ему свойственны въ разсужденіи юридическихъ отношеній и которыя высказались въ опредѣленіяхъ обычая или закона.

Такимъ образомъ и право собственности въ древней Руси неопредѣленно и въ отвлеченіи не сознается ею: она нуждается въ фактической опорѣ для уразумѣнія этого права и находитъ ее во владѣніи. Кто владѣетъ имуществомъ, тотъ имѣетъ возможность осуществить на дѣлѣ все содержаніе права собственности, и право собственника есть прежде всего право на владѣніе [4]) По-этому первоначально съ отчужденіемъ владѣнія должно быть сопряжено понятіе о прекращеніи самой собственности. Ограниченіе было конечно возможно и въ древнемъ быту, но не въ содержаніи передаваемаго права, а въ срокѣ его дѣйствія. Разложеніе права на составныя его части, сознательное отличеніе одной отъ другой или даже одного права отъ другого предполагаютъ извѣстную степень юридическаго образованія въ народѣ или по крайней мѣрѣ у его законодателей и судей, — образованія, котораго мы не находимъ въ древней Руси, способной тѣмъ не менѣе къ измѣренію права по его протяженію. Такъ право собственности опредѣляется безконечностью своею: отчина жалуется такому-то и дѣтямъ его, и внукамъ, и правнукамъ, отчина пріобрѣтается *«вѣчно»*, *«впрокъ»* и *«безъ выкупа»* [6]). Передача права собственности происходитъ всегда въ сопровожденіи такихъ опредѣленій. Передачѣ же владѣнія соотвѣтствуетъ временный переходъ права собственности, допускающій возможность возвращенія имущества къ отчуждающему его хозяину. Такъ имущество можетъ быть заоброчено: тогда право собственности переходитъ къ оброчнику съ условіемъ платежа оброка или на срокъ.

По древнему праву залогъ есть отчужденіе: залогодатель предоставляетъ для обезпеченія какого-либо обязательства имущество вѣрителю, который въ случаѣ удовлетворенія возвращаетъ заложенную вещь хозяину, иначе же продолжаетъ владѣть ею.

Исполненіе обязательства со стороны должника есть условіе для прекращенія переданнаго вѣрителю права на залогъ (владѣніе), неприкосновеннаго, пока не настанетъ это условіе; если же исполненіе отнесено къ извѣстному сроку, то пропускомъ его залогодатель утрачиваетъ свое прежнее право на залогъ. И такъ залогомъ установляется не право на чужую вещь (см. выше), а совершается переходъ права отъ залогодателя къ вѣрителю, ограниченный условіемъ либо срокомъ. Я укажу здѣсь на тѣ явленія древняго юридическаго быта, которыя наводятъ на этотъ взглядъ на залогъ и допускаютъ изложеніе, независимое отъ изображенія самыхъ опредѣленій древняго права о залогѣ.

Во всѣхъ почти юридическихъ памятникахъ упоминается о залогѣ рядомъ съ другими способами отчужденія — съ мѣною, продажею, назначеніемъ приданаго, отдачею по душѣ; въ особенности часто и долго сближается залогъ съ продажею [8]), что происходитъ отъ преимущественнаго употребленія залога при займѣ: тутъ платежъ занятого есть условіе возвращенія залога, и въ случаѣ неисполненія этого условія рождается по древнему воззрѣнію совершенно такое же отношеніе между залогодателемъ и заимодавцемъ, какое возникаетъ между продавцемъ и покупателемъ, такъ что самый закладной актъ получаетъ какъ-бы значеніе купчаго [9]) и называется безразлично то купчею, то закладною [10]). Выкупъ залога первоначально тожественъ съ выкупомъ имущества проданнаго, который, кажется, возможенъ былъ и для самаго продавца [11]), ибо внося въ купчій актъ условіе, чтобы имущество было за покупщикомъ безъ выкупа, продавецъ могъ ручаться только за себя; помѣщаясь же въ случаѣ, когда не было кому выкупить, условіе это не имѣло бы никакого смысла [12]). Самое слово выкупъ указываетъ на возвращеніе отчужденнаго, утраченнаго.

На основаніи дошедшихъ до насъ памятниковъ можно думать, что древнѣйшій залогъ — залогъ самого себя: о немъ упоминается уже въ Правдѣ дѣтей Ярославовыхъ, въ которой, по моему мнѣнію, подъ закупомъ должно понимать заложившагося человѣка, службою расчитывающагося съ вѣрителемъ. По общепринятому толкованію закупъ есть лице, вступившее во временное холопство, по какому бы то поводу ни было [13]). Но соображеніе всѣхъ мѣстъ Правды и другихъ актовъ, касающихся закупа, заставляетъ ограничить временное холопство закупа однимъ источникомъ — залогомъ. Изъ статьи 73 Правды [14]) видно, что закупъ должникъ господина, которому служитъ, но нигдѣ не сказано, что бываютъ и закупы — недолжники. Дѣйствительно закупъ противуполагается обѣлу [15]), но изъ этого не слѣдуетъ, что всякій временный холопъ есть закупъ, а слѣдуетъ толь-

во, что закупъ не вполнѣ свободный человѣкъ [16]). Въ стат. 73 закупъ, названъ наймитомъ, но это ничего не доказываетъ противъ значенія заложника, ибо тутъ же предполагается, что наймитъ долженъ своему хозяину, такъ-какъ опредѣляется случай, когда прекращается обязательство заслужить долгъ. Закупъ можетъ быть названъ наймитомъ потому, что онъ слѣдующею ему за службу платою очищаетъ лежащій на немъ и обезпеченный его лицемъ долгъ. Въ позднѣйшихъ актахъ имя закупа замѣняется названіемъ: «*закладчикъ*», но еще въ челобитной торговыхъ людей, представленной Алексѣю Михайловичу въ 1646 г. [17]) по поводу причиненныхъ имъ иноземцами притѣсненій, упоминается о «*закупняхъ*», русскихъ людяхъ, которыхъ иноземцамъ держать не велѣно, и полагаю, что закупень означаетъ здѣсь закладчика [18]). Закупъ относится также къ землямъ съ несомнѣннымъ значеніемъ залога. Такъ сказано въ купчей, помѣщенной въ правой грамотѣ 1508 г.: «*ми* (Ѳедору Давидовичу Кемскому) *тѣхъ земель не осваивати, ни про*«*дати, ни мѣнити, ни въ закупъ не дати*» [19]); въ духовной 1518 г.: «*Ондрею мимо своего братанича Михайла земли своей ни продать, ни* «*промѣнить, ни въ закупи не поставити, ни въ приданные не дать, ни по* «*душѣ не дать*» [20])....Въ обоихъ приведенныхъ мѣстахъ отдача въ закупы соотвѣтствуетъ отдачѣ въ залогъ, о которой упоминается въ другихъ актахъ [21]). Можетъ быть, въ договорной грамотѣ Новгорода съ польскимъ королемъ Казиміромъ IV, 1470 г. [22]), должно понимать обязательство короля не закупать челяди, ни селъ также какъ запрещеніе залоговъ въ Новгородской землѣ. По крайней мѣрѣ Мацѣевскій полагаетъ, что въ Литовскомъ Княжествѣ закупъ означалъ закладное отношеніе [23]). Нѣтъ впрочемъ никакой необходимости понимать означенное обязательство короля непремѣнно въ смыслѣ заклада. Самоотчужденіе, приписываемое закупу опредѣленіями Правды, проявляется и въ позднѣйшихъ свидѣтельствахъ источниковъ о закладняхъ, закладникахъ, закладчикахъ. Въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ князьями, князей между собою, въ духовныхъ ихъ грамотахъ безпрестанно встрѣчается условіе не держать закладней, т. е. заложившихся людей. Я выпишу здѣсь самыя замѣчательныя мѣста. «*А изъ Божиць, Княже, людей не вы*«*водити въ свою землю, ни изъ иной волости Новгородьской,......* «*ни закладниковъ пріимати...ни смерда, ни купцины*» [24]); «*а кто бу*«*детъ закладень позоровалъ по мнѣ* (князю), *а жива въ Новгородьском* «*области, тѣхъ всѣхъ отступился есмь Новгороду*»; «*А кто будетъ* «*закладень позоровалъ къ тобѣ,....тѣхъ ти и всѣхъ отступити* «*Новугороду*» [25]); «*А что закладниковъ въ Тържьку или инда, или* «*за тобою, или за Княгинею,......кто купьць, поидеть въ свое сто,*

«а смърдъ пойдетъ свой погостъ; тако пошло въ Новгородъ; отпусти «всихъ проць» [26]) ; *«А кто живеть въ Новоторьскомъ уъздъ у Святою «Спаса, а тъ потянуть къ Торжьку, буди закладьщикъ, буди прищ«лець..»* [27]); *«...въ городъ закладней не держати»* [28]) ; *«А сынъ мой «Василей...у своей братьи, въ ихъ удълехъ земель не купить ни дръ«жыть, ни закладней не дръжыть* [29])..». Изъ означенныхъ мѣстъ и другихъ одинакаго съ ними содержанія явствуетъ, что условіе о закладняхъ клонилось къ сохраненію неприкосновенности княжескихъ и Новгородскихъ владѣній; вступленіе въ закладники вредило слѣдовательно этой неприкосновенности, ибо купцы и смерды, поступавшіе въ число ихъ, обезпечивая собою займы, подчинялись власти вѣрителей и подлежали ихъ распоряженіямъ. Закладчикъ отчуждалъ себя, и потому договаривающимися считалось равно важнымъ устранить переходъ людей посредствомъ купли и посредствомъ заклада. Освобожденіе закладника состоитъ въ поворотѣ его въ сотню либо въ погостъ: значитъ, онъ выбываетъ изъ нихъ, закладываясь за вѣрителя. Въ послѣдствіи, при объединеніи Руси, интересъ неприкосновенности отдѣльныхъ владѣній исчезаетъ: тогда условіе о непринимaніи закладниковъ, помѣщавщееся въ договорахъ и духовныхъ грамотахъ князей, смѣнилось запрещеніемъ для тяглыхъ людей вступать въ закладники: [30]) оно еще яснѣе показываетъ, что закладъ самого себя есть самоотчужденіе, непозволительное для тяглаго человѣка, который считается крѣпкимъ государю. Вступленіемъ въ закладъ закладчикъ уклонялся отъ платежа лежавшихъ на немъ повинностей, такъ что выгодно было не выкупаться вовсе изъ заклада. Источники не содержатъ никакихъ свидѣтельствъ объ оставленіи званія закладчика вслѣдствіе выкупа. Можно даже предположить съ нѣкоторою вѣроятностью, что закладывались по займамъ безденежнымъ для пріобрѣтенія сопряженныхъ съ этимъ актомъ выгодъ или для снисканія одного покровительства сильнаго человѣка. Въ источникахъ упоминается о злоупотребленіяхъ, возникающихъ отъ-того, что иные люди называютъ себя закладчиками бояръ и другихъ сильныхъ людей и дерзаютъ на обиды и самовольства подъ защитою громкаго имени своихъ патроновъ—вѣрителей [31]). Въ актахъ встрѣчается также поручительство за наемныхъ служителей въ томъ, что въ теченіе договора они не будутъ закладываться за сильныхъ людей [32]).

Еще извѣстно запрещеніе отдаваться въ закладъ, основанное на одномъ интересѣ правительства отстаивать свободу гражданъ, которая прекращалась для закладчика не съ пропущеніемъ платежнаго срока, а съ самаго начала обезпеченія [33]). Одна служба въ

пользу вѣрителя безъ утраты свободы не могла составить сущность вступленія въ залогъ, такъ-какъ такого рода служба была возможна безъ всякаго залога въ видѣ службы за ростъ [34]). И точно также утрата свободы послѣ платежнаго срока не составляла особенности залога, ибо въ случаѣ неисправности всякій должникъ отвѣчалъ вѣрителю своею личностью [35]), не одинъ закладчикъ, какъ видно изъ опредѣленій древняго права объ обращеніи неисправнаго должника въ холопы [36]) и о позднѣйшей отдачѣ его заимодавцу до искупа [37]).

Юридическое воззрѣніе, въ силу котораго отвѣтственность по неисполненію обязательствъ падала въ древности прежде всего исключительно на лице обязанное [38]), подтверждаетъ такимъ образомъ взглядъ на залогъ, какъ на отчужденіе права, принадлежащаго залогодателю, и вмѣстѣ съ тѣмъ объясняетъ, почему право залога примѣняется первоначально къ однимъ лицамъ: до начала 15-го столѣтія у насъ нѣтъ свидѣтельствъ объ имущественномъ залогѣ [39]), а указаній на заложенныхъ людей дошло до насъ довольно изъ 13-го и 14-го столѣтій. Тоже самое воззрѣніе встрѣчаемъ и у другого народа: у Римлянъ [40]), и оно вполнѣ сообразно сущности обязательства, котораго непосредственный предметъ дѣйствіе лица, а не имущество его. Законная отвѣтственность должника имуществомъ возникаетъ впрочемъ никакъ не позже начала XVII столѣтія, какъ видно изъ росписи статейнаго списка 1627 года [41]), въ которой предписывается въ извѣстныхъ случаяхъ производить оцѣнку должникову имуществу. Въ указѣ же 1558 года предполагается еще особое условіе между договаривающимися для того, чтобы отчина неисправнаго должника могла итти на удовлетвореніе заимодавца [42]). Въ древнемъ же быту вовсе не было имущества, на которое бы можно было отвести взысканіе по обязательству: недвижимое, сколько извѣстно, обыкновенно принадлежало роду, семейству, а не отдѣльному лицу, движимое состояло изъ однихъ необходимѣйшихъ вещей [43]); притомъ въ обязательство займа, къ которому конечно относятся всѣ древнѣйшіе залоги, вступали люди неимущіе, которые только и могли собою обезпечивать вѣрителей [44]). Раннее развитіе поручительства [45]), по моему мнѣнію, также указываетъ на исключительно личный характеръ древнѣйшей отвѣтственности по обязательствамъ. И съ нимъ же, можетъ быть, состоитъ въ связи явленіе, представляющее въ нѣкоторыхъ случаяхъ самый залогъ видомъ поручительства [46]).

Подъ закладомъ разумѣется въ древнемъ правѣ не только отчужденіе, предпринимаемое въ предварительное обезпеченіе, предшествующее исполненію обязательства, но онъ же употребляется

какъ мѣра наказанія для побужденія должника къ исправности, и тутъ нѣтъ мѣста никакому сомнѣнію касательно характера отчужденія, который свойственъ закладу. Такъ упоминается о закладѣ въ смыслѣ неустойки, платимой за неисполненіе обязательства, въ дополнительной грамотѣ къ договору Новгорода съ великими князьями Василіемъ и Іоанномъ Васильевичами, 1456 г. [47]): *а что «закладъ въ рядныхъ грамотахъ, а то вольномъ имати Князем Великимъ съ владыкою на виноватомъ отъ сего докончанія».* Или закладъ есть пеня, платимая за нарушеніе какого-либо условія: такъ Новгородъ обязанъ былъ заплатить по Демонскому докончанію какую-то сумму пени-залога [48]); такъ упоминается о закладѣ въ смыслѣ пени въ договорной грамотѣ Новгорода съ великимъ князем Іоанномъ Васильевичемъ 1471 г. [49]). Наконецъ дается закладъ лицемъ виновнымъ за извѣстныя судебныя дѣйствія, по опредѣленію Новгородской судной грамоты 1471 же года [50]). Во всѣхъ сихъ случаяхъ закладъ очевидно есть отчужденіе права, принадлежащаго лицу по имуществу, и постановленъ мѣрою обезпеченія, точно также какъ и закладъ, даваемый до исполненія обязательства, и если по случаю исправности должника послѣдняго рода закладъ возвращается закладчику, то установляется тоже самое имущественное отношеніе, которое существовало бы для заклада—неустойки или заклада—пени; если же должникъ неисправенъ, то всякій закладъ долженъ подлежать распоряженію вѣрителя *). Упоминается наконецъ о закладѣ въ смыслѣ вклада въ монастырь [50])

Изложенное мною понятіе о залогѣ какъ объ отчужденіи права залогодателя въ пользу залогопринимателя проявляется съ небольшими колебаніями во всей восточной Руси до начала 18-го столѣтія. Основанное на медленно движущемся обычаѣ и подвергаясь слабому вліянію законодательства, право залога представляется единымъ до указа 1737 г. Августа 1, такъ что при разсмотрѣніи сего права должно отказаться отъ раздробленія его исторіи на періоды, которые впрочемъ большею частію составляютъ въ области права ученый пріемъ, а не переломы развитія. Приступаю теперь къ самому изображенію древняго права залога: попытаюсь представить, какія существовали въ восточной Руси воззрѣнія на учрежденія и отношенія, порождаемыя правомъ залога [51]).

Установленіемъ залога или заклада [52]) передается отъ залогодателя принадлежащее ему право залогопринимателю въ обезпеченіе какого-либо обязательства. Передаваемое право по большой

---

*) Принимаю это обозначеніе въ самомъ обширномъ смыслѣ.

части то, которое мы сознаемъ какъ право собственности. Но когда свободный человѣкъ самъ закладываетъ себя, то происходитъ собственно не передача права, а возникаетъ для залогопринимателя прежде несуществовавшее вовсе право собственности надъ закладчикомъ. По причинѣ смутнаго понятія о существѣ права вообще и права собственности древній бытъ считалъ возможнымъ отчужденіе закладомъ не только имущественнаго права, но и другого: такъ закладывались православныя жены и дѣти, къ великому и основательному негодованію пастырей церкви, какъ видно изъ грамоты патріарха Филарета, посланной къ архіепископу Кипріану въ Сибирь въ 1622 году [63]). Само собою разумѣется, что тутъ право залогопринимателя не можетъ быть продолженіемъ залогодателева, а возникаетъ для него право собственности по залогу: онъ творитъ «*блудъ*» съ заложницею, продаетъ ее или отдаетъ въ холопки. Правительство преслѣдовало залоги женъ и дѣтей, но всетаки они существовали [64]). Права, по существу своему временныя, кажется, не передавались для залога, ибо прекращеніе ихъ могло предшествовать выкупу, кромѣ котораго слѣдовательно закладное отчужденіе встрѣчало здѣсь еще другое ограниченіе, несообразное его свойству. При уступкахъ нѣкоторыхъ правъ пользованія, соляными варницами напр., упоминается объ очисткѣ отъ закладныхъ [65]), но, кажется, только отъ-того, что уступки эти дѣлаются собственниками имущества, по которому предоставляется право пользованія, и подводятся подъ понятіе продажи, такъ-что выговаривается собственно не очистка права этого отъ залога, а очистка самаго имущества. Въ порядной записи иноземца Акема на землю встрѣчается обязательство наемщика не закладывать земли [66]). Въ строгомъ смыслѣ о закладѣ земли не могло бы быть вовсе рѣчи, такъ-какъ она временно передается Акему для одного пользованія: по-этому мы были бы въ правѣ отнести условіе не закладывать къ праву пользованія, предоставляемаго наемщику, и считать возможнымъ для Акема передать свое право другому лицу въ обезпеченіе какого-либо обязательства. Но не забудемъ, что древнее воззрѣніе ясно не сознавало собственности: для него переходъ владѣнія къ Акему былъ временнымъ переходомъ собственности, содержащей право закладывать, и въ предупрежденіе осуществленія этого права нужно было особымъ условіемъ запретить Акему залогъ нанятой земли.

Самое право государственной власти на территоріумъ, безсознательно принимаемое за право собственности, идетъ на обезпеченіе обязательства. По займу 15,000 р. Іоаннъ IV принимаетъ отъ «*голдовника*» Магнуса въ залогъ ливонскіе города [67]).

Цѣль залога есть обезпеченіе обязательства: значеніе его слѣдова-

тельно второстепенное и онъ по дѣйствію своему зависитъ отъ обязательства, которое само не подчиняется собственно его вліянію. Залогъ вовсе не существенъ для существованія обязательства, при прекращеніи же или недѣйствительности обязательства и залогъ долженъ прекратиться или быть недѣйствительнымъ. По-этому ничтоженъ, кажется, закладъ по пропойнымъ деньгамъ [58]), такъ-какъ запрещенъ самый отпускъ питій въ долгъ; ничтоженъ, кажется, закладъ по словеснымъ займамъ съ тѣхъ поръ, какъ постановлено было не давать по нимъ суда [59]). Но такъ-какъ закладъ есть отчужденіе права, ограниченное по времени большею частію однимъ исполненіемъ обезпечиваемаго обязательства, условія же для дѣйствительности отчужденія обсуживаются по большой части независимо отъ цѣли, для которой оно совершается, то прекращеніе или недѣйствительность обезпечиваемаго обязательства не влечетъ за собою, безъ особеннаго на то опредѣленія обычая либо закона, непосредственной недѣйствительности залога, а только порождаетъ обязательство для залогопринимателя возвратить заложенное [60]). Самостоятельность отчужденія, содержащагося въ залогѣ, заслоняетъ такимъ образомъ его второстепенное, дополнительное значеніе, и самое исполненіе обезпечиваемаго обязательства получаетъ мѣсто какъ-бы въ тѣни этой самостоятельности и является лишь условіемъ для возвращенія отчужденнаго: отъ-того акты, содержащіе обезпеченіе залогомъ, называются обыкновенно закладными, а не сообразно главной сдѣлкѣ [61]); и такъ-какъ чаще всего употребляется закладъ въ обезпеченіе займа или денежнаго долга, то въ общественномъ сознаніи закладная преимущественно означаетъ заемное или другое долговое обязательство, залогомъ обезпеченное. Отъ-того также въ нѣкоторыхъ случаяхъ самая дѣйствительность главнаго обязательства поставляется въ зависимость отъ дѣйствительности залога, напр. заложенная бѣломѣстцу тяглая земля отнимается у него, и самый заемъ, обезпеченный ею, признается недѣйствительнымъ [62]). Въ случаѣ отсужденія заклада отъ должника, обезпечившаго имъ обязательство послѣ возникновенія спора, закладъ, точно также какъ и проданное, выдается оправленному истцу, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обязательство обезпеченное прекращается [63]). Обстоятельство, касающееся собственно только заклада, оказываетъ иногда также вліяніе на главное обязательство: когда заложена лошадь и она издыхаетъ у залогопринимателя, то долговая сумма уменьшается на половину [64]). Ни въ какомъ случаѣ впрочемъ подчиненность залога главному обязательству не мѣшаетъ залогу слѣдовать во многихъ отношеніяхъ своимъ особымъ опредѣленіемъ: такъ начало и продолжительность его дѣйствія могутъ быть независимы отъ главнаго

обязательства [65]); онъ можетъ быть установленъ на особыхъ условіяхъ [66]). Сообразно сему Уложеніе представляетъ намъ случай недѣйствительности закладного отчужденія относительно части заклада безъ вліянія на силу обезпеченнаго имъ обязательства [67]).

Обязательство, обезпечиваемое залогомъ, точно не опредѣляется въ дошедшихъ до насъ указаніяхъ источниковъ, и на самую необходимость существованія обязательства для дѣйствительности залога, конечно несомнѣнную, указываютъ только позднѣйшія свидѣтельства [68]). На основаніи извѣстныхъ намъ закладныхъ актовъ позволительно будетъ предположить, что одни договорныя обязательства допускаютъ залогъ. Обязательства законныя и по обидамъ встрѣчаются нерѣдко въ источникахъ, но употребительное при нихъ обезпеченіе всегда поручительство [69]), а не залогъ. Въ случаѣ же превращенія этихъ обязательствъ въ договорныя, безъ сомнѣнія возможнаго, могло получить мѣсто и обезпеченіе залогомъ. Изъ договоровъ обезпечиваются закладомъ вкладъ [70]), продажа [71]), долговыя обязательства вообще [72]) и преимущественно заемъ, любимѣйшій спутникъ залога, имѣвшій, кажется, существенное вліяніе на образованіе древняго понятія о залогѣ: при связи послѣдняго съ займомъ естественно было считать заложенную вещь собственностью залогопринимателя, который утрачивалъ за то собственность по имуществу, отданному въ заемъ залогодателю. Объ обезпеченіи другихъ договоровъ, сколько мнѣ извѣстно, въ источникахъ не упоминается. Но они представляютъ еще указанія на обезпеченіе обязательствъ значенія нравственнаго, а не юридическаго, или основанныхъ на отношеніяхъ международныхъ. Такъ пишетъ въ 1611 г. гетманъ Сапега къ князю Трубецкому: «...*а мы при васъ...горла свои дадимъ; а буде намъ не вѣрите, и вы у насъ закладъ поемлете, чтобъ вамъ вѣрнѣе было* [73])...». Въ грамотѣ Ляпунова во Владиміръ того же года читаемъ: «...*велѣлъ имъ взять подъ присягою въ закладѣ лучшихъ людей*.... [74]). Въ сношеніяхъ съ инородцами Сибири и волжскаго низовья правительство наше постоянно обезпечивало ихъ вѣрность аманатами или заложниками, закладчиками, — лицами, близкими и дорогими предводителямъ племенъ, составлявшими едва-ли не единственное надежное ручательство ихъ покорности. Упоминается объ особенномъ закладномъ дворѣ въ Астрахани для содержанія аманатовъ, о средствахъ ихъ содержанія и т. д. [75]). Само собою разумѣется, что заклады по такого рода обязательствамъ не могутъ и не должны быть обсуживаемы на основаніяхъ права гражданскаго.

Съ достовѣрностью нельзя рѣшить, извѣстно ли древнему праву залогодательсво по чужимъ обязательствамъ. Ему неблагопріят-

ствуетъ воззрѣніе на залогъ, какъ на отчужденіе, предполагающее, что участіе залогодателя въ обязательствѣ есть непосредственное. Уложеніе содержитъ случай противузаконнаго залога чужой отчины отъ имени собственника безъ его вѣдома и согласія [76]): тутъ довольно близко заключеніе, что съ согласія отчинника возможенъ бы былъ залогъ. Залогъ чужихъ вещей встрѣчается въ источникахъ [77]), но лишь въ томъ смыслѣ, что лице, вступающее въ обязательство, закладываетъ ихъ, а не самый хозяинъ.

Что касается до мѣры обезпеченія обязательствъ залогами, то въ точности она не опредѣляется указаніями источниковъ. Въ одномъ случаѣ Судебникъ Іоанна IV даетъ постановленіе, что обязательство, будучи займомъ, не должно превышать стоимости закладной отчины [78]). Если обязательство ростовое, то и ростъ подлежитъ, кажется, обезпеченію, на-равнѣ съ главнымъ обязательствомъ [79]). Но если есть нѣсколько обязательствъ совершенно отдѣльныхъ другъ отъ друга, то залогъ, установленный въ обезпеченіе одного, не распространяется на другія [80]).

Предметъ права, передаваемаго въ обезпеченіе обязательства, есть имущество, и рождается вопросъ, всякое ли имущество подлежитъ залогу. Не принимая здѣсь въ уваженіе тѣхъ ограниченій относительно залога, которыя касаются залогодателя и залогопринимателя, мы должны довольствоваться слѣдующими указаніями. Вещи закладываются отдѣльно каждая либо въ совокупности; но существеннаго различія нѣтъ между тѣмъ и другимъ залогомъ, ибо залогъ вещей въ совокупности есть ничто иное, какъ совокупность залоговъ опредѣленныхъ вещей, которыя по затруднительности ихъ исчисленія подводятся подъ собирательное обозначеніе: таковъ напр. залогъ отчины [81]). Вещи, признаваемыя священными, не могутъ быть закладываемы. Сюда относятся кресты, образные оклады, церковныя книги и всякая церковная утварь [82]). Исчисленные предметы упомянуты при запрещеніи принимать ихъ въ закладъ по пропойнымъ деньгамъ, но такъ-какъ закладъ всякихъ вещей въ этомъ случаѣ запрещенъ [83]), то мы, кажется, въ правѣ понимать это опредѣленіе такъ, что тѣмъ болѣе предосудителенъ закладъ вещей, которыя собственно ни въ какомъ случаѣ не подлежатъ ему. Закладъ креста на кружечномъ дворѣ имѣетъ слѣдствіемъ отдачу виновнаго подъ монастырское начало [84]). Можетъ быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускался закладъ вещей священныхъ, напр для дѣлъ богоугодныхъ [84]). Въ Актахъ Юридическихъ упоминается о залогѣ отчины, въ которой есть церковь [85]): нельзя ее считать предметомъ залога, а она составляетъ только принадлежность отчины, за которой слѣдуетъ и въ закладъ. Людей законодательство постоянно

стремится изъять отъ залога какъ по самоотчужденію [87]), такъ и по отдачѣ ихъ другими лицами, собственниками ихъ, разумѣется, когда они не составляютъ, въ качествѣ крѣпостныхъ, принадлежности населеннаго имѣнія [88]). Наказъ казанскому воеводѣ князю Львову, 1697 г., постановляетъ смертную казнь за пріемъ человѣка въ закладъ [89]). Замѣчательно ограниченіе самоотчужденія залогомъ въ видахъ оберечь православіе: Русскимъ запрещается служить добровольно въ деньгахъ у Нѣмцевъ и Татаръ [90]).

Запрещеніе закладывать таглые дворы, сдѣланное древнимъ правомъ относительно нетяглыхъ залогопринимателей [91]), получило въ 1673 г. дальнѣйшее развитіе изъятіемъ мѣщанскихъ дворовъ отъ заклада вообще [92]).

Помѣстья, какъ временную собственность, едва-ли когда-либо дозволялось закладывать [93]). Уложеніе указываетъ на случай *воровскаго* заклада помѣстья [94]), но не даетъ чрезъ то права считать закладъ помѣстья въ другихъ случаяхъ законнымъ. Въ дѣйствительности вѣроятно происходилъ закладъ помѣстьевъ Не безъ повода конечно новоуказныя статьи 1676 г. подвергаютъ его уничтоженію [95]).

Указъ 1714 года о единонаслѣдіи, подчинившій помѣстья и отчины одинаковымъ опредѣленіямъ и образовавшій чрезъ то понятіе единой недвижимой собственности, установилъ также неподвижность ея: запрещены имъ залогъ и продажа недвижимостей и допущены только немногія изъятія [96]). Должно думать, что достопамятный указъ нанесъ ударъ общественному кредиту, котораго единственнымъ основаніемъ остались движимыя имущества, тѣмъ болѣе, что уничтоженіемъ правежа [97]) были вѣроятно ослаблены самыя мѣры взысканія съ неисправныхъ должниковъ и поручителей. Достойно замѣчанія, что Петръ Великій, первый обратившій вниманіе на обязательства съ казною, не коснулся права залога даже въ видахъ ихъ обезпеченія, тогда-какъ въ послѣдствіи именно они вмѣстѣ съ кредитными установленіями подали поводъ законодательству развить въ подробности опредѣленія свои о залогахъ.

Закладныя движимыя вещи, о которыхъ упоминается въ нашихъ источникахъ, суть главнымъ образомъ золотыя и серебряныя издѣлія, платье, пушной товаръ, лошади [98]).

Недвижимыя имущества, подлежа закладу, отдавались въ обезпеченіе цѣлыми отчинами, дачами, отдѣльными частями—пожнями, лугами, угодьями въ варницахъ, сѣнокосахъ, рыбныхъ ловляхъ состоявшими [99]).

Нѣкоторыя имущества могли быть изъяты отъ заклада по особенной волѣ государя: такъ предоставляется Михаиломъ Ѳедо-

ровичемъ иностранцу Коэту покупка пустошей для учрежденія стекольнаго завода, но съ запрещеніемъ ихъ продажи и залога [100]). Или залогъ допускается не иначе, какъ съ разрѣшенія верховной власти [101]). При переходѣ имуществъ отъ одного лица къ другому встрѣчается въ источникахъ иногда частное запрещеніе дальнѣйшаго отчужденія посредствомъ заклада [102]): запрещеніе такое всегда есть признакъ временной собственности, предоставляемой лицемъ запрещающимъ.

Залогъ имуществъ будущихъ, т. е. такихъ, которыя или вовсе еще не существуютъ, или по крайней мѣрѣ еще не пріобрѣтены залогодателемъ и закладываются съ условіемъ пріобрѣсти ихъ, невѣдомъ, кажется, древнему праву; но если заложено имущество, отъ котораго возникаютъ новыя—плоды, приплодъ и др., то и эти подлежатъ залогу. Произведенія имуществъ, подлежащихъ потребленію залогопринимателя по соглашенію съ должникомъ, разумѣется, не могутъ быть требуемы при выкупѣ.

Новѣйшее законодательство относитъ къ имуществамъ также права и считаетъ ихъ предметами для заклада, наприм. привилегіи, даруемыя для исключительнаго пользованія [103]). Для образованнаго права вещи даже могутъ исчезнуть вовсе изъ ряда имуществъ и право собственности по нимъ занять ихъ мѣсто: дѣйствительно, кто признаетъ вещь своимъ имуществомъ, высказываетъ только, что она предметъ его права собственности, точно также какъ она можетъ быть предметомъ права пользованія отдѣльнаго. Въ противуположность тому древнее право, не созрѣвшее для отвлеченностей, признаетъ одни тѣла имуществами, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда воля лица по имуществу ограничена и представляется намъ правомъ на чужую вещь, древнее воззрѣніе признаетъ имуществомъ не право, а самую вещь. Передается право на вещь: значитъ, передается самая вещь, только съ бо́льшими или меньшими ограниченіями. Право обязательственное еще недоступнѣе древнему юридическому быту: его затрудняетъ и самое понятіе права, и дѣйствіе, какъ предметъ права; по-этому онъ довольствуется исчисленіемъ тѣхъ дѣйствій, которыя составляютъ содержаніе какого-либо обязательственнаго отношенія: что дать, что взять [104]); имущественнаго характера обязательствъ онъ не сознаетъ вовсе; въ нихъ слѣдовательно нѣтъ для него ничего подлежащаго залогу.

Но можно указать на письменный актъ, свидѣтельствующій о существованіи обязательства, имѣющій значеніе представителя обязательства, и считать его орудіемъ для сообщенія имущественнаго характера обязательству, такъ-какъ самый актъ можетъ быть разсматриваемъ какъ имущество, можетъ быть и проданъ и заложенъ и т. д.

Мнѣ кажется, что мы не въ правѣ допустить такое отношеніе актовъ къ обязательствамъ, такъ-какъ оно не указывается вовсе нашими источниками; встрѣчающееся же выраженіе въ одной духовной грамотѣ 14-го столѣтія [104]): *«а грамота въ закладѣ»* едва-ли можно толковать такъ, будто идетъ тутъ рѣчь о закладѣ обязательствъ, засвидѣтельствованныхъ грамотою: соображая древность духовной и неопредѣлительность означенныхъ словъ, я думаю, что подъ ними должно разумѣть другое: именно что актъ объ исчисленныхъ претензіяхъ завѣщателя затерянъ, заложенъ въ этомъ смыслѣ.

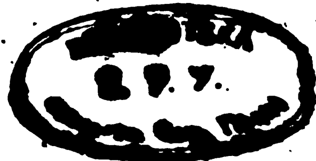
Право залога приисходитъ изъ одного источника—договора. Знакомые другимъ законодательствамъ способы происхожденія права залога: чрезъ завѣщательное распоряженіе, по непосредственному опредѣленію закона или чрезъ посредственное—приговоромъ судебнаго мѣста, не указаны въ дошедшихъ до насъ памятникахъ древняго права. Существо его воззрѣнія на залогъ какъ на отчужденіе права, принадлежащаго залогодателю, равно какъ объясняющееся этимъ существомъ постоянное сближеніе залога съ продажею позволяютъ намъ думать, что договоръ былъ дѣйствительно единственнымъ источникомъ права залога. Законъ достигаетъ значенія источника для происхожденія залога не иначе какъ опредѣленіемъ самого же законодательства: но мы знаемъ, что оно не внесло никакого новаго начала въ древнее право залога. Залогъ судебный не приходится къ употребительнымъ у насъ мѣрамъ взысканій: поручительство составляетъ судебное обезпеченіе, а не залогъ [106]). Залогодательство по духовнымъ грамотамъ противно ихъ назначенію: онѣ не форма для заключенія какихъ либо гражданскихъ сдѣлокъ, а представляютъ характеръ религіозный [107]), которому подчиняется и гражданская сторона ихъ. Установленіе же залога въ завѣщаніи предполагаетъ развитіе гражданскаго ихъ направленія до самостоятельности, если не до перевѣса.

Въ ст. 208 10-й главы Уложенія содержится видъ дозволеннаго самоуправства, который въ другихъ правахъ признается залогомъ и принимается за таковой и въ русскомъ правѣ Рейцомъ [108]). Дозволяется хозяину пашни или луга загнать къ себѣ чужую скотину за причиненную потрату и держать ее до вознагражденія за убытки [109]). Излагая этотъ случай, Уложеніе не упоминаетъ вовсе о закладѣ, и, какъ мнѣ кажется, не постановляетъ вовсе закладного отношенія. Захваченный скотъ не идетъ въ обезпеченіе обязательства, возникающаго для хозяина скота и касающагося вознагражденія за убытокъ отъ потравы, ни въ непосредственное удовлетвореніе захватившаго скотъ на случай неисправности его хозяина, а законъ имѣетъ только въ виду побудить хозяина скота

къ производству вознагражденія. Что за обезпеченіе, когда стоимость захватываемаго скота находится въ совершенно случайномъ отношеніи къ суммѣ, на которую причиненъ вредъ хозяину поля, когда на самый захватываемый скотъ не указывается закономъ какъ на средство удовлетворенія? Уложеніе принимаетъ по прежнему воззрѣнію залогъ за отчужденіе права залогодателева: въ настоящемъ же случаѣ нѣтъ отчужденія и потому не упоминается вовсе о залогѣ. И по моему мнѣнію существо русскаго заклада рѣшительно не проявляется въ чертахъ юридическаго отношенія, содержащагося въ разсматриваемой статьѣ.

Единственный слѣдовательно источникъ права залога есть договоръ, существенныя черты котораго состоятъ въ слѣдующемъ: требуется согласіе одной договаривающейся стороны на отчужденіе въ цѣлости права, подлежащаго ея распоряженію, и согласіе другой стороны на принятіе этого права; отчуждаемымъ правомъ обезпечивается обязательство,—договоръ, который долженъ быть исполненъ или прекратиться инымъ образомъ для того, чтобы возникло обязательство возвратить отчужденное право. Такъ какъ источники не содержатъ общихъ правилъ о договорахъ, представляя и для нихъ, какъ для другихъ частей права, одну юриспруденцію случаевъ, а не началъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не исключаютъ предположенія, что юридическое воззрѣніе древней Руси на договоръ, т. е. на сущность его, условія заключенія, исполненія и проч., примѣняется также къ залогу, то можно допустить, что правила, встрѣчающіяся относительно другихъ договоровъ, примѣняются также и къ залогу, разумѣется, за исключеніемъ тѣхъ, которыя по самому значенію своему составляютъ особенную принадлежность одного какого-либо договора, каковы напр. постановленія о ростѣ.

Обращаюсь къ разсмотрѣнію условій для дѣйствительности договора, установляющаго залогъ. Относительно договаривающихся лицъ должно замѣтить слѣдующія указанія источниковъ. Можетъ быть одинъ залогопринниматель, можетъ быть ихъ и нѣсколько [110]). Случаи, когда нѣсколько залогодателей, которые обыкновенно близкіе родственники [111]), встрѣчаются нерѣдко. Отвѣтственность по договору не дробится, а существуетъ въ цѣлости для каждаго договаривающагося [112]). Есть запрещеніе писать отцу съ сыномъ либо брату съ братомъ кабалы на людей въ заемныхъ деньгахъ [113]), но съ достовѣрностью нельзя сказать, распространяется ли это запрещеніе, повторенное и въ Уложеніи [114]), на закладчиковъ. Наименьшій возрастъ для залогодательства не опредѣляется: можетъ быть, онъ былъ 15-тилѣтній [115]). Уложеніе признаетъ, кажется, обязательнымъ согласіе, которое даетъ малолѣтный возрастному брату для



залога общей отчины [116]). Относительно пола лица, дающаго заклад, встрѣчается опредѣленіе не ранѣе 1715 г. [117]) указъ сенатскій, начинающійся съ того, будто извѣстно, что въ Московской губерніи купчихъ и закладныхъ на недвижимое имѣніе *«отъ женскихъ персонъ писать удержано»*, на основаніи мнѣ неизвѣстнаго указа 1714 года, распространяетъ это исключеніе на весь женскій полъ; вѣроятно впрочемъ, что оно относится къ закону о единонаслѣдіи, запрещающему вообще залогъ недвижимаго имущества безъ вниманія къ полу закладывающихъ лицъ [118]). Не видно, отъ-чего сдѣлано было такое изъятіе въ пользу женщинъ Московской губерніи: можетъ быть, оно въ связи съ опредѣленіемъ 45 ст. 17 гл. Уложенія, такъ-какъ статья эта предоставляетъ женамъ лицъ, купившихъ въ Московскомъ уѣздѣ помѣстья въ отчину, закладывать купленныя отчины. По поводу опредѣленія о правѣ женщинъ на залогъ своего недвижимаго имущества возникъ также вопросъ о ихъ правѣ на пріемъ залоговъ недвижимыхъ, и пункты 1725 г. объ отчинныхъ сдѣлкахъ [119]) рѣшаютъ этотъ вопросъ объясненіемъ, что женщинамъ не было вовсе запрещено принимать недвижимое имущество въ залогъ. Источники представляютъ намъ нѣсколько примѣровъ участія женщинъ въ заключеніи закладного договора: такъ по закладной князя Ухтомскаго, 1561 г., сестра его является залогопринимательницею [120]); въ мѣновной князя Шелешпальскаго идетъ рѣчь о селѣ, заложенномъ женщиною [121]); грамота по судебному дѣлу 1555 г. содержитъ случай заклада по движимому имуществу, заключеннаго между лицами женскаго пола [122]).

Черное духовенство является договаривающеюся стороною при залогѣ движимаго [123]) и недвижимаго имущества, монастыри въ лицѣ братьи, или въ лицѣ одного настоятеля, такъ-какъ юридическое лице по отвлеченности своей не было понятно древнему юридическому быту *) [124]). При семъ духовенство представляется или залогодателемъ [125]), или залогопринимателемъ [126]). Такъ-какъ пріемъ въ залогъ составлялъ для монастырей одинъ изъ способовъ пріобрѣтенія отчины, то вопросъ о правѣ монастырей принимать недвижимое имущество въ залогъ входитъ въ составъ общаго вопроса о монастырскихъ земляхъ. Соборный приговоръ 1551 г. [127]) даетъ опредѣленіе о помѣстныхъ и черныхъ земляхъ, взятыхъ духовенствомъ въ удовлетвореніе по долгамъ ихъ временныхъ хозяевъ, и при семъ случаѣ поставляетъ пріобрѣтеніе отчинъ, а слѣдовательно и пріемъ ихъ въ залогъ, въ зависимость

---

*) И родовую собственность нельзя считать собственностью юридическаго лица.

отъ Царскаго согласія, тогда-какъ прежде монастыри принимали заклады совершенно свободно подобно отдѣльнымъ гражданамъ. Древнѣйшія изъ дошедшихъ до насъ закладныхъ, относящіяся къ 15-му столѣтію, содержатъ заклады монастырямъ, и не усматривается изъ этихъ актовъ никакое ограниченіе для залогопринимателей [128]). Впрочемъ и послѣ 1551 г. встрѣчается примѣръ закладного договора, заключеннаго монастыремъ съ частнымъ лицемъ —залогодателемъ, кажется, безъ доклада Царю [129]). За тѣмъ къ 1580 году относится появленіе новой приговорной грамоты всего духовнаго чина о монастырскихъ отчинахъ [130]): въ ней опредѣляется между прочимъ, чтобы черное духовенство *«закладней»* [131]) не держало; имѣющіеся же у него закладни должны поступить къ Государю. Отъ 1582 г. сохранилась грамота, свидѣтельствующая, кажется, о вліяніи приговора на дѣла гражданскаго быта [132]): князь Шелешпальскій вымѣниваетъ у Кириллова монастыря отчину и условливается, чтобы въ случаѣ отписи пріобрѣтаемой имъ и состоящей у монастыря въ залогѣ земли на имя Государя, договоръ мѣны былъ недѣйствителенъ; видно, что отпись считалась возможною, вѣроятно по соображенію приговора 1580 г. Но въ то же время актъ этотъ удостовѣряетъ, что отчины, находившіяся въ залогѣ у монастырей, не были непосредственно отобраны у нихъ: залогопринимательство даже продолжалось, какъ видно изъ памяти думному дьяку Елизарову 1648 г. [133]), въ которой предписывается розыскать объ отчинахъ, заложенныхъ у монастырей послѣ 1580 года. Такимъ образомъ можно думать, что соборный приговоръ не достигъ желанной для правительства цѣли: оно согласилось на уступку нравственной силѣ духовенства и направленію вѣка. Въ 1628 г. разрѣшено монастырямъ принимать въ заклады отчины, но съ тѣмъ, чтобы онѣ были выкупаемы по просрочкѣ родственниками или даже самимъ правительствомъ [134]). Уложеніе Алексѣя Михайловича пошло далѣе [135]): черному духовенству оно запрещаетъ безусловно принимать въ залогъ земли. Отчина, заложенная вопреки сему запрещенію, отбирается безденежно на государя. Опредѣленіе Уложенія имѣло силу, кажется, только въ одной части государства, а въ Сибири оно не соблюдалось: по крайней мѣрѣ извѣстна Царская грамота Кузнецкому воеводѣ Давыдову [136]), данная въ 1678 году и запрещающая черному духовенству въ Сибири принимать въ залогъ населенныя и ненаселенныя земли. Впрочемъ видно, что дотолѣ заключенные закладные договоры считаются правительствомъ незаконными: существующіе и даже просроченные, слѣдовательно прекратившіеся собственно, признаются недѣйствительными.

Законодательство представляетъ еще слѣдующія ограниченія для договаривающихся лицъ относительно права закладывать и принимать залоги: однодворцамъ запрещено закладывать свои земли [137]); безъ разрѣшенія правительства гости не могутъ принимать въ залогъ отчины, — достояніе людей служилыхъ [138]); тюремные сидѣльцы (люди, содержащіеся въ тюрьмахъ,) не могутъ принимать въ закладъ вещи [139]). Ограниченія эти относятся къ концу 17-го и началу 18-го столѣтій.

Не довольствуясь общими опредѣленіями объ участи лицъ въ закладномъ договорѣ, древнее право указываетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, съ какими именно лицами исключительно или по крайней мѣрѣ преимущественно залогодатели могутъ вступать въ закладной договоръ. Такъ предписывается Судебникомъ Іоанна IV [140]), чтобы выкупщикъ родовой отчины закладывалъ ее только отчичу. И сюда же относятся опредѣленія о залогѣ таглыхъ имуществъ. Въ первой четверти 17-го столѣтія правительство обратило вниманіе на неисправности по платежу податей съ тяглыхъ дворовъ и земель: неисправности эти, должно быть, возникли вслѣдствіе смутовъ междуцарствія и по смѣшенію подушной подати съ имущественною. Закладываясь за людей неподатного состоянія, люди таглые считали себя свободными отъ податей [141]), а также люди неподатного состоянія, — люди служилые [142]), господскіе [143]), гости [144]), пріобрѣтая по залогу таглыя посадскія имущества, отказывались платить подати. Царствованія Михаила Θеодоровича и Алексѣя Михайловича представляютъ рядъ постановленій, клонящихся къ прекращенію возникшихъ безпорядковъ: закладчиками таглые люди ни въ какомъ случаѣ не признаются [145]); лучшіе люди, свободные, кажется, отъ податей, обязываются платить ихъ съ земель среднихъ и худшихъ людей — таглыхъ, когда принимаютъ эти земли въ заклады [146]). Людямъ неподатного состоянія запрещается принимать въ заклады [147]) или по крайней мѣрѣ не дозволяется удерживать послѣ просрочки земли, заложенныя таглыми людьми; онѣ должны быть проданы людямъ таглымъ, имѣющимъ платить за нихъ подати [148]). Наконецъ запрещено таглыя земли принимать въ заклады такимъ людямъ, которые, принадлежа собственно къ податному состоянію, по какимъ-либо причинамъ освобождены отъ тягла, — людямъ обѣленнымъ, бѣломѣстцамъ [149]). Уничтоженіе закладного договора, съ уничтоженіемъ притомъ обезпечиваемаго обязательства, есть слѣдствіе нарушенія этого запрещенія. Слѣдовательно отъ независимости заклада теряетъ въ такомъ случаѣ залогоприниматель. Въ коренныхъ частяхъ Москвы запрещено по Уложенію иностранцамъ нимать въ залогъ домы русскихъ людей [150]).

Залогодатель долженъ быть собственникомъ закладываемаго имъ имущества: если у нѣсколькихъ лицъ въ собственности общее имущество, то залогъ производится или сообща [161]), или каждымъ изъ хозяевъ по своей долѣ отдѣльно [162]). Общая собственность по закладываемому имуществу должна имѣть непосредственнымъ слѣдствіемъ отвѣтственность каждаго изъ залогодателей, соразмѣрную долѣ каждаго: опредѣляется однакоже обыкновенно, чтобы не было развытки по закладной, чтобы залогъ отвѣчалъ слѣдовательно въ цѣлости [163]). Лице вольно употреблять свое имущество на залогъ въ цѣлости или дробно; закладъ части встрѣчается нерѣдко въ источникахъ. Залогодатель обезпечиваетъ иногда заключаемое имъ обязательство чужою вещью: разумѣется, необходимо на то согласіе ея хозяина, иначе закладъ будетъ воровской, какимъ признается даже въ томъ случаѣ, когда отдаваемое въ обезпеченіе имущество принадлежитъ дѣйствительно залогодателю, но только какъ временная собственность и безъ права закладывать, какъ напримѣръ въ случаѣ залога помѣстья [164]). Впрочемъ встрѣчающіяся въ источникахъ указанія на залогъ чужого имущества не въ состояніи раскрыть удовлетворительно существо юридическихъ отношеній, предполагаемыхъ и порождаемыхъ такимъ залогомъ: къ сожалѣнію, въ извѣстныхъ намъ закладныхъ не встрѣчается закладъ чужихъ вещей, а упоминается о немъ только въ нѣкоторыхъ духовныхъ грамотахъ [165]). Въ нихъ завѣщатели исчисляютъ заложенныя ими имущества близкихъ родственниковъ, не касаясь отношеній своихъ къ нимъ по поводу залога. Мы уже знаемъ, что характеръ древняго нашего права залога находится въ тѣснѣйшей связи съ тою степенью развитія, на которой представляются намъ юридическій бытъ и юридическое образованіе древней Россіи; но, можетъ быть, для этой степени развитія должно быть допущено отсутствіе строгаго различія собственности, даже движимой, принадлежащей отдѣльнымъ членамъ семейства. Отдѣльная собственность существовала: указанные нами примѣры для заклада чужого имущества доказываютъ это несомнѣнно, но вмѣстѣ съ тѣмъ узы семейные были еще столь крѣпки въ древнемъ быту, что не могло быть рѣзкихъ юридическихъ отношеній между членами семейства. По-этому нельзя предполагать, будто залогъ имущества близкимъ родственникомъ непремѣнно требовалъ торжественно или формально изъявленнаго согласія со стороны хозяина: оно могло выражаться безмолвно въ какомъ либо дѣйствіи, совершенномъ хозяиномъ имущества, въ одномъ допущеніи вѣдомаго ему заклада. Есть указаніе на такое согласіе въ п. 7 статей объ отчинахъ 1680 г. [166]), гдѣ упоминается о согласіи жены на залогъ отчины ея мужемъ, высказанномъ чрезъ рукоприкладство ея

въ закладной, слѣдовательно безъ особенной сдѣлки о предоставленіи мужу права заложить ея отчину. Когда нѣсколько лицъ обязывается, то залогъ можетъ принадлежать одному изъ нихъ, такъ что не вполнѣ будутъ совпадать обязательства обезпечивающее и обезпечиваемое[167]); но въ извѣстныхъ намъ случаяхъ такого залогодательства залогъ все-таки отвѣчаетъ въ цѣлости, слѣдовательно хозяинъ залога обезпечиваетъ имъ и свое и чужое обязательство[168]). Закладываемое имущество можетъ состоять въ непосредственной связи съ чужимъ имуществомъ, такъ что можетъ показаться, будто передается залогодателемъ также право на чужое имущество. Въ Актахъ Юридическихъ упоминается о закладѣ дома, находящагося на церковной землѣ[169]), на которую у залогодателя нѣтъ права залога: спрашивается, какое же юридическое отношеніе залогопринимателя къ землѣ. Должно думать, что такого рода залогъ не безусловно дѣйствителенъ; но актъ, содержащій разсматриваемый случай, есть закладная между двумя лицами духовнаго званія, состоящими въ должности церковнослужителей, можетъ быть, при одной и той же церкви, такъ-какъ залогодатель называетъ себя старымъ протодіакономъ, не означая, какой церкви, а залогоприниматель просто протодіакономъ такой-то церкви. Потому вѣроятно, что въ предлежащемъ случаѣ залогъ возможенъ отъ-того, что для залогопринимателя существуетъ такое же право на церковную землю, какое у залогодателя. Выше было указано на случай залога отчины, въ которой есть церковь: не подлежа вовсе залогу, она, какъ принадлежность, не отдѣляется отъ закладываемой отчины, и потому-то вліяніе на церковныя отношенія, которое принадлежало залогодателю въ качествѣ собственника отчины, должно перейти къ новому владѣльцу, къ вѣрителю, въ особенности, если оно было не чисто фактическое, а обусловливалось обычаемъ либо закономъ. Залогъ крестьянами земель, выдѣленныхъ имъ для распашки изъ дикихъ полей, считался, кажется, дѣйствительнымъ.

Не допускалось вступленіе бѣглыхъ людей въ закладчики.

Спрашивается, можетъ ли хозяинъ имущества безпрепятственно заложить его, если онъ предоставилъ на него другому лицу какое-либо право. Помѣщенная въ Дополненіяхъ къ Актамъ Историческимъ грамота 1555 г.[160]) содержитъ случай, наводящій на этотъ вопросъ. Павловъ дѣвичій монастырь заоброчилъ часть земель Спасо-Рожественскому монастырю, а потомъ заложилъ ее вмѣстѣ съ другими Горихвостову, который, пользуясь своимъ правомъ, сталъ самовольно распоряжаться въ Рожественскомъ монастырѣ, на заложенной ему землѣ построенномъ. По жалобѣ монастыря состоялось въ 1555 году рѣшеніе, что Горихвостову не слѣдуетъ всту-

паться въ монастырь, которому по-прежнему должно считаться въ оброкѣ у Павлова монастыря. Это рѣшеніе представляетъ нѣкоторыя затрудненія, если не считать его основаннымъ на исключительномъ соображеніи пользы Спасо-Рожественскаго монастыря. Горихвостовъ получилъ въ залогъ землю, на которой находился Рожественскій монастырь: значитъ, воленъ былъ распоряжаться ею въ качествѣ хозяина. Чтобы ослабить это право, содержащая рѣшеніе грамота только въ началѣ, при изложеніи дѣла, упоминаетъ о залогѣ, а далѣе, въ самомъ рѣшеніи, называетъ отношеніе Горихвостова оброчнымъ, тогда-какъ заложить и заоброчить дѣйствія разныя, сближающіяся только тѣмъ, что обоими передается владѣніе. Но и какъ оброчникъ Горихвостовъ могъ по праву позволить себѣ приписываемые ему поступки. Все зависитъ отъ того, какъ ему передалъ Павловъ монастырь свои права: съ тѣмъ ли ограниченіемъ, которое можно бы было считать существующимъ для него самого, или земля подъ монастыремъ была совершенно исключена изъ сдѣлки: первое едва-ли сообразно съ древнимъ юридическимъ воззрѣніемъ, чуждающимся отвлеченностей; притомъ оброчная плата остается за Павловымъ монастыремъ, что возможно только при допущеніи послѣдняго случая: Горихвостову не заложена вовсе земля подъ Рожественскимъ монастыремъ, игуменья Павлова монастыря заложила только деревни около Рожественскаго монастыря, а Горихвостовъ самъ присвоилъ себѣ власть надъ заоброченною землею. При такомъ предположеніи означенное рѣшеніе совершенно понятно и справедливо. И такъ выставленный нами вопросъ не можетъ, кажется, быть рѣшенъ утвердительно: уступка права на вещь есть уступка временной собственности, не оставляющая права залога за лицомъ уступающимъ. Но если собственность лица ограничена равносильнымъ правомъ сохозяина, такъ что представляется случай общей собственности, то залогъ возможенъ, ибо предметъ его собственно—доля въ имуществѣ, право на которую неограниченно, какъ бы оно ни осуществлялось. Сюда относится случай поочереднаго пользованія общимъ имуществомъ, которое закладывается[161]).

Согласіе договаривающихся лицъ при заключеніи закладного договора опредѣляется нѣкоторыми указаніями источниковъ. Узаконеніе 1679 г.[162]) постановляетъ допросъ закладчика при окончательномъ укрѣпленіи залога за залогопринимателемъ по случаю показанія иныхъ закладчиковъ, будто они заключали договоръ «*не «въ цѣломъ умѣ, въ безпамятныхъ болѣзняхъ, обманомъ, безденеж«но*»: значитъ, они считаютъ состояніе, въ которомъ они при залогѣ имущества находились, таковымъ, что заключенный договоръ

не может быть признан дѣйствительным. Отсюда мы выводим, что при заключеніи договора о закладѣ залогодатель должен находиться в таком состояніи, в котором отчужденіе, предпринимаемое им, может почесться за добровольное и обдуманное дѣйствіе. Указ 1732 г. Августа 25 [163]) также отвергает дѣйствительность согласія на залог, когда оно дается *«малоумным»*, в добавок еще нѣмым.

Совершеніе договора о закладѣ представляется двояким: письменным и словесным [164]). Послѣднее допускалось до 1635 г. [165]), в котором узаконено было по словесным сдѣлкам суда не давать, с обратнодѣйствіем закона для тѣх закладных договоров, которых явка просрочена. Впрочем письменная форма и прежде была в употребленіи, о чем свидѣтельствуют закладныя памяти, помѣщенныя в Актах Юридических и в других сборниках [166]). С другой стороны удержался вѣроятно и словесный заклад, не смотря на его запрещеніе, точно также как и нынѣ он существует, не смотря на бóльшую против прежняго дѣйствительность законов, только-что, разумѣется, в наше время он лишился большею частію судебной защиты. О принадлежностях письменных закладных не сохранились для нас никакія постановленія до Уложенія, которое впрочем тоже не дает никаких особенных опредѣленій для закладных, а подчиняет их, смотря по значительности, общей формѣ крѣпостей больших либо малых дѣл [167]). Достовѣрно, что нѣкоторыя статьи Уложенія о совершеніи актов заимствованы из прежних узаконеній: так случай безграмотности заемщика и залогодателя рѣшен в статейном спискѣ 1629 года [168]) точно также как в Уложеніи; об участіи площадных подьячих в письмѣ крѣпостей, общепринятом в Уложеніи, свидѣтельствуют также акты, предшествующіе ему [169]). О происхожденіи же других мы за недостатком данных не имѣем возможности судить. Рѣзкое сходство древнѣйших дошедших до нас закладных актов с новѣйшими относительно внутренней формы ведет не только к предположенію, что в понятіях законодательства о принадлежностях для совершенія закладных актов не произошло существенных перемѣн ни по вліянію Уложенія, ни вслѣдствіе позднѣйших узаконеній. Что же касается до древних закладных актов, то из почти общей формы их, созданной конечно обычаем, можно вывести слѣдующія свѣдѣнія о принадлежностях для совершенія закладного договора. Форма его несамостоятельная: он соединяется с обезпечиваемым обязательством в один акт, который пишется от имени закладчика в первом лицѣ [170]), иногда бывает выведен залогоприниматель, го-

ворацій также въ первомъ лицѣ [171]). Болѣе или менѣе подробное означеніе закладываемаго имущества съ показаніемъ способа пріобрѣтенія встрѣчается почти во всѣхъ актахъ, равно какъ опредѣленіе срока для выкупа и опредѣленіе послѣдствій отъ его упущенія, признаваемыхъ обыкновенно за превращеніе закладного договора въ куплю-продажу. Такъ-какъ залогъ дѣйствителенъ только въ такомъ случаѣ, если залогодатель имѣлъ право заложить имущество, и слѣдовательно только тогда обезпечено надлежащимъ образомъ главное обязательство, то залогодатель заявляетъ въ письменномъ актѣ, что закладываемая вещь не отчуждена имъ уже прежде залогомъ либо продажею и что во всякомъ случаѣ онъ принимаетъ на себя отвѣтственность по стороннимъ притязаніямъ на залогъ и не допуститъ залогопринимателя до убытка, — что онъ будетъ *«очищать»* закладъ. Прочія опредѣленія, встрѣчающіяся въ актахъ, дошедшихъ до насъ, напр. о ростѣ, о свидѣтеляхъ, касаются не залога или по крайней мѣрѣ не исключительно залога, и потому я умалчиваю о нихъ; о нѣкоторыхъ придется впрочемъ упомянуть въ другомъ случаѣ [172]). Исчисленныя принадлежности для совершенія закладного договора очевидно помѣщаются въ закладномъ актѣ по интересу самихъ договаривающихся, требующему точнаго опредѣленія ихъ отношеній между собою и къ заложенному имуществу. Порядокъ изложенія этихъ принадлежностей равно какъ самое изложеніе, хотя и представляютъ большое однообразіе, однакожъ допускаютъ и отступленія отъ общепринятой формы, которую посему едва-ли можно считать обязательною для договаривающихся. Древнѣйшее римское право познакомило насъ съ неприкосновенною святостью юридическихъ формулъ, и по его примѣру онѣ представляются изслѣдователямъ явленіемъ, естественнымъ въ области каждаго младенчествующаго права. Но не должно забывать, что у римскаго народа ненарушимость формулы происходила отъ тѣсной связи права съ религіею, соединявшею въ одномъ лицѣ званіе судьи и жреца. Религія же благопріятствуетъ формуламъ, усвоеніе которыхъ должно замѣнять или облегчать уразумѣніе ея таинствъ. Интересъ жрецовъ поддерживалъ у Римлянъ существенное значеніе формулъ для права, коего изученіе затруднялось ими для народа и оставалось исключительнымъ достояніемъ жрецовъ [173]). Россія представляетъ совершенно другія обстоятельства, нисколько не наводящія на связь религіи съ правомъ, въ особенности Россія 14-го и 15-го вѣковъ, которую только и можно имѣть въ виду при вопросѣ объ обязательности дѣлопроизводственныхъ формъ. Если духовенство и было у насъ прикосновенно къ гражданскимъ сдѣлкамъ, то только потому, что оно, какъ преимущественно грамотное сословіе, могло

удовлетворять возникшей довольно рано потребности въ письменной формѣ сдѣлокъ,—потребности, предупредившей, сколько извѣстно, задолго законъ, который вѣроятно медлилъ своимъ опредѣленіемъ по слабому распространенію грамотности въ народѣ. Объ этомъ участіи духовенства въ дѣлахъ гражданскихъ даются опредѣленія еще въ Уложеніи[174]). Но духовный санъ остается тутъ совершенно въ сторонѣ: не онъ, а умѣніе владѣть перомъ призываетъ служителей церкви къ посредничеству въ житейскихъ интересахъ и столкновеніяхъ гражданъ *). Происхожденіе же формулъ для юридическихъ сдѣлокъ объясняется именно тѣмъ, что относительно малочисленному сословію предоставлено было облекать гражданскія сдѣлки для большей дѣйствительности и опредѣлительности въ письменныя формы: естественно, что когда однимъ и тѣмъ же лицамъ приходилось, можетъ быть, безпрестанно писать однородные акты, употреблялемы были также для нихъ единообразныя формы; одинъ писецъ списывалъ формы у другого, и т. д.; формы эти такимъ образомъ распространялись. Народъ привыкалъ къ нимъ, пріучался, можетъ быть, свои понятія о существѣ и принадлежности сдѣлокъ основывать на употребительныхъ въ гражданскомъ быту формахъ, и онѣ получали отъ-того нѣкоторую обязательность, но едва-ли можно считать эту обязательность безусловною, влекущею за собою недѣйствительность сдѣлокъ, совершенныхъ съ отступленіемъ отъ господствующихъ формъ.

Разсмотримъ теперь юридическія отношенія, вытекающія изъ закладного договора, какъ для закладчика, такъ и для вѣрителя. Первый передаетъ выговоренное имущество послѣднему во владѣніе, различіе между коимъ и собственностью древнее право долго вовсе не сознаетъ, а потомъ сознаетъ неясно. При добровольномъ вступленіи въ закладчики передача неудобомыслима, и она замѣняется самымъ вступленіемъ во временное холопство, разумѣется, не происходившимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда лице вступало въ званіе закладчика только для вида. Передача имущества сначала временная, ограниченная срокомъ выкупа или инымъ прекращеніемъ обезпечиваемаго обязательства. Но какъ рѣзкое отступленіе отъ общаго существа залога встрѣчаются, кажется, и такіе закладные договоры, въ силу которыхъ заложенное имущество не передается залогопринимателю. Я отношу сюда закладныя кабалы, помѣщенныя въ Актахъ Юридическихъ подъ нумерами 243, 244 и во 2-мъ т. Румянцовскаго собранія подъ N° 53. Въ нихъ обезпечивается залогомъ заемъ, и онѣ отличаются отъ большей части прочихъ за-

*) Здѣсь не идетъ рѣчь о юридическихъ отношеніяхъ по церковному суду.

кладныхъ тѣмъ, что содержатъ условіе о денежномъ ростѣ, опредѣляемомъ въ замѣнъ того, что заимодавецъ не можетъ пользоваться залогомъ. Весьма естественно, что въ иныхъ случаяхъ для должника слишкомъ затруднительно разстаться съ имуществомъ, необходимымъ между тѣмъ для обезпеченія обязательства; распоряженіе залогомъ можетъ быть существеннымъ для самаго исполненія обезпечиваемаго обязательства[176]). Древнее римское право пособляло въ такихъ случаяхъ тѣмъ, что допускало сдѣлку обратную между вѣрителемъ и закладчикомъ, напр. отдачу залога на содержаніе послѣднему[176]). Древнее русское право придумало другое средство: имущество обезпечиваетъ обязательство, оставаясь въ рукахъ должника: можетъ быть, право литовское или польское[177]), знакомыя съ такимъ залогомъ, имѣли вліяніе на установленіе такого юридическаго отношенія у насъ; можетъ быть, иностранцы дали ему ходъ: закладная, помѣщенная въ Румянцовскихъ грамотахъ, писана отъ имени иностранца. Но въ допущеніи залога безъ передачи не должно видѣть право на чужую вещь, которое ни въ чемъ не проявляется въ нашемъ юридическомъ быту, едва сладившемъ съ простымъ понятіемъ права собственности. Но спрашивается, какой же собственно смыслъ допущеннаго здѣсь отступленія отъ господствующихъ правилъ залога и что сохранилось изъ нихъ въ этомъ отступленіи. По моему мнѣнію, оно неудобосогласимо съ существомъ залога и кромѣ имени его ничего не удержало. Залогъ есть отчужденіе: переставая быть имъ, онъ перестаетъ быть и залогомъ. Древнее право сознавало это въ нѣкоторой степени, и потому оно сближаетъ сдѣланное отступленіе съ другими мѣрами обезпеченія: оно олицетворяетъ обезпечивающее имущество и распространяетъ на него отвѣтственность по обязательству, какъ на лице, участвующее непосредственно въ обязательствѣ или принимающее на себя по немъ поручительство[178]). *«А въ сребрѣ всмя и въ ростѣ и съ двором одинъ человѣкъ»*, говоритъ залогодатель Прибылой Павловъ сынъ. Еще яснѣе сказано въ Румянцовской закладной: *«А кои намъ заимщикъ и зъ закладимъ «въ лицехъ, на томъ денги и ростъ»*. Въ другой закладной отъ лица того же Прибылого Павлова сына сказано: *«А въ серебрѣ всмя и въ росту подписали всмя въ серебрѣ порукою дворъ свой..»*. Порукою же неоднократно называется остающійся въ рукахъ залогодателей залогъ въ послѣднемъ изъ числа раздѣльныхъ и другихъ фамиліи Строгановыхъ актовъ, помѣщенныхъ во 2-мъ томѣ Дополненій къ Актамъ Историческимъ подъ N° 56. И такъ залогъ въ рукахъ должника представляетъ имущество, изъ котораго заимодавецъ въ случаѣ надобности можетъ получить удовлетвореніе.

Извѣстные намъ случаи такого залога относятся ко второй половинѣ 16-го столѣтія и къ первой 17-го, когда еще не было, кажется, общепринятымъ порядкомъ, чтобы имущество отвѣтствовало непосредственно за неисправнаго плательщика[179]), и потому могло быть важно для заимодавца выговорить себѣ заранѣе эту отвѣтственность имущества, если нельзя было получить настоящій залогъ.

И такъ передача залога есть ближайшее правильное слѣдствіе закладного договора, и съ нею сопряженъ временный переходъ права собственности къ залогопринимателю, которому должны быть слѣдовательно предоставлены всѣ дѣйствія, обыкновенно составляющія содержаніе права собственности. Дѣйствительно, залогоприниматель, во первыхъ, пользуется залогомъ, употребляетъ его для своихъ нуждъ, извлекаетъ изъ него доходы и пр. Но въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ намъ закладныхъ это пользованіе признается замѣною роста[180]) и потому я считаю возможнымъ возраженіе, что пользованіе вѣрителя вытекаетъ не изъ права собственности, а основано на отдѣльномъ условіи о ростѣ. На это я замѣчу, что не во всѣхъ закладныхъ пользованіе залогомъ выдается за ростовое: напр. закладная 1628 г. данная Троицко-Сергіеву монастырю въ 200 рубляхъ[181]), вовсе не упоминаетъ о ростѣ, тогда какъ о пользованіи закладною отчиною она содержитъ опредѣленія подробныя Сохранилось довольно много заемныхъ памятей, въ которыхъ полагается ростъ[182]) лишь послѣ просрочки, а также въ двухъ изъ вышеупомянутыхъ закладныхъ, предоставляющихъ залогодателю удержать залогъ до срока платежа, нѣтъ роста. Такъ отъ чего же непремѣнно существовать ему въ обязательствахъ, обезпеченныхъ закладомъ, безъ-того уже отѣснительныхъ для должника, терпящаго гораздо болѣе отъ собственной неисправности чѣмъ другой должникъ? Ростъ былъ 20%: едва ли можно предположить такой доходъ съ имущества, представляемаго въ залогъ, при соображеніи, что имущество это, остававшееся въ случаѣ просрочки окончательно въ собственности у вѣрителя, стоило вѣроятно не многимъ болѣе заемныхъ денегъ. Наконецъ можно сослаться на Уложеніе, запрещающее взимать ростъ[183]), а все-таки дающее правила касательно пользованія имуществомъ[184]), мнимаго эквивалента роста. А что встрѣчаются въ актахъ выраженія: *«за ростъ косити»*, *«за ростъ пахати»*,—это объясняется очень естественно: нельзя было воспретить пользованіе залогомъ, такъ-какъ оно вытекало изъ права залогодержателя, а между тѣмъ оно представлялось дѣйствительно рѣзкою выгодою его, осязательною, такъ сказать, и потому въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ, можетъ быть,

безъ залога былъ бы выговоренъ ростъ, означали, что должнику его платить не нужно, такъ-какъ ужь безъ-того заимодавецъ въ качествѣ залогодержателя пользуется залогомъ. Формула: за ростъ косить или пахать, не установляетъ роста, а напротивъ устраняетъ его. По древнему воззрѣнію необходимо нужно было предоставить заимодавцу собственность по залогу, но въ то же время оно какъ-бы поражено было скороспѣлымъ плодомъ этой собственности—пользованіемъ: и вотъ оно-то облекается въ значеніе роста, который оказывается лишнимъ, когда залогъ обезпечиваетъ обязательство. Еще можно указать на постановленіе Іоанна IV 1558 г. [184]), изданное въ соотвѣтствіе достопамятной мѣрѣ о пятилѣтней разсрочкѣ долговъ, сдѣланной въ пользу служилыхъ людей, съ уничтоженіемъ ростовыхъ платежей: предписано было возвратить должникамъ заложенныя отчины и развычено исполненіе обязательствъ на 5 лѣтъ, въ теченіе которыхъ отчины не должны быть отчуждаемы. Въ постановленіи Іоанновомъ можно видѣть воззрѣніе на пользованіе залогомъ со стороны заимодавца какъ на ростъ: вѣдь законодатель самъ указываетъ на пріостановленные имъ платежи ростовъ и называетъ пользованіе залогопринимателя паханіемъ за ростъ. Постановленіе Іоанна однакоже ничего не доказываетъ, такъ-какъ оно основано на одномъ желаніи облегчить положеніе должниковъ: для этого въ одномъ случаѣ Царь могъ лишить заимодавцевъ роста, въ другомъ отвергнуть принадлежащее залогопринимателямъ право пользованія заложенными отчинами. Опредѣленіе Государя впрочемъ не коснулось нисколько сущности залога: вѣдь уничтожено не одно пользованіе заимодавца, а все его право было принято за эквивалентъ роста, но въ такомъ случаѣ пользованіе вытекаетъ изъ залога, а не изъ ростового условія. Этимъ выводомъ мое мнѣніе только подтверждается, какъ подтверждается оно равнымъ образомъ другими сюда относящимися постановленіями Іоанна. Извѣстно, что въ 1558 году для новыхъ необезпеченныхъ долговъ ростъ былъ пониженъ на половину [185]), точно также какъ и для старыхъ долговъ, въ 5 лѣтъ неуплаченныхъ, а касательно долговъ, обезпеченныхъ заложенными отчинами, опредѣлено [187]), что если старые не будутъ уплачены въ 5 лѣтъ, къ 1563 году, то отчины снова поступаютъ къ заимодавцамъ, которымъ пахать ихъ за ростъ, и предоставляется отчинникамъ заключать новые займы съ залогомъ отчинъ и съ ростовою «*пахотою*». Казалось бы, естественно было перенести пониженіе денежнаго и хлѣбнаго ростовъ на пользованіе заложенными отчинами: однакоже оно не сдѣлано: по моему, потому-что ростовое значеніе пользованія только мнимое.

Есть нѣкоторые случаи, въ которыхъ право пользованія вѣрителя ограничивается существомъ заложеннаго имущества и по соображенію лежащаго на вѣрителѣ обязательства возвратить залогъ въ надлежащемъ видѣ въ случаѣ выкупа. Грамота Царская 1555 года[188]) по челобитной Пятого Лизунова упоминаетъ о показаніи челобитчика, что платье, заложенное его матерью, носится залогодержательницею и ея сыномъ. Закладная 1576 года[189]), представляющая въ обезпеченіе платье, бѣлье, опредѣляетъ заимодавцу ростъ до выкупа заклада. Смерть заложеннаго рабочаго животнаго вслѣдствіе *надсады* падаетъ по Уложенію[190]) на отвѣтственность залогопринимателя. Сообразно этимъ случаямъ должно согласиться, что ограниченія для вѣрителя весьма незначительны: пользованіе, разрушающее вещь, которая подлежитъ возврату, разумѣется, должно быть умѣренное или даже оставлено вовсе. Въ природѣ вещей лежитъ раздѣленіе ихъ на такія, которыя уничтожаются отъ употребленія, потребляемы, и на такія, которыхъ употребленіе не предполагаетъ уничтоженія. Мѣсто платья нѣсколько сомнительно въ этомъ раздѣленіи: должно быть, древнее воззрѣніе склонно было относить платье къ первому разряду[191]). Изъ указанной закладной 1576 г. видно, что когда не представляется возможность пользоваться залогодержателю залогомъ, то можетъ быть опредѣленъ ростъ: мірянинъ закладываетъ свое платье монастырю, обыватели котораго не могутъ пользоваться залогомъ, и обязывается платить ростъ. Считаю здѣсь нужнымъ замѣтить, что мнѣніе, высказанное выше о независимости пользованія, предоставляемаго залогодержателю, отъ ростового значенія, нисколько не потрясается предлежащимъ случаемъ, въ которомъ ростъ является эквивалентомъ пользованія: мнѣніе то высказываетъ только, что пользованіе не можетъ быть эквивалентомъ роста, но оно не касается обратнаго отношенія.

Во вторыхъ, залогопринимателю въ качествѣ собственника предоставляется отчуждать заложенное имущество. Возможность отчужденія, правда, ограничивается обязательствомъ возвратить залогъ въ случаѣ выкупа, но тѣмъ не менѣе оно важное выраженіе для собственности залогодержателя, который отчужденіемъ не нарушаетъ ничьей собственности, не поступаетъ *«воровски»*. Отъ того въ случаѣ отчужденія залога для залогодержателя возникаетъ только обязательство вознаградить залогодателя за лишеніе залога. Въ этомъ смыслѣ, кажется, можно понимать распоряженіе, содержащееся въ духовной грамотѣ Василія Шкуля 1571 года[192]), въ которой показана цѣна нѣкоторыхъ залоговъ съ тѣмъ, чтобы монастырь выкупилъ ихъ и взялъ себѣ, если они только будутъ у залогодержателя

«въ лицахъ», въ противномъ случаѣ монастырю слѣдуетъ требовать указанной цѣны. Общее обозначеніе: если залоги будутъ *«въ лицахъ»* у заимодавца, позволяетъ намъ допустить съ его стороны любое отчужденіе: продажу, мѣну, залогъ и др. О нѣкоторыхъ способахъ отчужденія упомянуто еще отдѣльно въ источникахъ. Такъ возможна для залогодержателя дальнѣйшая мѣна имущества, у него заложеннаго, и она не исключается обязательствомъ возвратить залогъ выкупщику. Въ сохранившемся для насъ случаѣ такой мѣны[103]) залогоприниматель Кирилловъ монастырь заключаетъ съ княземъ Шелешпальскимъ договоръ, котораго прекращеніе поставляется въ зависимость отъ наступленія извѣстнаго условія (conditio resolutiva) — выкупа закладчицы у монастыря. Этимъ способомъ монастырь хочетъ примирить совершаемое имъ отчужденіе заклада мѣною съ обязательствомъ возвратить его выкупщицѣ. Но тѣмъ не менѣе и условное отчужденіе, если условіе не начинаетъ, а прекращаетъ его, возможно только на основаніи сознанія, что отчуждаемое имущество есть собственность[104]).

Залогодержатель можетъ самъ обезпечить какое-либо обязательство переданнымъ ему залогомъ. Такъ-какъ въ этомъ случаѣ производится отчужденіе неокончательное и вещь отчуждаемая отходитъ не безвозвратно, то понятно, что залогодержатель очень легко можетъ предупредить столкновеніе между сдѣланнымъ имъ отчужденіемъ и обязательствомъ возвратить имущество залогодателю: срокъ выкупа можетъ быть назначенъ второму залогопринимателю сообразно сроку выкупа перваго залогодателя, да притомъ ничто не мѣшаетъ, когда нѣтъ особеннаго условія[105]), выкупить заложенное имущество до срока. Случай дальнѣйшаго заклада заложенной вещи залогопринимателемъ содержится въ кабалѣ 1559 г.[106]), данной княземъ Пронскимъ Кириллову монастырю. Въ 300 рубляхъ закладывается отчина, заложенная князю Пронскому княземъ Ухтомскимъ; закладной договоръ заключается на годъ, но полагается условіемъ, чтобы и по истеченіи сего срока выкупъ былъ предоставленъ залогодателю, можетъ быть, потому, что такое же условіе находится въ договорѣ между Пронскимъ и Ухтомскимъ или что срокъ выкупа для послѣдняго долженъ наступить позже чѣмъ чрезъ годъ. Утверждая, что въ разсматриваемомъ актѣ идетъ рѣчь о закладѣ отчины, заложенной залогодателю, я основываюсь на словахъ: *«закладное свое село, что мнѣ заложилъ...»*, но можетъ показаться, что они употреблены Пронскимъ, чтобы показать, откуда у него отчина, и что она пріобрѣтена имъ по просроченному залогу. Дѣйствительно, весьма часто въ сдѣлкахъ по недвижимому имуществу указывается на способъ пріобрѣтенія

отчуждаемой собственности[197]), но въ приведенныхъ мною словахъ нѣтъ такого смысла: это явствуетъ изъ другого вышеразсмотрѣннаго мѣнового акта, въ которомъ употреблено тоже выраженіе и означаетъ тоже, что отчина состоитъ въ закладѣ, а не пріобрѣтена просрочкою. Притомъ Пронскій упоминаетъ о деньгахъ, въ которыхъ ему заложена отчина: это бы было совершенно излишне, если бы закладной договоръ болѣе не существовалъ. Такъ-какъ залогодатель закладываетъ заложенное ему имущество въ силу права собственности, то въ нашемъ древнемъ правѣ не можетъ вовсе возникнуть недоумѣніе касательно закладываемаго предмета — недоумѣніе, существующее въ другихъ правахъ, гдѣ за предметъ залога, совершаемаго залогодержателемъ, принимается то право залогопринимателя, то заложенное имущество[198]).

Съ другой стороны и тѣ обязанности, которыя сопряжены съ собственностью, лежатъ на залогодержателѣ. Такимъ образомъ подати по заложенной землѣ платятся имъ, а не залогодержателемъ. Прямое свидѣтельство объ этомъ находимъ въ указанной выше мѣновой грамотѣ князя Шелешпальскаго, въ которой залогодержатель — монастырь говоритъ слѣдующее: «*А за ту намъ закладную вотчину . . . . . дань Государева и посоха платити игумену Игнатью съ братьею. . . .*», и въ Царской грамотѣ 1636 года[199]), въ которой постановляется, чтобы лучшіе люди не уклонялись отъ платежа податей съ закладныхъ земель середнихъ и младшихъ людей, а тянули бы по тѣмъ землямъ всякое тягло, и не сказано, что обязательство лучшихъ людей начинается лишь съ просрочки. Сверхъ того можно также сослаться на указанныя выше запретительныя опредѣленія о закладчикахъ, т. е. вольныхъ людяхъ, состоящихъ въ закладѣ, и о залогѣ тяглыхъ земель, дворовъ и лавокъ нетяглымъ людямъ, ибо всѣ эти опредѣленія указываютъ на перемѣну податныхъ отношеній людей и земель вслѣдствіе заключенія по нимъ закладного договора.

Обязательство залогодержателя возвратить заложенное имущество въ случаѣ своевременнаго выкупа, болѣе или менѣе сообразуемое при всѣхъ видахъ осуществленія предоставленной залогопринимателю собственности, внушило Уложенію[200]), безъ сомнѣнія на основаніи опредѣленій, заимствованныхъ изъ Литовскаго Статута[201]), требованіе, чтобы залогодержатель оказывалъ хранящемуся у него залогу столько же вниманія, сколько другимъ своимъ имуществамъ: при этомъ случаѣ поклажа сравнена съ закладомъ, не смотря на то, что пріемъ вещи на сохраненіе не даетъ никакого на нее права[202]). Требованіе Уложенія не вполнѣ согласно съ сущностью залога, — собственности залогопринимателя, но нельзя и

ожидать отъ древняго права, чтобы оно свою теорію залога провело со всею послѣдовательностью чрезъ всю систему права, въ особенности, когда примѣшиваетъ опредѣленія другого законодательства къ своимъ собственнымъ. Требованіе свое Уложеніе высказываетъ впрочемъ шатко: оно въ началѣ упоминаетъ о залогѣ и поклажѣ, а потомъ имѣетъ въ виду, кажется, одну поклажу.

Такъ-какъ вслѣдствіе закладного договора залогодержатель пріобрѣтаетъ собственность по залогу, то этимъ самымъ должно прекратиться право закладчика на залогъ, пока онъ не выкупитъ его: значитъ, всѣ тѣ распоряженія, которыя предоставляются залогодержателю, отходятъ отъ залогодателя. Въ подтвержденіе сего я укажу на разсмотрѣнное отчасти уже прежде постановленіе Іоанна IV[203]) о возвращеніи залоговъ по старымъ долгамъ на пятилѣтній срокъ: хотя право залога тутъ и прекращается, однако тѣмъ не менѣе воспрещается должникамъ отчужденіе залоговъ. Законодатель хотѣлъ, чтобы положеніе залогодателей улучшилось одною возможностью пользоваться заложенными отчинами, и потому призналъ ихъ высвобожденными изъ залога, непонятнаго 16 вѣку въ смыслѣ права на чужую вещь. Но съ возвращеніемъ пользованія не было сопряжено право отчужденія, отнятое у заимодавца. Встрѣчающееся въ весьма многихъ актахъ[204]) отчужденія заявленіе, что имущество отчуждаемое не заложено, и очистка его отъ закладныхъ актовъ удостовѣряютъ насъ также, что при существованіи залога отчужденіе не было законно. Это видно также изъ того, что обязательство очистки, помѣщаемое въ закладныхъ актахъ никогда не предполагаетъ со стороны залогодателя отчужденія послѣ залога, къ которому относится очистка. Не допуская права залогодателя вторично закладывать состоящее въ залогѣ имущество, которое до выкупа для него чужое, я утверждаю тѣмъ самымъ, что совмѣстное накопленіе залоговъ на одномъ и томъ же имуществѣ по древнему русскому праву невозможно, и нѣтъ въ немъ никакихъ соотвѣтствій опредѣленіямъ другихъ законодательствъ объ отношеніяхъ нѣсколькихъ залогодержателей по общему залогу между собою, о преемственности правъ ихъ и порядкѣ удовлетворенія каждаго[205]).

Обязательства залогодателя опредѣляются соотвѣтственно той власти, которая предоставлена залогодержателю по заложенному имуществу. Обыкновенно залогодатель передаетъ залогъ какъ свою собственность, съ увѣреніемъ, что никакимъ отчужденіемъ онъ до того не прекращалъ ея[206]). Но такъ-какъ одно это увѣреніе не можетъ считаться достаточнымъ обезпеченіемъ, а залогъ дѣйствителенъ только въ такомъ случаѣ, если у залогодателя есть право на

дѣлаемое имъ распоряженіе, то отсюда вытекаетъ необходимость въ дальнѣйшемъ обязательствѣ залогодателя по залогу,—въ обязательствѣ очистки[207]), которое само по себѣ можетъ казаться не совсѣмъ совмѣстнымъ съ принимаемою мною утратою собственности залогодателя. Очистка ограждаетъ залогодержателя отъ всѣхъ какихъ бы то ни было стороннихъ притязаній, но не въ томъ смыслѣ, будто собственность его одна неприкосновенна, а содержаніе очистки — вознаградить его за всѣ убытки, которымъ подвергается онъ отъ предъявленія притязаній на залогъ, успѣшнаго или неуспѣшнаго,— все равно. Въ обезпеченіе этого вознагражденія закладной договоръ содержитъ иногда еще поручительство, такъ напр. читаемъ въ закладной 1579 года[208]): *«а порукою по своемъ дворъ поимался... «да соборный священникъ Романъ Артемьевъ сынъ, во очищенье,...»*. Нельзя опредѣлить съ достовѣрностью, существуетъ ли для закладчика обязательство исполнить до срока главное обязательство, если залогодержатель лишается залога по притязанію сторонняго лица: очистка сама по себѣ того не требуетъ. Въ источникахъ нѣтъ и намека на отношеніе очистки къ обезпечиваемому обязательству, и случаи дѣйствительной очистки, которые могли бы бросить свѣтъ на это отношеніе, мнѣ вовсе неизвѣстны. Кто предполагаетъ, что вѣритель безъ обезпеченія не вступилъ бы въ договоръ съ закладчикомъ, тотъ конечно можетъ считать обезпеченіе условіемъ главнаго обязательства, долженствующаго прекратиться съ разрушеніемъ условія, не смотря на очистку. Но это предположеніе не даетъ прекращенія обязательства вслѣдствіе исполненія, а прекращеніе вслѣдствіе несостоявшагося условія. Притомъ возможность лишиться залога по притязанію стороннему не тайна для вступающаго въ обязательство; слѣдовательно можно разсуждать и такъ, что вступающій въ обязательство, принимая въ обезпеченіе залогъ, вѣдаетъ, что право на него, какъ и всякое имущественное право, можетъ быть отсуждено отъ него. Противъ изложеннаго объясненія очистки можетъ быть сдѣлано возраженіе, основанное на буквальномъ смыслѣ термина: можно сказать, что очистить заложенную отчину отъ притязаній значитъ устранить ихъ, устроить такъ, чтобы притязаній никакихъ не было, указать неосновательность или незаконность ихъ, или найти средства для побужденія претендателей отступиться и отъ требованій справедливыхъ. Это все содержится въ словѣ очистка, но въ области права случается нерѣдко, что смыслъ учрежденія расходится съ значеніемъ его имени, и потому-то такъ опасно филологіею замѣнять юриспруденцію. Залогодатель, заявляющій, что по залогу его [illegible]ъ стороннихъ притязаній, тѣмъ самымъ удостовѣряетъ, что [illegible] возникнуть признаются имъ недѣйствительными. Но вѣдь

нѣтъ никакого ручательства за добросовѣстность залогодателя: онъ, можетъ быть, и знаетъ о какомъ-нибудь стороннемъ притязаніи, но надѣется, что во время залога оно не будетъ предъявлено, или есть притязанія, ему неизвѣстныя. Достаточно ли будетъ въ этихъ случаяхъ для залогодержателя обязательство залогодателя доказать неосновательность притязаній? И если даже предположить ее, то не можетъ ли все-таки случиться, что въ судебномъ разбирательствѣ, отъ причинъ вовсе несущественныхъ, напр. отъ упущенія сроковъ, формальностей, претендатель будетъ оправданъ? Обязательство очистки очевидно въ этомъ буквальномъ смыслѣ вовсе не надежно. Залогодержателю нужно обезпеченіе на случай недостаточности залога, когда постороннія притязанія оказываются справедливыми, когда они торжествуютъ, а не наоборотъ на случай ихъ недѣйствительности. Но такъ-какъ и при ней возможны убытки для залогопринимателя, то очистка, какъ сказано выше, обнимаетъ одинаково отвѣтственность по всѣмъ послѣдствіямъ стороннихъ притязаній, на-сколько они касаются интереса залогодержателя въ разсужденіи залога. Подтвержденіе этому находимъ въ нерѣдкомъ помѣщеніи въ закладныхъ и другихъ актахъ[209]) общаго обязательства объ огражденіи залогопринимателя отъ всякихъ убытковъ. Чѣмъ обширнѣе право на вещь, тѣмъ значительнѣе также интересъ, который нарушается посягательствомъ на нее. По-этому интересъ залогодержателя, какъ собственника, есть самый многообъемлющій, и всѣ выгоды, которыя могъ бы получить залогодержатель при отсутствіи сторонняго притязанія, всѣ издержки, чрезъ него понесенныя, должны падать на отвѣтственность залогодателя либо поруки по очисткѣ.

Въ изслѣдованіяхъ юристовъ по римскому и по германскому праву залога присвоено важное значеніе вопросу о времени, съ котораго начинается право залогодержателя: причиною тому разнообразіе видовъ залога и сложность отношеній, возможныхъ между обязательствомъ обезпечивающимъ и обязательствомъ обезпечиваемымъ. Въ нашемъ древнемъ правѣ нѣтъ этого разнообразія: залогъ единый — договорный, и связь его съ главнымъ обязательствомъ, представляющимся въ источникахъ нашихъ большею частію въ видѣ займа, не развѣтвляется на многія нити. Отъ-того вопросъ о началѣ залога въ нашемъ правѣ долженъ довольствоваться весьма скромнымъ мѣстомъ. Мы видѣли, что древнее право не содержитъ особеннаго права залога, а замѣняетъ его владѣніемъ, которое безсознательно принимается за собственность. Владѣніе начинается съ передачи, которая предпринимается въ исполненіе закладного договора, обыкновенно совпадающаго по времени происхожденія съ

обезпечиваемымъ обязательствомъ. Но все-таки право залогодержателя воспринимаетъ начало безъ зависимости отъ послѣдняго обязательства, котораго вліяніе не подчиняетъ себѣ передачи, а только касается обязательства возвратить переданный залогъ. Примѣръ тому представляетъ, кажется, закладная 1499 года[210]), которою нѣкто «Уласей» (Власій) обезпечиваетъ Никольскому монастырю вкладъ въ 10 рублей, долженствующій воспослѣдовать черезъ 5-ть лѣтъ: до истеченія сего срока монастырь не въ правѣ требовать вклада, а между тѣмъ можно предполагать по закладной, что залогъ былъ переданъ тотчасъ, и въ такомъ случаѣ начинается тотчасъ собственность залогопринимателя по немъ. Здѣсь слѣдуетъ также упомянуть о договорной записи Ивана и Данила Строгановыхъ съ дядьми Андреемъ и Петромъ Строгановыми[211]): въ ней говорится между прочимъ о поставкѣ первыми гостю Никитникову соли на срокъ, съ опредѣленіемъ неустойки и представленіемъ имущественнаго обезпеченія. Но имущество остается въ рукахъ поставщиковъ, и потому не установляется вовсе залога: оно подписывается въ поруки мѣсто, въ вѣрѣ; здѣсь получаютъ слѣдовательно силу правила о поручительствѣ, и о времени для начала залога не можетъ быть рѣчи. Впрочемъ обязательство поставки существуетъ здѣсь съ самаго заключенія договора о ней, и право залога могло бы уже по этому начаться съ обязательствомъ въ одно время, тѣмъ болѣе, что поставщики получили деньги впередъ.

Прекращеніе закладного договора опредѣляется по большой части зависимостью его отъ обезпечиваемаго обязательства, но такъ-какъ связь между обоими искуственная, то закладной договоръ, удерживающій безъ-того многія черты самостоятельности, прекращается также въ нѣкоторыхъ случаяхъ безъ всякаго вліянія главнаго обязательства. Разсмотримъ въ отдѣльности способы прекращенія.

Исполненіе главнаго обязательства есть существенный способъ прекращенія закладного договора. Въ отношеніи къ нему оно является выкупомъ, все равно, будетъ ли главное обязательство заемъ или другой договоръ[212]). Для выкупа залога обезпечиваемое обязательство должно быть исполнено во всемъ его объемѣ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ отвѣтственность залога распространяется и на ростъ[213]); если обезпечивается неустойка вмѣстѣ съ главнымъ предметомъ обязательства и она подлежитъ платежу, то и онъ входитъ въ составъ выкупа[214]). Не видно, отвѣчаетъ ли залогъ во всѣхъ случаяхъ за издержки, употребленныя залогопринимателемъ на за[illegible]ное имущество. При родовомъ выкупѣ издержки, кажет-[illegible] мѣщаются[215]). Имущество заложенное выкупается въ

цѣлости, а не по частямъ: по крайней мѣрѣ источники не указываютъ на дробленіе залога: исчисляемые въ актахъ залоги представляютъ нерѣдко совокупность различныхъ имуществъ, однакоже нигдѣ не встрѣчается имъ оцѣнка, необходимая при выкупѣ по частямъ. Въ нѣкоторыхъ закладныхъ[216]) именно упоминается о томъ, чтобы не развычивать платежа, и едва-ли можно принимать это условіе за отступленіе отъ общаго порядка. Наконецъ можно дѣйствительно указать на нѣкоторыя уплаты долга по частямъ при существованіи заклада, но не видно изъ нихъ, чтобы закладъ считался выкупленнымъ до послѣдней уплаты. Такъ закладная 1529 года[217]) содержитъ на оборотѣ отмѣтку объ уплатѣ одной четверти долга, обезпеченнаго залогомъ, но о выкупѣ четвертой части залога не упомянуто[218]). Выкупъ производится залогодателемъ: если было нѣсколько залогодателей, то каждый изъ нихъ можетъ выкупить залогъ, ибо на каждомъ лежитъ исполненіе главнаго обязательства[219]). Возможенъ выкупъ по порученію[220]). Въ случаѣ смерти залогодателя, выкупаетъ наслѣдникъ его[221]) или то лице, которое указано по завѣщанію[222]), предоставленіе выкупа залога при превосходствѣ цѣнности его противъ количества долга можетъ имѣть значеніе дара[223]). По интересу государственному залогъ выкупается иногда правительствомъ[224]) Имущество выкупается у залогопринимателя, а въ случаѣ смерти у наслѣдника его или у того лица, которому передаетъ онъ требованіе, обезпеченное залогомъ[225]). Если выкупъ срочный, то онъ производится своевременно, иногда до и послѣ срока; трудно впрочемъ допустить, что, безъ условія, залогодержатель былъ обязанъ принимать исполненіе обязательства досрочное[226]) и что обязательство возвратить залогъ продолжало существовать во всѣхъ случаяхъ просрочки[227]). Но выкупъ, просроченный по умыслу залогодержателя, при готовности залогодателя выкупить залогъ своевременно, не требуетъ согласія залогодержателя, а можетъ быть совершенъ противъ его воли[228]). При соблюденіи всѣхъ изложенныхъ условій выкупъ составляетъ право лица, обязаннаго исполненіемъ главнаго обязательства, — право, которому соотвѣтствуетъ обязательство залогодержателя возвратить заложенное имущество. Уже прежде я указалъ на особенность выкупа, и здѣсь она подтверждается: самостоятельность отчужденія, содержащаяся въ залогѣ, подавляетъ значеніе главнаго обязательства, такъ что исполненіе его разсматривается только по отношенію къ залогу: главное обязательство исполняется для выкупа, а не выкупъ совершается въ исполненіе главнаго обязательства. Обязательство залогодержателя возвратить заложенное имущество имѣетъ, какъ мы видѣли прежде, вліяніе

на ограниченіе въ осуществленіи временной собственности залогодержателя; нѣкоторыя ограниченія, если они утвердились въ обычномъ правѣ и въ законодательствѣ, обязательны конечно для залогодержателя, другія напротивъ устраняются тѣмъ, что въ случаѣ невозможности возвратить заложенную вещь платится закладчику цѣна ея[229]). Въ случаѣ отчужденія залога залогодержателемъ пріобрѣтатель не поставляется чрезъ то ни въ какое обязательное отношеніе къ залогодателю. Выкупъ родовой существенно не отличенъ отъ выкупа залога: возвращеніе отчужденнаго имущества составляетъ значеніе и того и другого. Потому можетъ казаться естественнымъ тѣ опредѣленія о каждомъ видѣ выкупа, которыя въ непосредственной связи съ возвращеніемъ выкупаемаго имущества, переносить отъ одного къ другому; напр. постановленія объ улучшеніяхъ, производимыхъ временнымъ хозяиномъ въ выкупаемой отчинѣ[230]) распространить на выкупаемый залогъ. Притомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ старину смѣшивали оба вида выкупа: еще гораздо послѣ пришлось законодательству напомнить, что просроченные залоги могутъ выкупать только родственники залогодателей, а не сами залогодатели[231]), и что благопріобрѣтенное имущество въ случаѣ залога не подлежитъ родовому выкупу[232]). Но спрашивается, могутъ ли члены рода по древнему праву выкупать заложенное имущество до срока или въ срокъ, въ предупрежденіе залогодателя. Такъ-какъ выкупъ до срока и въ срокъ имѣетъ значеніе исполненія обезпеченнаго обязательства и лежитъ на самомъ залогодателѣ, то выкупъ родственниковъ едва-ли иначе можетъ быть допущенъ какъ съ согласія залогодателя, котораго дѣйствіе должно быть замѣнено вмѣшательствомъ родственниковъ, развѣ будетъ на то особенное опредѣленіе обычая либо закона[233]). Но независимо отъ выкупа должно считаться возможнымъ для родственниковъ пріобрѣтеніе залога покупкою у залогодержателя.

Въ связи съ выкупомъ находится другой способъ прекращенія обезпеченнаго залогомъ обязательства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и закладного договора: способъ этотъ—просрочка. Правильное слѣдствіе просрочки, какъ упущенія надлежащаго времени для исполненія обязательства, есть невозможность его исполненія, невозможность выкупа. Вслѣдствіе просрочки временная собственность залогопринимателя становится постоянною, не избавляясь, разумѣется, въ извѣстныхъ случаяхъ отъ родового выкупа. Въ отношеніяхъ залогодержателя не происходитъ собственно никакой перемѣны: онъ и прежде былъ хозяиномъ залога, и онъ остается имъ. Исчезаетъ, правда, для него одна возможность лишиться собственности, пріобрѣтенной залогомъ, но за то можетъ возникнуть вѣдь

другая или даже нѣсколько другихъ возможностей: всякое юридическое отношеніе можетъ прекратиться. Но пространство власти залогодержателя остается почти прежнее, должны разрушиться только тѣ ограниченія, которыя обусловливались вліяніемъ обязательственныхъ отношеній залогопринимателя. Древнее право провело по своему черту раздѣленія между собственностью залогопринимателя до просрочки и послѣ ея: оно принимаетъ превращеніе закладного договора въ куплю, выговоренное будто за ранѣе, на случай просрочки[234]), которую слѣдовательно древнее право признаетъ за способъ прекращенія закладного договора. Проведенное чрезъ все древнее право сближеніе залога съ куплею[235]) внушило конечно мысль о такомъ превращеніи. Древнее право затруднялось въ уразумѣніи собственности залогопринимателя послѣ просрочки; собственность до нея понятна: она невольное слѣдствіе переданнаго залогопринимателю по закладному договору владѣнія; но закладного договора уже нѣтъ: просрочка его уничтожила, а собственность залогопринимателя все еще существуетъ, и притомъ она не вынуждена у закладчика, сопряжена свободно съ владѣніемъ: значитъ у нея должна быть какая-нибудь опора, заступающая мѣсто прекращеннаго закладного договора, и эту опору древнее право полагало найти въ куплѣ-продажѣ. Ему свойственно поддерживать постоянно и неразрывно связь собственности съ источникомъ ея происхожденія: безъ этого пріема собственность слишкомъ отвлеченна для древняго воззрѣнія, ищущаго наглядности. Такъ напр. земля, пріобрѣтенная куплею, все остается *«куплею»*, пока благодарный наслѣдникъ не назоветъ ея *«отчиною»*. Съ нашей точки зрѣнія собственность существуетъ самостоятельно: возникнувъ по передачѣ, основанной на какой-нибудь сдѣлкѣ, она ужь болѣе не нуждается въ опорѣ внѣ себя. Такъ и собственность залогопринимателя: начало ея въ передачѣ, произведенной закладчикомъ по закладному договору, по прекращеніи котораго нѣтъ надобности прибѣгать къ новому для нея основанію. Впрочемъ не всѣ извѣстные намъ закладные акты содержатъ указаніе на обращеніе залога въ куплю: собственность залогопринимателя послѣ просрочки признается независимо отъ этого превращенія. Такъ напр. закладная Кабачина изъ начала 15-го столѣтія[236]) не упоминаетъ о немъ, тогда-какъ по другимъ свѣдѣніямъ[237]) несомнѣнно, что залогъ Кабачина остался собственностью залогопринимателя—Кириллова монастыря. Уложеніе содержитъ двѣ статьи[238]) о собственности залогопринимателя послѣ просрочки; въ одной предполагается закладная купчею, въ другой, касающейся отчинъ — самыхъ важныхъ залоговъ, о превращеніи въ куплю не упомянуто. Мнимое превращеніе попало вѣроятно изъ

практики въ Уложеніе, послѣ котораго указаніе на куплю еще долго хранилось въ законодательствѣ. Еще въ 1778 и 1786 и въ 90-ыхъ годахъ было провозглашаемо, что закладныя обращаются въ купчія[239]).

Въ юридическомъ отношеніи это обольщеніе древняго права самое невинное: залогъ и продажа дѣйствительно были сдѣлки, весьма близкія между собою, и потому все равно, будетъ ли считать себя залогопринаматель собственникомъ заложенной вещи на основаніи купли или на основаніи залога. Но экономическая и нравственная стороны залога, столь важныя для государства, являются въ довольно тускломъ свѣтѣ вслѣдствіе этого мнимаго превращенія. Назначеніе залога служить обезпеченіемъ для главнаго обязательства безъ-того уже заслоняется самостоятельностью отчужденія, какъ-бы противъ воли залогодателя въ залогѣ содержащагося, а чрезъ включеніе купли-продажи въ закладной договоръ отчужденіе на будущее время, въ случаѣ просрочки, становится совершенно добровольнымъ, и характеръ обезпеченія теряется въ залогѣ безъ слѣда. Можетъ быть, первоначально выкупъ былъ не срочный, и срокъ означался въ закладной для того, чтобы закладной договоръ могъ прекратиться просрочкою и потому-что предоставленіе выкупа родственникамъ закладчика требовало опредѣленія срока въ закладномъ договорѣ, по крайней мѣрѣ по родовымъ залогамъ. И дѣйствительно: сохранилось даже въ послѣдствіи воззрѣніе, будто залогодатель можетъ выкупать заложенное имущество по родовому выкупу[240]); нѣкоторые закладные акты допускаютъ, кажется, выкупъ не только въ срокъ, но и послѣ. Такъ закладная Фрязинова[241]) 1529 года только опредѣляетъ, чтобы залогопринимателю по просрочкѣ косить заложенную пожню по-прежнему. Закладная князя Ухтомскаго 1563 г.[242]), оставляющая отчину во владѣніи должника, содержитъ уговоръ, чтобы въ случаѣ просрочки залогъ былъ переданъ залогопринимателю, а о выкупѣ вовсе не упоминается[243]), Наконецъ самое опредѣленіе Уложенія[244]) о свободѣ просроченнаго залога отъ выкупа залогодателя представляется указаніемъ, что существовало представленіе о возможности такого выкупа. Хотя объясненіе собственности по просроченному залогу посредствомъ купли само по себѣ и не исключаетъ его[245]), однакоже въ этомъ объясненіи содержится отреченіе закладчика отъ выкупа послѣ срока, и потому, при условіи о мнимомъ обращеніи закладной въ купчую, собственность залогопринимателя отрѣшается отъ связи съ закладнымъ договоромъ, отъ значенія необходимаго его слѣдствія, и становится чрезъ то гораздо благовиднѣе: обстоятельства должника — залогодателя обыкно-

венно предполагаются затруднительными, вынуждающими его вступленіе въ договоръ, тогда-какъ продавецъ нисколько не подходитъ подъ это предположеніе, и по-этому можетъ казаться желательнымъ залогопринимателю прикрыть собственность по просроченному залогу другимъ договоромъ. И дѣйствительно, собственность эта не могла не казаться предосудительною: вѣроятно залоги обыкновенно превышали хотя нѣсколько стоимостью своею цѣнность обезпечиваемаго обязательства[246]) и слѣдовательно пріобрѣтаемы были дешево; залогодержатели уклонялись отъ пріема платежа[247]); отсюда проистекали самыя пагубныя послѣдствія: выгодное пріобрѣтеніе залоговъ побуждало конечно людей денежныхъ употреблять свои капиталы именно на этотъ промыселъ, и стали отдавать ихъ безъ обезпеченія не иначе конечно какъ за значительный ростъ; язва лихвы и всѣ ея послѣдствія: — безпечность въ займахъ, неисправность должниковъ, жестокость взысканій, должны были развиться, распространить свое вредное вліяніе на государство и содѣйствовать нравственной порчѣ въ народѣ[248]).

Мы видѣли, что Уложеніе Алексѣя Михайловича не упоминаетъ о превращеніи недвижимаго залога въ куплю, а считаетъ собственность залогопринимателя независимою отъ нея. Уложеніе имѣетъ въ виду, кажется, основать собственность по просроченнымъ закладнымъ отчинамъ на запискѣ въ Приказныя книги[249]), употребительныя впрочемъ до Уложенія какъ для этой записки[250]), такъ и для другой[251]), производившейся при самомъ совершеніи закладнаго акта. Уложеніе, кажется, удержало эту немедленную записку[252]), но тѣмъ не менѣе она снова установляется указомъ 1670 г. Іюня 21,[253]) предписывающимъ, чтобы въ теченіи года каждая купчая и закладная, имѣя предметомъ недвижимое имущество — отчины, записывалась въ Помѣстномъ Приказѣ. Неизвѣстно, отмѣняетъ ли этотъ указъ опредѣленіе Уложенія объ окончательной запискѣ или нѣтъ; вѣроятно онъ былъ вызванъ тѣмъ, что иные залогоприниматели владѣли просроченными отчинами, признанными ихъ собственностью самимъ закономъ, безъ записки[254]) и убыточили правительство, которое лишалось крѣпостныхъ пошлинъ, взыскиваемыхъ съ залогопринимателя[255]). Петръ Великій знаетъ двѣ записки: одну первоначальную—при совершеніи заклада, и другую окончательную — въ случаѣ просрочки недвижимаго залога[256]). Государь предписываетъ взыскивать пошлины при послѣдней, послѣ которой поворотъ залога уже невозможенъ[257]): видно, что отъ просрочки до записки выкупъ еще допускался. Указъ 1737 г. Авг. 1., разумѣется, долженствовалъ имѣть слѣдствіемъ отмѣну второй записки, и тогда пошлинная система ухватилась за первую, не смотря

на то, что залогъ уже не установлялъ болѣе собственности для залогопринимателя[258]).

Въ случаѣ прекращенія главнаго обязательства по давности закладной договоръ также долженъ прекратиться. Но такъ-какъ срокъ давности по заемному обязательству[259]), которое можетъ подлежать обезпеченію, не совпадаетъ съ срокомъ давности по дѣламъ объ отчинахъ, могущихъ служить обезпеченіемъ заемныхъ обязательствъ, и значеніе давности касается прежде всего срока судебной защиты, то можетъ возникнуть затрудненіе въ указаніи давности, по которой долженъ прекратиться закладной договоръ. Я укажу для примѣра на дѣло Палицына съ Катунинoю (1601)[260]). Въ 1584 году мужъ ея занялъ у Палицына деньги подъ залогъ отчины: спрашивается, можетъ ли искать залогоприниматель на наслѣдникѣ умершаго должника по истеченіи 15 лѣтъ послѣ срока и до истеченія 40 лѣтъ. Съ нашей точки зрѣнія этотъ случай долженъ рѣшиться тѣмъ, что Палицыну не слѣдуетъ вовсе искать уплаты долга, а одной просроченной отчины, по которой судъ 40 лѣтній. Палицынъ требовалъ, кажется, платежа либо отчины: судьи дѣйствительно присудили ему послѣднюю, но во всемъ дѣлѣ о давности помина не было.

Не противорѣчитъ также древнему праву допустить добровольное отступленіе залогопринимателя отъ главнаго обязательства какъ способъ прекращенія его и закладнего договора. Точно также это отреченіе можетъ относиться къ одному закладному договору, прекращающемуся въ такомъ случаѣ независимо отъ главнаго обязательства[261]). Это самое бываетъ по причинѣ гибели заложеннаго имущества. Уложеніе различаетъ тутъ между закладомъ вещи неодушевленной и одушевленной: въ случаѣ погибели первой закладной договоръ прекращается, и притомъ безъ обязательства уплатить цѣну заклада, если онъ погибъ случайно[262]): при погибели же животнаго безъ вины залогодержателя прекращеніе закладного договора сопряжено съ видоизмѣненіемъ главнаго обязательства[263]). Закладной договоръ можетъ также прекратиться отдѣльно отъ главнаго обязательства перемѣною залога. Акты представляютъ, кажется, одинъ такой случай[264]): русскихъ людей, живущихъ въ деньгахъ у Нѣмцевъ и Татаръ, предписывается замѣнить другими закладчиками. Другіе способы прекращенія закладного договора не опредѣляются источниками и не требуютъ исчисленія.

По прекращеніи закладного договора для залогопринимателя возникаетъ обязательство предоставить залогодателю заложенное имущество или заплатить его цѣну[265]). Случаи, въ которыхъ не существуетъ то либо другое обязательство, разсмотрѣны въ своемъ мѣстѣ.

Я кончилъ обозрѣніе древняго права залога: изложеніе это, основанное на представляющихся въ обнародованныхъ источникахъ чертахъ, должно было показать, что имущественное обезпеченіе древняго гражданскаго быта слагалось изъ двухъ юридическихъ понятій: договора и собственности: залогъ признанъ отчужденіемъ владѣнія-собственности, договоръ исключительнымъ источникомъ происхожденія залога. Созданное ограниченными средствами, древнее право залога является несовершеннымъ: въ установленной имъ собственности нѣтъ той гибкости, которая необходима залогу, чтобы обхватить любое обязательство; нѣтъ упругости, потребной для залога, чтобы расширяться и сжиматься ему сообразно данному объему требованія; нѣтъ умѣренности, безъ которой залогъ есть тягостное бремя для закладчика, выносимое по одной крайности; нѣтъ наконецъ терпимости, дозволяющей согласное и совмѣстное существованіе нѣсколькихъ залоговъ по одному и тому же имуществу. Не смотря на отсутствіе всѣхъ этихъ качествъ, собственность сдѣлалась имущественнымъ обезпеченіемъ въ древнемъ русскомъ быту и первоначально конечно удовлетворяла той потребности, которая ее вызвала на служеніе, чуждое ея природѣ. Древнее право залога совершенно сообразно съ первобытнымъ состояніемъ народа, которому не свойственно раздѣленіе труда ни относительно людей, ни относительно учрежденій: самыя разнородныя цѣли достигаются тамъ одними и тѣми же орудіями. Древнее право залога расчитано на скромный и простой экономическій бытъ народа и оказывается недостаточнымъ при большемъ расширеніи размѣровъ этого быта: преобразованіе старой системы стало необходимостью, которой не удовлетворяло обычное право, остановившееся на созданномъ имъ залогѣ и только наконецъ поколебленное въ воззрѣніи своемъ на переходъ владѣнія какъ на переходъ собственности, такъ что съ 17-го столѣтія мы изрѣдка уже встрѣчаемся съ недоумѣніями касательно принадлежности заложеннаго имущества до выкупа и до записки. Настала очередь для дѣятельности законодательства: увидимъ, какъ и въ чемъ она проявилась.

Наступающая вслѣдствіе просрочки безповоротность собственности, пріобрѣтаемой по залогу, представляется самою рѣзкою особенностью въ древнемъ правѣ залога, тѣмъ болѣе, что она вытекаетъ изъ него въ самой правильной послѣдовательности и не можетъ быть принята за случайную ошибку или за злоупотребленіе. Объясненіе собственности, слѣдующей за просрочкою, на основаніи мнимаго обращенія залога въ куплю могло содѣйствовать, какъ мы видѣли, большему усиленію тѣхъ неудобствъ, къ которымъ заключался поводъ въ древней системѣ залога.

Рано, кажется, была почувствована стѣснительность древняго залога: съ 16-го столѣтія мы встрѣчаемся съ попытками ослабить его дѣйствіе. Къ нимъ относится, какъ мы видѣли, установленіе залога-поручительства, — подписка имущества въ поруки мѣсто, въ вѣру, дававшая даже возможность однимъ имуществомъ обезпечить нѣсколько требованій[266]), но она конечно не удовлетворяла вѣрителей, а въ случаѣ просрочки обезпечивающее имущество все-таки поступало къ нимъ въ собственность. Энергическая мѣра, употребленная Іоанномъ IV, пріостановила на срокъ дѣйствіе залоговъ и создала въ обезпеченіе заимодавцевъ запрещеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ, не признавъ за ними права на чужую вещь, она прекратила закладное право. Вслѣдъ за тѣмъ Іоаннъ далъ новое постановленіе, представляющееся поверхностному взгляду рѣшительнымъ успѣхомъ въ правѣ залога: это законъ 1558 года[266a]) о публичной продажѣ залоговъ для удовлетворенія заимодавцевъ съ тѣмъ, чтобы излишекъ выручки былъ доставляемъ залогодателямъ. Должно сознаться, что въ этомъ постановленіи есть что-то для насъ загадочное: оно не вяжется съ предъидущимъ правомъ, ни съ послѣдующимъ, а выдается надъ тѣмъ и другимъ одиноко; оно какъ будто незнакомо съ юридическими понятіями своего вѣка, само чуждается ихъ, не дѣлаетъ никакой въ пользу ихъ уступки: въ обыкновенномъ порядкѣ не такъ совершается развитіе учрежденій. Нельзя, кажется, относить этотъ законъ къ одному движимому имуществу, такъ-какъ слова: *«или ино что»*, обнимаютъ и недвижимое. Въ Татищевскомъ спискѣ Судебника читаемъ притомъ вмѣсто *«ино что» «отчину»*, а между тѣмъ странно, что законодатель довольствуется такимъ общимъ обозначеніемъ имущества, которое обыкновенно гораздо болѣе движимаго подвергается опредѣленіямъ закона. Заемъ предполагается здѣсь ростовой, а между тѣмъ источники показываютъ, что въ такомъ видѣ онъ весьма рѣдко бываетъ обезпеченъ залогомъ съ передачею его заимодавцу, которую имѣетъ въ виду это постановленіе. Мы не находимъ никакихъ указаній въ источникахъ на продажу залога, такъ что предписаніе ея представляется неслыханнымъ дотолѣ нововведеніемъ. Не знаю, на чемъ Рейцъ основываетъ свое мнѣніе, будто до половины 16-го столѣтія залогъ просроченный вѣроятно уже продавался[267]). Вѣроятнѣе, кажется, потому что сообразнѣе съ существомъ залога, что просроченное имущество не продавалось заимодавцемъ. При слабомъ движеніи имущественныхъ отношеній гражданскаго быта нельзя предполагать обязательною продажу просроченнаго залога въ удовлетвореніе заимодавца, долженствующее быть срочнымъ и независимымъ отъ случайностей частной продажи. Что залогопріиматель воленъ былъ продать просроченное

имущество — это другое дѣло, но право его вытекало изъ собственности по закладу, а не составляло способа удовлетворенія. Такъ было и послѣ Судебника и закона 1558 года, и продажа является въ послѣдствіи обязательною только какъ исключеніе[268]): именно предписывается, чтобы *«чьи нибудь люди и крестьяне»* по просрочкѣ не оставляли у себя заложенныхъ тяглыхъ дворовъ и варницъ, а продавали бы ихъ тяглымъ людямъ. Исключеніе подтверждаетъ существованіе правила. Постановленіе Іоанна о публичной продажѣ, о срокахъ объявленія залогодателя, о выручкѣ вноситъ совершенную новизну въ право залога, есть попытка рѣшительнаго его преобразованія: постановляя на мѣсто безповоротной собственности обязательство залогопринимателя продать просроченное имущество, оно разрушаетъ самое рѣзкое послѣдствіе древней системы. Но должно думать, что законъ Іоанновъ встрѣтилъ сильный отпоръ въ общепринятомъ воззрѣніи на право залога и остался безъ дѣйствія: по крайней мѣрѣ нѣтъ нигдѣ слѣдовъ его примѣненія къ жизни. Онъ не вошелъ въ составъ Своднаго Судебника — этой книги практиковъ, и также Уложеніе удержало старый порядокъ вещей. Іоаннъ не коснулся свойства передачи, производимой по залогу и въ общественномъ сознаніи принимаемой за тожественную съ передачею собственности, и не принялъ никакихъ мѣръ, чтобы произвести переворотъ въ этомъ сознаніи: потому законъ его испыталъ общую участь законовъ, коихъ вступленію въ дѣйствительность не сопутствуетъ могущественная энергія правительства, для устраненія громоздящихся на пути преградъ, хотя бы они и были проникнуты, можетъ быть, отвлеченною мудростью и направлены къ удовлетворенію потребностей времени и общества. Энергія Іоаннова пошла на пользу иныхъ вопросовъ.

Отъ законодательной дѣятельности Петра Великаго можно было ожидать противодѣйствія древнему праву залога, но направленная къ другой цѣли, она нашла возможною одну отрицательную мѣру — запрещеніе залоговъ по недвижимымъ имуществамъ[269]), переходы которыхъ изъ однихъ рукъ въ другія творецъ единонаслѣдія считалъ вредными для государства. Очевидно, что когда отъ права залога изъяты были недвижимости — важнѣйшая часть имуществъ, интересъ его долженъ былъ утратиться и возродиться не ранѣе какъ по снятіи запрещенія, тяготѣвшаго надъ недвижимою собственностью. Когда это случилось, правительство, сознавая, можетъ быть, что успѣхъ промышленнаго движенія, пробужденнаго Петромъ Великимъ, обусловливался отчасти преобразованіемъ права залога, вникло немедленно въ указанныя послѣдствія, вытекавшія изъ старой системы, и не прошло 7 лѣтъ послѣ отмѣны единонаслѣдія, какъ явился

указъ 1737 г. Августа 1[270]). Начну изложеніе его замѣчаніемъ, что къ началу 18 столѣтія понятіе собственности въ отдѣльности отъ владѣнія уже не затрудняло общественнаго сознанія по-прежнему, такъ что еще до указа могло изчезнуть воззрѣніе на досрочное владѣніе залогопринимателя залогомъ какъ на тожественное съ собственностью. Существенныя же черты указа 1737 года состоятъ въ томъ, что закладное имущество, — движимое либо недвижимое, не обращается чрезъ исключеніе выкупа въ безповоротную собственность залогопринимателя, а продается для его удовлетворенія при посредствѣ присутственнаго мѣста, избирающаго въ извѣстныхъ случаяхъ самого залогопринимателя покупщикомъ залога; что слѣдовательно владѣніе залогомъ до срока, будучи предоставлено залогопринимателю, не существуетъ въ смыслѣ собственности, а есть юридическое отношеніе, не подвергаемое вовсе опредѣленію указа; что одинъ залогопринимaтель можетъ получить удовлетвореніе изъ залога, не подлежащаго потому какимъ-либо отягощеніямъ либо отчужденіямъ, исключая перезалога въ другія руки для удовлетворенія залогопринимателя, и что удовлетвореніе это, въ случаѣ неисправности закладчика, должно быть произведено изъ одного залога безъ прикосновенія къ остальному имуществу закладчика. Такимъ образомъ этимъ указомъ закладныя отношенія совершенно измѣняются: залогъ не есть ужь болѣе отчужденіе, а содержитъ только возможность отчужденія на будущее время; мѣсто прежней собственности залогопринимaтель получаетъ право на удовлетвореніе именно изъ залога, котораго обращеніе въ гражданскомъ быту потому до выкупа пріостановляется, и тѣмъ создается запрещеніе для залоговъ[271]). Казалось бы, что обезпеченіе, представляемое закономъ 1737 года посредствомъ удовлетворенія изъ залога, — обезпеченіе предусмотрительное, въ точности опредѣленное, удовлетворяло всѣмъ условіямъ для соглашенія интересовъ залогодателя съ интересами вѣрителя, но тѣмъ не менѣе этотъ способъ обезпеченія былъ принятъ какъ-бы съ недовѣрчивостью и неохотно: онъ давалъ менѣе прежняго всеобъемлющаго права собственности избалованнымъ залогодержателямъ, а удобства и выгоды залогодателей не много значили при ихъ зависимости отъ вѣрителей. По-этому неудивительно, что вслѣдствіе указа 1737 г. кредитъ сталъ приходить въ больщій противъ прежняго упадокъ[272]). Отказываясь отъ насильственнаго опредѣленія имущественныхъ интересовъ гражданъ, правительство въ 1744 году, указомъ 11 Мая[273]), отмѣнило указъ 1737 г. Но въ этой мѣрѣ нельзя видѣть вражду противъ предшествовавшихъ учрежденій: нисколько не упущена была изъ вида цѣль, для которой преобразовывалось право залога, а только другія средства по-

казались болѣе надежными, и потому прежде употребленная мѣра была оставлена. Промышленная дѣятельность, начинавшая разливаться по государству, изошла отъ правительства поддерживалась и охранялась имъ первоначально безъ сочувствія народа: уже въ послѣдствіи, когда начинанія правительства стали приносить видимую и осязательную пользу, сами граждане изъявили готовность пользоваться даруемыми учрежденіями. Преобразованіе права залога находилось въ самой тѣсной связи съ водвореніемъ фабричной промышленности, съ усовершенствованіемъ сельскаго хозяйства и съ усиленіемъ торговли, и потому показалось удобнымъ политику, съ успѣхомъ употребленную въ одномъ случаѣ, приспособить также къ другому. Императрица Елисавета отмѣнила законъ 1737 года, но за то чрезъ 10 лѣтъ[274]) учредила Государственный Заемный Банкъ, состоявшій изъ двухъ отдѣленій — дворянскаго и купеческаго, по соображенію различія въ промыслахъ дворянъ и купцовъ. Правительство само вступило въ ряды заимодавцевъ и въ своихъ юридическихъ отношеніяхъ къ гражданамъ — должникамъ стало примѣнять начала, въ законѣ 1737 года изложенныя. Оно даже пошло далѣе: допустило въ извѣстныхъ предѣлахъ совмѣстное обезпеченіе двухъ послѣдовательно заключенныхъ обязательствъ однимъ и тѣмъ же залогомъ, стараясь превосходствомъ даруемыхъ имъ выгодъ подавить соперничество частныхъ вѣрителей. Императрица Екатерина Вторая слила[275]) банкъ Елисаветинскій съ новымъ, ею учрежденнымъ, и развила начала о залогѣ 1737 года въ обширнѣйшихъ размѣрахъ: публичную продажу однако замѣнило правительство въ видахъ пощады должниковъ передачею просроченнаго имѣнія въ вѣденіе опекунскихъ мѣстъ. Монополія банка должна была усилиться отъ предложенія займовъ на выручку заложенныхъ въ частныя руки имѣній. Императоръ Павелъ Петровичъ распространилъ заимодавческую дѣятельность правительства учрежденіемъ Государственнаго Вспомогательнаго Банка для дворянства[276]) и указалъ даже случай, когда вступленіе съ банкомъ въ договоръ займа должно быть обязательнымъ для частнаго лица[277]). Мысль Государя была, кажется, та, чтобы вмѣсто записки частныя лица обращали просроченныя у нихъ имѣнія въ залогъ новаго банка: это значило заставить самихъ заимодавцевъ наложить руку на милое имъ древнее право залога. Но мысль эта не осуществилась: уже въ 1799 году упразднено учрежденіе Императора Павла[278]). Старая система оправлялась снова, торжествуя случайную побѣду надъ родовымъ выкупомъ, отъ котораго признаны[279]) изъятыми благопріобрѣтенныя имущества, какъ изданъ былъ уставъ о банкротахъ[280]) и положилъ конецъ старой системѣ. При успѣшномъ со-

перничествѣ банковъ капиталисты утратили ко времени появленія устава монополію богатства и перестали быть опасною силою въ государствѣ, противоборствующею успѣху общественнаго развитія: счастливѣе своего предтечи — указа 1737 года, уставъ о банкротахъ, постоянно поддерживаемый могущественнымъ вліяніемъ банковыхъ оборотовъ на движеніе частныхъ капиталовъ, безпрепятственно водворился въ гражданскомъ быту и упрочилъ въ немъ свое значеніе. Когда содержащіяся въ уставѣ постановленія о несостоятельности были замѣнены другими, правила его о залогахъ все-таки удержались и вошли въ составъ современнаго законодательства. Если кредитныя отношенія разцвѣтаютъ въ нашемъ отечествѣ и готовятъ въ союзѣ съ другими условіями отрадную будущность народной промышленности и богатству, то слѣдуетъ конечно приписать это явленіе въ значительной мѣрѣ благотворному вліянію тѣхъ юридическихъ началъ залога, которыя изложены въ уставѣ о банкротахъ.

Д. Мейеръ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Gaj. II. 59., «*qui rem alicui fiduciae causa mancipio dederit, vel* «*in jure cesserit*».

[2]) См. стр. 264.

[3]) Собр. госуд. гр. III. 56. Акты Ар. Экспед. III. 332. Догов. грамоты князей.

[4]) Неволина Энциклопедія Законовѣд. I, стр. 41. Ср. Карамз. ист. гос. росс. IX. пр. 849.

[5]) Акты Юрид. 71. IV. 110. IV. 409. V. Акты Ист. II. 57. С. г. гр. III. 48. См. разсужд. Морошкина о владѣніи и также ст. Рейца въ Kritische Zeitschr. für Rechtsw. und Gesetzgebung des Ausl. XII, стр. 71. «*Eine andere und spätere Frage ist aber* «*die über Sonderung des Besitzes von dem Eigenthum, denn an-* «*fangs herrscht der Besitz als der lebende Körper des Eigenthums* «*vor und letzteres vermochte sich keinen eignen Ausdruck zu ver-* «*schaffen; besitzen hiess vor allen Dingen Eigenthum haben*».

[6]) С. г. гр. I. 170. А. Ю. 71. V. VII. X. XXXV. 76. А. И. I. 220.

[7]) А. Ю. 173. 174.

[8]) А. А. Э. I. 74. III. IV. 280. III. 190. А. И. IV. 189. А. Ю. 19. Улож. XVII. 35.

[9]) Доп. къ А. И. I. 157. Улож. X. 196.

[10]) Улож. XVII. 13. 27. 29 35.

[11]) А. Ю. 254. «...*и на ту вотчину ся закладная и купчая,* «*безъ выкупу,...А будетъ кто роду нашего и племени похо-* «*четъ выкупитъ*».

[12]) А. Ю. 92. 93. 95.

[13]) Рейца оп. ист. росс. госуд. и гр. зак. § 54. Максимовича указ. зак. I. 336. Карамз. II. 27.

[14]) Спис. Карамз., изд. Калачовымъ.

[15]) Русс. Пр. ст. 70. 73.
[16]) Тамъ же.
[17]) А. А. Э. IV. 13.
[18]) Срав. С. г. гр. III. 49.
[19]) А. Ю. 13.
[20]) Тамъ же 417.
[21]) А. А. Э. I. 74. iv.
[22]) Тамъ же 87.
[23]) Slavische Rechtsgesch. IV. 515. Мацѣевскій полагаетъ, что закупни литовскіе были польскіе wyderkafy; но онъ же сообщаетъ, что закупни были употребительны въ Литвѣ до введенія wyderkaf'овъ (въ 1673 г.). Позволительно слѣдовательно предполагать, что закупни не то что wyderkafy. Можетъ быть, литовское учрежденіе получило также нѣкоторое значеніе въ восточной Руси: въ 4-мъ изъ числа Строгановыхъ актовъ, помѣщенныхъ во II-мъ томѣ Дополненій къ Актамъ Историческимъ подъ № 56 закупъ отличается отъ залога; тамъ сказано: *«и та нынѣ вотчина.......и ни у кою въ закупѣ и «въ закладѣ нѣтъ».*
[24]) С. г. гр. I. 1. 3. 6. 8. 9. 10. Истор. гос. рос. IV. 60. А. А. Э. I. 91.
[25]) С. г. гр. I. 4 и 5. Карамз. IV. пр. 187.
[26]) С. г. гр. I. 3. 6. 7. А. А. Э. I. 57.
[27]) С. г. гр. I. 14.
[28]) Тамъ же 28. 29. 35. 45. и др. А. А. Эк. I. 14. 29.
[29]) С. г. гр. I. 40. 144.
[30]) А. А. Э. III. 47. 141. Указ. зак. 1, стр. 147 въ концѣ. Выписки изъ переписной книги сыскныхъ дѣлъ въ А. Арх. Эксп. IV. 32. Наказная память Колычеву объ отпискѣ на Государя слободъ. Тамъ же 36. Царская грам. во Владиміръ о распоряженіяхъ по отпискѣ на Государя слободъ въ А. И. IV. 29. Улож. XIX. 13. Царск. грам. въ Свіяжскъ 1667 г. въ А. Арх. Эксп. IV. 158.
[31]) А. И. III. 184.
[32]) А. Ю. 290. xii. 304. 309. 330. 203.
[33]) Судебн. 82. Судн. гр уд. кн. Влад. Андреевича крестьянамъ Вохонской волости 1561 г. въ А. А. Эк. I. 257. Судн. гр. Устюжнѣ Желѣзопольской 1614 г. Тамъ же III. 36. Цар. грам. Уфимскому воеводѣ Салтыкову 1640 г. въ А. И. III. 213.
[34]) Рейца ист. §§ 64. 153. А. Ю. 252.
[35]) См. Правда о долгѣ. Рейцъ считаетъ вѣроятнымъ, что прежде лишенія свободы у должника брали все его имущество (ср.

ист. зак. § 66), но на это нѣтъ никакихъ указаненій, ни даже намековъ въ древнѣйшемъ правѣ.

[36]) Правда по Карамз. сп., изд. Калачовымъ ст. 122. Судебн. Іоанна III. о займѣхъ.

[37]) Судебн. Іоанна IV. 90. Дополн. ст. къ Суд. изд. Максимовича. А. И. IV. 193.

[38]) Правежу подвергались и состоятельные должники, а между тѣмъ можно думать, что многіе, претерпѣвъ его, освобождались отъ дальнѣйшаго удовлетворенія заимодавца. Ср. Рейца § 160.

[39]) Древнѣйшая дошедшая до насъ закладная по недвижимому имуществу писана между 1418 и 1434 годами. А Ю. 232. Въ договорн. гр. Велик. Кн. Василія Васильевича съ Дмитріемъ Юрьевичемъ Шемякою 1440 г. упоминается о *«вводь «селъ въ долгу»*, кажется, въ смыслѣ залога. С. г. гр. I. 56. 60. Ср. Карамз. V. пр. 282. А. Ю. 138.

[40]) Puchta Cursus der Institutionen II, стр. 209. 210.

[41]) А. И. III. 167.

[42]) Доп. статьи къ Судебн. IX. въ А. И. I. 154.

[43]) Ср. Рейца ист. зак. § 16.

[44]) Тамъ же § 53. § 54. пр. 6.

[45]) Тамъ же § 17.

[46]) Стр. 247.

[47]) А. А. Э. I. 58. *«А что закладъ въ рядныхъ грамотахъ,... «имати......на виноватомъ»*. А. А. Э. 91. С. г. гр. I. 20.

[48]) А. А. Э. I. 59.

[49]) С. г. гр. I. 20. А. А. Э. I. 91.

[50]) А. А. Э. I. 92. Въ началѣ судной грамоты написано: *«о «судѣ и о закладѣ, на наѣздщики и на грабещики»*.

[50a]) А. И. III. 138.

[51]) Залогъ—пеня и залогъ—неустойка, не будучи предварительными обезпеченіями, не входятъ въ составъ настоящаго изслѣдованія.

[52]) Источники не указываютъ на различіе этихъ словъ, происходящихъ отъ двухъ формъ глагола, которыя, вмѣстѣ взятыя, составляютъ одно спряженіе.

[53]) С. г. гр. III. 60.

[54]) А. И. IV. 246. 181. V. 32.

[55]) А. Ю. 92. 95.

[56]) Тамъ же 204.

[57]) Доп. къ А. И. I. 222. Карамз. IX. пр. 849.

[58]) А. И. V. 13. Уст. гр. о продажѣ питій въ А. А. Э. IV. 63

[59]) Царск. гр. въ Пермь въ А. А. Э. III. 335. Указ. зак. Максим. I, стр. 146. Ср. Судебн. ст. 144.
[60]) А. И. V. 228.
[61]) Закладныя кабалы въ А. Ю,
[62]) А. А. Э. IV. 36.
[63]) Улож. X. 244.
[64]) Тамъ же 197.
[65]) Строгановскіе раздѣльные и другіе акты въ Д. къ А. И. II. 56. iv. стр. 135.
[66]) А. Ю. 242.
[67]) Ул. XVII. 13.
[68]) П. С. З. II. 763, ук. 1679 г. VIII. 6163, ук. 1732 г.
[69]) Ул. X. 275. 202. 101.
[70]) А. Ю. 234.
[71]) Доп. къ А. И. II. 56. iv. стр. 138. 140.
[72]) А. И. V. 13. А. А. Э. IV. 63.
[73]) С. г. гр. II. 237.
[74]) Тамъ же 238.
[75]) А. И. III. 154. Доп. къ А. И. II. 91. 93 и др.
[76]) Ул. XVII. 35.
[77]) С. г. гр. I. 131. 132.
[78]) Судебн. 85.
[79]) А. Ю. 243.
[80]) С. г. гр. I. 132.
[81]) А. Ю. 240. Доп. къ А. И. 56. iv, стр. 135.
[82]) А. А. Э. IV. 63. А. И. V. 253.
[83]) См. прим. 58. П. С. З. IX. 6786, ук. 1736 г.
[84]) А. И. V. 253.
[85]) Walter Lehrbuch des Kirchenrechts aller christlichen Confessionen, 1839. § 248.
[86]) А. Ю. 241.
[87]) См. прим. 33. С. г. гр. I. 202.
[88]) А. Ю. 241. 242. 254.
[89]) П. С. З. III. 1579.
[90]) Цар. гр. въ Казань 1593 г. въ А. А. Э. I. 358.
[91]) См. прим. 87.
[92]) П. С. З. I. 546, ук. 1673 г.
[93]) Котошихина о Россіи, стр. 75. 76.
[94]) Ул. XVI. 69.
[95]) П. С. З. II. 644. Новоуказныя статьи о вотчинныхъ дѣлахъ п. 4. Заложенныя помѣстья отдаются челобитчику—сыщику.
[96]) П. С. З. VII. 4722. Пункты о вотчинныхъ дѣлахъ 1725 г.

[97]) Ук. 1718 Янв. 15.
[98]) С. г. гр. I. 151. А. Ю. 422.
[99]) Закладныя въ А. Ю.
[100]) С. г. гр. III. 103.
[101]) Тамъ же 118.
[102]) А. А. Э. I. 74. III. IV.
[103]) Сенатск. вѣдом. 1847. N° 12.
[104]) Можно сказать, что понятія: «*владѣти*», «*дати*», «*взяти*», вмѣщаютъ въ себѣ всю древнюю русскую юриспруденцію.
[105]) А. Ю. 409. I. Ср. тамъ же 110. IV.
[106]) Улож. X. 155.
[107]) Есть завѣщанія безъ всякихъ имущественныхъ распоряженій; многія же завѣщанія содержатъ сверхъ имущественныхъ опредѣленій размышленія и поученія.
[108]) См. вышеприведенной статьи Рейца стр. 73.
[109]) Лит. Ст. XIII. 2. §§ 2. 3.
[110]) Закладныя въ А. Ю., въ особенности 244.
[111]) Тамъ же.
[112]) А. Ю. 237. 238. «*есми единъ человѣкъ*».
[113]) А. И. II. 63.
[114]) Ул. XX. 9. 19.
[115]) Судебн. ст. 146 въ указ. Максим. Ул. XX. 20.
[116]) Ул. XVII. 13. Ср. ук. 1714 Марта 23.
[117]) П. С. З. V. 2952.
[118]) Ук. 1714. Марта 23.
[119]) П. С. З. VII. 4722, п. 15.
[120]) А. Ю. 242.
[121]) Тамъ же 106.
[122]) Доп. къ А. И. I. 51. VIII.
[123]) А. Ю. 248.
[124]) Закладныя въ А. Ю., тамъ же купчія.
[125]) А. И. III. 162. А. А. Э. III. 202.
[126]) А. Ю. 414. А. И. I. 158.
[127]) А. А. Э. I. 227.
[128]) А. Ю. 232.
[129]) А. Ю. 241.
[130]) С. г. гр. I. 200. А. А. Э. I. 308.
[131]) Слово «*закладни*» означаетъ здѣсь земли закладныя.
[132]) А. Ю. 106.
[133]) А. Арх. Эксп. IV. 33.
[134]) Указ. зак. Максим. I, стр. 139. Ул. XVII. 42.
[135]) Улож. XVII. 42.

[136]) А. И. V. 32.
[137]) П. С. З. VIЦ. 5539, ук. 1730.
[138]) Тамъ же I. 390, ук. 1666 г. II. 767, ук. 1679 г.
[139]) Тамъ же I. 448. 1669 г.
[140]) Судебн. 85.
[141]) С. г. гр. I. 202.
[142]) Царск. гр. въ Галичъ въ А. А. Э. IV. 39.
[143]) См. прим. 30.
[144]) А. И. IV. 189.
[145]) См. прим. 143. Улож. XIX. 18.
[146]) А. А. Э. IV. 6.
[147]) См. прим. 30.
[148]) Указат. зак. Максим. I, стр. 147. (1637 г.).
[149]) Прим. 30. Указ. зак. Максим. I, стр. 138. (1627 г.).
[150]) Улож. XIX. 40.
[151]) Закладныя въ А. Ю.
[152]) А. Ю. 409. iv.
[153]) А. Ю. 244.
[154]) Улож. XVI. 69.
[155]) С. г. гр. I. 131. 132.
[156]) П. С. З. II. 814.
[157]) А. Ю. 237.
[158]) См. стр. 232. 233.
[159]) А. Ю. 249.
[160]) А. И. III. 138. А. А. Э. IV. 14. Д. къ А. И. I. 66.
[161]) А. Ю. 237.
[162]) П. С. З. II. 763.
[163]) Тамъ же VIII. 6163.
[164]) Судебн. 144. изд. Максим.
[165]) Указ. зак. Макс. I, стр. 146.
[166]) Д. къ А. И. I. 157. С. г. гр. II. 53. Ул. X. 255.
[167]) Улож. X. 246 и слѣдд.
[168]) А. И. III. 167.
[169]) Доп. къ А. И. II. 56. iv, стр. 144. А. Ю.
[170]) Закладныя въ А. Ю.
[171]) А. Ю. 241.
[172]) См. разсужд. Станиславскаго объ актахъ укрѣпленія правъ на имущества. Казань 1842. §§ 59. 60. 61.
[173]) Puchta Cursus der Institutionen. II. 23.
[174]) Улож. X. 248.
[175]) С. г. гр. II. 53.
[176]) Puchta Cursus der Institutionen II, стр. 700.

177) Slavische Rechtsgeschichte IV, стр. 514.
178) Нѣчто подобное находятъ нѣкоторые юристы въ римскомъ правѣ, предполагая существованіе обязательственнаго отношенія между залогопринимателемъ и заложенною вещью. Ср. Sintenis Handbuch des gemeinen Pfandrechts. 1836. § 2.
179) Ср. стр. 228.
180) А. Ю. 241. 242.
181) Тамъ же 254.
182) А. Ю. 243. і. 245. 250.
183) Улож. X. 255.
184) Улож. X. 197.
185) Доп. стат. къ Суд. въ А. И. I. 154. IX.
186) Тамъ же VII.
187) См. прим. 185.
188) Доп. къ А. И. I. 51.
189) А. Ю. 248.
190) Улож. X. 197.
191) Наше современное законодательство, различая между займомъ и ссудою, признаетъ это раздѣленіе дѣйствительнымъ. Сводъ 3. упоминаетъ также объ имуществахъ тлѣнныхъ и нетлѣнныхъ. Глоссаторы дѣлали въ этомъ отношеніи различіе между праздничнымъ платьемъ и буднишнимъ.
192) А. Ю. 422.
193) Тамъ же 106.
194) А. А. Э. I. 74. ш.
195) А. Ю. 242.
196) Тамъ же 241.
197) А. Ю., купчія гр.
198) У насъ впрочемъ это затрудненіе можно бы было разрѣшить тѣмъ, что право на чужую вещь не бываетъ предметомъ залога.
199) А. А. Э. IV. 6.
200) Улож. X. 195.
201) Slavische Rechtsgeschichte. IV, стр. 513.
202) Современное законодательство, предоставляющее залогодержателю одно удовлетвореніе изъ залога, могло себѣ скорѣе позволить сближеніе заклада съ отдачею на сохраненіе. Ср. Вт. Собр. Зак. XIII. 11,751. Учр. комп. для хран. и залога громоздкихъ движимостей. Тамъ же 11,579. Уст. Ссудной Казны.
203) См. пр. 185.
204) А. Ю. 79. 80. 82. 84. 115. 119.

[205]) Совмѣстное обезпеченіе обязательствъ однимъ и тѣмъ же имуществомъ содержится въ 4-мъ Строгановскомъ актѣ: но тамъ залогъ-поручительство.

[206]) А. Ю. 236. 241. 242. 254. 277. 135. 136. 138. 79. 82. 115. 84. 125. 23. 117. 26. А. И. I. 220. С. г. гр. I. 171. А. А. Э. I. 280.

[207]) А. Ю. 236. 241. 242.

[208]) Тамъ же 249.

[209]) Тамъ же 242. 117.

[210]) Тамъ же 234.

[211]) Д. къ А. И. II. 56. IV.

[212]) Тамъ же.

[213]) А. Ю. 243.

[214]) См. пр. 211.

[215]) Указ. зак. Максим. I, стр. 154. (1646 г.).

[216]) См. пр. 213.

[217]) А. Ю. 237.

[218]) См. пр. 211.

[219]) См. стр. 237.

[220]) Доп. къ А. И. I. 51.

[221]) А. Ю. 15.

[222]) Тамъ же 414.

[223]) Тамъ же 422.

[224]) А. А. Э. I. 358.

[225]) А. Ю. 19. По этому акту Государь, кажется, наслѣдникъ залогодержателя. А. А. Э. I. 289. Оп. царскаго архива ящикъ 145.

[226]) Д. къ А. И. II. 56. IV.

[227]) А. Ю. 233. 248. 254. 409. IX.

[228]) Доп. къ А. И. I. 51. Улож. XVII. 32.

[229]) А. Ю. 422.

[230]) Тамъ же 254.

[231]) Такъ постановленія о родовомъ выкупѣ издаются вмѣстѣ съ постановленіями о залогахъ. Ук. 1737 г. Авг. 1., ук. 1744 Мая 11. См. также прим. 11.

[232]) П. С. З. XXVI. 19,243, ук. 1800 г.

[233]) Судебн. 85. Отчичъ, выкупающій до срока отчину у чужеродца, становится, кажется, залогопринимателемъ до срока.

[234]) А. Ю. 254. 249.

[235]) См. стр. 225.

[236]) А. Ю. 232.

[237]) А. А. Э. I. 163. Тарханная гр. Кириллову Бѣлозерскому монастырю. Въ ней описываются монастырскія земли, и между

прочими указывается также земля, просроченная по закладной, помѣщенной въ А. Ю. подъ N° 232.

238) Ул. X. 196. XVII. 33.

239) П. С. Зак. XX. 14,829. Высоч. резол. 1778 г. Тамъ же XXII. 16,460, ук. 1786 г. Тамъ же XXV. 18,520, ук. 1798.

240) См. стр. 258.

241) А. Ю. 237.

242) Тамъ же 244.

243) См. также А. Ю. 235. 237.

244) Ул. XVII. 33.

245) Доп. къ А. И. I. 157.

246) Судебн. 85. А. Ю. 422.

247) Доп. къ А. И. I. 51. Ул. XVII. 33.

248) Состояніе кредита изображено рѣзкими чертами въ началѣ ук. 1737 Авг. 1, также въ постановленіи объ учрежденіи Государственнаго Заемнаго Банка 1754 г.

249) Улож. XVII. 33. 38.

250) Доп. къ А. И. I. 51.

251) Судебн. доп. ст. IX по изд. Арх. Комм.

252) Улож. XVII. 35.

253) П. С. З. I. 475.

254) Тамъ же VIII. 6163, ук. 1732 г.

255) Улож. XVIII. 17. П. С. З. II. 695, ук. 1677 г. 814. стт. о вотчинахъ п. 6.

256) Тамъ же VI. 3612, ук. 1720 г. VIII. 5484, ук. 1729 г.

257) Тамъ же VII. 4722. Пп. о вотч. дѣлахъ 11 п.

258) Тамъ же X. 7905, ук. 1739 г.

259) Улож. X. 256.

260) Доп. къ А. И. I. 157.

261) А. Ю. 23. Здѣсь содержится отступная.

262) Улож. X. 195.

263) Ул. X. 197. См. Морошкина о постепенномъ образованіи законодательствъ, стр. 141.

264) А. А. Э. I. 358.

265) А. Ю. 422.

266) См. прим. 205.

266a) Доп. ст. къ Судебн. въ А. И. I. 154. VII. пр. 35.; также въ Указат. зак. Максим. I. Суд. ст. 143; здѣсь именно означена отчина какъ предметъ залога. Карамз. IX. стр. 268 изд. Эйнерлинга.

267) Рейца ист., стр. 225.

268) А. А. Э. IV. 36. 39. Ул. XX. 16. С. г. гр. III. 60.

[269]) Ук. 1714 Марта 23.
[270]) П. С. З. X. 7399.
[271]) Ср. ук. 1737 г. Авг. 23. въ П. С. З. X. 7355.
[272]) Тамъ же XII. 8936, ук. 1744 г.
[273]) Тамъ же.
[274]) Тамъ же XIV. 10,235, ук. 1754 Мая 13.
[275]) Тамъ же XXII. 16.407. Маниф. 1786. 16,481. 1786 г. Уст. Заемн. Банка.
[276]) Тамъ же XXIV. 18,274. Маниф. 1797 г.
[277]) Тамъ же XXV. 18,520, ук. 1798.
[278]) Тамъ же 18,959, ук. 1799.
[279]) Тамъ же XXVI. 19,243, ук. 1800 г.
[280]) Тамъ же 19,692, дек. 19.

ДРЕВНЕЕ

РУССКОЕ ПОРУЧИТЕЛЬСТВО.

I.

ДРЕВНЕЕ РУССКОЕ ПОРУЧИТЕЛЬСТВО ПО РУССКОЙ ПРАВДѢ.

«Которая ли вервь начнеть платити дикую виру, колико лѣть «заплатить ту виру, занеже безъ головника имъ платити; будеть «ли головникъ ихъ въ верви, то занѣ къ нимъ прикладываеть, тою «же дѣла имъ помогати головникоу, любо си дикую виру; но сплати «вообчи 40 гривенъ, а головничьство самому головнику; а въ 40 гри- «венъ ему заплатити и съ дружины свою часть; но иже будеть «оубилъ или въ свадѣ или въ пиру явлено, то тако ему платити «по вервинѣ, иже ся прикладывають вирою» [1]).

Вотъ слова нашего древнѣйшаго законодательства, которыя указывають на отвѣтственность округа за его жителей, общества за его членовъ.

Мы задаемъ себѣ вопросъ: что это за учрежденіе, какою необходимостію оно вызвано, съ какою цѣлію установлено?

Съ перваго раза здѣсь кажется умѣстнымъ такой отвѣтъ: законодательство, желая по возможности предупредить совершеніе преступленій, нарушеніе общаго мира, нашло для себя удобнымъ достигнуть такой цѣли посредствомъ обложенія цѣлаго общества отвѣтственностію за преступленія каждаго изъ членовъ его, за преступленіе, сдѣланное въ его предѣлахъ.

Но разсматривая внимательнѣе это мнѣніе, мы находимъ его неудовлетворительнымъ и вызывающимъ насъ высказать слѣдующія недоумѣнія.

Первое. Если думать, что древнее правительство въ обложеніи общества такою отвѣтственностію видѣло предупрежденіе преступленій, то объемъ этой отвѣтственности естественно долженъ бы распространяться на всѣ случаи преступленій, потому-что каждое дѣйствіе, грозящее нарушеніемъ общественному миру и безопасности, могло быть предупреждено такою мѣрою.

Противное видимъ въ Русской Правдѣ: отвѣтственность верви распространяется только на тѣ случаи убійства, гдѣ это преступленіе находитъ себѣ оправданіе или въ случайномъ совершеніи его, или въ участіи какой-либо страсти, благородной по понятіямъ, свойственнымъ тогдашнему духу времени: такъ если оно учинено въ *свадѣ*, на *пиру*, если цѣль его не состояла въ желаніи извлечь изъ него корысть, т. е. когда убійство не носило на себѣ презрительнаго имени разбоя. За разбойника общество не платило, наказаніе здѣсь падало на самого преступника и на его близкихъ родственниковъ. Почему же, съ какого основанія за тяжкое преступленіе члена общество не отвѣтствуетъ, за болѣе извинительное напротивъ? Очень бы легко было въ первомъ случаѣ наложеніемъ огромнѣйшей виры на вервь сдѣлать ее предупредителемъ преступленій подобнаго рода, заставить ее воспрепятствовать своему члену заниматься гнуснымъ промысломъ.

Второе. Если общество обложено отвѣтственностію единственно съ цѣлію предупрежденія преступленій, то почему же пространство такого учрежденія ограничено одними случаями убійства, тогда-какъ оно съ удобностію могло быть приложено и къ другимъ преступленіямъ, особо и съ довольно значительною подробностію разсматриваемымъ Правдою, что̀ свидѣтельствуетъ объ ихъ важности въ тогдашнее время.

Притомъ намъ извѣстна еще исторія статьи: *«за разбойника, «который сталъ на разбой безъ всякія свады людіе не платятъ; но «выдадутъ его съ женою и дѣтьми на потокъ и разграбленіе»*. Лѣтопись говоритъ слѣдующее: когда въ древней Руси развилось много разбойниковъ, тогда духовенство совѣтовало Владиміру употребить строгія мѣры къ ихъ искорененію. Великій Князь послѣ долгихъ колебаній рѣшился отмѣнить за разбой виры и ввести смертную казнь[2]). Явное доказательство, что вира не служила предупрежденіемъ преступленіямъ. Сообразимъ къ этому такое обстоятельство: если предположить даже, что до св. Владиміра и за разбойника *«людіе платили»*, то вира, надобно думать, была огром-

нѣйшая въ сравненіи съ вирой въ другихъ случаяхъ убійства*). И такъ если самая большая вира не предупреждала преступленія, то естественно полагать, что вира менѣе значительная еще менѣе могла достигать цѣли предупрежденія преступленій.

Третье. Взглянемъ внимательно на содержаніе тѣхъ статей Русской Правды, въ которыхъ видимъ вервь обязанною платить виру. Здѣсь намъ бросается въ глаза безпрестанное указаніе на помощь: *«того же дѣла имъ помогати головнику»*; *«тому людіе «не помогаютъ»*, *«а отъ верви помочнаго»*, и потому рождается вопросъ: если на общество было наложено общественною властію обязательство предупреждать преступленія, если опредѣлено было извѣстное наказаніе въ видахъ побужденія къ исполненію такого обязательства, то къ чему платежъ обществомъ виры назвать вспомоществованіемъ головнику и тѣмъ какъ-будто дать знать, что вервь вовсе не наказывается, а какъ-бы облегчаетъ только участь ближняго, уплачивая вмѣстѣ съ нимъ виру?

Четвертое. Если будемъ держаться высказаннаго выше воззрѣнія на отвѣтственность общества, то мы ставимся въ необходимость видѣть въ опредѣленіяхъ Русской Правды относительно платежа вервью виры отсутствіе всякой соразмѣрности, всякой справедливости: въ преступленіи не слишкомъ значительномъ общество несетъ отвѣтственность гораздо большую, нежели въ преступленіи гораздо важнѣйшемъ, наконецъ въ самомъ высшемъ преступленіи совсѣмъ остается въ сторонѣ: при убійствѣ въ свадѣ или на пиру *«явлено»* вервь платитъ почти всю виру, при убійствѣ не въ свадѣ только половину виры, при убійствѣ въ разбоѣ—*«людіе не платятъ»*.

Но разсматривая наказанія за всѣ другія преступленія по Русской Правдѣ, даже за самыя маловажныя преступленія, мы видимъ, что она чужда подобныхъ грубѣйшихъ недостатковъ.

Опредѣленіе Русской Правды: *«аже кто не вложится въ дикую виру тому людіе не помогаютъ, но самъ платитъ»*, сильно потрясаетъ мнѣніе объ отвѣтственности общества платежемъ виръ, какъ о мѣрѣ полицейской, давая знать, что это общество составляется изъ добровольныхъ участниковъ, давая знать, что есть люди, только лично за себя отвѣтствующіе. Могло ли правительство такимъ учрежденіемъ предупреждать преступленія, видѣть въ немъ залогъ спокойствія?

Сообразимъ, какія предполагаемые результаты должны вытекать изъ подобной организаціи этого учрежденія: всѣ люди съ хорошимъ поведеніемъ соединяются въ такія общества, напротивъ всѣ

*) Мы ниже увидимъ ту соразмѣрность, съ которою опредѣлено количество виры сообразно случаямъ убійства.

люди съ дурной репутаціей отторгнутся отъ него, потому-что первые вѣроятно не примутъ къ себѣ въ товарищи людей подозрительныхъ, отъ которыхъ всегда можно ждать преступленій. Такимъ образомъ всѣ люди, за которыми бы нужно имѣть больше надзора, исключаются отъ всякаго надзора, люди же добрые, предположительно менѣе склонные къ нарушенію общаго мира, состоятъ подъ надзоромъ другъ друга. Все это сильно говоритъ противъ отвѣта, приведеннаго нами на вопросъ, какою необходимостію вызвано, съ какою цѣлью установлено учрежденіе обществъ, отвѣтствующихъ за преступленія ихъ членовъ: будто такое учрежденіе вышло изъ желанія законодателя предупредить преступленія и охранить общественный порядокъ. Поищемъ же другого разрѣшенія.

Руководясь мыслію, что большая часть явленій юридическихъ рождается бытомъ народа, представляется плодомъ различныхъ отношеній и взаимнодѣйствій людей, среди которыхъ они являются, мы разсмотримъ, не есть ли происхожденіе обществъ, платящихъ виру, слѣдствіе этого всемірнаго закона? Для этого взглянемъ на древній бытъ народовъ восточно-славянскаго племени и приведемъ изъ него нѣкоторыя черты въ томъ пространствѣ, въ какомъ это нужно для настоящаго случая.

По свидѣтельству большей части современныхъ намъ изслѣдователей русской исторіи бытъ Славянъ *родовой*. Все огромное славянское племя дѣлится на нѣсколько отдѣльныхъ племенъ, эти послѣднія слагаются изъ множества отдѣльныхъ родовъ, далѣе дѣленіе прекращается. Родъ слѣдовательно съ точки зрѣнія юридической является чѣмъ-то цѣльнымъ. Именно онъ представляется совокупностью лицъ физическихъ, тѣсно связанныхъ между собою родствомъ кровнымъ, состоящихъ подъ неограниченною властію старшаго, владѣющихъ одною общею собственностію. Подобный составъ общества даетъ право предполагать существованіе въ немъ слѣдующихъ отношеній: каждый родъ въ отношеніи къ другимъ родамъ считаетъ себя самостоятельнымъ цѣлымъ; отношенія между родами опредѣляются тѣмъ, что дѣйствіе одного члена рода считается дѣйствіемъ цѣлаго рода и на-оборотъ. Здѣсь слава одного изъ членовъ отражается на цѣломъ родѣ, безславіе одного покрываетъ собою всѣхъ, обида, сдѣланная родичу, вызываетъ на месть всѣхъ его ближнихъ.

Такой ходъ дѣлъ условливаетъ происхожденіе естественной необходимости отвѣтствовать всѣмъ членамъ рода за каждаго изъ нихъ. Съ теченіемъ времени родъ расширяется въ своемъ объемѣ, умножается числомъ членовъ и естественно думать, что тѣснѣйшая связь между единицами, его составляющими, теряется и вслѣдствіе

этого, не распадаясь внѣшно, онъ разлагается внутренно, какъ-бы на нѣсколько новыхъ родовъ — малыхъ. Но эти послѣдніе не могутъ существовать по слабости своей самостоятельно, не могутъ составить понятіе рода въ томъ смыслѣ, въ какомъ его понимаетъ древнее юридическое воззрѣніе, по-этому они продолжаютъ являть собою въ совокупности одно цѣлое, составляютъ всѣ вмѣстѣ одинъ родъ.

Независимо отъ сознанія единства происхожденія общество, такимъ образомъ составленное, побуждается къ безпрестанному между собою единенію еще съ другой стороны. Именно, окруженное отовсюду такими же обществами, оно должно постоянно приходить съ ними въ столкновенія, которыя носятъ иногда на себѣ характеръ враждебный. Является необходимость оградить себя отъ непріязненныхъ дѣйствій другихъ родовъ, оно безпрестанно вызывается сплачивать силы для защиты общихъ интересовъ. И такъ всѣ отношенія, которыя мы видѣли происходящими отъ сознанія единства происхожденія, какъ связи внутренней, отъ необходимости общаго соединенія для защиты общихъ интересовъ, какъ связи внѣшней, рождаютъ внутри общества мысль о братскомъ вспомоществованіи другъ другу въ различныхъ обстоятельствахъ жизни. Обществу, смотрящему на каждаго изъ членовъ, какъ на нѣчто родное, близкое, трудно отказаться отъ внушенія совѣсти помочь ему, выручить его изъ бѣды, тѣмъ болѣе, что и онъ въ свою очередь, можетъ быть, стоялъ и будетъ стоять за общіе интересы. Замѣтимъ при этомъ что замѣтили выше: общество, на такихъ условіяхъ составленное, надобно предполагать, не потеряло юридическаго значенія рода, продолжаетъ разсматриваться со стороны другихъ родовъ чѣмъ-то цѣлымъ, слѣдовательно идея отвѣтственности такого общества за каждаго изъ членовъ продолжаетъ и здѣсь господствовать.

На основаніи всего сказаннаго мы предполагаемъ у древнихъ Славянъ существованіе нравственной обязанности общества отвѣчать за поведеніе членовъ, обязанности всѣхъ членовъ общества помогать другъ другу въ разныхъ обстоятельствахъ жизни. Остановимся же здѣсь и постараемся сообразить, какія явленія должны были имѣть мѣсто, при такомъ ходѣ дѣлъ, вслѣдствіе призванія князей, вслѣдствіе столкновенія элементовъ германскаго и славянскаго, изъ которыхъ одинъ является господствующимъ, а другой господству подлежащимъ.

Вѣроятно тотчасъ послѣ учрежденія въ землѣ славянской системы виръ князьямъ открылись случаи для ея примѣненія въ дѣйствительности. Какого же явленія мы должны теперь ожидать при соображеніи сказаннаго о бытѣ Славянъ? Съ преступника требуется штрафъ, онъ не въ силахъ его заплатить: естественно, должно предположить, что остальные родичи, проникнутые нравственной обя-

занностію стоять другъ за друга, привыкшіе зло, терпимое однимъ, считать зломъ общимъ, протягиваютъ ему руку помощи, уплачиваютъ за него виру. Такіе случаи повторяются разъ, другой, третій: князья не видятъ въ такомъ обыкновеніи ничего для себя новаго и страннаго.

Всѣ народы въ періодъ младенчества имѣютъ много сходнаго относительно ихъ юридической жизни: рѣзкихъ національныхъ различій въ ней еще не существуетъ. Эта неоспоримая историческая истина отражается и на родахъ племенъ германскаго и славянскаго. Идея взаимной защиты, взаимнаго вспомоществованія является присутствующею и у племенъ германскихъ, проявляется почти въ тѣхъ же формахъ, какъ и у народовъ славянскихъ. Такъ на ней созидаются германскія общества взаимныхъ защитниковъ: напримѣръ у Англосаксовъ каждые 10-ть мужей подъ начальствомъ старѣйшины (Heáfold, Ealdor) состоятъ между собою въ договорѣ, по которому они обязаны взаимно защищать себя отъ враговъ и помогать другъ другу въ платежѣ виръ, опредѣленныхъ за преступленія. Такой союзъ 10-ти мужей называется Freoborg, Friborg; каждый членъ союза Freoman, Friman[3]).

Не находя въ обыкновеніи Славянъ оказывать помощь другъ другу ничего страннаго, при соображеніи со всѣми національными учрежденіями, князья видятъ напротивъ въ немъ вѣрное средство оградить себя отъ убытковъ при несостоятельности преступника и видятъ отчасти фактъ, способствующій предупрежденію преступленій. Такимъ образомъ нѣтъ причины, которая бы понудила князей идти противъ этого обыкновенія: имъ оставалось только утвердить силу его своимъ признаніемъ.

Но между тѣмъ вслѣдствіе образованія изъ земель славянскихъ русскихъ княжествъ мы видимъ въ нашемъ отечествѣ возникновеніе всѣхъ тѣхъ явленій, которыя сопровождаютъ подобныя эпохи. Они остаются не безъ вліянія на самый бытъ народа, и русское взаимное поручительство, какъ плодъ этого быта, должно необходимо потерпѣть измѣненія. Реформа, въ немъ произведенная, вылилась въ Русской Правдѣ. Излагая состояніе родового быта Славянъ, мы говорили, что родъ въ смыслѣ юридическомъ распадался внутренно на отдѣльные роды; различные члены рода не могли жить постоянно между собою въ согласіи; ссоры и распри родичей отодвигали на время нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ исполненія нравственной обязанности защищать всѣхъ остальныхъ родичей, подавать имъ необходимую помощь; обычай братства слѣдовательно нарушался. Внѣшней силы, которая бы могла поддержать постоянное его соблюденіе, не было, а одной внутренней было недоста-

точно и так. образомъ существованіе его обусловливалось случайностію: согласно живетъ вс еобщество, — оно все взволновывается на защиту члена; произошли. распри, отстало нѣсколько семействъ и эти отпавшія уже не идутъ на защиту личностей, принадлежащихъ семьямъ, имъ враждебнымъ. И на-оборотъ.

Такимъ образомъ чиновникъ князя или даже самъ князь, взимая виру за преступленія, въ однихъ случаяхъ видитъ, что она платится безъ всякаго затрудненія всѣмъ округомъ, въ другихъ же встрѣчаетъ лица, отказывающіяся отъ участія въ платежѣ ея, затрудняется въ ея полученіи. Нужна мѣра для искорененія этого неудобства.

Съ теченіемъ времени является еще новое обстоятельство, которое подрываетъ тѣсную связь родовъ и так. образ. служитъ еще новымъ препятствіемъ къ постоянному осуществленію идеи о взаимномъ вспомоществованіи цѣлымъ родомъ. Обстоятельство это есть прямое слѣдствіе призванія Норманновъ.

Князья строятъ города, садятъ туда намѣстниковъ, снабжаютъ ихъ дружиною, окружаютъ дружиною сами себя, установляютъ извѣстныя должности, чиновниковъ. Хотя, разумѣется, всѣ намѣстники, вирники, тіуны, дружинники первоначально никто иные, какъ Норманны, но доступъ къ должностямъ не заслоненъ и для туземцевъ. Такимъ образомъ мы видимъ теперь лица, которыя, служа князьямъ, внѣшно совсѣмъ выдѣлены изъ родовъ. Мы говоримъ внѣшно, потому-что связь внутреннюю предполагать въ настоящемъ случаѣ совершенно разорванною довольно трудно.

Такія явленія возникаютъ преимущественно около городовъ, гдѣ чаще всего верховная власть входитъ въ соприкосновеніе съ подданными. Является теперь необходимость опредѣлить запутанныя отношенія при платежѣ виръ между лицами, выдѣлившимися изъ рода, и самымъ родомъ.

И такъ затрудненія, возникающія при взиманіи виры съ перессорившихся родовъ, при взиманіи ея съ тѣхъ родовъ, гдѣ есть лица выдѣлившіяся, — заставляютъ князя изрѣчь такое слово: *«аже «кто не вложится въ дикую виру, тому людіе не помогаютъ, но «самъ платитъ».*

Теперь уже только тѣ изъ жителей верви (а жители верви, очень вѣроятно полагать, принадлежали къ одному разросшемуся роду), только тѣ родичи имѣютъ право на помощь другихъ въ платежѣ виры за свое собственное преступленіе, которые официально договорились съ ними помогать другъ другу въ уплатѣ штрафовъ, опредѣленныхъ за преступленія, тѣ, которые официально поручились въ этомъ другъ другу.

Такимъ образомъ составились въ молодомъ государствѣ общества взаимныхъ поручителей. И общества эти основаніемъ своимъ одолжены идеямъ, рожденнымъ изъ быта славянскаго, а преобразованіемъ своимъ, характеромъ оффиціальнымъ, полученіемъ смысла учрежденія чисто юридическаго одолжены мысли князей норманнскихъ.

Разсмотримъ дальнѣйшія условія этихъ обществъ.

Слова: *«аже кто не вложится въ дикую виру»*, даютъ знать, что отвѣтственность общества распространяется только на одни случаи смертоубійства. Но кромѣ этого всѣ другія статьи Русской Правды, въ которыхъ вервь облагается платежемъ виры, относятся исключительно къ случаямъ смертоубійства: почему? это объяснить легко слѣдующимъ образомъ: всѣ преступленія, поименованныя въ Русской Правдѣ, можно раздѣлить на два рода соотвѣтственно воззрѣніямъ тогдашняго быта, — на преступленія позорныя и преступленія извинительныя, происходящія вслѣдствіе движенія различныхъ страстей, напримѣръ гнѣва, мести. Къ первымъ относятся разбой, зажигательство гумна, воровство и другіе противунравственные поступки. Мы видимъ это, читая статьи: 27, 28, 30, 32, 33, 34, 37 — 40, 43, 62 — 66, 68, 69, 71 — 78, 80, 106. II. спис. Русской Правды изд. Калачова. Ко вторымъ убійство подъ вліяніемъ охмѣленія, мести, нанесеніе увѣчья, ранъ, вызванное обидой или вообще дѣйствіемъ какой-либо извинительной страсти: статьи 18, 19, 20, 22, 24, 25, 60, 61, начальное содержаніе 36 и большая часть статей, въ которыхъ идетъ дѣло о платежѣ виры вервью.

Разсматривая преступленія извинительныя мы видимъ, что однѣ изъ нихъ обложены относительно огромнѣйшею вирою: такъ нѣкоторые случаи убійства въ 80, въ 40 гривенъ, другія же преступленія очень незначительною, напр. въ 5, 12, 3 грив. Теперь мы можемъ сказать, что древніе наши взаимные поручители обязываются помогать другъ другу только въ платежѣ виръ за такія преступленія, которыя происходятъ или случайно (убійство на пиру), или вслѣдствіе побужденій благородныхъ (месть за обиду, убійство въ ссорѣ, на что указываютъ слова: *«боудеть ли сталъ на разбой «безъ всякоя свады»*. Слѣдовательно было убійство со свадою, которое обсуживалось уже другимъ образомъ, нежели первое.

Но общество не договаривается помогать разбойнику, вору, зажигателю: оно считаетъ это для себя презрительнымъ, оно хочетъ этимъ оградить себя отъ вступленія въ число его членовъ лицъ, которыя могутъ легко навлечь безславіе ему своими поступками. Но принимая на себя отвѣтственность по преступленіямъ

извинительнымъ, сопоручители дѣлаютъ новое условіе: держать помощь только тогда, когда ихъ родичъ, ихъ товарищъ подверженъ такой пенѣ, которую онъ заплатить или совсѣмъ не можетъ, или платежъ которой приведетъ его въ раззореніе, напротивъ во всѣхъ другихъ случаяхъ для него нѣтъ большой необходимости прибѣгать къ сторонней помощи, нѣтъ причины безпокоить и стѣснять союзниковъ. Вира очень значительная является только въ случаяхъ смертоубійства, по-этому вервь (общество) платитъ только дикую виру. Но есть двѣ статьи въ Русской Правдѣ, содержащія въ себѣ опредѣленіе довольно значительной виры, въ платежѣ которой общество не участвуетъ: *20* гривенъ платится за убійство жены (сп. 2 ст. 21. Р. П. изд. Калачова) *и 40* гривенъ (ст. 5 по сп. академич.), *20* гривенъ съ прибавленіемъ *10* грив. за вѣкъ (ст. 21. по сп. троицкому и ст. 22 по сп. Карамзина), за одинъ родъ увѣчья.

Въ первомъ случаѣ это дѣлается, можетъ быть, потому, что убійство женщины считается дѣломъ предосудительнымъ, особенно если оно совершено какъ разбой, съ цѣлію извлечь изъ убійства матеріальную выгоду. Такой случай совершенно будетъ аналогиченъ съ случаемъ убійства *«въ разбоѣ безъ всякоя свады»*.

Но можно смотрѣть на эту статью еще съ другой точки зрѣнія, понимать ее такъ, какъ мы понимаемъ напр. статьи 9, 10, 11, 12, 13, 14 (спис. 2 изд. Калач.), гдѣ содержится опредѣленіе виръ за убійства, но не упоминается объ отвѣтственности общества, потому-что она слѣдуетъ здѣсь сама собою, явно предполагается и упоминаніе совершенно лишнее дѣло. Что же касается до второго случая, то здѣсь само собою открывается много соображеній, препятствующихъ поколебать нашъ взглядъ на учрежденіе дикой виры, какъ на общество людей, соединившихся между собою для взаимной помощи другъ другу въ платежѣ штрафовъ, опредѣленныхъ за убійства, извиняемыя воззрѣніемъ древняго быта Славянъ. Самая единственность такого случая освобождаетъ насъ отъ обязанности высказывать такія соображенія.

Установивъ главное правило, что общество взаимныхъ поручителей беретъ на себя отвѣтственность только по одному роду преступленій — *смертоубійству*, мы войдемъ теперь въ разсмотрѣніе всѣхъ частныхъ условій, сопровождавшихъ существованіе этого общества и вмѣстѣ съ этимъ покажемъ, что рука помощи подается здѣсь только преступнику, совершившему убійство извинительное.

Общество во первыхъ отклоняетъ отъ себя отвѣтственность за разбойника, не помогаетъ разбойнику: *«будетъ ли сталъ на «разбои безъ всякоя свады, то за разбойника люди не платятъ, «но выдадутъ* (его) *и всего съ женою і съ дѣтми на потокъ и раз-*

«грабленіе». Мы знаемъ, что отмѣна за разбой виры и введеніе вмѣсто ея потока и разграбленія принадлежатъ св. Владиміру. Но отсюда мы не имѣемъ права заключить, что до Владиміра общество платило виру и за разбойника. Свидѣтельство лѣтописи о такомъ дѣйствіи перваго христіанскаго князя мы приводили въ доказательство того, что общество, платящее виру за преступленія своихъ членовъ, не есть учрежденіе князей, не есть учрежденіе для цѣлей полицейскихъ, для предупрежденія преступленій, напротивъ мы этимъ доказываемъ, что оно имѣетъ другое основаніе, именно что здѣсь выразилась идея взаимной защиты, братскаго вспомоществованія. Странно же послѣ всего этого будетъ намъ думать, что люди, вступающіе добровольно въ такой союзъ, начали бы покровительствовать презрительному промыслу—разбойничеству, условились бы держать помощь человѣку, заглушившему въ себѣ всѣ нравственныя чувства! Если-бы разбой въ нашемъ отечествѣ представлялся въ другихъ формахъ, считался бы дѣйствіемъ похвальнымъ, какъ теперь у нѣкоторыхъ дикихъ народовъ, то дѣло принимало бы совсѣмъ другой оборотъ. Но въ нашемъ быту не смотрѣли на разбой съ такой точки зрѣнія.

Общество принимаетъ на себя количество отвѣтственности соразмѣрно съ большею или меньшею извинительностію преступленія, съ большею или меньшею случайностію его: если преступленіе совершенно случайно и можетъ быть рѣчь о совершенномъ невмѣненіи въ вину, то сопоручители платятъ почти всю виру: *«но аже «будеть оубилъ или въ свадъ или въ пиру явлено, то тако ему «платити по вервинѣ* (на ряду съ другими) *іже ся прикладываютъ «вирою»*. (Сп. 2 ст. 4 изд. Калач.). Здѣсь убійца платитъ столько же, сколько и каждый другой изъ товарищей[4]).

«Будетъ ли головникъ ихъ въ верви, то зань къ нимъ прикла«дываеть, того же дѣля имъ помогати головнику, любо си дикую «вѣру; но сплати (платити по сп. 3) *імъ вообчи 40 гривенъ, а го«ловничьство самому головнику; а въ 40 гривенъ ему заплатити и «съ дружины свою часть»*.

Мы видѣли, что за самое высшее преступленіе *«людіе не помогаютъ»*; за самое извинительное они платятъ почти всю виру; здѣсь же они отвѣтствуютъ половиной полной виры. Въ первомъ случаѣ преступленіе характеризуется словами: *«безо всякоя свады»*, во второмъ *«въ свадѣ явлено»*, въ третьемъ (и замѣтимъ еще особенно, что слова, излагающія опредѣленіе преступленія и количество виры пишутся нераздѣльно съ словами, излагающими другое преступленіе; см. сп. 2 и 3 изд. Калач.) говорится объ немъ неопредѣленно, не упоминается объ обстоятельствахъ, его сопровождавшихъ. Это даетъ

намъ право предполагать, что здѣсь идетъ рѣчь о такомъ преступленіи, которое совершено *вслѣдствіе свады, но не въ самый мигъ свады*, совершено притомъ «*неявлено*».

Если дать силу такому предположенію, то мы можемъ сказать, что преступникъ, совершившій убійство хотя и тайно, но вслѣдствіе нанесенной ему ранѣе обиды, вслѣдствіе побужденій мести, безъ всякаго желанія ограбить убитаго, обсуживается гораздо строже убійцы въ свадѣ и на пиру. Однако общественное воззрѣніе смотритъ на его поступокъ снисходительно и отчасти признаетъ за нимъ право на совершеніе его.

Наконецъ вервники помогаютъ товарищу 9-ю кунами, въ случаѣ если онъ несправедливо оговоритъ кого-либо въ преступленіи смертоубійства. Почему мы говоримъ въ преступленіи *смертоубійства*—это не требуетъ большихъ объясненій, если упомянемъ, что ст. 16-ю списковъ 2-го и 3-го мы относимъ къ статьямъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о смертоубійствѣ, относимъ на основаніи занимаемаго ею мѣста въ обоихъ этихъ спискахъ и на основаніи уже выведеннаго положенія, что вервь помогаетъ своему члену платить виры за одно смертоубійство.

Въ слѣдующихъ случаяхъ видны проблески того воззрѣнія на такіе союзы родичей, котораго держались князья и вообще тогдашній бытъ: найдено въ предѣлахъ верви мертвое тѣло. И что же мы видимъ? не хозяинъ двора, не хозяинъ земли, на которой оно лежитъ, обязанъ платить виру, напротивъ цѣлое общество. Частное здѣсь исчезаетъ въ общемъ.

Естественно полагать, что это условіе уже не добровольное, что оно вошло въ содержаніе древней круговой поруки путемъ княжеской власти, видящей въ наказаніи болѣе цѣль финансовую и потому опасающейся лишиться въ настоящемъ случаѣ дохода отъ неизвѣстности преступника. Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ закономъ преслѣдовалась и другая цѣль — полицейская. «*Аже кто оубіетъ* «*княжа мужа въ разбои, а головника не ищутъ: то виревную пла*«*тити въ чьеи же верви голова лляжитъ, то 80 гривенъ, пакиль лю*«*динъ, то 40 гривенъ*». (Сп. 2 ст. 3 изд. Калач.).

«*А по костехъ и по мертвеци не платить верви* (по больш. «части списковъ виры), *аже имене не вѣдають, ни знають его*».

Эта статья является не инымъ чѣмъ, какъ дополненіемъ предъидущей, относится къ ней, какъ исключеніе къ общему правилу. Невозможность узнать, кому принадлежатъ найденныя кости: княжу ли мужу, огнищанину ли, смерду и т. д. и по-этому невозможность опредѣлить количество виры увольняютъ вервь отъ платежа ея.

Вотъ условія, на которыхъ учреждалось и которыми обставливалось общество взаимныхъ поручителей во времена Русской Правды.

Выводя его основаніе изъ устройства тогдашняго быта, мы отрицаемъ мнѣніе, что отвѣтственность общества за преступленія членовъ, состоящая въ платежѣ виръ, вытекаетъ изъ одной мысли князей о предупрежденіи преступленій. Но разумѣется, мы не можемъ не допустить, что, утвердивъ и преобразовавъ существованіе такихъ обществъ, князья начали смотрѣть на нихъ какъ на залогъ общественнаго спокойствія, тѣмъ болѣе, что личный интересъ взаимныхъ поручителей естественно долженъ былъ побуждать къ надзору другъ за другомъ, къ старанію предупреждать преступленія и тѣмъ избавлять себя отъ виръ.

II.

ПОРУЧИТЕЛЬСТВО ПО ПОЗДНѢЙШИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

Съ понятіемъ общества связано понятіе самыхъ многоразличныхъ отношеній между людьми, его составляющими.

Отношенія эти, какъ проявленіе дѣятельности человѣческой, никогда не находятся въ застоѣ, напротивъ они вѣчно движутся: возникаютъ, измѣняются, исчезаютъ, рождаются снова. Отношенія эти слагаютъ собою права съ соотвѣтствующими правамъ обязательствами. И такъ каково-бы ни было общество: обширно ли во внѣшнемъ объемѣ или на-оборотъ, достигло ли высшей степени развитія или представляется еще младенчествующимъ,—въ каждомъ усмотримъ мы отдѣльнаго человѣка обладателемъ извѣстныхъ правъ и обязаннымъ извѣстными дѣйствіями.

Кромѣ того замѣтимъ еще другое явленіе, тѣсно соединенное съ первымъ, а именно: стремленіе дать крѣпость, надежность праву и соотвѣтствующей ему обязанности другого. Для этого потребно создать новыя отношенія, различныя сочетанія которыхъ являютъ собою способы обезпеченія.

Древній бытъ нашего отечества представляетъ собою подобную картину.

Мы избрали задачею разсмотрѣть одно изъ учрежденій, созданныхъ имъ для обезпеченія разнообразныхъ обязательствъ: *поручительство*. Суждено было этому учрежденію сопровождать самыя разнохарактерныя и многочисленныя явленія, въ которыхъ отражалась юридическая жизнь нашихъ предковъ. Мы видѣли уже, въ какомъ видѣ и съ какимъ значеніемъ представляютъ его общества дикой виры. Но это не единственная его сфера. Есть еще другая, не менѣе обширная по объему, болѣе обширная по пространству времени. Изслѣдовать поручительство, дѣйствующее въ этой послѣдней, есть предметъ настоящей статьи.

Такимъ образомъ мы налагаемъ на себя обязанность представить существо и характеръ поручительства въ допетровской Руси, показать состояніе его во времена, болѣе близкія къ настоящему:

мы разсмотримъ здѣсь природу его, пространство, дѣйствіе, форму, въ которой оно проявлялось, прекращеніе; далѣе очертимъ судьбу поручительства послѣ реформы, произведенной въ законодательствѣ Петромъ Великимъ. На Уложеніи намъ не приходится останавливаться: будучи лишь воспроизведеніемъ уже прежде существовавшаго права, оно осталось вѣрнымъ своему характеру и въ отношеніи къ поручительству, повторило прежнія о немъ правила, можетъ быть, съ нѣкоторыми новыми ихъ примѣненіями.

Древнѣйшіе наши законодательные памятники даютъ знать о существованіи поручительства, какъ мѣры обезпеченія обязательствъ. Такъ въ Русской Правдѣ читаемъ: *«аже познаеть кто не вмлеть «ѥго, то не рци ѥмоу: мое, нъ рци ѥмоу тако: поиди на сводъ, идѣ «еси взялъ, или не поидеть, то пороучника за пять днiй»*[5]). И въ договорѣ Смоленскаго князя съ Ригою 1229 года: *«аже изѣимаеться «Латининъ оу Смоленскѣ, не мытати ѥго оу погребъ, аже не бу- «дитѣ порукы, то оужельза оусадить.......аже боудетѣ Роу- «сикоу платити Латинскому, то тѣ Латинскому просити дѣтскаго «оу тіоуна; аже дасть наіемъ дѣтскому, а не исправить за и днiй «товара оу Роусики, то дати сему на себѣ порука»*. Въ договорныхъ грамотахъ князей, въ дог. грам. Новгородскихъ безпрестанно встрѣчаемъ условія: *«а холопы, и должники, и поручники «выдавати по исправѣ»* (1295 года); *«за поручникъ, за должникъ «......не стояти, съ обѣ половины не стояти»* (1375 г.); *«а «коихъ новгородцевъ Князь Михаилъ или ѥго бояре привелѣ къ цѣ- «лованью или на поруку повелѣ.....съ тыхъ Кн. Мих. цѣлованье «сняль и поруку свелъ»* (1375 г.). Холопъ не иначе допускается къ тяжбѣ со своимъ господиномъ какъ по представленіи отъ себя поручителя (1398 года)[6]).

Законодательные памятники 15-го, 16-го и 17-го столѣтій содержатъ множество опредѣленій о поручительствѣ, указываютъ на весьма значительное его употребленіе при обязательствахъ самыхъ разнообразныхъ.

Такъ поручительствомъ обезпечиваются всѣ дѣйствія суда въ отношеніи къ истцу и отвѣтчику—отъ подачи прошенія до исполненія рѣшенія[7]); договоры между казною и частными лицами[8]); договоры частныхъ лицъ[9]); вѣрность государству[10]); исполненіе обязанностей по службѣ государственной въ отправленіи извѣстныхъ должностей[11]); далѣе поручительство является замѣной нынѣшняго полицейскаго надзора за людьми, которыхъ поведеніе сомнительно; употребляется какъ средство предупрежденія преступленій, какъ залогъ благоустройства и порядка въ государствѣ[12]). Вотъ общія положенія, подъ которыя можно подвести всѣ разнообразные случаи

поручительства, разсѣянные въ законодательныхъ памятникахъ нашего отечества до Уложенія Алексѣя Михайловича и во время Уложенія [33]).

При разнообразіи дѣйствій, падающихъ на отвѣтственность поручителя, мы имѣемъ основаніе полагать, что и самая отвѣтственность не могла быть одинакова. И дѣйствительно она является въ различныхъ видоизмѣненіяхъ. Такъ поручитель принимаетъ на себя: 1-е, исполненіе обязательства въ случаѣ неисправности главнаго обязаннаго лица [13]); 2-е, вознагражденіе убытковъ, происходящихъ отъ неисполненія обязательства [14]); 3-е, способствовать исполненію обязательства со стороны главнаго обязаннаго лица [15]) [34]); 4-е, платить извѣстную пеню [16]) [35]); 5-е, нести наказаніе личное [17]). Иногда же поручитель остается внѣ всякой юридической отвѣтственности [18]).

Изъ видовъ отвѣтственности раскрываются двѣ цѣли поручительства, изъ которыхъ одна—оградить положительнымъ образомъ лицо, имѣющее право, отъ убытковъ на случай неисполненія обязательства; другая—удостовѣрить это лицо, что обязанная сторона исполнитъ возложенное на нее обязательство. Въ 1-мъ случаѣ поручитель принимаетъ на себя исполненіе обязательства при неисправности лица обязаннаго или вознагражденіе убытковъ, отъ неисправности происходящихъ; въ послѣднемъ онъ не дѣлается лицомъ обязаннымъ по главному обязательству при нарушеніи или неисполненіи его, не замѣняетъ лица обязаннаго, не несетъ слѣдовательно никакой отвѣтственности за неисполненіе обязательства, а отвѣтствуетъ за собственное дѣйствіе: за несправедливое увѣреніе, что обязанный исполнитъ обязательство.

Такъ запись князя Константина Острожскаго 1509 г., запись князя Вас. Вас. Шуйскаго 1522 г. и друг. представляютъ намъ примѣръ подобнаго поручительства: митрополитъ и другія лица высшаго духовенства ручаются въ вѣрности князей Константина Острожскаго и Шуйскаго. Здѣсь самый родъ обязательства не позволяетъ поручителямъ заступить мѣсто нарушителя обязательства и нѣтъ также возможности перевести на деньги вредъ, могущій произойти для государства отъ измѣны Острожскаго и Шуйскаго. Однимъ словомъ, здѣсь поручитель не принимаетъ на себя отвѣтственности въ смыслѣ исполненія обязательства или вознагражденія убытковъ. Такой же примѣръ видимъ въ поручныхъ записяхъ, даваемыхъ боярами и людьми другихъ званій за вѣрность государю извѣстныхъ лицъ. Таковы записи 1474 г., 1526 и другія. Содержаніе записи 1474 года слѣдующее: Иванъ Никитичъ Воронцовъ ручается Великому Князю по кн. Даніилѣ Холмскомъ въ томъ, что послѣдній будетъ вѣрно служить ему и отъ него не отъѣдетъ; при измѣнѣ

же Холмскаго Воронцовъ платитъ въ казну Государя 250 р. Здѣсь мы видимъ опять, что поручитель не принимаетъ на себя исполненія обязательства, лежащаго на Холмскомъ: онъ только завѣряетъ, что оно будетъ исполнено. Въ подкрѣпленіе же увѣренія онъ ставитъ неустойку, которая не составляетъ вознагражденія за вредъ отъ измѣны Холмскаго, а представляется здѣсь гражданскимъ наказаніемъ за дѣйствіе поручителя,—за несправедливое удостовѣреніе въ готовности и способности Холмскаго исполнить обязательство. Актъ 1490 г. представляетъ третій примѣръ подобнаго поручительство [19]).

И такъ наши древніе законод. памятники знакомятъ насъ съ двумя родами поручительства: 1-е состоитъ въ удостовѣреніи со стороны поручителя въ непремѣнной готовности и способности лица къ исполненію обязательства, 2-е въ принимаемой поручителемъ отвѣтственности по главному обязательству исполненіемъ его или вознагражденіемъ убытковъ, вслѣдствіе неисправности лица обязаннаго понесенныхъ.

Мы много встрѣчаемъ примѣровъ, гдѣ тотъ и другой родъ поручительства находятся въ соединеніи; но единственные случаи, въ которыхъ первое понятіе является безъ примѣси второго: — это ручательства митрополита, особъ высшаго духовенства, бояръ и лицъ другихъ званій за вѣрность и неотъѣзды бояръ.

Мы замѣчаемъ присутствіе этого понятія и во всѣхъ остальныхъ случаяхъ поручительства, представленныхъ нами выше: напр. въ поручительствѣ за поведеніе лица, въ явкѣ къ суду. Но тутъ въ составъ поручительства входитъ и второе понятіе. Напр. наказанный преступникъ выпускается изъ тюрьмы только тогда, когда находятся люди, берущіе на себя обязанность удовлетворить по тѣмъ искамъ, которые впредь могутъ на немъ открыться вслѣдствіе его старыхъ или новыхъ преступленій*) «*Дать его на поруки, кто по «немъ будутъ иные истцы*»

И такъ кругъ дѣйствія перваго рода поручительства рѣзко разграничивается съ кругомъ дѣйствія второго. Цѣль его: *обезпечивать интересы государственные.*

Характеристика второго рода поручительства состоитъ въ слѣдующемъ: *поручитель принимаетъ на себя исполненіе обязательства или вознагражденіе убытковъ при неисправности обязаннаго лица.*

Покажемъ, на чемъ мы основываемъ сказанное.

Бросая взглядъ на вышеприведенные виды отвѣтственности

*) На человѣка, уличеннаго въ одномъ преступленіи, легко падало подозрѣніе, что онъ виноватъ во многихъ еще не открытыхъ, что онъ легко можетъ сдѣлаться вновь преступникомъ.

поручителя, мы въ двухъ первыхъ изъ нихъ находимъ, что онъ принимаетъ на себя исполненіе обязательства или вознагражденіе убытковъ [20]).

Сюда же относящійся третій случай требуетъ подробнѣйшаго разсмотрѣнія.

Въ поручной записи, помѣщенной въ Акт. Юрид. подъ № 293 читаемъ: *«а не поставлю язъ на срокъ* (отвѣтчика къ суду) *и на «мнѣ на порущикѣ Малафеѣ монастырс. искъ, Прилуцкаго монастыря «игумена съ братіею съ ихъ пашенъ Государевы подати......»* и проч.*). Съ перваго раза кажется, что главное содержаніе поручительства здѣсь относится къ представленію лица въ судъ. Но на дѣлѣ это не такъ.

Предъ нами находится множество случаевъ (изъ которыхъ нѣсколько мы выписали въ 7-мъ и слѣдующихъ примѣчаніяхъ) поручительства въ явкѣ отвѣтчика къ суду. Въ нихъ вовсе не требуется отъ поручителя, чтобъ онъ представилъ обвиненное лицо къ суду, а только берется удостовѣреніе, что оно станетъ на судъ, и обѣщаніе, что въ противномъ случаѣ самъ поручитель заплатитъ истцовы иски, съ судныхъ дѣлъ пошлины, всѣ убытки и волокиты. Порукою обезпечивается явка на судъ отвѣтчика по просьбѣ истца, для его выгоды, потому-что если не будетъ въ явкѣ лица, съ котораго слѣдовало бы сдѣлать взысканіе, то истецъ останется неудовлетвореннымъ и понесетъ убытки; точно также судебному мѣсту надобно будетъ при этомъ отказаться отъ полученія пошлинъ.

Такимъ образомъ для устраненія подобныхъ невыгодъ довольно будетъ, если судебное мѣсто и истецъ получаютъ право и возможность произвести съ какого-либо лица законное взысканіе. Если судебное мѣсто прикажетъ держать отвѣтчика въ тюрьмѣ или за приставомъ, то оно достигнетъ своей цѣли, оградитъ себя и истца относительно взысканія съ обвиненнаго. Таже цѣль достигнута, если судебное мѣсто находитъ человѣка, который беретъ на себя обязанность заплатить иски въ случаѣ, что скроется виновный. А если есть особенный интересъ въ присутствіи отвѣтчика, то не поручителя заставляютъ представлять его въ судъ, а эта обязанность налагается на лицо служебное, на пристава. Если бы смыслъ поручительства заключался въ прямомъ представленіи отвѣтчика на судъ, то почему бы встрѣчались безпрестанно такого рода предписанія: *«подавать его на поруки, и за порукамы привести къ Москвѣ»*, *«подавать на «поруку и выслать въ Москву съ приставомъ....»* и проч. [21])?

Возьмемъ напр. случай 1635 года Августа 17: поручитель-

*) Подобнаго рода случаи выписаны въ 15 примѣчаніи.

ство въ явкѣ на судъ дано въ Чердыни, а судъ долженъ производиться въ Москвѣ. Неужели поручители должны были сами вести отвѣтчика изъ Чердыни въ Москву? Притомъ по обыкновенію того времени поручителей по одному и тому же обязательсту набиралось всегда какъ можно болѣе: число ихъ доходило до десяти, простиралось иногда и далѣе. Неужели такое количество людей должно было сопровождать всегда отвѣтчика къ суду? Напротивъ въ приведенныхъ въ 21 примѣчаніи случаяхъ мы видимъ, что отвѣтчикъ идетъ одинъ или сопровождается другими лицами, не поручителями. Я привелъ только шесть примѣровъ, но ихъ можно привести десятками. Въ поруч. записяхъ употребительна формула: *«а не станетъ онъ за нашею порукою»*, напротивъ: *«а не поставимъ мы его на судъ»*, попадается очень рѣдко[22]). И такъ въ большинствѣ случаевъ не требовалось съ поручителя представленія въ судъ отвѣтчика, а требовалось съ него только удостовѣреніе, что отвѣтчикъ станетъ на судъ, и бралось обѣщаніе платить въ противномъ случаѣ за него иски и пошлины. Поручительство является какъ милость правительства, освобождая отвѣтчика отъ цѣпей, отъ тюрьмы: съ этимъ несовмѣстно бы было обязательство представить отвѣтчика въ судъ; иначе одно стѣсненіе физической свободы переходило бы въ другое и цѣль поручительства не была бы достигнута. Допустимъ, что представленіе на судъ составляетъ собственно юридическое содержаніе поручительства: тогда намъ представится такого рода сдѣлка. А обязывается явиться въ судъ; вмѣстѣ съ тѣмъ судъ дѣлаетъ распоряженіе найти человѣка, который бы взялся представить лицо А на судъ съ тѣмъ, что если не представитъ, то подвергается взысканію имѣющихъ открыться на лицѣ А требованій. Но тутъ нѣтъ вовсе поручительства, нѣтъ прибавочнаго договора для обезпеченія обязательства главнаго, а представляется совершенно самостоятельное обязательство, какое именно возлагалось въ древн. нашемъ быту на чиновника, посылаемаго для вызова къ суду обвиняемаго. Недѣльщикъ, приставъ, доводчикъ являлись въ мѣсто жительства отвѣтчика и, забравши его, если не представлялъ онъ поручителя, подъ собственнымъ присмотромъ представляли къ суду. Въ случаѣ неисполненія этого обязательства приставъ приговаривался къ двойному удовлетворенію всѣхъ открывшихся на убѣжавшемъ требованій[23]). Но совокупность этихъ юридическихъ отношеній между суд. мѣстомъ, отвѣтчикомъ и приставомъ не составляетъ по нашимъ закон. памятникамъ поручительства, точно также какъ нѣтъ его въ слѣдующемъ случаѣ: *«а «тѣхъ князей и дѣтей боярскихъ, чьи люди, давать на поруку, что «имъ, тѣхъ людей добывъ, передъ старостами поставити»*[24]). Дре-

вній юридическій бытъ видѣлъ въ сдѣлкахъ поручительства совершенно другія отношенія, а именно для нихъ здѣсь существенно удостовѣреніе въ готовности лица обязаннаго исполнить обязательство и исполненіе обязательства поручителемъ при неисправности лица обязаннаго. Эти понятія въ настоящемъ случаѣ занимаютъ первое мѣсто, составляютъ основное, главное условіе сдѣлки, напротивъ же дѣйствія, способствующія исполненію обязательства со стороны лица обязаннаго составляютъ условіе второстепенное. Если поставить его на 1-мъ планѣ, то при неявкѣ отвѣтчика на судъ, поручитель несетъ наказаніе прямо за неисполненіе обязательства представить собственными силами отвѣтчика, а не вслѣдствіе обязательства платить за него иски въ случаѣ неявки. Тутъ смыслъ поручительства совершенно изворачивается и надобно допустить выводы, которые расходятся съ существомъ дѣла; сдѣлка поручительства представляется тогда аналогичною съ обязательствомъ пристава, и вмѣсто того, чтобъ содѣйствовать свободѣ, она таже тюрьма для отвѣтчика, въ другомъ только видѣ.

Признавая напротивъ, что поручитель несетъ отвѣтственность вслѣдствіе обязательства удовлетворить истца и судебное мѣсто при отсутствіи отвѣтчика, мы убѣждаемся, что неисполненіе обязательства представить на судъ отвѣтчика не влечетъ уже за собой никакой отвѣтственности и исполняется слѣдовательно, когда поручитель находитъ въ томъ собственную пользу, когда исполненіемъ онъ можетъ отвести отъ себя взысканіе. Если бы сумма издержекъ на отысканіе отвѣтчика и представленіе его къ суду превышали сумму, за которую отвѣчаетъ поручитель, то что за охота ему производить поискъ, тѣмъ болѣе, что неизвѣстно еще, отыщетъ ли онъ, представитъ ли въ судъ отвѣтчика. Другое дѣло — обязательство пристава искать убѣжавшаго отъ него или отпущеннаго имъ отвѣтчика. Тутъ для пристава есть побужденіе исполнить обязательство, потому-что ему грозитъ особенная кара за его неисполненіе: отпустить или *спродать* обвиняемаго разсматривается какъ преступленіе. Ничего подобнаго не видимъ въ случаяхъ, гдѣ поручитель, обязавшись сыскать или представить судящагося, не исполняетъ обязательства. И такъ обязательство поручителя способствовать исполненію обязательства лицомъ обязаннымъ, являясь по формѣ обязательствомъ, на самомъ дѣлѣ представляется лишь льготой поручителя.

Вѣроятно было обыкновеніе въ древности, что поручитель, удостовѣривъ лицо, имѣвшее право, что обязанное лицо исполнитъ обязательство, и принявъ на себя его исполненіе на случай неисправности, еще для большаго успокоенія лица, которо-

[illegible] ручатель прибавлялъ условіе побуждать обязаннаго къ исправности, и что замѣчая въ немъ готовность уклониться отъ исполненія обязательства, слѣдилъ за нимъ и физически понуждалъ къ исполненію, подвергалъ напр. содержанію и представлялъ куда слѣдовало.

Эта сторона поручительства вѣроятно была причиною частаго употребленія его какъ мѣры полицейской. Такъ при судебномъ поручительствѣ отвѣтчикъ остается на свободѣ, лишаясь ея только при явномъ подозрѣніи скрыться, что, разумѣется, должно было случаться очень рѣдко, потому-что отношенія между поручителемъ и обязаннымъ лицомъ были нравственныя, основывались на родственныхъ связяхъ, дружбѣ и т. д., такъ что въ поручительствѣ заключалась еще та гарантія, что отвѣтчикъ не захотѣлъ бы ввести въ бѣду поручителя и потому уже старался исполнить обязательство.

И такъ нѣтъ сомнѣнія, что условіе поручителя побудить обязанное лице къ совершенію лежащаго на немъ дѣйствія есть условіе прибавочное, существованіе или несуществованіе котораго не имѣетъ никакого вліянія на существо поручительства: непосредственно оно не вытекаетъ изъ поручительства, а выговаривается особенно, вѣроятно болѣе въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ обезпечивается поручительствомъ чисто личное дѣйствіе обязаннаго, явка на судъ, поведеніе лица и т. п.

Послѣдніе виды отвѣтственности поручителя также входятъ въ составъ поручительства втораго рода.

Поручитель платитъ въ случаѣ неисполненія обязательства пеню, подвергается наказанію чисто личному.

Платежъ пени сопровождаетъ всѣ случаи поручительства, относится ли оно къ явкѣ на судъ, къ исполненію договора, къ поведенію лица: вездѣ пеня сопутствуетъ другимъ условіямъ[26]). Она же, какъ мы видѣли, встрѣчается при поручительствѣ для обезпеченія интересовъ государственныхъ. Съ пенею или неустойкою, платимою поручителемъ при неисправности лица обязаннаго, не должно смѣшивать отвѣтственность поручителя за неустойку самаго обязаннаго лица въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ платежъ ея вмѣстѣ съ главнымъ содержаніемъ обязательства обезпеченъ поручительствомъ: «*А не учну азъ.....ино на мнѣ на Иванкѣ и на моихъ* «*порущикѣхъ взяти казначею въ казну пять рублевъ денегъ*»[26]); «*а* «*тою десятскаго и петидесятскаго въ нашей пенѣ подавати на крѣп*-«*кія поруки, чтобъ у нихъ лихихъ людей въ сотнѣ впередъ не было*»[27]).

И такъ оказывается, что поручительство по древнему русскому праву состояло въ удостовѣреніи поручителя въ готовности и спо-

собности главнаго обязаннаго исполнить обязательство, и въ принятіи на себя отвѣтственности исполненіемъ сего обязательства или вознагражденіемъ убытковъ.

По употребленію поручительства въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ, казалось бы, оно должно бы было распадаться на особенные еще виды; порука, напр. при обязательствѣ законномъ должна бы была обставиться другими опредѣленіями нежели при обязательствѣ договорномъ, при обязательствѣ личномъ явиться съ другими условіями нежели при обязательствѣ имущественномъ; сословіе, полъ поручителей и лицъ обязанныхъ должны бы были отразиться на поручительствѣ, какъ мы и видимъ это въ законодательствахъ римскомъ, французскомъ, въ нѣкоторыхъ изъ славянскихъ и наконецъ въ нынѣ дѣйствующемъ нашемъ законодательствѣ.

Въ римскомъ правѣ отъ общихъ опредѣленій о поручительствѣ отдѣляется поручительство женщинъ.

Французское законодательство даетъ отдѣльныя постановленія о поручительствѣ судебномъ — *caution judiciaire*: «*Lorsqu'il s'agit d'un cautionnement judiciaire, la caution doit être susceptible de contrainte par corps*»[28]); въ другихъ случаяхъ способность поручителя не ограничивается такимъ условіемъ; la caution judiciaire ne peut point demander la discussion du débiteur principal[29]).

Между славянскими законодательствами польское и литовское даютъ ограниченія относительно лицъ, которыя могутъ ручаться, и съ поручительствомъ крестьянъ связывается особенность: имъ было запрещено принимать на себя поручительство или дозволялось ручаться только въ малыхъ суммахъ[30]).

По Литовскому Статуту крестьяне конной и пѣшей службы и другіе простолюдины не могутъ ни за кого ручаться въ важнѣйшихъ дѣлахъ безъ вѣдома и письменнаго позволенія своихъ господъ, а могутъ ручаться въ дѣлахъ меньшей важности, не болѣе какъ въ четырехъ копахъ грошей; и хотя бы одинъ человѣкъ за разныхъ людей ручаться пожелалъ, поручительство его вообще не должно превышать цѣны четырехъ копъ грошей[31]).

Настоящее наше законодательство представляетъ особенности поручительства по договорамъ съ казною, по личному найму и друг. (ст. 1314. 1323. Св. граждан. зак.). Напротивъ по древнему нашему праву порука по чиновникѣ, подрядчикѣ, наемщикѣ одна и таже, какъ по своему существу, такъ и по прибавочнымъ условіямъ. Причина тому въ особенной характеристикѣ развитія нашего древняго законодательства: древній юридическій бытъ создалъ идею поручительства, а власть общественная только проявляла ее въ своихъ дѣйствіяхъ, допуская поручительство для

обезпеченія самыхъ разнообразныхъ обязательствъ. Чуждаясь перемѣнъ и нововведеній, наклонное все болѣе дѣлать по старинѣ, законодательство довольствовалось значеніемъ органа для проявленія обычая, жившаго въ народномъ сознаніи, и выражало его въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ созданъ бытомъ народа. Проникнутое во всемъ своемъ существѣ обычаемъ, правительство не отступало отъ господствовавшихъ юридическихъ воззрѣній, и постановленія его ничто иное какъ подведеніе встрѣтившагося случая подъ существующій обычай. При отсутствіи основного различія въ юридическихъ понятіяхъ и воззрѣніяхъ и вообще въ бытѣ лицъ, составлявшихъ правительство, и подданныхъ, явленіе это представляется вполнѣ естественнымъ и объясняетъ, почему въ разнообразныхъ случаяхъ древняго поручительства мы не встрѣчаемъ видоизмѣненій одного и того же основного начала.

Есть нѣсколько случаевъ въ нашихъ законодательныхъ памятникахъ, гдѣ порукою называется имущество, обезпечивающее заемъ: *«а въ серебрѣ и въ росту подписали есми въ серебрѣ порукою дворъ «свой»* [32]). Но здѣсь кромѣ имени поручительства мы не видимъ ничего общаго съ поручительствомъ.

Содержаніе поручительства опредѣлялось договоромъ, заключеннымъ между поручителемъ и лицомъ, имѣвшимъ право по обязательству *).

Но этому договору предшествовалъ другой договоръ между поручителемъ и лицомъ обязаннымъ.

Въ поручныхъ записяхъ мы часто находимъ такого рода приписки: *«били челомъ поручикомъ своимъ себя поручить»* [33]). Существованіе предварительнаго договора предполагаетъ, что поручительство давалось съ согласія лица обязаннаго. Но есть случаи, указывающіе на противное.

Такъ въ древнемъ нашемъ быту поручительство часто встрѣчалось между лицами, которыя связаны были узами родства или дружественныхъ отношеній, и очень легко предположить, что оно составляло иногда безвозмездное одолженіе и давалось безъ вѣдома лица обязаннаго, особенно въ дѣлахъ меньшей важности. Прямыхъ указаній впрочемъ на это нѣтъ.

Но иногда поручительство является обязательствомъ чисто законнымъ и дается слѣдовательно независимо отъ согласія лица обязаннаго.

Въ выпискѣ изъ постановленій о разбойныхъ и татиныхъ дѣлахъ 1605 года и въ другихъ актахъ говорится, что въ извѣстныхъ случаяхъ относительно обвиняемаго въ преступленіи производится

*) См. форму поручительства.

обыскъ: если при этомъ всѣ обыскные люди единогласно признаютъ его лихимъ человѣкомъ, то преступникъ подвергается опредѣленному наказанію, если половина обыскныхъ людей будетъ его *«одобрить»*, то онъ отдается на поруки одобрившимъ его[37]). На это же указываетъ ст. 36 гл. XXI Уложенія. Спрашивается, имѣли ли эти обыскные люди право отказаться отъ того, чтобъ взять одобреннаго ими на поруки и такимъ образомъ подвергнуть его тюремному заключенію? Если имѣли, то, разумѣется, ихъ поручительство можно признать за добровольное. Отдача обвиняемаго на поруку съ одной стороны является какъ-бы милостію правительства, съ другой же стороны въ очень многихъ случаяхъ оно только и находитъ для себя удобнымъ этотъ родъ обезпеченія и потому старается, во что бы то ни стало, сбывать извѣстныя лица на поруки[38]).

И такъ если въ настоящемъ случаѣ правительство дѣлаетъ милость обвиненному, то поручительство обыскныхъ людей является добровольнымъ, въ противномъ случаѣ оно недобровольное. Въ первомъ случаѣ правительство выражается такъ: *«дать «его на поруки, а не будетъ по немъ поруки, посадить въ тюрьму, до«коль порука по немъ будетъ»*[39]).

Въ настоящемъ же случаѣ прямо предписывается: *«дать его «на поруки обыскнымъ людямъ»*, и можно думать, что слова эти были понимаемы и исполняемы буквально, тѣмъ болѣе, что тутъ представлялось вѣроятно слѣдующее соображеніе: можно предположить, что правы обыскные люди, одобрившіе обвиняемаго, а подвергать обвиняемаго заключенію при такомъ предположеніи было бы жестоко и несправедливо: такъ пусть же, если въ послѣдствіи окажется, что онъ въ самомъ дѣлѣ преступникъ и онъ скроется, терпятъ вмѣстѣ съ нимъ наказаніе и тѣ люди, которые сдѣлали о немъ несправедливый отзывъ, назвали его добрымъ и так. образомъ дали ему средства уклониться отъ законнаго наказанія. Если же подозрѣваемый преступникъ въ самомъ дѣлѣ обвиненъ лживо, если обыскные люди, одобрившіе его, поступили законно и справедливо, то отъ отдачи на поруки никто не будетъ въ убыткѣ,—ни правительство, ни поручители.

Сообразно сказанному можно допустить, что законодательство именно предписываетъ обыскнымъ людямъ быть поручителями, слѣдовательно поручительство здѣсь является обязательствомъ законнымъ, не нуждающимся въ согласіи поручителей и лица обязаннаго.

Принимая на себя отвѣтственность исполнить обязательство, поручитель предоставляетъ требовать съ него при наступленіи по-

вѣстныхъ условій этого исполненія. Такимъ образомъ онъ становится здѣсь лицомъ, совершенно замѣняющимъ главнаго обязаннаго, не смотря на то, вещное ли обязательство, или чисто личное: *«наши «поручниковы головы въ его голову мѣсто и наши животы въ его жи«вотовъ мѣсто»*. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ убытки, происходящіе отъ неисправности обязаннаго лица, входятъ въ составъ поручительства, что обыкновенно выговаривается въ договорѣ.

По римскому праву поручитель не могъ обязываться болѣе того, въ чемъ заключалось главное обязательство, по правилу: *nec plus in accessione esse potest, quam in principali re.* Французское законодательство статьею 2013 гражданскаго уложенія опредѣляетъ, что поручительство не должно превышать того, чѣмъ обязанъ главный должникъ и не должно быть заключаемо на условіяхъ болѣе тяжелыхъ. Въ случаяхъ же древняго русскаго поручительства представляется по-видимому совсѣмъ противное. Такъ встрѣчаются случаи, гдѣ отвѣтственность поручителей превосходитъ отвѣтственность лицъ обязанныхъ.

Въ поручн. записи 1591 г. (N° 231 А. Ю.) читаемъ: .... *«на насъ на порутчикахъ пеня Государя царя и В. К. что Госу«дарь учинитъ, и наши поручниковы головы въ его голову мѣсто, и «прогоны за подводы отъ Иванъ города до нашего до Креминица по«юста вдвое, и назадъ до Иванъ города»*.

Въ записи подъ N° 311: .. *«взять на порутчикъ татьба, и сносъ, и задаточные деньги вдвое»*. Очевидно, что въ этихъ случаяхъ обязательство поручителя является несравненно обширнѣе, чѣмъ обязательство главное: поручитель вознаграждаетъ не настоящіе убытки, происходящіе отъ неисправности должника, а двойные. И такъ здѣсь нарушается существо поручительства, какъ прибавочнаго договора, является какъ-бы совершенно самостоятельный договоръ, дѣйствіе котораго только обусловлено неисполненіемъ другого договора.

Въ настоящемъ случаѣ обязательство поручителя платить вдвое сдѣлано съ намѣреніемъ доставить имѣющему право болѣе увѣренности, что обязательство будетъ исполнено. Излишекъ въ отвѣтственности по прибавочному обязательству подходитъ здѣсь совершенно подъ понятіе неустойки, обезпечивающей удостовѣреніе поручителя.

Сравненіе приведенныхъ случаевъ съ другими имъ подобными[40]) подтверждаетъ это положеніе, показываетъ, что назначеніе двойной отвѣтственности есть ничто иное какъ опредѣленное наказаніе. Понятіе неустойки при поручительствѣ и исполненіе обязательства, состоящаго въ платежѣ извѣстной суммы, имѣютъ ту

общую сторону, что какъ неустойка, такъ и долгъ платятся поручителемъ при неисправности должника.

Но есть другой способъ объяснить это явленіе: если взять во вниманіе, что ко взысканію съ поручителя приступали уже послѣ мѣръ взысканія съ лица обязаннаго (что̀ мы докажемъ ниже), то окажется, что пространство времени отъ срока обязательства до взысканія съ поручителя могло быть довольно значительно; вредъ же, причиненный несвоевременнымъ удовлетвореніемъ, съ теченіемъ времени еще болѣе увеличивался и являлась необходимость въ обезпеченіи противъ приращенія убытковъ. Лицо, терпящее убытки отъ несвоевременнаго удовлетворенія, пріобрѣтаетъ конечно право на вознагражденіе и соотвѣтственно тому для главнаго обязаннаго растетъ обязательство, а если у него есть поручитель, то вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и обязательство поручительское. Но въ древнемъ, экономически не развитомъ быту было довольно трудно вычислить, сколько именно составляли убытки вѣрителя и разсчетъ могъ быть сопряженъ съ большими злоупотребленіями. Вслѣдствіе этого могло родиться обыкновеніе заключать съ поручителемъ условіе о двойномъ вознагражденіи. Съ этой точки зрѣнія обязательство поручителя не превышаетъ главнаго обязательства.

Впрочемъ иногда поручительство давалось только въ части обязательства, опредѣлялось впередъ количество вознагражденія за убытки.

Въ Псковской судной грамотѣ мы находимъ ограниченіе относительно употребленія поручительства при займѣ: «*поруку быть до рубля, а больши не быти рубля*».[41]). Такое опредѣленіе Псковской грамоты находится, кажется, въ связи съ обычаемъ, свойственнымъ не одному Пскову, а цѣлой Руси, исключавшимъ большею частію обезпеченіе займа посредствомъ поручительства. Въ заемныхъ записяхъ, помѣщенныхъ въ А. Ю. заемъ значительный обезпечивается залогомъ, маловажный же въ 2, въ 3 руб. остается безъ всякаго обезпеченія. Обезпеченіе займа поручительствомъ я находилъ только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ однимъ изъ контрагентовъ является правительство или какое-нибудь общество[42]).

Сообразивъ все сказанное о пространствѣ древняго нашего поручительства и принявъ во вниманіе, что различные виды отвѣтственности поручителя рѣдко встрѣчаются въ отдѣльности, попадаются часто въ многоразличныхъ между собою сочетаніяхъ, что поручительство всегда почти сопровождается пенею, мы находимъ условія его въ древности очень тягостными. Неудобство это устранялось только частію тѣмъ, что поручителей при одномъ и томъ

же обязательствѣ всегда бывало нѣсколько и что они могли разложить между собою удовлетвореніе.

Весь объемъ отвѣтственности поручителя опредѣляется общею формулою, прописываемою почти въ каждомъ договорѣ поручительства: «... *наши поручниковы головы въ его голову мѣсто, наши животы въ его животовъ мѣсто*».

Совершенная замѣна обязаннаго лица поручителемъ и чисто личный характеръ отвѣтственности поручителя по древнему русскому праву открываются отсюда сами собо, и не чисто личною ли отвѣтственностію поручителя объясняется молчаніе законодательственныхъ памятниковъ старины о переходѣ обязательства поручителя къ наслѣдникамъ.

По Уложенію содержаніе поручительства опредѣляется письменнымъ договоромъ — *поручною записью*.

Лица ручаются и даютъ поруку по взаимному согласію. Но это правило, какъ и прежде, терпитъ исключенія. Судныя статьи показываютъ стремленіе законодательства обезпечить явку на судъ тяжущихся поручительствомъ и стараніе избѣжать другого рода обезпеченія. Изъ ст. 119. 120 и др. гл. X видно, что отъ поручительства Уложеніе отказывается только въ крайнихъ случаяхъ и уклоненіе отъ дачи поруки называетъ ослушаніемъ государю, грозитъ за то нелегкимъ наказаніемъ. И потому нельзя сказать, что обязанный явиться на судъ давалъ по себѣ поруку добровольно. По ст. же 229 (гл. X) сами поручители не иначе исполняютъ свое обязательство, отправляются отыскивать обязаннаго, какъ давъ по себѣ поруку о явкѣ на опредѣленный срокъ.

Безъ согласія лица обязаннаго поручительство дается еще въ одномъ случаѣ личнаго найма: «*а кто отецъ или мати отдастъ кому въ работу сына или дочь на урочныя лѣта, а по тѣхъ своихъ дѣтехъ ручаются*» (въ исполненіи ихъ обязанностей). Г. 20. ст. 45. Но впрочемъ здѣсь договоръ о наймѣ происходитъ въ силу родительской власти, согласіе и несогласіе дѣтей не имѣютъ никакого значенія.

Разсматривая случаи поручительства, мы видимъ, что имъ обезпечивались обязательства законныя и договорныя, личныя и имущественныя: являясь при этихъ обязательствахъ, поручительство не представляетъ никакихъ различій. Но различіе самыхъ обязательствъ, именно личныхъ и имущественныхъ, проявляется въ поручительствѣ: такъ по Уложенію поручительство по обязательству личному прекращается смертію обязаннаго, по имущественному же на-оборотъ *).

*) См. ниж. прекращеніе поручительства.

При обязательствахъ законныхъ правительство, сомнѣваясь въ исправности самого поручителя, обезпечивало его обязательство тюрьмою или поручительствомъ[43]). Дѣло здѣсь представляется въ такомъ видѣ: второе поручительство установляется не вмѣстѣ съ первымъ, а когда главное обязательство нарушено и когда слѣдовало бы требовать удовлетворенія съ поручителя. Но не приступая тотчасъ по разнымъ причинамъ ко взысканію съ поручителя, правительство заставляетъ его лишь обезпечить исправность свою порукою или садитъ его въ тюрьму. Но спрашивается, почему предварительно не дѣлалось такого обезпеченія, отъ чего было въ употребленіи обезпечивать исправность поручителя уже послѣ нарушенія обязательства лицомъ обязаннымъ? Объясняется это тѣмъ, что при его неисправности обязательство поручителя становится главнымъ, для котораго въ свою очередь желательно обезпеченіе. Притомъ же неисправность лица обязаннаго, особенно при обязательствахъ законныхъ, навлекала подозрѣніе и на поручителя; его уже отчасти переставали считать человѣкомъ *добрымъ* и нарушалось слѣдовательно основное условіе его способности[44]). Почему знать, можетъ быть, онъ самъ человѣкъ дурного поведенія и освободилъ посаженнаго въ тюрьму какъ прежняго своего товарища по преступленіямъ? Подобно этому должны быть обсуживаемы слѣдующія слова Уложенія: «*а будетъ онъ на тотъ срокъ къ суду не станетъ, и его тѣмъ «не винити, а велѣть его сыскивати порутчикомъ его и въ томъ по «тѣхъ порутчикахъ взяти поручная запись:........а будетъ тѣ «порутчики того отвѣтчика на тотъ срокъ...не поставятъ и учнутъ «бити челомъ о другомъ поверстномъ срокѣ и имъ другой поверстный «срокъ дати*». Улож. г. X ст. 229.

Неупотребленіе же поручительства за поручителя въ смыслѣ римскаго fidejussio fidejussionis*), рѣдкое употребленіе его (и то только при обязательствахъ законныхъ) въ такомъ видѣ, въ какомъ его представляютъ показанные нами случаи, вѣроятно происходили отъ того, что довольствовались собраніемъ большого числа поручителей при одномъ обязательствѣ, избѣгая такимъ образомъ лишнихъ хлопотъ и убытковъ, соединенныхъ съ письмомъ двухъ записей вмѣсто одной.

Не составляетъ также чистаго fidejussio fidejussionis слѣдующій случай: «*се язъ Князь Василій да язъ......подручилися есмя Го«сударя своего В. К. болярамъ князю Д. Ѳ. Бѣльскому, да к. В. В. Шуй«скому, да кн. Б. Ив. Горбатому по кн. по Мих. по Льв. Глинскомъ: что «они выручили у Государя нашего В. Ив. всея Руси за отъѣздъ и за по-*

*) L. 8. § 12. D. de fidejussoribus et mandatoribus. XLVI. I. Pro fidejussore fidejussorem accipi posse nequaquam dubium est.

«быв въ пяти тысячахъ рублехъ и до его живота. И гдѣ ся кн. Михаилъ «за нашею порукою денетъ, куды отъѣдетъ или сбѣжитъ: ино на насъ на «подручникехъ, на мнѣ на кн. на Вас........и на нашихъ товарищехъ «.....которые подручилися князю Д. Ѳ. Бѣльскому, да........ «..вся подрука пять тысячь рублевъ». Далѣе на оборотѣ записи: *««передъ бояриномъ В. К. Вас. Ив. всея Руси Петромъ Яковлевичемъ «Захарьича, ставъ подручники князь Василій........сказали: что «они подручилися князю Д. Ѳ. Бѣльскому....по кн. по Мих. по «Льв. Глинскомъ въ пяти тысячи рублехъ и до его живота за отъ- «ѣздъ и за побѣгъ. А. кн. М. Л. Глинскій передъ бояриномъ Петромъ «Яковлевичемъ сказалъ: что князю Бѣльскому......князя Василія «и ихъ товарищей, которые въ сей подручной грамотѣ писаны, по «себѣ порукой велъ о всемъ по тому, какъ въ сей подручной грамотѣ «писано»*[44]). Такія отношенія являются только при поручительствѣ, обезпечивающемъ вѣрность бояръ[45]). Не должно думать, что подручники здѣсь обезпечиваютъ платежъ неустойки. Нѣтъ причинъ, которыя бы заставили насъ отрѣшиться отъ принятаго выше мнѣнія, что неустойка при поручительствѣ, обезпечивающемъ интересы государственные, не есть вознагражденіе за вредъ, а служитъ только средствомъ къ устраненію ложнаго удостовѣренія. Для в. князя важно было обезпечить не платежъ неустойки, а справедливое утвержденіе поручителя, важно было, чтобъ и самые бояре—поручители не измѣнили вмѣстѣ съ тѣмъ, за кого они ручались. Возьмемъ еще въ соображеніе, что обязательство князей Бѣльскаго, Шуйскаго Горбатаго уплатить пять тысячь рублей, хотя составляло сумму довольно значительную по тогдашнему времени, все-таки не имѣло предметомъ суммы столь великой, что при платежѣ ея знатный русскій вельможа (таковымъ былъ каждый изъ поручителей за вѣрность бояръ) могъ оказаться несостоятельнымъ. Трудно, почти невозможно допустить, что при измѣнѣ боярина в. князь, обращаясь къ его поручителю не имѣлъ средствъ получить съ послѣдняго такое удовлетвореніе. Онъ былъ обезпеченъ уже тѣмъ, что одного его слова достаточно было для отобранія помѣстьевъ, отчинъ, всей движимости сановника. А на-вѣрное имѣніе трехъ старинныхъ нашихъ бояръ по своей цѣнности не было меньше пяти тысячь рублей.

Согласно всему этому должно допустить, что подручники являются ни чѣмъ инымъ, какъ поручителями за лицо обязанное въ отношеніи къ лицамъ, поручившимся за него предъ в. княземъ. Поручительство подручниковъ составляетъ обезпеченіе для поручителей подобно тому какъ поручительство послѣднихъ есть обезпеченіе великаго князя. Мысль эта становится еще болѣе возможной при соображеніи слѣдующихъ словъ приведенной записи: *«М. Л.*

«Глинскій сказалъ: что кн. Бѣльскому..... князя Василія..... *«и ихъ товарищей....по себѣ порукою ввелъ».* и подручники сказали: *«что они подручилися князю Бѣльскому....по кн. М. Л. Глинскомъ «въ пяти тысячи рублехъ и до его живота»*.......Если бы подручники обезпечивали только платежъ неустойки, то къ чему главному обязанному, Глинскому, вводить ихъ по себѣ подрукою? это бы долженъ тогда сдѣлать кн. Бѣльскій и другіе поручители.

Относительно лицъ, за которыя можно было ручаться, не было ограниченій. Въ представленныхъ нами случаяхъ видимъ, что ручаются за князей, за лица сословія служебнаго, за духовныхъ, за лица низшихъ сословій. Существо древняго поручительства допускаетъ и участіе несовершеннолѣтнихъ въ этомъ договорѣ въ качествѣ лицъ, за которыхъ ручаются. Уложеніемъ это доказывается положительно [47]).

Что же касается до способности быть поручителемъ, то въ случаяхъ поручительства законнаго и въ случаяхъ, гдѣ дѣйствуетъ поручительство договорное, но однимъ изъ контрагентовъ является казна, мы читаемъ: *«а въ поручные записи порутчиковъ писать людей «добрыхъ и прожиточныхъ кому бы мочно было вѣрити»*. Это общая формула, изъ которой легко опредѣляются всѣ условія способности поручителя [48]).

Такимъ образомъ первое условіе: порука долженъ быть человѣкъ добрый, которому можно вѣрить. Отсюда можно вывести, что малолѣтные не могли быть поручителями.

Второе условіе — прожиточность. Причина, вслѣдствіе которой развилось въ такихъ обширныхъ размѣрахъ поручительство, именно малозначительность имущества, на которое бы можно было отвести взысканіе, заставляетъ насъ полагать, что прожиточность составляла второстепенное условіе. Безпрестанное указаніе въ актахъ, что порука долженъ быть человѣкъ добрый, безъ упоминанія, что онъ долженъ быть человѣкъ прожиточный, подтверждаетъ нашу мысль.

Противное отчасти видимъ въ другихъ славянскихъ законодательствахъ. По Литовскому Статуту поручителями по нѣкоторымъ обязательствамъ необходимо должны быть люди помѣстные: когда безпомѣстный будетъ приговоренъ удовлетворить своего заимодавца, то онъ долженъ представить по себѣ поручителей — людей помѣстныхъ [49]).

Дворянинъ, похвалившійся учинить дворянину какой-либо вредъ и уличенный въ этомъ законнымъ порядкомъ, присуждается къ отдачѣ на поруку честнымъ *помѣстнымъ* дворянамъ того повѣта,

въ которомъ имѣетъ жительство подавшій жалобу, въ томъ, что истцу не будетъ причинено никакого вреда[60]).

Относительно обязательствъ договорныхъ и законныхъ ясно, по какому духу сдѣлано постановленіе, запрещающее крестьянамъ принимать на себя какъ на поручителей отвѣтственность болѣе четырехъ копъ грошей[61]).

По богемскому праву лицо, не владѣющее свободнымъ *dziedzictwo*, не можетъ быть поручителемъ[62]).

Что же касается до способности поручителя въ кругу дѣйствія поручительства между частными лицами, то ограниченій не находимъ никакихъ. Разумѣется, интересъ самого лица, имѣвшаго право по обязательству, заставлялъ выбирать людей добрыхъ и, если позволяли обстоятельства, прожиточныхъ. Но гарантія за состоятельность замѣняется обыкновенно въ законномъ и договорномъ поручительствѣ множествомъ поручителей по одному и тому же обязательству[63]).

На соборѣ, бывшемъ въ 1667 году въ Москвѣ (Іюня 17), лица чернаго духовенства объявлены неспособными быть поручителями. Слова: *«въ мірскія попеченія себѣ не влагати, ниже поручатеся»* объясняютъ причину запрещенія[64]).

Были случаи поручительства, въ которыхъ лицо поручителя сливалось съ лицемъ обязаннаго. Примѣръ этому представляется въ слѣдующемъ заслуживающемъ особеннаго вниманія случаѣ. Акты 1614 г., 1617 г. и другіе представляютъ намъ такого рода учрежденіе: лица, принадлежащія къ одному и тому же сословію, какъ то стрѣльцы, обязываясь государю вѣрною службою, ручаются другъ за друга въ исправномъ исполненіи своихъ обязанностей, и это дѣлается такимъ образомъ: или весь полкъ или отрядъ составляетъ общество взаимныхъ поручителей, или въ немъ является нѣсколько таковыхъ обществъ. Каждое содержитъ въ себѣ произвольное количество членовъ, но обыкновенно не менѣе десяти[65]).

Содержаніе поручительства здѣсь слѣдующее: если стрѣлецъ не исполнитъ своего обязательства, напр. сбѣжитъ, то поручители обязаны вознаградить казну за убытки, причиненные этимъ побѣгомъ; если онъ взялъ впередъ жалованье и сбѣжалъ, не заслужа его, то жалованье уплачивается казнѣ или прибранному на мѣсто сбѣжавшаго другому стрѣльцу. Учрежденіе это въ актахъ называется *круговою порукою*.

Замѣтимъ, что здѣсь обязательство установлено въ пользу общественной власти, что взаимные поручители находятся между собою въ близкомъ товарищескомъ отношеніи, способномъ породить идею взаимнаго вспомоществованія другъ другу. Вспомнимъ также суще-

ство взаимнаго поручительства времен Рус. Правды: сходство круговой поруки 12 вѣка съ круговой порукою 17-го представляется невольно. Составъ послѣдней, источникъ ея и цѣль, съ которою она учреждается, даютъ право принимать ее за воспроизведеніе первой. Но, разумѣется, нѣтъ между ними полнаго соотвѣтствія. Пространство пяти вѣковъ оказало значительное вліяніе на это учрежденіе, установило между тою и другою порукою довольно рѣзкія различія, перемѣнило сцену для ихъ дѣйствія.

Съ уничтоженіемъ системы виръ взаимное поручительство 12 ст. не изгладилось изъ сознанія народа, а жило въ быту его съ небольшими измѣненіями. Мы встрѣчаемъ напримѣръ случаи, что на общество налагается отвѣтственность за его члена. Такъ убытки, причиненные казнѣ неисправнымъ подрядчикомъ, за неимѣніемъ у него поручителей вознаграждаются тѣмъ посадомъ, въ которомъ онъ имѣетъ жительство. Такимъ образомъ ни междоусобія князей, ни татарское владычество, ни право перехода — совершенно не разрушили прежней тѣсной связи жителей одного и того же мѣста, и потому понятно, что когда въ семнадцатомъ вѣкѣ правительство стало набирать отряды стрѣльцовъ и отправлять на службу въ отдаленные отъ Москвы города, снабдивъ людей запасами, отпустивъ впередъ на извѣстное время жалованье, оно сочло возможнымъ для обезпеченія своего воспользоваться нравственною связью общества,— отношеніями товарищества, придать проистекающей отсюда идеѣ взаимнаго вспомоществованія оффиціальный характеръ, т. е. обязать формально каждаго стрѣльца отвѣтственностію за прочихъ, и соединить этимъ еще болѣе ихъ интересы. Правительство могло ухватиться за древнее взаимное поручительство какъ за нѣчто готовое, тѣмъ болѣе, что раздѣляло конечно съ самимъ народомъ воззрѣніе на общество какъ на отвѣтчика по дѣйствіямъ членовъ. Итакъ учрежденіе круговой поруки 17-го ст. не есть выдумка законодательства, и указы 1614 и 1617 годовъ, предписывая употребить въ дѣло этотъ способъ обезпеченія, просто говорятъ: *«а «порука по нихъ круговая»*.....*«велѣть имъ ручаться другъ по «другѣ»*. Будь это учрежденіе новое, не заимствованное прямо изъ обычая, мы бы навѣрное читали въ этихъ указахъ болѣе чѣмъ одно указаніе на способъ обезпеченія.

Разсмотримъ отношенія по поручительству: прежде всего отношенія между вѣрителемъ и поручителемъ.

Лицо, имѣющее право,—вѣритель, при неисполненіи противною стороною обязательства, обращается съ требованіемъ удовлетворенія къ поручителю или къ лицу обязанному: *«.....а не отъ«кажетъ онъ тое пошлины до сроку за два мѣсяца.........»*

«тотъ откупъ впередъ имати на откупщикѣ на Трифонкѣ и на «его поручикахъ. . . .» «Кто съѣдетъ давъ по себѣ поручную за«пись, не дождався вершенья, и на томъ или на поручикѣхъ взя«ти проѣсть и воло кита»[66]).

Однако поручитель въ большей части случаевъ можетъ просить, если не требовать, чтобъ сперва сдѣлана была попытка взыскать съ обязаннаго и чтобъ за неудачею уже этой попытки обращались къ нему, что̀ вытекаетъ изъ слѣдующихъ соображеній: есть акты, которые допускаютъ прямо править съ поручителя; есть акты, которые предписываютъ править съ поручителя и съ лица обязаннаго.

Перваго рода указанія относятся единственно къ тѣмъ случаямъ, гдѣ взыскать съ обязаннаго невозможно, потому-что либо его нѣтъ на лицо, либо заранѣе несомнѣнно извѣстна его неспособность удовлетворить лицо. имѣющее право[67]).

Втораго рода указанія относятся большею частію къ случаямъ, гдѣ можно предположить, что поручитель и обязанный на лицо, или ихъ обоихъ нѣтъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ подано на нихъ ко взысканію[68]).

При сравненіи этихъ данныхъ съ постановленіями Кормч. книги и при помощи указаній Уложенія[69]) мы можемъ допустить, что взыскиваютъ сначала долгъ съ обязаннаго, а потомъ уже чего не достанетъ доправляютъ на поручителѣ.

Въ подтвержденіе такого порядка можно привести еще два мѣста: *«. . . и тѣ Государь многіе свозные крестьяне, давъ по себѣ «поручные записи въ житьѣ и, отправляясь за порукою по жены свои «въ заонежскіе погосты, съѣхавъ не бывали, а живутъ за прежними «помѣщиками и поручиковъ тѣмъ въ поруки выдали, а поручики, «которые по нихъ ручались, бьютъ челомъ тебѣ Государю, что тѣхъ «крестьянъ помѣщики не отдаютъ, а иные за собою не сказываютъ «и таятъ».*

Здѣсь поручители какъ-бы отводятъ отъ себя взысканіе, указываютъ правительству, что оно имѣетъ средства заставить обязанныхъ исполнить обязательство[60]).

Въ наказѣ 1614 г. читаемъ: *«а будетъ которые, давъ по «себѣ поруки на Государеву службу тотчасъ съ ними не пойдутъ «или пошедъ да сбѣжатъ и имъ поручиковъ и кто по комъ ручал«ся велѣти сажати въ тюрьму до тѣхъ мѣстъ покамѣста они тѣхъ «сыщутъ, кто по комъ ручался»*[61]). Здѣсь лицо, имѣющее право, — правительство, само отлагаетъ взысканіе съ поручителей, надѣясь заставить самого главнаго обязаннаго снова исполнять обязательство; на случай же, что эта надежда не оправдается, правитель-

ство обезпечиваетъ могущее быть взысканіе съ поручителя, садитъ его въ тюрьму.

Если обычай установлялъ для поручителя право отводить въ извѣстныхъ случаяхъ отъ себя взысканіе и требовать, чтобъ оно сперва направлено было противъ лица обязаннаго, то этимъ только объясняется, почему указъ 1628 года, опредѣлившій отношенія поручителя и лица, за которое онъ ручался, имѣетъ собственно въ виду взысканіе съ такого обязаннаго лица, которое въ порукѣ истца выдало, т. е. случай взысканія съ поручителя за отсутствіемъ главнаго обязаннаго, противъ котораго не можетъ уже быть обращено взысканіе. Вотъ этотъ указъ: *«а которые люди ручаются по комъ къ суду или съ суда, и тотъ человѣкъ, по комъ «ручаются, въ порукѣ ихъ выдастъ, съ Москвы съѣдетъ, и на тѣхъ «поручикахъ по ихъ порукѣ исцовыхъ исковъ и пошлинъ правятъ и «стоятъ на правежѣ; и тѣ поручики къ тѣмъ людямъ, за которыхъ ручались, въ безчестьѣ приставливаютъ, потому что ихъ подалъ.... и о томъ какъ Государи укажутъ......и на тѣхъ, «кто выдастъ въ порукѣ, взять убытки, сыскавъ допряма, что кому «учинится убытковъ, а въ безчестьѣ отказать»* [62]). Напротивъ если взысканіе шло сперва съ обязаннаго, если ко взысканію съ поручителя приступали не иначе, какъ обобравъ совершенно обязаннаго, то первому уже не было никакой возможности получить съ послѣдняго вознагражденіе за понесенные убытки. Правда, обязанный, какъ несостоятельный должникъ въ отношеніи къ своему поручителю, могъ быть ему выданъ головою, но отношенія дружбы, отношенія нравственныя, дававшія большею частію жизнь поручительству, вопіяли противъ такого дѣйствія и потому процесса заводимо не было, слѣдовательно не было и повода къ изданію указа, который бы опредѣлялъ на этотъ случай отношенія поручителя и лица, за которое ручался поручитель. Напротивъ когда обязанный совершалъ подлый поступокъ противъ поручителя, заставлялъ человѣка, избавившаго его отъ тюремнаго заключенія, подвергаться неожиданному взысканію, мучиться на правежѣ, тогда прежнія отношенія между ими естественно должны были уничтожиться и перейти во враждебныя. Такимъ образомъ здѣсь уже исчезала всякая нравственная и фактическая преграда на требованіе поручителемъ вознагражденія съ лица, за которое онъ ручался, при посредствѣ общественной власти. Указъ 1628 года вошелъ и въ Уложеніе (г. X ст. 155).

Если установлялось иногда для поручителя обязательство *сыскать, представить обязаннаго, смотрѣть за нимъ*, особенно если такое обязательство налагалось опредѣленіемъ судебнаго мѣста, то воз-

никало для поручителя право, чтобъ отклонить отъ себя взыскание, употреблять противъ обязаннаго мѣры насильственныя къ принужденію его исполнить обязательство.

Въ приведенныхъ положеніяхъ представляется нѣчто похожее на beneficium excussionis s. ordinis римскаго права*).

Если не отрицать вліянія Кормчей на наше древнее законодательство, то надобно сказать, что большему утвержденію обычая отводить поручителю взысканіе на обязаннаго помогло римское право чрезъ посредство Кормчей. Слѣдующее въ ней мѣсто есть почти голословное заимствованіе: «*аже кто взаимъ дастъ кому, «или поручника, или исповѣстника, или совѣтника о немъ пріиметь, «то не преждѣ вскорѣ на исповѣстника, или на поручника, или на «совѣтника да нападетъ: ниже убо неберегъ о должницѣ симъ да «стужаетъ: но да нападетъ первое на вземшаго злато, о займѣ со«дѣлавшаго. И аще убо отъ того возметъ и онѣхъ да отступитъ: «аще же не возможетъ отъ должника взяти и потомъ и на поруч«ника...... да находитъ и отъ того прочее да возметъ. Аще «поручникъ ту будетъ, займовавшему же ту быти не прилучится, «да покажетъ заимодавецъ поручника......судіи и о сей вещи су«дитъ судія. И дастъ время поручнику такожде рещи, и совѣт«нику, и исповѣстнику хотящимъ истиннаго должника на судъ «привести и поставити. Симъ же на прочее хранится имъ по«мощь**), и помогаетъ еже поручнику, и совѣтнику, и исповѣстни«ку аще представятъ, понеже поручится, яко же тогда тому при«ведену бывшу, тогда повлеченія избавитася стужаемымъ занъ»*[82]).

Теперь остается намъ рѣшить: если было въ употребленіи править напередъ должное на главномъ обязанномъ, то до какой степени продолжалось это требованіе, на какихъ мѣрахъ взысканія останавливались: водимъ ли былъ обязанный на правежъ, выдавался ли, головою?

Относительно перваго никакихъ положительныхъ указаній нѣтъ ни въ актахъ до Уложенія, ни въ самомъ Уложеніи. Но что касается до выдачи головою, то она, можно сказать, составляла уже не способъ взысканія, а вознагражденіе вслѣдствіе невозможности получить исполненіе по обязательству. Къ чему же было прибѣгать къ этому роду вознагражденія, когда можно было еще

---

*) Nov. IV. c. 1.

**) Приведемъ здѣсь на память ст. 229 гл. X Уложенія, гдѣ поручителю, отправившемуся искать обязанное лицо, дается на помощь приставъ.

получить исполненіе по обязательству чрезъ взысканіе съ поручителя, на которомъ прямо лежала обязанность исполненія?

Но при неуспѣшности взысканія съ самого поручителя выдача головой оставалась единственнымъ средствомъ для удовлетворенія вѣрителя, и спрашивается, кого же слѣдовало выдать. Уложеніе предписываетъ: того и другого[63]), и ничто не мѣшаетъ допустить, что и обычное право періода Судебниковъ поступало такимъ же образомъ.

Поручителей при одномъ и томъ же обязательствѣ обыкновенно бывало нѣсколько, обязательство же ихъ всегда являлось въ формѣ корреальнаго: «....*а который изъ насъ порутчиковъ въ лицехъ, на томъ и порука*....»—пишется въ поручныхъ записяхъ; «....*править на порутчикахъ, которые будутъ въ лицехъ*...»—обыкновенно говоритъ какой-нибудь указъ или приговоръ судебнаго мѣста. «*Взять на порутчикахъ его кто будетъ въ лицехъ*»—говорится въ ст. 203 X главы Уложенія. Мысль о beneficium divisionis*) не имѣла никакого хода въ нашемъ древнемъ поручительствѣ. Взысканіе съ поручителей слѣдовало общимъ правиламъ о взысканіи съ лицъ обязанныхъ. Дополнительный указъ къ Судебнику 1628 г. и другіе источники прямо указываютъ, что поручитель ставился и на правежъ, а договорныя грамоты князей 13-го, 14-го, 15-го столѣтій, что неисправный поручитель поступалъ въ распоряженіе лица, имѣвшаго право по обязательству, на тѣхъ же основаніяхъ какъ и другіе должники: «*холопы, должники и поручники выдавати по исправѣ*....» читаемъ почти во всякой договорной грамотѣ. Правила эти вполнѣ продолжаютъ дѣйствовать и въ Уложеніи, какъ видимъ изъ ст. 155 и 275 гл. X.

Отношенія между поручителемъ и обязаннымъ. Поручитель, удовлетворившій по обязательству, имѣетъ право требовать съ обязаннаго лица вознагражденія за всѣ понесенные убытки[64]). Относящіяся сюда свидѣтельства источниковъ касаются собственно поручительства при обезпеченіи исковъ, однако ничто не мѣшаетъ допустить тоже самое и въ другихъ случаяхъ поручительства. Мы знаемъ, что всѣ они между собою сходны и подлежатъ опредѣленіямъ, изъ одной мысли проистекающимъ.

Если по обязательству произведено удовлетвореніе поручителемъ и затѣмъ еще лицемъ обязаннымъ, то первый, кажется, имѣлъ право обратно требовать отданнаго отъ лица, которому ручал-

*) §. 4. J. de fidejussoribus. III. 20. «*compellitur creditor a singulis, qui modo solvendo sunt litis contestationis tempore, partes petere*».

ся. Существованіе такого обычая можетъ быть выведено изъ слѣдующихъ словъ дополнит. указа къ Судебнику 1558 г.: *«которые «люди впредь учнут искати людей своихъ въ холопы.....а тѣ «холопы предъ судьею учнуть отъ того холопства отпиратися, и «кто тѣхъ холопей съ суда выручитъ и за порукою тотъ холопъ «сбѣжитъ: и въ томъ дѣлѣ искъ ищеинъ весь и пошлины имати «на поручикѣхъ..........и на холопа хотя еще Государь и не «довелъ холопства и тотъ холопъ тѣмъ и виноватъ, что сбѣжалъ, «присудить его въ бѣлые, гдѣ его найдетъ, тутъ его изымаетъ въ «холопы и безъ пристава; а тѣ деньги, что взялъ на поручикѣ, «за тѣхъ своихъ холопей назадъ ему поручику не отдавати»*.

Если бы во всѣхъ подобныхъ случаяхъ соблюдалось обыкновеніе *назадъ поручику такихъ денегъ не отдавати*, то бы незачѣмъ было дѣлать въ настоящемъ указѣ такое упоминаніе. По всей вѣроятности этотъ случай составлялъ исключеніе, тѣмъ болѣе, что древнее право при опредѣленіи отношеній рабовъ къ господамъ покровительствуетъ послѣднимъ. Такимъ образомъ въ настоящемъ случаѣ на лицѣ, способствующемъ рабу идти противъ господина, отражается неблагосклонный взглядъ законодательства на холопа.

Юридическія отношенія между поручителемъ и обязаннымъ возникали не только по произведенномъ первымъ удовлетвореніи по обязательству, но и прежде: сюда принадлежитъ право или обязательство поручителя принимать въ нѣкоторыхъ случаяхъ мѣры къ обезпеченію себя, къ отводу отъ себя взысканія.

Отношенія между сопоручителями. Въ случаяхъ древ. русскаго поручительства, какъ временъ Судебниковъ, такъ и Уложенія, мы почти исключительно встрѣчаемъ по-нѣскольку поручителей по одному и тому же обязательству и не находимъ рѣшительно ни одного указа, ни одного мѣста, которое бы разрѣшало отношенія сопоручителей.

Мы знаемъ, что взысканіе происходило съ тѣхъ поручителей, которые были *«въ лицехъ»*, но неизвѣстно, имѣли ли эти бывшіе *«въ лицехъ»* право по удовлетвореніи кредитора требовать себѣ вознагражденія отъ другихъ поручителей: молчаніе источниковъ заставляетъ сказать, что нѣтъ. Господство правила, по которому выдавшій въ порукѣ долженъ былъ вознаградить поручителя за всѣ убытки, исключало необходимость въ признаніи такого права за отдѣльными поручителями.

Притомъ случалось нерѣдко, что по одному и тому же обязательству ручались люди, принадлежавшіе къ самымъ разнообразнымъ сословіямъ: монахи, священники, бояре, боярскіе дѣти, крестьяне вольные, крѣпостные люди. Въ собраніи многихъ пору-

чителей имѣли интересъ кредиторъ, обязанный; въ дружественныхъ, въ хорошихъ сношеніяхъ могли состоять съ послѣднимъ лица, не имѣвшія между собой никакихъ связей; самимъ же поручителямъ не приводилось конечно искать себѣ товарищей: дѣлать это значило бы показывать свою ненадежность. Разумѣется, всѣ эти обстоятельства устраняли между такими сопоручителями мысль о вспомоществованіи другъ другу, изъ которой бы могла развиться взаимная между ними отвѣтственность. Но отсутствіе ея рождаетъ отсутствіе и споровъ по отношеніямъ сопоручителей и вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствіе указовъ о дѣйствіи поручительства между поручителями. Но если ручались лица, бывшія между собою въ короткихъ связяхъ, то поручитель, удовлетворившій требованіе, вознаграждался вѣроятно другими безъ участія общественной власти: значитъ, также не было причины къ появленію указовъ. Есть, правда, одинъ актъ, въ которомъ поручители опредѣляютъ свои отношенія договоромъ: именно поручная запись 1652 г. (А. Ю. № 318.) заключаетъ въ себѣ слова: «*и намъ порутчикомъ его добыть вездѣ* «*всякими мѣрами гдѣ ни свѣдавъ и поставить его.... и намъ по*«*рутчикомъ самѣмъ между собою вѣдатца*». Ручаются здѣсь монахи, священники и мірскіе люди. Поручители, предоставляя лицу, имѣющему право, взыскивать съ нихъ по правилу: «*съ тѣхъ, которые будутъ въ лицехъ*», условливаются на счетъ могущихъ возникнуть между ними отношеній, но не видно, какъ они условливаются между собою.

О *формѣ* поручительства надобно сказать, что она, какъ и форма другихъ актовъ, прошла всѣ ступени развитія. Въ періодъ господства въ русскомъ правѣ символовъ поручительство получило и названіе свое отъ символической формы. Такъ полагаетъ Неволинъ въ своей исторіи русс гражд. законовъ (ч. 3 § 392). Рука играла важную роль въ символистикѣ права у всѣхъ народовъ. У Римлянъ при заключеніи договоровъ *mandatum* (препорученіе), pignus (залогъ) и при другихъ сдѣлкахъ рука являлась важной участницей[65]). У народовъ германскаго племени она утверждала силу каждаго договора[66]). Наконецъ слова Новгородской судной грамоты: «*а кому будетъ дѣло до владычня человѣка или до боярскаго..... въ волости о татьбѣ и о разбои.....а кто будетъ* «*крестъ цѣловалъ на сей грамотѣ, ино ему рѣчи привое слово, и* «*рука дать по крестному цѣлованію, что тотъ человѣкъ тать и* «*разбойникъ....а ему сказать шабра своего на имя, за кѣмъ у*«*правы лежать, да и по руцѣ ему ударити съ истцомъ своимъ*»[67]), —предположительно свидѣтельствуютъ объ употребленіи и у насъ на Руси этого символа въ смыслѣ утвержденія справедливости сказан-

наго. И такъ рука, подаваемая поручителемъ лицу, имѣющему право по установленному обязательству, вѣроятно служила удостовѣреніемъ, что обязанный исполнитъ свое обязательство и что онъ пользуется довѣріемъ за рукою поручителя, по его рукѣ. Отсюда слово *порука*, встрѣчающееся въ первый разъ въ Русской Правдѣ [68]).

Такъ-какъ укрѣпленіе правъ на имущества и на дѣйствія посредствомъ формулъ, можно предполагать, было не чуждо нашему древнему быту, [69]) то и формулы могли быть въ употребленіи при заключеніи поручительства: на это наводитъ поручная запись 1474 г. [70]), на оборотѣ которой читаемъ: «*по сей поручн. кабалѣ сташ «предъ Княземъ Юрьев. Ив. Ник. Воронцовъ* *) *сказалъ: что выручилъ «у пристава Вел. Кн. у Ив. В. у Замятки князя Дан. Дм. Холмскаго въ винѣ Вел. Князя въ полутретьѣ стѣ рублехъ, по тому, «какъ въ сей поручн. записи писано*». Прописаніе подобнаго обряда видимъ и въ другихъ поручныхъ записяхъ [71]). Обязанный же послѣ этого становился передъ лицомъ, которому ручались, и объявлялъ, «*что онъ такихъ-то по себѣ порукою ввелъ, о всемъ по тому, какъ въ сей «поручной записи писано*». Все это даетъ намъ право думать, что и до явленія поручительства въ письменной формѣ заключеніе его сопровождалось подобнаго рода обрядами и формулами, Соображая значеніе поручительства въ нашемъ древнемъ быту и то важное мѣсто, которое оно занимало въ немъ, мы должны поставить договоръ этотъ на ряду съ другими важнѣйшими договорами, по которымъ пріобрѣтались права на имущества и дѣйствія лицъ, и вслѣдствіе этого отнести начало писменнаго заключенія поручительства ко времени, когда письменная форма сдѣлалась употребительною и для другихъ договоровъ, хотя изъ всѣхъ представленныхъ намъ Арх. Коммиссіею поручныхъ записей первая относится лишь къ 1474 году. Съ этого времени число ихъ постепенно умножается.

Матеріаломъ для всѣхъ вообще древнѣйшихъ актовъ въ нашемъ отечествѣ, какъ извѣстно, сначала служилъ пергаменъ. Когда онъ былъ замѣненъ писчею бумагою, то до введенія гербовой акты писались на столбцахъ **), иногда на листахъ. Все это прилагается и къ поручной записи. Обыкновенно она писалась на одной сторонѣ листа, другая же служила часто для рукоприкладства, иногда для изложенія поименованныхъ выше обрядовъ [72]).

Содержаніе поручной записи обыкновенно слѣдовало такому порядку: сперва прописывались имена поручителей, потомъ слѣдовалъ

*) Поручитель.

**) Замѣтимъ здѣсь указъ 1689 г. (N° 1363. т. 3. П. С. З.), предписывающій поручн. запись по отмѣткѣ дьякомъ склеивать съ приставною памятью.

подробное изложеніе обязательства, въ которомъ принималось поручительство, условія отвѣтственности поручителей, далѣе подпись свидѣтелей, поручителей и писавшаго поручную запись дьяка или подьячаго. Есть случаи, которые указываютъ, что поручная запись совершалась отдѣльно отъ главнаго обязательства; такъ это видимъ въ случаяхъ поручительства по интересамъ государственнымъ: бояриномъ пишется сперва клятвенная запись и потомъ отдѣльно отъ нея совершается поручная. Но въ большей части случаевъ писалась одна поручная запись, и обязательство главное являлось, надобно допустить, или въ формѣ словесной, или въ письменной, но сливаясь въ этомъ послѣднемъ случаѣ совершенно съ поручной записью или, лучше, поручн. запись вмѣщала въ себѣ и договоръ главный. Побудительная причина къ такому соединенію двухъ договоровъ въ одномъ актѣ вѣроятно было желаніе избѣжать лишнихъ хлопотъ и издержекъ, сопряженныхъ съ письмомъ двухъ записей вмѣсто одной. Что касается до укрѣпленія поручныхъ записей, то изъ извѣстныхъ намъ случаевъ мы можемъ вывести кое-какія указанія: такъ прописаніе на оборотѣ записи вышеупомянутаго обряда свидѣтельствуетъ, что и со введеніемъ письменной формы онъ продолжалъ быть въ употребленіи и сопровождать заключеніе поручительства.

При обезпеченіи поручительствомъ обязательствъ законныхъ дача лица на поруки производилась по предписанію правительства *(«.....по Государеву указу и по приказу воеводы поручилися....»)* тѣмъ чиновникомъ, который былъ отправленъ съ приставною памятью, — недѣльщикомъ, ѣздокомъ, приставомъ[73]). Кромѣ того въ этихъ случаяхъ и тамъ, гдѣ поручительствомъ обезпечивается казенный интересъ, поручная запись по написаніи ея отсылалась въ то мѣсто, по предписанію котораго собиралась порука[74]).

Въ числѣ привилегій, даваемыхъ тарханными грамотами, находимъ назначеніе особеннаго пристава для исправленія разныхъ обязанностей, въ томъ числѣ для позыва въ судъ и дачи на поруку жителей тѣхъ мѣстъ, на которыя распространялось дѣйствіе тарханной грамоты, такъ-что кромѣ назначеннаго пристава другіе пристава, недѣльщики, ѣздоки, не имѣли права вызывать жителей привилегированныхъ мѣстъ къ суду и давать ихъ на поруки[75]).

Въ договорныхъ грамотахъ князей при опредѣленіяхъ о судѣ смѣсномъ находимъ другую особенность въ обрядѣ дачи на поруку: такъ приставъ вел. кн. Рязанскаго долженъ давать на поруку подданныхъ удѣльнаго князя Рязанскаго не иначе какъ въ присутствіи пристава отъ послѣдняго. Въ послѣдующихъ актахъ это опредѣленіе повторяется въ видѣ привилегіи и для лицъ, подсудныхъ суду патріаршему, напр. священники по постановленію Уложенія не иначе

даются на поруку приставомъ какъ только въ присутствіи десятскихъ священниковъ[76]).

Эти особенности являются на тотъ конецъ, чтобъ оградить лица, даваемыя на поруки, отъ злоупотребленій и доставить поручительству бо́льшую силу присутствіемъ оффиціальныхъ свидѣтелей и наконецъ также для бо́льшаго обезпеченія въ томъ, что договоръ заключенъ безъ обстоятельствъ, вредящихъ интересамъ правительства, что въ поручители, напримѣръ, выбраны люди «*добрые, которымъ мочно вѣрить*».

Важное мѣсто, занимаемое поручительствомъ, въ древнемъ быту, требовало этихъ опредѣленій и служитъ объясненіемъ существованію многочисленныхъ постановленій, запрещающихъ брать отъ поруки *поклонное*, посулы и поминки[77]). Довольно подробныя опредѣленія о томъ, какъ долженъ назначенный правительствомъ чиновникъ поступать при собираніи поруки, указываютъ на тѣ затрудненія, которыя сопровождали большую часть этихъ случаевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на ощущаемую правительствомъ необходимость пользоваться этимъ способомъ обезпеченія[78]).

Три общія положенія исчерпываютъ собою всѣ случаи *прекращенія* поручительства по древнему русскому праву. Поручительство, 1-е) какъ договоръ, уничтожается исполненіемъ его, т. е. произведеннымъ со стороны поручителя удовлетвореніемъ по обязательству;

2-е) какъ договоръ прибавочный, — прекращеніемъ главнаго;

3-е) какъ договоръ чисто личный, не переходящій къ наслѣдникамъ — смертію поручителя[79]).

Относительно прекращенія поручительства смертію обязаннаго въ Уложеніи встрѣчается различіе между обязательствомъ чисто личнымъ и имущественнымъ: «*а будетъ по комъ порутчики ручаются* «*до срока въ статьѣ*» (въ обязательствѣ стать на судъ), «*а послѣ* «*того тотъ, по комъ ручалися въ статьѣ, умретъ до сроку, и до по*«*рутчиковъ его по такой поручной записи дѣла нѣтъ, потому-что* «*они ручалися по немъ въ статьѣ, а не въ долахъ*». (Г. X. ст. 205).

Такимъ образомъ при обязательствахъ, которыя по свойству своему не могли переходить къ наслѣдникамъ, прекращаясь смертію обязаннаго, и поручительство прекращалось смертію обязаннаго; поручительство же по обязательствамъ вещнымъ на оборотъ. (Также см. г. X. ст. 203).

Мы разсмотрѣли начала поручительства въ пространство времени отъ 12 до 18 столѣтія. Прослѣдимъ же теперь судьбу его послѣ реформъ, начатыхъ въ нашемъ законодательствѣ Петромъ Великимъ. Бросая взглядъ на древній юридическій бытъ, мы видимъ

въ немъ повсемѣстное господство обычая, самое законодательство представляется ничѣмъ инымъ какъ его воспроизведеніемъ. Реформа Петра и его преемниковъ является контрастомъ прежнему. Кавелинъ въ своемъ разсужденіи объ основныхъ началахъ рус. судоустройства и гражданскаго судопроизводства высказываетъ слѣдующее мнѣніе: «*Русское законодательство этой эпохи* (временъ Петра и его преемниковъ) «*представляетъ не развитіе однихъ и тѣхъ же началъ,* «*а безпрестанное измѣненіе ихъ, уничтоженіе существующихъ и замѣ*«*щеніе другими*». Обычай палъ, нововведенія не могли во всякомъ случаѣ обнять все совершенно, высказать все опредѣленно; старое законодательство отчасти продолжало дѣйствовать и дополняло новое. Но старое законодательство въ эту пору не могло давать на все полныя опредѣленія, потому-что само было не полно, само не все обхватило. Когда еще былъ въ силѣ обычай, этотъ недостатокъ, эта неопредѣленность отчасти устранялись тѣмъ, что все недосказанное законодательствомъ добавлялось обычаемъ; теперь же обычай потерялъ силу. Такимъ образомъ въ заимствованномъ, старомъ измѣненномъ, старомъ неизмѣненномъ представлялись безпрестанныя противорѣчія. Старыя начала разрушены, новыя еще не успѣли развиться.

Главное вліяніе реформы на поручительство состояло въ томъ, что оно утратило свой общій характеръ, свое единство и распалось на нѣсколько частей.

Прежде, являясь при самыхъ разнообразныхъ случаяхъ, поручительство не представляло никакихъ видоизмѣненій, сохраняло вездѣ одни и тѣ же начала.

Возьмите напримѣръ поручительство при личномъ наймѣ, поручительство въ обезпеченіе иска, въ подрядѣ, въ неприкосновенности лица, противъ котораго дѣланы были угрозы: вездѣ одни и тѣ же понятія, всѣ случаи сопровождаются одними и тѣми же условіями.

Обычай создалъ понятіе поручительства и законодательство, давая опредѣленія на какой-либо случай, заимствовало ихъ изъ обычая, который живо, наглядно представлялся сознанію всѣхъ и каждаго, и потому законодательству иногда достаточно было сдѣлать намекъ на какой-либо обычай однимъ словомъ, одной фразой, и все остальное понималось.

Напримѣръ въ 16 и 17 столѣтіяхъ явились новые случаи для дѣятельности законодательства: надобно было придумать мѣры для болѣе надежнаго обезпеченія вѣрности стрѣльцовъ и казаковъ, особенно тѣхъ, которые отправлялись на службу въ отдаленныя мѣста. Какъ же тутъ поступили? Законодательство постановило: *пусть будетъ порука круговая,* — и только. Оно не опредѣлило, что-такое

круговая порука, не сказало, что тутъ отвѣчаютъ всѣ за одного и одинъ за всѣхъ, однимъ словомъ, не описало ея понятія. Но и не нужно было этого дѣлать. Всѣ знали, что-такое круговая порука, потому-что она взята была изъ быта народнаго, изъ обычая, всѣмъ извѣстнаго. Такъ составились другія опредѣленія.

Древнее законодательство не создавало ничего новаго: оно какъ-бы боялось нововведеній. Чуть являлся какой-нибудь неопредѣленный, впервые попадавшійся случай,—оно не придумывало для него новыхъ опредѣленій, а обращалось къ настоящему или прошедшему и искало тамъ чего-нибудь похожаго. Случай разрѣшался по сходству съ другими, по принятому для нихъ обычаю. Такимъ образомъ являлся указъ или законъ, который уже былъ ничто иное какъ описаніе въ данномъ случаѣ обычая, болѣе подробное конечно, если обычай не такъ былъ употребителенъ и повсемѣстенъ. Вслѣдствіе всего этого поручительство по древнему русскому праву является учрежденіемъ единымъ, которое реформа уже разбила на части. Изъ нихъ одни опредѣлились подробно, другія остались безъ вниманія и слѣдъ ихъ едва замѣтенъ въ современномъ законодательствѣ. Явились особенные роды поручительства при договорахъ съ казною, при займѣ, при личномъ наймѣ; поручительство при обезпеченіи исковъ видоизмѣнилось; самая форма поручительства получила другой видъ.

Политическій ходъ событій возбуждаетъ хозяйственную дѣятельность правительства; вслѣдствіе того оно вступаетъ въ значительные договоры съ частными лицами, въ необходимости обезпечить себя отъ могущихъ встрѣтиться при этомъ убытковъ.

Правительство находитъ обезпеченіе въ залогахъ, но они могутъ оказаться недостаточными или представленіе ихъ можетъ быть затруднительнымъ: тогда прибѣгаютъ къ поручительству. Случаи такого рода попадаются очень часто.

Находя однакожъ нѣкоторыя неудобства въ старомъ поручительствѣ, законодательство производитъ въ немъ перемѣны, придумываетъ новыя средства, чтобъ дать ему бо́льшую надежность, и вотъ является съ особенными опредѣленіями поручительство, относящееся собственно только къ обезпеченію договоровъ съ казною. Указы, сформировавшіе его, оказали значительное вліяніе на нынѣ дѣйствующее законодательство [80]). Съ новымъ ходомъ вещей появляются новыя учрежденія. Въ числѣ ихъ занимаютъ важное мѣсто кредитныя установленія. Выдаваемыя ими въ заемъ частнымъ лицамъ суммы требуютъ обезпеченія, и возникаютъ новыя опредѣленія о поручительствѣ съ особенностями, только этимъ займамъ свойственными, впрочемъ оставшимися безъ всякаго вліянія на настоящее законодательство [81]).

Мы видѣли прежде, что употребленіе поручительства при займѣ въ пространство времени отъ появленія 1-го законодательнаго памятника до Петра Великаго встрѣчалось очень рѣдко. Случаи, въ которыхъ мы усматриваемъ заемъ, обезпеченный поручительствомъ, попадаются только тамъ, гдѣ однимъ изъ контрагентовъ было правительство или какое-нибудь общество. Но въ 18 столѣтіи начинаетъ входить въ обыкновеніе поручительство при обезпеченіи займовъ [82]). Въ 1761 году запрещается однакожъ крестьянамъ государственнымъ, дворцовымъ, синодальнымъ, архіерейскимъ, монастырскимъ, помѣщичьимъ быть поручителями въ заемныхъ обязательствахъ [83]). Слова указа: *«а дабы заимодавцы надежнее были. . .»*, объясняютъ причину этого узаконенія. Впрочемъ особенность эта сохранилась въ дѣйствующемъ нынѣ законодательствѣ только относительно крестьянъ помѣщичьихъ [84]). Наконецъ уставъ о банкротахъ 1800 г. создалъ правила и особенности поручительства, обезпечивающаго заемъ, которыя цѣликомъ вошли въ нынѣ дѣйствующее законодательство подъ заглавіемъ: *о поручительствѣ по договорамъ и обязательствамъ между частными лицами.* И такимъ образомъ эти опредѣленія составляютъ нынѣ нормальное поручительство.

По общему характеру поручительства въ древнемъ правѣ случаи его при личномъ наймѣ, высказанные въ Уложеніи, не составляли никакой особенности. Но съ тѣхъ поръ, какъ въ этомъ родѣ обезпеченія произошли преобразованія, опредѣленія статей 275 г. X, 45-й, 91 г. XX, продолжавшія дѣйствовать безъ всякихъ измѣненій, обратились въ особенность. Настоящее законодательство называетъ ихъ *особенными правилами о ручательствѣ по личнымъ наймамъ между частными лицами.*

Къ общимъ измѣненіямъ въ поручительствѣ, имѣвшимъ вліяніе на всѣ его виды при позднѣйшемъ законодательствѣ, принадлежитъ перемѣна формы поручной записи. Прежняя поручная запись была ничто иное какъ договоръ поручительства, вмѣщавшій въ себѣ почти всегда договоръ главный. Имена поручителей писались въ началѣ, рукоприкладство же ихъ происходило внизу. Указъ 1705 года Ноября 6 (2080) предписалъ писать имена поручителей по изложеніи содержанія главнаго договора. Такимъ образомъ съ этого времени договоръ поручительства сталъ выражаться въ одной только подписи поручителей, разумѣется, съ изъясненіемъ условій. Такъ и нынѣ: *«поручительство совершается собственноручною подписью поручителя «на обязательствѣ послѣ рукоприкладства должника»* (ст. 1813 св. гр. зак.). Но поручительство въ формѣ отдѣльнаго акта продолжало существовать именно въ случаяхъ обезпеченія исковъ. Въ 1699 г., Января 23, всѣ крѣпости велѣно было писать на гербовой

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Рус. Правда. Спис. Троиц. ст. 4. изд. Калачова.
[2]) Новг. лѣт. стр. 323.
[3]) Deutsche Rechts-Alterthümer von Jacob Grimm I. Buch, Cap. 3. § 7 (стр. 291). Wilkins leges Saxonicae. Lond. 1721. p. 201.
[4]) Въ другихъ нашихъ законод. памятникахъ, близкихъ по времени къ Рус. Прав., встрѣчаемъ опредѣленія, по которымъ человѣку, находящемуся въ опьяненіи не вмѣняются его дѣйствія; такъ въ договорѣ Смоленскаго князя съ Ригою, въ Псковской судной грамотѣ.
[5]) Рус. Правда. Спис. I. ст. 13. изд. Калачова.
[6]) Собран. гос. грам. и догов. т. I. N° 4 и 5. 1295 г.; N° 6, 1305 г.; N° 16 и 17. 1375 г. А. Э. т. I. N° 14. 1398 г.
[7]) А. Э. т. I. N° 13. 1398 г. Уставн. Двинская грам. Собр. гос. гр. и догов. т. I. N° 88 и 89. 1462 г.
Собран. гос. гр. и догов. т. I. N° 115 и 116. 1483 г.: «*а* «*которыхъ дѣлъ не искали при нашемъ отцѣ, пристава не было,* «*за поруку не данъ, тому погребъ, а кто за порукою или за* «*приставомъ, тому судъ*».
Собр. гос. грам. и догов. т. I. N° 127. 1496 г.: «*а прилу*-«*чится твоего пристава третчикъ тутъ, и онъ съ нимъ идетъ* «*на поруку даетъ . . . . . и поставитъ предъ моимъ намѣстникомъ* «*и мой намѣстникъ судитъ*» . . . . «*а безъ твоего намѣстника* «*пристава приставу моего третчика въ душегубствѣ и полич*-«*номъ на поруку не дати*».
Собр. грам. и догов. т. I. 1514 г. N° 148. Жалованная грамота Смоленску: «*а черезъ поруку намѣстничимъ людямъ нашіе* «*отчины Смоленскія земли людей въ желѣза не ковати и въ* «*тюрму не метати*».

А. Ист. т. I. N° 105. Судебникъ 1497 г. *«ѣздити недѣль-«щикомъ и на поруку давати самимъ съ приставными.....»* *«..«а не будетъ на него прирока съ доводомъ, ино татинымъ «рѣчемъ не вѣрити, дати его на поруку до обыску........»* *«А къ полю прiѣдетъ окольничiй и дiакъ; и окольничему и дiаку «въспросити ищей и отвѣтчиковъ: кто за ними стряпчеи и «поручники, и имъ тѣмъ велѣти стояти».*

А. И. т. I. N° 153. Судебникъ 1550 г. ст. 12. *«А убитаго «дати на поруку какъ его государь попытаетъ, ино его поста-«вити передъ государемъ, а не будетъ по немъ поруки, ино его «вкинути въ тюрьму доколѣ по немъ порука будетъ».*

Вообще изъ сравненія статей 47, 49, 54, 55 и друг. Судебника 1550 г. видимъ: явка на судъ обезпечивается поручительствомъ; равнымъ образомъ пребываніе обвиняемаго въ продолженіе всего хода производства на мѣстѣ, гдѣ производится судъ; также нужно поручительство, когда приступается ко взысканію съ обвиняемаго вслѣдствіе судебнаго приговора; при выдачѣ головою истцу отвѣтчика съ перваго брали поруку въ томъ, чтобъ *«доправя «ему свое, отдати его бояромъ и дьякомъ».* См. также А. Э. т. I. N° 268. 1564 г. Сентября 30 уставн. грам. Соловецкаго монастыря Сумской волости крестьянамъ, N° 337. 1558 г. Марта 25 грам. Григорія Годунова Сольвычегодскому прикащику Якову Балактину.

А. Ист. т. III. N° 92. 1628 г. Февр. 3 дополн. указ. къ Судебнику: *«кто сядетъ, давъ по себѣ запись* (поручную), *«не дождався вершенья, и на томъ или на поручикахъ взяти «проѣстъ и волокита, а дѣло вершить по суду».*

А. Э. т. III. N° 36. 1614 г. Іюня 5. судн. грам. Устюжны Желѣзопольской. *«И поцѣлуетъ ищея, ино на отвѣтчикѣ исцово доправити, а самаго дати на поруку, а не будетъ по немъ поруки, ино его вкинути въ тюрьму доколѣ по немъ порука будетъ».*

А. Э. т. III. N° 254. 1635 г. Августа 17 Царск. грам. въ Пермь Великую.

*) Собр. гр. и догов. т. II. N° 57. 1587 г. Сент. 1—*отдача на откупъ.*

А. Ист. т. II. N° 52. 1605 г. Февр. 24—*въ службѣ и пашнѣ охочихъ людей.*

А. Э. т. II. N° 133. 1609. г. Августа 6: *«а въ побѣгѣ и «нашей пашнѣ и въ подмогѣ велѣли имати по нихъ* (охочихъ «людяхъ, отправленныхъ въ Пелымскій уѣздъ на пашни,) *крѣп-«кія поруки съ записьми».*

А. Э. т. II. N° 54. 1606 г. Іюля 11—*въ ямской гоньбѣ.*

А. И. т. III. № 143. 1627 г. Янв. 12 — *въ подрядѣ.*

А. Э. т. III. № 4. 1613 г. Соборная грамота рус. духовенства Строгановымъ объ уплатѣ слѣдующихъ съ нихъ въ казну доходовъ и объ отпускѣ *въ займы денегъ и разныхъ припасовъ* на войско. «*А какъ въ государеву казну денежные доходы и* «*хлѣбные всякіе запасы въ сборъ будутъ и Царское Величество* «*васъ пожалуетъ, тѣ деньги и за хлѣбъ, и за соль, и за всякіе* «*товары, что вы съ себя Государю нынѣ дадите, велитъ за*«*платить изъ своей Царскія казны тотчасъ безо всякаго переводу* «*въ томъ мы сами свидѣтели и поручники*».

А. Э. т. III. № 103 (стр. 145) 1619 г. Іюля 3. Царск. окружная грам. въ Галичъ губному старостѣ. Здѣсь порука берется *въ житьѣ на извѣстномъ посадѣ и въ исправномъ платежѣ податей.*

А. И. т. III. № 203. 1639 г. Апр. 4 — *въ оброкѣ.*

А. Э. т. III. № 158. 1624 г. Дек. 10 — *въ ямской гоньбѣ.*

А. Э. т. III. № 188. 1630 г. Янв. 20 — *по каменщикахъ.*

А. И. т. II. № 72. 1606 г. Авг. 28 и Дек. 7 — *въ оброкѣ.*

Акт. Юрид. поручн. записи подъ № 305, 309 и друг.

9) Собр. гр. и догов. т. I. № 66. 1448 г. Впрочемъ неизвѣстно, о чемъ здѣсь идетъ рѣчь: объ обезпеченіи ли поручительствомъ вѣрности извѣстныхъ лицъ князю, объ обезпеченіи ли исковъ, или о поручительствѣ при какихъ-нибудь частныхъ сдѣлкахъ между княземъ и его подданными.

А. Э. т. I. № 48. 1450 г. — *въ оброкѣ.*

Собр. г. и д. т. I. № 147. 1509 г. духовная кн. Дмитрія Іоанновича: «*а что у меня записи поручныя на многихъ бояръ* «*и на дѣти боярскія и на дьяки: и Князь бы Великій пожало*«*валъ, тѣ записи имъ отдалъ*».

А. Э. т. III. № 41. 1614 г. Іюля. Царск. грам. о возвращеніи Іосифову монастырю разбѣжавшихся крестьянъ. Здѣсь помѣщикъ обезпечиваетъ порукою *житье за нимъ крестьянъ.* Поручныя записи, помѣщенныя въ Актахъ Юридическихъ, представляютъ случаи употребленія поручительства для обезпеченія договоровъ: *дачи на оброкъ, подряда, личнаго найма, займа.* № 297, 308, 311, 312 и друг.

10) Поруч. записи въ вѣрности, неотъѣздѣ бояръ, помѣщенныя въ т. I и II. Собр. гр. и догов., въ Дополн. къ А. Ист., т. II. № 111. 1613 г. Ноября. 22.

11) А. Э. т. I. № 274. 1567 г. Ноября 19. Порука по недѣльщикѣ: «*недѣли дѣлати въ правду, насильствъ и продажи* «*никому не чинить, и разбойникомъ и татемъ оговаривати людей*

«но недружбъ не научити, и колодников и татей во всяких «дѣлах не отпущати, а безсудныя и правые давати, а ист«цов и отвѣтчиков не волочити.... корчмы, и зернщиков «и блядни, и всяких людей у себя не держати и лихих дѣл «никаких не дѣлати; а с конченных дѣл истцовы иски и «Царевы Великаго Князя пошлины правити безволокитно» и проч.

А. Ист. т. II. N° 46. 1604 г. Марта 3—поручительство *в вѣрной службѣ Сургутских стрѣльцов и казаков.*

А. Ист. т. II. N° 247. 1609 г. Іюля 17—порука *по ратных людях.*

А. Эк. т. II. N° 225, около 1605 г. Выписка изъ постановленій о разбойникахъ и татинныхъ дѣлахъ: *«в губной избѣ «и тюремным сторожам быти по поручным записям сошных людей».*

А. Ист. т. III. N° 1631 г. Авг. 31. Выписка изъ уставной книги Разбойн. Приказа. Тоже порука по тюремн.' стор жамъ.

А. Э. т. III. N° 236. 1633 г. Дек. 1. Царск. наказъ Ржевскимъ воеводамъ: *«а давати им дворяном и дѣтем бояр«ским, и новокрещеном, и Мурзам, и Татаром государево «денежное жалованье всѣм на лицо с крѣпкими поруками, что «им быти на государевѣ службѣ без съѣзду до отпуску, а с «государевы службы не сбѣжати, а за очи государева жалованья «никому не давати......а которые на государеву службу не «пойдут или с госуд. службы до отпуску сбѣжат.....госу«дарево жалованье велѣть доправити на порутчиках»* (стр. 347).

А. Ю. N° 313—поруч. по выборномъ для доставленія казенныхъ денегъ.

А. Ю. N° 289—поруч. по недѣльщикѣ. Вообще поруч. записи, помѣщенныя въ Акт. Юридическихъ, представляютъ много случаевъ поручительства о лицахъ служащихъ.

[12]) А. Э. т. I. N° 100. 1473 — 1486 г. Жалован. грам. Бѣлозерскаго князя Череповскому Воскресенскому монастырю: *«а «иным мѣрам в городѣ не быти опричь моее мѣры печатные: «а у кого вынут мѣру, и они на нем возмут два рубли за«повѣди, а в винѣ дадут на поруку».*

Судебникъ 1550 г.: *«а если на обыскѣ скажут, что он* (тать) *«лих человѣк, то посадить в тюрьму до смерти, а если ска«жут, что добрый, то дать на поруку».*

А. Э. т. II. N° 30. 1598 — 1605 г. Наказъ о судѣ и расправѣ въ заонѣжскихъ погостахъ: *«давати их на поруки с «записьми, что им впередь корчемнаго питья не держати».*

А. И. т. III. N° 167. 1631 г. Августа 31. Выписка изъ

Уставн. книги Разбойнаго Приказа: *«а который оговорный человѣкъ данъ на чистую поруку, а за порукою учнетъ какимъ «воровствомъ воровати, и того человѣка поймати и указъ ему «чинити по тому же, до чего доведетца; а на поручикахъ его «взяти выть, потому-что за ихъ порукою воровалъ».*

А. Ю. N° 290: *«выручили есми.......чтобъ ему* (крестьянину) *не разбойничать, не воровать, но спокойно житъ».*

А. Ю. N° 298. Поручительство въ томъ, что крестьянинъ Ипатіевскаго монастыря прерветъ связи съ своимъ братомъ и не будетъ у себя держать чужого имущества безъ монастырскаго вѣдома.

А. Ю. N° 301—порука по крестьянинѣ, замѣченномъ въ дурномъ поведѣніи. N° 303—о некуреніи вина. N° 308—по зарубежномъ выходцѣ объ уплатѣ имъ долговъ. Судебникъ 1550 г. ст. 93: *«А кто купитъ на торгу что поношеное у носящаго «или съ лавки, и тому купити съ порукою съ рядовою, а кто «купитъ безъ поруки, и тому тѣмъ быти виноватy».*

А. Э. т. II. N° 52. 1606, Іюля 7. Уст. грам. посадскимъ людямъ города Шуи: *«а того десятскаго и пятидесятскаго въ «нашей пенѣ подавати на крѣпкія поруки, чтобъ у нихъ лихихъ людей въ сотнѣ впередъ не было».*

А. Э. т. III. N° 135. 1623 г. Мая 1. Царск. грам. Псковскимъ воеводамъ о дозволеніи торговымъ людямъ Сысоеву и Өедяеву заниматься темьяннымъ мастерствомъ: *«и въ томъ де «дѣлѣ взяти по нихъ поручная запись, и воровства де ихъ въ «томъ дѣлѣ никотораго не бывало и челобитчиковъ де на нихъ «нѣтъ».*

А. И. т. III. N° 172. 1632 г. Окт. 31. Царск. грам. Верхотурскому воеводѣ: *«...а въ даль и у себя въ уѣздѣ безъ «отпросу и въ иные ни въ которые городы безъ порукъ никому «крестьянамъ ѣздити не велѣти».*

А. И. т. III. (Дополненія) 1621 г. Мар. 19. Царск. грам. Чердынскому воеводѣ: *«а тѣхъ людей, за кѣмъ они* (бѣглые «крестьяне) *живутъ въ податяхъ, велѣли подавать на крѣпкія «поруки съ записьми до нашего указу, чтобъ имъ впередъ не по«вадно было воровать, нашихъ крестьянъ за себя пріимать».*

А. Э. т. III. N° 167. 1626 г. Янв. 17. Наказъ Стрѣлецкому головѣ: *«а по нихъ* (стрѣльцахъ) *въ тѣхъ дворовыхъ день«гахъ имати поруки съ записьми въ томъ, что имъ на тѣ «деньги дворы себѣ поставити».*

А. Э. т. III. N° 195. 1631 г. Ноября 20. Царск. грам. Псковскимъ воеводамъ о воспрещеніи продавать соль за рубежъ:

«а уѣзднымъ бы есте мужикомъ велѣли соль продавать по не-«велику съ порукою, что имъ та соль держать про себя и за рубежъ не продавать».

А. Э. т. III. N° 272. 1637 г. Сент. 18. Царск. грам. въ Муромъ губн. старостѣ о незаключеніи въ тюрьмы людей по исковымъ дѣламъ: *«.....вѣдомо намъ учинилось, что въ го-«родахъ воеводы и всякіе приказные люди въ татиныя и раз-«бойныя тюрьмы сажаютъ всякихъ людей въ истцовыхъ искахъ «и отъ того татямъ, и разбойникомъ, и оговорнымъ людямъ «чинится тѣснота и голодъ, и отъ тѣсноты и отъ духу по-«мираютъ: и нынѣ мы указали воеводамъ и всякимъ приказ-«нымъ людямъ: которые у нихъ люди въ холопствѣ и во крестьян-«ствѣ будетъ въ пріимкѣ и въ истцовыхъ искѣхъ, и такихъ «людей къ татемъ и разбойникамъ въ тюрьму сажать не ве-«лѣли, а въ истцовыхъ искѣхъ и въ холопствѣ велѣли держать «за приставы».* Этотъ указъ отчасти можетъ служить указаніемъ причинъ, по которымъ правительство старалось замѣнять тюрьму какими-либо другими способами обезпеченія.

[13]) Всѣ случаи поручительства въ ставкѣ на судъ, потому-что отвѣтчикъ, который не является на судъ, обвиняется въ искѣ и для него рождается обязательство удовлетворить истца. Поручитель такого отвѣтчика принимаетъ на себя это обязательство.

Судебникъ 1550 г. ст. 55. По наказаніи уличеннаго татя и по взысканіи съ него истцова иска онъ отдается на поруку: *«дати его на крѣпкую поруку, кто ему будутъ иные истцы, «а не будетъ поруки, то вкинути въ тюрьму, доколѣ порука по «немъ будетъ».* Здѣсь поручитель принимаетъ на себя удовлетвореніе всѣхъ могущихъ возникнуть на выручаемомъ обязательствъ, происходящихъ отъ старыхъ его преступленій.

А. Ю. N° 305. *«Государево ядерное дѣло по разводу на кого «сколько доведетца дѣлать* (поручителямъ) *и Государевы деньги «что возьмутъ* (подрядчики, за которыхъ ручаются) *на дѣло».*

А. Ю. N° 294. *«А который изъ насъ поручиковъ въ лицехъ, «на томъ Государева ямская гоньба, и убытки, и волокита».*

А. Ю. N° 290. *«И на мнѣ, на порутчикѣ на попѣ Иванѣ «тотъ бобыль Михайло и тѣло его по окладу».*

[14]) А. Ю. N° 290 *«....а не учну азъ за Прилуцкимъ монасты-«ремъ жити и гашни пахати.....ино на мнѣ на Иванкѣ и на «моихъ порутчикахъ взяти казначею въ казну пять рублевъ «денегъ».*

А. Юр. N° 291. *«Стати ему за нашею порукою у Государя*

«каменнаго дѣла на Иванѣ городѣ, быти пять мѣсяцевъ и отъ «государева дѣла не сбѣжать . . . . . . а не станетъ . . . . . и на «насъ на поручникахъ пеня Государя Царя и В. Князя; что «Государь пеню учинитъ, и наши поручниковы головы въ его го-«лову мѣсто и прогоны за подводы отъ Иваня города до на-«шего до Кременица погоста вдвое и назадъ до Иваня города». А. Юрид. N° 311 « . . . . взять на порутчикѣ (лица, обязаннаго личнымъ наймомъ) «татьба, и сносъ, и простой, и задаточные деньги вдвое». А. Юр. N° 289. Поручная по недѣльщикѣ: «не учнетъ онъ «за нашею порукою. . . . (исполнять вѣрно свои обязанности), ино на «насъ на порутчикѣхъ пеня Ц. Г. Великаго Князя. . . . исцовы «иски и съ судныхъ дѣлъ пошлины и наши поручниковы головы «въ его голову мѣсто и наши животы въ его животовъ мѣсто».

[15]) Судебникъ 1550 г. ст. 12: «а убитаго дати на поруку: «какъ его Государь попытаетъ, ино его поставити передъ Го-«сударемъ».

А. Ю. N° 293: «а не поставлю язъ на срокъ (предъволо-«стнымъ начальствомъ), и на мнѣ на поручикѣ Малафѣѣ мона-«стырскій искъ . . . . . съ нихъ пашенъ Государевы подати . . . . .» N° 318 А. Ю.: «а будѣ онъ сойдетъ безъ Архимандрита съ «дома, и намъ порутчикомъ его добыть вездѣ, всякими мѣра-«ми, гдѣ ни сведавъ, и поставить его передъ Архимандрита съ «братіею. И намъ порутчикомъ самѣмъ между собою вѣдатца». А. Ист. т. V. N° 117: «а какъ они (раскольники) въ вѣрѣ «исправятся, и ихъ велѣлъ изъ подъ начала освободить и взять «по нихъ поручные записи добрые въ томъ, что имъ впредь «церкви Божіи расколу не чинить, и порутчикомъ того за ни-«ми приказать смотрѣть».

[16]) Собр. гр. и договор. т I. N° 104. 1474. г. Иванъ Никитичъ Воронцовъ ручается за кн. Холмскаго въ вѣрности В. Князю. Въ случаѣ измѣны Холмскаго Воронцовъ обязывается заплатить 250 р. Отвѣтственность платежемъ пени видимъ и въ другихъ поручн. записяхъ, находящихся въ I т. С. гр. и догов. Поручныя записи, помѣщен. въ Акт. Юрид., часто содержатъ въ себѣ прибавленіе этого рода отвѣтственности къ другимъ.

[17]) Собр. гр. и догов. т. II. N° 57. 1587 г. Сент. 1: «а тѣми «заповѣдными деньгами учнемъ корыстоваться . . . . . Царь и В. «Князь тѣ промытные деньги велитъ на откупщикѣ на Три-«фонкѣ и на его порутчикѣхъ доправити вдвое, да имъ же отъ «Государя быти казненнымъ».

А. Э. т. I. (дополненія) N° 380. 1490 г. Октября—посланіе

Новгород. Архіепископа Митрополиту Зосимѣ. *«...и потомъ «пришелъ обыскъ на еретиковъ, и азъ повелѣлъ имати, да по- «давати на поруки, и тѣ еретики поручниковъ выдавъ да сбѣ- «жали къ Москвѣ.......да которые въ подлинникѣ писаны, «тѣхъ бы всѣхъ проклятію предати, да и тѣмъ, къ кому они «приходили въ согласіе или кто по нихъ поруку держалъ».*

[18]) А. Э. т. III N° 4. 1613 г. Соборн. грам. Росс. духовенства Строгановымъ.

Собр. гр. и догов. т. I. N° 146. 1506 г. Окт. 18. Ручательство митрополита и высшаго духовенства въ вѣрности Государю кн. Острожскаго.

С. гр. и д. т. I. N° 149. 1522 г.—поручительство духовенства за Вас. Вас. Шуйскаго.

[19]) См. примѣч. 17. Улож. III. 5. Ук. 1684 г.: взять поручныя записи съ раскольниковъ, *«что имъ впредь церкви Божіей «расколу не чинить».*

[20]) См. примѣч. 8 и 10.

[21]) Судебникъ 1550 г. ст. 72.

Ак. Эксп. т. III N° 55. 1615 г. Янв. 18 Царск. грам. въ Пермь объ отысканіи и приводѣ въ Москву тяглецовъ Боратной слободы: *«....и велѣно ему тѣхъ Баратей......по- «давати на крѣпкія поруки съ записьми, а за порукою велѣно «ему* (посланному для отысканія и привода бѣглецовъ) *ихъ привести къ Москвѣ съ женами, съ дѣтьми и со всѣми животы».*

А. И. т. III. N° 160. 1629 г. Декабря—Царск. грамота Чердынскому воеводѣ о сыскѣ бѣжавшихъ посадскихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ *«.....и ты тѣхъ крестьянъ по нашему «указу велѣлъ подавать на крѣпкія поруки.....и велѣлъ ихъ «выслати...... съ тѣми старостами и цѣловальниками, ко- «торые для тѣхъ крестьянъ высланы».*

А. И. т. III. N° 188. 1635 г. Окт. 9. *«....и для сыску тѣхъ «былыхъ стрѣльцовъ посланы въ Пермь Великую и Чердынь съ «Москвы сотники Московскихъ стрѣльцовъ, и велѣно имъ тѣхъ «былыхъ стрѣльцовъ сыскивать и наше жалованье править на «ихъ поручикахъ и на тѣхъ людяхъ, отъ кою были взяты».*

А Э. т. III N° 254. 1635 г. Авг. 17. Царская грамота въ Пермь воеводѣ о потребованіи въ Москву Чердынскихъ старостъ къ суду. *«....Поминка Лмаева съ товарищи дать на «поруку съ записью, а за порукою изъ нихъ одному человѣку, «кого они межъ себя выберутъ, учинилъ ему срокъ стать къ «отвѣту на Москвѣ».*

А. И. (дополненія). т. II. N° 58. 1631 г. Марта 29—объ

отысканіи каменьщиковъ, кирпичниковъ и горшечниковъ. Всѣхъ этихъ людей велѣно подавать на поруку и выслать въ Москву съ приставомъ. А. Э. III. 188.

А. И. т. V. N° 36. 1679 г. Февраля 20. «....*выслать къ* «*Москвѣ за поруками и съ провожатыми*». Выраженіе *за поруками* во всѣхъ этихъ случаяхъ имѣетъ значеніе: *подавая на поруки.*

[22]) Поручн. записи въ А. Юрид.

[23]) Судебникъ 1550 г. ст. 54. «*а который недѣльщикъ татя* «*спродастъ*. . .*исцовъ искъ на немъ доправится вдвое и каз*«*нить торговой казнію*».

[24]) А. Э. т. I. N° 281. 1571 года Марта 12. Царскій наказъ Бѣлозерскимъ губнымъ старостамъ и цѣловальникамъ.

[25]) Поручныя записи въ А. Юрид.

[26]) Акт. Юрид. поручная запись N° 290.

[27]) А. Эксп. т. II. N° 52. 1606 года. Іюля 7. Уставная грамота посадскимъ людямъ города Шуи.

[28]) Code civil, art. 2040.

[29]) Тамъ же art. 2042.

[30]) Slavische Rechtsgeschichte von Wenzel Alex. Macieiowski; Th. IV: *von den einseitigen Verträgen.*

[31]) Литовскаго Статута раздѣлъ 9, артик. 28.

[32]) А. Юр. закладная Прибылого Павлова сына. Доп. къ А. И. II. N° 56. IV.

[33]) Случаи, въ которыхъ употреблялось поручительство въ вѣкъ Уложенія:

а) Явка отвѣтчика на судъ: *порука къ суду, порука съ суда,* г. X. ст. 111 и слѣд. до 130.

б) Договоры между казною и частными лицами: «*А вино* «*подряжаются поставить уговорщики на дворцъ*....*и по нихъ* «*собираютъ поручные записи въ томъ, что имъ поставить на* «*срокъ*». Котошихина гл. IV ст. 4.

«....*а когда бываетъ той казнѣ* (Царской — присылаемымъ изъ Сибири мѣхамъ) *умноженіе, а расходъ бываетъ малой,* «*продаютъ торговымъ и всякого чину людямъ и даютъ въ долгъ* «*съ поруками по указной цѣнѣ*». Котошихина гл. IV ст. 2.

«.....*и будетъ ефимковъ на срокъ*......*не заплатятъ, и* «*имъ заимщикомъ и поручикомъ ихъ платить въ Государеву* «*казну за тѣ ефимки за неотдачю по 20 алтынъ за ефи*«*мокъ*». А. И. (дополн.) т. III 1654 г. Мая 29. N° 116.

в) Договоры между частными лицами. Уложенія гл. XX ст. 45. 91; гл. X ст. 275; поручн. записи въ А. Ю.

г) **Вѣрность государству.**
Уложенія гл. X ст. 203.

д) **Служба государственная:**
Уложенія гл. X ст. 147: *«и по тѣхъ даточныхъ конныхъ людехъ велѣлъ бы собрать поручныя записи крѣпкія, что имъ съ нашея В. Государя службы не сбѣжать».* **А. И. т. IV. 1660 А. И. (Доп.) III. 16. 1646 г. Дек. 11, А. Э. IV. № 280. 1683. г. Дек. 30.**

е) **Въ мѣрахъ благоустройства:**
Улож. гл. X. ст. 199, 202, 266.
Улож. гл. XXI ст. 36 — 39, 65.
А. И. т. IV. 1654 г. Мая 10. *«....и кого прихожане въ попы или во дьяконы (выберутъ), и они бъ челобитную и выборъ за руками и ставленники присылали къ тебѣ и рѣчи за отца его духовнаго поруково, что онъ свидѣтельствованъ и священства достоинъ».*
А. И. т. IV. № 158. 1661 г. Января 18 и Окт. 21.
А. И. т. V. № 65. 1681 г. Января *«.....а кому наймать со стороны работныхъ людей, и они бъ тѣхъ людей наймовали со сторонними поруками».*
А. И. т. V. № 117. 1684 г. Ноября 18—поруч. *по ремесленникахъ.*
А. Э. т. IV. № 284. 1685 г. Апрѣля 7. *«...а у которыхъ людей будутъ выняты расколщики, а жили у нихъ съ порукою, а они про расколъ ихъ не вѣдали, а тѣ записи будутъ не записаны, и на такихъ имать пени по 5 рублей, а у которыхъ жили безъ поруки и на тѣхъ имать противъ татиной и разбойной статей по 50-ти рублей на человѣка. А у которыхъ жили хотя и съ порукою, а они про расколъ ихъ вѣдали, а не извѣстили, и тѣхъ бить кнутомъ и ссылать; а на поручикахъ имати пени по 50-ти рублей на человѣка, а на которыхъ пенныхъ денегъ взять будетъ нечего.....и будетъ они ручались по расколщикахъ въ житьѣ, не вѣдая про расколъ ихъ.. ссылать въ Украйные городы, а которые ручались вѣдая, и тѣхъ ссылать ихъ въ дальніе городы съ жестокимъ наказаньемъ».* **А. Э. т. IV. № 307. 1691 г. Декабря 15:** запрещалось держать въ Московскихъ дворцовыхъ слободахъ и при разныхъ заведеніяхъ людей безъ поручн. записей. Полн. собранія законовъ т. III. 1691 г. Ноября 22. *«...Живутъ пришлые и гулящіе люди безъ поруки, и являются въ татьбахъ и разбояхъ, а иные и съ поручными записьми, а поручики по нихъ такіе жъ воры, товарищи ихъ.....и впредь чтобъ во дворцовыхъ и черныхъ слободахъ, въ харчевняхъ и торго-*

«выхъ баняхъ работниковъ безъ поручн. записей отнюдь никто «никого не держалъ». *)

ж) Какъ мѣра огражденія для интересовъ казны: А. И. т. IV. 1649 г. Дополн. къ А. И. т. III. N° 15. 1646 г. Ноября 4; А. Э. т. III. 1651 г. (дополн.).

[34]) Уложенія гл. XX. ст. 91.

Тамъ же XXI ст. 36.

Тамъ же X. ст. 229.

А. И. т. V. N° 117. 1684. Ноября 18. *«.... поручиками «за ними приказать смотрѣть».*

[35]) Смотри примѣч. 33. *в. г.*

Поручн. записи въ А. Ю.

[36]) А. Ю. Поручн. запись N° 321.

[37]) А. Э. т. II. N° 225. 1605 г.

А. И. т. III. N° 167. 1631 г. Авг. 31. См. также Ул. XXI. 36.

[38]) См. въ примѣч. 12 Царскую грамоту въ Муромъ 1637 г. Сент. 18.

[39]) А. Э. т. II. N° 225. 1605 г.

Судебника 1550 г. ст. 12, 55, 56 и друг.

[40]) С. г. и д. т. II. N° 57. 1587 г. Сентября 1. *«....а тѣми «заповѣдными деньгами учнетъ корыстоваться...... Царь и «В. Кн. тѣ промытные деньги велѣлъ на откупщикѣ на Пя«томѣ и на его поручникѣхъ доправити вдвое»,*

Бывшее въ употребленіи взысканіе *вдвое* истцовыхъ исковъ представляется наказаніемъ неявившагося отвѣтчика и его поручителей.

А. Ю. N° 291. Поручная по ямскихъ охотникахъ: *«....и «на насъ на поручникахъ пеня Царя.....что Государь ука«жетъ, и ямская гоньба, и убытки вдвое».* Ср. также прочія поручн. записи въ А. Ю. и судныя статьи Уложенія.

[41]) Псковская судная грамота 1467 г. изд. Мурзакевича, стр. 6.

[42]) Дополн. А. И. т. II. N° 92. 1641 г. Мая 7. *«....и за«пись Государь по немъ Понтелейкѣ поручную съ тѣй пашнѣ «и съ судныхъ и съ заемныхъ деньгахъ взяти у торговыхъ и «промышленныхъ людей....»*

А. Э. т. III. N° 4. 1613 г. Соборн. грамота росс. духовенства Строгановымъ (см. примѣч. 8).

Дополн. А. И. т. III. 1654 г. Мая 23. N° 116 (см. примѣч. 33 подъ буквою *б.*)

---

*) Также указы 1700—1712 (2162), 1713—1719 г. (2862) П. с. з.

А. Ю. поручн. зап. N° 308.—по зарубежномъ выходцѣ объ уплатѣ имъ долговъ жителямъ Тихвинскаго посада по случаю высылки его за границу.

А. Ю. N° 312. *«......и на насъ на поручикахъ по той «кабалѣ деньги 24 руб. приказному старцу Герману взять «и убытки».*

Котошихина гл. VI. ст. 2 (см. прим. 33 подъ буквою *б*),

[43]) А. И. т. III. 1614 г. Сентября 4. Наказъ Царя М. Ѳ. Архіепископу Суздальскому и Турскому и друг., отправленнымъ въ Ярославль для убѣжденія атамановъ и казаковъ къ походу на Тихвинъ противъ непріятелей *«.....а будетъ которые давъ по себѣ поруку на государеву службу не пойдутъ, или пошедъ да сбѣжатъ, и имъ поручиковъ ихъ и кто по комъ ручался велѣти сажати въ тюрьму до тѣхъ мѣстъ, покамѣста они тѣхъ сыщутъ, кто по комъ ручался».*

[44]) См. о способности быть поручителемъ.

[45]) С. г. и д. т. II. N° 151. 1627 г.—грамота поручная князей Пѣнковыхъ и другихъ дворянъ въ поручительствѣ бояръ Бѣльскаго, Шуйскаго, Горбатаго по Мих. Глинскомъ.

[46]) С. г. и д. т. I. N° 176. 1562 г. Марта 20; N° 180 1574 г. Марта 8; N° 191. 1566. Апр. 12; N° 198. 1571 N° 156. 1528.

[47]) Уложенія гл. 20 ст. 45.

[48]) А. Э. т. III. N° 140. 1623 г. Авг. 6. Царская грамота Сольвычегодскому воеводѣ Чечерину.

А. Э. т. II. N°. 70. 1607 г. въ Маѣ. Царская грам. въ Пермь Великую: *«а писать велѣлъ въ поручн. запис......лутчихъ «людей....»*

Судебникъ 1550 ст. 55: *«.....дать его на крѣпкія поруки».*

А. Э. т. II. N° 52. 1606 г. Іюля 7. Уставн. грам. посадскимъ людямъ города Шуи *«.....подавати на крѣпкія по«руки».*

[49]) Литовскаго Статута раздѣлъ 2, арт. 54. § 2.

[50]) Тамъ же арт. 40. § 1.

[51]) Тамъ же разд. 9, арт. 28.

[52]) Slavische Rechtsgeschichte von Wenzel Alex. Macieiowski, Th. IV: *von den einseitigen Verträgen: «Das Böhmische Recht sagt, dass Nie«mand für einen Andern bürgen könne, ohne ein freies dzsedzictwo «zu besitzen, aus dem Grunde, weil, wie das Recht sagt, mit einem «Pachtgut Niemand befriedigt werden kann, und eigentlich ein list «ratikacy (Steckbrief) den Gläubiger besonders sicherte».*

[63]) Уложенія гл. X ст. 203.

[64]) Выписка изъ дѣяній собора, бывшаго въ 1667 г. Іюля 17. П. с. з. т. I. N° 412. ст. 10. *«всякому причетнику и иноку «и инокини въ мірскія попеченія себѣ не влагати, тыже пору-«чатися».*

[65]) А. Э. т. III. N° 34. 1614 г. Апр. 29. Наказъ стрѣл. головѣ. На мѣсто выбылыхъ стрѣльцовъ предписывается набирать новыхъ: *«а въ службѣ и побѣгѣ имать по нихъ поруки съ записьми «круговыя».*

Дополненія А. И. т. II. N° 17. 1614 г. Іюля. Отписка Бѣлозерскаго воеводы въ Москву.

Стрѣльцы, взявъ Государево жалованье и не заслужа его, сбѣжали. Бѣлозер. воевода пишетъ Государю: *«.....а порука «Государь по нихъ круговая имана, и мы холопи твои тѣхъ «твоихъ Государевыхъ незаслуженныхъ денегъ и хлѣба на круговой «порукѣ, на стрѣльцахъ безъ твоего Государева указу правити «не смѣемъ».*

Дополненія А. И. т. III. 1617 г. Окт. 18. При опредѣленіи атаманамъ и казакамъ жалованья предписывается: *«....а по-«руки имати по нихъ круговая».*

Дополн. А. И. т. III. N° 16. 1646 г. Дек. 11. Наказъ стрѣлец. головѣ Ендогурову. Порука по стрѣльцѣ въ его службѣ, жалованьѣ, оружіи должна состоять изъ 10 человѣкъ и болѣе изъ ихъ же товарищей.

Еще актъ 1683 г. *объ удаленіи и поселеніи нѣкоторыхъ стрѣлецкихъ полковъ.* А. Э. т. IV: *«а въ томъ жалованьѣ и служ-«бѣ, что имъ жить въ тѣхъ городахъ безъ съѣзду, имать по «нихъ поруки, а велѣть имъ ручаться другъ по другѣ».*

[66]) А. И. т. I. N° 154. 1550 — 1582 г. Дополнит. указы къ Судебнику.

А. Э. т. I. N° 334. 1588 г. Сент. 1. Таможенная откупная грамота.

А. И. т. III. N° 92. 1628 г. Февр. 3. Дополнит. статьи къ Судебнику.

[67]) А. И. т. I. N° 154. 1559 г. Ноября 30. Дополнительный указъ къ Судебнику.

А. Э. т. III. N° 34. 1614 г. Апр. 29. Наказъ стрѣлец. головѣ.

А. Э. т. III. N° 43. 1614 г. Авг. 20. Царская грамота Бѣлозерскому воеводѣ.

А. И. т. III. N°. 92. 1628 г. Февр. 3. Дополнит. указъ къ Судебнику.

А. Э. т. III. N° 167. 1626 г. Янв. 17. Наказъ стрѣлец. головѣ.
А. И. т. III. N° 188. 1635 г. Окт. 9.
Дополненія А. Э. т. II. N° 225. 1605 г. Выписка изъ постановленій о разбойн. и татин. дѣлахъ. Улож. X. 113. 116. 121.

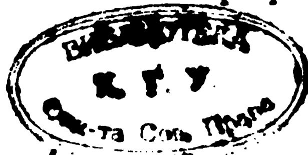
[58]) А. Э. т. III. N° 167 (стр. 243) 1626 г. Янв. 17.
А. Э. т. I. N° 334. 1587 г. Сент. 1. Таможен. откупная грамота.
А. И. т. III. N° 92. 1628 г. Февр. 3. Дополн. указъ къ Судебнику.
А. И. т. III. N° 167. 1631 г. Авг. 31. Выписка изъ уставн. книги Разбойнаго Приказа.

[59]) Кормчая. Л. 78: *«аще кто взаимъ дастъ кому, или поручника «.....о немъ приметъ, то не прежде вскорѣ....на поручника «......да нападетъ: ниже убо небрегъ о должницѣ, симъ да «стужаетъ: но да нападетъ первое на вземшаго злато, о займѣ «содѣлавшаго».*
Уложенія гл. X. ст. 203: *«.......а будетъ который должникъ на указной срокъ того долгу не заплатитъ, и въ лицехъ «его не будетъ, и тотъ долгъ взять на его порутчикахъ...»* Напротивъ же если должникъ умираетъ, то поступается слѣдующимъ образомъ: *«....и послѣ умершаго заимщика тотъ «долгъ платить женѣ его и дѣтемъ. А будетъ чего на женѣ «и на дѣтехъ взять будетъ нечего, и тотъ достальной долгъ «взять на порутчикахъ его, кто будетъ въ лицахъ».* См. также 202 ст.

[60]) Дополненія А. И. 1651 г. О сыскѣ и выводѣ бѣглыхъ крестьянъ заонѣжскихъ и лонскихъ погостовъ.

[61]) А. И. т. III. 1614 г. Сентября 4.

[62]) *Nov. IV. c. 1.* Si quis igitur mutuum dederit, et fidejussorem, aut mandatorem, aut constitutae pecuniae reum acceperit, ille non statim ab initio mandatorem, fidejussorem et constituentem conveniat, neque debitore neglecto intercessoribus molestus sit, *sed primo eum, qui pecuniam accepit et debitum contraxit, conveniat;* et si quidem ab illis acceperit, a reliquis abstineat: quid enim illi cum extraneis rei est, cui debitor satisfecit? Si vero a debitore nec partem, nec solidum consequi poterit, quantum ab illo accipere non potuit, pro ea parte cum fidejussore, vel constituente, vel mandatore experiatur, et ab eo reliquum consequatur. Atque haec quidem, si utrique, tum principalis debitor, quam fidejussor, aut mandator, aut constitutae pecuniae reus praesentes sint, omni modo serventur. Si vero fidejussor, aut mandator, aut qui constitutum suscepit quidem adsit, principa-



lem autem debitorem abesse contingat,..... demonstret igitur fidejussorem, aut constituentem, aut mandatorem: et judex, qui causae praeest, fidejussori, nec non constituenti et mandatori, principalem debitorem adducere volentibus, tempus det, ut ille primus actionem sustineat, atque ita hi in ultimum serventur subsidium. In eo quoque fidejussori, sponsori, mandatori judex succurat (fidejussoribus enim et istius modi hominibus auxilio venire aequum est), ut ille productus actione interim eos liberet, qui illius causa molestia afficiuntur. Quod si tempus, ad hoc constitutum, praeterierit (judex enim et tempus definire debet), tum aut fidejussor, aut mandator, aut constituens litem suscipiat, et debitum solvat, actionibus contra eum, pro quo fidejussit, vel mandatum scripsit. vel constituit, a creditore sibi cessis.

[63]) Уложенія гл. X. ст. 275.

[64]) А. И. т. III. N° 92. 1628 г. Февр. 3.
А. И. т. III. N° 167. 1631 г. Авг. 31. Ул. X. 155.

[65]) Объ актахъ укрѣпленія правъ на имущества, А. Станиславскаго . Каз. 1842 г., стр. 61. 62.

[66]) Deutsche Rechtsalterthümer von Jacob Grimm. Götting. 1828. Einleitung. *E* (стр. 137. 138).

[67]) А. Э. т. I. N° 92. (с. 70 и 71) 1471 г. Авг. 11. Новгородская судная грамота.

[68]) Рус. Правды спис. 1. ст. 13. изд. Калачова.

[69]) Объ актахъ укрѣпленія правъ на имущества, А. Станиславскаго. § 47.

[70]) Собраніе г. и д. т. I. N° 104. 1474 года.

[71]) Тамъ же т. I и II. N° 104, 184, 155 и друг. А. Ю. поручныя записи.

[72]) Тамъ же.

[73]) А. Ю. N° 313.
Собр. г. и д. т. I. N° 127. 1496 г. Авг. 19.
Догов. грамота в. князя Рязанскаго съ его братомъ.
А. Э. т. I. N° 151. 1509 г. Сентября 9.
Судебникъ 1497 г. о недѣльщикахъ.
Судебникъ 1550 г. ст. 47.
А. Э. т. I. N° 257. 1561 г. Марта 20.

[74]) А. Э. т. II. N° 30. 1598 — 1605. Наказъ о судѣ и расправѣ въ заонежскихъ погостахъ.
А. Э. т. III. N° 188. 1630 г. Января 20. Царская грамота въ Пермь.

[75]) А. Э. т. I. N° 201. 1544 г. Апрѣля 20. Уставн. грамота крестьянамъ села Андреевскаго.

А. Э. т. I. N° 221. 1548 г. Авг. 17. Уставн. грамота отчины Соловец. монастыря.

А. Э. т. I. N° 229. 1551 г. Іюня 26 и Іюля 15. Соборн. приговоръ по жалобѣ Новгородскихъ священниковъ.

Собр. г. и д. т. I. N° 158. 1530 г. Іюля. Жалован. грамота Лопарямъ.

[76]) Тамъ же N° 127. 1496 г. Авг. 19. Статьи изъ Соборн. Уложенія о святительскомъ судѣ.

[77]) А. Э. т. I. N° 123 (стр. 43). 1488 г. Марта. N° 221. 1548 г. Авг. 17.

Судебникъ 1497 г. о недѣльщикахъ; Судебникъ 1550 г., ст. 47.

А. И. т. I. N° 142. 1543 г. Янв. 24.

[78]) А. И. т. III. 92. 1628 г. Фев. 3.

А. Э. т. III. N° 55. 1615 г. Янв. 18.

[79]) Собр. г. и д. т. I. N° 17. 1375 г.

Тамъ же N° 28. 1368 г.

Тамъ же N° 60. 1440 г.

Тамъ же N° 147. 1509 г.

А. И. т. III. N° 204. 1639 г. Апр. 12.

Тамъ же N° 92. 1628 г. Фев. 3.

Тамъ же N° 167. 1631 г. Авг. 31.

Улож. X. 121. 122. 123. 155. 202. 203. 205. 229.

[80]) Полное С. З. т. IX. N° 6412. п. 1. 2. 3. 1733 г.

Тамъ же N° 8844. 1743 г. Дек. 22.

Тамъ же т. XV. N° 10,788. 1758 г. гл. 3. п. 8, 18, 19, 20.

Тамъ же т. XVIII. N° 12,818. ст. 33. 1767 г.

Тамъ же т. XXII. N° 15,930. 1784 г.

Втор. П. С. З. N° 6472. 1833 г. N° 6522. 1833 г. N° 10,042. 1837 г.

[81]) П. С. З. т. XV. N° 10,866. 1758 г. О допущеніи Санктпетербургской Банковой Конторѣ представлять заимодавцамъ при вторичномъ или третичномъ займѣ прежнихъ по себѣ поручителей, только бы оные были благонадежны. Въ этомъ указѣ велѣно въ поручители принимать лица, у которыхъ есть «*капиталы и деревни не малые*».

П. С. З. т. XV. N° 11,343. 1761 года. При займахъ изъ Банка Конторъ заимобратели и ихъ поручители обязывались, при заявленіи, что на крестьянахъ заложеннаго имѣнія нѣтъ казенной доимки и частныхъ долговъ, «*чтобъ то число душъ, «что въ Банкѣ объявлено было и до наступленія тому зало- «женному имѣнію къ выкупу сроку государственныя подати «платить ежегодно бездоимочно и тѣхъ крестьянъ ничѣмъ не*»

«раззорять».....При неисполненіи этихъ обязательствъ дѣлается сперва взысканіе съ заимобрателя, при несостоятельности его съ поручителей, *«ибо въ томъ во всемъ долженъ оный «поручитель отвѣтствовать, не касаясь до того заложеннаго въ «Банкъ имѣнія»*.

[62]) Пол. С. З. т. XXIV. N° 17,643. 1796 г.
Тамъ же т. XXVI. N° 19,692. 1800 г.

[63]) Тамъ же т. XV. N° 11,204. 1761 года.
Крестьяне заемныя письма могутъ писать не иначе какъ съ дозволенія ихъ вѣдомствъ или помѣщиковъ: «......*а дабы «заимодавцы надежнѣе были деньги свои получать, то и съ по«руками, токмо не изъ крестьянъ, а изъ другихъ чиновъ»*.

[64]) Св. зак. о сост. изд. 2. ст. 1054.

[65]) Полн. С. З. т. XXX. N° 23,818. 1809 г. Августа 31.

[66]) Впрочемъ иногда употребляется поручительство въ видахъ благоустройства: напр. въ 1763 г. (т. XVI. N° 11,750. П. С. З.), въ 1762 г. (N° 11,643).
И въ нынѣ дѣйствующемъ законодательствѣ да и также въ дѣйствительности сохранилось отчасти употребленіе поручительства въ мѣрахъ благоустройства. Напримѣръ поручительство при мѣнѣ движимаго имущества (ст. 1840 Св. гр. з.). Но вообще въ сравненіе съ прежнимъ временемъ употребленіе это значительно ослабѣло.

[67]) Основныя начала рус. судоустройства и гражданскаго судопроизводства отъ Уложенія до Учрежденія о губерніяхъ, Кавелина (стр. 173).

С. Капустинъ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТІЕ ПОСТАНОВЛЕНІЙ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ПО ПОЧТОВОЙ ЧАСТИ.

§ 1.

Подъ словомъ почта обыкновенно разумѣютъ всякаго рода учрежденія, имѣющія главною своею цѣлію, посредствомъ нарочно для того опредѣленныхъ людей, доставлять съ мѣста на мѣсто письма, пакеты, посылки и наконецъ самыхъ проѣзжающихъ. Въ этомъ пространномъ значеніи слово почта, составляя родовое понятіе, прилагаютъ ко всѣмъ различнымъ ея видамъ, не обращая вниманія на то, содержится ли она правительствомъ, или частнымъ лицемъ (физическимъ или юридическимъ), и притомъ для нуждъ одного правительства, или всѣхъ вообще, опредѣлены ли напередъ вознагражденіе за перевозку, постоянное время прибытія и отправленія почтъ и т. д. — Если однакожь взглянемъ на прежніе различные способы пересылки (Versendungs-Anstalten) и сравнимъ ихъ съ нынѣшнимъ состояніемъ почтъ и началами, принятыми въ основаніе ихъ дѣйствій, то не можемъ не замѣтить, что пространное значеніе этого слова должно быть непремѣнно ограничено, если хотимъ, чтобы оно точно выражало то, что въ настоящее время подъ нимъ разумѣется. Въ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ во всѣхъ европейскихъ равно какъ и американскихъ государствахъ почты, сохранивъ съ нѣкоторымъ даже расширеніемъ туже цѣль, которую имѣютъ вообще всякіе способы пересылки, въ сущность свою приняли еще новые, характеристическіе признаки. Нынѣ цѣль почтъ за-

ключается въ томъ, чтобы посредствомъ пересылки всякаго рода писемъ, извѣстій, посылокъ и перевозки лицъ облегчить сношенія, какъ между правительствомъ и различными подчиненными ему мѣстами и лицами, такъ и между частными людьми и отдѣльными даже государствами и такимъ образомъ доставить необходимыя удобства и пособія къ успѣхамъ и развитію наукъ, искуствъ, образованія и промышленности, какъ внутри одного государства, такъ и въ цѣломъ образованномъ мірѣ. Отличительные же признаки нынѣшнихъ почтъ состоятъ въ слѣдующемъ:

1. Содержаніе ихъ самимъ правительствомъ или, въ силу передачи отъ онаго, частнымъ лицемъ (физическимъ или юридическимъ) подъ главнымъ вѣдѣніемъ правительства; вообще единство управленія и надзора.

2. Единообразіе въ устройствѣ и дѣйствіяхъ всѣхъ почтовыхъ мѣстъ, которыя, будучи разбросаны по цѣлому государству, соединяютъ всѣ его пункты.

3. Опредѣленіе напередъ постоянной таксы для взиманія за пересылку писемъ и посылокъ и перевозку лицъ, по различнымъ соображеніямъ, какъ напр. пространства и проч.

4. Назначеніе постоянныхъ дней и часовъ, въ которые въ каждомъ почтовомъ мѣстѣ приходитъ и отходитъ почта, принимается, отправляется, получается и раздается корреспонденція.

5. Перевозка писемъ (иногда и разноска ихъ) и лицъ посредствомъ смѣняющихся въ опредѣленныхъ мѣстахъ людей и лошадей, которые, будучи единственно къ тому предназначены, всегда находятся въ готовности на всѣхъ трактахъ, развѣтвляющихся по государству.

6. Предоставленіе права пользоваться почтами всѣмъ, какъ своимъ, такъ и иностраннымъ подданнымъ; наконецъ, что̀ особенно важно

7. Приведеніе почтъ одного государства въ соприкосновеніе съ почтами другихъ государствъ и облегченіе посредствомъ этого сношеній даже между различными частями свѣта.

Когда такимъ образомъ съ представленіемъ почтъ соединимъ всѣ исчисленные признаки, тогда получимъ настоящее о нихъ понятіе, которымъ гораздо точнѣе обозначается ихъ существо и характеръ. Въ строгомъ смыслѣ это только значеніе и должно быть соединяемо со словомъ почта, потому-что самое названіе poste явилось уже тогда, когда въ существѣ ея находился зародышъ всѣхъ сихъ признаковъ.

Примѣчаніе. Этимологически слово почта (которое во всѣхъ европейскихъ языкахъ сохранило одинъ и тотъ же корень: poste,

la posta, Post) возводится вообще къ богатому языку классическаго Рима. Матіасъ (Ueber Posten und Postregale mit Hinsicht auf Volksgeschichte, Statistik, Archäologie und Erdkunde. 1832 [въ 2 т. въ Берлинѣ], т. I, стр. 54 и 75), *Conversations-Lexikon* (s v. Postwesen) и *Universal-Lexikon* (*v. H. A. Pierer*, s. v. Post) видятъ корень его въ латинскомъ словѣ ponere и принимаютъ сокращеніе происходящихъ отъ него positum, posita на postum. posta. Такія сокращенія встрѣчаются у классиковъ: въ стихахъ вмѣсто reposita, disposita, posita они часто писали reposta, disposta, posta. Послѣднее слово означало вообще все то, что имѣетъ постоянное мѣсто, опору напримѣръ: posita statio—пьедесталъ колонны. Извѣстно, что у Римлянъ тѣ мѣста, гдѣ перемѣнялись въ cursus publicus лошади, именовались mansiones или stationes. Въ описаніи сирійскаго похода Римлянъ противъ Антіоха Великаго (въ 192 г. до Р. Х.) говорится, что посланный въ Македонію Титъ Семпроній Гракхъ ѣхалъ «*per dispositos equos*». Слѣдовательно слово posta происходитъ какъбы отъ того, что для почтъ въ извѣстныхъ мѣстахъ располагаются лошади. Дюканжъ (въ Glossarium mediae et infimae latinitatis s. v. Post, 1. Posta) выводитъ нынѣшнее значеніе слова почта изъ того, что въ XI и XII-мъ столѣтіяхъ posta значило извѣстное опредѣленное мѣсто, мѣстоположеніе (posta — statio, loci situs, positio), какъ это видно изъ одной грамоты XII-го столѣтія (1161 года), сохранившейся у Муратори (*«In perpetuum donamus duas postas vallium, «positas in lacu Vighizoli........ad piscandum...»*), и говоритъ: *«Hinc orta vox postes, pro veredariis, qui veredis seu equis cursoribus, «certas locorum positiones, stationes et, ut olim appellabant, mutationes «emetiebantur»*. Въ нынѣшнемъ значеніи это слово въ первый разъ употреблено въ грамотѣ Людовика XI объ учрежденіи почтъ.

§ 2.

Совершенно справедливо замѣчаетъ проф. Моль[1]), что въ развитіи почтовыхъ учрежденій въ пространномъ смыслѣ ясно могутъ быть отличены три фазиса, три ступени. На первой почты являются учрежденіемъ самого правительства, введеннымъ чисто по политическимъ видамъ; ими пользуется одно только правительство съ исключеніемъ частныхъ людей; ходъ почтъ не есть постоянный, всегдашній; отправленіе (посредствомъ нарочныхъ гонцовъ) происходитъ лишь тогда, когда этого потребуютъ дѣла. Затѣмъ къ поль-

---

[1]) Die Polizeiwissenschaft nach den Grundsätzen des Rechtsstaates II т., 2-е изд. 1844 г. (въ Тюбингенѣ). Г. II, стр. 469. прим.

зованію почтами допускаются уже и частныя лица за извѣстное съ ихъ стороны вознагражденіе; слѣдовательно кругъ дѣйствія и вліянія почтъ на различные элементы жизни общественной получаетъ огромное расширеніе, внѣшняя организація совершенствуется, направленіе и время курсовъ становятся постоянными; однакожъ право учрежденія и содержанія почтъ правительство удерживаетъ за собою, какъ монополію. Наконецъ въ третьемъ періодѣ почты являются уже предпріятіемъ промышленнымъ, клонящимся ко всеобщимъ пользамъ, и правительство допускаетъ къ участію въ этомъ дѣлѣ частныхъ предпринимателей или даже и совершенно полагается на нихъ, по крайней мѣрѣ въ учрежденіи тяжелыхъ почтъ, для перевозки лицъ, посылокъ и т. п. Прибавимъ къ этому, что если и на третьей ступени развитія почтъ правительство оставляетъ письменныя въ своихъ рукахъ. какъ по отношенію къ управленію, такъ и содержанію, то это происходитъ уже не для раскрытія регальнаго права, что̀ характеризуетъ вторую эпоху, но вслѣдствіе того глубокаго убѣжденія, что кроющіяся въ самой природѣ этихъ почтъ условія единства и единообразія никакими другими способами не могутъ быть осуществлены въ такой высокой степени.

§ 3.

Обращая вниманіе на историческое развитіе постановленій русскаго законодательства о почтахъ, мы не можемъ не замѣтить, что изслѣдованія объ этомъ предметѣ представляютъ большія трудности. Хотя нельзя жаловаться на совершенный недостатокъ матеріаловъ, однакожъ они довольно скудны, особенно по отношенію къ ямскому учрежденію и къ первымъ временамъ настоящей почты, и не заключаютъ всего необходимаго для представленія живой, полной картины. Важнѣе еще почти совершенная необработанность этого предмета. Изслѣдователи исторіи русскихъ финансовъ графъ Толстой и Гагемейстеръ только слегка касаются въ своихъ сочиненіяхъ почтовыхъ учрежденій [1]). Эти обстоятельства да послужатъ извиненіемъ, если предлежащее изложеніе окажется иногда сухимъ и неполнымъ, и если принятое въ немъ для ясности отдѣленіе исторіи учрежденія почтъ отъ исторіи ихъ управленія не совершенно удовлетворяетъ строгимъ требованіямъ.

---

[1]) Уже по изготовленіи этой статьи къ изданію появилась работа г. Лешкова: *«историческій очеркъ Русскаго законодательства о путяхъ сообщенія и ямской гоньбѣ или почтахъ»*. См. Москвит. 1852. № 1.

А. Учрежденіе почтъ.

§ 4.

Въ историческомъ развитіи почтовыхъ учрежденій въ Россіи представляются двѣ совершенно отличныя другъ отъ друга ихъ формы: *ямы* и *почты*. Происхожденіемъ своимъ обязанное довольно отдаленному времени, ямское учрежденіе существовало и постепенно совершенствовалось до конца XVII и начала прошедшаго вѣка и слилось съ настоящими почтами только тогда, когда онѣ совершенно уже вкоренились въ Россіи.

Въ первыя времена существованія государствъ, когда потребности ихъ очень просты и немногочисленны, и самыя способы удовлетворенія ихъ мало развиты.

Въ Россіи въ старину за государевыми дѣлами посылались обыкновенно особенныя лица, которыя ѣздили или на своихъ, или на наемныхъ лошадяхъ. Иногда же для этого они съ особеннаго позволенія покупали лошадей на - счетъ казны, куда и возвращали ихъ по совершеніи пути. Только пріѣзжавшимъ въ Россію иностраннымъ посламъ и гонцамъ по особенному каждый разъ распоряженію мѣстныхъ начальниковъ давались отъ города до города обывательскія подводы съ выдачею за то хозяевамъ ихъ отъ казны небольшого денежнаго вознагражденія[1]). Но когда Россія раздробилась на множество удѣльныхъ княженій, тогда при увеличившейся нуждѣ въ сношеніяхъ удѣльныхъ князей, какъ между собою, такъ и съ великимъ княземъ и Ордою, этотъ способъ сообщенія сталъ уже неудовлетворителенъ.

Извѣстно, что Монголы во всѣхъ покоренныхъ земляхъ заводили для быстрыхъ сношеній нѣкотораго рода почты. Чингисъ-Ханъ (1206 — 1227), утвердивъ свое владычество надъ огромными пространствами Азіи и восточной Европы, установилъ по примѣру Китая для разъѣздовъ своихъ чиновниковъ, пословъ и гонцевъ, по большимъ дорогамъ станціи, на которыя окрестные жители должны были давать лошадей и кромѣ того доставлять продовольствіе проѣзжавшимъ по повелѣнію хана. Порядокъ этого сообщенія и поведеніе проѣзжающихъ опредѣлены даже были особеннымъ постановленіемъ[2]). Марко-Поло, путешествовавшій по Азіи во второй

[1]) Историческій взглядъ на почтовое управленіе въ Россіи, лекція о. п. Сергѣева. Казань 1840 г. § 5. Древняя Россійская Вивліоѳика, изд. 2. Москва. 1791. часть XX, стр. 412.

[2]) Histoire des Mongols depuis Tchinguiz-Khan jusqu'à Timour-Bey ou Tamerlan, par le Baron C. d'Ohsson, La Haye, 1834, томъ I, стр. 406, 407.

половинѣ XIII ст., описываетъ, что отъ Камбалу (Пекина), тогдашней столицы в. хана монгольскаго, во всѣ концы монгольскаго міра, до самыхъ отдаленныхъ земель и ордъ, подвластныхъ в. хану, имѣлись по дорогамъ черезъ каждыя 25 миль особенные домы, называемые янли (чтò значитъ мѣсто для лошадей), въ которыхъ содержались лошади для разъѣздовъ ханскихъ курьеровъ[1]). Въ первыя времена монгольскаго владычества точно такой же способъ сообщеній является и въ Россіи, и вмѣсто прежняго обычая давать подводы подъ посланниковъ видимъ уже постоянную обязанность всѣхъ жителей доставлять лошадей для всѣхъ вообще проѣзжавшихъ по дѣламъ великаго и удѣльныхъ князей. Уже съ конца XIII и начала XIV ст. имѣемъ грамоты, въ которыхъ дача подводъ представляется въ такомъ видѣ и получила названіе *ямъ*, подъ каковымъ названіемъ повинность эта и была извѣстна въ XV столѣтіи[2]). Въ продолженіе всего этого времени она просто состояла въ дачѣ подъ всякихъ проѣзжающихъ по государевымъ дѣламъ подводъ въ натурѣ и, бывъ соединена съ обязанностію доставлять имъ нужное продовольствіе, лежала на всѣхъ посадахъ, деревняхъ и волостяхъ, такъ что во всякомъ мѣстѣ, гдѣ случалась надобность, она отправляема была мѣстными жителями, лишь-бы только про-

---

[1]) Voyages de Marc Paul-Venitien, Liv. II chap. 23 въ Voyages faits principalement en Asie dans les 12 — 13 siècles..... par Pierre Bergeron. La Haye 1735. Tome II. Извѣстно, что на монгольскомъ языкѣ *дзямъ* значитъ дорога, *дзямъ-чи* — путеводитель, проводникъ, ямщикъ. Звукъ *дз* при переходѣ монгольскихъ словъ въ татарскій языкъ перемѣняется на *я*, такъ что упомянутыя слова выходятъ въ татарскомъ *ямъ*, *ямъ-чи*.

[2]) Въ грамотѣ В. Князя на Двину 1294—1304 г. (Акты Археографической Экспедиціи т. I. N° 1) повелѣвается тремъ в. княжескимъ ватагамъ, отправляющимся туда на промыслы, давать «*съ погостовъ кормъ и подводы по пошлинѣ*........» Въ грамотѣ Печерскимъ сокольникамъ 1328—1340 (Ак. Арх. Эксп. т. I. N° 3), которою жалуются имъ нѣкоторыя льготы сказано: «*не надобѣ имъ ни кормъ, ни подводы*.....»; тоже въ жал. гр. Юрьеву монастырю 1338 — 1340 (тамъ же N° 4): «*не надобѣ имъ потягнути къ городу ни въ которую дань, ни* «*въ подводы, ни въ кормы*......» Слово *ямъ* встрѣчается уже въ ярлыкѣ кипчакскаго царя Менгутимура русскимъ митрополитамъ между 1270—1276, гдѣ сказано: «*не надобѣ имъ* «*дань, ни тягло, ни поплужное, ни ямъ, ни подводы*».

ѣзжавшій имѣлъ на право взиманія подводъ княжескую грамоту[1]). Первые начатки ямского учрежденія по-этому относятся уже къ монгольскому періоду, и та форма, въ которой ямская повинность существовала въ продолженіи XIV и частію XV ст., не была, можетъ быть, безъ всякаго соотношенія съ подобными учрежденіями Монголовъ. Неизвѣстно, было ли издано какое-нибудь узаконеніе, подробнѣе опредѣлявшее существо ямского учрежденія; но во всякомъ случаѣ трудно согласиться со Шторхомъ[2]) въ томъ, что оно обязано своимъ происхожденіемъ частной промышленности и что только со временемъ воспользовалось имъ правительство для своихъ сношеній; ибо противъ этого говорятъ бѣдственное, почти ничтожное состояніе промышленности въ Россіи въ это время и самые современные памятники.

§ 5.

Въ XV ст. въ существѣ ямского учрежденія произошелъ важнѣйшій переворотъ. Когда съ усиленіемъ Владимірскаго, а за тѣмъ Московскаго В. Княжества и ослабленіемъ Монголовъ, сношенія различныхъ частей Россіи стали живѣе и правильнѣе, тогда безъ сомнѣнія установились и постоянныя дороги для сношеній и самые пункты,

---

Тоже повторяется въ ярлыкѣ царя Узбека Петру митрополиту: *«дань ли на насъ емлютъ.......ямъ ли»*. См. Собр. гос. грам. и дог. 2 часть.

Въ жал. гр. Тверскому Отрочу монастырю 1361 — 1365 г. (Ак. Арх. Эксп. т. I. N° 5) въ первый разъ, сколько мнѣ извѣстно, встрѣчается выраженіе: *«не надобѣ имъ никоторая дань, «ни ямъ, ни подвода......»* Два эти слова повторяются во множествѣ грамотъ изъ 14 и 15 ст., отпечатанныхъ въ Актахъ Арх. Эксп. подъ NN° 17, 18, 19, 21, 23, 28, 31, 35, 38, 39, 44, 46, 51, 56, 60, 75, 86, 95, 102, 120, 131, 136 и другихъ.

[1]) Въ жал. гр. Дмитровскаго князя Юрья Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю 1470 года Января 14 (Акты Арх. Эксп. т. I. N° 86) говорится: *«а мои князьи и ратные воеводы, дѣти «боярскіе и всякіе ѣздоки...... въ тѣхъ ихъ* (монастырскихъ) *«селеніяхъ и деревняхъ не ставятся, ни кормовъ, ни проводни«ковъ у нихъ не емлютъ.....опроче того, кто погонитъ съ «моею грамотою съ подорожною.....»*

[2]) Шторха Historisch-statistisches Gemälde des Russischen Reichs etc. Leipzig 1803, 7-ter Theil, стр. 241.

въ которыхъ проѣзжавшимъ всего удобнѣе было перемѣнять подводы. Неопредѣленность и случайность, заключавшіяся въ ямской повинности, возможныя отъ-того злоупотребленія, неудобство для жителей во всякое время давать подводы въ натурѣ вскорѣ произвели слѣдующую перемѣну. Окрестные жители стали избирать изъ-среди себя особенныхъ людей, которые, поселившись въ опредѣленныхъ мѣстахъ, должны были производить за нихъ ямскую гоньбу. Люди сіи получили названіе *ямскихъ охотниковъ* или *ямщиковъ*, а мѣста ихъ поселенія — *ямскихъ слободъ*, *ямовъ* [1]). Упоминаніе о ямахъ и ямщикахъ въ этомъ значеніи встрѣчаемъ уже въ подорожной грамотѣ, данной Іоанномъ III въ 1493 г. для проѣзда бывшему въ Москвѣ нѣмецкому посланнику, и въ другихъ современныхъ памятникахъ. Вмѣстѣ съ этимъ преобразованіемъ установленъ былъ на жалованье и прогоны ямщикамъ особенный сборъ въ казну, который должны были уплачивать всѣ лица, несшія прежде ямскую повинность въ натурѣ [2]). Такое устройство ямского учрежденія существовало уже при Іоаннѣ III, было имъ распространяемо и сдѣлалось предметомъ его особенныхъ попеченій. Какъ глубоко чувствуема была важность его въ это время, видно изъ завѣщанія Іоанна III (1504), гдѣ онъ говоритъ: «*а сынъ мой Василій въ своемъ великомъ княжествѣ держитъ ямы и подводы на тѣхъ мѣстахъ по дорогамъ, гдѣ быть ямы и подводы на дорогахъ при мнѣ,.....а дѣти мои по своимъ отчинамъ держать ямы и подводы..*» [3]). Это подтверждается еще и тѣмъ, что когда прежніе князья освобождали имѣнія столь многихъ лицъ отъ ямской повинности (какъ примѣры этому приведены выше), Іоанномъ III льгота эта жалуема была очень рѣдко [4]), а слѣдующіе

---

[1]) *Ямами*, говоритъ графъ Толстой, слободы эти назывались вѣроятно потому, что находились на границахъ селеній, означаемыхъ межами или ямами. Отсюда и самая повинность поставлять людей, лошадей и содержать ихъ для провоза разныхъ княжескихъ гонцовъ получила названіе *ямъ*. О разграниченіи земель, отведенныхъ ямщикамъ, *ямами* и гранями см. грам. 1515 года (А. А. Э. I. N° 156). Соч. гр. Тол. 50 стр.

[2]) Въ платежной III (Актовъ Юридическихъ N° 209) говорится о полученіи недоборныхъ ямскихъ денегъ за 7078 (1570 г.).

[3]) Журналъ Мин. Нар. Просв. 1841 Августъ: статья о ямахъ до конца 17 столѣтія, примѣчаніе (1) на стр. 123.

[4]) Не смотря на продолжительность его царствованія имѣется только нѣсколько (двѣ) грамотъ, освобождающихъ отъ ямской повинности. Ж. гр. Ивашку Глядящему 1487 Іюля 27 (Ак. Арх. Эк. I. N° 120) и ж. гр. Троицкой Лаврѣ 1494 Марта 10 (Ак. Арх. Э. I. N° 131).

в. князья и цари (особенно Іоаннъ IV), жалуя даже льготы отъ всѣхъ повинностей, обыкновенно дѣлами исключеніе касательно ямской[1]). Устройство, которое получило ямское учрежденіе при Іоаннѣ III и Іоаннѣ IV, въ главныхъ чертахъ своихъ оставалось неизмѣннымъ почти до XVIII ст., не взирая на тѣ улучшенія, которыя въ ономъ происходили съ теченіемъ времени. Въ особенности правильный и единообразный видъ оно получило при Царяхъ Борисѣ Ѳедоровичѣ, который уже въ Сибири заводилъ ямы и ямщиковъ[2]), и Михаилѣ Ѳедоровичѣ. Такимъ образомъ если подъ ямскимъ учрежденіемъ будемъ понимать установленіе постоянныхъ ямовъ и ямщиковъ, какъ особеннаго сословія, то начало его отнесено быть должно ко второй половинѣ XV ст., а можетъ быть, даже именно ко времени государствованія Іоанна III[3]).

§ 6.

Одного полнаго постановленія о ямахъ не имѣется: сколько усмотрѣть можно изъ различныхъ до насъ дошедшихъ отдѣльныхъ грамотъ, главныя черты ямского устройства заключались въ слѣдующемъ. Каждая деревня и посадъ обязаны были ставить на ямъ одного охотника съ полусохи по собственному своему выбору[4]), заклю-

---

[1]) Такое исключеніе, означаемое выраженіями: *«кромѣ яму»*, *«опричь яму и посошныя службы»*, *и опричь ямскихъ денегъ»*, встрѣчаемъ въ слѣдующихъ грамотахъ: ж. гр. В. Кн. Василья Іоанновича Переяславскимъ сокольникамъ 1507, Янв. 25 (Ак. Арх. Э. I. N° 147), ж. гр. 1517 (тамъ же N° 164), уставная важская гр. 1552. Мар. 21 (тамъ же N° 234), уставная двинская гр. 1556 г. (тамъ же N° 250) и другихъ.

[2]) Шторха прив. соч. т. IV, стр. 335.

[3]) Карамзинъ и Гагемейстеръ утверждали, что Іоаннъ III въ первый разъ завелъ ямы (см. Кар. ист. г. Росс. VI, стр. 423 *) и Гагем. о финан. др. Руси, стр. 69).

[4]) Вмѣсто ямскихъ охотниковъ и подводъ для нихъ податныя лица особенно селеній, далеко отстоявшихъ отъ ямовъ, могли вносить ямскія деньги, платежу которыхъ не подлежали селенія, содержавшія ямъ. Обязанность поставлять ямскихъ охотниковъ называлась *ямскою посохою*, обязанность платить деньги за повинность называлась *ямщиною*. См. А. А. Э. III. N° 30. N° 11, 111. N° 151. Гр. Толстого ист. финанс. учр. стр. 51.

Гр. Василія Іоанновича Давиду Сырневу (Ак. Арх. Э. I.

---

*) По изданію Эйнерлинга.

чивъ съ нимъ договоръ[1]) и обезпечивъ исправность его посредствомъ поручительства[2]); избранные ямщики поселялись въ той ямской слободѣ, къ которой приписаны были избравшія ихъ деревни[3]), и обязаны были содержать лошадей и проводниковъ со всѣми нужными принадлежностями и отправлять гоньбу за свою деревню, отъ которой получали «*на хлѣбъ*, *сѣдла*, *сани*, *повозки*, *лошади*, *суды* «*и гребцовъ*» денежное пособіе, а въ случаѣ большого разгона особенное пособіе въ подводахъ, и кромѣ того царское жалованье[4]). Для обзаведенія «*подъ пашню*, *сѣнокосы и конскіе выходы*» они надѣлялись отъ казны исключенною отъ оброка и податей *бѣлою* землею. Постройка, содержаніе и починка ямскихъ «*дворовъ*, *хоромовъ*, *избъ*, «*сѣнниковъ и конюшенъ*» лежали на обязанности приписанныхъ къ яму волостей. Ямщики содержали по 2, 3 и болѣе лошадей каждый и обязаны были производить гоньбу по извѣстной очереди и сообразно съ временемъ года и мѣстнымъ положеніемъ какъ сухимъ путемъ, такъ и водою на стругахъ[5]). Разстояніе ямовъ другъ отъ друга первоначально не было точно опредѣлено, а Михаилъ Ѳео-

---

N° 156). Выборъ ямского охотника 1601 Дек. 25 (Ак. Юрид. N° 278). Три наказныя памяти о ямской гоньбѣ 1613 (тамъ же N° 343).

[1]) Порядная съ ямскимъ охотникомъ дошла до насъ отъ 1613 г. Мар. 7. (Акты Юрид. N° 192).

[2]) 2 поручныя по ямскихъ охотникахъ 1605 и 1609 г. напечатаны въ Ак. Юрид. N° 294.

[3]) Расписываніе селъ по ямамъ составляло обязанность нарочно для этого посылаемыхъ ямскихъ стройщиковъ. Въ гр. 1624 г. (Ак. Арх. Э. III. N° 158) упоминается, что въ Псковъ посылаемы были ямскіе стройщики уже въ 7095 (1587) году. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ росписаніе это вновь было произведено. Порядная 1613 Мар. 7. (Ак. Юрид. N° 192). Царская гр. 1613 Іюля 4. (Ак. Арх. Э. III. N° 8).

[4]) Ж. гр. 1584 Авг. 11. (Ак. Арх. Э. I. N° 323). Ж. гр. 1619 Фев. 5 (тамъ же III. N° 102). Гр. 1607 (тамъ же II. N° 78) и гр. 1624 Дек. 10 (тамъ же III. N° 158). Жалованье было отъ 20 до 30 рублей на человѣка въ 17 ст., какъ свидѣтельствуютъ Олеарій (Шторха пр. соч. т. VII. ст. 388) и Котошихинъ (стр. 87 о Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича).

[5]) Поручныя 1605 — 1609 г. (Ак. Юрид. N° 294). Выборъ ямского охотника 1601 Дек. 25 (тамъ же N° 278). Гр. 1606 Іюля 11 (Ак. Арх. Э. II. N° 54). Гр. 1607 Іюля 23 (тамъ же II. N° 78).

доровичъ предписалъ вообще смотрѣть за тѣмъ, чтобы не находилось большихъ пространствъ безъ перемѣны лошадей[1]). Въ половинѣ XVIII ст. ямскія слободы состояли каждая изъ 30, 40 и 100 дворовъ, и отдалены были другъ отъ друга на 30, 40, 60 и даже на 100 верстъ[2]). Распоряженіе надъ ямщиками и лошадьми на каждомъ яму имѣлъ ямской приставъ или прикащикъ, а письменныя дѣла, въ особенности веденіе загонныхъ книгъ, въ коихъ записывались взимаемые прогоны, лежали на цѣловальникѣ или присяжникѣ[3]). На каждомъ яму со временемъ заведены были книги, въ которыя вносились имена всѣхъ ямщиковъ[4]). Отправляемымъ царскимъ гонцамъ и всѣмъ служащимъ для взиманія ямскихъ лошадей выдавались особенныя грамоты—записи, подорожныя, которыя уже были въ употребленіи въ 15 ст., какъ видно изъ приведенной выше (въ § 4) грамоты 1470 года, изъ подорожной Іоанна III и нѣсколькихъ другихъ до насъ дошедшихъ актовъ[5]). Въ нихъ

---

[1]) Царская гр. о бѣлозерскихъ ямахъ 1601 Сент. 29. (Ак. Арх. Э. II. N° 18): *«да и то бы естя смѣтили, по колику верстъ «межь тѣхъ ямовъ будетъ......»;* тоже гр. Новгородскому воеводѣ 1637. Февр. 22 (Ак. Арх. Эксп. III. N° 267).

[2]) О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, современное сочиненіе Григорія Кошихина. Спбургъ1840, стр. 87 пр. 26. Въ Царской гр. объ устроеніи Соликамскаго яму 1606 Іюля 2 (Ак. Арх. Э. II. N° 54) говорится: *«.......и мы указали «нынѣ въ Перми у Соли Камской устроити ямъ, а охотни-«ковъ на яму учинити 70 человѣкъ......».*

[3]) Жур. Мин. Нар. Просв. приведенная книжка, стр. 128. О ямскомъ прикащикѣ упоминается въ гр. 1601 Сент. 29, (Ак. Арх. Э. II. N° 18). О загонныхъ книгахъ, по которымъ принимались прогонныя деньги, упоминается въ платежной 1-ой ямскихъ денегъ 1586 г. Декабря 26. (Ак. Юрид. N° 214). Загонныя книги представлялись на ревизію въ Москву, въ четь по принадлежности. Гр. 1614 Іюля 20. (Ак. Арх. Э. III. N° 40.

[4]) Такія книги по крайней мѣрѣ повелѣно завести въ Соликамскомъ яму вышеприведенной грамотой.

[5]) Подорожная грамота, данная приставу Зезевидову въ 7001 (1493 г.), сопровождавшему Нѣмчина Шнупса, который былъ присылаемъ въ Москву отъ Цесаря Максимиліана и его дяди, австрійскаго эрцъ-герцога Сигизмунда: *«отъ Великаго Князя «Ивана Васильевича всея Руси. Отъ Москвы по дорозѣ, по на-«шимъ землямъ по Московской и по Тферской, по ямомъ ям-«щикомъ до Торжку, а въ Торжкѣ старостѣ, а отъ Торжку*

опредѣлялось количество подводъ, которое должно было давать на каждомъ яму и выше котораго взимать, равно какъ и накладывать на дворы слишкомъ много тяжестей, строго запрещалось[1]). Сколько видно изъ подорожной 1493 года, въ нихъ означалось и количество различныхъ припасовъ, которые давались проѣзжавшимъ. Замѣтимъ это установленіе и то, что оно, существуя съ древнѣйшихъ временъ, продолжалось даже до конца XVII ст.[2]).

Для предупрежденія всякихъ злоупотребленій Царь Михаилъ Ѳедоровичъ предписалъ указомъ, по-скольку подводъ надлежало давать различнымъ свѣтскимъ и духовнымъ властямъ: «*боярамъ, окольничимъ, думнымъ и всякихъ чиновъ людямъ*»[3]). Проѣзжавшіе по государственнымъ дѣламъ получали изъ казны для платежа за гоньбу прогоны, количество которыхъ безъ сомнѣнія было опредѣляемо особенными постановленіями[4]). Съ начала XVI ст. оно было, какъ кажется, по 3 деньги на 10 верстъ[5]).

«по Новгородской землѣ по ямщикомъ до Новгорода. Послалъ «есми Сеньку Зезевидова съ Нѣмчиномъ, а вы бы давали Сенькѣ «по 2 подводы по ямомъ, а Нѣмчину по 2 же отъ яму до «яму, а корма для Нѣмчина на яму, гдѣ случится стати «курья, да двѣ части говядины, да 2 части свинины, да соли «и заспы и смѣтаны и масла, да два колача полуденежные по «сей моей грамотѣ».

Нѣсколько проѣздныхъ изъ 17-го ст. отпечатаны въ Ак. Юрид. подъ N° 364.

[1]) Количество тяжести опредѣлено точнымъ образомъ въ гр. на Пермь Великую 1607 г. Мая (Ак. Арх. Э. II. N° 71).

[2]) Еще грамотою 1687 Февр. 27. (Ак. Арх. Эк. IV. N° 244) запрещается гонцамъ брать кормы съ крестьянъ Юрьева монастыря.

[3]) Древней Рос. Вивліоѳ. т. XX, стр. 413 — 416.

[4]) Въ гр. 1601 Сент. 29 (Ак. Арх. Э. II. N° 18) говорится, что «*ямщики имѣютъ прогоны по нашему наказу*». Слѣдовательно Царемъ Борисомъ Ѳедоровичемъ вѣроятно издано было объ этомъ постановленіе. Въ проѣздной 4-й 1639 г. (Ак. Юрид. N° 364) на оборотѣ прибавлено: «*прогоны изъ дворца. Прогоновъ дано на 500 верстъ два рубля, 15 алтынъ и 5 денегъ*».

[5]) Котошихина пр. соч. стр. 87. Цар. гр. въ Устюжну 1673 Мая 30 (Ак. Арх. Э. IV. N° 192) велѣно посылаемымъ въ Москву гонцамъ выдавать для платежа прогоновъ по 3 деньги на 10 верстъ, «*а безъ прогоновъ подводъ не брать*». Герберштейнъ говоритъ: «Plerumque de X vel XX verst numerantur 6 dengae». Шторха пр. соч. т. VII, стр. 387.

Платежу ямскихъ денегъ подлежали, равнымъ образомъ какъ и поставкѣ ямщиковъ, всѣ посадскіе и уѣздные люди, кромѣ тѣхъ только, которые освобождены были отъ этого особенными грамотами, и таковы были помѣстья патріарха, нѣкоторыхъ митрополитовъ и монастырей [1]). Сборъ производился ямскими сборщиками (съ сохи при Борисѣ Ѳедоровичѣ и Василіи Шуйскомъ по 10 рублей; при Михаилѣ Ѳедоровичѣ онъ значительно увеличился; въ 1616 — 1618 по 800, въ 1620 по 584, а въ 1621 г. по 468 р.) и служилъ на прогоны и жалованье ямщикамъ [2]). Ямская гоньба производима была очень быстро. Уже Іоаннъ IV повелѣваетъ *«гонять наши гонцы.......не удержавъ ни часу»*. Герберштейнъ, бывшій въ Россіи при Василіи Іоанновичѣ, удивляется обилію лошадей на станціяхъ и быстротѣ ѣзды. Изъ записокъ его о современной ему Россіи видно, что для проѣзда иностранныхъ пословъ въ XVI ст. давались верховыя лошади, можетъ быть, по поводу худого состоянія въ то время дорогъ или не имѣнію приличныхъ почтовыхъ экипажей, и что проѣзжій могъ въ случаѣ утомленія своей лошади отнять свѣжую у перваго попавшагося ему на дорогѣ, исключая только царскихъ гонцовъ [3]).

---

[1]) Таковы жалованныя грамоты 1500, 1546 въ Октяб., 1548 Марта 20, 1585 годовъ, напечатанныя въ Ак. Арх. Э. I. подъ NN° 136, 218 и 329, и многія другія.

[2]) Гр. 1582 Сент. 18 (Ак. Арх. Э. I. N° 316). Гр. 1601 Сент. 29 (тамъ же II. N° 18). Гр. 1620 (тамъ же III. N° 116) и гр. 1621 Нояб. 18 (тамъ же III. N° 121), въ которой сказано: *«.....а только не собирать ямскихъ денегъ, и ямщикамъ давать будетъ нечего»*. Въ соху при Годуновѣ полагалось 800 четвертей доброй земли, считая каждую четверть или четь въ 1200 квадр. саженей.

[3]) Гр. Іоанна IV въ станы и волости по Переяславской дорогѣ (Ак. Арх. Э. I. N° 180) 1534 г. Мая 5. Герберштейнъ говоритъ: *«Veredarios Princeps, ad omnes ditionis suae partes, diversis «in locis, cum justo equorum numero habet; ut quum cursor regius «aliquo missus fuerit, equos sine mora in promptu habeat. Mihi, «ex Novogardia Magna celeriter proficiscenti, Magister postarum, «qui illorum lingua jamschik appellatur, aliquando 30, nonnumquam «40, 50 que adduci mane curabat equos.......»* Тоже подтверждаетъ Олеарій, путешествовавшій по Россіи въ царствованіе Михаила Ѳедоровича. Шторха пр. соч. т. VII, стр. 386 — 388.

§ 7.

Въ такомъ положеніи находившееся ямское учрежденіе, по миновaніи бурнаго времени, одолѣвавшаго Россію въ концѣ XVI и началѣ XVII ст., начало болѣе и болѣе дѣлаться правильнымъ и единообразнымъ, стало соединять уже всѣ важнѣйшіе въ государствѣ пункты съ Москвою; промышленность пробудилась; политическія сношенія Россіи съ сосѣдями стали дѣлаться обширнѣе, да и внутреннее управленіе получило болѣе единства и твердости. Все это, сколько съ одной стороны дѣйствовало на расширеніе и улучшеніе ямского учрежденія, столько съ другой, все болѣе и болѣе дѣлая чувствительными его недостатки, постепенно пробуждало и утверждало сознаніе необходимости почтъ, въ собственномъ, тѣсномъ значеніи этого слова, и такимъ образомъ привело наконецъ за собою учрежденіе почтъ при Алексѣѣ Михайловичѣ. Но прежде тѣмъ перейдемъ къ этому позволимъ себѣ сдѣлать еще нѣсколько общихъ замѣчаній. Въ ямскомъ учрежденіи почти не находится тѣхъ признаковъ, которые характеризуютъ почты въ нынѣшнемъ, новомъ ихъ видѣ. Ямскія лошади служили для перевозки иностранныхъ пословъ и гонцовъ, различныхъ лицъ, посылаемыхъ по дѣламъ государственнымъ, государевой казны и собираемыхъ въ различныхъ мѣстахъ податей и естественныхъ произведеній, требуемыхъ для царскаго стола; для разъѣздовъ чиновниковъ по службѣ, а иногда для доставленія ссыльныхъ къ мѣстамъ ихъ назначенія и другихъ лицъ, требуемыхъ къ государю; слѣдовательно оно отчасти занималось тѣмъ, что нынѣ составляетъ предметъ тяжелыхъ почтъ, съ тѣмъ различіемъ, что не имѣло постоянныхъ курсовъ; разсылка государевыхъ грамотъ и повелѣній и всей правительственной корреспонденціи производилась не иначе, какъ посредствомъ нарочныхъ гонцовъ, такъ что и предположить трудно, чтобы частные люди могли пользоваться этимъ для пересылки своихъ писемъ, тѣмъ болѣе, что при учрежденіи почтъ сдѣлано было распоряженіе, чтобы торговые люди письма свои *(торговыя грамотки)* пересылали по почтѣ, а отнюдь не съ своими или наемными нарочными гонцами, или съ проѣзжающими, какъ до того времени дѣлалось по обыкновенію. Трудно даже полагать, чтобы ямскія лошади могли быть употребляемы для частныхъ надобностей; ибо хотя Іоаннъ Грозный позволилъ англійскимъ купцамъ въ крайней нуждѣ брать ихъ для своихъ проѣздовъ [1]), а въ росписаніи Михаила Ѳедоровича [2]) поста-

[1]) Именно жалованною громотою 1569. Шторха прив. соч. т. IV, стр. 415.

[2]) Гр. 1627 Марта 8, отпечатанная въ Древней Россійской Вивліоѳики т. XX, стр. 415.

иовлено давать на ямахъ гостямъ (по 5) и торговымъ людямъ (по 3) подводы, однакожъ это обстоятельство было, какъ видно, исключеніемъ изъ общаго правила и тѣмъ болѣе утверждаетъ въ мысли, что не всякій могъ ими пользоваться и что слѣдовательно ямское учрежденіе (по крайней мѣрѣ по первоначальному плану) было предназначено исключительно для правительства. Однѣ эти обстоятельства напоминаютъ уже во многомъ устройство римскаго cursus publicus, и хотя нѣкоторыя подобныя черты встрѣчаемъ и въ первыхъ почтовыхъ учрежденіяхъ другихъ государствъ, но тамъ эти учрежденія уже были хотя отчасти собственно почтами, между тѣмъ какъ ямское учрежденіе, появившись, замѣтимъ мимоходомъ, ранѣе ихъ, носитъ на себѣ тотъ же характеръ исключительности пользованія правительствомъ, какъ напримѣръ курьеры во Франціи при Карлѣ В. Этимъ характеромъ, равно какъ непостоянствомъ курсовъ, оно отличается отъ всѣхъ иностранныхъ современныхъ почтовыхъ учрежденій, и сходно только съ однимъ cursus publicus, въ особенности въ томъ его видѣ, какой существовалъ въ Восточной Имперіи послѣ 10 столѣтія [1]). Когда послѣ этого обратимъ вниманіе на приведенную

[1]) Римъ во время республики представляетъ намъ своихъ viatores, statores и cursores, коихъ обязанностію было находиться при Сенатѣ и разныхъ сановникахъ и доставлять ихъ приказы и письма по назначенію, кои, находясь въ каждой провинціи, разносили между прочимъ и письма частныхъ людей, за извѣстное вознагражденіе. Но все это далеко уступаетъ развившемуся уже при императорахъ римскому cursus publicus. Положивъ начало тому отличному устройству римскихъ дорогъ (предназначенныхъ первоначально для облегченія движеній императорскихъ легіоновъ), которому нельзя довольно надивиться, Августъ повелѣлъ по главнымъ трактамъ, на разстояніи нѣсколькихъ миль другъ отъ друга, устроить особенные домы и въ нихъ находиться извѣстному числу пѣшихъ гонцевъ (statores), посредствомъ которыхъ и производились сношенія между Императоромъ и сановниками, начальствовавшими въ разныхъ областяхъ. Вскорѣ для усиленія быстроты сношеній расположены были на этихъ станціяхъ лошади (по 40 на каждой) и различнаго рода повозки, и это учрежденіе, исключительно предназначенное для проѣздовъ Императора, посланниковъ, военныхъ и гражданскихъ сановниковъ и гонцевъ и для перевозки казны и военныхъ потребностей, безъ всякаго за то платежа, получило названіе cursus publicus, vereda publica, res veredaria. Лошади и всѣ необходимыя для ѣзды принадлежности поста-

вьше подорожную Іоанна III, которая во всѣхъ частяхъ удивительно

вляемы и содержимы были первоначально на счетъ Императора, въ послѣдствіи вообще на счетъ государства и никто подъ опасеніемъ строгаго наказанія не могъ пользоваться ими, не имѣя на то особеннаго письменнаго позволенія, подорожной (diploma, evectio), которая выдавалась за подписью Императора, а въ послѣдствіи префектовъ (praefecti praetorio и praefecti urbi). Дипломы эти, въ которыхъ означалось количество лошадей и съѣстныхъ припасовъ, какое на каждой станціи должно было давать проѣзжавшимъ, были двухъ родовъ: обыкновенные—для постоянныхъ проѣздовъ сановниковъ, и чрезвычайные—для посланниковъ и лицъ, вызываемыхъ ко двору. Станціи тоже были двухъ родовъ: а) stationes, mutationes vel mansiones, въ коихъ производилась только перемѣна лошадей и б) stativa, гдѣ проѣзжавшіе останавливались для роздыха и получали безденежно имѣвшіеся всегда въ готовности съѣстные припасы и напитки. Если недоставало на станціяхъ лошадей, то до временъ Нервы позволялось брать ихъ у обывателей (за исключеніемъ рабочаго скота). Замѣтимъ, что со временемъ опредѣлено было даже пространство, которое позволялось проѣзжать въ сутки, и число лошадей, которое могъ брать каждый сановникъ. Главный надзоръ надъ этимъ учрежденіемъ имѣли преторіанскій префектъ (praefectus praetorio), военачальники и проконсулы; мѣстное же управленіе и исполненіе принадлежали особеннымъ чиновникамъ и служителямъ (agentes in rebus, principes agentum in rebus, judices curiosi seu curagendarii, angari, mancipes, stratores, veredarii, catabulenses, hippocomi, muliones et mulomedici). Съ теченіемъ времени это учрежденіе постоянно совершенствовалось и довело сношенія до удивительной скорости. Извѣстно, что Тиберій получалъ донесенія изъ Азіи въ 20 дней, изъ Паннонія въ 5, а изъ всѣхъ частей Италіи въ 3 дня. Перенесенный и въ восточную Римскую Имперію, cursus publicus претерпѣлъ нѣкоторыя измѣненія въ своемъ устройствѣ. Уже при Константинѣ В. на самомъ дѣлѣ весьма слабо было прежнее строгое, безусловное запрещеніе частнымъ людямъ для проѣздовъ своихъ брать лошадей, содержимыхъ на станціяхъ, хотя впрочемъ императорскаго разрѣшенія на это не послѣдовало. Всѣмъ относящимся къ cursus publicus вмѣстѣ съ прочими публичными дѣлами главнымъ образомъ завѣдывалъ magister officiorum и имѣлъ въ своемъ распоряженіи до 300 агентовъ (agentes in

какъ напоминаетъ отпечатанную у Матіаса[1]) римскую подорожную (diploma, evectio), и на то, что одинъ только cursus publicus и ямское учрежденіе отличаются отъ всѣхъ иностранныхъ позднѣйшихъ почтовыхъ учрежденій обязанностію доставлять проѣзжающимъ продовольствіе, что проѣзжающими сими въ обоихъ государствахъ могли быть только лица, отправлявшіяся по государевымъ дѣламъ и по службѣ, и что вообще, какъ извѣстно, Россія въ древнія времена находилась съ Греціею въ самыхъ частыхъ сношеніяхъ и много отъ нея заимствовала, то, кажется, предположеніе, что cursus publicus былъ первообразомъ ямского учрежденія Іоанна III, не будетъ совершенно неправдоподобно. Даже то различіе, что въ Римѣ станціи и лошади содержимы были на счетъ императорской казны, тогда-какъ въ Россіи ямы содержались отъ земли, упадаетъ: ибо извѣстно, что въ Восточной Имперіи уже со временъ Юстиніана обязанность эта лежала на городахъ; да и въ Россіи, по свидѣтельству Герберштейна, въ началѣ XVI ст. во многихъ мѣстахъ на ямахъ, кромѣ ямскихъ содержались еще особенно царскія лошади на-счетъ самой казны[2]). Правда, что съ cursus publicus соединились вскорѣ полицейскіе виды, между тѣмъ какъ ямы всегда оставались чистымъ только способомъ сообщенія, что cursus publicus уже при Константинѣ В. представляется въ предѣлахъ своихъ очень развитымъ, соединявшимъ въ себѣ много удобствъ и даже роскоши, между тѣмъ какъ ямское учрежденіе является въ самыхъ простыхъ, даже иногда грубыхъ формахъ: однакожь всѣ эти, равно какъ нѣкоторыя другія различія въ подробностяхъ не ослабляютъ разительнаго сходства въ выше приведенныхъ основныхъ чертахъ, въ особенности когда подумаемъ, что огромное различіе между степенью гражданственности и просвѣщенія въ Римѣ при импера-

---

rebus или собственно курьеровъ, которыхъ число возрасло вскорѣ до 10,000; переѣзжая государство во всѣхъ направленіяхъ съ императорскими эдиктами, они мало по малу сдѣлались шпіонами и получили наименованіе императорскихъ глазъ. Около временъ Юстиніановыхъ содержаніе станцій, лошадей и вообще почтъ императорскихъ падало уже на общественные доходы городовъ и составляло одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ издержекъ общественныхъ и попеченій правительства. Съ X-го вѣка до послѣднихъ временъ существованія Восточной Имперіи управленіе почтами поручаемо было особенному логоѳету.

[1]) Приведенное выше сочиненіе т. I, стр. 64.

[2]) Шторха пр. соч. т. VII, стр. 241, 242.

торахъ, Византіи съ одной стороны и въ Россіи въ XV и XVI ст. съ другой стороны не могло не отразиться и въ дѣятельности обоихъ государствъ по этой части. Да и нынѣшнія подорожныя по казенной надобности напоминаютъ еще нѣкоторымъ образомъ значеніе римскаго cursus publicus; ибо въ иностранныхъ государствахъ, гдѣ существуютъ подорожныя для взиманія почтовыхъ лошадей, онѣ совершенно отличны отъ нашихъ. Мнѣ не удалось найти теперь никакихъ слѣдовъ, никакихъ историческихъ свидѣтельствъ, которыя бы подтверждали ,что являющіяся при Іоаннѣ III формы ямского учрежденія взяты изъ Восточной Имперіи; но сходство такъ сильно, аналогія такъ благопріятна и такъ немного основаній можетъ быть приведено противъ этого, что если къ полному убѣжденію недостаетъ еще многаго, то по крайней мѣрѣ безъ большихъ погрѣшностей можно принять это предположеніе совершенно вѣроятнымъ, а факты, на которыхъ оно основано, даже несомнѣнными. Можетъ быть, при дальнѣйшемъ историческомъ изученіи законодательства и внутренней организаціи Россіи, мнѣ представится случай подкрѣпить предположеніе это болѣе твердыми доказательствами, къ чему безъ сомнѣнія со временемъ возрастетъ и матеріальная возможность, когда увеличившійся запасъ историческихъ памятниковъ прольетъ болѣе свѣта на внутреннія учрежденія Россіи въ удѣльномъ періодѣ и при послѣднихъ четырехъ государяхъ Рюрикова дома.

§ 8.

Недостатки ямского учрежденія, несоотвѣтственность его съ интересами промышленности, да и вообще состояніе Россіи, уже, такъ сказать, готовившейся къ преобразованіямъ Петра В., были причиною того переворота, который въ почтовыхъ учрежденіяхъ произошелъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Какъ отяготительно и неудобно было за всякимъ дѣломъ посылать нарочныхъ гонцевъ — видно изъ первыхъ попытокъ еще до учрежденія почты устроить доставленіе правительственной корреспонденціи на другомъ основаніи. Алексѣй Михайловичъ для избѣжанія сего неудобства повелѣлъ между Москвою и Путивлемъ разставить трубниковъ, которые должны были *«отъ Москвы «до Путивля съ Государевыми грамотами и изъ Путивля къ Государю «къ Москвѣ съ отписками ѣздить отъ стану до стану на скоро»*. По причинѣ ихъ неисправностей въ 1659 г. посланъ былъ для осмотра становъ особенный чиновникъ и съ нимъ для подкрѣпленія трубниковъ 12 стадныхъ конюховъ, каждый съ 4 лошадьми; но какъ и это не произвело ожидаемаго успѣха, то въ 1668 г. отъ Москвы до Сѣвска вновь расчислены станы (станціи), на каждомъ поставлено по 2 пристава, и каждому изъ Конюшеннаго Приказа вы-

дано по 4 лошади для скорой доставки *«съ стану на станъ. Госу-«даревыхъ грамотъ и отписокъ отъ бояръ и воеводъ»*[1]). Впрочемъ настоящія почты возъимѣли начало свое въ 1665 г. или, можетъ быть, даже немного раньше[2]). Въ памяти изъ Посольскаго Приказа въ Приказъ Большія Казны о времени учрежденія почтъ въ Россіи[3]) говорится, что по указу Алексѣя Михайловича изъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ держалъ почту въ Польшу и чрезъ В. Новгородъ въ Курляндію иностранецъ Иванъ фанъ-Сведенъ съ 1665 по 1668 г. и *«ставилъ вѣдомости своими людьми и на своихъ лошадяхъ и по «договору имѣлъ отъ той почты по 1200 рублей на годъ»*. Въ 1668 г. почта эта передана иноземцу Леонтію Марселіусу съ тѣмъ, чтобы она ходила въ продолженіе посольства отъ Москвы до Курляндіи, а по окончаніи его — чрезъ Смоленскъ въ Вильну, но уже на ямскихъ подводахъ. Это обстоятельство безъ сомнѣнія было послѣдствіемъ того условія, которое вошло въ заключенный въ Москвѣ между россійскимъ и польскимъ послами договоръ, по которому, для облегченія политическихъ сношеній между государями обоихъ, *«а «наипаче для пріумноженія обоимъ государствамъ торговыхъ пожитковъ»*, постановлено вмѣсто гонцовъ учредить правильную почту: отъ мѣстопребыванія короля польскаго до мѣстечка Кодина (на границѣ принадлежавшаго Польшѣ Мстиславскаго воеводства), и изъ Москвы чрезъ Смоленскъ въ сосѣднее съ Кодинымъ мѣстечко Мигновичу (пограничное въ поступившемъ подъ державу русскую Смоленскомъ воеводствѣ). *«Какъ государскіе, такъ и торговые листы и «отвѣты»* долженствовали быть отправляемы какъ можно скорѣе по этой почтѣ и взаимно другъ другу передаваемы русскимъ и польскимъ почтмейстерами, постановленными въ упомянутыхъ мѣстечкахъ. За возку частной корреспонденціи предполагалось назначить

---

[1]) Полн. собр. зак. 1659 Іюля 6 (251), 1659 Сент. 17 (257) и 1668 Іюля 3 (432).

[2]) Шторхъ (пр. соч. т. VII, стр. 255) утверждаетъ, что письменная почта учреждена была въ Москвѣ Іоанномъ фанъ-Шведеномъ (Joh. van Schweden) уже въ 1663 г. и ходила по 2 раза въ недѣлю въ Вильну и Ригу и постольку же разъ получалась и въ Москвѣ. Кромѣ писемъ съ этою почтою получаемы были печатныя и писанныя голландскія, Гамбургскія и Кёнигсбергскія вѣдомости. Такса была до Риги 10, до Берлина 25 к. съ золотника. Этотъ фанъ-Сведенъ первый завелъ въ Россіи фабрики суконъ и писчей бумаги.

[3]) 1691 г. Августа 21 (1402). Ср. Древ. Росс. Вивл. т. XX, стр. 347, 348.

соразмѣрную плату[1]). Дѣйствительно, въ 1669 г., какъ по Виленскому, такъ и по Рижскому тракту, на всякомъ стану приведено къ присягѣ по три ямщика, которые обязались доставлять въ цѣлости съ яму на ямъ пересылаемую въ мѣхахъ или сумахъ (на каждой изъ нихъ означалось мѣсто ея назначенія), завязанную и запечатанную корреспонденцію. Леонтіемъ Марселіусомъ заключены договоры съ Виленскимъ и Рижскимъ почтмейстерами, съ послѣднимъ въ особенности объ отправленіи и полученіи чрезъ Ригу заграничной русской корреспонденціи; учрежденъ ходъ обѣихъ почтъ разъ въ недѣлю по обоимъ трактамъ и опредѣлена для взиманія съ частныхъ писемъ и пересылаемыхъ по почтѣ денегъ въ пользу почтмейстеровъ и самаго Марселіуса особенная плата. Замѣчательно, что здѣсь уже сказано: *«хотя и не случится грамотокъ или какихъ писемъ, гонца «на учрежденный день на рубежъ посылать, а мѣшки положить по«рожніе въ сумы, а сумы запечатать»*. Въ 1676 г. Декабря 4, по поводу неисправности и медленности, двѣ эти почты переданы переводчику польскаго приказа дьяку Андрею Виніусу, съ тѣмъ, чтобы почта *«становилась въ указныхъ мѣстахъ, въ указный часъ»*, и постановлено за тѣмъ[2]), чтобы ямщики гоняли почту по 7 верстъ лѣтомъ, а по 5 зимою въ часъ. Виніусъ сталъ отправлять и получать заграничную русскую корреспонденцію и чрезъ Вильну, и заключилъ въ 1685 г. Августа 24 съ Виленскимъ почтмейстеромъ особенный договоръ, въ которомъ подробно опредѣленъ срокъ прибытія заграничной корреспонденціи въ Москву и по которому грамоты Государя всея Россіи и Короля Польскаго должны быть привозимы безденежно, а съ частныхъ и посылаемыхъ къ другимъ государямъ писемъ и посылокъ назначенъ сборъ: съ писемъ съ лота, а съ посылокъ съ фунта. Новое сіе учрежденіе представляло всѣ удобства правительству, а потому вся правительственная внутренняя корреспонденція производилась посредствомъ него[3]), и вскорѣ за тѣмъ повелѣно такую иностранную или нѣмецкую (какъ тогда её называли) почту учредить отъ Москвы чрезъ Ярославль и Во-

---

[1]) Договоръ, заключенный въ Москвѣ между россійскими и польскими послами 1667 Дек. 14 (П. С. З. 420). Сіе же подтверждено въ 29 статьѣ вѣчнаго міра между Россіею и Польшею 1686 г. Апр. 26 (П. С. З. 1186).

[2]) 1684 Іюня 3 (1082).

[3]) 1672 Ноябр. 6 (534) п. 6. предписано всѣ казенные пакеты отправлять по этой почтѣ, а нарочныхъ гонцевъ отправлять только въ крайне важныхъ случаяхъ.

логду до Архангельска, устроивъ по дорогѣ ямы и ямщиковъ на прежнемъ основаніи[1]).

§ 9.

Проницательный взоръ Петра В. оцѣнилъ всю важность такого устройства почтъ[2]). Главное дѣло состояло тогда въ приготовленіи, такъ сказать, для почтъ матеріи, которой со временемъ долженствовала быть дана приличная, постепенно улучшаемая форма, — именно въ томъ, чтобы ограничивающіяся нѣсколькими трактатами почты распространить сколько можно по всему государству. Хотя промышленные интересы уже тѣсно сроднились съ почтами, однакожь еще не многіе пункты Россіи оказывали тогда живую дѣятельность въ этомъ отношеніи; потому главнымъ побужденіемъ попеченій о почтахъ Петра В. и ближайшихъ его наслѣдниковъ были преимущественно административные виды. Такъ-какъ при этомъ не было еще одной постоянной системы, то при множествѣ имѣющихся съ того времени законодательныхъ распоряженій часто встрѣчаются въ нихъ мѣры, другъ друга исключающія и для насъ не совсѣмъ ясныя. Уже въ началѣ своего царствованія Императоръ Петръ предписалъ учредить, какъ для казенной, такъ и для частной корреспонденціи, почту отъ Москвы до Якутска и Нерчинска, и подтверждалъ это неоднократно, хотя дѣйствительно она учреждена только гораздо

---

[1]) 1693 Іюня 8 (1470).

[2]) Народныя понятія о почтахъ въ царствованіе Петра В. были весьма ошибочны. Это видно изъ словъ Посошкова: «*нѣмцы*», говоритъ онъ, «*пожаловали, прорубили изъ нашего государства «во всѣ свои земли диру, что вся наша государственная и про- «мышленная дѣла ясно зрять. Диражъ есть сія: здѣлали почту, «а что въ ней В. Государю прибыли, про то Богъ вѣсть, а «колько гибели отъ той почты во все царство чинитца, того «и исчислить невозможно. Что въ нашемъ царствѣ ни сдѣ- «лается, то во всѣ земли разнесутца; одни иноземцы отъ «нее богатятся, а русскіе люди нищаютъ. И почты ради ино- «земцы торгуютъ издѣваючись, а русскіе люди жилы изъ себя «изрываючи. А если бы почты иноземской не было, то бъ и торгъ «ровный былъ: какъ наши рускіе люди о ихъ товарѣхъ не знаютъ, «такожде и они о нашихъ товарѣхъ не знали жь бы, и торгъ «бы былъ безъ обиды. Мнѣ, Государь, мнитца, что лучшы бъ та «дира загородить накрѣпко; а крѣпче того нельзя, что почта, «буде мочно, то отставить ее вовсе*». Соч. Ив. Посошк. о ратн. повед., стр. 274 — 277.

позже[1]). Архангельская почта была исправлена; Рижской, служившей въ особенности для сообщенія съ министрами, при иностранныхъ дворахъ находившимися, дано продолженіе чрезъ Псковъ, Смоленскъ до Рославля[2]), изъ чего можно заключить, что ходъ Виленской почты прекратился. Особенно важныя послѣдствія имѣло установленіе ординарныхъ почтъ. Уже въ 1718 г., по представленію иностранца Фика, предположено было устроить верховую почту отъ Санктпетербурга во всѣ главные города государства, разъ или два въ недѣлю, и дѣйствительно до Нарвы она была учреждена[3]). Затѣмъ отъ Санктпетербурга до Москвы для возки исключительно одной казенной корреспонденціи установлена ординарная, верховая почта по два раза въ недѣлю, но существовавшая въ Малоросіи ямская верховая гоньба оставлена на прежнемъ основаніи[4]). Хотя, какъ видно изъ позднѣйшихъ узаконеній[5]), пріемъ частныхъ писемъ (кромѣ однихъ *купецкихъ*) былъ въ то же время разрѣшенъ на всѣхъ трактахъ, однакожъ это осталось безъ исполненія. Для возки почтъ предназначались ямщики; платежъ имъ жалованья прекращенъ, но они освобождены отъ податей и рекрутской повинности и получали за всякую гоньбу прогоны. Вслѣдствіе сего запрещено имъ переходить въ другія состоянія и произведена имъ перепись[6]). Однакожъ, такъ-какъ учрежденіе ямовъ не вездѣ производилось успѣшно, то уже является мысль отдавать содержаніе станцій по подряду[7]). Нужныя для взиманія лошадей, какъ подъ почты, такъ и подъ частныхъ проѣзжающихъ, подорожныя печатались единообразно по предписанной формѣ и разсылались отъ Ямской Канцеляріи мѣстнымъ на-

---

[1]) 1698 Нояб. 22 (1654) ст. 22 — 1724 Іюня 4 (4529) и 5 1744 Сент. 25 (9038). Сравнивая указъ 1698 Нояб. 22 съ инструкціею, данною капитану Берингу 1733 Мар. 16 (6351) п. 1, 5. можно видѣть, что послѣ перваго указа почта до Тобольска для казенной и купеческой корреспонденціи дѣйствительно учреждена была вѣдавшимъ почтами до того времени Андреемъ Виніусомъ. Но въ послѣдствіи ходъ ея прекратился.

[2]) 1712 Сент. 5 (2579), Сент. 12 (2582).

[3]) 1718 Іюня 11 (3208). 1719 Апр. 30 (3362). 1721 Іюля 10 (3805).

[4]) 1714 Іюня 24 (2830). 1720 Мая 24 (3591). Декаб. 17 (3691). 1691 Мая 29 (1408) и 1721 Февр. 9 (3729).

[5]) 1736 Іюня 11 (6987 .

[6]) 1704 Февр. 28 (1971). 1714 Янв. 13 (2759). 1722 Іюля 2 (4042) и 1723 Окт. 23 (4333).

[7]) 1721 Іюля 10 (3805).

чальствамъ, которыя вели для счету ихъ книги и представляли ихъ на ревизію въ Ямской Приказъ [1]). Казенные пакеты доставлены были безденежно [2]), для частной же корреспонденціи и проѣздовъ, хотя еще не былъ составленъ общій тарифъ, однакожь для различныхъ трактовъ назначены таксы (въ подорожныхъ по частнымъ надобностямъ по малороссійскому тракту взималось поверстныхъ по деньгѣ съ лошади; прогоновъ, по тракту между Санктпетербургомъ и Москвою за версту и каждую почтовую лошадь по стольку же, а за ямскія сначала отъ Санктпетербурга до Новгорода по копѣйкѣ, а въ прочихъ по деньгѣ на версту съ лошадьми, потомъ по 6 денегъ на 10 верстъ съ подводы). Однакожь онѣ такъ часто перемѣнялись и источники столь несогласны между собою, что ничего вѣрнаго сказать невозможно. Проѣзжавшіе по своимъ надобностямъ платили прогоны вдвое. Вѣсовыя деньги были также опредѣлены различно по различію трактовъ (изъ Санктпетербурга до Москвы 2, до Вологды 3, до Архангельска 4 копѣйки съ золотника) [3]). Впрочемъ въ 1720 г. постановлена была единообразная такса: по деньгѣ съ золотника на 100 верстъ, какъ видно изъ указа 1736 Іюня 11 (6987); но это, кажется, относилось только до предполагаемой тогда къ учрежденію по всѣмъ трактамъ ординарной почты. Гоньба была 9 — 10 верстъ въ часъ; ямщики, везшіе почтовые мѣшки, имѣли при себѣ открытые листы, въ коихъ записывался часъ пріѣзда и отъѣзда на каждой станціи, гдѣ для такихъ же отмѣтокъ существовали записныя тетради. Для всѣхъ частей почтоваго механизма подробныя правила изложены были въ особой инструкціи, которая вмѣстѣ съ учрежденною въ 1716 г. для сношеній съ войскомъ полевою почтою служила образцомъ для происшедшихъ послѣ пре

---

[1]) 1700 Окт. 5 (1814). 1717 Мар. 27 (3075). 1718 Янв. 23 (3145).

[2]) Ген. регламентъ 1720 Фев. 28 (3534) гл. XV. Впрочемъ должно быть не по всѣмъ трактамъ, ибо въ приведенныхъ выше указахъ 1720 г. Мая 24 и Дек. 17 назначены были вѣсовыя для взиманія съ казенной корреспонденціи по тракту между столицами. Вообще о таксахъ въ это время невозможно имѣть яснаго понятія, ибо въ законахъ встрѣчается много для насъ теперь непонятнаго.

[3]) 1713 Нояб. 27 (2741). 1698 Нояб. 12 (1654) ст. 22. 1714 Янв. 13 (2759). 1717 Мар. 27 (3075). 1720 Мая 24 (3591). 1721 Фев. 9 (3729). Іюля 10 (3805). 1725 Дек. 17 (4814).

образований въ почтовомъ устройствѣ[1]). Однакожъ между ямскою гоньбою и ординарными почтами съ одной стороны и нѣмецкою или иностранною почтою съ другой существовало еще различіе, какъ въ томъ, что первыя учреждены и вѣдаемы были Ямскимъ, а вторыя Посольскимъ Приказомъ, а затѣмъ Коллегіею Иностранныхъ Дѣлъ, такъ и въ самомъ количествѣ прогоновъ и вѣсовыхъ, и наконецъ въ томъ, что по ямскимъ трактамъ (напримѣръ отъ Москвы до Кіева и Санктетербурга) на ординарныя почты принимались только казенные пакеты, а иностранная почта для купеческихъ писемъ отправлялась по Московскому, Архангельскому и другимъ трактамъ совершенно отдѣльно, даже въ особенные дни. Различіе это начало сглаживаться, когда вся вообще почтовая часть подчинена была вѣдомству одного главнаго лица—генералъ-почтъ директора, и когда затѣмъ на всѣхъ почтахъ вообще опять былъ разрѣшенъ пріемъ какъ казенныхъ, такъ и всякихъ частныхъ (и купеческихъ) писемъ, а отправленіе всякой корреспонденціи повелѣно было производить вмѣстѣ, въ одно и тоже время[2]). Но окончательно оно уничтожилось только при Елисаветѣ Петровнѣ, а говоря точнѣе, только послѣ тѣхъ радикальныхъ перемѣнъ, кои произведены въ почтовомъ учрежденіи Императрицею Екатериною II[3]).

§ 10.

Преемники Петра В. въ отношеніи къ почтамъ слѣдовали большею частію по стезѣ, имъ указанной. Главная дѣятельность все еще устремлена была на повсемѣстное заведеніе почтъ. Архангельская почта шла чрезвычайно медленно, и одною изъ причинъ этого было непрямое направленіе самаго тракта: недостатокъ сей исправленъ особымъ, отправленнымъ для сего чиновникомъ; росписаны станціи отъ Санктетербурга до Архангельска по новому тракту и гдѣ не было ямовъ устроены новые, а вѣсовыхъ назначено по 20 копѣекъ съ лота[4]). Нѣсколько разъ подтверждаемо было объ учре-

---

[1]) 1693 Іюня 8 (1470). Пункты, по которымъ въ Санктетербургѣ и Москвѣ и въ другихъ городахъ надлежитъ почтмейстерамъ править почтовое теченіе. 1720 Декабя 17 (3691). Воинскаго устава 1716 г. Марта 30 (3006) гл. 35, 36 и 39. Прив. лекція Проф. Сергѣева § 7.

[2]) 1722 Авг. 15 (4073) и 1725 Дек. 17 (4814).

[3]) Ср. 1752 Янв. 22 (9929). Въ Новгородской почтовой конторѣ пріемъ *купеческихъ* писемъ разрѣшенъ былъ только 1767 Авг. 8 (12,954).

[4]) 1727 Іюня 26 (5109).

жденіи правильныхъ почтъ отъ Москвы чрезъ Калугу, Сѣвскъ и Глуховъ до Кіева и другихъ городовъ малороссійскихъ[1]). Возвышающаяся торговая дѣятельность на китайской границѣ, въ Оренбургѣ, Казани и Нижнемъ-Новгородѣ была поводомъ постоянныхъ попеченій объ устройствѣ ямовъ въ Сибири, до самой Камчатки и китайской границы и о содержаніи упомянутыхъ пунктовъ съ Москвою и прочею системою почтъ, посредствомъ особыхъ почтовыхъ курсовъ. Такъ-какъ въ мѣстахъ этихъ для пріохоченія къ запискѣ въ ямщики даны имъ особенныя льготы, то, при другихъ благопріятствовавшихъ обстоятельствахъ, по нѣкоторымъ изъ сихъ трактовъ ходъ почтъ началъ быть правильнѣе[2]). Вообще ямщики вновь переписаны и съ каждой выти (28 душъ м. п.) обязаны были содержать по три лошади; гдѣ ямовъ не учредилось, тамъ предполагалось отдать содержаніе станцій на подрядъ; впрочемъ охотники еще не являлись[3]). Въ предупрежденіе злоупотребленій при взиманіи почтовыхъ лошадей количество ихъ опредѣлено было по чинамъ особымъ росписаніемъ, которое долженствовало находиться на каждой станціи, а выдача подорожныхъ по казенной надобности поручена одной Ямской Канцеляріи[4]). Въ самомъ образѣ укладки и пересылки мало по малу явились улучшенія и введена правильная сортировка корреспонденціи по трактамъ[5]). Почтовые сборы все еще были разнообразны, по различію мѣстъ и трактовъ; ибо хотя уже Петромъ В. сдѣлано было приготовленіе къ слiянію всѣхъ почтъ въ одно, но долго еще Рижскій, Виленскій и другіе тракты, по коимъ ходила иностранная почта, въ правахъ своихъ отличались отъ прочихъ. Вредъ, отъ того происходившій, былъ глубоко чувствуемъ, и Сенатъ еще подтвердилъ разрѣшеніе принимать на всѣхъ трактахъ частныя письма, и вмѣстѣ съ тѣмъ распространилъ на всю Имперію (исключая провинціи, состоявшія на особыхъ правахъ), взиманіе вѣсовыхъ:

---

[1]) 1733 Фев. 22 (6332). 1736 Фев. 11 (6888 и 6891), п. 9). 1736 Іюня 10 (6985). 1738 Авг. 26 (7641). 1740 Іюля 24 (8182).

[2]) 1731 Іюля 16 (5805). Инструкція Берингу 1733 Март. 16 (6351), п. 1 — 5. 1733 Апр. 21 (6376). 1752 Янв. 22 (9929). 1754 Сент. 27 (10302).

[3]) 1732 Мая 26 (6072). Инстр. посланнымъ для учиненія ревизіи 1743 Дек. 13 (8836) п. 24. 1752 Янв. 13 (9926).

[4]) Росписаніе 1723 Нояб. 24 (3855). 1728 Іюня 30 (5299). 1737 Нояб. 18 (7440). 1739 Окт. 23 (7926). 1742 Фев. 3 (8509).

[5]) 1758 Апр. 10 (10,821) и того жъ года Окт. 6 (10,884).

на каждыя 100 верстъ по деньгѣ съ золотника письма, съ посылокъ же по 5 копѣекъ съ фунта, а по два рубля съ пуда на тоже пространство. Прогоны же, которые послѣ Императора Петра увеличены были для нѣкоторыхъ мѣстъ, опять приведены въ прежнее положеніе; какъ за ямскія, такъ и за почтовыя лошади за возку почтъ и проѣзды по казенной надобности отъ Санктпетербурга до Новгорода по копѣйкѣ, а оттуда до Москвы по деньгѣ съ лошади на версту. а въ прочихъ мѣстахъ по алтыну на 10 верстъ съ подводы; а по своей надобности—вдвое[1]). Что дѣйствительно почтовые обороты начали быть живѣе и доходъ почтовый увеличился, это видно изъ того, что уже при Императорѣ Петрѣ предполагалось издержки на почтовое управленіе покрывать изъ почтовыхъ сборовъ и что по Петербургскому тракту уже ощущаема была нужда въ приличныхъ помѣщеніяхъ для почтовыхъ станцій, вслѣдствіе чего почтовое начальство представляло о постройкѣ, на счетъ Ямской Канцеляріи, между Санктпетербургомъ и Москвою станціонныхъ домовъ, въ коихъ могли бы содержаться гостинницы со всѣми удобствами для проѣзжающихъ[2]).

§ 11.

Если при всѣхъ такихъ дѣйствіяхъ правительства учрежденіе почтъ во многомъ еще не удовлетворяло всѣмъ требованіямъ и не получило вообще надлежащаго повсемѣстнаго расширенія, то причинъ этому надобно искать исключительно только въ слѣдующихъ существенныхъ обстоятельствахъ: 1) Возка почтъ должна была производиться только ямщиками; но таковыхъ во многихъ мѣстахъ вовсе не существовало, такъ что на многія станціи наряжаемы были обывательскія лошади; это вело за собою множество неисправностей и замедленій въ ходѣ почтъ и частыя стѣсненія для самихъ крестьянъ. 2) Почтовые тракты находились въ самомъ худомъ положеніи: направленіе ихъ, совокупленіе и разъединеніе въ извѣстныхъ пунктахъ не было правильно; ко многимъ же мѣстамъ ихъ и проведено не было, такъ-что очень многіе пункты оставались безъ всякаго почтоваго сообщенія, какъ между собою, такъ и съ главнѣйшими пунктами въ Имперіи. 3) Отъ несовершенной безопасности дорогъ и того обстоятельства, что не было еще уста-

---

[1]) 1736 Іюня 11 (6987). 1752 Янв. 22 (9929). 1760 Декаб. 23 (11176). Въ Лифляндіи и Эстляндіи впрочемъ прогоны оставлены на прежнемъ основаніи.

[2]) 1725 Мар. 2 (4671) п. 16. 1727 Декаб. 19 (5208) п. 3. 1762 Іюня 6 (11,565) и 1765 Дек. 31 (12,539).

ковлено страховыхъ денегъ, а слѣдовательно при случавшихся разграбленіяхъ пересылаемыхъ по почтѣ денежныхъ суммъ и драгоцѣнныхъ вещей трудно и почти невозможно было получить отъ почтоваго начальства вознагражденіе, самое употребленіе почтъ не достигло еще большихъ размѣровъ, а потому и почтовые доходы, на кои можно бы сдѣлать многія улучшенія, еще едва были достаточны на издержки одного управленія. 4) Самое наконецъ отсутствіе общихъ правилъ для почтовыхъ дѣйствій, недостатокъ единства въ тарифѣ и общей организаціи почтъ имѣло неблагопріятное вліяніе на ихъ успѣхи. Исправить всѣ сіи неудобства составляло задачу, которая въ большей части съ прекраснѣйшимъ успѣхомъ, соотвѣтственно тогдашнему положенію почтъ въ прочихъ европейскихъ государствахъ, разрѣшена была въ царствованіе Императрицы Екатерины; такъ-что въ исторіи почтовыхъ учрежденій, не менѣе какъ и во многихъ другихъ отрасляхъ государственнаго благоустройства, законодательство ея составляетъ эпоху.

§ 12.

Главный переворотъ, который произведенъ былъ Императрицею, относится къ способу исправленія почтовой повинности. По тракту отъ Санктпетербурга до Нарвы, гдѣ по неимѣнію ямщиковъ лошади на станціи поставляемы были окрестными селеніями (съ 315 душъ по одной лошади), само собою произошло обыкновеніе, что жители замѣнили поставку лошадей въ натурѣ, наймомъ особенныхъ промышленниковъ, которые, получая по 65 рублей на лошадь, содержали уже станціи на свой счетъ. Это подало мысль къ повсемѣстному введенію подобной системы. Какъ по сему тракту, такъ и въ Псковской, Могилевской, Полоцкой, Смоленской, Санктпетербургской, Олонецкой, Харьковской, Виленской, Слонимской, Минской, Подольской, Волынской и Брацлавской губерніяхъ содержаніе станцій ямщиками и нарядомъ подводъ въ натурѣ вскорѣ отмѣнено, и предписано было отдавать ихъ въ содержаніе по договору людямъ всякаго званія, съ тѣмъ предположеніемъ, чтобы устройство такое вводимо было постепенно во всѣхъ прочихъ губерніяхъ. Чтобы имѣть средства къ платежу содержателямъ условленныхъ фуражныхъ денегъ, назначенъ ко взиманію со всѣхъ крестьянъ особенный денежный сборъ. Затѣмъ сословіе ямщиковъ совершенно уничтожено, и они уравнены во всѣхъ податяхъ и повинностяхъ (не исключая и рекрутской) съ прочими казенными крестьянами и переданы въ вѣдомство Казенныхъ Палатъ[1]). На основаніи учрежденія

[1]) Рекрутскій уставъ 1766 Сент. 29 (12,748) п. 1. 1770

почтовой части въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, которое именно служило образцемъ во всѣхъ сихъ преобразованіяхъ, въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ содержались почтовыя лошади, долженъ былъ находиться построенный по изданнымъ планамъ почтовый домъ, въ губернскихъ городахъ именоваться почтамтомъ, въ уѣздныхъ же и другихъ городахъ — почтовымъ дворомъ, а въ прочихъ мѣстахъ — станціею. Общій срокъ для содержанія постановленъ 15 лѣтъ; для почтамтовъ же неограниченный. Къ торгамъ допускались помѣщики въ ихъ имѣніяхъ и всякія другія лица, представлявшія въ исправности своей обезпеченіе, и станція оставалась за тѣмъ, кто всѣхъ менѣе требовалъ на лошадь фуражныхъ денегъ. Содержатели, именуясь въ городахъ почтмейстерами, а на прочихъ станціяхъ почтовыми комиссарами, и исправляя обязанности сихъ чиновниковъ, должны были имѣть на каждой станціи опредѣленное количество лошадей, проводниковъ и построенныхъ по даннымъ образцамъ повозокъ, саней и пр.[1]), съ правомъ содержать для проѣзжающихъ кушанье и напитки. Почты обыкновенныя содержатели долженствовали возить безъ прогоновъ, исключая по дорогамъ между уѣздными городами и вообще по такимъ, на коихъ по малому проѣзду частныхъ лицъ и эстафетъ доходъ ихъ былъ бы чрезвычайно малъ; съ эстафетъ же и курьеровъ, равно какъ и частныхъ проѣзжающихъ, они взимали прогоны въ свою пользу. Вмѣстѣ съ симъ даны подробныя правила пріема, записки, въ книги, укладки, отправленія, осмотра на дорогѣ и раздачи корреспонденціи во всѣхъ этихъ почтовыхъ мѣстахъ и присовокуплены формы письмоводства[2]). Вообще генералъ-губернаторамъ предписано стараться объ учрежденіи на томъ же основаніи

Мар. 22 (13435). Учрежденіе почтовой части въ бѣлорусскихъ губерніяхъ. 1772 Ноября 23 (13, 911). 1780 Мая 21 (16,015). 1782 Февраля 10 (15,340 и 15,341). 1783 Окт. 18 (15,851). 1784 Іюня 8 ,(16,012). 1790 Нояб. 2 (16,916). 1795 Сент. 5 (17,382). 1796 Окт. 29 (17,925).

[1]) Нѣкоторыя черты этого учрежденія почтовой части въ бѣлорусскихъ губерніяхъ такъ сходны съ существовавшимъ въ то время во Франціи почтовымъ устройствомъ, что кажется, будто первая мысль такихъ преобразованій заимствована была изъ этой страны. По крайней мѣрѣ соединеніе въ одномъ лицѣ званій почтсодержателя и почтмейстера существовало тогда въ одной Франціи.

[2]) 1769 Дек. 30 (13,400); приведенные выше учрежденіе почтовой части въ бѣлорусс. губ. и ук. 1770 Мар 22 и 1784 Іюня 8.

почтъ между губернскими и уѣздными городами. Между тѣмъ сибирская почта приведена въ лучшее состояніе, положено начало почтовому сообщенію съ Кавказомъ, также съ Константинополемъ, какъ сухимъ путемъ, такъ и посредствомъ пакетботовъ изъ Херсона, и предполагалось, безъ уничтоженія хода заграничной почты чрезъ Ригу, устроить еще другой курсъ чрезъ Вѣну[1]).

Другой важный предметъ, на который Императрица обратила особенное вниманіе, были почтовые тракты. Для приведенія ихъ въ правильную систему и споспѣшествованія самому учрежденію почтъ всѣмъ генералъ-губернаторамъ предписано было доставить въ Сенатъ планы существующихъ дорогъ и росписанія станцій, подробныя свѣдѣнія о ямщикахъ, почтовыхъ домахъ, гдѣ таковые существовали, почтовыхъ таксахъ—вообще обо всемъ, относящемся къ этой части, и по взаимномъ между собою сношеніи присовокупить свое мнѣніе о томъ, что надобно сдѣлать для самаго прямого и правильнаго продолженія дорогъ по всему государству[2]). Но вмѣстѣ со всѣми этими перемѣнами и почтовыя таксы были противъ прежняго возвышены, почти удвоены—*«для споспѣшествованія въ со-«держаніи почтъ»*. За почтовыя лошади назначено прогоновъ по копѣйкѣ на версту, а за ямскія доколѣ онѣ еще не были отмѣнены, между столицами и по нѣкоторымъ другимъ важнѣйшимъ трактамъ по-стольку же, а по прочимъ, гдѣ дотолѣ платилось по 3 копѣйки, по 6 копѣекъ на 10 верстъ за каждую лошадь; вѣсовыхъ съ писемъ на 100 верстъ по 2 копѣйки съ лота. За то уже тарифъ этотъ былъ единообразный на всю Имперію, что окончательно уничтожило всякое различіе между нѣмецкими почтами, ямщиками и ординарными почтами[3]). Но что въ особенности важно по отношенію къ

---

[1]) 1781 Мар. 1 (15,127). Авг. 25 (1529. Іюня 26 (15,193). п. 3, 1783 Апрѣля 4 (15,707). 1785 Мая. 9 (16,194). п. 10. 1795 Сент. 5 (17,382). и 1796 Окт. 29 (17,525).

[2]) 1781 Окт. 26 (15,265). Имянный ук. ко всѣмъ Генер. - Губ. 1782 Янв. 13. (15,323).

[3]) 1775 Іюня 16 (14,335). 1775 Августа 24 (14.362). 1778 Мая 5 (14,744). 1783 Ноября 14 (15,895). Ук. 1790 Апр. 5 (16,848). Изъ указа 1766 Іюня 7 (12,691) видно, какъ сильно чувствуемъ былъ тогда вредъ отъ раздѣленія почтовыхъ курсовъ на ямскіе и собственно почтовые и отъ неизбѣжнаго при томъ различія въ таксахъ. По случаю учрежденія почты отъ Новгорода до Смоленска предписывается этимъ указомъ, чтобы по оной отправляемы были и частныя письма и посылки и прибавляется, *«что пріемъ въ Ямской*

почтовому тарифу, — это введеніе страховыхъ денегъ. Для предупрежденія убытковъ почтовому начальству, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обезпеченія посылателей отъ потерь, первоначально предполагалось подаваемыя на почту деньги оставлять въ конторѣ, а только пересылать на имя получателей нарочно для этого установленные переводные билеты Ассигнаціоннаго Банка и его конторъ, или просто переводные вексели на уѣздныя казначейства; но устройство такое не было и не могло быть признано удобнымъ. И потому для составленія ассекураціоннаго капитала предписано, при пересылкѣ всякаго рода денегъ, сверхъ вѣсовыхъ взимать еще по $\frac{1}{2}\frac{0}{0}$ страховыхъ и по-стольку же съ объявляемой цѣны посылокъ [1]). Замѣтимъ наконецъ, что Императрица въ первый разъ начала смотрѣть на почты съ финансовой стороны — явленіе, важное въ исторіи почтоваго законодательства, ибо показываетъ, что почты, дошедши въ это время до значительной общеупотребительности, вмѣстѣ съ тѣмъ стали получать характеръ финансовой регаліи [2]). Кромѣ того Императрица имѣла намѣреніе издать общій почтовый уставъ, что̀, хотя выражено во многихъ приведенныхъ узаконеніяхъ, осталось однакожъ неисполненнымъ.

«*Канцелярія партикулярныхъ писемъ и отправленіе ихъ от-* «*туда не только къ приращенію казны не служитъ, но паче* «*убытокъ отъ того казнѣ послѣдовать можетъ*»; потому-что въ каждомъ почтовомъ мѣстѣ была бы двоякая такса съ писемъ, по различію ихъ отправленія на ямскихъ или на почтовыхъ лошадяхъ: одна по деньгѣ, другая по 2 копѣйки съ золотника; и по различію того, дворянскія ли или купеческія письма отправляются, что̀ можетъ подавать поводъ къ злоупотребленіямъ; и что «*показанное въ доношеніи Ямской Кан-* «*целяріи различіе между купеческими и дворянскими письмами* «......*весьма вредно*.......*ибо нужна, какъ вездѣ ведется,* «*единообразная такса*».

[1]) 1783 Мар. 7 (15,684). 1795 Іюля 13 (17,358).

[2]) Это выразилось какъ въ выше приведенномъ указѣ 1766 г., такъ и въ ук. 1782 Янв. 13 (15,323) въ слѣдующихъ словахъ: «*настоящее Всероссійской Имперіи раздѣленіе на губер-* «*ніи, умноженіе губернскихъ и уѣздныхъ городовъ и приращенія* «*внѣшней и внутренней торговли и оборотовъ поставляетъ Го-* «*сударство Наше въ необходимость имѣть порядочныя почты,* «*которыя могли бы облегчать между всѣми мѣстами сообще-* «*ніе, заимствуя отъ себя содержаніе свое и со временемъ при-* «*совокупляя нѣкоторые и для казны доходы*».

§ 13.

Перемѣны, произведенныя въ почтовомъ устройствѣ законодательствомъ Императрицы Екатерины II, въ самомъ существѣ своемъ заключали элементы дальнѣйшаго въ томъ же духѣ развитія и дѣйствительно, съ нѣкоторыми измѣненіями, со временемъ сдѣлавшимися необходимыми, могутъ быть почитаемы основаніемъ нынѣшняго положенія почтовой части въ Россіи. Измѣненія, при Императорѣ Павлѣ происшедшія, относились главнымъ образомъ къ формѣ почтовой повинности. Сословіе ямщиковъ возстановлено было съ прежними правами и обязанностями, но отъ рекрутской повинности не освобождено, денежный сборъ на почты повсемѣстно отмѣненъ, и въ мѣстахъ, гдѣ не оказалось ямщиковъ, лошадей на станціи повелѣно было наряжать съ городовъ и уѣздовъ или въ натурѣ, или съ предоставленіемъ самимъ жителямъ заботиться о наймѣ за себя, кого и на какихъ условіяхъ захотятъ. Для опредѣленія, сколько лошадей съ принадлежностію имѣло быть поставляемо на станціи отъ всякаго города и селенія, предписано губернскимъ начальствамъ въ совокупности съ предводителями дворянства составить особенныя росписанія; содержателей же почтовыхъ станцій, которымъ еще не кончились сроки, разсчитать, удовольствовать въ слѣдующей имъ суммѣ и отставить[1]). Ямщики дѣйствительно въ мѣстахъ своего жительства стали исправлять гоньбу: но невидно, была ли отмѣна сбора приведена въ исполненіе; а если гдѣ нибудь это и совершилось, то оно не помѣшало появленію вскорѣ послѣ того поставки лошадей, гдѣ не было ямщиковъ по подряду, на счетъ денежныхъ земскихъ повинностей, хотя впрочемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поставка лошадей въ натурѣ отъ податныхъ сословій сохранилась еще до 1820 года. Разумѣется, что при этомъ соединеніе въ одномъ лицѣ званій почтмейстера и почтсодержателя не было возобновлено.

§ 14.

Въ первые годы своего царствованія Императоръ Александръ Высочайше повелѣть соизволилъ генералъ-прокурору составить для разсмотрѣнія состоянія почтъ въ государствѣ особенный комитетъ, предметами занятій котораго постановлены: 1) составить удобнѣйшее положеніе для почтъ; 2) разсмотрѣть, нѣтъ ли излишнихъ и къ одному отягощенію жителей служащихъ дорогъ и 3) войти въ

---

[1]) 1799 Янв. 10 (17,721). Янв. 17 (17.744). Іюля 16 (18,048) и 1799 Мая 30 (18,983) и въ общ. прилож. къ т. XL.

настоящую потребность на станціяхъ лошадей и въ разсмотрѣніе, не превышаетъ ли гдѣ-либо количество ихъ дѣйствительную нужду [1]). При семъ Императоръ намѣренія свои касательно способа исправленія почтовой повинности выразилъ положительнымъ образомъ въ пользу ямщиковъ (*«Состояніе ямщиковъ считаю Я къ лучшей «удобности по сей части нужнымъ и переводъ ихъ въ общее по«ложеніе казенныхъ крестьянъ вреднымъ»*). А между тѣмъ Сенату предписано въ числѣ приготовительныхъ свѣдѣній, собираемыхъ для произведенія уравненія земскихъ повинностей въ цѣлой Имперіи (что въ 1805 г. возложено было на образованный изъ сенаторовъ особый комитетъ) [2]), вытребовать изъ всѣхъ губерній, по даннымъ формамъ, въ статьѣ о сборѣ на содержаніе почтовыхъ лошадей, свѣдѣнія о его величинѣ и способѣ взиманія, о томъ, кто поставляетъ лошадей, гдѣ и какъ на сіе заключаются контракты и т. п.; за тѣмъ сообразить, нельзя ли ихъ привести въ повсемѣстное уравненіе и единообразіе сроковъ, начертать о семъ общее положеніе, которое представить на усмотрѣніе Государя [3]); въ исполненіе сего послать отъ Сената во всѣмъ губернаторамъ циркулярный указъ [4]). Въ 1809 г. почтовой комитетъ представилъ свои планы и мнѣнія, которыя для обсужденія переданы особому комитету. Но когда почты окончательно въ 1810 г. причислены къ вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ, то ему опять поручено было по собраніи нужныхъ свѣдѣній начертать правила объ улучшеніи устройства почтовой повинности, которая, какъ выражено въ указѣ, *«въ настоящемъ «ея расположеніи весьма неуравнительна, а въ образѣ ея отправленія поль«замъ разныхъ состояній несоразмѣрна»* [5]). Министерство въ проэктѣ своемъ предлагало содержать почты изъ однихъ только прогоновъ, и въ 1813 году сдѣланъ былъ по оному опытъ въ литовскихъ губерніяхъ, но по неимѣнію желаемаго успѣха онъ остался безъ дальнѣйшаго исполненія [6]). Такимъ образомъ повинность почтовая и донынѣ остается въ такомъ же положеніи, въ какомъ была въ началѣ нынѣшняго столѣтія, именно въ двухъ видахъ: она исправляется въ натурѣ и денежнымъ сборомъ. Въ первомъ видѣ она лежитъ на ямщикахъ, кои нынѣ

---

[1]) 1802 Апр. 24 (20,241), Апр. 27 (20,247).
[2]) 1805 Мая 1 (21,736).
[3]) 1802 Іюля 24 (20,344).
[4]) 1802 Сент. 18 (20,421).
[5]) 1809 Авг. 31 (23,819). 1810 Мая 3 (24,212) п. 1.
[6]) Это видно изъ Сенатскаго указа о правилахъ отправленія почтовой повинности въ Бѣлостокской области 1823 Іюля 16 (29,542).

остались почти на одномъ только трактѣ между столицами, гдѣ переходъ имъ въ другія состоянія воспрещенъ и гдѣ нѣкоторые изъ нихъ по прежнимъ грамотамъ освобождены отъ рекрутской повинности и получили позволеніе отправлять ямскую повинность наймомъ съ уплатою для сего особеннаго сбора, въ другихъ же мѣстахъ[1]), вслѣдствіе полученнаго въ 1824 г. разрѣшенія, они большею частію переписались въ казенные крестьяне, мѣщанство и купечество и вошли въ общую раскладку земскихъ повинностей[2]). Въ послѣднемъ видѣ повинность эта лежитъ на податныхъ состояніяхъ, отнесена къ числу общихъ денежныхъ земскихъ повинностей въ каждой губерніи и сборъ по ней, по предварительнымъ общимъ смѣтамъ, взимается съ подлежащаго ему класса народа, и на сборъ этотъ уже производится содержаніе почтовыхъ станцій подрядомъ[3]). Такое же устройство введено и еще вводится постепенно и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ почты имѣли особенное образованіе, какъ въ малороссійскихъ и остзейскихъ губерніяхъ (въ послѣднихъ впрочемъ съ нѣкоторыми отличіями), въ Грузіи и за Кавказомъ[4]).

§ 15.

Но вмѣстѣ съ этимъ облегченіе тяжести почтовой повинности было постоянною цѣлью попеченій правительства. Для этого избраны слѣдующія средства: 1) стараніе вообще о пониженіи подрядныхъ цѣнъ и платы содержателямъ станцій; 2) возвышеніе почтоваго тарифа относительно прогоновъ, которое и содержателямъ дало бы возможность уменьшить свои требованія; 3) приведеніе въ лучшее, сколько можно, правильное положеніе дорогъ; къ сему присовокупились наконецъ 4) возбужденіе частной конкурренціи въ доставленіи способовъ для разъѣздовъ частныхъ лицъ и установленіе вольныхъ почтъ.

Намѣренія эти обнаруживаются какъ въ узаконеніяхъ, собствен-

---

[1]) 1815 Августа 23 (25,925). Іюня 3 (29,979). 1825 Іюля 26 (30,262). Высоч. указъ 1826 Мар. 2 (179). Высоч. ук. 1834 Дек. 12 (7658). Высоч. ук. 1838 Іюня 14 (11,328).

[2]) Ср. узак., привед. въ прим. предыдущаго §

[3]) 1800 Мая 19 (19,422). Положеніе о земскихъ повинностяхъ сибирскихъ губерній 1822 Іюля 22 (29,132). 1810 Нояб. 16 (24,428). 1816 Іюня 14 (26,316) Дек. 22 (26,571). 1820 Апр. 26 (28,258) и 1823 Іюля 16 (29,542).

[4]) Высоч. указы 1826 Іюня 22 (418). 1828 Нояб. 13 (24,247). 1830 Января 28 (3451). 1833 Ноября 8 (6861) и 1835 Дек. 22 (9798).

но къ почтовой части относящихся, такъ и вообще въ тѣхъ благотворныхъ мѣрахъ, которыя въ нынѣшнемъ столѣтіи предпринимало правительство для увеличенія народнаго благосостоянія. Съ этою цѣлію комитетъ для уравненія земскихъ повинностей, закрытый манифестомъ 1810 г. Февраля 2 дня, возобновленъ въ 1816 и существовалъ до 1820 г., въ которомъ окончилъ возложенныя на него порученія[1]). Губернаторамъ предписано стараться всѣми мѣрами о пониженіи цѣнъ при торгахъ на станціи: и дѣйствительно въ одно трехлѣтіе, съ 1825—27 годъ, содержаніе почтъ вообще стоило 2,393,526 рублями меньше прежняго; а въ однихъ 8 дорогихъ губерніяхъ пониженіе это дошло въ этомъ трехлѣтіи до 2,791,197 р.[2]) Для увеличенія средствъ къ улучшенію дорогъ установленный Императоромъ Павломъ сборъ поверстныхъ (по копейкѣ на версту съ лошади) съ подорожныхъ по частной надобности передавъ въ вѣденіе учрежденной въ началѣ царствованія Императора Александра Экспедиціи объ устроеніи въ государствѣ дорогъ, и хотя онъ, бывъ въ 1812 году увеличенъ вдвое, въ то же время переданъ въ распоряженіе Коммиссіи погашенія государственныхъ долговъ для усиленія ея средствъ, тѣмъ не менѣе однакожь приведеніе дорогъ въ надлежащее положеніе не было оставлено правительствомъ безъ вниманія. Многіе тракты въ направленіяхъ своихъ исправлены, въ особенности въ новороссійскомъ краѣ и Таурогенскій. Въ 1812 г. учреждены въ губерніяхъ комитеты для разсмотрѣнія положенія дорогъ и улучшенія ихъ, а въ 1833 г. утверждены правила о ихъ содержаніи; между столицами и по нѣкоторымъ другимъ трактамъ устроены шоссе и, вслѣдствіе представленнаго комитетомъ для учрежденія губернскихъ шоссе и въ 1834 г. Высочайше утвержденнаго положенія, приступлено рѣшительно къ постепенному исполненію сего благого дѣла со введеніемъ на шоссе (первоначально между столицами) новаго, улучшеннаго вида бричекъ и почтовыхъ каретъ[3]). Наконецъ въ 1836 г. положено начало желѣзнымъ дорогамъ[4]), которыя въ настоящее время уже

---

[1]) 1816 Іюля 29 (26,377). 1820 Янв. 2 (280,711).

[2]) 1826 Мая 22 (355).

[3]) 1798 Апр. 3 (18,471). 1803 Нояб. 13 (21,027). 1818 Фев. 11 (24,992). 1829 Іюля 16 (2992). Нояб. 26 (3301). 1830 Іюля 7 (3781). 1833 Марта 24 (6096). Іюля 12 (6316). 1834 Фев. 12 (6801). 1835 Апрѣля 14 (8057). 1837 Января 3 (9834). Журналъ Мин. Внутр. Дѣлъ 1840 Февраль N° 2, стр. 141.

[4]) Высоч. утвержд. полож. объ учрежденіи общества акціоне-

получили значительное расширеніе съ устройствомъ такого сообщенія между столицами. Что касается до почтоваго тарифа, то увеличеніе прогоновъ сдѣлано было для споспѣшествованія содержанію по введенной системѣ почтъ въ государствѣ, что выражено ясно во всѣхъ узаконеніяхъ объ этомъ предметѣ и доказывается всего лучше назначеніемъ (1807 г.) платежа прогоновъ содержателямъ станцій даже за возку почтъ [1]). Возвышеніе же вѣсовыхъ, будучи уже отчасти необходимо для покрытія возраставшихъ постоянно издержекъ и исполненія предначертываемыхъ въ почтовомъ устройствѣ улучшеній, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣло причиною попеченія правительства о составленіи капитала для погашенія возросшихъ значительно въ началѣ нынѣшняго вѣка государственныхъ долговъ [2]).

ровъ для сооруженія желѣзной дороги отъ Санктпетербурга до Царскаго Села и Павловска 1836 Мар. 21 (9009).

[1]) Платежъ прогоновъ за возку почтъ, какъ видно изъ указовъ 1806 Декаб. 29 (22,413) и 1807 Мар. 15, существовалъ по нѣкоторымъ трактамъ, можетъ быть, уже при Императрицѣ Екатеринѣ II, хотя сего въ указаніяхъ того времени ясно не значится. Въ 1797 году онъ вѣроятно съ приведеніемъ почтоваго устройства въ положеніе, бывшее до Императрицы, былъ отмѣненъ, а въ 1807 опять возстановленъ по всему государству.

[2]) Въ докладѣ министра Внутр. Дѣлъ 1807 Апр. 17 (22,514) изображено: *«уваживъ, что почтовые доходы по существу своему «составляютъ такую же вѣтвь общаго государственнаго хозяйства, какъ и всѣ прочіе доходы, что убытокъ сего дохода, за «удовлетвореніемъ издержекъ, особенно ему предназначенныхъ, «долженъ входить въ общій составъ суммъ, государственному «казначейству принадлежащихъ, и что правило сіе, вообще справедливое, въ настоящихъ военныхъ обстоятельствахъ, когда «казначейству предлежатъ весьма важныя издержки, тѣмъ съ «большею правильностію должно быть приведено въ дѣйствіе, «Ваше Императорское Величество повелѣть соизволили, «..... чтобы на будущее время всѣ остатки почтовыхъ до«ходовъ ежегодно были въ оное* (госуд. казначейство) *обращае«мы»*. Въ манифестѣ же о преобразованіи Коммиссіи погашенія государственныхъ долговъ 1812 Фев. 11 (22,413), гл. IV. § 26 ст. 6, для усиленія ея средствъ предположено было почтовые сборы съ писемъ и посылокъ увеличить по положенію, которое вскорѣ за тѣмъ долженствовало быть издано и по которому *«имѣла почтовая гоньба устроиться на лучшихъ и удобнѣйшихъ правилахъ»*.

§ 16.

Увеличеніе прогоновъ происходило въ слѣдующей прогрессіи. Вслѣдствіе частныхъ въ разныя времена повышеній и общаго наконецъ въ 1812 г. (Мая 4) постановленія, по трактамъ бѣлорусскому, лифляндскому, ярославскому и въ новороссійскихъ губерніяхъ взималось на версту за каждую лошадь по 5 копѣекъ; по прочимъ трактамъ — по 3 копѣйки; за исключеніемъ впрочемъ прогоновъ за возку почтъ, кои по указу 1813 г. Сентября 30 д. (25,462) оставались на прежнемъ основаніи[1]). Въ 1818 году уже назначено на первыхъ трактахъ, а въ 1824 г. и отъ Вильны до Митавы, взимать по 8, на прочихъ по 5, на первыхъ же станціяхъ отъ столицъ по 10 копѣекъ, и по-стольку же брать за возку эстафетъ. Съ 1819 г. и за возку почтъ постановлено платить по сему же размѣру, исключая содержателей, контрактамъ которыхъ не истекли сроки и для коихъ до того времени сохраненъ былъ прежній тарифъ[2]). Въ недавнее время къ сему еще въ пользу почтовыхъ содержателей присовокупленъ по примѣру вольныхъ почтъ сборъ съ проѣзжающихъ по своимъ надобностямъ за возку или за подмазку собственныхъ экипажей, гдѣ она произведена[3]). Вѣсовыя же деньги и страховыя для внутреннихъ почтовыхъ пересылокъ, во уваженіе того, что *«по пространству Россіи должно, сколь«ко можно болѣе, стараться облегчать сношенія съ дальними городами»*, въ 1807 г. приняли слѣдующій видъ: съ лота простого письма и фунта посылки за первыя 100 верстъ 6 копѣекъ; къ сему за каждыя 100 верстъ до 1500 прибавлялось по 2 копѣйки, за каждыя 100 верстъ выше сего по 1 копѣйкѣ до 3000 верстъ, выше коихъ, такса оставалась таже, что̀ и за 3000 в. (т. е. самая большая такса составляла 50 копѣекъ, тогда-какъ по прежнему тарифу (за каждыя 100 верстъ по 2 копѣйки), такса простого письма отъ Санктпетербурга до Иркутска была 1 рубль 19 копѣекъ). За пересылку документовъ, денегъ и простыхъ писемъ, кои посылатели страховать пожелали бы, вѣсовыя были двойныя, а по указу 1811 г. тройныя; кромѣ того съ пересылаемыхъ денегъ и съ цѣны посылокъ страховыя (кои по прежнему установленію, будучи низкими вообще, въ особенности не соотвѣтствовали увеличенію страха съ

---

[1]) 1806 Нояб. 13 (22,350), Декаб. 29 (22,413) и 1817 Мая 4 (25,101).

[2]) 1818 Іюня 26 (27,389 и 27,391). 1818 Декаб. 27 (27,597) и 1824 Фев. 15 (29,794).

[3]) Высоч. указъ 1837 Нояб. 3 (10.654).

увеличеніемъ пространства) до 500 верстъ составляли $\frac{1}{8}$, а выше сего $1\frac{0}{8}$[1]). Въ 1818 г. такса сія по отношенію къ вѣсовымъ удвоена: отъ 1 — 100 верстъ 12 копѣекъ; за каждыя 100 верстъ выше сего до 1600 прибавлялось по 4 копѣйки, а выше сего до 3100 верстъ, за каждыя 100 в. по 2 к., такъ что за 3100 верстъ выходилъ рубль, больше котораго уже не взималось, какъ бы ни увеличилось пространство. Хотя здѣсь постановлено было съ фунта посылки (кромѣ громоздкихъ вещей и звонкой монеты) вѣсовыя взимать какъ за 2 лота письма, однакожь это отмѣнено въ 1821 г., и фунтъ посылки и звонкой монеты уравненъ лоту письма, вѣсовыя съ документовъ, денежныхъ и страховыхъ пакетовъ остались только двойныя, а страховыя на прежнемъ основаніи[2]). Затѣмъ въ 1830 г., хотя, собственно говоря, величина таксъ не уменьшена, онѣ расположены на большія противъ прежнихъ пространства и въ сравненіи съ прежними на отдаленныя мѣста стали гораздо легче. Прежнее раздробительное росписаніе замѣнено въ этомъ году слѣдующимъ: за всякій лотъ письма и фунтъ посылки постановлено взимать:

отъ	100	—	250	верстъ	20	коп.
»	251	—	500	»	30	»
»	251	—	750	»	40	»
»	751	—	1000	»	50	»
»	1001	—	1250	»	60	»
»	1251	—	1500	»	70	»
»	1501	—	1750	»	80	»
»	1751	—	2000	»	90	»
»	2001	—	2250	»	94	»
»	2251	—	2500	»	96	»
»	2501	—	2750	»	98	»

За 2751 и за всякое дальнѣйшее разстояніе 100 копѣекъ. Въ одной губерніи сборъ съ простого письма, не смотря на разстояніе, 20 копѣекъ; съ документовъ и страховыхъ пакетовъ—вѣсовыя двойныя; страховыя оставлены тѣже; во вниманіе берется разстояніе до губернскаго города той губерніи, куда письмо адресовано[3]). Въ 1839 году почтовый тарифъ, бывъ оставленъ неизмѣннымъ въ главныхъ своихъ основаніяхъ, получилъ по отношенію къ частностямъ еще болѣе простоты; minimum таксы положено 5 коп. сер., а maximum 25 коп. сер., чѣмъ сдѣлано важное облегченіе для сношеній между мѣстами, отдаленными другъ отъ друга болѣе чѣмъ на 1800

[1]) 1807 Апр. 17 (22,514) и 1811 Нояб. 5 (24,855).
[2]) 1818 Дек. 28 (27,599). 1821 Фев. 2 (28,539).
[3]) 1830 Іюня 4 (3690).

верстъ. Вообще не только таксы въ общемъ своемъ расположеніи по этому тарифу сдѣлались легче, но и въ особенности при переложеніи его на серебро цѣны на многія губерніи еще понизились. Замѣтимъ, что такое измѣненіе въ таксахъ имѣло на скорость расчетовъ при пріемѣ корреспонденціи важное вліяніе: ибо вмѣсто существовавшихъ прежде по числу городовъ 700 цѣнъ, теперь сдѣлано было по числу губерній только 52 [1]). Наконецъ Именнымъ Е. И. В. указомъ 30 Іюня 1843 (распуб. 28 Іюля) установлена единообразная плата за письма на всѣ разстоянія Россійской Имперіи и В. К. Финляндскаго [2]). Съ 1 Янв. 1844 г. положено взимать

---

[1]) Журналъ Мин. Внутр. Дѣлъ 1840, Февраль № 2, стр. 140, 141.

[2]) Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ о соотвѣтственномъ явленіи въ области почтоваго законодательства Англіи, касающемся преимущественно почтовой таксы. Почтовыя таксы, возвысившись въ Англіи (особенно съ 1812) вдвое и даже втрое противъ прежнихъ тарифовъ, чрезвычайно были отяготительны для публики и подали поводъ къ самымъ хитрымъ и систематически обдуманнымъ подлогамъ. Обстоятельство сіе, соединенное со многими другими несообразностями въ англійскомъ тарифѣ, возбудило мысль объ исправленіи этой части англійскаго законодательства. Нѣкто г. Гиль (Hill) въ 1837 году напечаталъ брошюру, въ которой предлагалъ проэктъ пониженія таксы и устраненія другихъ неудобствъ въ почтовомъ англійскомъ устройствѣ. Ободренный всеобщимъ вниманіемъ, которое возбудила его мысль, онъ представилъ проэктъ свой законодательнымъ палатамъ, которыя передали его на разсмотрѣніе особенной коммиссіи и вслѣдствіе ея удостовѣреній признали удобоисполнимымъ и полезнымъ. Основываясь на томъ началѣ, что главныя почтовыя издержки, для пополненія которыхъ взимается съ писемъ такса, состоятъ въ содержаніи чиновниковъ для принятія и раздачи корреспонденціи и что въ сравненіи съ этими издержками пересылка стоитъ очень не много, Гиль предлагалъ точнымъ образомъ опредѣлить minimum вѣса простого письма, установить для взиманія съ него одну постоянную таксу въ 10 копѣекъ асс. (одинъ пенни) и не обращать вниманія на различіе въ отдаленности мѣстъ, въ которыя оно можетъ быть адресовано. Для вознагражденія же, неизбѣжнаго при семъ уменьшеніи почтоваго дохода, находилъ достаточнымъ сокращеніе издержекъ на содержаніе штатовъ для пріема и раздачи корреспон-

за письмо простое съ лота и менѣе лота 10 к. сер. во всѣ города Имперіи и В. К. Финляндскаго. За письмо страховое, съ билетами кредит. уст. и документами на гербовой бумагѣ, 20 к. сереб.

денціи и совѣтовалъ постановить, чтобы франкированіе писемъ было необходимо, и придумать для взиманія таксы какой-нибудь способъ, который бы какъ можно менѣе требовалъ рукъ и времени. Предположенія свои онъ подкрѣпилъ самыми убѣдительными фактическими доказательствами, и вычисленіями доказалъ, что уменьшеніе чистаго почтоваго дохода, въ первое время по пониженіи таксы послѣдовать могущее, безъ сомнѣнія уравновѣсится со временемъ чрезъ долженствующее непремѣнно произойти увеличеніе въ нѣсколько разъ массы корреспонденціи, не говоря уже о томъ, какъ благодѣтельны будутъ послѣдствія уменьшенія таксы въ отношеніи къ образованію, промышленности и самой нравственности народа. Чтобы оцѣнить всю смѣлость его расчетовъ, надобно замѣтить, что предполагаемое имъ пониженіе таксы составляло слишкомъ 80 процентовъ; слѣдовательно для полученія того же дохода съ почтъ надобно было, чтобы число писемъ, которое въ 1836 году составляло 170 милліоновъ, возвысилось до 300,100,000; ибо среднимъ числомъ чистый доходъ почтовой въ послѣдніе годы былъ около полутора милліона фунтовъ стерлинговъ.

По зрѣломъ обсужденіи и послѣ долгихъ преній проэктъ этотъ утвержденъ закономъ 17 Августа 1839 года. Съ 5 Декабря того же года положено было понизить таксы единообразно на всякія пространства до 4 пенсовъ, а съ Января 1840 года повсемѣстно введена уже постоянная 10-копѣечная система, съ совершенною отмѣною существовавшаго до того времени права членовъ парламента отправлять и получать по почтѣ извѣстное число писемъ и посылокъ безъ всякаго платежа. Подробности новой организаціи заключаются въ слѣдующемъ: для предупрежденія всякихъ несообразностей и подлоговъ и для упрощенія почтовыхъ дѣйствій при пріемѣ корреспонденціи установленъ законный форматъ и вѣсъ листа почтовой бумаги, отъ котораго не должны отступать фабриканты писчей бумаги; одинъ такой листъ съ кувертомъ (не превосходя вѣсомъ 7 граммъ) считается простымъ письмомъ, подлежащимъ единообразному платежу 10 копѣекъ. Способъ взиманія таксы совершенно оригиналенъ. Почтовое начальство заготовляетъ особенные куверты установленнаго, единообразнаго размѣра и вида, со штемпелемъ и другими предосторожностями противъ

За письмо и документы въ видѣ посылокъ въ новѣйшее время вѣсовый сборъ взимается на слѣдующемъ основаніи: отъ 1 — 300 верстъ 5 к. сер. съ фунта и съ документ. 10 к.,

300	— 800	— 10,	док.	20.
800	— 1100	— 15,	»	30.
1100	— 1800	— 20,	»	40.
1800	— и дал.	— 25,	»	50.

Сборъ страховыхъ денегъ указомъ 1843 года постановленъ слѣдующій: съ суммъ до 300 р. с. 1 коп. съ рубля,

отъ 300 — 600 р. 3 р. сер. со всей суммы,
» 600 — 1500 р. ½ к. сер. съ руб.,
» 1500 — 3000—7 р. 50 к. сер. со всей сум.
выше — 3000 р. сер. — по ¼ к. сер. съ рубля.

Съ 1 Дек. 1848 года введены въ Россіи особенные штемпелевые куверты для пересылки простой корреспонденціи во всѣ города Имперіи и В. К. Финляндскаго. Куверты сіи трехъ сортовъ: для писемъ въ одинъ лотъ цѣною въ 11 к. сер., для писемъ въ два лота 21

поддѣлки, и разсылаетъ ихъ во всѣ почтовыя мѣста для продажи, такъ-какъ письма не иначе принимаются на почту какъ въ такихъ кувертахъ. Почтовыя мѣста поручаютъ распродажу кувертовъ извѣстнымъ честностію мѣстнымъ жителямъ, дабы какъ можно облегчить всѣмъ ихъ пріобрѣтеніе. Продажная цѣна куверта, 10 копѣекъ, составляетъ именно почтовый сборъ, такъ что отдача писемъ происходитъ посредствомъ вложенія ихъ въ учрежденные въ разныхъ мѣстахъ города или селенія пріемные ящики, изъ которыхъ въ назначенное время собранную корреспонденцію вынимаютъ почтовые чиновники и отправляютъ обыкновеннымъ образомъ. Но такой способъ уплаты таксы относится только къ простымъ письмамъ, не заключающимъ болѣе листа бумаги; тѣ же, въ кои вложено болѣе этого количества бумаги, должны быть представляемы въ самое почтовое мѣсто и тамъ очищаемы таксою уже сообразно съ вѣсомъ. Возвышеніе таксы слѣдуетъ единообразно возвышенію вѣса. Контроль продажи кувертовъ и предосторожности противъ ихъ поддѣлки опредѣлены въ законѣ самымъ точнымъ образомъ*).

*) Болѣе подробностей объ этомъ предметѣ заключается: въ Revue Britannique 1848, Mai, N 29, въ статьѣ: „de l'administration des postes en France et en Angleterre", въ которой и изложенъ подробно проэктъ и доказательства Hill'a, и въ Deutsche Vierteljahrsschrift 1840, Januar,—März, N 38, статья: Postreform. Кое-что находится и въ Revue Brit. 1839 Février, N 38, въ статьѣ: „La Grande Brétagne en 1838", стр. 203—206, и въ M'Culloch: A Dictionary of commerce, New Supplement s. v. Post-office. — Впрочемъ нѣкоторые пункты описаны неясно.

коп., для писемъ въ три лота 31 к. сер.: въ томъ числѣ почтовыхъ по 10 к. за каждый лотъ и 1 к. сер. за кувертъ.

§ 17.

Устройство почтовыхъ домовъ для доставленія всевозможныхъ удобствъ проѣзжающимъ уже съ начала царствованія Императора Александра начало быть по возможности приводимо въ дѣйствіе, и въ послѣднее время сдѣланы значительные успѣхи. Первоначально для этого назначены были остатки изъ почтовыхъ доходовъ[1]), но въ послѣдствіи это отнесено на-счетъ денежныхъ земскихъ повинностей и возложено на особенное попеченіе начальниковъ губерній и губернскихъ предводителей дворянства. Для домовъ этихъ изданы были планы, въ послѣдствіи подвергшіеся исправленіямъ и также правила постройки и содержанія, съ раздѣленіемъ ихъ по различію станцій на разряды и назначеніемъ для надзора за ними особыхъ смотрителей[2]). Около этого же времени установлены постоянная разсылка подорожныхъ бланковъ, печатаемыхъ въ одной Сенатской типографіи, и контроль ихъ раздачи[3]) и изданы новыя росписанія о количествѣ лошадей по чинамъ, числу проѣзжающихъ и величинѣ экипажей и новый дорожникъ или почтъ-календарь съ полнымъ исчисленіемъ станцій и дорогъ во всей Имперіи (первый составленъ былъ еще въ 1801 г.)[4]). Между тѣмъ самыя почтовыя сношенія въ нынѣшнемъ столѣтіи значительно расширили свои размѣры и усилились въ скорости. Для перевозки почтъ изъ Охотска въ Камчатку построены пакетботы; въ закавказскихъ провинціяхъ открытъ между важнѣйшими пунктами постоянный ходъ почтъ[5]); вообще же между всѣми важнѣйшими пунктами въ государствѣ ходъ обыкновенныхъ почтъ сдѣлался чаще, по большей части вдвое противъ прежняго, и кромѣ того сношенія ускорены еще установленіемъ по нѣскольку разъ въ недѣлю хода экстра-

---

[1]) 1805 Іюня 17 (21,798). 1808 Мар. 10 (22,889). 1809 Мар. 9 (23,528).

[2]) 1817 Дек. 13 (27,180) п. 34. Высочайше утвержд. Полож. Ком. Мин. 1819 Декабря 30 (28,060). 1825 Іюня 11 (30,379). 1827 Нояб. 7 (1515). 1831 Февраля 11 (4357) п. 1. 1831 Іюня 4 (4628).

[3]) 1808 Авг. 17 (23,227). 1825 Іюня 30 (30,410).

[4]) 1808 Іюня 6 (23,068). 1824 Октября 18 (30,062). 1825 Фев. 17 (30,247) и Мая 25 (30,370).

[5]) 1803 Августа 11 (20,889) ст. 3. п. 1, 2. 1829 Мар. 12 (2728). 1830 Іюля 15 (3793) и Сент. 2 (3885).

почтъ, которыя нынѣ доставляютъ самое быстрое сообщеніе, какъ внутри Имперіи, такъ и съ иностранными европейскими государствами, посредствомъ приведенія въ соприкосновеніе этихъ экстра-почтъ съ Пруссіею и Австріею. Правительственныя сношенія съ мѣстами, чрезъ которыя не пролегаютъ почтовые тракты, облегчены посредствомъ учрежденія земской почты, для которой лошади содержатся по раскладкѣ между сельскими обывателями или подрядомъ тоже на счетъ денежныхъ земскихъ повинностей[1]). Устроенныя въ 1835 г. въ Санктпетербургѣ и въ 1845 году въ Москвѣ городскія почты отличнѣйшимъ образомъ удовлетворяютъ мѣстнымъ потребностямъ[2]). Вообще число мѣстъ для пріема корреспонденціи

---

[1]) 1824 Авг. 25 (30,034). 1827 Дек. 24 (1646). 1828 Апр. 10 (1832). 1833 Мая 13 (6203). 1833 Іюля 2 (6299). 1834 Янв. 17 (6729). 1837 Марта 24 (10,065). Высоч. утверж. пол. о земской почтѣ 1837 Іюня 3 (10,307).

[2]) Городскую почту въ Санктпетербургѣ позволено было завести въ видѣ опыта еще Высоч. утв. мнѣніемъ Госуд. Совѣта 1830 года Окт. 27. Она воспріяла свое начало 17 Января 1833 года, а въ 1835 г. существованіе ея утверждено въ прокъ. Платежъ назначенъ: 5 копѣекъ серебромъ съ писемъ, а 2¼ съ визитныхъ и пригласительныхъ билетовъ. Въ 1846 году плата за визитный билетъ понижена до 1¼ к. Пріемъ по городской почтѣ производится въ особенныхъ, назначенныхъ для сего лавочкахъ, а разноска (по 3 раза въ день) — посредствомъ особенныхъ письмоносцевъ. Въ теченіи первыхъ 10½ мѣсяцевъ поступило до 70,000 писемъ и билетовъ и собрано 13,502 руб. асс. грубаго дохода, который по Іюль мѣсяцъ 1835 г. составлялъ уже 47,907 руб. Чистаго дохода въ 1833 году осталось 1689 руб. 62 коп. Въ 1834 г. число писемъ и билетовъ было уже 105,912. Ср. ук. 1833 Фев. 5 (5960). 1835 С. п. 24 (8426). Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ 1834 Апрѣль, стр. 53, 54. Число всѣхъ отправленій, состоящихъ въ письмахъ, визитныхъ билетахъ и періодическихъ изданіяхъ въ Санктпетербургской почтѣ было

въ 1847 г. — 1,287,863.
» 1849 г. — 1,380,513.

По Московской городской почтѣ

въ 1847 г. — 228,254.
» 1849 г. — 237,958.

Чистый доходъ отъ Санктпетербургской городской почты состоялъ въ 1847 году изъ 8000 р. сер., отъ Московской по-

постепенно возрастаетъ, а постановленное почтовому начальству въ обязанность общее ускореніе хода почтъ въ Имперіи ежегодно, какъ видно изъ отчетовъ главноначальствующаго надъ Почтовымъ Департаментомъ, болѣе и болѣе приводятся съ успѣхомъ въ исполненіе[1]). Кромѣ выигрыша въ скорости, составляемыя для сей цѣли почтовымъ начальствомъ росписанія для хода почтъ по различнымъ трактамъ, сокращая разстоянія нѣкоторыхъ станцій и соединяя столичныя почты съ нѣкоторыми губернскими, проходившими до того времени отдѣльно, представляютъ еще важныя сбереженія казнѣ въ количествѣ платимыхъ за возку почтъ прогоновъ. Сбереженіе сіе въ 1834 г. было выше 23,000 рублей, а въ 1835 г. составило 78,000 рублей[2]). Самымъ лучшимъ доказательствомъ немалаго умноженія разъѣздовъ на почтовыхъ лошадяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ еще новымъ проявленіемъ благихъ намѣреній правительства объ облегченіи тяжести почтовой повинности можетъ служить приводимое нынѣ въ исполненіе прекращеніе платежа почтсодержателямъ прогонныхъ денегъ за возку почтъ и эстафетъ. Высочайше утвержденнымъ 28 Іюня 1838 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта постановлено: *«по мѣрѣ наступленія съ 1840 г. новыхъ трехлѣтій «земскихъ повинностей, содержателямъ почтъ, исключая губерній «остзейскихъ и закавказскаго края, на особомъ положеніи состоящихъ, «а равно ямщиковъ, отправляющихъ почтовую повинность натурою, «и вольныя почты, по вновь заключаемымъ контрактамъ за возку «почтъ и эстафетъ не платить, присоединяя деньги сіи къ вспомо«гательному земскому капиталу»*. Кромѣ того платежъ прогоновъ за возку почтъ и эстафетъ остается еще неотмѣненнымъ на прежнемъ основаніи въ Сибири восточной и западной и по оренбургской линіи[3]). Наконецъ самый порядокъ почтовыхъ дѣйствій при пріемѣ, пересылкѣ и раздачѣ различнаго рода корреспонденціи получилъ новыя полнѣйшія правила, и изданнымъ въ 1830 г. по-

---

лучено 3530 р. сер. болѣе сбора чѣмъ въ 1845 году. Извлеч. изъ отчетовъ главноначальствующаго надъ Почт. Департ.

[1]) Ср. извлеченія изъ отчетовъ главноначальствующаго надъ Почт. Департ., напечатанныя въ Жур. Мин. Внутрен. Дѣлъ 1834, Апрѣль, стр. 50—54, 1835 Февраль, стр. 280—286, 1837, Февраль, стр. 296 — 304, 1838 Февр., стр. 156 — 161, 1840, Февраль, стр. 137 — 144.

[2]) Журналъ Мин. Внутр. Дѣлъ 1834, Апрѣль, стр. 61, 1835, Февраль, стр. 283.

[3]) Сенатскій ук. 1839 Февраля 8 (12,009). 1839 Іюня 20 (12,450).

ложеніемъ объ устройствѣ почтовой части доведенъ до того совершенства, въ какомъ его видимъ нынѣ [1]).

§ 18.

Но этимъ не ограничиваются успѣхи, которые почтовая часть сдѣлала съ начала царствованія Императора Александра, преимущественно же въ послѣднее двадцатилѣтіе. Время сіе ознаменовано появленіемъ двухъ важнѣйшихъ и совершенно новыхъ въ Россіи учрежденій, которыя, въ отношеніи къ почтовой повинности съ одной стороны, къ расширенію и облегченію почтовыхъ оборотовъ, въ особенности разъѣздовъ лицъ, пересылки тяжеловѣсныхъ посылокъ и сношеній съ другими государствами съ другой, оказали благотворнѣйшія послѣдствія. Это именно вольныя почты и дилижансы, транспорты и пароходы.

Кажется, что въ первый разъ мысль о чемъ-то похожемъ на вольныя почты мелькнула въ томъ проектѣ улучшенія почтоваго устройства, который представленъ былъ на Высочайшее усмотрѣніе Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ вслѣдствіе сдѣланнаго ему о томъ порученія при окончательной отдачѣ почтовой части въ его вѣдомство въ 1810 г. Но подробности этого проекта неизвѣстны, исключая того, что Министерство предполагало устроить почты такъ, чтобы станціи содержались изъ однихъ прогоновъ. Въ 1827 г., по всеподданнѣйшему докладу новороссійскаго генералъ-губернатора графа Воронцова, Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Комитета Министровъ предписано было открыть отъ Балты до Одессы вольный почтовый трактъ. Содержаніе, какъ самой дороги, такъ и почтовыхъ домовъ и лошадей, имѣло быть производимо безъ всякаго пособія отъ земли и безъ всякой перемѣны въ почтовомъ обыкновенномъ Тираспольскомъ трактѣ.

Предположено было вызвать подрядчиковъ къ поставкѣ лошадей на станціи на особыхъ кондиціяхъ съ тѣмъ, что они могутъ возить проѣжающихъ, какъ съ подорожными, такъ и безъ оныхъ, взимая прогоновъ не болѣе 10 копѣекъ съ лошади на версту [2]). Неизвѣстно впрочемъ, каковъ былъ успѣхъ. Постоянное существованіе получили вольныя почты только съ 1831 г., когда по признаніи учрежденія ихъ ближайшимъ способомъ облегченія тяжести сбора на почтовую повинность представленный отъ главноначальствующаго надъ Почтовымъ Департаментомъ проектъ положенія о введеніи

[1]) Высоч. утвержд. пол. объ устройствѣ почтовой части въ государствѣ 1830 Окт. 22 (4020).

[2]) Высоч. утвержд. пол. Ком. Мин. 1827 Дек. 31 (1670).

вольныхъ почтъ въ видѣ опыта на 3 года удостоился Высочайшаго утвержденія. Вольныя почты могутъ учреждаться по всѣмъ трактамъ (исключая между столицами) въ мѣстахъ, гдѣ существуютъ почтовыя станціи, людьми всякихъ состояній, не исключая и низшихъ почтовыхъ чиновниковъ, по одиначкѣ или товариществами, съ представленіемъ почтовому начальству свидѣтельства о благонадежности и обязательства въ исправности и по полученіи отъ него на сіе позволенія для начатія гоньбы съ окончанія срока контракта прежнему содержателю. Получившіе позволеніе обязаны содержать предписанное число лошадей со всѣми принадлежностями, исполнять всѣ почтовыя правила и, подчиняясь почтовому начальству, возить проѣзжающихъ по подорожнымъ за указные прогоны, взимая сверхъ того за подмазку каретъ по 40, а кибитокъ и телегъ по 20 копѣекъ, и на водку возчикамъ по 20 копѣекъ. Прогоны за возку почтъ и эстафетъ они получаютъ изъ уѣздной почтовой конторы по принадлежности и имѣютъ право содержать при станціяхъ гостинницы, гдѣ таковыя отъ казны не заведены [1]). Въ 1836 г. изданы Высочайше утвержденныя дополнительныя правила къ сему положенію, коими предписано: всѣми мѣрами стараться о соглашеніи жителей къ заведенію вольныхъ почтъ и содержанію ихъ цѣлыми селеніями; срокъ содержанія распространенъ на 2, 3 и 4 трехлѣтія, а для пріохоченія даются содержателямъ еще нѣкоторыя облегченія и въ случаѣ надобности даже вспомоществованіе отъ казны, также позволеніе возить и безъ подорожныхъ, по условію съ проѣзжающими [2]). Вся важность сего учрежденія раскрывается изъ того, что оно, *«представляя новый промыслъ для «поселянъ, не требующій ни особенныхъ пожертвованій и капиталовъ, «ни дальней отлучки хозяевъ отъ домовъ своихъ, замѣняло бы исподъ«воль теперешній наемъ лошадей на почтовыя станціи, уменьшая «тѣмъ самымъ, по мѣрѣ успѣшнаго развитія сего предположенія, «сборъ съ народа на содержаніе почтовой гоньбы, который въ послѣд«ствіи, если не отмѣнится совершенно, то по крайней мѣрѣ зна«чительно сократится, къ облегченію податныхъ сословій»*. Дѣйствительно суммы, отъ введенія вольныхъ почтъ сбереженныя, должны быть немаловажны, когда въ 1833 г. въ одной Енисейской губерніи онѣ составляли на трехлѣтіе 134,494 рублей. Въ томъ же году вольныя почты существовали уже въ 11 губерніяхъ, а число отданныхъ

---

[1]) Высочайше утвержден. мнѣніе Государствен. Совѣта 1831 Окт. 25 (488).

[2]) Высочайше утвержден. мнѣніе Государствен. Совѣта 1836 Янв. 13 (8774).

на вольное содержаніе лошадей было 645[1]). Въ 1845 году заведены были вольныя почты по трактамъ отъ Москвы до Харькова[2]), въ 1848 году отъ Казани до Екатеринбурга, отъ Екатеринбурга чрезъ Камышловъ до Тюмени, отъ станціи Косулиной до Шадринска, отъ Камышлова до Ирбити и отъ Казани до Бугульмы. Содержатели вольныхъ почтъ, перевозя почту, получаютъ монополію относительно перевоза частныхъ лицъ, обязуясь съ своей стороны доставлять проѣзжающимъ средство къ спокойной ѣздѣ въ улучшенныхъ и удобнѣйшихъ экипажахъ, ограждать ихъ отъ всякихъ непріятностей во время пути, какъ-то задержекъ на станціяхъ и проч. Но самыя эти выгоды отъ введенія вольныхъ почтъ требуютъ, чтобы сборъ отъ прогоновъ вознаграждалъ издержки почтсодержателей, по-этому распространеніе ихъ, завися отъ многихъ мѣстныхъ условій, не можетъ еще получить въ короткое время желаемаго развитія.

§ 19.

Во время Императрицы Екатерины II встрѣчаемъ уже попытки заведенія особенныхъ экипажей для облегченія проѣздовъ по нѣкоторымъ трактамъ. Между Санктпетербургомъ и Нарвою предположено въ 1770 году имѣть на каждой станціи *«крытую фуру «на подобіе коляски съ государственнымъ гербомъ»*, въ которой бы помѣщалось до 6 человѣкъ съ поклажею, и изъ Санктпетербургскаго почтамта отправлять разъ въ недѣлю такіе экипажи съ заплатившими за мѣста пассажирами. То же долженствовало быть распространено и на Могилевскую и Псковскую губерніи; но кажется предположенія сіи остались безъ исполненія[3]). Дилижансы, по характеру своему болѣе приближающіеся къ частнымъ предпріятіямъ, ожидали въ Россіи, чтобы въ нихъ съ усиленіемъ сношеній почувствована была всеобщая потребность. Только въ 1820 г. образовалось частное на акціяхъ общество, желавшее, *для доставленія легкаго способа путешествія по Россіи*, начать съ учрежденія дилижансовъ между столицами. Оно просило о позволеніи пользоваться для сего почтовыми лошадьми, объ освобожденіи отъ платежа поверстныхъ за потребныя для сего подорожныя и о выдачѣ

---

[1]) Журн. Минист. Внутр. Дѣлъ 1834 Апр. стр. 50 — 51.

[2]) Высочайши утвержден. мнѣніе Государственнего Совѣта отъ 15 Марта 1845 г.

[3]) 1770 Мар. 22 (13,435) п. 19—21. 1772 Нояб. 23 (13,911). Впрочемъ уже въ ук. 1732 Іюня 11 (6124) упоминается объ учрежденіи тележной почты для проѣздовъ частныхъ лицъ.

привилегія на 10 лѣтъ. По ходатайству главноначальствующаго надъ Почтовымъ Департаментомъ, представленный обществомъ планъ удостоился Высочайшаго утвержденія, выдана просимая привилегія и ходъ дилижансовъ возъимѣлъ начало, съ принятіемъ ихъ подъ покровительство почтоваго начальства [1]). Вслѣдъ за этимъ дилижансы заведены отъ Санктпетербурга до Риги, Митавы и Полангена на томъ же основаніи, за исключеніемъ свободы отъ платежа поверстныхъ, по Высочайше пожалованной Полангенскому пограничному почтмейстеру фонъ Францену и титулярному совѣтнику Делакроа привилегія, съ распространеніемъ ея въ послѣдствіи и на трактъ отъ Митавы чрезъ Ковно до Вильны [2]). Но провозъ въ нихъ корреспонденціи строжайше былъ воспрещенъ. Потому-то, въ надеждѣ прибыли для казны и пользъ для публики, почтовое начальство возъимѣло мысль: по примѣру иностранныхъ государствъ, соединить и въ Россіи возку пассажировъ съ возкою почтъ въ особенныхъ четвероместныхъ колясках, содержимыхъ на счетъ казны, и на первый разъ, согласно съ послѣдовавшимъ на это Высочайшимъ соизволеніемъ, положено завести эти *почты - дилижансы* по Бѣлорусскому тракту, отъ Санктпетербурга чрезъ Могилевъ, Кіевъ и Житоміръ въ Радзивиловъ и поручить первоначальное устройство и пріемъ записки пассажировъ Санктпетербургской Конторѣ частныхъ дилижансовъ [3]). Кажется однакожь, что опытъ этотъ не получилъ желаемаго успѣха, ибо скоро оставленъ былъ безъ исполненія, а право учрежденія дилижансовъ до Радзивилова передано вполнѣ обществу учредителей ихъ по Московскому тракту. Мысли этой мы обязаны нынѣшними почтовыми экипажами.

Между тѣмъ удобство и прибыльность Московскихъ и Рижскихъ дилижансовъ возбудили частную предпріимчивость. Явились желающіе завести дилижансы отъ Москвы до Тулы, и чрезъ Рязань до Тамбова, также омнибусы для сообщенія между отдаленными частями Санктпетербурга и его окрестностей, на что и выданы имъ были привилегіи; а по окончаніи срока привилегіи обществу учредителей дилижансовъ между столицами, такія же привилегіи выданы на заведеніе между столицами сидѣекъ, для проѣздовъ лицъ нижняго состоянія, также каретъ и летучихъ транспортовъ особеннаго устройства какъ между столицами, такъ и по прочимъ трактамъ, наконецъ дилижансовъ отъ Курска до Москвы и Харькова; но большая часть изъ сихъ предпріятій, едва ли не всѣ, осталась безъ испол-

[1]) Высоч. утвержд. пол. Ком. Мин. 1820 Іюня 15 (28,317).
[2]) 1821 Іюня 20 (28,654) и 1824 Янв. 10 (29,727).
[3]) Высоч. утвержд. полож. Ком. Мин. 1827 Апр. 12 (1028).

нія[1]). Одно общество первоначальныхъ учредителей дилижансовъ по Московскому тракту все болѣе и болѣе расширяло кругъ своихъ дѣйствій; въ 1828 г. получило позволеніе распространить свое предпріятіе на всѣ тракты, гдѣ ни кѣмъ еще не учреждены дилижансы, съ обязанностію возить ихъ на своихъ или вольнонаемныхъ лошадяхъ, но дѣйствительно завело ихъ только отъ Санктпетербурга до Ревеля по согласію съ содержателями почтовыхъ станцій, на почтовыхъ лошадяхъ съ платежемъ поверстныхъ. По окончаніи же срока своей привилегіи, общество въ 1831 г. чрезъ комитетъ свой въ Санктпетербургѣ представило проектъ исправленнаго по опыту устава и просило дозволенія продолжать свое предпріятіе на прежнихъ условіяхъ; уставъ сей удостоенъ Высочайшаго утвержденія еще на 10 лѣтъ и изданъ во всеобщее извѣстіе. Безъ присвоенія обществу какихъ-нибудь монопольныхъ правъ, ему не воспрещалось заводить дилижансы по другимъ трактамъ, гдѣ таковые еще не учреждены, имѣть въ другихъ городахъ свои конторы[2]), съ соблюденіемъ всѣхъ полицейскихъ предписаній и запрещенія возить письма и посылки. Въ слѣдъ за симъ, по предложенію русскаго консула въ Гамбургѣ о желаніи жителей Гамбурга, Любека и Берлина ускорить сношенія съ Россіею, общество это приступило съ Высочайшаго разрѣшенія къ учрежденію на почтовыхъ лошадяхъ дилижансовъ отъ Санктпетербурга чрезъ Ригу до прусской границы, гдѣ они приходятъ въ соприкосновеніе съ прусскими дилижансами. Затѣмъ ходъ дилижансовъ распространился отъ Москвы до Кіева и Казани, отъ Санктпетербурга чрезъ Динабургъ и Ковно до Царства Польскаго, и донынѣ мало по малу постоянно расширяется[3]). Это же общество въ 1822 г. учредило въ Санктпетербургѣ, Ригѣ и Москвѣ конторы транспортовъ, съ цѣлію устроить въ Россіи порядочную и исправную перевозку тяжелыхъ, громоздныхъ и жидкихъ вещей и товаровъ сухимъ путемъ, посредствомъ вольныхъ извощиковъ, а въ случаѣ возможности и водою; образовало для сего страховый капиталъ и, стараясь распространить сіе учрежденіе на другіе тракты, по заключеніи съ Главнымъ Управленіемъ Почтъ контракта на 4 года о перевозкѣ казенныхъ посылокъ, не требующихъ скораго доставленія,

[1]) Высоч. утвержд. пол. Ком. Мин. 1727 Мар. 27 (989). Указъ того же года Дек. 10 (1603). 1830 Мар. 14 (3526). 1833 Окт. 30 (6539). 1835 Окт. 4 (8440). 1836 Іюня 9 (9277).

[2]) Высоч. ук. 1828 Апр. 24 (1992). Высоч. утверж. пол. Ком. Мин. 1828 Мая 8 (2017). 1830 Іюля 22 (3819). 1831 Мая 14 (4570).

[3]) 1831 Мая 26 (4592). 1834 Дек. 4. (7613).

въ 1832 г. испросило для себя покровительство почтоваго начальства и утвержденіе правилъ для своихъ дѣйствій. Новыя конторы транспортовъ открыты въ Кіевѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Казани и Тифлисѣ[1]). Въ 1833 г. въ продолженіе 4 мѣсяцевъ сбереженіе для казны, отъ отправленія посылокъ чрезъ контору транспортовъ, простиралось до 4056 рублей; въ продолженіе же 4-лѣтняго контракта, казна выиграла слишкомъ 86,000 рублей, вслѣдствіе чего заключенъ былъ новый контрактъ[2]).

Въ 1840 году появились почтовые экипажи: ближайшимъ побужденіемъ къ ихъ устройству служило стремленіе правительства усовершенствовать способы для перевозки почты. Съ этою цѣлью въ 1839 году предложено было учредить отдѣленіе почтовыхъ каретъ и бриккъ въ Санкпетербургѣ и на него возложить устройство экипажей, въ которыхъ почта могла бы быть удобно возима вмѣстѣ съ пассажирами, съ тѣмъ, чтобы получаемая отъ нихъ выручка покрывала издержки на устройство самыхъ экипажей и представляла возможность къ дальнѣйшему ихъ распространенію. Основныя правила учрежденія разсмотрѣны въ Комитетѣ Министровъ и Высочайше утверждены 11 Августа 1839 года. Отдѣленію почтовыхъ каретъ предоставлена часть сбора, получаемаго за почтовыя росписки, и на первоначальное обзаведеніе заимообразно отпущены изъ почтоваго дохода 57 тысячь рублей серебромъ. Главноначальствующему надъ Почтовымъ Департаментомъ предоставлено вводить устраиваемые хозяйственнымъ образомъ почтовые экипажи по трактамъ по мѣрѣ способовъ, самые экипажи освобождены отъ шоссейныхъ сборовъ; при экипажахъ назначены въ пути особые смотрители на правѣ станціонныхъ. Главноначальствующимъ надъ Почтовымъ Департаментомъ утверждены правила для отправленія и слѣдованія почтовыхъ экипажей и особая инструкція для смотрителей. Въ Маѣ 1840 года открыта первая линія для хода почтовыхъ экипажей между столицами, и результаты перваго опыта были въ высшей степени успѣшны, не смотря на совмѣстничество 11 дилижансовыхъ заведеній. Въ 1841 г. уже представилась возможность открыть еще двѣ линіи почтовыхъ экипажей: между Санктпетербургомъ и Варшавою и между Санктпетербургомъ и Таурогеномъ, вѣроятно уже на собственныя средства отдѣленія почтовыхъ каретъ и бриккъ. Въ 1842 г. ко времени открытія Нижегородской

---

[1]) Высоч. утвержд. пол. Ком. Мин. 1833 Іюня 11 (6313). 1833 Нояб. 10 (6566).

[2]) Журналъ Мин. Внутр. Дѣлъ 1834 Апрѣль стр. 51 Высоч. указъ 1839 Фев. 23 (12,044). 1839 Нояб. 19 (12,906).

ярмарки открыта на эти средства линія между Москвою и Нижнимъ Новгородомъ и продолжена въ 1844 г. до Казани. Изъ отчета о дѣйствіяхъ Почтоваго Управленія за 1844 г. видно, что въ этомъ году отдѣленіе почтовыхъ каретъ и брикъ уже располагало запаснымъ капиталомъ, при помощи котораго тогда учредило почтовые тарантасы и зимніе возки между Новгородомъ и Старою Руссою, открыло ходъ почтовыхъ экипажей между Оренбургомъ и Уфою, а въ 1845 г. между Москвою и Тулою по новооткрытому шоссе; въ 1847 году учрежденъ еще особый ходъ между Санктпетербургомъ и Дерптомъ, а въ 1848 году, по открытіи шоссе, между Брестъ-Литовскимъ и Бобруйскомъ. Вообще за правило принято Почтовымъ Управленіемъ заводить почтовые экипажи на всѣхъ шоссейныхъ трактахъ. Въ 1851 году считалось 17 ходовъ для ѣзды въ почтовыхъ экипажахъ, на протяженіи 10,425 верстъ и ѣхавшихъ было 46,610 человѣкъ. (См. отчеты о дѣйствіяхъ Почтоваго Управленія по 1851 годъ включительно).

§ 20.

Пересылка заграничной русской корреспонденціи посредствомъ пароходовъ началась собственно съ 1827 г., когда для ускоренія сношеній между Санктпетербургомъ и Лондономъ даны были нѣкоторыя облегченія въ таможенномъ обрядѣ пароходу Георгъ IV, принадлежавшему Англійскому негоціанту Жолиффу и занимавшемуся перевозкою пассажировъ и товаровъ между сими двумя городами; вслѣдствіе чего Жолиффъ обязался въ каждую навигацію приходить въ Санктпетербургъ до 5 разъ и привозимую корреспонденцію представлять въ почтамтъ, для доставленія получателямъ и взысканія слѣдующей платы. Русскую же заграничную корреспонденцію предписано было передавать ему не иначе, какъ изъ почтамта, при особыхъ реестрахъ, съ платежемъ за провозъ по таксѣ. Отъѣзжающіе пасажиры, имѣющіе при себѣ письма, должны представлять ихъ туда же, для уплаты почтовыхъ сборовъ. Вмѣстѣ съ симъ предписано было посылать на томъ же пароходѣ и курьеровъ въ Лондонъ. Совершенно подобныя правила постановлены были и для Одесской и Константинопольской почтовыхъ конторъ, касательно пересылки корреспонденціи на ходившемъ между сими городами пароходѣ. Правила эти дополнены въ 1830 г. и Высочайше утверждены вообще для всѣхъ черноморскихъ пароходовъ [1]). Между тѣмъ, для перевозки корреспонденціи между Пруссіею и Россіею,

---

[1]) 1827 Іюня 3 (1148). Высоч. утверж. полож. Ком Мин. 1830 Іюня 30 (3680).

съ Высочайшаго соизволенія заключено было въ Маѣ мѣсяцѣ 1829 года, прусскимъ почтовымъ совѣтникомъ Шинкертомъ съ капитаномъ Блакомъ, который управлялъ пароходомъ Георгъ IV, условіе; но поводу же его неисправностей, начаты переговоры съ главнымъ начальникомъ прусскихъ почтъ Наглеромъ, который, желая завести пароходъ для сообщеній и возки корреспонденціи прусской въ Россію, Голландію и Англію, предлагалъ устроить его на общія издержки Россіи и Пруссіи, а за то пароходъ этотъ долженствовалъ доставлять и русскую корреспонденцію и пассажировъ въ означенныя мѣста, со взиманіемъ почтовой таксы и подчиненіемъ правиламъ, изданнымъ для Жолиффа. Но, по разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ требуемыхъ Наглеромъ преимуществъ, согласиться на оныя было не возможно и потому переговоры остались безъ успѣха, а ходъ заграничной корреспонденціи въ Пруссію остался на пароходѣ Жолиффа[1]). Между тѣмъ разширяющееся пароходство въ Европѣ вскорѣ повело за собою учрежденіе нѣсколькихъ компаній, для соединенія главнѣйшихъ торговыхъ пунктовъ Россіи съ иностранными государствами, посредствомъ пароходовъ, которые хотя главною цѣлію имѣли перевозку товаровъ, однакожь для пасажировъ и для пересылки корреспонденціи представляли значительныя удобства и въ дѣйствіяхъ своихъ по сему послѣднему предмету подчинены были общимъ правиламъ объ отправленіи корреспонденціи на пароходахъ и корабляхъ. Между Ригою, Митавою и Любекомъ дано позволеніе завести пароходъ Любекскому жителю Шредеру. Предпріятіе сіе, сдѣлавшись предметомъ особенной, составленной въ Ригѣ компаніи на акціяхъ, получило на 5 лѣтъ привилегію и нѣкоторыя особенныя льготы въ уваженіе того, что пароходъ долженствовалъ дѣлать до 18 рейсовъ въ одну навигацію[2]). На томъ же основаніи желалъ учредить пароходство между Санкпетербургомъ и Гавръ-де-Грасомъ актеръ Санктпетербургской французской труппы Женьясъ, но планы его не имѣли успѣха[3]). Вскорѣ образовалось въ Ригѣ другое общество на акціяхъ, которому первое передало права свои для учрежденія пароходнаго сообщенія между Ригою, Любекомъ и Свинемюнде, и получило Высочайше утвержденный уставъ[4]). А такъ-какъ еще при перего-

---

[1]) Высоч. утвержд. мнѣніе Госуд. Совѣта 1829 Нояб. 30 (3311). 1830 Апр. 20 (1614).

[2]) Высоч. утвержд. пол. Ком. Мин. 1830 Мар. 12 (3524). 1832 Авг. 16 (4564).

[3]) Высоч. утвержд. пол. Ком. Мин. 1830 Апр. 15 (3611).

[4]) Высоч. утвержд. пол. Ком. Мин. 1837 Нояб. 7 (10,694).

ворахъ съ прусскимъ правительствомъ о заведенія парохода, постановлено было почтовому начальству на видъ, чтобы со временемъ корреспонденцію русскую можно было возить на русскихъ пароходахъ, то, по прошенію составившагося въ Санктпетербургѣ общества, дано ему позволеніе завести два парохода (изъ коихъ одинъ долженъ быть построенъ въ Россіи), для постояннаго сообщенія Санктпетербурга съ Любекомъ, съ исключительною на 12 лѣтъ привилегіею (которая за тѣмъ продолжена еще на 4 года) на провозъ пассажировъ изъ гаваней Балтійскаго моря, кои находятся на югъ отъ 55° сѣв. широты, и съ обязанностію войти въ переговоры съ прусскимъ и Санктпетербургскимъ почтамтами о возкѣ корреспонденціи между Россіею и Пруссіею[1]). Въ 1845 году Рижскій Биржевой Комитетъ вызвался перевозить безплатно на своемъ пароходѣ письменную корреспонденцію изъ Риги въ Штеттинъ и Любекъ и обратно, и почтовое управленіе успѣло согласить на эту мѣру прусское правительство. На основаніи заключенной съ нимъ конвенціи въ 1846 году открыто почтовое пароходство между Россіею и Пруссіею съ цѣлью, кромѣ улучшенія почтовыхъ сообщеній, способствовать купечеству къ распространенію торговыхъ сношеній нашихъ съ Европою, почему и основано оно на правилахъ коммерческихъ, въ исполненіе же приведено между прочимъ посредствомъ займа изъ капитала отдѣленія почтовыхъ каретъ. Съ нашей стороны назначенъ пароходъ Владиміръ въ 310 силъ на 120 пассажировъ, со стороны Прусской пароходъ Николай I въ 240 силъ, также на 120 пассажировъ. Рейсы въ началѣ происходили между Кронштатомъ и Свинемюнде, въ послѣдствіи же между Кронштатомъ и Штетиномъ мимо Свинемюнде. Въ 1851 году пароходное почтовое сообщеніе содержало русскій пароходъ «*Владиміръ*» и прусскій «*Прусскій Орелъ*»: на первомъ перевезено тогда 1735 пассажировъ и болѣе 40,000 куб. фут. и до 46,000 пудовъ товаровъ. (См. отчёты о дѣйствіяхъ Почтоваго Управленія по 1851 годъ).

Долгое время сообщеніе Одессы съ Константинополемъ не имѣло правильности и постоянства. Правда еще въ 1828 г. устроены были на счетъ казны механизмы для двухъ пароходовъ и купленъ третій готовый, съ назначеніемъ ихъ для хода по Черному морю; но употребленіе ихъ въ дѣло началось лишь въ 1833 г., когда, по прошенію составившагося общества на акціяхъ для установленія постоянныхъ сношеній между сими городами, Высочайше утвер-

[1]) Высоч. утвержд. пол. Ком. Мин. 1830 Авг. 8 (3837). 1835 Апр. 2 (8016).

жденнымъ положеніемъ Комитета Министровъ дана ему на 10 лѣтъ привилегія съ передачею во владѣніе сихъ трехъ пароходовъ, во ожиданіи какъ важныхъ пользъ торговыхъ, такъ и того, что, при назначеніи вмѣстѣ съ тѣмъ одного изъ нихъ исключительно для торговыхъ и частныхъ сношеній между Константинополемъ и Одессою, вся корреспонденція Востока съ Европою можетъ со временемъ получить направленіе чрезъ сей послѣдній городъ. Обществу даны нѣкоторыя облегченія по карантинному, таможенному и почтовому вѣдомствамъ; пріемъ писемъ позволено производить со всѣми почтовыми обрядами въ самой дирекціи общества, съ оставленіемъ почтовыхъ денегъ въ его пользу; казенная же корреспонденція должна быть доставляема безвозмездно, и кромѣ того казнѣ должна была принадлежать половина ежегодной прибыли, отъ чего впрочемъ вскорѣ казна отказалась, и самые пароходы подарены на всегда обществу, съ возвращеніемъ ихъ казнѣ [1]) только въ томъ случаѣ, если бы общество рушилось. Вообще почты воспользовались для корреспонденціи всѣми учредившимися компаніями пароходства, и это очень облегчило заграничныя сношенія Россіи, не смотря на то, что нынѣ иностранная корреспонденція отправляется и получается и сухопутно по многимъ трактамъ (въ Пруссію со включеніемъ посылокъ — и за ней лежащія государства сѣверныя чрезъ Таурогенъ и другимъ трактомъ чрезъ Варшаву; въ Швецію чрезъ Або и Торнео; въ Австрію и южныя Европейскія государства чрезъ Варшаву и Вѣну и чрезъ Радзивиловъ и Вѣну; въ Константинополь чрезъ Дубассары, Яссы и Букарестъ) и что ходъ главнѣйшихъ изъ заграничныхъ почтъ, въ силу заключенныхъ въ 1839 и 1843 гг. условій съ прусскимъ и австрійскимъ почтовыми начальствами, значительно ускорился [2]). Въ послѣднее время въ почтовыхъ сношеніяхъ Россіи съ иностранными государствами сдѣланы также большія облегченія. Такъ въ 1847 г., на основаніи заключенной между Пруссіей и Франціею почтовой конвенціи, уменьшился платежъ и за Россійскую корреспонденцію, пересылаемую

---

[1]) Высоч. утвержд. пол. Ком. Мин. 1833 Мая 16 (6216). Дополнительныя правила къ положенію общества черноморскаго пороходства 1835 Іюня 7 (8228) и Дек. 5 (8658)

[2]) журналъ Мин. Внутр. Дѣлъ 1840 Февраль стр. 139 140. Почтовая конвенція Россіи съ Австріею $\frac{30\ Янв.}{11\ Февр.}$ 1843 года, ратиф. 29 Мая. Таковая же Россіи съ Пруссіею $\frac{21\ Мая}{2\ Іюня}$ 1843 г., ратиф. 11 Іюня Составляетъ дополнительной актъ къ конвенціи $\frac{12}{24}$ Дек. 1821 г..

туда и слѣдующую чрезъ Пруссію и Францію въ Испанію, Португалію, сѣверную, среднюю и южную Америку и во всѣ лежащія за Атлантическимъ Океаномъ французскія и великобританскія колоніи. По согласію съ почтовыми управленіями императорско-австрійскимъ и королевско-прусскимъ, предоставлено корреспондентамъ пользоваться во все время навигаціи ускоренною пересылкою ихъ корреспонденціи съ Австріею изъ Санктпетербурга въ Штетинъ на пароходахъ, а изъ Штетина чрезъ Берлинъ до Вѣны по желѣзной дорогѣ. Этимъ способомъ время доставки корреспонденціи изъ Санктпетербурга въ Вѣну сократилось почти въ половину, именно письмо изъ Санктпетербуга въ Вѣну доходитъ въ 5½ сутокъ и обратно въ 5 сутокъ.

1849 г. 14 Іюля былъ постановленъ дополнительный договоръ къ почтовой конвенціи съ Австріею 1843 года, по которому допущено свободное франкированіе россійско-австрійской корреспонденціи. Кромѣ того почтовая конвенція съ греческимъ правительствомъ, ратификованная 9 Октября 1848 года, дала лучшее устройство почтовымъ сношеніямъ Россіи съ Греціею.

В. УПРАВЛЕНІЕ ПОЧТЪ.

§ 21.

Ежели въ исторіи учрежденія почтъ въ Россіи встрѣчаемъ нѣкоторыя страницы не совершенно ясныя, то эта неясность и запутанность оказываются еще въ большей степени въ исторіи почтоваго управленія. О первоначальномъ ямскомъ управленіи не имѣется даже достаточныхъ историческихъ свѣдѣній. Впрочемъ такъ-какъ управленіе это было просто, не развито, то и самый недостатокъ не такъ чувствителенъ. Но когда, по учрежденіи въ Россіи иностранной, заморской почты, управленіе раздѣлилось на двѣ отдѣльныя и совершенно разнородныя между собою части, то хотя источники, особенно въ прошедшемъ столѣтіи, становятся обильнѣе, однакожь управленіе представляется столь запутаннымъ, источники законодательства заключаютъ въ себѣ, до окончательнаго уничтоженія Ямского Приказа въ 1786 году, столь много противорѣчій, что почти не возможно изобразить въ вѣрной и отчетливой картинѣ состояніе почтоваго управленія въ это время.

Центральнымъ государственнымъ учрежденіемъ для управленія ямскими дѣлами былъ Ямской Приказъ; но время первоначальнаго его учрежденія покрыто мракомъ неизвѣстности. Первое упоминаніе о Ямскомъ Приказѣ или, лучше сказать, о Ямской Избѣ встрѣ-

чается въ разрядныхъ книгахъ подъ 1516 г.[1]). Въ этомъ не будетъ ничего удивительнаго, если взглянемъ на то развитое состояніе ямского учрежденія, которое представляется намъ уже въ концѣ XV и началѣ XVI ст., такъ-что уже Василіемъ III и Іоанномъ IV изданы были отдѣльныя грамоты о ямскомъ устройствѣ. При такомъ слѣдовательно состояніи ямского учрежденія естественно очень могла быть чувствуема нужда въ нѣсколько систематическомъ его управленіи. Удивительно только то, что ни въ одной изъ имѣющихся о ямахъ грамотъ Іоанна IV и Ѳедора Іоанновича не встрѣчается упоминанія о существованіи Ямского Приказа. Если бы не подлежало никакому сомнѣнію, что ямскіе стройщики разсылаемы были не иначе, какъ изъ Ямского Приказа, то можно было бы имѣть доказательство существованія его въ царствованіе Ѳедора Іоанновича, ибо въ одной гораздо позднѣйшей грамотѣ упоминается о посылкѣ ямскихъ стройщиковъ въ 1587 году[2]). Затѣмъ упоминается о Ямскомъ Приказѣ въ самое смутное для Россіи время, подъ 1611 г.[3]). Трудно впрочемъ предполагать, что бы въ это бурное время

---

[1]) Журналъ Мин. Народ. Просвѣщ. 1841 Августъ, приведенная выше статья: о ямахъ въ Россіи, стр. 128, примѣчаніе. Почти тоже подтверждаетъ и Шторхъ (прив. соч. т. VII, стр. 343), говоря положительно, что изъ историческихъ источниковъ, которые онъ имѣлъ подъ рукою, видно, что Ямской Приказъ существовалъ уже въ началѣ XVI столѣтія и что въ немъ вѣдались ямы и ямщики, изготовлялись подорожныя и вообще къ нему относились всѣ дѣла, касавшіяся ямской гоньбы. Карамзинъ въ исторіи государства россійскаго (Санктпетербургъ 1821, томъ IX, стр. 443—444), въ числѣ различныхъ правительственныхъ мѣстъ, существовавшихъ въ Москвѣ при Іоаннѣ IV, упоминаетъ и Ямскую Избу.

[2]) Въ царской грамотѣ Псковскимъ воеводамъ 1624 Декаб. 10 (Ак. Археогр. Эксп. т. III. N° 158) говорится: «.... *а какъ «дѣ въ 95 году были въ Псковѣ ямскіе стройщики....и тѣ «дѣ стройщики тѣ ямскія деревни по прежнему указу напи«сали въ подмогу Псковскимъ же городовымъ ямщикамъ*....». 7095 годъ соотвѣтствуетъ 1587 году,

[3]) Въ платежной въ ямскихъ деньгахъ съ 1611 г. (напечатана въ актахъ юридическихъ, N° 209, XIII), выданной по указу Владислава изъ Ямского Приказа, за подписаніемъ подьячаго Ивана Кузьмина, говорится о принятіи въ этотъ Приказъ ямскихъ денегъ за прошедшіе 7 лѣтъ съ 112 по 119 годъ, то есть съ 1604 по 1611 г.

Государи Русскіе имѣли досугъ думать объ учрежденіи новаго правительственнаго мѣста, изъ чего слѣдовательно уже заключать можно о болѣе раннемъ его существованіи. Можетъ быть, Приказъ Ямской, существовавъ при Василіи Іоанновичѣ, въ грозное и смутное время царствованія Іоанна IV оставленъ былъ безъ вниманія и только Борисомъ Годуновымъ, среди его попеченій о благоустройствѣ государственномъ, когда онъ былъ еще правителемъ, возобновленъ или, лучше сказать, возбужденъ къ прежней дѣятельности. Изъ нѣсколькихъ платежныхъ въ ямскихъ деньгахъ, дошедшихъ до насъ, нельзя вывести ни какого положительнаго заключенія о времени учрежденія Ямского Приказа; видно только, что оборъ сей безъ различія уплачивался то въ Большой Приходъ, то въ Ямской Приказъ. По восшествіи на престолъ Михаила Θеодоровича, въ одной изъ первыхъ царскихъ грамотъ упоминается явственно о Ямскомъ Приказѣ, какъ мѣстѣ, завѣдывавшемъ ямщиками, равно какъ и въ книгѣ о Московскомъ осадномъ сидѣніи 1618 и 1619 годовъ[1]). При этомъ Государѣ и его наслѣдникахъ власть и обязанности Ямского Приказа постепенно опредѣлялись точнѣе и точнѣе. Онъ распоряжался учрежденіемъ новыхъ ямовъ и постановлялъ на каждомъ приказчика для ближайшаго надзора за ямщиками, завѣдывалъ старостами или сборщиками, учрежденными для сбора ямскихъ денегъ, и самымъ сборомъ сихъ денегъ, которыя иногда были ему сдаваемы, опредѣлялъ выдачу ямщикамъ, слѣдующихъ имъ по загоннымъ книгамъ прогоновъ и жалованья; наконецъ онъ содержалъ списки ямщикамъ, съ описаніемъ владѣемыхъ ими земель, выдавалъ подорожныя и разбиралъ жалобы на притѣсненія и расчеты съ волостями въ подможныхъ деньгахъ, подмогѣ въ подводахъ и самой гоньбѣ. Кажется, расписываніе деревень къ ямамъ, производимое строищиками, принадлежало тоже къ предметамъ его вѣдомства. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича Ямской Приказъ состоялъ изъ боярина, думнаго дворянина и 2 дьяковъ[2]).

---

[1]) Это именно въ грамотѣ Михаила Θеодоровича 1613 г. Іюля 4 (Ак. Археограф. Экспед. т. III N 8), въ которой говорится, что ямщики подавали уже до этого прошеніе въ Ямской Приказъ по одному дѣлу, касающемуся ямской гоньбы, о которомъ рѣчь идетъ въ этой грамотѣ. Ср. тоже приведенную выше лекцію Профес. Сергѣева § 5. Древняя Росс. Вивліоѳ., т. XX, стр. 426. Указатель Россійскихъ законовъ, изданный Львомъ Максимовичемъ, Москва, 1803 часть 1, стр. 19, № 13.

[2]) Это выведено изъ сравненія . . . . къ приведенныхъ въ исто-

§ 22.

Съ учрежденіемъ нѣмецкой или заморской почты въ Москвѣ, почтовое управленіе получаетъ два органа: Ямской Приказъ и Приказъ Посольскій; въ вѣденіи послѣдняго находилась новая почта и самые учредители оной, и онъ даже получилъ вскорѣ нѣкотораго рода перевѣсъ надъ Ямскимъ; ибо указы царскіе въ Ямской Приказъ проходили чрезъ Посольскій, который даже и отъ себя посылалъ ему иногда памяти и указы. Разрозненіе это состояло преимущественно въ томъ, что Посольскому Приказу (вице-канцлеру Шафирову) подчинена была почта, т. е. отправленіе какъ казенной, такъ и частной и купеческой корреспонденціи по тѣмъ трактамъ, гдѣ это происходило по способу иностранному съ почтарями, именно по Рижскому, Виленскому, а потомъ и Архангельскому; Ямской же вѣдалъ отправленіе царскихъ гонцевъ на ямскихъ подводахъ и тракты, на которыхъ не происходило другого рода сообщеній. Различіе это и выразилось въ одной грамотѣ Θеодора Алексѣевича [1]). О существованіи Ямской Канцеляріи въ Санктпетербургѣ упоминается уже подъ 1704 г. [2]); но вмѣстѣ съ тѣмъ существовалъ въ Москвѣ Ямской Приказъ, который въ 1711 г., кажется, былъ переведенъ въ Санктпетербургъ, а съ 1723 г. уже постоянно именуется Ямскою Канцеляріею, бывъ преобразованъ по образцу прочихъ коллегій; въ Москвѣ же оставленъ былъ только ямскихъ дѣлъ столъ, подъ вѣдомствомъ губернатора Московской

ріи учрежденія почтъ и въ особенности изъ слѣдующихъ грамотъ и актовъ: Гр. 1618 Авг. 20 (Ак. Арх. Э. т. III № 100). Гр. того же года и числа, (тамъ же № 144). 1624 Дек. 10 (тамъ же № 158). 1626 Дек. 17 (тамъ же № 170) 1640 Мар. 20 (тамъ же № 297). Платежная XI 1623 Генв. 9 (Акты Юрид. № 214). 1631 Окт. 3 (тамъ же № 364) Указы: 1671 Авг. 19 (498); 1673 Мар. 6 (542); 1697 Іюн. 1 (1587); 1701 Мар. 16 (1842). Котошихинъ прив. сочин. стр. 87 п. 26.

[1]) Въ наказѣ князю Θеодору Волконскому о бытіи ему воеводою въ Переяславлѣ 1676 Марта 8 (Ак. Арх. Экс. т. IV. № 24) предписывается ему, если услышитъ о появленіи моровой язвы въ сосѣдственныхъ земляхъ, *«о томъ писать Государю чрезъ почту»*; а если получитъ извѣстіе особенной важности *«о «томъ писать Государю къ Москвѣ съ нарочными гонцы на «скоро»*.

[2]) 1704 Фев. 28 (1971).

губерніи[1]). Различіе между предметами управленія переименованнаго въ Иностранную Коллегію Посольскаго Приказа и Ямского при Императорѣ Петрѣ В. становится еще темнѣе. Въ нѣсколькихъ узаконеніяхъ говорится безъ всякаго различія, что почты «*зависятъ* «*отъ одной чужестранныхъ дѣлъ Коллегіи*»[2]), что отъ этой Коллегіи должны быть выдаваемы подорожныя курьерамъ какъ на почтовыя, такъ и на ямскія лошади, «*понеже какъ въ иностранныя, такъ* «*и внутри россійскаго государства почта содержится въ той Коллегіи*»[3]); также въ Иностранной Коллегіи «*опредѣлено быть генеральной по*«*чтѣ*»[4]). Между тѣмъ учрежденіе ординарной почты, отъ Санктпетербурга до Москвы и до прочихъ городовъ, возложено было на Ямской Приказъ, который и вѣдалъ всѣми дѣлами, относящимися къ оной, слѣдовательно дѣлами почтовыми въ собственномъ смыслѣ[5]). Съ другой стороны невозможно даже предположить, чтобы Иностранной Коллегіи подчинена была исключительно иностранная какъ правительственная переписка съ посланниками и министрами, такъ и частная въ особенности же торговая корреспонденція, а Ямской Канцеляріи однѣ внутреннія сношенія, ямщики и ямы; ибо для устроенія ямовъ отъ Москвы до Архангельска посылаемъ былъ подъячій изъ Посольскаго, а не изъ Ямского Приказа[6]). Петръ Великій хотѣлъ сосредоточить высшее почтовое управленіе въ одномъ мѣстѣ и учредилъ для этого, подъ главнымъ вѣденіемъ Сената, званіе генералъ-почтъ-директора, которому, въ силу особенной инструкціи, долженствовали быть подчинены какъ Ямской Приказъ, всѣ ямщики и ямскіе прикащики, такъ и иностранный и купеческій почтамты, управляемые тогда вице-канцлеромъ Шафировымъ, впрочемъ, кажется, сіи послѣдніе лишь по хозяйствен-

---

[1]) 1711 Апр. 26 (2353). Здѣсь собственно сказано: «*Ямскому* «*Приказу не быть: а быть вмѣсто Приказа одному ямскихъ* «*дѣлъ столу подъ вѣденіемъ управителя Московской губерніи*». Дѣйствительно имѣется даже одно распоряженіе по почтовой части отъ Московскаго губернатора, именно 1712 Фев. 22 (2491). Но изъ этото нельзя заключать о совершенномъ уничтоженіи Ямского Приказа, ибо чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того въ указѣ 1712 Сент. 5 (2579), говорится о немъ, какъ существующемъ въ Санктпетербургѣ.

[2]) Наказъ воеводамъ 1719 Январь (3294).

[3]) 1719 Іюля 8 (3402).

[4]) 1719 Іюля 29 (3408).

[5]) 1720 Мая 24 (3591) и Дек. 17 (2691).

[6]) 1693 Іюня 8 (1470).

ной части. На генералъ-почтъ-директора возложена была обязанность осмотрѣть состояніе почтъ и стараться объ учрежденіи по всему государству какъ иностранныхъ и купеческихъ почтъ, такъ и верховыхъ для казенной и частной корреспонденціи, а между столицами — тяжелой (тележной) почты, съ обязательствомъ представлять о всякомъ своемъ предположеніи въ Сенатъ [1]).

§ 23.

Въ 1727 г. главное управленіе почтовой части, съ Ямскою Канцеляріею и нѣмецкою почтою, передано было въ вѣденіе вице-канцлера барона Остермана и, какъ видно изъ узаконеній, получивъ наименованіе Генеральнаго Почтамта, оставалось въ числѣ мѣстъ, подвѣдомственныхъ канцлерамъ до 1758 г., въ которомъ Высочайшимъ указомъ изъ Канцеляріи существованіе Генеральнаго Почтамта уничтожено, и всѣ дѣла почтовыя переданы Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, съ препорученіемъ высшаго управленія почтовой части въ Государствѣ, и самой Ямской Канцеляріи, Публичной Экспедиціи этой Коллегіи, въ которой со временемъ образованъ былъ особенный Почтовый Департаментъ [2]). Между тѣмъ, когда вслѣдствіе преобразованій, произведенныхъ во внутреннемъ управленіи изданіемъ учрежденія о губерніяхъ, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ Коллегій, закрыта была и Ямская Канцелярія и ея контора въ Москвѣ, а ямщики перешли въ вѣденіе казенныхъ палатъ, выдача же подорожныхъ и отправленіе почтъ между столицами поручены были на время Губернскому Правленію въ Санктпетербургѣ и Москвѣ, то, такъ-какъ при этомъ уничтожилась и Публичная Экспедиція Иностранной Коллегіи, Почтовый Департаментъ отдѣленъ былъ совершенно въ 1782 г. отъ сей Коллегіи, и подъ вѣденіемъ Сената сдѣлался совершенно особымъ учрежденіемъ и получилъ наименованіе Главнаго Почтовыхъ Дѣлъ Правленія [4]). Такимъ образомъ раз-

---

[1]) Инструкція 1722 Авг. 13 (4073).

[2]) 1727 Фев. 8 (5008). 1757 Май (10,723). 1758 Сент. 30 (10,883). Изъ указа 1766 Іюня 7 (12,691) видно, что Сенатъ посылалъ въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ предположеніе Ямской Канцеляріи объ учрежденіи почты отъ Новгорода до Смоленска и, получивъ объ этомъ мнѣніи Коллегіи, послалъ въ Ямской Приказъ объ исполненіи указъ.

[3]) 1772 Іюля 23 (13,842).

[4]) 1780 Окт. 24 (15,074) п. 7. 1781 Іюня 25 (15,178). Авг. 19 (15,213). 1782 Января 7 (15,316), Января 21 (15,330), Мар. 4 (15,361) п. 4 и Мая 19 (15,400).

розвившееся почтовое управленіе получило опять одно главное начальство, и наконецъ совершенно изгладилось долго существовавшее отличіе ямской и ординарной отъ иностранной почты. Подъ высшимъ завѣдываніемъ этихъ почтъ, въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія, находилась въ Москвѣ образовавшаяся безъ сомнѣнія изъ ямскихъ дѣлъ стола Ямская Контора, которая составляла отдѣленіе Ямской Канцеляріи[1]). Пріемомъ собственно, отправленіемъ и раздачею[2]) корреспонденціи завѣдывалъ Санктпетербургскій почтамтъ, бывшій при Иностранной Коллегіи, и кромѣ того въ столицахъ почтовыя конторы; здѣсь, равно какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ, съ учрежденіемъ ординарной почты между столицами, опредѣлены были почтмейстеры[3]). Наконецъ на станціяхъ назначаемы были прикащики или ямскіе управители, иногда гвардіи солдаты[4]). При Императрицѣ Екатеринѣ II являются уже подъ начальствомъ почтъ-директоровъ почтамты: Санктпетербургскій, Московскій, а затѣмъ малороссійскій и пограничный Ольвіопольскій, которые кромѣ пріема и отправленія корреспонденціи составляли уже нѣкотораго рода вторую инстанцію почтоваго управленія, ибо каждый изъ нихъ имѣлъ начальство надъ почтовыми мѣстами въ ближайшихъ къ нему губерніяхъ. Въ почтовомъ учрежденіи бѣлорусскихъ губерній предполагалось во всѣхъ губернскихъ городахъ учредить почтамты, но сіе не состоялось, а остались только въ городахъ почтовыя конторы и почтмейстеры; а на прочихъ станціяхъ почткомиссары и почталіоны, для которыхъ опредѣлена даже была особенная ливрея и рожокъ. Ямскіе же управители упразднены[5]).

---

[1]) 1738 Фев. 12 (7510).

[2]) Для развозки писемъ къ получателямъ повелѣно было указомъ 1746 Авг. 19 (9320) имѣть въ Санктпетербургѣ 1, а въ Москвѣ 2 верховыхъ почтовыхъ служителей.

[3]) 1720 Дек. 17 (3691). 1735 Мар. 18 (6712). 1737 Нояб. 18 (7440), и 1757 Мая 2 (10723).

[4]) 1720 Дек. (3691). Инструкція 1722 Авг. 13 (4073). 1752 Сент. 18 (10,025) и 1756 Авг. 23 (10,598).

[5]) 1765 Дек. 31 (12,539). 1766 Іюля 7 (12,691). 1767 Фев. 21 (12,835), 1772 Нояб. 23 (13,911). 1775 Іюн. 11 (14,334). 1782 Генв. 21 (15,330). 1783 Нояб. 23 (15,887). 1782 Іюня 16 (15,438). 1782 Генв. 7 (15,316). Изъ двухъ послѣднихъ узаконеній равно и изъ указа 1782 Февр. 10 (15,334) видно, что почты въ Малороссіи подчинялись Почтовому Департаменту и управлялись имъ посредствомъ по-

§ 24.

Такимъ образомъ въ царствованіе Императора Павла почтовое управленіе имѣло слѣдующій видъ: Главное Почтовое Правленіе, еще съ 1786 г. порученное вѣденію графа Безбородко, съ званіемъ главнаго директора почтъ, которое въ 1799 г. замѣнено было званіемъ управляющаго Почтовымъ Департаментомъ, завѣдывало въ высшей степени всею почтовою частію въ Имперіи, посредствомъ почтамтовъ: Санктпетербургскаго, Московскаго, малороссійскаго, литовскаго, Тамбовскаго, Казанскаго и Симбирскаго. Каждый изъ нихъ состоялъ подъ начальствомъ почтъ-директора и управлялъ почтовою частію въ нѣсколькихъ губерніяхъ, которыя распредѣлены были между ними правильно при учрежденіи Сибирскаго Почтамта, въ 1800 г. Подъ вѣденіемъ почтамтовъ въ городахъ губернскихъ находились почтовыя конторы, въ уѣздныхъ и заштатныхъ — почтовыя экспедиціи, наконецъ полевые почтамты при войскѣ и пограничныя почтовыя конторы. Каждое изъ сихъ мѣстъ состояло въ управленіи почтмейстера; на почтовыхъ станціяхъ опредѣлялись почтовые надзиратели, на главныхъ дорогахъ по два на каждой, а на прочихъ по одному; въ мѣстахъ же, гдѣ разгонъ незначителенъ, по одному чрезъ нѣсколько станцій. Императоръ, предполагая издать полный почтовый уставъ, утвердилъ между тѣмъ штаты какъ для Главнаго Почтоваго Правленія, такъ и для разныхъ почтовыхъ конторъ; въ почталіоны повелѣлъ опредѣлять рядовыхъ изъ полковъ, къ фронту неспособныхъ, но еще здоровыхъ, съ тѣмъ, чтобъ они переданы были съ дѣтьми совершенно въ почтовое вѣдомство[1]).

Такое образованіе почтоваго управленія оставалось, съ не-

становленнаго надъ малороссійскими губерніями почтъ-директора. Изъ указа же 1775 Іюня 11 (14,344) явствуетъ, что Санктпетербургскій и Московскій Почтамты завѣдывали почтовыми конторами, въ другихъ городахъ находившимися, и учреждали новыя.

[1]) 1786 Дек. 18 (16,476). 1797 Янв. 17 (17,744). п. 8. 1797 Апр. 24 объ учрежденіи въ Вильнѣ Литовскаго Почтамта (17,929) и Сентябрь (18,175). Высоч. указъ объ устройствѣ Почтоваго Департамента 1799 Апр. 16 (18,938), и штатъ оваго т, XXIV часть II (18,938). Дополненіе къ нему 1801 Апрѣля 25 (19,848) въ томъ же т.. 1799 Сент. 20 (19,134). 1800 Янв. 27 объ учрежденіи Сибирскаго Почтамта (19,255) и Іюня 15 (19,453).

большими измѣненіями въ подробностяхъ, и до недавняго времени, съ тѣмъ только, что Главное Правленіе Почтъ должно было еще нѣкоторое время не пользоваться совершенно отдѣльнымъ, независимымъ существованіемъ. Уже манифестомъ объ учрежденіи министерствъ Главное Правленіе Почтъ включено было въ число мѣстъ, поручаемыхъ непосредственному вѣдѣнію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и дѣйствительно въ 1806 г. къ нему присоединено[1]). Манифестомъ 1810 г. о раздѣленіи государственныхъ дѣлъ на особыя управленія почты окончательно причислены къ вѣдомству сего Министерства, и Главное Правленіе вошло въ составъ его, со всѣми своими принадлежностями[2]), а въ 1811 г. переобразовано, по общему министерскому уставу, въ Департаментъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, подъ названіемъ Почтоваго, со введеніемъ производства дѣлъ согласнаго съ новымъ министерскимъ учрежденіемъ[3]); всѣ же почтовые доходы и сборъ съ подорожныхъ, вѣдавшіеся и собиравшіеся доселѣ въ Главномъ Почтовомъ Правленіи, переданы въ вѣденіе и распоряженіе Министерства Финансовъ, по Департаменту Разныхъ Податей и Сборовъ[4]). Въ 1819 г. послѣдовало отдѣленіе Почтоваго Департамента отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ Почтовый Департаментъ, впредь до повелѣнія, оставленъ въ вѣденіи тогдашняго министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія князя Голицына, съ тѣмъ впрочемъ, что Департаментъ этотъ почитался какъ нѣчто совершенно отдѣльное отъ министерства; почему князь Голицынъ почелъ нужнымъ испросить для себя по управленію почтовою частію особое названіе. На докладъ его послѣдовала собственноручная Высочайшая резолюція: *«именоваться главноначальствующимъ надъ Почтовымъ Департаментомъ»*[5]). Здѣсь уже образовалось отдѣльное званіе главнаго начальника и началось особенное существованіе высшаго управленія почтовою частію, которое окончательно утвердилось тогда, когда, по увольненіи князя Голицына отъ должности министра На-

---

[1]) Манифестъ 1802 Сент. 8 (20,406) п. IV. 1806 Іюня 9 (22,108).

[2]) Манифестъ 1810 Іюля 25 о раздѣленіи государственныхъ дѣлъ на особыя управленія (24,307) § 6. Высоч. утвержд. раздѣленіе государственныхъ дѣлъ на особыя управленія 1810 Авг. 18 (24,326) ст. 111.

[3]) Общее учрежденіе министерствъ 1811 Іюня 25 (24,686) п. 10. 1811 Іюня 2 (24,659) и Іюля 7 (24,714),

[4]) Учрежденіе Министерства Финансовъ 1811 Іюля 25 (24,688) § 122.

[5]) 1819 Января 9 (27,970).

роднаго Просвѣщенія, вѣдомство Почтоваго Департамента оставлено было за нимъ, съ тѣмъ же наименованіемъ, въ видѣ отдѣльнаго министерства и съ присвоеніемъ ему правъ, обязанностей и степени власти прочихъ министровъ.

§ 25.

Наконецъ нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, «*желая дать лучшее устройство почтовой части и сколь*«*ко облегчить почтовое дѣлопроизводство, столько и вящше удостовѣ*«*рить быстроту движенія почтъ и точность дѣйствій почтовыхъ* «*мѣстъ, улучшивъ при томъ и положеніе служащихъ по сей части*», Высочайше поручать соизволилъ главноначальствующему надъ Почтовымъ Департаментомъ заняться изысканіемъ нужныхъ къ этому средствъ. Въ силу представленныхъ имъ и Высочайше утвержденныхъ предположеній, въ 1830 г. произведены слѣдующія преобразованія въ организаціи почтоваго управленія. Права и обязанности главноначальствующаго надъ Почтовымъ Департаментомъ оставлены въ предѣлахъ установленныхъ общимъ учрежденіемъ министерствъ, и образованъ при немъ Совѣтъ. Почтамты, кромѣ двухъ столичныхъ, упразднены, и на ихъ мѣста учреждены губернскія почтовыя конторы, которыя, равно какъ и всѣ прочія губернскія, областныя и пограничныя почтовыя конторы, входятъ затѣмъ въ непосредственное завѣдываніе Почтоваго Департамента и управляютъ находящимися въ ихъ губерніяхъ уѣздными почтовыми конторами и всѣми прочими почтовыми мѣстами. Для ближайшаго и непрерывнаго надзора за дѣйствіями почтовыхъ мѣстъ, учреждено особое званіе окружныхъ почтъ-инспекторовъ и всѣ губерніи раздѣлены на 11 округовъ, изъ коихъ каждый порученъ вѣдѣнію почтъ-инспектора. Однѣ только столичныя губерніи не входятъ въ составъ округовъ, а состоятъ подъ надзоромъ почтамтовъ по принадлежности. Вмѣстѣ съ этимъ опредѣлены точнымъ образомъ права, обязанности, порядокъ дѣйствій и степень власти и отвѣтственности различныхъ почтовыхъ чиновниковъ и мѣстъ, порядокъ контроля и надзора, и наконецъ даны правила отчетности для Главнаго Почтоваго Управленія[1]). Такимъ обра-

[1]) Именный указъ 1830 Окт. 22 (4019). Высоч. утвержд. положеніе объ устройствѣ почтовой части 1830 Окт. 22 (4020). Высоч. утвержд. полож. о Совѣтѣ при главноначальствующемъ надъ Поч. Депар. 1830 Окт. 22 (4021). Высоч. утвержд. мнѣніе Государственнаго Совѣта 1832 Окт. 4 (5643).

вомъ съ 1832 г.[1]) совершенно уже введено новое управленіе, а существенныя улучшенія, имъ произведенныя, въ особенности по отношенію къ бдительности надзора и контроля и къ сбереженію времени при разныхъ почтовыхъ дѣйствіяхъ, сообщили почтовому механизму то совершенство въ цѣломъ и стройность, исправность въ частяхъ, которыми онъ теперь отличается.

§ 26.

Таковы были судьбы почтъ и почтоваго законодательства въ Россіи. Нельзя не согласиться, что эта важная часть государственнаго благоустройства подвигалась всегда на-равнѣ съ общимъ ходомъ Россіи на пути государственнаго и гражданскаго ея развитія. Въ удѣльномъ періодѣ, когда государство представляло раздробленные, еще не сросшіеся въ одно органическое тѣло элементы, видимъ самые грубые, неразвитые начатки ямского учрежденія. Іоаннъ III и Іоаннъ IV дали ему болѣе правильный и единообразный видъ тогда именно, когда въ политическихъ отношеніяхъ Россіи и въ государственномъ ея быту произошелъ важнѣйшій переворотъ. Между тѣмъ, уже со времени бракосочетанія Іоанна III съ Царевною Софіею и первыхъ торговыхъ сношеній съ Англичанами, принявъ въ нѣдра свои многихъ образованныхъ и искусныхъ иностранцевъ, по возстановленіи внутренняго спокойствія, при первыхъ Государяхъ нынѣ благополучно царствующаго Дома, Россія стала быстро развивать промышленныя свои силы, и вслѣдъ за этимъ явились почты, какъ общеполезное, потребностямъ всѣхъ гражданъ удовлетворяющее учрежденіе. Великій преобразователь Россіи, проникнутый важностію ихъ какъ въ правительственномъ отношеніи, по управленію огромнаго своего государства, такъ и въ отношеніи ко всѣмъ сторонамъ жизни общественной, въ продолженіе всего своего царствованія стремился къ учрежденію почтъ по цѣлому государству и отказалъ мысль эту своимъ преемникамъ. Въ это незабвенное царствованіе, среди первыхъ попытокъ привести законодательство въ одну стройную, полную систему, по силѣ первыхъ опытовъ колебавшейся еще въ основныхъ своихъ нача-

---

[1]) Первоначально Высочайше повелѣно было всѣ преобразованія привести въ дѣйствіе съ 1 Января 1831 г., но ук. 1830 Нояб. 2 (4063), срокъ этотъ назначенъ только для открытія Совѣта при главноначальствующемъ, преобразованія Почтоваго Департамента, уничтоженія губернскихъ почтамтовъ и образованія округовъ. Виленскій почтамтъ закрытъ только въ 1832 году. (1830 Дек. 23 [4211] и 1832 Янв. 29 [5119]).

лахъ кодификаціи, и почтовая часть получила первое общее постановленіе, которымъ опредѣленъ правильный, единообразный порядокъ почтовыхъ дѣйствій. Въ это время, обильное важными происшествіями, богатое прекраснѣйшими воспоминаніями, когда въ общей системѣ высшаго управленія государства явились коллегіи, впервые съ большею или меньшею правильностію раздѣлившія между собою всю разнородную массу государственныхъ дѣлъ, въ первый также разъ сдѣлана попытка дать почтовой части единообразное устройство и управленіе отдѣльное, сосредоточенное въ одномъ высшемъ, особомъ òрганѣ; здѣсь положенъ краеугольный камень почтоваго законодательства, которое опять, въ стремленіи своемъ къ образованію общаго почтоваго устава, слѣдовало ходу самой кодификаціи въ Россіи. Мы видѣли, какъ въ высшей степени важно было для почтъ царствованіе Императрицы Екатерины II. Въ общей массѣ предметовъ новаго уложенія относя учрежденіе почтъ къ той части законодательства, которая наименована устроеніемъ полезнаго, Императрица нѣсколько разъ изъявляла намѣреніе издать въ непродолжительномъ времени какъ бы приготовлявшійся уже полный почтовый уставъ, и хотя намѣреніе это, не бывъ оставлено и Императоромъ Павломъ, не получило дѣйствительнаго исполненія, однакожь сдѣланныя въ сіи два царствованія перемѣны въ почтовомъ устройствѣ остались до сего времени основными его чертами, равно-какъ и происшедшій тогда уже и довершенный учрежденіемъ министерствъ переворотъ въ цѣлой системѣ внутренняго управленія и донынѣ еще служитъ опорою, на которой основаны всѣ позднѣйшія улучшенія. Наконецъ увѣнчавшіеся изданіемъ свода законовъ сто-двадцати-пяти-лѣтніе законодательные труды одарили и почтовую часть нынѣшнимъ благоустроеннымъ ея положеніемъ и приготовили уже обработанные, въ правильный видъ приведенные всѣ матеріалы, для полнаго почтоваго устава. Величайшую важность въ будущихъ своихъ послѣдствіяхъ заключаетъ начало, нынѣ положенное и ведущее почты къ тому, чтобъ онѣ, переставъ быть повинностію, тяготѣющею на народѣ, сдѣлались со временемъ учрежденіемъ, поддерживающимся совершенно самимъ собою. Безъ сомнѣнія вольныя почты будутъ по части почтоваго законодательства въ Россіи прекраснѣйшимъ памятникомъ нашего времени, столь замѣчательнаго во всѣхъ отношеніяхъ.

Примѣчаніе. По неимѣнію источниковъ нельзя съ точностію опредѣлить, въ какой прогрессіи происходило развитіе почтовой части въ Россіи и какъ возрастало самое пользованіе почтами. Что это развитіе было довольно быстро, видно изъ того, что въ

1807 году число мѣстъ, подвѣдомственныхъ Главному Почтовому Управленію, въ которыя поступали почтовые сборы, слѣдовательно однихъ различнаго наименованія конторъ, почтовыхъ отдѣленій и экспедицій простиралось (см. ук. 1807 Фев. 10 [22,452] П. С. З.) до 588, въ продолженіи съ небольшимъ 22 лѣтъ оно значительно увеличилось. Такъ въ штатахъ 1830 года (прил. къ т. V втораго Собр. Зак., прил. къ N° 4020, стр. 61) число почтовыхъ мѣстъ и лицъ, какъ-то: почтамтовъ, окружныхъ почтъ-инспекторовъ, губернскихъ, областныхъ, пограничныхъ и уѣздныхъ почтовыхъ конторъ и почтовыхъ отдѣленій въ одной Имперіи, со включеніемъ Бессарабіи и Грузіи, простирается до .... 624.

Но замѣтимъ, что здѣсь не включены почтовыя станціи, коимъ разрѣшенъ пріемъ корреспонденціи. Число же показанныхъ въ изданномъ въ 1829 г. Почтовомъ Дорожникѣ всѣхъ почтовыхъ мѣстъ, въ которыхъ производился пріемъ корреспонденціи, со включеніемъ Финляндіи, доходитъ уже до .... 751.

Въ 1842 году почтовое управленіе состояло изъ двухъ почтамтовъ, 53 почтовыхъ конторъ, 625 уѣздныхъ отдѣленій и 7 конторъ пограничныхъ. Если къ сему прибавить 12 окруж. почтъ - инспекторовъ, то число мѣстъ и лицъ, составлявшихъ почтовое управленіе, будетъ до .... 699.

Число же мѣстъ, въ коихъ производится пріемъ корреспонденціи, со включеніемъ 163 почтовыхъ станцій, на которыхъ онъ нынѣ разрѣшенъ, доходитъ (Русск. Вѣстникъ 1842 Апрѣль N° 4 смѣсь, стр. 33). до .... 850.

О числѣ почтовыхъ станцій и пространствѣ почтовыхъ дорогъ въ Россіи Шторхъ (прив. соч. т. VII прим. 4, на стр. 388) замѣчаетъ, что въ 1762 г. въ Россіи почтовыхъ станцій считалось только до 574,

и что въ 1790 г. ихъ было уже до .... 713.

Въ Почтовомъ Дорожникѣ 1829 г. число показанныхъ станцій въ одной Имперіи доходитъ до .... 3240.

Что касается до величины почтовыхъ оборотовъ, то въ теченіи года, считая съ 1 Іюля 1840 по 1 Іюля 1841 г., переслано было чрезъ почтовое управленіе *до 8 милліоновъ* писемъ и посылокъ; капиталовъ же въ деньгахъ и представительныхъ знакахъ ихъ — *болѣе 272 милліоновъ* рублей серебр. (Русскій Вѣстникъ, тамъже). Почтовый доходъ въ 1805 г. изъ главныхъ двухъ источниковъ: пересылки писемъ и денегъ простирался не выше какъ до.................................. 2,421,181 р. ас.

расходъ же въ этомъ году былъ .... 1,488,188 руб. ас.

(Ср. ук. 1897 Фев. 10). Между тѣмъ изъ отчета, представленнаго Государю Императору главноуправляющимъ надъ Почтовымъ Департаментомъ за 1839 г., видно, что въ 1837 г. почтовыхъ доходовъ вообще поступило .... 12,760,872 » »

изъ нихъ употреблено на расходъ ...... 6,370,680 » »

за тѣмъ чистаго дохода поступило въ казну 6,390,192 » »

слѣдовательно болѣе 50% въ сравненіи съ грубымъ. (Жур. Мин. Вн. Дѣлъ 1840 Февраль, стр. 137). Наконецъ въ 1840 почтовый доходъ составлялъ ....2,192,806р.54 к.с.

(Русскій Вѣстникъ, тамъ-же), что въ отношеніи къ грубому составитъ около 56¼ %.

Почтовый доходъ въ слѣдствіе реформы 1843 года увеличился. Вѣсовой и страховой сборы, образующіе прямой источникъ почтоваго дохода, составляли:

въ	1843	году	— 3,609,497	руб.
»	1847	»	— 3,680,189	»
»	1848	»	— 3,718,930	»

Слѣдовательно въ 1848 г. поступило по вѣсовымъ и страховымъ сборамъ въ сложности на 38,741 руб. болѣе противъ 1847 г., и на 109,433 р. болѣе противъ 1843 года. Страховая такса, установленная въ то же время, принесла желаемые плоды. Въ настоящее время отправленіе капиталовъ чрезъ почту быстро увеличивается. Такъ капиталовъ казенныхъ и частныхъ было отправляемо:

въ	1838 г.	233	мил.	руб.
»	1843 »	274	»	»
»	1848 »	446	»	»

Такимъ образомъ въ 1-е пять лѣтъ послѣ 1838 года, при существованіи прежней почтовой таксы, пересылка чрезъ почту капиталовъ получила приращенія только на 41 мил. руб. или около 18% на 100. Между тѣмъ какъ въ послѣдніе 5 лѣтъ, со времени введенія нынѣ дѣйствующей таксы, пересылка капиталовъ умножилась на 172 мил. руб., что составляетъ почти 63% на 100, болѣе нежели вчетверо противъ 1-го пятилѣтія. Очевидно, что кромѣ постояннаго умноженія въ государствѣ денежныхъ оборотовъ, промышленности и торговли, которыя даютъ капиталамъ

движеніе, такому быстрому въ короткое время усиленію пересылки ихъ чрезъ почту способствовала въ особенности такса, установленіемъ которой правительство значительно содѣйствовало облегченію денежныхъ пересылокъ.

О. Бржозовскій.

ОПЫТЪ

УЧЕНОЙ РАЗРАБОТКИ КУПЧИХЪ ГРАМОТЪ,

помѣщенныхъ

ВЪ АКТАХЪ ЮРИДИЧЕСКИХЪ.

Предлагаемая статья состоитъ изъ пяти отдѣловъ:

Въ первомъ указано на число купчихъ, мѣста, изъ которыхъ заимствованы Археографическою Коммиссіею подлинныя купчія или списки съ нихъ, время, къ которому относятся купчія, ихъ цѣлость и поврежденность; имена ихъ. Во второмъ разсмотрѣнъ матеріалъ и внѣшняя форма купчихъ. Въ третьемъ внутренняя ихъ форма. Въ четвертомъ старались мы изобразить, на основаніи купчихъ, самый договоръ купли-продажи. Наконецъ въ пятомъ указано на мѣру обогащенія купчими Исторіи Русскаго Права. При изложеніи послѣдняго отдѣла имѣли мы въ виду сочиненіе Рейца[1]), какъ трудъ, представляющій опредѣлительные итоги въ отношеніи разработки извѣстныхъ ко времени его появленія матеріаловъ, завершающій собою цѣлый періодъ въ развитіи науки Исторіи Русскаго Права, и старались показать, что пріобрѣтено наукою чрезъ изданіе купчихъ; для этой цѣли мы повѣряли мнѣнія Рейца: указывали, которыя изъ нихъ подтверждаются купчими и наконецъ

[1]) Опытъ Ист. Росс. Госуд. и Гражд. Зак. М. 1836. Изд. Морошкина.

изложили тѣ данныя, извлекаемыя изъ купчихъ, которыя Рейцу не были и не могли быть извѣстны.

Работы по Исторіи Русскаго Права имѣютъ задачею уяснить начала дѣйствующаго законодательства, сложившагося отчасти изъ историческихъ элементовъ. На этомъ основаніи въ двухъ послѣднихъ отдѣлахъ разсужденія дали мы мѣсто нѣсколькимъ указаніямъ, весьма не многимъ впрочемъ и при томъ отрывочнымъ, на связь положительнаго законодательства касательно договора купли-продажи съ купчими.

Въ заключеніе скажемъ, что въ ходѣ всего изложенія мы старались не выступать за предѣлы, очерченные заглавіемъ.

ОПЫТЪ УЧЕНОЙ РАЗРАБОТКИ КУПЧИХЪ, ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ЮРИДИЧЕСКИХЪ АКТАХЪ, ИЗДАННЫХЪ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЮ КОММИССІЕЮ.

I.

Число купчихъ. Юридическіе Акты содержатъ въ себѣ шестьдесятъ пять грамотъ, названныхъ редакторами оныхъ «*купчими записями*». Изъ числа этихъ актовъ одинъ, помѣщенный подъ N° 71, XXVI, редакторами актовъ ошибочно причисленъ къ разряду купчихъ; по-этому онъ не войдетъ въ кругъ нашего изслѣдованія. Кромѣ того, хотя тридцать седьмая Новгородская грамота, отнесенная къ числу купчихъ, не есть купчая, а выкупная грамота, мы будемъ ее разсматривать на-равнѣ со всѣми остальными грамотами, потому-что она по существу своему ничѣмъ не отличается отъ купчихъ; тѣмъ болѣе имѣемъ мы права сказать это, что списокъ съ подлинной грамоты называетъ ее «*купчею*».

Въ Юридическихъ Актахъ купчія заняли слѣдующія мѣста: N° 71 включаетъ въ себѣ тридцать шесть Новгородскихъ купчихъ (71, I—XXV, XXVII—XXXVII); слѣдующими за этимъ нумерами 72—99 помѣчены остальныя двадцать восемь купчихъ грамотъ.

Мѣста, изъ которыхъ заимствованы Археографическою Коммиссіею подлинныя купчія или списки съ нихъ. Къ Актамъ Юридическимъ приложена таблица библіотекъ и архивовъ, изъ которыхъ заимствованы Акты. Относительно купчихъ изъ этой таблицы извлекаются слѣдующія свѣдѣнія: изъ архива Новгородской Казенной Палаты заимствована одна купчая (N° 71, I); изъ библіотеки Академіи Наукъ три (NN° 71, XIV — XVI); изъ библіотеки Румянцовскаго Музеума восемь (NN° 71, XVII — XXIV); изъ Санктпетер-

бургской Публичной Библіотеки одна купчая (N° 72). Остальныя купчія (NN° 71, II — XIII, XXV, XXVII — XXXII, 73 — 99) относятся къ двумъ коллекціямъ: 1) Археографической Экспедиціи, и 2) коллежскаго ассесора Строева, и составляютъ собственность Археографической Коммиссіи[1]).

Время, къ которому относятся купчія. Купчія обнимаютъ собою около трехъ столѣтій времени, начиная съ половины XIV вѣка и кончая второю четвертью XVII. Ни въ одной изъ купчихъ, писанныхъ до 1501 года (N° 76), не указывается на время составленія той или другой грамоты. Впрочемъ по именамъ, встрѣчающимся въ грамотахъ и сохраненнымъ намъ исторіею, и по нѣкоторымъ палеографическимъ признакамъ древнихъ актовъ есть возможность опредѣлить годъ или продолженіе нѣсколькихъ годовъ, къ которымъ относятся нѣкоторыя изъ этихъ купчихъ.

Древность языка первой Новг. купчей, писчій ея матеріалъ — хлопчатобумажный (charta bombycina), вошедшій у насъ въ употребленіе съ ½ XIV вѣка и сверхъ того слова: *«а отъ того лѣта, «коли Іо. князь мертвъ Ивановичеъ»*, относящіяся по видимому, какъ увѣряютъ редакторы, къ Великому Князю Іоанну II (1353—1359), заставляютъ думать, что купчая эта относится къ его княженію, слѣдовательно къ ½ XIV столѣтія[2]). Редакторы Актовъ Юридическихъ относятъ 22 и 24 Новгородскія купчія къ половинѣ XV вѣка, потому-что имя игумена Василія, пріобрѣвшаго на основаніи этихъ купчихъ земли, упоминается въ 1449 году[3]). Значащійся въ NN° 71, XXVII и XXIX игуменъ Лука былъ современникъ Новгородскаго архіепископа Іоанна (1389 — 1414); на этомъ основаніи означенные нумера отнесены издателями къ этому времени[4]). Редакторы, опредѣляя такимъ образомъ время написанія этихъ двухъ купчихъ, должны бы были отнести и N° 71, XXV къ тому же времени; ибо и въ этой послѣдней грамотѣ значится имя игумена Луки. NN° 71, XXXI и XXXVII отнесены редакторами ко второй половинѣ XV стол., такъ-какъ упоминаемые въ этихъ

---

[1]) Первое примѣчаніе къ таблицѣ А, приложенной къ Актамъ Юридическимъ.

[2]) Акт. Юрид., прим. 13.

Примѣчаніе. Изъ отпечатанныхъ въ Актахъ Юрид. 684 нумеровъ, только одинъ (N° 2571) древностію своею превышаетъ первую Новг. купчую. По свидѣтельству редакторовъ онъ относится къ началу XIV вѣка. (Акт. Юрид., прим. 30).

[3]) Акт. Юрид., прим. 13.

[4]) Тамъ же.

купчихъ игумены Іоаннъ и Адріанъ жили въ это время[1]). № 72 принадлежитъ игумену бѣлозерскаго монастыря Кириллу. Преподобный Кириллъ основалъ монастырь на Бѣлѣозерѣ въ 1397 году, а умеръ въ 1427[2]); слѣдовательно 72 купчая писана не позже года смерти игумена Кирилла. Время жизни игуменовъ кириллова монастыря Кассіана и Филоѳея показываетъ приблизительно по крайней мѣрѣ годы, къ которымъ относятся 73 и 74 купчія. О Кассіанѣ упоминается въ 1448 — 1468, о Филоѳеѣ же въ 1469 или 1470 г.[3]). Въ началѣ 75 купчей сказано: «*купилъ есмь* . . . «*на Волоцѣ, вотчину*. . . . .» Въ концѣ же грамоты читаемъ: «*а грамоту купчюю писалъ Филя сытникъ князя Борисовъ Васильевича*». Слѣдовательно грамота эта писана еще при жизни родного брата Іоанна III, Волоцкаго князя Бориса, умершаго въ 1494 году[4]).

Постараемся сдѣлать распредѣленіе, которое показывало бы нагляднымъ образомъ время составленія каждой грамоты по крайней мѣрѣ приблизительное.

Къ половинѣ XIV вѣка относится одна грамота (№ 71, I); къ концу XIV или началу XV четыре (NN° 71, XXV, XXVII, XXIX и 72) и къ половинѣ XV стол. пять купчихъ (NN° 71, XXII, XXIV, XXXI, XXXVII и 73). Остальныя 28 Новгородскихъ купчихъ, время составленія которыхъ не было даже возможности опредѣлить приблизительно, отнесены редакторами вообще къ XIV и XV стол. (NN° 71, II — XXI, XXIII, XXVIII, XXX, XXXII — XXXVI). Что же касается до остающихся за тѣмъ неновгородскихъ купчихъ, начиная съ № 74, то онѣ распредѣляются по княженіямъ и царствованіямъ такимъ образомъ: на княженіе Іоанна III упадаютъ три (NN° 74 — 76), на княженіе Василія III двѣ (NN° 77 и 78), на царствованіе Іоанна IV шестнадцать (NN° 79 — 94), на царствованіе сына его одна (№ 95), на царствованіе Годунова одна (№ 96), на междуцарствіе одна (№ 97) и на царствованіе Михаила Ѳеодоровича двѣ грамоты (NN° 98 и 99).

Цѣлость и поврежденность купчихъ. По свидѣтельству редакторовъ, Акты Юридическіе вообще, а слѣдовательно и купчія, списаны съ подлинниковъ, большею частію ветхихъ и неразборчивыхъ[5]). Однакожь только 7 грамотамъ дошли до насъ болѣе или

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Статья Глаголева «*объ Акт. Юрид.*», помѣщенная въ Жур. Мин. Внут. Дѣлъ, 1841 № 8.

[3]) Акт. Юрид., прим. 14.

[4]) Акт. Юрид., примѣчаніе 15.

[5]) Предисловіе къ Акт. Юрид., стр. IV.

менѣе попорченными (NN° 71, vii, xiv, xix, xx, xxiii, xxviii и 75). Въ подлинникѣ 75 купчей недостаетъ начала; но пробѣлъ такъ незначителенъ, что, вѣроятно, только имени и отчества покупщика не достаетъ въ этой грамотѣ. Къ подлинникамъ 7, 14, 20 и 23 Новгородскихъ купчихъ были привѣшены печати, но до насъ дошли эти 4 грамоты безъ оныхъ. Девятнадцатая Новг. купчая хотя и дошла до насъ съ печатью, но бывшая на ней надпись изгладилась отъ времени. Поврежденіе 28-й Новг. купчей гораздо значительнѣе: отъ-того конецъ этой грамоты непонятенъ. Наконецъ, можно думать, что первая Новг. купчая была съ печатью, ибо въ концѣ самой грамоты читаемъ: *«а стояло у печати»*.

Имена купчихъ. Десять купчихъ сами себя называютъ *«грамотами»* (NN° 71, iv, vi, xvi, xxxiv, xxxvi, 72 и 76); четыре сами себя называютъ *«купчими»* или *«купными грамотами»* (NN° 71, xxv, xxx, 77 и 82); пять купчихъ, извѣстныя намъ только по спискамъ, называются ими *«купчими»* (NN° 71, xxvii, xxiii, xxxi, xxxv, и xxxvii); двадцать одна сами себя называютъ *«купчими»* (NN° 71, xxix, xxxii, 78 — 81, 83 — 90, 92, 93, 95 — 99); наконецъ двѣ купчія сами себя назвали *«купчими записями»* (NN° 91 и 94). Остающіяся за тѣмъ 22 купчія не даютъ себѣ никакихъ названій (NN° 71, i — iii, v, vii — xv, xvii — xxiv и xxxiii).

Изъ приведенныхъ указаній видно, что 14 купчихъ именуютъ сами себя *«грамотами»*, и что только двѣ купчихъ назвали себя *«записями»* По-этому мы полагаемъ, что купчимъ приличнѣе присвоять названіе *«грамотъ»*, а не *«записей»*, какъ поступили редакторы.

III.

Матеріалъ и внѣшняя форма купчихъ. Съ подлинниковъ отпечатаны 42 грамоты (NN° 71, i — xvi, 73 — 97 и 99), со списковъ же 22 (NN° 71, xvii — xxv, xxvii — xxxvii, 72 и 98). Матеріалъ, на которомъ писаны подлинныя купчія, были пергаминъ и бумага. Подлинники 35 грамотъ писаны на пергаминѣ (NN° 71, ii — xxv, xxvii — xxxvii), шести на хлопчатобумажныхъ листкахъ (NN° 71, i, 73 — 75, 77 и 79), о четырехъ сказано, что онѣ писаны на бумажныхъ (NN° 76, 78, 80 и 84), подлинники семнадцати писаны на листахъ, но на какихъ — хлопчатыхъ или льняныхъ, редакторами Юридическихъ Актовъ не означено. О писчемъ матеріалѣ подлинниковъ (NN° 72 и 98) не имѣемъ мы никакихъ свѣдѣній; только о спискѣ съ подлинника

98 купчей, относящемся къ половинѣ XVII вѣка, сказали редакторы, что онъ писанъ на одномъ листкѣ. При 16-ти грамотахъ редакторами означена величина матеріала, на которомъ были писаны подлинныя купчія (NN° 71, I — XIII, XIX, XX и 74). Изъ этихъ указаній видно, что пергаминные листки простирались въ длину отъ 1¼ до 5, въ ширину отъ 2¾ до 4¾ вершковъ; величина же хлопчатобумажныхъ листковъ простиралась отъ 1¾ до 3 въ длину и отъ 3 до 3¼ вершковъ въ ширину. Ежели на одномъ листѣ не умѣщалась вся грамота, то къ исписанному уже листу приклеивали другой, потомъ третій и т. д. Такъ мы можемъ указать на двѣ грамоты, писанныя на двухъ вмѣстѣ склеенныхъ листахъ (NN° 85 и 90) и на одну, писанную на трехъ вмѣстѣ склеенныхъ листахъ (N° 86). Что касается до почерка, которымъ были писаны нѣкоторыя купчія, то подлинники 8 грамотъ писаны уставомъ (NN° 71, II, III, XVII—XX, XXIII и XXIV); 10 полууставомъ (NN° 71, I, XXI, XXII, 73 — 75, 77, 79, 81 и 82); подлинникъ одной западно-русскимъ почеркомъ (N° 76); еще одной скорописью (N° 83), наконецъ въ палеографическихъ описаніяхъ подлинниковъ (NN° 80, 83, 97 и 99) сказано, что они писаны столбцемъ.

Купчія были помѣщаемы на одной только сторонѣ писчаго матеріала, другая же оставалась свободною; только съ начала XVI вѣка стали на ней подписываться свидѣтели, продавцы и нѣкоторые другія къ договору прикосновенныя лица (NN° 76 — 88, 90, 91, 93 — 96 и 99). Въ купчихъ, писанныхъ до 1501 года, вмѣсто таковыхъ подписей, по безграмотности дававшихъ актъ и присутствовавшихъ при составленіи онаго, были привѣшиваемы и прикладываемы печати. (Въ свое время будемъ мы говорить объ этомъ подробно). Къ подлинникамъ 34 купчихъ были привѣшены свинцовыя печати на суровыхъниткахъ и шелковыхъ разныхъ цвѣтовъ шнуркахъ (NN° 71; II — XXV, XXVII — XXXII, XXXIV — XXXVII). Къ хлопчатобумажному подлиннику 74 купчей приложена была на отгибѣ края небольшая желтовосковая печать. На семнадцати печатяхъ изображенъ крестъ (NN° 71, II, III, V, VI, VIII—XIII, XV—XIX, XXI и XXII), на одной пѣтухъ, окруженный точками (N° 71, IV); восковая же печать N° 74 изображаетъ въ кружкѣ звѣря и имя собственника печати. Изображенія на вислыхъ печатяхъ, находившихся у подлинныхъ Новг. купчихъ, помѣщаемы были, какъ можно судить по палеографическимъ описаніямъ грамотъ, на лицевой сторонѣ, на обратной же находились надписи именъ собственниковъ этихъ печатей. Только одна печать, привѣшенная къ N° 71, XXII, составляетъ исключеніе: на одной ея сторонѣ, какъ мы уже видѣли, изображенъ крестъ, на другой же какая-то птица съ распущен-

ными когтями. Были-ли изображенія на остальныхъ печатяхъ, — редакторами не упомянуто[1]).

III.

Внутренняя форма купчихъ. Купчія начинаются объявленіемъ совершающихъ актъ, что такой-то купилъ у такого-то (NN° 71, I — XXV, XXVII — XXXVII, 72 — 80 и 83), или съ ½ XVI стол., что такой-то продалъ такому-то (NN° 81, 82, 84 — 99). Прописывались имя, отчество, фамилія, прозваніе, довольно часто даже званіе контрагентовъ; съ ½ XVI вѣка встрѣчаются грамоты, содержащія въ себѣ указанія на мѣста жительства договаривающихся. Грамоты писались отъ имени покупщика, съ ½ же XVI стол. отъ имени продавца; въ первомъ случаѣ о покупщикѣ говорится въ грамотѣ въ первомъ лицѣ, во второмъ же о продавцѣ (ср., для примѣра, NN° 81 и 76).

За этимъ объявленіемъ слѣдовало означеніе проданнаго имущества. Но подъ это положеніе не подходитъ N° 71, XXXII, потому-что въ грамотѣ этой не указывается на предметъ договора, а только на волость и урочище, въ которыхъ онъ находится, съ присовокупленіемъ къ этому указанію выраженія: «*цымъ владѣлъ* «*отецъ ихъ и дѣдъ ихъ*» (продавцевъ). Къ этому же разряду можно бы причислить и 13 Новг. купчую, такъ-какъ и въ ней не ясно означенъ предметъ купли-продажи. Во всѣхъ же остальныхъ грамотахъ съ точностію обозначается предметъ договора; такъ во всѣхъ почти купчихъ кромѣ наименованія имущества указывается или волость, или урочище, или уѣздъ, станъ, посадъ, въ которыхъ оно находится, рѣка или озеро, при которыхъ оно лежитъ, улица, если имущество находится въ городѣ[2]). Въ большей части грамотъ исчисляются принадлежности проданнаго имущества — угодья. Во многихъ они описываются съ чрезвычайною точностію (NN° 85, 91, 94, 99 и др.); указывается, напр., на самый видъ, форму имущества[3]), мѣру его[4]), употребленіе, къ которому оно го-

[1]) См. палеографическія описанія (NN° 71, VII, XIV, XX, XXIII — XXV, XXVII — XXXII, XXXIV — XXXVII).

[2]) «*Се азъ.....продалъ есми свой дворъ.....на Кузмодемьянѣ* «*улицы......*» (N° 91).

«*Се азъ.....продалъ есми.......дворъ свой на Досланѣ* «*улицы*» (N° 94).

[3]) Напр.: «*горняя земля, горней земли*» (NN° 71, II, XVIII, XIX, XXXVII); «*узкая веретея*» (N° 71, XIV).

[4]) «*Анбаръ поперегъ стѣны пяти саженъ, а вдоль семь саженъ*» (N° 81);

дно[1]), достоинство его[2]). Въ одной купчей указано даже на количество плодовъ, собираемыхъ съ продаваемаго имущества[3]). Для означенія принадлежностей имущества употреблялись выраженія общія, напр.: *гдѣ ни есть, по старини, все безъ вывѣта»* (NN° 71, VIII, X, XXXI, 88 и др.). Во всѣхъ почти грамотахъ, составленныхъ съ начала XV вѣка и до конца XVI, для означенія принадлежностей поземельныхъ участковъ употреблялись слѣдующія выраженія — формулы: *«купилъ есми»*, или *«продалъ есми села, «деревни, пустоши, починки, и съ лѣсомъ, и съ луги, и съ пожнями, «и съ рыбными ловищи, и съ путики, и съ болоты, и со всѣми «угодьи, со всѣмъ съ тѣмъ, что къ тѣмъ деревнямъ и къ пустошамъ «изъ старины по-тяло», «тяло изстарини», «изстари по-тяглу»* (NN° 72, 75 — 77, 80, 82, 84, 86 и 87). Должно замѣтить, что исчисленіе переукрѣпляемаго имущества въ нѣкоторыхъ грамотахъ разбросано по разнымъ мѣстамъ. Такъ напр., въ двухъ купчихъ принадлежности имущества исчисляются послѣ упоминанія уже о цѣнѣ и условія о продажѣ имѣнія *«въ дерны»* (NN° 71, XX и 89); въ одной послѣ упоминанія о цѣнѣ (N° 78), и еще въ одной за опредѣленіемъ цѣны имущества и объявленіемъ, со стороны продавца, обязательства объ очисткѣ, помянуто о принадлежностяхъ его (N° 94).

Въ большей части грамотъ содержится означеніе границъ проданнаго имущества[4]), но означенію этому не всѣ купчія даютъ одинаковое мѣсто. Напр. въ однѣхъ означеніе границъ имѣнія слѣдуетъ за опредѣленіемъ цѣны его (NN° 71, XXVII и XXXIV); въ другихъ въ слѣдъ за помѣщеніемъ условія о продажѣ имущества *«одерень»*, *«вѣчьки»*, *«впрокъ»*, *«безъ выкупа»* (NN° 71, II, XXV, XXXVII и 75); наконецъ, въ одной грамотѣ означеніе границъ имѣнія слѣдуетъ за обязательствомъ продавца очищать оное (N° 95). Въ большей же части купчихъ, въ слѣдъ за именованіемъ предмета договора, слѣдуетъ означеніе границъ его. Означеніе это со-

---

«а длина дворищу восми саженъ, а поперегъ четыре сажени» (N° 97).

[1]) *«Продалъ есми ...... да четыре црены, на двѣ починивъ соль «варить, а два на желѣзо розсѣкати»* (N° 85).

[2]) *«Продалъ есми ...... да меринъ старъ добрѣ»* (N° 85).

[3]) *«А ставитца на той пожнѣ сѣна и съ чищениною четыре во«зы»* (N° 96).

[4]) Купчія, несодержащія въ себѣ такого означенія, слѣдующія: (NN° 71, I, III, V, VII, IX, X, XI, XIII, XVIII, XIX, XXI, XXIX, XXX, XXXII, XXXI[illegible] 72 — 74, 81, 87, 91 — 94 и 97).

стояло въ выраженіяхъ общихъ: *«по старымъ межамъ»* (NN° 71. II, VI, VIII, XVI, XXXVII и 79), *«по старинѣ»* (N° 71. XVI). Во многихъ грамотахъ, составленныхъ съ конца XV столѣтія и до конца XVI, для означенія границъ поземельныхъ участковъ встрѣчаются слѣдующія формулы: *«кудѣ изъ тѣхъ деревень и съ пусто-«ши топоръ и коса и соха и плугъ ходили, по старинѣ», «изъ ста-«рины»* (N° 75 — 78, 80, 82 — 85, 88, 89); *«кудѣ ходитъ «плугъ и соха и коса и серпъ»* (N° 86). Но независимо отъ этихъ общихъ выраженій (формулъ) въ большей части грамотъ межи проданнаго имущества означаются еще отдѣльно. Въ нѣкоторыхъ ку́пчихъ онѣ описываются съ чрезвычайною подробностію; примѣры такихъ описаній преимущественно видны изъ 75, 79 и 83 грамотъ. Относительно поземельныхъ участковъ описаніе границъ состояло большею частію въ означеніи живыхъ урочищъ и дачъ, прикосновенныхъ къ имѣнію.

За означеніемъ границъ слѣдовало опредѣленіе цѣны имуществу. Исключеніе изъ этого положенія представляютъ только 9 грамотъ (NN° 71, VII, XXX, XXXIV, 76, 79, 80, 84, 85 и 86). Въ нихъ опредѣленіе цѣны имѣнію помѣщено уже послѣ объявленія о переукрѣпленіи имущества *«одернь», «впрокъ», «безъ выкупа», «въ вотчину», безъ отмѣны», «въ вѣки»*. Въ предпослѣдней же грамотѣ — 98 вовсе не помянуто о цѣнѣ.

За опредѣленіемъ цѣны слѣдовало объявленіе о пріобрѣтеніи имущества *«одерснь», «одернь», одерене», «одирнь», «въ дернь» «въ «вѣки», «впрокъ», безъ выкупа», «въ вотчину», «безъ отмѣны»* (NN° 71, II — XXV, XXVIII — XXXVIII, 75, 76, 78 — 90, 92, 93, 95 — 98). Такому порядку изложенія измѣнили, какъ только что сказано, 9 ку́пчихъ (NN° 71, VII, XXX, XXXIV, 76, 79, 80, 84, 85 и 86), въ которыхъ объявленіе о продажѣ имѣнія *«оде-«рень», «впрокъ»* и т. п. не слѣдуетъ за опредѣленіемъ цѣны, а предшествуетъ ему (см. выше). Кромѣ того въ 93 грамотѣ объявленіе это помѣщено уже послѣ заявленія продавца объ обязательствѣ очищать имущество отъ стороннихъ притязаній.

Наконецъ слѣдовало изложеніе условій и обязательствъ, налагаемыхъ другъ на друга контрагентами. Напр. обязательствъ со стороны продавца очищать имущество отъ стороннихъ притязаній подъ отвѣтственностію, въ случаѣ неисполненія обязательства, уплаты покупщику неустойки; платить оброкъ съ имущества и по продажѣ его въ продолженіе извѣстнаго времени и т. д. Со стороны же покупщика не отчуждать пріобрѣтеннаго имъ имѣнія, въ случаѣ воспослѣдованія со стороны его желанія на это, стороннимъ лицамъ, а возвратить оное прежнему собственнику за цѣну, самимъ

покупщикомъ заплаченную, и тому подобныя условія и обязательства, установляемыя и отдѣльными договаривающимися лицами. Но и здѣсь усматривается отсутствіе строгаго единообразія въ порядкѣ изложенія. Напр. удовлетвореніе со стороны продавца въ томъ, что имущество ни въ какихъ крѣпостяхъ не состоитъ и обязательство въ случаѣ предъявленія ихъ кѣмъ-либо очищать имѣніе, а покупщику не принимать ни какого убытка, помѣщаются въ купчихъ въ-слѣдъ за опредѣленіемъ цѣны или объявленіемъ о пріобрѣтеніи имущества *«одерень»*, *«впрокъ»*, *«безъ выкупа»*. Въ трехъ же грамотахъ, вопреки этому порядку изложенія, обязательство продавца очищать имѣніе помѣщено въ самомъ концѣ ихъ (NN° 71. v, x и xxii). Встрѣчаются безпрерывно и другія отступленія отъ внутренней формы, установленной большинствомъ купчихъ; но мы воздержимся отъ дальнѣйшихъ указаній на подобныя отступленія, ибо уже изъ сказаннаго въ настоящемъ отдѣлѣ можно съ несомнѣнностію заключить, что купчія составлены не по строгой единообразной формѣ.

За всѣмъ изложеннымъ уже прописывалось: *а на то послуси .....»*, или *«а на то люди»* (NN° 71, viii и xvi), или *«а на то и мужи»* (NN° 71, xxx), или *«а у сей купчей сидѣли въ мужехъ»* (NN° 86 и 87) и слѣдовало поименованіе свидѣтелей, встрѣчающееся во всѣхъ купчихъ за исключеніемъ 98[1]). Поименованіе это

[1]) Въ xv Новг. купчей свидѣтели не поименованы; но въ грамотѣ этой читаемъ: *«а на то люди на заводи были: попъ «Сидоръ, Перхурей Васильевъ........»* Подъ выраженіемъ: *«а на то люди на заводи были»* позволительно бы было подразумѣвать указаніе на присутствіе при написаніи грамоты послуховъ, если бы воззрѣнію этому не противорѣчили другія грамоты. Напр. возмемъ NN° 71. xi и xx; въ нихъ также какъ и въ N° 71. xv читаемъ: *«а на отводъ земли былъ: «Васильи...... да Иванъ........»* и сверхъ того встрѣчаемъ поименованіе свидѣтелей. По видимому затрудненіе это есть возможность устранить при слѣдующемъ соображеніи: время написанія грамотъ не совпадало со временемъ передачи имущества продавцемъ покупщику и, по всей вѣроятности, содержащіяся въ купчихъ выраженія: *«а на то послухи»* должны быть принимаемы за указанія на присутствовавшихъ при письмѣ ихъ, выраженія же: *«а на то люди на заводи были»* за указанія на присутствовашихъ при передачѣ имущества— вводѣ во владѣніе. Ежели сдѣлать теперь весьма вѣроятное предположеніе о совпаденіи времени написанія xv Новг. купчей съ моментомъ передачи имущества, по коему она составлена, то отсутствіе въ ней выраженія *«а на то послухи»*

состояло въ прописанiи рукою составителя самой грамоты имени, отечества, фамилiи, званiя свидѣтеля; къ этимъ свѣдѣнiямъ прибавляются въ нѣкоторыхъ купчихъ указанiя на званiе послуха, даже на его мѣсто жительства (NN° 85, 92, 94 и 97).

За поименованiемъ свидѣтелей слѣдовало означенiе имени, отчества (NN° 71, xvi, xxxii, 76 — 88, 90 — 99), фамилiи (NN 71. xxv, 79 — 82, 84, 85, 88, 92, 96 и 97) и званiя (NN° 71. iv, vi, xvi, xxv, xxx, xxxvi, 72 — 76, 83, 86 — 88, 90 — 95 и 97) лица, писавшаго грамоту, мѣста написанiя ея (волость, посадъ, городъ—NN° 85, 86, и 96) и время написанiя. Только въ NN° 71. iv, и xvi отступлено отъ этого порядка изложенiя. Въ этихъ двухъ купчихъ означенiю лицъ, ихъ составлявшихъ, предшествуютъ указанiя на присутствовашихъ при привѣшиванiи къ грамотамъ печатей. Изъ Новг. купчихъ только въ 9 встрѣчаются указанiя на составителей ихъ (NN° 71. i, iv, vi, xvi, xxx, xxxii, xxxiv и xxxvi). Во всѣхъ же другихъ безъ исключенiя означается имя, а иногда и отчество, фамилiя и званiе писавшаго ту или другую грамоту.

Первая купчая, время написанiя которой означено, есть 76; всѣ за нею слѣдующiя безъ исключенiя содержатъ указанiя на годъ ихъ составленiя. Указанiя же на мѣсяцъ и число написанiя встрѣчаются впервые въ 81 купчей. Въ слѣдующихъ за нею трехъ грамотахъ указывается опять только на годъ написанiя ихъ (NN° 82—84). Далѣе въ семи нумерахъ означены снова годъ, мѣсяцъ и число составленiя (NN° 85—91). Въ слѣдующей за этими грамотѣ означены только годъ и мѣсяцъ написанiя, но на число мѣсяца не указано (N° 92). Потомъ встрѣчаемъ снова шесть купчихъ съ указанiями на годъ, мѣсяцъ и число ихъ составленiя (NN° 93 — 98). Наконецъ въ послѣдней купчей означенъ только годъ составленiя ея (N° 99).

И такъ на годъ написанiя купчихъ начали указывать съ начала XVI стол., а на мѣсяцъ же и число не ранѣе какъ съ половины XVI, но не постоянно съ этого времени, какъ мы уже видѣли: въ позднѣйшей даже купчей, относящейся къ 1631 году, не указывается на мѣсяцъ и число ея составленiя, а только на годъ.

Далѣе въ большей части купчихъ, составленныхъ до начала XVI вѣка, за означенiемъ лицъ, писавшихъ грамоты, и времени ихъ написанiя, слѣдуютъ указанiя на присутствовавшихъ при привѣшиванiи къ нимъ печатей (NN° 71. i, vi, xxv, и xxx); въ купчихъ, несодержащихъ въ себѣ означенiя ихъ составителей, такiя

легко можетъ быть уяснено на основанiи приведеннаго соображенiя. Слѣдовательно xv Новг. купчая не опровергаетъ положенiя, утверждающаго, что поименованiе свидѣтелей встрѣчается во всѣхъ грамотахъ за исключенiемъ 98.

указанія слѣдуютъ за поименованіемъ послуховъ (NN° 71, III, V, VII — XII, XIV, XV, XVII, XX — XXII, XXIV, XXIX, XXXV и XXXVII). Уклоненія отъ этого положенія представляются въ трехъ только грамотахъ (NN° 71, II, IV и XVI). Въ N° 74 за означеніемъ составителя акта указывается на приложившаго самую печать. О N° 71, XXVIII мы умолчимъ, такъ-какъ онъ дошелъ до насъ въ поврежденномъ состояніи (ср. стр. 413). Въ остальныхъ ку̀пчихъ, до начала XVI стол. составленныхъ, начиная съ котораго постоянно почти встрѣчаются на оборотѣ акта собственноручныя подписи свидѣтелей или продавцевъ, а иногда тѣхъ и другихъ въ совокупности, не упоминается о присутствовавшихъ при привѣшиваніи печатей (NN° 71. XIII, XVIII, XIX, XXIII, XXVII, XXXI, XXXII, XXXIV и XXXVI). Лицами, стоявшими при привѣшиваніи печатей являются во всѣхъ почти ку̀пчихъ сами продавцы, если же на сторонѣ ихъ, при заключеніи отдѣльнаго договора, было двое, трое и т. д., то обыкновенно одинъ изъ нихъ представлялъ въ этомъ случаѣ своихъ соучастниковъ (NN° 71. I, II, IV — XII, XIV — XVII, XX, XXI, XXIV, XXV, XXX и XXXV). Изъ N° 71. XXII можно, кажется, заключить, что «*въ печати стоялъ*» одинъ изъ свидѣтелей. Что же касается до 29 Новг. ку̀пчей, то и внимательное разсмотрѣніе ея не уясняетъ основанія, по которому при написаніи грамоты вмѣсто продавца присутствовалъ сторонній человѣкъ.

Изъ 44 ку̀пчихъ, подлинники которыхъ не скрѣплены подписями продавцевъ и свидѣтелей (NN° 71. I — XXV, XXVII — XXXVII, 72 — 75, 89, 92, 97 и 98), у 35 находились печати (NN° 71. II — XXV, XXVII — XXXII, XXXIV — XXXVII и 74), у пяти ихъ не было (NN° 73, 75, 89, 92 и 97). Что же касается до остающихся за тѣмъ четырехъ грамотъ (NN° 71. I, XXXIII, 72 и 98), то мы отказываемся рѣшить: были-ли къ нимъ привѣшены или приложены печати, или не были, такъ-какъ ни сами онѣ, ни редакторы Актовъ Юрид. не уясняютъ этого вопроса. Можно только думать, что у подлинника N° 71. I находилась печать, ибо въ самомъ концѣ грамоты читаемъ: «*а стояло у печати Гошкуй* (одинъ изъ продавцевъ) *ото всего племени*». Внѣшняя сторона печатей уже разсмотрѣна (см. стр. 414); скажемъ теперь нѣсколько словъ о надписяхъ, на нихъ находившихся.

Одна изъ печатей не имѣетъ надписи (N° 71. XII); тринадцать, привѣшенныя къ подлинникамъ (NN° 71. VII, XIV, XX, XXIII — XXV, XXVIII — XXXI, XXXIV, XXXVI и XXXVII), остаются въ этомъ отношеніи подъ сомнѣніемъ, ибо печати, находившіяся у первыхъ четырехъ грамотъ, утратились, а въ остальныхъ девяти, какъ отпечатанныхъ со списковъ, совершенно умалчивается о надписяхъ. Остается достовѣрнымъ только то, что на печатяхъ, принадлежащихъ NN° 71.

ii — vi, viii — xi, xiii, xv — xix, xxi, xxii, xxvii, xxxii, xxxv и 74, дѣйствительно были надписи; но на печати xix Новг. купчей надпись изгладилась отъ времени, списки же съ NN° 71. xxvii, xxxvii и xxxv говорятъ только, что къ подлинникамъ нумеровъ этихъ были привѣшены печати съ надписями, но какими именно—умалчиваютъ. И такъ о надписяхъ можемъ мы судить только по 17 печатямъ NN° 71. ii — vi, viii — xi, xiii, xv — xviii, xxi, xxii и 74. Надписи эти состояли въ означеніи имени (NN° 71. xviii и 74) и отчества (NN° 71. ii — vi, viii, x, xiii, xv — xvii, xxi и xx и xxii) или прозванія (N° 71, xi) и даже званія собственника печати (N° 71. ix).

На оборотѣ всѣхъ почти грамотъ, писанныхъ съ начала XVI вѣка, встрѣчаются собственноручныя подписи продавцевъ и свидѣтелей. Изъ 23 купчихъ, составленныхъ съ 1519 года, на оборотѣ 12 помѣщены собственноручныя подписи продавцевъ или законныхъ ихъ представителей (NN° 77, 78, 80 — 86, 94, 96 и 99). Лица эти подписывались выше свидѣтелей. Исключеніемъ изъ этого положенія представляются NN° 77 и 84; кромѣ того въ 83 купчей собственноручной подписи одного изъ продавцевъ предшествуетъ собственноручная же подпись дворскаго Якова, «*доложа*» котораго заключенъ договоръ, по коему писанъ этотъ актъ. Во многихъ грамотахъ на сторонѣ продавца являются по-нѣскольку лицъ; между тѣмъ только на оборотѣ матеріала одной изъ таковыхъ купчихъ всѣ продавцы подписались собственноручно (N° 78), на оборотѣ же остальныхъ грамотъ этого разряда только нѣкоторые изъ продавцевъ приложили руки. Обстоятельство это можно объяснять двоякимъ образомъ: или потому, во первыхъ, не всѣ продавцы подписывались, что не всѣ они были грамотны, а вслѣдствіе этого тѣ изъ продавцевъ, которые умѣли писать, прикладывали руки, тѣ же, которые не умѣли, не прикладывали. Объясненіе это неумѣстно только для N° 77, потому-что неподписавшійся на оборотѣ его одинъ изъ продавцевъ не безграмотенъ, такъ-какъ имъ составленъ самый текстъ купчей (см. 419 стр.). Или же, во вторыхъ, можно объяснять это тѣмъ, что въ подписи одного изъ продавцевъ совмѣщалось законное представительство подписей и соучастниковъ его. Первое объясненіе кажется намъ болѣе вѣроятнымъ. Что касается до подписей свидѣтелей, то онѣ впервые встрѣчаются на оборотѣ 76 купчей, относящейся къ 1501 году. Начиная съ этого времени, изъ помѣщенныхъ въ Юрид. Акт. купчихъ, числомъ до двадцати четырехъ, только на оборотѣ четырехъ грамотъ не находимъ мы собственноручныхъ подписей свидѣтелей (NN° 89, 92, 97 и 98). Купчія, на оборотѣ которыхъ находятся рукоприкладства свидѣтелей, раздѣляются на двѣ группы: на обо-

ротѣ однѣхъ изъ этихъ грамотъ, *всѣ* поименованные въ нихъ самими составителями актовъ свидѣтели подписались собственноручно (NN° 78 — 80, 82, 83, 88, 90, 91, 93 — 96 и 99), на оборотѣ же другихъ только *нѣкоторые* изъ свидѣтелей приложили руки. Такимъ образомъ изъ трехъ поименованныхъ въ 81 и 87 грамотахъ свидѣтелей на оборотѣ первой изъ нихъ собственноручно подписался только одинъ, на оборотѣ же второй только двое; изъ четырехъ поименованныхъ въ 76 грамотѣ свидѣтелей на оборотѣ ея приложили руки только двое; изъ пяти поименованныхъ въ 77, 84 и 85 купчихъ свидѣтелей на оборотѣ первой изъ нихъ приложили руки трое послуховъ, а на оборотѣ двухъ послѣднихъ четверо; наконецъ, изъ шести поименованныхъ въ 86 грамотѣ свидѣтелей на оборотѣ ея подписались только пятеро. Какъ же объяснить это? Уже разъ приведенное соображеніе для объясненія подобнаго явленія, представляющагося въ рукоприкладствѣ продавцевъ, умѣстно въ настоящемъ случаѣ: грамотные свидѣтели подписывались, а относительно неграмотныхъ довольствовались поименованіемъ ихъ именъ въ актѣ[1]).

Для нагляднаго обозрѣнія рукоприкладствъ продавцевъ и свидѣтелей сдѣлаемъ имъ краткій общій сводъ. Собственноручныя подписи продавцевъ или законныхъ ихъ представителей, совмѣстно съ подписями свидѣтелей, находятся на оборотѣ двѣнадцати грамотъ (NN° 77, 78, 80 — 86, 94, 96 и 99). Собственноручныя же подписи свидѣтелей въ отдѣльности встрѣчаются на оборотѣ матеріала осьми грамотъ (NN° 76, 79, 87, 88, 90, 91, 93 и 95). И такъ изъ двадцати четырехъ купчихъ (NN° 76 — 99), составленныхъ съ 1501 г. по 1631, на оборотѣ четырехъ только грамотъ нѣтъ подписей ни продавцевъ, не свидѣтелей (NN° 89, 92, 97 и 98).

На оборотѣ 99 купчей, сверхъ подписей продавца и свидѣтелей, помѣщена еще явка этой купчей. Содержаніе явки состоитъ въ объявленіи продавца передъ княземъ и дьяками о заключеніи и исполненіи договора, по коему писана самая грамота. Въ самомъ началѣ означены годъ, мѣсяцъ и число воспослѣдованія явки, въ

---

[1]) Замѣчательно, что очень многіе свидѣтели подписывали имена свои въ уменьшительномъ видѣ; тогда-какъ самими составителями грамотъ имена тѣхъ же самыхъ свидѣтелей прописывались правильно (ср. поименованіе именъ послуховъ и собственноручныя ихъ подписи въ слѣдующихъ грамотахъ: 77, 78, 80, 82, 84 — 88, 90, 91, 93, 96 и 99). Впрочемъ изъ Новог. купчихъ видно, что и при поименованіи свидѣтелей имена ихъ нерѣдко искажались (NN° 71, vii, xiii, xxvi и др.).

концѣ же ея приписано: *«въ книги записана и пошлины взяты»*. Скрѣплена эта явка подписью, вѣроятно собственноручною, одного изъ дьяковъ, передъ которыми явленъ актъ.

На одномъ листѣ со спискомъ съ 98 купчей помѣщена данная. Содержаніе данной этой слѣдующее: Нѣкто Иванъ Стефановичъ Благово, по грамотѣ Царя Михаила Θеодоровича, исшедшей изъ Приказа Большаго Дворца, за приписью государева дьяка, вслѣдствіе челобитья Тихвина Введенского монастыря игуменьи Евранеи съ сестрами, велѣлъ дать имъ и служкамъ ихъ, въ замѣнъ взятыхъ у нихъ подъ городскую стѣну дворныхъ мѣстъ, мѣста подъ кельи и подъ житницы, принадлежащія крестьянину означеннаго монастыря Андрею Вороновскому. Означены мѣсто нахожденія, границы и величина вновь отводимыхъ монастырю участковъ. Въ концѣ рукою составителя акта написано: *«къ сей данной Иванъ «Стефановичъ Благово печать свою приложилъ»*. Печать эта вѣроятно утратилась, ибо редакторы въ палеографическомъ описаніи этого нумера умалчиваютъ о ней. Въ самомъ началѣ данной означены годъ и мѣсяцъ написанія ея; можно думать, что въ подлинникѣ и число мѣсяца было вставлено, такъ-какъ редакторами оставленъ пробѣлъ на мѣстѣ, предназначенномъ для этого означенія.

Какая же связь разсматриваемой данной съ 98 купчею? Прямого, непосредственнаго соотношенія одного акта къ другому нѣтъ; поэтому положительнаго, несомнѣннаго разрѣшенія вопросу дать мы не въ состояніи, а можемъ только догадываться. Такимъ образомъ мы думаемъ, что въ настоящемъ случаѣ будетъ умѣстно привести два объясненія: во 1) оба акта дошли до насъ не въ подлинникахъ, а въ спискѣ, на которомъ они помѣщены на одномъ листѣ. Можно по этому думать, что второй актъ (данная) ошибочно, по недосмотру переписчика помѣщенъ на одномъ листѣ съ первымъ (купчею). Во 2) можно объяснять и такъ, что по смерти покупщицы или еще при жизни ея, для насъ это безразлично, купленное ею огородное мѣсто перешло, вмѣстѣ съ актомъ, по этой куплѣ-продажѣ писаннымъ 98 грамотою, въ собственность монастыря. Въ послѣдствіи мѣсто это было взято у монастыря подъ городскую стѣну, и въ замѣнъ его монастырю отведенъ былъ другой участокъ земли, на владѣніе которымъ и выданъ актъ-данная, помѣщенный на одномъ листѣ съ купчею. Нельзя не согласиться, что оба объясненія довольно произвольны; но ежели справедливо только, что Царица Дарья Алексѣевна—покупщица была инокинею Тихвина Введенского монастыря, то приведенное нами второе предположеніе, для объясненія связи 98 купчей съ присовокупленною къ ней данною, становится весьма вѣроятнымъ.

IV.

Лица, участвующія въ договорѣ купли-продажи. — Лицами, участвующими въ договорѣ купли-продажи, представляются намъ: а) продавецъ и б) покупщикъ. Продавецъ есть или лице физическое, или юридическое (NN° 78 и 80). На сторонѣ продавца — лица физическаго являются во многихъ грамотахъ и по-нѣскольку лицъ (NN° 71, I, V, XII, XXI, XXV, XXVIII, XXXI — XXXIII, XXXVI, 74, 77, 83, 84, 86, 88, 89 и 95). Десятою Новг. купчею переукрѣпляется мужемъ и женою приданая вотчина послѣдней. Если отчужденіе приданаго дѣйствительно предоставлялось на время брака мужу [1]), то въ разсматриваемой грамотѣ продавцемъ является только одно физическое лице—мужъ; включеніе же въ актъ имени жены его можетъ быть принято за изъявленіе ею согласія на отчужденіе приданой вотчины [2]). Что касается до покупщика, то онъ, также какъ и продавецъ, является или лицемъ физическимъ, или юридическимъ (NN° 71. XXV, XXVII, XXIX — XXXI, XXXVII, 72—74, 77, 80, 85, 88 — 90, 94, 96, 99). Подобно тому, какъ на сторонѣ продавца—лица физическаго, и на сторонѣ покупщика могутъ быть по нѣскольку лицъ (NN° 71. I, II, X, XXI, XXXVI и 97).

Предметъ договора купли-продажи. — Еще въ Правдѣ встрѣчаются указанія на существеннѣйшее раздѣленіе имуществъ въ области права, т. е. на имущества недвижимыя и движимыя. Но такое раздѣленіе имуществъ образовалось подъ вліяніемъ духовенства [3]) и въ періодъ времени, къ которому относятся наши купчія, не имѣло юридическаго значенія, которое только и существенно, важно для насъ. «*Къ недвижимымъ имуществамъ*», говоритъ Рейцъ, «*причислялись деревни, села, луга, лѣса, безъ означенія, куда должно относить строенія и домы*» [4]). Было-бы излишне доискиваться, причислялись-ли строенія и домы къ имуществамъ недвижимымъ или движимымъ, потому-что, какъ уже сказано, раздѣленіе имуществъ на недвижимыя и движимыя было лишено юридическаго характера. Для того однакожь, чтобъ удобнѣе опредѣлить предметъ купли-продажи, мы позволимъ себѣ предположить, основываясь на уло-

---

[1]) Неволина, Ист. Росс. Гр. Зак. Спб. 1851. т. I, стр. 119.

[2]) Тамъ же, стр. 95 и 119.

[3]) Въ свѣтскомъ законодательствѣ раздѣленіе имуществъ на недвижимыя и движимыя въ первый разъ встрѣчается въ указѣ 1712 г. Января 23 дня (Неволина Ист. Рос. Зак. т. II. § 218).

[4]) Опытъ Ист. Рос. Госуд. и Гражд. Зак. изд. Ѳ. Морошкина. М. 1836. § 133.

женіи 1649 г., что строенія и домы причислялись къ имуществамъ недвижимымъ.

Такимъ образомъ мы скажемъ, что купчія имѣютъ предметомъ переукрѣпленіе имуществъ недвижимыхъ и правъ на движимыя. Исчислимъ порознь предметы купли-продажи; они суть:

а) Земли незаселенныя и заселенныя (села и деревни) со всѣми угодьями, т. е. со всѣми принадлежностями[1]), а именно: лѣсами, лугами, пустошами, болотами, озерами, рѣками, источниками, звѣриными, птичьими и рыбными ловлями, всякаго рода строеніемъ и домашнимъ скотомъ (NN° 71. I — IV, VI — XXV, XXVII — XXXI, XXXIII, XXXV—XXXVII, 72, 75—80, 82—89, 96 и 98). Съ нашей точки зрѣнія лѣса, луга, пустоши, болота, озера, рѣки, источники, звѣриныя, птичьи и рыбныя ловли не принадлежности земли, а части ея. Но взглядъ древняго права на исчисленные предметы, какъ на принадлежности, а не части земли, объясняется тогдашнимъ состояніемъ сельскаго хозяйства. Главною его отраслію было хлѣбопашество и потому пахатныя земли составляли существенную часть поземельной собственности, другія же ея части: луга, лѣса, воды и т. д. почитались не столь важными и обработка ихъ, пользованіе ими, были относимы къ числу второстепенныхъ занятій жителей.

б) Построенный на рѣкѣ анбаръ съ примыкающими къ нему плотинами и мостомъ (N° 81).

в) Дворы. Подъ дворомъ въ древнемъ правѣ разумѣется мѣсто съ домомъ и другими хозяйственными строеніями: анбарами, сараями, банями, погребами, ледниками и т. д. (NN° 90, 91, 94, 97 и 99).

г) Рыбныя ловли (NN° 71, V, XXXIV, 73 и 74).

д) Права вываривать соль на варницахъ (NN° 90, 92, 93 и 95).

По нашимъ понятіямъ предметомъ купли-продажи можетъ быть только вещь физическая, тѣло; право же, не будучи вещью, тѣломъ, не подлежитъ куплѣ-продажѣ; оно можетъ быть только передано однимъ лицемъ другому вслѣдствіе сдѣлки объ уступкѣ права. Такимъ образомъ рыбная ловля не можетъ быть продана, а только право производить рыбную ловлю можетъ быть уступлено. Точно также и выварка соли не можетъ быть, по нашимъ понятіямъ, предметомъ договора купли-продажи; можетъ быть только уступлено право производить выварку соли. При такомъ взглядѣ на предметъ купли-продажи, число купчихъ должно для насъ уменьшиться; именно: NN° 71, V, XXXIV, 73, 74, 92, 93, 95 и вторая половина N° 90 представляются не купчими грамотами, а сдѣлками объ уступкѣ правъ на рыбныя ловли и выварку соли. Тѣмъ

[1]) Такъ должно понимать встрѣчающееся въ древнихъ Юридич. Актахъ слово: «*угодье*».

не менѣе однакожь мы не имѣемъ никакого права отказать грамотамъ этимъ въ значенiи купчихъ. Предполагать сознательное юридическое развитiе существовавшимъ во времена, къ которымъ относятся наши купчiя, невозможно. Разграниченiя же чисто юридическихъ понятiй не можетъ быть безъ этого сознательнаго развитiя. Поэтому въ дальнѣйшей обработкѣ этихъ грамотъ будемъ мы называть ихъ все тачи купчими, а не сдѣлками объ уступкѣ правъ, какъ бы слѣдовало по настоящему.

Цѣна. — Договоръ купли - продажи предполагаетъ необходимымъ существованiе понятiя цѣны. Понятiе цѣны такой характеристическiй признакъ купли-продажи, что безъ него она неудобомыслима. Изъ всѣхъ купчихъ только въ одной не упоминается о цѣнѣ (N° 98). Однакожь мы не можемъ отказать въ признанiи грамоты этой купчею. Не необходимо включать въ письменный актъ, какъ внѣшнiй только признакъ, свидѣтельствующiй о существованiи договора, опредѣленiе цѣны. И если въ самомъ актѣ не упоминается о цѣнѣ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что на самомъ дѣлѣ, при заключенiи договора, по коему писана 98 грамота, покупщица не заплатила продавцу извѣстнаго количества денегъ. Во всѣхъ остальныхъ купчихъ цѣна проданнаго имущества опредѣляется чрезвычайно точно и сводится къ существовавшимъ въ то время металлическимъ и кожаннымъ деньгамъ. Исключенiе изъ этого положенiя представляетъ только одна xxxv Новг. грамота, въ которой цѣна проданныхъ селъ сводится къ деньгамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ извѣстному количеству зерноваго хлѣба. Мы смотримъ на опредѣленiе цѣны деньгами, какъ на необходимое условiе купли-продажи; ибо если цѣна опредѣляется не деньгами, а другимъ имуществомъ, то намъ представится въ такомъ случаѣ договоръ мѣны, а не купли-продажи. Однакожь намъ кажется, что xxxv Новг. грамоту не слѣдуетъ принимать за мѣновую; цѣна проданнаго предмета опредѣляется въ этой грамотѣ главнымъ образомъ все-таки деньгами, а не хлѣбомъ, упоминанiе о которомъ можетъ быть понимаемо въ смыслѣ придачи къ выговоренной продавцемъ цѣнѣ, опредѣленной деньгами.

Скажемъ нѣсколько словъ объ обыкновенiи къ условной за проданное имущество цѣнѣ присовокуплять еще придачу, носящую названiе *«пополонка»*, *«полонка»* или *«приполонка»*. О немъ упоминается въ слѣдующихъ купчихъ: N° 71. ii—xi, xiii—xxv, xxvii—xxxi, xxxiv—xxxvii, 72, 75 — 80, 82 и 84. Такая придача состояла обыкновенно или въ одной головѣ домашняго скота (NN° 71. ii, iv, vi, viii, ix, xv, xvi, xviii, xxi, xxii, xxv, xxviii, xxix, xxxi, xxxiv, — xxxvi, 72, 76 — 80, 82 и 84), или въ штукѣ домашней птицы (NN° 71. x, xiii, xx и xxiii), или же въ извѣстномъ

количествѣ хлѣба (NN° 71. vii, xi, xiv, xxiv, xxx и xxxvii), жизненныхъ припасовъ (N° 71. xvii) и другихъ вещахъ, необходимыхъ для хозяйственнаго или домашняго употребленія (NN° 71. iii и 75). Изъ NN° 71. xix и xxvii видно, что придача къ условной цѣнѣ долженствовала состоять изъ одной головы скота, но что она замѣнена другимъ имуществомъ. Что же касается до v Новг. купчей, то цѣна проданной тонѣ опредѣлена въ ней такъ: *«а далъ..... «на той......тони.......полчетвертa сорока бѣлкъ, а тутъ «имъ и пополонокъ».* Опредѣлять цѣнность придачи не было въ обыкновеніи. Только vi Новг. купчая составляетъ исключеніе изъ этого правила. Пожалуй можно сказать, что и въ N° 71. xix цѣнность пополонка опредѣлена на деньги, но при ближайшемъ разсмотрѣніи этой купчей легко замѣтить, что цѣнность придачи сводится къ деньгамъ для замѣны самого пополонка, долженствовавшаго состоять изъ телицы, 15 бѣлами, слѣдовательно совершенно случайно.

Какое же значеніе имѣло разсмотрѣнное обыкновеніе? Свѣдѣнія о немъ не безъ цѣли изложили мы съ достаточною подробностію, но должны сознаться, что стараніе отыскать въ немъ юридическій характеръ осталось безуспѣшнымъ.

Отношенія договаривающихся сторонъ.—Прежде чѣмъ приступимъ къ разсматриванію правъ и обязанностей, возникающихъ изъ договора купли-продажи для контрагентовъ, считаемъ необходимымъ рѣшить: съ какого времени возникали эти права и обязанности, т. е. съ момента-ли высказаннаго контрагентами согласія вступить въ договоръ, или только съ написанія акта купчей грамоты.

Существо купли-продажи одинаково во всѣхъ случаяхъ. Письменный актъ есть только внѣшній признакъ, свидѣтельствующій о существованіи договора, но ни мало не существенъ для заключенія его. Поэтому, коль-скоро контрагентами изъявлено согласіе на вступленіе въ договоръ, купля-продажа по существу своему должна считаться заключенною, и съ этого же времени должны возникать для договаривающихся взаимныя права и обязанности. Однакожъ дѣйствующее законодательство постановленіемъ: *«продажа всѣхъ «недвижимыхъ имуществъ совершается посредствомъ купчихъ крѣ«постей»* [1]) установляетъ разъединеніе между договоромъ купли-продажи по имуществамъ движимымъ, который заключается словесно, и договоромъ купли-продажи по имуществамъ недвижимымъ, который заключается письменно. Въ первомъ случаѣ взаимныя права и обязанности возникаютъ для контрагентовъ съ момента высказаннаго ими обоюднаго согласія на заключеніе договора, во второмъ же съ момента совершенія купчей крѣпости. Установляя такое

[1]) Ст. 1172 Св. Гр. Зак.

рѣзкое разъединеніе, конечно законодательство руководствовалось не зависимостью существа купли-продажи отъ предмета, по коему она заключается, а другими соображеніями. Мы обработываемъ договоръ, выраженный въ письменной формѣ. Можно бы по-этому думать, что юридическія отношенія по нему возникали для контрагентовъ только со времени написанія купчей. Но намъ неизвѣстно, была-ли письменная форма существенною необходимостію при заключеніи договора, требовалось-ли непремѣнно, по крайней мѣрѣ при куплѣ-продажѣ имуществъ важнѣйшихъ, составленіе грамоты. Всѣ изданныя въ послѣднее время сборники древнихъ актовъ не удостовѣряютъ насъ въ томъ, что письменная форма актовъ во времена, къ которымъ относятся купчія, была обязательна. Изъ изслѣдованій, клонящихся только къ тому, что право, будучи само по себѣ отвлеченнымъ, для большей достовѣрности его существованія, воплощалось внѣшнимъ образомъ въ письменную форму, оказывается достовѣрнымъ, что нашъ древній, хотя и неразвитый юридическій бытъ сознавалъ потребность въ актахъ, что лицо, имѣвшее право, старалось обезпечить его существованіе письменнымъ укрѣпленіемъ; но всѣ-ли, важнѣйшія по крайней мѣрѣ права, укрѣплялись письменно — намъ неизвѣстно.

Мы думаемъ, что юридическія отношенія по обработываему договору возникали для контрагентовъ съ момента высказаннаго ими согласія на заключеніе и что уже вслѣдствіе словеснаго вступленія въ договоръ продавецъ и покупщикъ, по взаимному между собою соглашенію, уговаривались упрочить существованіе договора написаніемъ по оному грамоты. Такой взглядъ, не противорѣча существу купли-продажи, неразъединяется и съ дѣйствительностію.

Отношенія продавца.—Сообразно своему существу купля-продажа составляетъ договоръ, вслѣдствіе коего должна произойти перемѣна субъектовъ права собственности на проданное имущество. Но чрезъ одно заключеніе договора это не приводится еще въ исполненіе; право собственности на проданное имущество не переходитъ еще отъ продавца къ покупщику; — для этого необходима была передача имущества первымъ послѣднему. Поэтому-то мы скажемъ, что продавецъ обязанъ передать имущество покупщику. Купчія имѣютъ предметомъ имущества недвижимыя и права на движимыя (см. стр. 425). Передача недвижимыхъ имѣній происходила чрезъ вводъ новаго пріобрѣтателя во владѣніе имуществомъ. Нѣкоторыя изъ купчихъ прямо указываютъ на то, что самъ продавецъ отводилъ покупщику купленныя симъ послѣднимъ земли (№№ 71. vi, viii, x, xiv, xvi, xvii, xxii, xxiv, xxv и xxxvii); въ концѣ трехъ ·тъ обозначены имена тѣхъ стороннихъ лицъ, которыя были

«на заводѣ» проданнаго имѣнія (NN° 71. XI, XV и XX); въ 86 купчей сказано: *«а не добудемъ мы* (продавцы) *тѣхъ денегъ .... аино ся наша купчая въ куплю и отводная въ дернь, безъ выкупа»*[1]). Права, будучи отвлеченными, не могли быть передаваемы какъ имущества физическія. Но какъ и права нуждались въ передачѣ, то въ этихъ случаяхъ конечно производили передачу того физическаго предмета, котораго касалось продаваемое право и, можетъ быть, прибѣгали также къ символамъ и формуламъ, если они у насъ дѣйствительно существовали[2]).

Само собою разумѣется, что продавецъ передаетъ покупщику то самое имущество, по которому заключенъ договоръ, а не другое.

Вмѣстѣ съ передачею имущества продавецъ передаетъ и акты, на основаніи которыхъ онъ владѣлъ имъ (NN° 71. VI, XVI, 83, 86, 93, 96). Купчею 86 переукрѣпляются земли и деревни; продавецъ, вмѣстѣ съ передачею самыхъ имуществъ, передаетъ и старую купчую на земли, старую же купчую на деревни обязывается онъ передать покупщику за утратою ея по отысканіи. Изъ XXX Новг. купчей видно, что продавецъ указываетъ только на мѣсто нахожденія актовъ, по коимъ онъ владѣлъ имуществомъ. Наконецъ замѣчателенъ въ этомъ отношеніи N° 90. Изъ него одного, вопреки указаніямъ только что исчисленныхъ восьми грамотъ, видно, что продавецъ старые акты на проданныя имущества оставилъ у себя для очищенья. Противное указанію 90 купчей встрѣчаемъ въ 96 грамотѣ. Изъ послѣдней видно, что старые акты переданы продавцемъ покупщику съ тою самою цѣлью, съ которою они удер-

[1]) А. Ю. стр. 128 столб. 2. Объ отводѣ земли во владѣніе иногда былъ составляемъ особый актъ (А. Ю. N° 139 и Неволина Ист. Рос. Гр. Зак. т. II, стр. 179).

Объ употребленіи у насъ при передачѣ поземельныхъ участковъ символа земли и дерна существуютъ различныя мнѣнія. Одни утверждаютъ, что въ XIV и XV стол., въ Новгородскихъ по крайней мѣрѣ владѣніяхъ, помянутый обрядъ существовалъ несомнѣнною (пр. Станиславскаго, объ актахъ укр. правъ на имущества. Казань 1842, стр. 55 — 57 и Колмыкова, о символизмѣ права вообще и русскаго въ особенности. Спб. 1839 г., стр. 79 — 84). Пр. Неволинъ, напротивъ, рѣшительно отвергаетъ подобное мнѣніе (Ист. Р. Гр. З. т. II, стр. 44, 116 и 117).

[2]) Историческіе памятники, по свидѣтельству пр. Неволина, не представляютъ и слѣдовъ употребленія у насъ символическихъ дѣйствій, или произнесенія торжественныхъ словъ (Ист. Росс. Гр. Зак. т. II, стр· 44).

жаны продавцемъ у себя при заключеніи договора, по коему писана помянутая 90 купчая.

Покупщику указывается на путь, которымъ дошло къ продавцу отчужденное имѣніе: по наслѣдству-ли отъ отца, или вслѣдствіе покупки, или чрезъ промѣнъ, или же по другому какому-либо способу (NN° 71. II—IV, VI, IX — XI, XIII, XVIII, XXII, XXV, XXVII — XXX, XXXII, XXXIII, XXXVII, 72, 75 — 80, 82 — 87, 90, 92, 93, 95 — 97).

Дѣйствующее законодательство выставляетъ необходимымъ условіемъ купчей крѣпости указаніе на образъ укрѣпленія, которымъ дошло имѣніе къ продавцу [1]). Чтобъ прослѣдить связь этого требованія положительнаго законодательства съ купчими грамотами, мы должны бы были подробно говорить о выкупѣ. Но мы воздержимся отъ этого: *для всякаго*, сколько-нибудь знакомаго съ нашимъ древнимъ юридическимъ бытомъ, не существуетъ сомнѣнія въ томъ, что право выкупа, доставшееся въ удѣлъ нашему времени, есть наслѣдіе старины. Кажется, мы можемъ позволить себѣ не приводить доказательствъ тому нашему мнѣнію, что цѣль упоминанія о пути, по которому дошло до продавца имѣніе, помѣщаемаго какъ въ купчихъ крѣпостяхъ настоящаго времени, такъ и въ купчихъ грамотахъ, по крайней мѣрѣ составленныхъ по изданіи Судебника, одна: довести до свѣдѣнія покупщика объ угрожающемъ ему правѣ родственниковъ продавца выкупить имѣніе, если оно родовое.

Во многихъ купчихъ встрѣчаются слѣдующія выраженія: «*а купилъ такое-то имущество себѣ и своимъ дѣтямъ*», или «*а продалъ такое-то имущество ему и его дѣтемъ одеренъ*», «*одернъ*», «*одеренеъ*», «*одирнъ*», «*одерьнъ*», «*въ одернъ*» (NN° 71, II—IV, VI—XXI, XXIII, XXIV, XXVIII — XXX, XXXIII, XXXIV и XXXVI), «*въ дернъ*» (NN° 86, 87, 89, 90, 92, 93, 95, 96 и 97). О значеніи словъ: «*одеренъ*», «*дернъ*» существуютъ различныя мнѣнія. Одни, напр., утверждаютъ, что помянутыя слова суть то же, что нынѣшнее дернъ и придаютъ имъ значеніе указаній на передачу имуществъ съ употребленіемъ символа земли и дерна; другіе полагаютъ, что слова: «*одеренъ*», «*дернъ*» должно понимать въ смыслѣ указаній на пріобрѣтеніе имуществъ «*впрокъ*», «*въ крѣпость*», «*навѣки*». Проф. Неволинъ, соглашаясь съ Шафарикомъ, которому принадлежитъ послѣднее мнѣніе, указываетъ, однакожь, на Псковскую отводную грамоту 1491 года, въ которой слово «*дернъ*» употреблено въ смыслѣ денежной платы, цѣны вещи [2]). Купчія подтверждаютъ мнѣніе Шафарика и, говоря это, мы основываемся на слѣдующемъ:

1) Изъ тридцати шести купчихъ, содержащихъ въ себѣ вы-

---

[1]) Ст. 1181. Св. Гр. Зак.

[2]) Ист. Рос. Гр. Зак. т. II, стр. 115 — 117.

раженія «*одерень*», *въ дернь*» (см. выше), въ двѣнадцати встрѣчаемъ мы въ то же самое время слова, подкрѣпляющія выраженія эти; именно: въ 71. x купчей сказано: «*а купилъ себѣ и своимъ дѣ*-«*темъ одерень и вѣвки.......*»; въ 71. xxi: «*а купи собѣ вдернь* «*и своимъ дѣтемъ въ вѣки*»; въ 71 xxxvi: «*а купили......собѣ* «*и своимъ дѣтемъ одернь,......не надобѣ продавцамъ до покупщи*-«*ковъ ни о чомъ*»; въ 86, 89, 90, 92, 95 и 96 купчихъ читаемъ: «*а продали есмя въ дернь, безъ выкупа*», въ 87: «*продалъ въ дернь,* «*безъ выкупа, и во вѣки*»; въ 93: «*а продалъ есми свой участокъ* «*покупщику и его дѣтемъ въ дернь, безъ выкупа, и дѣла мнѣ про*-«*давцу до того участка нѣтъ, ни моимъ дѣтемъ*»; наконецъ въ 97 грамотѣ читаемъ: «*а продалъ въ дернь, безъ выкупа, и дѣла* «*мнѣ продавцу нѣтъ до того двора, ни моимъ дѣтемъ, и никому* «*дѣла жъ нѣтъ*». Нельзя не видѣтъ въ сопоставленіи выраженій: «*вѣвки, въ вѣкы, безъ выкупа*» и отрѣченій продавцевъ за себя и за дѣтей отъ всякихъ притязаній на проданныя имущества, съ выраженіями, значеніе которыхъ стараемся мы теперь уяснить, оправданія высказанному положенію.

2) Въ осьмнадцати грамотахъ (NN° 71. v, xxii, xxv, xxxi, xxxv, xxxvii, 75, 76, 78—85, 88 и 98) хотя мы и не встрѣчаемъ выраженій: «*одерень*», «*дернь*» и т. п., но вмѣсто ихъ, для означенія пространства владѣнія проданными имуществами, находятся въ этихъ 19 купчихъ слѣдующія выраженія: «*а купи собѣ* «*и въ вѣкѣ и своимъ братомъ*», «*а купи собѣ и въ вѣки*», «*а та* «*земля вѣвки покупщику*», «*а купилъ собѣ и своимъ дѣтемъ*», или «*а продалъ есми ему и его дѣтемъ вѣвки, впрокъ, безъ выкупа и* «*безъ отмѣны, въ вотчину и во вѣки, и нѣтъ до того моего иму*-«*щества* (проданнаго) *дѣла женѣ моей и дѣтемъ моимъ*». Изъ этого обстоятельства съ достовѣрностію можно заключить, что выраженія «*одерень*», «*въ дерень*» и т. п., употреблявшіяся при передачѣ имущества, однозначущи съ выраженіями «*а купилъ собѣ* «*и своимъ дѣтемъ*», или «*а продалъ ему и его дѣтямъ таков-то* «*имущество въ вѣки, впрокъ, безъ выкупа и безъ отмѣны, въ вотчину*».

Вслѣдствіе этого и скажемъ мы теперь, что изъ 64 разработываемыхъ купчихъ, въ 55 налагается на продавца обязательство пдредать имущество «*одерень*», «*въ одерень*», «*въ дернь*», «*вѣвки*», «*впрокъ*», «*безъ выкупа*» и «*безъ отмѣны*», «*въ вотчину*» (NN° 71. ii — xxv, xxviii — xxxvii, 75, 76, 78 — 90, 92, 93, 95 — 98[1]).

[1]) Считаемъ нужнымъ замѣтить, что N° 71. xxxii причислили мы къ разряду тѣхъ купчихъ, въ которыхъ продавецъ обязывается передать имущество «*одерень*», и т. д., не смотря на то, что въ немъ не находится ни одного изъ выраженій, о

Древній юридическій бытъ нашъ, не сознававшій правъ вообще, не сознавалъ и права собственности; древнему юридическому быту нашему извѣстно было только владѣніе срочное и безсрочное; послѣднему соотвѣтствовало понятіе права собственности. Принявши въ соображеніе такое понятіе нашего древняго быта, становится ясною причина помѣщенія въ разсматриваемыхъ купчихъ выраженій: *«а купилъ такое-то имущество собѣ и своимъ дѣтямъ»*, или *«а продалъ такое-то имущество ему и его дѣтемъ одерень»*, *«вѣки»*, *«впрокъ»*, *безъ выкупа и безъ отмѣны»*, *«въ вотчину»*. Именно этимъ самымъ указывается на передачу имуществъ покупщикамъ въ безсрочное, вѣчное владѣніе, т. е. въ собственность[1]). Приведенное нами толкованіе оправдывается въ особенности 87. 1571 года, 90, 93 и 33 купчими. Этими четырьмя грамотами переукрѣпляются имущества, которыя по самому закону, въ то время дѣйствовавшему, должны быть признаны благопріобрѣтенными; на нихъ же право выкупа не распространялось[2]). Между тѣмъ и въ этихъ четырехъ купчихъ продавцы обязываются передать имущества *«въ дернь, безъ выкупа и во вѣки»*, и отрѣкаются отъ дальнѣйшихъ притязаній на оныя какъ за самихъ себя, такъ и за дѣтей своихъ.

И такъ, нисколько не сомнѣваясь въ древности происхожденія права выкупа[3]), мы не можемъ позволить себѣ придать разсмотрѣннымъ выраженіямъ юридическое значеніе, а слѣдовательно и согласиться съ пр. Неволинымъ, который въ этихъ выраженіяхъ видитъ отказъ продавцевъ отъ выкупа проданныхъ ими имуществъ[4]). Впрочемъ авторъ Ист. Гражд. Зак. готовъ выраженіямъ: *«купить «такое-то имущество собѣ и своимъ дѣтямъ»*, или *«продать та«кое-то имущество ему и его дѣтемъ одерень»*, *«вѣки»*, *«впрокъ»*, *«безъ выкупа и безъ отмѣны»*, *«въ отчину»* придать и другой смыслъ, т. е. понимать ихъ въ значеніи указаній на передачу имуществъ

которыхъ идетъ рѣчь. Причина этому состоитъ въ томъ, что въ грамотѣ этой (xxxii Новгородской), помѣщены слова: *«собѣ «и дѣтемъ своимъ»*. Не указываетъ ли выраженіе это на пріобрѣтеніе имущества *«одерень»*, *«впрокъ»*, *безъ выкупа»* и т. д.

[1]) Не въ этихъ ли словахъ скрывается источникъ, начало выраженія, встрѣчающагося въ дѣйствующемъ законодательствѣ: *«вѣчное и потомственное владѣніе»*, т. е. право собственности? (Прим. къ ст. 388 Св. Гр. Зак.).

[2]) 85 ст. Судебника 1550 г.

[3]) Неволина, Ист. Рос. Гр. Зак. т. III. §§ 413, 414 и 415.

[4]) Тамъ же, т. III, стр. 60 и 61.

въ вѣчное и потомственное владѣніе или по нашимъ понятіямъ въ собственность [1]).

Изъ сорока шести купчихъ, составленныхъ до 1544 года, только въ пяти налагается на продавца обязательство очищать имущество отъ стороннихъ притязаній на оное (NN° 71. v, vi, x, xxii и 79). Шестая Новг. купчая тѣмъ еще замѣчательна, что это обязательство продавца распространяетъ она на его дѣтей. Въ остальныхъ девятнадцати купчихъ безъ исключенія налагается на продавца обязательство очищать имущество; если на сторонѣ продавца являются по-нѣскольку лицъ, то обязательство это распространяется на всѣхъ ихъ сообща. По силѣ обязательства этого продавецъ, въ случаѣ предъявленія стороннимъ лицомъ на проданное имѣніе кабалы закладной по денежному, хлѣбному или другому какому-либо долгу, или записей поручныхъ и переводныхъ, данныхъ и рядныхъ, или купчей, или мѣновой, или духовной, или иной какой-нибудь письменной крѣпости, долженъ очищать имущество отъ всѣхъ этихъ актовъ и «*ото всею порялу своими* «*деньгами, а убытка покупщику не учинить, и волокиты и обыска* «*ни которою не довесть*» (NN° 81 — 99); въ случаѣ же понесенія покупщикомъ отъ какой-бы то ни было крѣпости убытковъ, продавецъ обязывается вознаградить его за всѣ убытки «*и Москов*-«*ская волокита, за проѣсть и за проѣздъ сполна*» (NN° 85, 91, 94, 98 и 99). Въ 82-й купчей, въ дополненіе ко всему сказанному, отъ имени продавца прибавлены еще слѣдующія слова: «*а* «*въ очищеньѣ со мнои мои люди, Мѣшокъ Молотовъ сынъ, да сынъ* «*Мѣшковъ Нечлйка, да Худякъ Ѳоминъ сынъ, одинъ человѣкъ, ко*-«*торой насъ въ лицахъ, на томъ очыщеньѣ*». Смыслъ этихъ словъ по нашему мнѣнію тотъ, что очищать имущество будетъ или самъ продавецъ, или вмѣсто его тотъ изъ поименованныхъ людей, который за отсутствіемъ продавца или по другой какой-либо причинѣ будетъ его представителемъ. Въ 83 купчей обязательство продавцевъ очищать имущество, въ случаѣ предъявленія на оное кѣмъ-бы то ни было кабалъ или записей, обезпечено на случай неисполненія неустойкою. Численная несоразмѣрность неустойки съ продажною цѣною разительна: первая вдвое превышаетъ послѣднюю. Должно по крайней мѣрѣ думать, что въ случаѣ уплаты неустойки оспориваемое имущество возвращалось или продавцамъ онаго, или отдавалось предъявителямъ кабалъ или записей. Хотя опредѣленіе количества неустойки предоставлялось доброволь-

[1]) Ист. Рос. Гр. Зак. 344, 346 и 347 стр. т. I; 115, 116, 117 и 118 стр. т. II и 60, 61, 62, 63 и 64 стр. т. III.

ному согласію договаривающихся, но безъ высказаннаго соображенія трудно объяснить приведенныя данныя о непомѣрной ея величинѣ.

Въ семи купчихъ, не восходящихъ по времени далѣе половины XVI вѣка, обязательству продавцевъ очищать имѣніе предшествуютъ удостовѣренія отъ имени ихъ въ томъ, что проданныя имущества, кромѣ настоящихъ покупщиковъ оныхъ, никому не проданы, не заложены, не вымѣнены, ни даромъ не отданы никому, ни по душѣ въ монастырь, ни въ церковь не отданы, не написаны ни въ кабалахъ, ни въ данныхъ, ни въ духовныхъ грамотахъ, и ни у кого ни въ чемъ и ни въ какихъ крѣпостяхъ не укрѣплены (NN° 84—87, 91, 94 и 99).

Въ настоящее время оставляется на произволъ контрагентовъ включать въ купчую крѣпость обязательство объ очисткѣ[1]). Изъ даваемыхъ положительнымъ законодательствомъ 4 образцевъ для письма купчихъ крѣпостей только по смыслу послѣдняго помѣщеніе въ купчей крѣпости таковаго обязательства необходимо[2]). Но на самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности обязательство очистки всегда получаетъ мѣсто въ купчихъ крѣпостяхъ и въ такой степени упоминаніе о немъ считается существеннымъ, что въ противномъ случаѣ предполагается обязательство очистки не выговореннымъ. Такой взглядъ практики образовался конечно подъ вліяніемъ изстари заведеннаго обыкновенія.

Данною покупщикомъ рожью продавцы обязываются обсѣменить проданную ими землю въ первый годъ поступленія ея въ собственность новаго пріобрѣтателя (N° 86).

Продавецъ и по передачѣ покупщику имущества обязывается платить съ него дань и оброкъ и всякія потуги въ продолженіе опредѣленнаго времени, — почти цѣлаго года (NN° 86 и 87).

Отношенія покупщика. — Покупщикъ обязанъ за проданное имущество заплатить продавцу условленную цѣну. Только о 98-ой купчей нельзя сказать этого, такъ-какъ въ ней вовсе не помянуто о цѣнѣ (см. стр. 426). Судя по тексту грамотъ, должно думать, что договоръ заключался безусловно, т. е., что покупщикъ, вслѣдъ за передачею ему имущества, платилъ продавцу деньги. Во всѣхъ купчихъ, кромѣ 71. I и 78, говорится: *«а далъ есми на «той земли.......»*, или *«а взялъ есми на томъ угодіи.....»*. Изъ нѣкоторыхъ грамотъ еще яснѣе видно, что покупщикъ тотчасъ по полученіи имущества платилъ продавцу выговоренную за оное цѣну. Такъ въ 72 указывается на лицо, платившее деньги: *«а серебро платилъ отъ игумена* (покупщика) *чернецъ Варсонофей»*;

[1]) 1182 ст. Св. Гр. Зак.

[2]) Приложеніе къ 1186 ст. Св. Гр. Зак.

въ 93, 95 и 97 грамотахъ отъ имени продавца говорится: *«а взяли «есми на томъ имуществѣ. . . . . столько-то денегъ всѣ вручь».* Въ словарѣ Церковно-Славянскаго и Русскаго языка, изданномъ Академіею Наукъ, слово *«вручь»* объяснено слѣдующимъ образомъ: *«съ полу«ченіемъ денегъ въ руки, за наличныя деньги».* Въ 88 купчей при опредѣленіи цѣны проданному имуществу сказано, что продавцемъ деньги за него взяты *«всѣ сполна».* Кромѣ того на оборотѣ NN° 78, 94 и 99 продавцы собственноручными подписями удостовѣряютъ, что деньги за проданныя ими имущества получены. При явкѣ послѣдней купчей — 99 къ засвидѣтельствованію, продавецъ снова подтвердилъ, что имъ сполна получены деньги за проданный дворъ. Всѣ эти обстоятельства удостовѣряютъ насъ въ томъ, что договоръ купли-продажи заключался не на-кредитъ, а безусловно. Только о первой Новг. купчей (половины XIV вѣка) мы неможемъ сказать что-либо достовѣрное въ этомъ отношеніи. Въ ней въ-слѣдъ за объявленіемъ контрагентовъ о вступленіи въ договоръ и означеніемъ предмета его сказано: *«и даша на немъ рублей гривну на 70 лѣтъ . . . . . .»* на этихъ словахъ можно основать мнѣніе, что куплено не самое имущество, а уступлено только право пользованія имъ на 70 лѣтъ за гривну рублей. Но непосредственно слѣдующее за выписанными словами выраженіе: *«а отъ тою лѣта коли Іо. князь «мертвъ Ивановиче»* устраняетъ подобное толкованіе и заставляетъ думать, что здѣсь подразумѣвается семидесятилѣтняя разсрочка на платежъ гривны рублей, который долженъ начаться со смерти князя Іоанна Ивановича. И это толкованіе произвольно: при простотѣ древняго быта врядъ-ли могла быть дана разсрочка въ платежѣ денегъ на такое продолжительное время; кромѣ того не странно-ли полагать срокомъ для начала уплаты ихъ смерть лица! По увѣренію проф. Неволина, смыслъ разсматриваемыхъ словъ конечно тотъ, что покупщики обязаны платить продавцамъ по гривнѣ въ годъ въ продолженіе 70 лѣтъ[1]). Въ сущности между этимъ толкованіемъ и только что приведеннымъ нами нѣтъ никакого различія, и потому сомнѣніе остается не разрѣшеннымъ.

Покупщикъ обязывается предоставить продавцамъ право пользованія имуществомъ; именно право жительства въ проданномъ дворѣ въ продолженіе почти цѣлаго года (N° 86).

Покупщикъ предоставляетъ продавцамъ деревень право выкупить ихъ въ продолженіе 14 мѣсяцевъ, считая началомъ срока время заключенія договора. Продавцы, въ случаѣ осуществленія предоставляемаго имъ права, кромѣ возвращенія денегъ, за имѣніе полученныхъ, обязываются еще уплатить покупщику опре-

[1]) Ист. Рос. Гр. Зак. т. III, стр. 44., прим. 204.

дѣленную сумму за хлѣбъ, симъ послѣднимъ употребленный на обсѣмяненіе пріобрѣтенныхъ покупкою земель. Въ случаѣ же неосуществленія продавцами предоставляемаго имъ права, имущества безвозвратно укрѣпляются за покупщикомъ (N° 86).

Проф. Неволинъ, основываясь на томъ, что «*въ древнія времена слова: покупать и продавать имѣли весьма обширный смыслъ и означали всякую передачу однимъ лицемъ другому своего имущества за деньги, было-ли имущество передаваемо въ вѣчную и потомственную собственность*», т. е. въ собственность, замѣтимъ мы, «*или только во временное пользованіе и владѣніе*»[1]); далѣе на томъ, что «*по древнимъ законамъ просроченная закладная обращалась въ купчую и заемъ денегъ подъ залогъ имущества былъ какъ бы условною продажею этого имущества*»[2]), хочетъ непремѣнно видѣть въ 86 грамотѣ закладную, а не купчую[3]). Замѣтимъ на это, что въ 86 грамотѣ, еще до включенія въ нее только что разсмотрѣннаго условія, помянуто объ обязательствѣ продавцевъ передать имущества «*въ дернь, безъ выкупа*». Выраженіямъ же; «*купить или продать имущество въ дернь, безъ выкупа*» и т. п. проф. Неволинъ и самъ не отказываетъ въ значеніи указаній на передачу имущества новому его пріобрѣтателю въ вѣчное и потомственное владѣніе, т. е. въ собственность[4]).

Покупщикъ обязывается не отчуждать пріобрѣтеннаго имъ имущества, въ случаѣ воспослѣдованія съ его стороны на то желанія, никому кромѣ бывшаго собственника онаго — продавца (NN° 71. XXIII и 92); сей же послѣдній обязывается въ такомъ случаѣ возвратить деньги, имъ при продажѣ за имѣніе полученныя (N° 92).

Скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніяхъ покупщиковъ между собою.

Если на сторонѣ покупщика являются по-нѣскольку лицъ (ср. стр. 424), то въ отношеніи пріобрѣтеннаго ими имущества, должно предполагать, состояли они на правѣ общей собственности. Въ купчихъ нѣтъ ни одного указанія, противорѣчащаго этому мнѣнію. Какимъ же образомъ осуществляли субъекты права общей собственности свои права на оное? Дать удовлетворительный отвѣтъ трудно: изъ первой Новг. грамоты можно заключить, что каждому изъ субъектовъ права общей собственности принадлежала особая

[1]) Ист. Рос. Гр. Зак. т. I, стр. 345, т. III, стр. 60, прим. 294.
[2]) Тамъ же т. III, стр. 62 и 78.
[3]) Тамъ же т. I, стр. 345 и 346; т. III, стр. 61 и 62.
[4]) Тамъ же т. II, стр. 115, 116 и 117; т. III, стр. 60 и 61 и сверхъ того т. I, стр. 344 — 347.

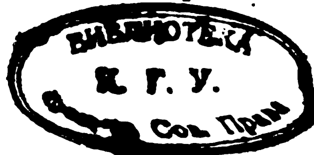
въ немъ доля. Относительно же другихъ купчихъ нельзя сказать этого; можетъ быть, каждый изъ субъектовъ права общей собственности поочередно, одинъ за другимъ осуществлялъ свое право на оное, можетъ быть и такъ, что каждому изъ субъектовъ предоставлена была особая доля въ правѣ общей собственности. За недостаткомъ указаній на это обстоятельство въ самихъ купчихъ что-либо положительное сказать невозможно. Право распоряженія общею собственностію требовало согласія всѣхъ ея субъектовъ. Въ х Новг. купчей, напр., одинъ изъ покупщиковъ за-ранѣе обязываетъ, не только товарища своего — другого покупщика, но и дѣтей послѣдняго, не продавать той части сообща пріобрѣтеннаго имущества, которая приходится на его долю, мимо перваго покупщика и его дѣтей.

V.

Значеніе купчихъ грамотъ для Исторіи Русскаго Права. — Предѣлы настоящаго труда слишкомъ тѣсны для того, чтобъ включить въ нихъ изслѣдованіе о древности письменныхъ актовъ въ Россіи. Мы скажемъ только, что купчія не противорѣчатъ мнѣнію тѣхъ обработывателей Исторіи Права, которые утверждаютъ, что письменные акты восходятъ въ Россіи не далѣе XIV вѣка.

Мы должны обратить преимущественное вниманіе на разсмотрѣніе вопроса: обязательно-ли было облеченіе разсматриваемаго договора, по важнѣйшимъ по крайней мѣрѣ имуществамъ, въ письменную форму. Во всѣхъ дошедшихъ до насъ юридическихъ памятникахъ времени, къ которому относятся купчія (отъ половины XIV вѣка до 1631 года), прямыхъ указаній, свидѣтельствующихъ объ обязанности выражать куплю-продажу письменно, нѣтъ. Слѣдовательно отвѣта на предстоящій разсмотрѣнію вопросъ должно искать въ самихъ купчихъ. Непосредственныхъ указаній на обязательность письменной формы въ грамотахъ не содержится, но нѣкоторыя данныя, изъ нихъ извлекаемыя, могутъ подать поводъ къ основанію мнѣнія о существованіи правила, обязывавшаго контрагентовъ выражать куплю-продажу въ письменной формѣ. Поэтому укажемъ на эти соображенія и разберемъ ихъ значеніе.

Шесть грамотъ писаны съ призывомъ въ послухи лицъ должностныхъ: сотниковъ, старостъ, дьяковъ земскихъ и таможенныхъ (NN° 71. іх, 86, 87, 94 — 96). Не въ слѣдствіе-ли требованія закона призывались лица эти въ свидѣтели? Рѣшить вопросъ этотъ положительно, съ приведеніемъ достаточныхъ доказательствъ нельзя. Правдоподобнѣе держаться противнаго мнѣнія. Вѣроятно



лица эти призывались въ свидѣтели по взаимному согласію контрагентовъ, для приданія договору большей твердости, такъ какъ достовѣрнѣйшими свидѣтелями считались, по Судебнику по крайней мѣрѣ, дьяки и вообще приказные люди[1]). Можетъ быть и по тому еще должностныя лица призывались въ свидѣтели, что они, какъ грамотныя, могли удовлетворять укоренившемуся съ самого начала XVI стол. обыкновенію послуховъ рукоприкладствовать на грамотахъ. Послѣднее предположеніе подтверждается тѣмъ, что всѣ присутствовавшія при написаніи купчихъ чиновныя лица въ качествѣ свидѣтелей дѣйствительно приложили на оборотѣ актовъ руки (NN° 86. 87, 94 — 96). Не должно упускать изъ виду и того, что изъ 63 купчихъ, въ присутствіи послуховъ писанныхъ, только въ 6 вышепоименованныхъ грамотахъ являются таковыми лица должностныя. Во всѣхъ же другихъ купчихъ свидѣтели суть лица частныя. Изъ 88 грамоты, напр., видно, что свидѣтелями при написаніи ея были слуги покупщика; въ 97 между прочими послухами поименованы два стрѣльца; при написаніи же 71. xv, xxv, 73 и нѣкоторыхъ другихъ купчихъ присутствовали духовныя лица.

Составителями семи купчихъ являются лица должностныя: сотники, дьяки земскіе и таможенные, одна изъ числа этихъ грамотъ писана сытникомъ и еще одна площаднымъ подъячимъ (NN° 71. xvi, 75, 83, 86, 87, 94 и 97). Мы думаемъ, что причина составленія купчихъ этихъ должностными лицами объясняется тѣмъ, что число грамотныхъ людей въ ту пору было весьма незначительно; чиновники же, если не всѣ, то часть ихъ по крайней мѣрѣ, въ состояніи были писать. Такое объясненіе получитъ большую вѣроятность, если укажемъ на званіе писавшихъ нѣкоторыя изъ остальныхъ купчихъ. Очень многія изъ нихъ составлены священно и церковно-служителями; одна, напр., писана дьякономъ (N° 71. xxxvi), пять дьячками (NN° 71. xxx и 72), двѣ чернецами (NN° 73 и 74) и т. д. Всѣ эти лица уже по самому званію, можно предполагать, были грамотны, и конечно поэтому только и являются они составителями актовъ — купчихъ грамотъ. Наконецъ скажемъ, что если-бы существовали въ ту пору должностные писцы и если-бы исключительно имъ однимъ предоставлялось составленіе купчихъ по крайней мѣрѣ, то конечно никто изъ постороннихъ не занимался-бы имъ; между тѣмъ мы видимъ, что и частныя лица занимались составленіемъ актовъ. Укажемъ на нѣкоторыя сколько-нибудь замѣчательныя въ этомъ отношеніи данныя: двѣ грамоты

[1]) Судебникъ 1550 г. § 114.

писаны самими продавцами (NN° 77 и 89), одна сыномъ продавца (N° 98) и еще одна слугою покупщика (N° 88).

99 грамота явлена передъ князьями и дьяками къ записанію въ книги, со взятіемъ притомъ пошлинъ (см. 423 стр.). При этомъ мы замѣчаемъ, что явка воспослѣдовала по крайней мѣрѣ чрезъ 7 слишкомъ мѣсяцевъ послѣ написанія самой грамоты (писана она въ 1631 г.—указанія на мѣсяцъ и число написанія 99 купчая не содержитъ, — явлена же къ засвидѣтельствованію въ 1632 г. Сентября 20). Изъ этого обстоятельства можно съ достовѣрностію заключить, что договоръ считался дѣйствительнымъ и безъ предъявленія купчей грамоты дьякамъ для записанія въ книги, но что по прошествіи 7 мѣсяцевъ или даже и бо́льшаго пространства времени контрагенты для приданія договору большей твердости, по взаимному между собою согласію предъявили письменный о немъ актъ къ засвидѣтельствованію. Такому пониманію юридическаго значенія явки 99 купчей къ засвидѣтельствованію, посредствомъ вписанія въ книги, не противорѣчатъ и всѣ другіе юридическіе акты, изданные Археографическою Коммиссіею; ибо не только современные купчей этой (N° 99), но даже и позднѣйшіе акты нигдѣ не засвидѣтельствованы [1]).

И такъ и купчія не удостовѣряютъ насъ въ существованіи законныхъ предписаній облекать разсматриваемый договоръ въ письменную форму. Причину написанія обработываемыхъ купчихъ видимъ мы въ требованіяхъ жизни общественной: гдѣ идетъ рѣчь о совершеніи сдѣлки, тамъ всякій хлопочетъ о знакѣ для ея укрѣпленія. Но находилась-ли въ ту пору гражданственность наша на той степени развитія, что письменное укрѣпленіе права считалось въ быту общественномъ за необходимое условіе его существованія, рѣшить мы не въ состояніи; а вслѣдствіе этого не можемъ и сказать: исключительно-ли въ письменной формѣ, поважнѣйшимъ по крайней мѣрѣ имуществамъ, выражался договоръ купли-продажи, или неисключительно. Калачовъ утверждаетъ, что уже при Іоаннѣ IV письменная форма во всеобщемъ употребленіи не только для договоровъ, касающихся имуществъ недвижимыхъ, но даже и для движимыхъ болѣе цѣнныхъ [2]).

Рейцъ относительно второго періода Исторіи Русскаго Права, по принятому имъ раздѣленію оной (отъ ½ XI до ½ XVI стол.), совершенно согласенъ съ нашимъ мнѣніемъ; вотъ его слова: «*письменное совершеніе контрактовъ въ этомъ періодѣ дѣлалось отчасу*

[1]) Объ Акт. Укр. Пр. на имущ. стр 129.

[2]) О Судебникѣ Ц. І. В. въ Юрид. Зап., изданныхъ Рѣдкинымъ т. I, стр. 90.

«употребительные, для большей вѣрности, безъ законнаго на сіе «предписанія»[1]). Воззрѣніе же свое относительно обязательности письменныхъ актовъ въ третьемъ періодѣ (отъ ½ XVI до ½ XVII стол.) высказалъ Рейцъ неопредѣленно въ словахъ: *«купчая на «земли совершалась письменно при свидѣтеляхъ* (5 — 6), *съ запи«саніемъ въ книги у дьяка»*[2]). Какое же значеніе придаетъ Рейцъ этому положенію: обязательное или позволительное? Думаемъ, что только позволительное. Указываемое Рейцемъ узаконеніе 1558 года, помѣщенное въ Судебникѣ Іоанна IV подъ § 143 и постановляющее только о свидѣтельствованіи акта купли-продажи по помѣстьнымъ участкамъ записаніемъ онаго въ крѣпостныя книги у дьяковъ, не можетъ быть понимаемо иначе, какъ въ смыслѣ позволительнаго узаконенія. N№ 84—91, 94, 96—98, какъ нигдѣ неявленные, хотя и писанные вслѣдствіе переукрѣпленія земель уже по изданіи указа 1558 года, и въ особенности № 99 (ср. 423. стр.) вполнѣ подтверждаютъ такое пониманіе 143 параграфа Судебника. Запрещеніе словесныхъ договоровъ воспослѣдовало только въ 1635 году Августа 7[3]).

И такъ купчія въ отношеніи вопроса объ обязательности ихъ имѣютъ важное для насъ значеніе. Ими подтверждается мнѣніе, отвергающее обязательность письменнаго акта, но лишенное до изданія купчихъ подкрѣпленія явленіями изъ дѣйствительной жизни нашего древняго быта, и потому казавшееся шаткимъ.

Посмотримъ теперь, при соображеніи какихъ обстоятельствъ заключался договоръ купли-продажи и при соблюденіи какихъ требованій обычая или закона онъ считался дѣйствительнымъ. Сначала обратимъ мы вниманіе на форму договора, а потомъ уже перейдемъ къ разсмотрѣнію самого содержанія купли-продажи, выраженной въ купчихъ грамотахъ.

Если законъ не обязывалъ, а только позволялъ заключать куплю-продажу письменно, то конечно не можетъ существовать сомнѣнія въ томъ, что самый актъ по ней писался на дому и что ни видъ, ни форма матеріала не были опредѣлены, что все зависѣло въ этомъ отношеніи отъ воли контрагентовъ или обыкновенія, въ извѣстный періодъ времени господствовавшаго (ср. стр. 413). Точно также мы не сомнѣваемся и въ томъ, что закономъ опредѣленной внутренней формы для письма грамотъ не существовало

[1]) Опытъ И. Р. Г. и Гр. Зак. § 64, стр. 222 пр. 1.
[2]) Тамъ же § 150, стр. 317.
[3]) Послѣдняя изъ обработываемыхъ купчихъ относится къ 1631 году; слѣдовательно она писана не подъ вліяніемъ этого запрещенія. Рейца Оп. стр. 312.

(ср. стр. 415). Тѣмъ не менѣе однакожъ всѣ купчія по внутренней ихъ формѣ представляютъ не малое между собою сходство; намъ удалось даже установить на основаніи ихъ приблизительно единообразную форму, по которой составлена бо́льшая ихъ часть. Это обстоятельство не можетъ не породить вопроса о причинѣ такого единообразія. Причину этому видимъ мы, во-первыхъ, въ томъ, что мысль, выражаемая куплею-продажею, такъ проста, что она всегда и вездѣ выражается одинаково, а во-вторыхъ, что̀ главное, въ томъ, что весьма незначительное число людей занималось въ древности составленіемъ актовъ. Но и занимавшіеся этимъ были весьма ограниченной грамотности. Вслѣдствіе этого писцы, затвердивши форму, по которой было ими написано уже нѣсколько актовъ, принимали ее за образецъ при всякомъ послѣдующемъ составленіи. Образовался конечно обычай для формы актовъ и онъ постоянно примѣнялся въ дѣйствительности, но едва-ли въ смыслѣ обычая, юридически обязательнаго. Послѣднее объясненіе причины единообразія въ формѣ купчихъ получитъ еще бо́льшую вѣроятность, если припомнимъ сказанное о званіи ихъ составителей (ср. стр. 438).

Должно сознаться, что изъ купчихъ грамотъ, въ отношеніи разсмотрѣннаго вопроса, мы не извлекаемъ ничего новаго. Еще до изданія ихъ Археографическою Коммиссіею, проф. Рейцъ утверждалъ тоже, что сказали и мы въ настоящее время [1]). Но купчія, относительно внутренней ихъ формы, имѣютъ для насъ существенное значеніе съ другой стороны. Изъ сравненія образцевъ, даваемыхъ дѣйствующимъ законодательствомъ для письма купчихъ крѣпостей, съ внутреннею формою, установленною большинствомъ обработываемыхъ купчихъ, легко усматривается между этими образцами и этою формою большое сходство. Всѣ тѣ отдѣльныя опредѣленія о существѣ самого договора, которыя входятъ въ составъ большей части грамотъ, вошли и въ составъ образцевъ, даваемыхъ положительнымъ законодательствомъ для письма купчихъ крѣпостей. Порядокъ изложенія этихъ отдѣльныхъ опредѣленій какъ въ нашихъ грамотахъ, такъ и въ образцахъ, по которымъ пишутся въ настоящее время купчія крѣпости, одинаковъ. Кромѣ того, если не ошибаемся, въ самомъ языкѣ образцевъ отразилось вліяніе грамотъ. Съ несомнѣнностію поэтому можно сказать, что положительнымъ законодательствомъ освящена та самая форма для письма купчихъ крѣпостей, которая установилась уже въ первое время письменности актовъ въ нашемъ отечествѣ, т. е. во времена, къ которымъ относятся купчія грамоты.

[1]) Опытъ Ист. Р. Г. и Гр. 3. § 145, стр. 312.

Дѣйствительность договора, выраженнаго въ письменной формѣ— купчихъ грамотахъ, удостовѣрялась:

1) Присутствіемъ при написаніи грамотъ свидѣтелей (послуховъ), безъ приложенія ими рукъ на купчихъ, въ присутствіи ихъ составленныхъ (NN° 71. I — XXV, XXVII — XXXVII, 72 — 75, 89, 92, и 97). Число свидѣтелей, поименованныхъ въ грамотахъ, различно: отъ одного до семи (NN° 91, 71. VI и 82). Купчія не представляютъ ни одного указанія, позволяющаго предполагать, чтобъ какія-либо обстоятельства, независящія отъ существа самого договора, оказывали вліяніе на количество лицъ, призывавшихся къ присутствію при написаніи грамотъ въ званіи послуховъ: вѣроятно все зависѣло въ этомъ отношеніи отъ случая. О званіи свидѣтелей говорено было выше.

2) Скрѣпленіемъ грамотъ печатями (NN° 71. II—XXV, XXVII—XXXII, XXXIV — XXXVII и 74) (ср. стр. 414). Печати привѣшивались къ купчимъ, чтобы придать заключенному договору бо́льшую твердость, достовѣрность. Несомнѣнно, что и въ настоящее время приложеніе къ актамъ печатей имѣетъ то же самое значеніе. Разсмотрѣніе надписей, на печатяхъ находившихся, можетъ подать поводъ къ болѣе подробнымъ соображеніямъ. Выше, при разсмотрѣніи внутренней формы купчихъ, сказано, что о надписяхъ можемъ мы судить только по 17 печатямъ, принадлежащимъ NN° 71. II—VI, VIII — XI, XIII, XV — XVIII, XXI, XXII и 74 (ср. стр. 420 — 421). Судя по этимъ надписямъ, печати принадлежали ни контрагентамъ, ни свидѣтелямъ, а лицамъ совершенно постороннимъ. Исключеніе изъ этого составляетъ единственная печать, приложенная къ подлиннику N° 74; изъ надписи, на ней изображенной, видно, что она принадлежала одному изъ продавцевъ. Но кому именно принадлежали печати, привѣшенныя ко всѣмъ другимъ грамотамъ, — неизвѣстно; только изъ надписи, находящейся на печати N° 71. IX, можемъ мы судить о званіи собственника печати этой: на оборотѣ ея изображены слова: «*печать Остафьи Яколича, влдчня* «*намстк.*», т. е. владычня намѣстника, какъ объясняютъ редакторы Актовъ Юридическихъ. На нѣкоторыхъ печатяхъ, привѣшенныхъ къ Новг. купчимъ XIV и XV стол., находятся надписи однихъ и тѣхъ же именъ; таковыя печати раздѣляются на 2 группы, именно: на печатяхъ NN° 71. III, VI и XVII изображена надпись: «*печать* «*Якова Ивановича*», на печатяхъ же NN° 71. V, XVI и XXI: «*печать Демьнтья Олксѣева*». Ближайшій выводъ изъ этихъ трехъ обстоятельствъ, т. е. изъ того 1) что печати принадлежали постороннимъ лицамъ (однакожь кромѣ печати, приложенной къ 74 грамотѣ), 2) изъ того, что на одной изъ печатей находится надпись: «*печать Остафьи Яколича, влдчня намстк.*» и наконецъ 3) изъ

того, что нѣкоторыя изъ Новг. купчихъ XIV и XV стол. утверждены печатями одного и того же лица,—тотъ, что уже въ это время, въ Новгородѣ по крайней мѣрѣ, существовалъ обычай, что контрагенты, желая придать заключенному между ними договору бо̀льшую твердость, прибѣгали съ просьбою о скрѣпленіи купчихъ печатями къ извѣстнымъ, даже, можетъ быть, чиновнымъ лицамъ [1]). Впрочемъ должно замѣтить, что совершенное, полное сходство надписей находится только на печатяхъ v и xvi Новг. купчихъ; печати же, привѣшенныя къ NN° 71. ш, vi и xvii, а также къ NN° 71. x и xxi, хотя и сходны между собою по надписямъ, но не безусловно, такъ - какъ на однѣхъ изъ печатей или недостаетъ тѣхъ буквъ, которыя находятся на другихъ, имъ почти во всемъ остальномъ по надписямъ сходныхъ печатяхъ, а буквы эти замѣнены точками (ср. NN° 71. ш и vi, или NN° 71. v, x и xxi), или одна буква вставлена вмѣсто другой (ср. NN° 71. ш и xvii или NN° 71. v, x и xxi), или даже лишняя буква прибавлена (ср. NN° 71. x и xxi). Для объясненія этихъ обстоятельствъ конечно можно прибѣгать къ различнымъ предположеніямъ, но привести въ подтвержденіе ихъ несомнѣнныя доказательства едва-ли возможно [2]).

3) Собственноручными подписями или всѣхъ изъ участвовавшихъ въ договорѣ продавцевъ, или только нѣкоторыхъ изъ нихъ, или наконецъ, вѣроятно по безграмотности самихъ продавцевъ, собственноручными подписями законныхъ ихъ представителей (NN° 77, 78, 80 — 86, 94, 96 и 99). (Ср. стр. 421 — 422).

4) Собственноручными подписями или всѣхъ изъ присутствовавшихъ при написаніи грамоты свидѣтелей, или только нѣкоторыхъ изъ нихъ (NN° 76 — 88, 90, 91, 93 — 96 и 99) (Ср. стр. 422).

Ни одна изъ купчихъ не удовлетворяетъ выставленнымъ нами формальностямъ, соблюдавшимся при написаніи ихъ, вполнѣ. Но это происходитъ частію отъ того, что существовавшее до конца XVI стол. обыкновеніе удостовѣрять подлинность договора, выраженнаго въ купчихъ грамотахъ, печатями вытѣснилось вошедшимъ съ этого

[1]) Объ акт. укр. правъ на имущ., стр. 123 и 124.

[2]) Нельзя однакожь допустить, будто-бы замѣчаемое въ формѣ Новг. актовъ вообще отсутствіе указаній на время ихъ написанія восполнялась тѣмъ, что привѣшиваемыя къ нимъ печати принадлежали чиновному лицу, и что такимъ образомъ можно было, по крайней мѣрѣ приблизительно, узнать время составленія акта (Объ Акт. Укр. Пр. на Имущ. стр. 124). Предположеніе это не оправдывается купчими: NN° 73 и 75 не содержатъ въ себѣ указаній на время ихъ написанія, однакожь они скрѣплены и печатями

времени въ употребленіе обыкновеніемъ свидѣтелей и продавцевъ собственноручно подписываться на оборотѣ ку̊пчихъ. Съ XVI стол., мало распространенная до того времени письменность, вѣроятно сдѣлалась удѣломъ бо̀льшаго числа жителей; вслѣдствіе этого возможность найти грамотныхъ свидѣтелей облегчилась, а потому прежде бывшее обыкновеніе скрѣплять грамоты печатями замѣнилось обыкновеніемъ свидѣтелей и продавцевъ подписываться на актахъ. Приведенное мнѣніе подтверждается тѣмъ въ особенности, что на грамотахъ, скрѣпленныхъ печатями, не находится подписей свидѣтелей и продавцевъ, и что на оборотъ тѣ грамоты, на которыхъ находятся таковыя подписи, не скрѣплены печатями; короче, собственноручныя подписи продавцевъ и свидѣтелей не совмѣстны съ употребленіемъ печатей (ср. стр. 420)[1].

Укажемъ, въ какой мѣрѣ удовлетворяютъ, хотя частію только, грамоты тѣмъ формальностямъ, которыя обыкновенно соблюдались при написаніи ихъ.

Присутствіемъ однихъ свидѣтелей только удостовѣряется подлинность осьми ку̊пчихъ (NN° 71. I, XXXIII, 72, 73, 75, 89, 92 и 97). Присутствіемъ свидѣтелей и скрѣпленіемъ печатями удостовѣряется подлинность тридцати пяти грамотъ (NN° 71. II — XXV, XXVII — XXXII, XXXIV — XXXVII и 74). Собственноручными подписями или всѣхъ изъ присутствовавшихъ при написаніи какой-либо грамоты свидѣтелей, или только нѣкоторыхъ изъ нихъ удостовѣряется подлинность осьми ку̊пчихъ (NN° 76, 79, 87, 88, 90, 91, 93 и 95). Наконецъ подлинность двѣнадцати грамотъ удостовѣряется собственноручными подписями или всѣхъ изъ присутствовавшихъ при написаніи грамотъ этихъ свидѣтелей, или только нѣкоторыхъ изъ нихъ, совмѣстно съ собственноручными же подписями или всѣхъ, или только нѣкоторыхъ изъ участвовавшихъ въ договорѣ прода-

[1]) Взглядъ редакторовъ Акт. Юр. на значеніе печатей и подписей продавцевъ и свидѣтелей, кажется, не разнствуетъ отъ нашего. Въ этомъ можно удостовѣриться изъ 89, 92 и 97 ку̊пчихъ. Эти грамоты принадлежатъ къ тому времени, когда уже вошли въ обыкновеніе собственноручныя подписи продавцевъ и свидѣтелей; между тѣмъ на писчемъ матеріалѣ грамотъ этихъ не находится таковыхъ подписей. Редакторы, указывая на это явленіе, въ палеографическихъ описаніяхъ каждаго изъ этихъ трехъ нумеровъ выражаются такъ: *подлинникъ безъ печати и подписей»*. Ср. также слова профессоровъ Станиславскаго и Неволина, въ разсужденіи: Объ Акт. Укр. Правъ на Имущ., стр. 117 и 118 и въ Ист. Рос. Гр. Зак. т. II, стр. 54 и 55.

вцевъ, или же вмѣсто таковыхъ подписями законныхъ представителей продавцевъ (NN° 77, 78, 80 — 86, 94, 96 и 99).

Слѣдовательно подлинность одной только 98 купчей вопреки всѣмъ другимъ не засвидѣтельствована ни подписями свидѣтелей, ни присутствіемъ ихъ, ни подписью продавца, ни приложеніемъ печати. Изъ этого можно заключить, что договоръ купли-продажи считался дѣйствительнымъ и безъ заключенія его въ присутствіи свидѣтелей. Можно конечно возразить, что если въ самой грамотѣ не упоминается о присутствовавшихъ при написаніи ея послухахъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что они не присутствовали на самомъ дѣлѣ. Это справедливо, но съ другой стороны не странно-ли то обстоятельство, что 98 грамота есть единственная, въ которой не поименованы по крайней мѣрѣ имена свидѣтелей?

Подлинность послѣдней купчей (N° 99), относящейся къ 1631 году, засвидѣтельствована, какъ мы уже видѣли, собственноручными подписями продавца и свидѣтелей; но кромѣ того купчая эта, по крайней мѣрѣ черезъ 7 мѣсяцевъ послѣ написанія ея, явлена передъ князьями и дьяками къ записанію въ книги. О юридическомъ значеніи явки этой говорено было выше.

Рейцъ, излагая состояніе законодательства во второмъ періодѣ, по принятому имъ раздѣленію Русскаго Права (отъ ½ XI до ½ XVI стол.), говоритъ, что для совершенія купчей грамоты, вошедшей уже въ это время въ употребленіе касательно недвижимыхъ имуществъ, призывали вѣроятно свидѣтелей[1]). Столь же осторожно говоритъ онъ объ этомъ и въ третьемъ періодѣ (отъ ½ XVI до ½ XVII стол.). Вотъ его слова: *«купля могла совершаться словесно и «письменно, какъ кажется, предъ свидѣтелями»*[2]). 98 купчею вполнѣ оправдываются нерѣшительныя выраженія автора, дающія обстоятельству этому характеръ болѣе или менѣе вѣроятный. Рейцъ имѣлъ впрочемъ подъ рукою грамоту 1554 года, писанную при шести свидѣтеляхъ; изъ той же грамоты извѣстны и другіе способы удостовѣренія подлинности купчихъ, такъ-какъ помянутая грамота скрѣплена печатью и записана въ книги[3]). Не знаемъ, присутствіемъ-ли только свидѣтелей или собственноручными ихъ подписями утверждена эта грамота. Если справедливо послѣднее, то, значитъ, Рейцу неизвѣстенъ былъ только одинъ изъ тѣхъ способовъ удостовѣренія дѣйствительности договора, выраженнаго въ письменной формѣ, которые мы узнаемъ изъ купчихъ, именно способъ удостовѣрять подлинность ихъ подписями свидѣтелей.

---

[1]) Опытъ Ист. Р. Г. и Гр. Зак. § 64 прим. 5.
[2]) Тамъ же § 150, стр. 316.
[3]) Тамъ же § 150, стр. 317.

Относительно принадлежностей договора изъ купчихъ извлекаются очень немногія указанія.

Что касается до принадлежностей, которыя касаются лицъ, заключающихъ договоръ, то въ этомъ отношеніи слѣдуетъ сказать, что продавецъ и покупщикъ, а если на каждой изъ сторонъ являлось по-нѣскольку лицъ, то и всѣ они, для дѣйствительности заключеннаго между ними договора, должны были быть способными располагать собою и вещами[1]). Для этого контрагенты должны были находиться внѣ посторонней зависимости; должны были ясно сознавать отношенія, возникавшія изъ договора[2]); должны были имѣть опредѣленный возрастъ[3]). Кромѣ того изъ трехъ грамотъ видно, что покупщикъ обязанъ дать знать о заключеніи договора чиновному лицу (тіуну или дворецкому), или даже испросить письменное дозволеніе князя на пріобрѣтеніе имущества (NN° 72, 83 и 74). Для продавца должно было существовать право на имущество, по коему заключенъ договоръ; ибо лицо могло продать только то имущество, на которое оно имѣло право; продажа чужого имущества превращала договоръ въ недѣйствительный[4]). Изъ двухъ только грамотъ видно, что несобственники имуществъ являются продавцами оныхъ (NN° 84 и 85). Содержаніе первой изъ этихъ грамотъ заставляетъ предполагать, что родственники собственницъ имущества продаютъ его на основаніи законнаго представительства; что же касается до второй, то продавцемъ переукрѣпляемаго ею имущества является сынъ собственника, опростѣвшаго умомъ, быть можетъ, какъ попечитель его[5]). x Новг. купчею переукрѣпляется мужемъ и женою приданая вотчина послѣдней; xxii Новг. купчею, по предположенію проф. Неволина по крайней мѣрѣ[6]), переукрѣпляется мужемъ вотчина жены. Въ этихъ двухъ грамотахъ мужья являются законными продавцами, такъ-какъ имъ на время брака предоставлялось древними законами право отчужденія приданыхъ

[1]) «*Опытъ*» Рейца § 146, стр. 313.

[2]) Въ Псковской записи о церковномъ судѣ, относящейся ко второй половинѣ XV вѣка, между прочимъ сказано: «*кто съ* «*кимъ напьяни помѣнится чимъ, или что купить, а потомъ* «*проспятся и одному истьцу не любо будетъ, ино имъ размѣнить-* «*ся......*» (Акты Арх. Эксп. 1836 т. I. N° 103, стр. 80).

[3]) О срокахъ совершеннолѣтія смотр. въ «*Опытѣ*» Рейца § 59, стр. 207 — 209 и въ Ист. Рос. Гр. Зак. Неволина т. I, стр. 404 и 405.

[4]) «*Опытъ*» Рейца § 64, стр. 221. § 146, стр. 313 и 314.

[5]) Неволина. Ист. Рос. Гр. Зак. т. I, стр. 443.

[6]) Тамъ же, стр. 119.

имуществъ женъ ихъ[1]). Для отчужденія приданой вотчины требовалось только согласіе самой жены[2]); но требованіе это не было соблюдаемо[3]). При нѣкоторыхъ соображеніяхъ можно позволить себѣ въ подтвержденіе послѣднихъ двухъ положеній проф. Неволина сослаться на 71. x и xxii купчія.

Необходимою принадлежностію для дѣйствительности договора выставили мы существованіе для продавца права собственности на имущество, по коему заключенъ договоръ; касательно же покупщика слѣдуетъ сказать, что онъ долженъ былъ имѣть способность къ пріобрѣтенію имущества. Выставляя эти положенія, само-собою разумѣется, мы встрѣчаемся съ вопросомъ: кто признавался способнымъ быть собственникомъ какого-бы то ни было имущества, и кто признавался способнымъ пріобрѣтать право собственности по какому-бы то ни было имуществу? Въ періодъ времени, къ которому относятся купчія, не было ограниченій касательно пріобрѣтенія и владѣнія имуществами. Рейцъ колебался признать право низшихъ классовъ народа владѣть землею. Онъ склоняется однакожь къ тому мнѣнію, что всѣ свободные могли быть собственниками земли[4]). Изъ купчихъ, только 74. xxi свидѣтельствуетъ о правѣ низшихъ классовъ владѣть землею. Не ранѣе какъ въ 1500 г. сдѣлана попытка ограничить право духовенства на владѣніе землями. Но, какъ извѣстно, попытка эта не удалась. Въ 1501 г. Мая 11 состоялся соборный приговоръ о запрещеніи духовенству пріобрѣтать отчины безъ Царскаго доклада[5]). Что приговоръ этотъ не имѣлъ безусловнаго значенія могутъ свидѣтельствовать 77, 80, 85, 88 и 89 купчія. Наконецъ въ 1580 г. Января 15 соборнымъ приговоромъ рѣшительно запрещено духовенству пріобрѣтать земли[6]). Но и это запрещеніе не примѣнялось постоянно въ дѣйствительности, какъ видно изъ 96 грамоты.

Несомнѣнно, что начало, дѣйствующее въ современномъ законодательствѣ, т. е., что собственникъ имущества не можетъ передать свое право на оное другому лицу въ большемъ объемѣ, чѣмъ оно существуетъ у него самого, если и не было возведено къ сознанію, все-таки имѣло значеніе въ дѣйствительности и во времена купчихъ. На это намекаютъ выраженія, встрѣчающіяся во всѣхъ

[1]) Неволина, Ист. Рос. Гр. Зак.
[2]) Тамъ же, стр. 95 и 119.
[3]) Тамъ же, стр. 119.
[4]) *«Опытъ»* Рейца § 35. стр. 134 и 135; § 38. стр. 144 и 145; § 100. стр. 268 и 269.
[5]) Акты Археогр. Эксп. 1836 г. т. I. № 227. стр. 218 и 219.
[6]) Тамъ же № 308, стр. 372 и 373.

почти грамотахъ: *«по старинѣ, по старымъ межамъ»* и т. д. или *«чѣмъ владѣлъ продавецъ, тѣмъ владѣть покупщику»*. Кромѣ того въ 86, 87 и 96 грамотахъ прямо указывается на то, что всѣ обязательства, связанныя съ обладаніемъ проданнымъ имуществомъ, переходятъ при передачѣ его къ покупщику. Такимъ образомъ изъ первыхъ двухъ грамотъ видно, что покупщики только вслѣдствіе заключенія особаго съ продавцами условія не ранѣе, какъ по прошествіи года безъ малаго со времени написанія грамоты, обязываются платить съ пріобрѣтеннаго ими имущества дань и оброкъ и всякія потуги. Изъ послѣдней же купчей явствуетъ, что одновременно съ передачею имущества переходитъ къ покупщику обязательство ежегодно уплачивать въ государеву дань по алтыну денегъ.

Понятіемъ о родовыхъ имуществахъ, издревле у насъ существовавшемъ, продавецъ не стѣснялся. Отчужденія отчинъ посредствомъ купли-продажи до Судебника Іоанна III не запрещалъ обычай, а съ Судебника допускалось оно самимъ закономъ. Только родственникамъ продавца наслѣдственнаго имѣнія предоставлялось право выкупить оное въ продолженіи 40 лѣтъ. Впрочемъ не всѣ отчинники могли осуществить это право. По опредѣленію 85 статьи Судебника Іоанна IV, къ выкупу проданной чужеродцу отчины не допускался между прочими самъ продавецъ. Но дѣйствительность, вѣроятно вслѣдствіе предоставленнаго тою же статьею Судебника продавцу отчины права купить ее у покупщика полюбовно, допускала возможность при самомъ переукрѣпленіи отчины постановить условіе, коимъ продавцу ея предоставлялось право выкупа на извѣстное время, опредѣленіе котораго конечно зависѣло въ этомъ случаѣ отъ соглашенія контрагентовъ. Подтвержденіе находимъ въ 86 купчей 1568 года.

Рейцъ понялъ постановленіе 85 ст. Судебника объ устраненіи продавца отъ выкупа проданной имъ отчины въ смыслѣ постановленія положительно обязательнаго, не допускавшаго въ дѣйствительности исключеній, хотя бы основанныхъ на доброй волѣ участниковъ договора [1]).

К. Киндяковъ.

---

[1]) *«Опытъ»* Рейца § 157. стр. 321 и 322.

ЮРИДИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ОТНОСИТЕЛЬНО

ТОРГОВАГО БЫТА ОДЕССЫ.

Одесская торговля ведется правильно и однообразно и главное мѣсто занимаютъ въ ней не многія статьи отпуска за границу, которыя не выходятъ однакожь изъ умѣренныхъ размѣровъ; торговыя сдѣлки по большей части простыя, безъ утонченной искуственности, и сводятся къ незначительному числу видовъ. Юристъ-наблюдатель не рискуетъ здѣсь потеряться въ необъятномъ разнообразіи запутанныхъ торговыхъ дѣлъ, въ сложныхъ биржевыхъ договорахъ; ему есть возможность услѣдить юридическія явленія торговаго быта, уловить происхожденіе въ немъ правъ, ходъ ихъ осуществленія, отчужденія и самое прекращеніе правъ; быстрота явленій не чрезмѣрна, наплывъ ихъ не громадный какъ въ мѣстахъ торговли всемірной; вмѣстѣ же съ тѣмъ эти явленія происходятъ правильно, уклоненія отъ правила конечно встрѣчаются, но они именно уклоненіями и признаются, и, что *для* юриста главное, торговля производится въ кругу чисто-юридическихъ понятій, а не *«по душѣ»*, т. е. при хаотическомъ смѣшеніи понятій юридическихъ, нравственныхъ и патріархальныхъ, какъ ведутся торги во многихъ другихъ мѣстахъ нашего отечества.

Торговое значеніе Одессы высказывается путешественнику при самомъ приближеніи къ ней, даже съ сухопутной стороны: то

онъ обгоняетъ ряды фуръ съ впряженными волами, нагруженныя мѣшками пшеницы и другихъ злаковъ, то попадаются ему на встрѣчу такія же фуры съ опростанными мѣшками, и гораздо рѣже приводится ему наѣзжать на встрѣчные обозы съ товарами. Соображая населеніе города путешественникъ приходитъ къ заключенію, что конечно меньшая часть доставляемыхъ туда произведеній находитъ себѣ потребителей на мѣстѣ и что вмѣстѣ съ тѣмъ далеко не весь сбываемый за границу товаръ вымѣнивается на товаръ же. Точно также и видъ города, и уличная дѣятельность его характеризуютъ наглядно Одесскую торговлю. Повсюду настроены магазины для помѣщенія хлѣбовъ, преимущественно пшеницы. Множество этихъ магазиновъ не было-бы соразмѣрно съ привозимымъ въ Одессу количествомъ хлѣба, если-бы онъ постоянно находилъ себѣ скорый сбытъ и отпускъ за границу, если-бы не приходилось хозяевамъ складывать пшеницу иногда на довольно значительное время въ выжиданіи спроса. Передъ магазинами вѣчная суета: то принимается хлѣбъ, то отпускается, то разсыпаютъ его на улицѣ, сушатъ, провѣтриваютъ, мѣрятъ. Въ городѣ то и дѣло встрѣчаются длинные ряды хлѣбныхъ возовъ, не внимательно заграждающихъ дорогу другимъ экипажамъ, которые терпѣливо и почтительно выжидаютъ возможность продолжать путь. «*Одесса пшеницею управляется*», говоритъ тамъ народъ и охотно отдаетъ ей почетъ.

На нѣкоторыхъ улицахъ поражаетъ большое число маклерскихъ вывѣсокъ — биржевыхъ, городскихъ и рыночныхъ маклеровъ. При посредствѣ послѣднихъ спекуляторы скупаютъ привозимые поселянами на базары пшеницу и другіе хлѣба, складываютъ ихъ въ магазинахъ, гдѣ скопляютъ такимъ образомъ большія партіи. Множество городскихъ маклеровъ указываетъ на значительное развитіе письменной формы для совершенія договоровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщаетъ пріѣзжему наблюдателю нѣкоторую значительность успѣховъ въ образованіи Одесскаго юридическаго быта. Большая часть этихъ договоровъ впрочемъ также касается главнѣйшаго предмета отпускной торговли Одессы — пшеницы: заключаются акты о покупкѣ или о поставкѣ пшеницы, совершается запродажа ея, или нанимаются подъ нее магазины, или договариваются о провозѣ съ одного мѣста на другое[1]). Наконецъ замѣчательное по

[1]) Вниманія заслуживаютъ конторы маклеровъ хлѣбной торговли. Онѣ съ виду походятъ на лавки: по стѣнамъ сдѣланы полки, на которыхъ разставлены нумерованныя въ разбивку деревянныя миски. Въ нихъ содержатся для показа пробы зерноваго

изяществу здание биржи, вмѣщающее также Коммерческій Судъ, служитъ юристу наружнымъ указаніемъ на раціональность здѣшней торговли и заставляетъ ожидать, что она болѣе или менѣе сознательно сводится къ опредѣленнымъ юридическимъ отношеніямъ. Важное значеніе, которое правительство придаетъ учрежденію Коммерческихъ Судовъ, и самый составъ ихъ, основанный исключительно на производимомъ самимъ купечествомъ избраніи и допускающій перевѣсъ купеческихъ голосовъ надъ мнѣніемъ членовъ не купцовъ, указываютъ на значительность юридическаго развитія того торговаго общества, для котораго Коммерческій Судъ существуетъ.

I. Стóитъ по-этому разсмотрѣть юридическую сторону хода торговыхъ дѣлъ, производящихся въ Одессѣ; при чемъ нельзя не

хлѣба, продающагося при посредствѣ маклера. Въ конторѣ есть книга, въ которой за нумерами, совпадающими съ нумерами мисокъ, значатся условія и вообще всѣ обстоятельства, относящіяся до продажи каждаго хлѣба, образчикъ котораго хранится въ соотвѣтственной мискѣ. По пробамъ покупщикъ подбираетъ нужные ему сорты хлѣба, опредѣляетъ при помощи особеннаго устройства мѣдныхъ вѣсовъ достоинство сортовъ относительно тяжести. Вѣсы состоятъ изъ чашки, сдѣланной въ видѣ ведерца, подпорки и рычага. Въ ведерцо всыпается проба до верху, (для устраненія же произвола въ сыпкѣ, которая можетъ быть болѣе и мѣнѣе плотная, она производится съ извѣстной высоты сквозь воронку), за тѣмъ верхъ сгребается и установляется равновѣсіе между рычагомъ и привѣшеннымъ къ нему ведерцемъ. Понятно, что такимъ образомъ можетъ быть выведенъ вѣсъ хлѣба въ ведерцѣ. Но какъ за ранѣе разсчитано отношеніе его емкости къ емкости четверти, и какъ достоинство хлѣба обыкновенно опредѣляется вѣсомъ четверти его, то вмѣсто того, чтобы показать вѣсъ пробы, помѣщающейся въ ведерцѣ, прямо сводится онъ къ вѣсу четверти того хлѣба, для чего и служитъ нарѣзанная на рычагѣ линейка, изображащая пуды и фунты, начиная съ наименьшаго вѣса четверти хлѣба и доходя до наибольшаго. На образчикахъ же составляются смѣшанные сорты. Маклеръ отвѣчаетъ за совершенное сходство проданнаго при его посредствѣ хлѣба съ образчикомъ, съ исключеніемъ однакожь различія, производимаго физическими вліяніями безъ всякаго участія и умысла со стороны маклера. Напр. маклеръ не подлежитъ отвѣтственности, если окажется, что проба отъ нахожденія въ мискѣ нѣсколько суше хлѣба, отъ котораго она взята.

имѣть въ виду, что главнымъ образомъ они вращаются около отпуска за границу пшеницы. Я обратилъ преимущественно вниманіе на эту особенность тамошней торговли и теперь прежде всего представлю именно сюда относящіеся результаты моихъ занятій. Одесское купечество ведетъ большею частію коммиссіонную отпускную торговлю. Помѣщикъ, положимъ, у котораго нѣсколько тысячъ четвертей пшеницы, предоставляетъ какому-либо торговому дому продать ихъ. Торговый домъ тутъ коммиссіонеръ помѣщика, но производитъ конечно продажу самостоятельно, какъ-бы пшеница принадлежала ему, разумѣется, съ соблюденіемъ постановленныхъ между нимъ и помѣщикомъ условій относительно цѣны, платежей и пр. Помѣщику коммитенту тутъ дѣла нѣтъ до того, кому и какъ коммиссіонеръ производитъ продажу: едва-ли даже коммитентъ имѣетъ право требовать свѣдѣній объ этомъ; но издержки, сопряженныя съ продажею, падаютъ на коммитента, напр. за храненіе хлѣба въ магазинѣ (магазинажъ), за нагрузку и т. д. Обыкновенно коммиссіонеръ немедленно по принятіи пшеницы выдаетъ коммитенту часть той суммы, которая будетъ слѣдовать ему по продажѣ, дѣлаетъ авансъ. Выдача эта замѣчательна въ юридическомъ отношеніи—она не покупная цѣна хлѣба, ни задатокъ: такъ-какъ нѣтъ покамѣстъ продажи, то о нихъ не можетъ быть рѣчи, а выдача представляется лишь условіемъ коммиссіи. Случается однако же, что при самой коммиссіи не полагается условіе объ авансѣ и что все-таки въ послѣдствіи коммиссіонеръ дѣлаетъ его коммиттенту: тогда авансъ очень близко подходитъ къ займу съ тою только разницею, что не имѣется въ виду особый платежъ со стороны коммиттента коммиссіонеру, а разсчетъ дѣлается посредствомъ слѣдующей коммиттенту за продажу хлѣба суммы, и не полагается роста, обыкновенной принадлежности займа. Но въ Одессѣ при такомъ авансѣ не помышляютъ вовсе о займѣ и такъ-какъ заемъ есть договоръ, предполагающій, какъ всякій другой договоръ, согласіе контрагентовъ на его заключеніе, то нельзя сводить юридическое отношеніе къ займу, когда оно не представляется таковымъ сознанію прикосновенныхъ лицъ и нѣтъ ихъ воли заключить заемъ. Согласно существующему въ Одессѣ воззрѣнію только и можно допустить, что при коммиссіи, заключаемой тамъ безъ условія объ авансѣ, подразумѣвается условіе, что авансъ зависитъ отъ усмотрѣнія коммиссіонера. И такъ во всякомъ случаѣ авансъ есть слѣдствіе коммиссіи: выговоренный заранѣе, онъ составляетъ право коммиттента, а безъ уговора коммиссіонеръ въ правѣ дать авансъ и не дать его. Въ случаѣ если не состоится продажа консигнированнаго товара, коммиттентъ обязанъ конечно возвратить авансъ и

самый хлѣбъ признаетъ на такой случай обезпеченіемъ для коммиссіонера, который считаетъ себя въ правѣ добыть удовлетвореніе посредствомъ разсчета за хлѣбъ по существующимъ цѣнамъ или выручкою изъ публичной продажи хлѣба, при участіи надлежащаго присутственнаго мѣста. Но какъ обезпеченіе это не составляетъ законнаго залога, по крайней мѣрѣ въ обыкновенномъ порядкѣ вещей, то въ случаѣ несостоятельности коммиттента, выручка изъ публичной продажи бывшаго въ консигнаціи хлѣба идетъ въ конкурсную массу, коммиссіонеръ же получаетъ удовлетвореніе, смотря по обстоятельствамъ, отнюдь не имѣя права на преимущественное удовлетвореніе сполна. Коммиссіонеръ поэтому предпочтетъ обойтись безъ ходатайства о публичной продажѣ хлѣба, въ особенности при сомнѣніи на счетъ состоятельности коммиттента, хотя впрочемъ, при несостоятельности сего послѣдняго, кредиторы все-таки могли бы требовать, чтобъ коммиссіонеръ самовольно не удовлетворялъ себя имуществомъ должниковымъ, а представилъ бы его въ вѣденіе Конкурса. Въ случаѣ несостоятельности коммиттента коммиссіонеръ, кажется, никакимъ образомъ не въ правѣ требовать, чтобы кредиторы предоставили ему, подобно какъ залогопринимателю, получить удовлетвореніе сполна изъ довѣреннаго ему хлѣба именно потому, что коммиссіонеръ не есть залогопринимательь. И такъ смыслъ представляемаго хлѣбомъ обезпеченія ограничивается одними отношеніями коммиссіонера къ коммиттенту, не касаясь кредиторовъ сего послѣдняго: значитъ, при замедленіи въ обратномъ платежѣ аванса, коммиссіонеръ удовлетворяется обезпечивающимъ его хлѣбомъ и въ случаѣ несостоятельности коммиттента онъ самъ не можетъ требовать, чтобъ хлѣбъ весь шелъ въ массу.

Обезпечиваемый товаромъ авансъ самъ обезпечиваетъ коммиссіонеру нѣкоторыя выгоды: обыкновенно коммиттентъ не разсчитываетъ на случай возвращенія аванса и затрудняется возвращеніемъ, въ особенности коммиттентъ-производитель, рѣдко имѣющій въ запасѣ значительные куши наличныхъ денегъ. Получая по этому извѣщеніе отъ коммиссіонера, что хлѣбъ не можетъ быть продаваемъ на условіяхъ, постановленныхъ при коммиссіи, коммиттентъ, которому предстоитъ выборъ между возвращеніемъ аванса и измѣненіемъ условій согласно предложенію коммиссіонера, по необходимости соглашается на послѣднее, и операція торговая принимаетъ уже другой видъ, не рѣдко совершенно отличный отъ первоначальнаго соглашенія между контрагентами.

За границу отпускается пшеница также по коммиссіи иностраннаго торговаго дома, поручающаго Одесскому купцу купить извѣстное количество, и коммиссіонеръ въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ

также совершенно самостоятельно. Понятно, что коммиссія эта можетъ достаться какъ лицу, у котораго есть на порученіи продажа пшеницы, такъ и лицу, не имѣющему такого порученія. Если въ первомъ случаѣ коммиссіонеръ высылаетъ иностранному купцу пшеницу изъ запаса, полученнаго отъ мѣстнаго коммиттента, то коммиссія не исполняется собственно покупкою: нельзя же допустить, что коммиссіонеръ самъ себѣ продаетъ пшеницу и нѣтъ также купли-продажи между коммиссіонеромъ и иностраннымъ коммиттентомъ, ни между мѣстнымъ коммиттентомъ и иностраннымъ, между которыми не возникаютъ никакія юридическія отношенія вслѣдствіе поставки пшеницы иностранному коммиттенту отъ коммиссіонера, ибо, какъ мы видѣли, коммиссіонеръ дѣйствуетъ совершенно самостоятельно, чѣмъ и отличается отъ повѣреннаго, самъ продаетъ, самъ покупаетъ, а не представляетъ только лицо коммиттента; коммиттенты остаются слѣдовательно совершенно чуждыми одинъ другому; коммиссіонеръ же, будучи таковымъ для иностраннаго коммиттента, высказывающаго коммиссіею волю не быть самому лично покупщикомъ, не можетъ въ тоже время и относительно того же предмета быть продавцемъ. Такимъ образомъ въ предполагаемомъ мною случаѣ нѣтъ мѣста куплѣ-продажѣ, и юридическія отношенія между коммиссіонеромъ и коммиттентами здѣсь опредѣляются отъ нея независимо. Коммиссія собственно потому влечетъ за собою обязательство продать или купить, что въ обыкновенномъ ходѣ вещей коммиссіонеру приходится продать или купить товаръ, чтобы доставить одному коммиттенту деньги, другому требуемый товаръ, но существенно только обязательство доставить требуемое коммиттенту. Обязательство же это можетъ быть выполнено коммиссіонеромъ и безъ купли-продажи. Точно также, наприм., какъ онъ даетъ авансъ коммиттенту, онъ можетъ найти для себя выгоднымъ немедленно выдать ему и всю сумму, которая будетъ слѣдовать за товаръ. Поэтому, имѣя на коммиссіи хлѣбъ и получая коммиссію купить, коммиссіонеръ можетъ, безъ всякаго отступленія отъ своихъ обязательствъ, хлѣбъ этотъ употребить на удовлетвореніе новаго коммиттента, если не нарушаетъ онъ этимъ только другихъ условій коммиссіи. И такъ коммиссія купить, продать имѣетъ только тотъ смыслъ, что на коммиссіонера налагается обязательство купить, продать, когда онъ иначе не доставляетъ коммиттенту, не хочетъ или не можетъ доставить требуемаго товара или денегъ. И даже нельзя считать коммиссіонера обязаннымъ давать отчетъ коммиттенту въ принятыхъ для доставленія требуемаго мѣрахъ: надлежащею доставкою прекращаются всѣ обязательства коммиссіонера. Ясное представленіе о существѣ коммиссіи имѣетъ важное практи-

ческое значеніе, между прочимъ потому, что она, какъ извѣстно, порождаетъ право на вознагражденіе. Кто полагаетъ сущность коммиссіи въ куплѣ-продажѣ, тотъ тогда только и признаетъ за коммиссіонеромъ это право, когда онъ дѣйствительно совершилъ ее въ исполненіе коммиссіи. Такъ случается не рѣдко въ Одессѣ, что иной коммиттентъ, въ особенности изъ класса производителей, обвиняетъ коммиссіонера въ недобросовѣстности за то, что онъ, получивъ на коммиссію хлѣбъ и оставивъ оный за собою, все-таки вноситъ въ расчетъ коммиссіонные %, тогда какъ съ точки зрѣнія юридической тутъ нѣтъ никакой недобросовѣстности.

Впрочемъ Одесскіе купцы получаютъ по большой части коммиссіи на покупку съ условіемъ, чтобы они сами на извѣстную долю были заинтерессованы въ возлагаемомъ на нихъ торговомъ оборотѣ. Въ юридическомъ отношеніи это условіе допускаетъ различные виды. Можно себѣ представить, что коммиссіонеръ, покупающій, положимъ, для заграничнаго коммиттента 1000 четв. пшеницы, обязывается вмѣстѣ съ тѣмъ купить еще 100 четв. на свой счетъ, послать ихъ коммиттенту своему и предоставить ему въ качествѣ коммиссіонера произвести продажу. Въ такомъ случаѣ юридическая сдѣлка по предмету 1000 четвертей должна быть строго отдѣлена отъ сдѣлки о 100 четвертяхъ, и каждая обсуживается отдѣльно. Или коммиссіонеръ обязывается вступить съ коммиттентомъ въ сотоварищество для покупки въ Одессѣ и продажи за границею 1000 четв. пшеницы, въ составъ которыхъ входитъ 1000 четв. на счетъ иностраннаго коммиттента, и 100 четвертей, вносимыхъ Одесскимъ купцомъ, съ раздѣленіемъ издержекъ, выгодъ и убытковъ по соразмѣрности вкладовъ, при чемъ однакожъ Одесскій компаніонъ вноситъ въ разсчетъ вознагражденіе, соотвѣтствующее коммиссіоннымъ % на купленныя на долю иностраннаго товарища 1000 четв., предоставляя сему послѣднему сдѣлать при продажѣ тоже относительно 100 четв. Понятно, что если Одесскому купцу слѣдуетъ вознагражденіе за коммиссію, оно будетъ слѣдовать ему и въ случаѣ товарищества; ибо труды въ обоихъ случаяхъ совершенно одинаковы, товарищество же опредѣляетъ выгоды участникамъ лишь по соразмѣрности вкладовъ вещественныхъ. Но тутъ спрашивается, почему же не распредѣляются выгоды по соразмѣрности вкладовъ и трудовъ и къ чему въ товарищество вноситъ условіе о вознагражденіи, заимствованное изъ коммиссіонныхъ отношеній. Но это можно замѣтить, что вообще въ промышленныхъ дѣлахъ выгоды разсчитываются въ отношеніи къ капиталу, а не къ труду и что разсматриваемое мною товарищество есть не болѣе какъ мѣра, служащая иностранному торговцу въ извѣстной степени ручательствомъ за добро-

совмѣстность дѣйствій Одесскаго купца, который тутъ за одну и ту же цѣну покупаетъ пшеницу или другой товаръ какъ за свой счетъ, такъ и за счетъ товарища. Я слышалъ, что въ послѣднее время иностранцы болѣе прежняго стали искать такого ручательства.

Безъ установленія товарищества неудобно иностранному купцу удостовѣриться, въ самомъ-ли дѣлѣ Одесскій купецъ беречъ его интересъ при покупкѣ хлѣба какъ собственный, ибо только при товариществѣ покупка хлѣба составляетъ дѣло общее. Поэтому въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ заграничное купечество считаетъ нужнымъ при закупкѣ товара въ Одессѣ принять обезпечительныя мѣры противъ тамошнихъ агентовъ, оно прибѣгаетъ именно въ покупкѣ за общій счетъ, а не къ другимъ какимъ-либо сдѣлкамъ. Получая коммиссія купить товаръ, Одесскій купецъ вмѣстѣ съ тѣмъ уполномочивается не рѣдко на выдачу задатковъ или извѣстной части причитающихся денегъ и тогда выдача происходитъ за счетъ и рискъ коммиттента. По самой опредѣленности понятія авансъ, дозволяющей относить его и къ задатку, и къ платежу части покупной цѣны впредъ, и къ предварительнымъ выдачамъ при коммиссіи продать товаръ, Одесскіе коммиссіонеры позволяютъ себѣ употреблять предоставляемыя въ ихъ распоряженіе суммы и на выдачи мѣстнымъ коммиттентамъ, доставляющимъ для продажи хлѣбъ, на авансы слѣдовательно въ вышеизложенномъ значеніи. Но юридически этого нельзя оправдать. Съ юридической точки зрѣнія можно допустить только одно изъ двухъ: или коммиссіонеръ, принимающій на консигнацію хлѣбъ, даетъ отъ себя авансъ, на распоряженіе которымъ онъ имѣетъ право; но онъ не въ правѣ дать такое назначеніе деньгамъ иностраннаго коммиттента, которыя должны непосредственно идти на пріобрѣтеніе ему хлѣба, а не на операцію, не состоящую ни въ какой юридической связи съ коммиссіею, для коей предоставлено употребить деньги. Или Одесскій коммиссіонеръ беретъ хлѣбъ не на коммиссію, а покупаетъ его и даетъ за счетъ заграничнаго коммитента задатокъ. Но тутъ было-бы недобросовѣстно со стороны покупщика принять въ отношеніи къ хозяину хлѣба видъ коммиссіонера, выдать деньги какъ авансъ, производимый будто-бы собственными средствами, и засчитывать коммиссіонные %. Въ дѣйствительности конечно нерѣдко бываетъ такъ, что у одного лица нѣсколько коммиссій купить и нѣсколько коммиссій продать; по нѣкоторымъ изъ первыхъ представлено ему распоряженіе суммами, по другимъ нѣтъ; суммы же эти, поступая въ приходъ, сливаются съ капиталами коммиссіонера, изъ которыхъ онъ между прочими расходами производитъ, можетъ быть, также авансы при полученіи консигнацій. Спрашивается, есть-ли тутъ

возможность, при приливѣ и отливѣ, постоянно происходящихъ въ кассѣ, уследить, куда именно употреблены деньги коммиттентовъ. Еще если-бы кредитъ каждаго или нѣкоторыхъ изъ нихъ покрывалъ всю поручаемую операцію сполна, то можно-бы было допустить, что изъ сдѣлокъ коммиссіонера должна считаться покупкою, а не коммиссіею та, которая заключена именно на эту сумму. Этому бы не могло мѣшать нахожденіе такой же или большей суммы въ кассѣ на лицо, по причинѣ возможности, отсюда проистекающей, признать деньги коммитента ненадержанными, ибо предполагается, что коммиссіонеръ не оставитъ безъ движенія поручаемаго ему капитала. Но никогда почти не случается, чтобы коммиттентъ, поручая покупку, отдалъ коммиссіонеру на руки всю покупную цѣну: отдается лишь извѣстная часть покупной цѣны; считать же сдѣлку соразмѣрно этой части покупкою, въ остальномъ коммиссіею совершенно невозможно. Да и признаніе всей сдѣлки за покупку, когда она состоялась какъ коммиссія, весьма затруднительно. Уже выше мы видѣли, что значеніе сдѣлки опредѣляется прежде всего соглашеніемъ участниковъ. Припишите, если угодно, честному коммиссіонеру намѣреніе считать сдѣлку покупкою и примите за ручательство этого намѣренія добросовѣстность коммиссіонера, отсутствіе всякой утайки и фальша въ его книгахъ, все же вы не можете придать такое же намѣреніе противной сторонѣ, давшей именно коммиссію продать, а не продавшей хлѣба; да и на дѣлѣ у васъ также коммиссія, а не договоръ купли-продажи. Кромѣ того коммиссія можетъ быть сопряжена съ условіями, совершенно неудобомыслимыми при покупкѣ, такъ что первую нельзя обратить въ послѣднюю, даже если допустить, что лице, дающее товаръ на коммиссію, вмѣстѣ съ тѣмъ изъявляетъ согласіе и продать его какому-бы то ни было покупщику. Остается только возможность считать коммиссію за покупку при опредѣленіи юридическихъ отношеній коммиттента, поручившаго покупку: такъ онъ въ правѣ требовать доставки товара, при проволочкѣ же со стороны коммиссіонера считать рискъ на немъ и т. д. Въ другихъ же случаяхъ только и можно сказать, что коммиссіонеръ нарушаетъ право коммиттента и подлежитъ за то отвѣтственности гражданскимъ порядкомъ. Впрочемъ вина сего рода открывается чрезвычайно рѣдко (случайно какъ-нибудь или по случаю несостоятельности коммиссіонера); одно что бываетъ, — это замедленіе въ доставкѣ товара, хотя безусловно оно не связано съ уклоненіемъ коммиссіонера отъ надлежащаго употребленія суммъ, предоставленныхъ отъ коммиттента: но всякая проволочка со стороны коммиссіонера, происходящая отъ поздняго исполненія коммиссіи, порождаетъ обязательство платить ростъ съ предоставленнаго коммиссіонеру капитала отъ времени пропущенія срока до исполненія.

При отправленіи товара къ заграничному коммиттенту коммиссіонеръ считаетъ себя обыкновенно въ правѣ получить половину выговоренной цѣны, съ зачетомъ уже предоставленныхъ въ его распоряженіе денегъ. И такъ если онъ доставляетъ пшеницы на 10,000 руб. и получилъ уже 1000 руб., то при отплытіи груза его онъ имѣетъ право только на 4000 руб. ($\frac{10000}{2}$ — 1000), а не 4500 руб. ($\frac{10000-1000}{2}$), ни на 5000 рублей ($\frac{10000}{2}$). Деньги эти, равно какъ и первоначальныя, коммиссіонеръ между прочимъ можетъ добыть и добываетъ, трассируя вексель на коммиттента. Но пріобрѣтенію денегъ посредствомъ тратты, хотя она и представляетъ много удобствъ, въ юридическомъ отношеніи предпочтительнѣе полученіе по римессѣ, такъ-какъ коммиссіонеръ, пускающій въ оборотъ тратту, отвѣчаетъ по ней въ случаѣ неакцептаціи или неплатежа со стороны трассата, по римессѣ же можетъ и не быть такой отвѣтственности.

Остальныя за тѣмъ деньги коммиссіонеръ получаетъ по доставки товара коммиттенту. Онъ ихъ также получаетъ вексельнымъ оборотомъ.

Въ Одессѣ бываютъ также коммиссіи купить товаръ за границею. Большая часть иностранныхъ товаровъ, продающихся въ Одесскихъ магазинахъ и отправляемыхъ внутрь Имперіи, ввозятся по коммиссіямъ, такъ-что вывозная торговля и привозная представляются коммиссіонными. Весьма немногіе домы производятъ самостоятельныя отправки грузовъ за границу и выписываютъ прямо на свой счетъ товары.

II. Обращаюсь къ торговымъ обычаямъ существующимъ въ Одессѣ. Я останавливалъ вниманіе преимущественно на обычаяхъ, представляющихъ юридическій характеръ. Изученіе ихъ сопряжено съ немалыми трудностями, такъ-какъ нерѣдко они укрываются отъ сознанія тѣхъ самыхъ людей, которые руководствуются ими въ дѣйствительности и притомъ въ такихъ именно отношеніяхъ, кои не оставляютъ замѣтнаго слѣда существованія. Въ настоящее время, при постоянномъ стремленіи законодательства опредѣлить собою весь юридическій бытъ, обычаю только и остается мѣста въ невѣдомыхъ и скрытыхъ уголкахъ сего быта, а гдѣ владычество обычая было повиднѣе, оно уже вытѣснено законодательствомъ. По большой части только столкновеніе между интересами и правами граждан выводитъ наружу существованіе какого-либо обычая: сторона, на немъ основывающая или имъ подкрѣпляющая право, указываетъ судьямъ на обычай, или сами суды признаютъ его въ данномъ дѣлѣ. Но этимъ путемъ обычаи становятся извѣстными случайно и только изрѣдка и безъ достаточныхъ данныхъ для совершеннаго удосто-

вѣренія, что выдаваемое за обычай юридическое понятіе содержитъ въ себѣ дѣйствительно всѣ принадлежности обычнаго права. Притомъ же, какъ извѣстно, юридическія науки не располагаютъ у насъ обращающимися и скопляемыми въ судебныхъ мѣстахъ матеріалами. Представлю здѣсь результаты производимыхъ мною изысканій.

1. Коммиссіонеръ, не уговорившись съ коммиттентомъ о вознагражденіи, имѣетъ по существующему въ Одессѣ обычаю право на 2% съ оборотнаго капитала за покупку или продажу, а на 1% за отправку или пріемъ товаровъ. Вознагражденіе это обыкновенно установляется контрагентами по договору; но и тутъ руководствуются они обычаемъ, хотя и нельзя свести тогда право коммиссіонера къ обычаю, а производится оно отъ соглашенія. Но есть случаи, что судомъ было признаваемо за коммиссіонеромъ право на означенные %%, независимо совершенно отъ договора, на основаніи одного обычая.

2. Въ отношеніи къ коммиссіи въ Одессѣ признается обычай, что какъ-скоро въ счетѣ, выданномъ за надлежащимъ подписомъ, значатся коммиссіонные %%, самая коммиссія считается принятою коммиссіонеромъ (счетоподписателемъ) и остается на его отчетѣ. Весьма рѣдко коммиссія бываетъ письменнымъ въ техническомъ смыслѣ договоромъ, хотя переговоры о ней и происходятъ на письмѣ. Большею частью она считается заключенною, какъ-скоро лицо изъявляетъ согласіе на принятіе коммиссіи. Но и согласіе не всегда изъявляется особымъ актомъ, а если лицо, по обыкновенному ходу своихъ занятій, отправляетъ коммиссіи, то достаточно, что нѣтъ отказа въ принятіи, и договоръ считается совершеннымъ, или по крайней мѣрѣ лицо, не отказавшееся отъ коммиссіи и тѣмъ заставившее ее считать принятою, отвѣчаетъ за всѣ послѣдствія отъ упущенія отказа. Мнѣ извѣстенъ случай, что Одесскій коммиссіонеръ получилъ предложеніе принять отъ иностраннаго купца для доставки по принадлежности ворсильныя шишки. Коммиссіонеръ сообщилъ въ отвѣтъ условія, на которыхъ готовъ былъ принять товаръ, который за тѣмъ и былъ высланъ въ Одессу моремъ. Но по прибытіи шишекъ коммиссіонеръ не явился къ шкиперу для принятія, не смотря на увѣдомленіе со стороны коммиттента; шкиперъ же, не будучи ни къ кому адресованъ, сложилъ ихъ въ карантинѣ, гдѣ онѣ подверглись порчѣ и гдѣ насилу отыскалъ ихъ хозяинъ. На требованіе вознагражденія за убытки коммиссіонеръ отозвался, что имъ предложены только были условія коммиссіи, но что онъ не изъявилъ окончательнаго согласія на ея принятіе. Судъ призналъ однакожь Одесскаго купца обязаннымъ къ вознагражденію на томъ основаніи, что, объявляя себя коммиссіонеромъ по званію, онъ тѣмъ

[illegible] изъявляетъ согласіе на предлагаемыя ему коммиссіи, отказываясь же долженъ бы былъ послать о томъ письменное увѣдомленіе.

Но если въ случаѣ спора со стороны коммиссіонера, не подавшаго знака согласія, коммиссія и не признается заключенною, а коммиссіонеръ несетъ только отвѣтственность за упущеніе отказа, то можно допустить, что при существованіи извѣстнаго дѣйствія, обнаруживающаго согласіе на принятіе коммиссіи, она должна считаться совершенною, и по ея началамъ долженъ быть разобранъ самый споръ между участниками. Спрашивается только, какія именно дѣйствія таковы, что высказываютъ согласіе коммиссіонера. И вотъ Одесскій торговый обычай указываетъ на включеніе коммиссіонной статьи въ счетъ, подписанный коммиссіонеромъ, какъ на такое знаменательное дѣйствіе: включена она, — коммиссія существуетъ.

3. По принятому торговому обычаю, начинающій какую-либо торговую операцію на свой капиталъ опредѣляетъ половину ожидаемаго барыша тому лицу, которое беретъ на себя обязанность привесть эту операцію въ исполненіе.

Обычай этотъ имѣетъ весьма ограниченное значеніе. Во-первыхъ, онъ предполагаетъ, что отношенія лица, исполняющаго операцію и хозяина капитала не опредѣлены какимъ-либо другимъ образомъ, и, во-вторыхъ, обычай этотъ не обязателенъ и указываетъ лишь хозяину операціи, за какое вознагражденіе онъ можетъ разсчитывать на услуги ея исполнителя. Но положимъ, что оно не было выговорено и что въ послѣдствіи возникаетъ о немъ вопросъ: трудившійся не въ правѣ на основаніи обычая требовать половины барыша.

4. По существующему въ городѣ Одессѣ торговому обычаю денежный долговый документъ, написанный на надлежащей вексельной бумагѣ, признается векселемъ, хотя-бы и не значилось въ документѣ, что онъ вексель, а были бы соблюдены только прочія законныя принадлежности векселя.

Такъ-какъ практика не поддерживаетъ различія въ ходѣ взысканій, которое установлено въ законодательствѣ между векселемъ и другимъ долговымъ обязательствомъ, то понятно, почему купечество нѣсколько небрежно въ соблюденіи предписанныхъ для векселей формъ и почему не считается, напримѣръ, существеннымъ въ Одессѣ, чтобы въ документѣ именно значилось, что онъ вексель. Но есть конечно случаи, гдѣ вексельное свойство документа получаетъ значеніе независимо отъ производства взысканія. Такъ сюда относится случай, ознакомившій меня съ разсматриваемымъ обычаемъ. Купцу d'A.....далъ простой вексель купцомъ Ф., а d'A....

передалъ его по бланковой надписи лицу Р., которое пропустивъ срокъ протеста, обратилось съ требованіемъ платежа къ d'A., но получило отказъ, мотивированный упущеніемъ протеста и несоотвѣтственностью документа законнымъ принадлежностямъ векселя, заключавшейся въ томъ, что въ документѣ не значилось, что онъ вексель. Возникло дѣло, которое въ первой степени Суда рѣшено въ пользу Р. по тому соображенію, что обычай признаетъ документъ векселемъ и что пропущеніемъ протеста со стороны Р, d'A, не отвергающій своей подписи на документѣ, освобождается лишь отъ взысканія по всей строгости вексельнаго права, а не отъ обязательства платить вообще. Во второй же степени Суда упущеніе протеста признано обстоятельствомъ, освобождающимъ d'A — надписателя отъ отвѣтственности. И такъ въ обѣихъ инстанціяхъ документъ признанъ подлежавшимъ протесту, который однакожъ установленъ для векселей, а не другихъ долговыхъ актовъ, и вексельное свойство документа, основанное на обычаѣ, проявило свое значеніе не въ отношеніи къ одному ходу взысканія, а въ отношеніи къ самой отвѣтственности надписателя.

5. При Одесскомъ портѣ существовалъ торговый обычай, сообразно которому, въ случаѣ продажи партіи хлѣба съ условіемъ *около* (circa), при опредѣленіи настоящаго количества четвертей, продающая сторона могла отпустить 10% болѣе и менѣе выговореннаго количества.

Основаніе этого обычая въ томъ, что продающій извѣстное количество хлѣба имѣетъ нерѣдко въ виду хлѣбъ, находящійся въ какомъ-либо помѣщеніи и въ точности не можетъ знать, сколько тамъ хлѣба. Понятно, что предоставляемое продавцу право при существующемъ колебаніи на цѣны хлѣба, должно быть сопряжено съ выгодами: понизились цѣны противъ выговоренной цѣны, — продавецъ навязываетъ покупщику лишніе 10% хлѣба, повысились онѣ, онъ отпускаетъ менѣе. Неограниченно представлялось впрочемъ это право только при отсутствіи въ договорѣ указанія на самое помѣщеніе, изъ котораго отпускался хлѣбъ. Если же было указаніе, то продавецъ освобождался лишь отъ обязанности, когда хлѣба оказывалось 10% менѣе противъ выговореннаго количества, дополнить его другимъ хлѣбомъ, и былъ въ правѣ требовать, чтобъ покупщикъ принялъ и лишніе 10% хлѣба, которые бы нашлись въ помѣщеніи. При существованіи излишка въ указанномъ при договорѣ помѣщеніи должно допустить, что покупщикъ съ своей стороны въ правѣ требовать, чтобъ ему были отпущены лишніе 10%, при недостаткѣ же онъ въ правѣ отказаться отъ пріема другого хлѣба.

Въ послѣднее время приблизительное опредѣленіе количества

выговариваемыхъ хлѣбовъ порождало не рѣдко споры, подлежавшіе судебному разсмотрѣнію. Причину этихъ споровъ находили въ томъ, что при невозможности обойтись безъ приблизительнаго указанія и легкости злоупотребленій со стороны продавца, заключившаго сдѣлку съ «*около*», 10% скидки и прикидки оказываются въ настоящее время слишкомъ значительными. Есть приговоръ Одесскаго купечества, автономически сводящій эти 10 обычныхъ процентовъ къ 4. Но покамѣстъ не разрѣшенъ вопросъ, обязателенъ-ли этотъ приговоръ сколько нибудь для судебныхъ мѣстъ и даже для контрагентовъ въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ нѣтъ доказательствъ, что при самомъ заключеніи договора имѣлось въ виду допустить предѣлы «*около*» въ размѣрахъ приговора Одесскаго купечества.

6. По Одесскому торговому обычаю счетъ днями опредѣленнаго срока, съ истеченіемъ котораго зафрахтованное судно должно находиться въ портѣ и быть готово къ пріемкѣ груза, чтобъ наниматель не былъ въ правѣ отступиться отъ фрахтоваго договора, производится за исключеніемъ дня заключенія договора. Случай былъ слѣдующій. Апрѣля 23 былъ заключенъ фрахтовой договоръ о суднѣ, не находившемся еще на-лицо въ Одессѣ. Въ договорѣ выговорено было, что если въ срокъ 15 дней (контрактъ былъ изложенъ на италіанскомъ языкѣ и было тамъ сказано: «*in termino di giorni quindici contando da oggi*.....») отъ дня заключенія — 23 Апрѣля судно не явится въ портѣ, то предоставляется нанимателю уничтожить контрактъ или не уничтожить. Судно явилось 8 Мая того года и наниматель объявилъ тогда, что по истеченіи срока 7 Мая онъ отказывается отъ договора. Противная же сторона утверждала, что судно прибыло въ срокъ, т. е. въ послѣдній день срока, который должно считать не съ 23 Апрѣля, какъ считалъ наниматель, а съ 24. Возникъ споръ, рѣшенный на основаніи обычая въ пользу судохозяина.

7. По существующему въ торговлѣ обычаю выраженіе: «*съ возвращеніемъ почты*» равносильно словамъ: «*съ первою отходящею почтою*». На основаніи сего обычая рѣшено слѣдующее фрахтовое дѣло. Купецъ Р, проживая въ Лондонѣ, заключилъ договоръ съ шкиперомъ Б, находившимся въ В, о пріемѣ въ Одессѣ груза и выговорилъ, что письменный актъ договора долженъ быть ему высланъ шкиперомъ и что затѣмъ предоставляется Р. отвѣчать съ возвращеніемъ почты[1]), что онъ принимаетъ договоръ. Актъ былъ посланъ 17 Іюля и отзывъ Р могъ бы достигнуть до Б уже

---

[1]) Текстъ контракта Англійскій, сказано: «*answer by return post*».

19 Іюля, но отзыва не воспослѣдовало въ то время и шкиперъ заключилъ другой фрахтовой договоръ, также для отплытія въ Одессу. Р. началъ тамъ искъ противъ шкипера съ требованіемъ неустойки въ 6000 руб. сереб.; Судъ оправдалъ шкипера, изъяснивъ слова: «*съ возвращеніемъ почты*» согласно обычаю и принявъ въ соображеніе, что истецъ не доказалъ, что шкиперъ условленный отвѣтъ получилъ съ первою отходящею почтою. Можно-бы замѣтить, что нѣтъ собственно необходимости признать шкипера въ правѣ зафрахтовать судно другому лицу потому только, что Р. въ опредѣленный срокъ не доставилъ отвѣта; а послѣдствія отъ медленія Р. могли-бы быть и другія, не ничтожность договора съ Б. непремѣнно, напр. на Р могло бы пасть вознагражденіе шкипера за убытки. Но должно имѣть въ виду, что фрахтовой договоръ заключенъ условно, *если* Р. съ возвращеніемъ почты даетъ отзывъ, что остается при согласіи на договоръ. Условіе это, относясь къ началу договора, не состоялось, а потому самый договоръ долженъ считаться тоже несостоявшимся, и шкиперъ былъ совершенно воленъ заключить новый договоръ. Такъ-какъ Б. вступилъ въ этотъ договоръ уже по пришествіи дня возврата почты, то и при признаніи условія относящимся къ прекращенію договора Б. должнобы считать правымъ: условіе для прекращенія договора состоялось, договоръ слѣдовательно прекратился, и Б. представляетъ судно другому контрагенту. Но будь отзывъ Р. лишь условіемъ въ смыслѣ пункта договора, будь это правомъ Р., кое ограничено лишь обязательствомъ соблюсти извѣстный срокъ въ осуществленіи; то пропущеніе срока отнюдь не повлекло-бы за собою ни недѣйствительности, ни прекращенія договора и не развязало-бы Б, а былобы только нарушеніемъ договора со стороны Р.....

8. Аварія, претерпѣваемая судномъ отъ чумнаго случая, по обычаю признается общею. Понятно, что когда судно по поводу такого случая подвергается очищенію, выигрываютъ всѣ хозяева груза и судохозяинъ, и потому конечно аварія должна быть тутъ общею. Но обычай относится не только къ этому случаю, но и ко всѣмъ другимъ аваріямъ, отъ чумы происходящимъ.

9. По существующему въ Одессѣ обычаю рекомендаторы подписываютъ по словесному полномочію шкиперовъ фрахтовыя записки, которыя затѣмъ считаются вполнѣ для нихъ обязательными, развѣ будетъ доказано, что онѣ не составлены согласно полномочіямъ.

Извѣстно, что при Одессѣ для всѣхъ людей, судовъ и товаровъ, прибывающихъ изъ заграницы, существуетъ карантинъ. Въ прежнее время для людей срокъ пребыванія въ немъ былъ довольно значительный и потому шкипера и судовые экипажи большею частью

чрезвычайно рѣдко домогались переступать за предѣлъ карантинной гавани. И нынѣ еще, при ограниченіи карантина тремя днями, появленіе шкипера либо матроса на улицахъ приморскаго и торговаго города Одессы составляетъ, можно сказать, исключеніе. Но какъ шкиперамъ бываетъ надобность до разныхъ лицъ въ городѣ и приходится хлопотать о сдачѣ груза, о пріисканіи новаго и т. д., то съ-издавна установился обычай, что шкиперъ всякаго судна, адресуемаго изъ-за границы въ Одессу, рекомендуется какому-нибудь торговому дому, который и оказываетъ шкиперу какъ въ отношеніи къ судну, такъ и къ грузу разныя услуги, и въ качествѣ рекомендатаріуса получаетъ отъ судохозяина или самого шкипера извѣстное денежное вознагражденіе. Можетъ быть, еще другія обстоятельства содѣйствовали происхожденію этого обычая; но какія ни представляются изслѣдованію и размышленію обстоятельства, они почти всѣ окажутся общими для Одессы и для другихъ приморскихъ городовъ съ значительною торговлею, а между тѣмъ обычай рекомендатаріусовъ далеко необщій. Покамѣстъ однакожъ и въ Одессѣ не выработались вполнѣ и съ надлежащею ясностью и точностью юридическія отношенія, касающіяся сего обычая, да и быть не можетъ иначе: въ виды законодательства вѣроятно не входитъ дать особыя опредѣленія мѣстнымъ Одесскимъ учрежденіямъ, договоры же о рекомендаціи почти не заключаются, а облекается она какъ-бы въ форму дружеской услуги, возмездной впрочемъ и отвѣтственной. Рѣшительный же обычай дознанъ въ отношеніи лишь къ весьма немногимъ чертамъ указаннаго учрежденія. Наконецъ и наука въ бездѣйствіи, простительномъ конечно при скудости матеріаловъ.

Положительно можно сказать, что рекомендатаріусъ дѣйствуетъ за повѣреннаго у шкипера, но только по дѣламъ, относящимся къ шкиперскому промыслу, и не имѣетъ ничего общаго съ корабельнымъ маклеромъ, который лишь *посредникъ* шкипера и судохозяина или другихъ лицъ въ сдѣлкахъ съ контрагентами въ отношеніи къ кораблю, ведетъ переговоры о заключеніи какого-либо договора, но не есть повѣренный для самаго заключенія. Рекомендатаріусъ съ маклеромъ и другими лицами вступаетъ въ переговоры по полномочію шкипера и вотъ именно къ этому случаю относится вышеприведенный обычай: при посредствѣ маклера состоялся фрахтовой договоръ и составлена фрахтовая записка (minute d'affretement), за подписомъ рекомендатаріуса. Мы видѣли, что и безъ законной довѣренности шкиперъ по обычаю признается обязаннымъ къ исполненію договора.

10. Если въ контрактѣ судна, заключенномъ за границею, постановлено, что оно рекомендуется только по прибытіи онаго въ

портъ (pour l'entrée), а не на оба пути, шкиперъ можетъ перемѣнить рекомендатаріуса, заплативъ ему слѣдующія за коммиссію съ привезенныхъ товаровъ деньги. Если же нѣтъ такого условія въ контрактѣ и шкиперъ самовольно перемѣнитъ рекомендатаріуса для отплытія (pour la sortie), то обязанъ по обычаю заплатить прежнему рекомендатаріусу и за отплытіе судна, хотя бы сей послѣдній въ погрузкѣ судна вовсе неучаствовалъ.

И такъ согласно сему обычаю требуется особенное постановленіе о приглашеніи рекомендатаріуса для одного вступленія судна въ портъ, чтобъ устранить предложеніе о назначеніи одного и того же рекомендатаріуса на два пути.

III. Относительно производимаго въ Одессѣ морского страхованія я имѣлъ случай собрать слѣдующія свѣдѣнія.

Страхованіе производится компаніями, исключительно для того составившимися: ихъ въ 1850 году было 4, и число это считалось достаточнымъ. Онѣ не ограничиваются впрочемъ страхованіемъ въ одной Одессѣ, а принимаютъ на страхъ и въ Константинолѣ, Смирнѣ, гдѣ держатъ агентовъ. Отдѣльныя лица не бываютъ страховщиками въ Одессѣ отчасти по тѣмъ же причинамъ, по которымъ и въ другихъ городахъ капиталистъ весьма рѣдко найдетъ для себя выгоднымъ заниматься страхованіемъ въ отдѣльности. Для успѣшнаго производства его требуется значительный капиталъ, который, принадлежа одному хозяину, можетъ быть употребленъ съ большею выгодою на другіе обороты, неудобные для компаніи. Въ Одессѣ же представляется еще то обстоятельство, что до сихъ поръ съ меньшею точностью чѣмъ гдѣ-нибудь расчитана вѣроятность несчастныхъ случаевъ, противъ которыхъ производится морское страхованіе[1]). Соперничество страховщиковъ не позволяетъ назначать высокія преміи, а между тѣмъ Черное Море весьма бурно и постоянно бываютъ на немъ несчастные случаи. Отъ того рискъ со стороны страховщика въ Одессѣ значительнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, и едва-ли тамъ кто-нибудь затратитъ большой капиталъ на страхованіе.

Бываютъ впрочемъ случаи, въ которыхъ одно лицо принимаетъ по договору на себя отвѣтственность за судно на случай разрушенія или поврежденія на морѣ; и ихъ можно считать видомъ страхованія, но оно не составляетъ здѣсь самостоятельнаго договора, а сливается съ другимъ договоромъ—наймомъ судна подобно тому, какъ казна, обязываясь пересылкою имущества, беретъ на себя и страхъ по немъ на случай ущерба: только съ

[1]) Напрасно я добивался въ Одессѣ свѣденій по статистикѣ кораблекрушеній.

тою разницею, что казна выговариваетъ себѣ особую страховую премію, тогда какъ премія страховщика-судонанимателя заключается въ сбавкѣ наемной платы. Случаи, которые я имѣю въ виду, слѣдующіе: небольшія суда отдаются въ наймы для перевозки товаровъ съ берега на корабли, съ нихъ на берегъ и тутъ наниматель обязывается иногда отвѣчать за судно на случай гибели. Но именно только по особому условію отвѣтственность падаетъ на нанимателя. Случилось однажды, что хозяинъ судна, которое потонуло, будучи отдано въ наймы для перевозки товаровъ, потребовалъ цѣны его отъ нанимателя, хотя объ отвѣтственности послѣдняго ни слова не было въ договорѣ. Но требованіе это найдено неосновательнымъ, упускающимъ изъ виду, что судонаниматель не отвѣчаетъ за случайную гибель; найдено было, что отвѣчая за нее, онъ, значитъ, принялъ бы на себя обязанность страховщика, которой онъ въ настоящемъ случаѣ не принимаетъ на себя.

Одесскія страховыя компаніи составлены на акціяхъ и дѣйствуютъ чрезъ директоровъ и управляющихъ дѣлами. Онѣ принимаютъ на страхъ по непосредственнымъ сношеніямъ съ страхователями или при посредствѣ маклеровъ или другихъ лицъ, получающихъ въ такомъ случаѣ за услуги весьма приличное вознагражденіе. Всѣ почти грузы, товары и суда, отправляющіеся за границу, застраховываются, хотя не всегда въ Одессѣ: такъ случается, что суда прибываютъ туда уже застрахованныя и на обратный путь и что застрахованъ также грузъ, принимаемый на корабль въ замѣнъ доставленныхъ въ Одессу заграничныхъ товаровъ. Судохозяева однакожь, владѣющіе довольно значительнымъ числомъ кораблей, рѣдко отдаютъ ихъ на страхъ: платежъ премій былъ бы въ этомъ случаѣ слишкомъ значительнымъ расходомъ, и судохозяева предпочитаютъ ему убытки отъ аварій и крушеній, которыя соображаютъ при опредѣленіи фрахта. Тутъ судохозяева какъ-бы свои собственные страховщики и сберегаютъ ту часть премій, которая составляетъ барышъ компаній. Равнымъ образомъ суда, предназначаемыя для каботажнаго плаванія, не защищаются страхованіемъ отъ несчастныхъ случаевъ и то же самое должно сказать о грузахъ этихъ судовъ. Причина та, что хозяева судовъ и грузовъ большею частію люди малообразованные, не свыклись еще вполнѣ съ страхованіемъ и не признаютъ его учрежденіемъ, существеннымъ въ мореплаваніи. Притомъ же страховщики оказываютъ мало довѣрія прочности этихъ судовъ и надежности шкиперовъ, и потому требуютъ за страхъ большихъ премій, которыя конечно тяжело платить.—Юридическія отношенія между страховщиками и страхователями опредѣляются

частію непосредственно существующими узаконеніями и обычаями, частію особыми уставами страховыхъ компаній, частію частными условіями. Точно также какъ сходны между собою уставы страховыхъ компаній, сходны и частныя условія, которыя онѣ предлагаютъ страхователямъ. Условія эти обыкновенно печатаются на полисѣ, и страхователя признаютъ согласившимся на нихъ, какъскоро не состоялась между нимъ и компаніею оговорка объ отмѣнѣ того, либо другого пункта. Не всегда однакожь страхователи обращаютъ надлежащее вниманіе на содержаніе печатныхъ условій, въ особенности когда они изложены на малодоступномъ языкѣ, напр. по итальянски или по новогречески, и потому, можно сказать, не рѣдки для страхователей разочарованія при требованіи страховыхъ суммъ, и премія оказывается иной разъ лишь цѣною за спокойствіе, преобрѣтаемое лицомъ на время плаванія судна, либо груза, а не окупомъ отъ постигшихъ ихъ бѣдствій. Большая часть узаконеній о страхованіи имѣетъ силу только на случай, когда договаривающіяся стороны сами не опредѣлятъ какого-либо предмета и отнюдь не притязаютъ они исключить установленіе условій самими контрагентами. Между тѣмъ не рѣдко потому только и происходятъ споры между ними, что страхователь признаетъ за собою на основаніи закона право, которое страховщикъ отвергаетъ на основаніи полиса. Правъ конечно страховщикъ утверждая, что юридическія отношенія контрагентовъ прежде всего опредѣляются полисомъ по обоюдному ихъ согласію, но противъ этого-то именно споритъ страхователь, будто печатанные пункты полиса суть принятыя имъ условія и будто принята имъ та статья, по которой при отсутствіи оговорки онъ считается согласившимся на пункты полиса. Страхователь старается выставить ихъ какими-то правилами, допускаемыми лишь страховою компаніею, для него отнюдь неруководительными и необязательными, въ особенности при разногласіи ихъ съ узаконеніями, и отзывается, что отъ одного помѣщенія этихъ правилъ въ полисѣ еще они не становятся условіями договора, что для страхователя все равно, составляется-ли полисъ—письменный актъ договора о страхованіи на бумагѣ испечатанной или чистой бумаѣ. Справедливо, что правила, исходящія отъ одного страховщика, безъ полномочія на ихъ изданіе со стороны законной власти не имѣютъ никакого значенія, все равно будутъ-ли они согласны съ законами или нѣтъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ справедливо, что правила эти, будучи приняты страхователемъ, становятся вполнѣ обязательными условіями договора о страхованіи. Значитъ, вопросъ заключается только въ томъ, должно-ли страхователя считать согласившимися на эти правила, которыя помѣщены въ полисѣ, только потому, что они въ нёмъ помѣщены, хотя бы страхователь не изъ-

явилъ формальнаго согласія на признаніе правилъ условіями договора. Статья полиса, постановляющая, что страхователь считается согласившимся на всѣ правила, не рѣшаетъ вопроса, ибо она такое же правило, какъ и всѣ прочія, объ обязательности которыхъ именно идетъ рѣчь. Вопросъ разрѣшается раскрытіемъ существа полиса. Онъ письменный актъ о договорѣ страхованія, дѣйствительный, на основаніи закона, за подписомъ одного страховщика, какъ - скоро отъ него принятъ страхователемъ. Достаточность подписи одного страховщика вопреки обоюдности договора о страхованіи объясняется тѣмъ, что главное обязательство страхователя, заключающееся въ платежѣ премій, предполагается выполненнымъ прежде выдачи полиса, тогда-какъ прочія обязательства страхователя разсматриваются лишь какъ ближайшія условія обязательствъ страховщика (напр. страхователь обязанъ тогда-то увѣдомить страховщика о случившейся аваріи, т. е. страховщикъ обязанъ вознаградить страхователя за понесенныя потери, если онъ увѣдомитъ тогда-то о приключившейся аваріи). Остаются слѣдовательно обязательства страховщика и нужно только его удостовѣреніе въ готовности выполнить ихъ, удостовѣреніе, которое и представляется въ полисѣ. Но все - таки не совершается договоръ однимъ изготовленіемъ и подписаніемъ полиса, а существенно, чтобы полисъ былъ принятъ страхователемъ или считался принятымъ, точно-также какъ договоръ займа не признается совершеннымъ, пока заемное письмо, надлежащимъ образомъ составленное и засвидѣтельствованное, не передано заимодавцу. Принятіе же полиса распространяется на все его содержаніе, предшествующее подписи страховщика, и на печатанныя правила, если послѣ нихъ слѣдуетъ подпись, ибо правила эти ничто иное, какъ точнѣйшее опредѣленіе обязательства страховщика или даже обѣихъ договаривающихся сторонъ. И такъ принятіе полиса выражаетъ дѣйствительно согласіе страхователя на изложенныя тамъ правила, которыя этимъ путемъ получаютъ значеніе условій договора. Вышеупомянутый же пунктъ, сообразно которому страхователь считается согласившимся на печатанныя правила, оказывается совершенно лишнимъ, даже совершенно безполезнымъ, ибо къ нему ни въ какомъ случаѣ нельзя свести согласіе страхователя. О *печатаніи* правилъ, общихъ для всѣхъ страхователей, нечего и говорить: это конторское распоряженіе, не представляющее рѣшительно никакого препятствія для признанія правилъ условіями договора. Можно только замѣтить, что сдѣланная на полисѣ *приписка*, противорѣчащая какому-либо печатанному правилу, устраняетъ конечно дѣйствіе послѣдняго, ибо указываетъ на волю контрагентовъ устранить его. Равнымъ образомъ не ослабляется сила правилъ отъ изложенія ихъ

на языкѣ, не знакомомъ страхователю, при изложеніи писанной части договора на другомъ языкѣ, который понитаетъ страхователь, ибо принимая полисъ, онъ имѣетъ полную возможность разсмотрѣть его и развѣдать содержаніе правилъ, а при отсутствіи этой возможности, онъ можетъ не принять полиса.

Нельзя отрицать впрочемъ, что употребленіе бланковыхъ полисовъ съ условіями, изложенными на чуждомъ страхователю языкѣ, можетъ служить страховщику орудіемъ обмана, и обманъ этотъ во многихъ случаяхъ можетъ представляться преступнымъ и предъ закономъ. Но тогда недѣйствительность поражаетъ весь договоръ, а не одни правила, и нельзя сказать, что страхователю принадлежитъ тогда, въ случаѣ морского несчастія, безусловное право на удовлетвореніе со стороны страховщика, т. е. право, неограниченное тѣми правилами: напротивъ по договору о страхованіи, который оказывается ничтожнымъ, страхователь уже не имѣетъ никакого права въ отношеніи къ страховщику; по ничтожности договора возникаетъ лишь право на обратное полученіе преміи. Можетъ конечно случиться, что мнимый страхователь пріобрѣтетъ въ отношеніи къ мнимому страховщику право на удовлетвореніе, равное тому, которое бы слѣдовало по договору, еслибъ онъ былъ заключенъ безъ условій бланковаго полиса. Нѣтъ сомнѣнія, что обманъ страховщика влечетъ за собою обязательство послѣдняго вознаградить убытки, понесенные страхователемъ вслѣдствіе обмана, и потому если имущество, составляющее предметъ недѣйствительной страховки, потерпитъ аварію и распорядитель его докажетъ, что не будь обмана, оно бы было непремѣнно застраховано, то аварія должна быть разсматриваема какъ убытокъ, понесенный по винѣ страховщика, который затѣмъ обязанъ произвести за него вознагражденіе по мѣрѣ представляемаго страхованіемъ.

Правила полиса опредѣляютъ главнымъ образомъ случаи, въ которыхъ страховая компанія не подлежитъ отвѣтственности по договору: сюда относятся случаи аварій, простирающихся до 5, 10%, по нѣкоторымъ же предметамъ до 50%. Общее основаніе, по которому страховщикъ ограничиваетъ такимъ образомъ свою отвѣтственность, заключается отчасти въ томъ, что небольшія поврежденія судна и груза встрѣчаются во время плаванія непрестанно и потому въ совокупности взятыя составляли-бы чрезвычайную тягость для страховщика независимо отъ затрудненій, сопряженныхъ съ приведеніемъ ущерба въ извѣстность, и отъ значительности потребныхъ для того расходовъ, что убытки отъ такихъ поврежденій не выходятъ изъ нормальнаго расчета лицъ, ихъ претерпѣвающихъ, и обыкновенно покрываются добываемыми барышами,

отчасти въ томъ, что по малоцѣнности, ломкости, громоздкости, усышкѣ и утечкѣ многихъ предметовъ ущербъ по нимъ долженъ быть даже очень важнымъ для того, чтобы приходилось вознаграждать за него. По этимъ товарамъ требуется ущербъ 50% для отвѣтственности страховщика, и тогда отъ усмотрѣнія страхователя зависитъ предоставить ихъ страховщику и получить выговоренную по договору сумму или первоначальную цѣну. Относительно же другихъ товаровъ различіе въ опредѣленіи предѣла, съ котораго ущербъ на рискѣ страховщика, объясняется ближайшимъ образомъ свойствомъ товара, употребительною его укладкою, относительною дороговизною. Такъ нѣтъ для страховщика аваріи до 5% на предметы, не легко подлежащіе порчѣ, каково желѣзо, мраморъ, на цѣнныя вещи, каковы золото, серебро, сахаръ, на предметы тщательно укладываемые, каковы матеріи на одежду, вообще товары, находящіеся въ ящикахъ и тѣмъ нѣсколько предохраняемые отъ легкой порчи. Такъ на кофе въ ящикахъ нѣтъ аваріи до 5%, а на кофе въ мѣшкахъ до 10%, какъ на съѣстные припасы, на злаки. Въ отношеніи къ отвѣтственности страховщика дѣлается въ полисахъ также различіе между аваріею общею и частною и по первой оставляется менѣе риска на страхователѣ, чѣмъ по послѣдней: такъ общая аварія злаковъ начинается съ 5%, частная же аварія съ 10%, общая аварія жидкостей, масла, сала, смолы, икры, шкуръ идетъ съ 5%, а въ случаѣ частной страховщикъ отвѣчаетъ по этимъ статьямъ лишь за ущербъ въ 50 и болѣе %. По товарамъ, по которымъ исключаются изъ риска страховщика 5% частной аваріи, исключаются всего 3% общей.

Причина этого различія заключается въ томъ, что случаи общей аваріи влекутъ за собою чрезвычайные расходы, которые страхователи развѣ тогда только имѣютъ въ виду принять на себя, когда размѣры расхода самые скромные, не превышаютъ, какъ показано, 5% цѣны товара, и что кромѣ общей аваріи все-таки еще частная аварія, неподлежащая застрахованію, можетъ поразить товары. Но весьма трудно объяснить, на какомъ основаніи дѣлается различіе между товарами, по которымъ 3% общей аваріи относятся на счетъ страхователя, и товарами, относящими къ нему 5%. Всѣ участники въ кораблѣ и грузѣ платятъ убытки отъ общей аваріи и потому, казалось бы, все равно, какой-бы ни былъ товаръ у отдѣльнаго страхователя, тѣмъ болѣе, что при раскладкѣ соображается одна цѣна предметовъ. Положимъ, что одному страхователю принадлежитъ въ грузѣ строевой лѣсъ, другому сало, и происходитъ общая аварія: дѣлается раскладка и на долю участниковъ выпадаетъ по 5% платежа. Хозяинъ лѣса вправѣ въ такомъ

случаѣ 2% перевести на страховщика, а хозяинъ сала одинъ несетъ расходъ. Отъ чего это? Различіе только въ томъ, что торгующій саломъ привыкъ разсчитывать на большіе убытки при перевозкѣ, нежели продавецъ лѣса, и потому когда оба лица страхуютъ товаръ, къ первому все-таки можетъ быть отнесенъ нѣсколько большій расходъ на общую аварію, нежели ко второму. Такимъ образомъ по указанію опыта всѣ товары размѣщаются по двумъ обширнымъ классамъ, которые принимаются за основаніе при опредѣленіи страха по общимъ аваріямъ.

Другое весьма важное условіе относится къ абандону судна либо груза. По законодательству абандонъ не составляетъ права страхователя, а предоставляется на волю страховщика уплатить ему страховыя деньги сполна и оставить застрахованный предметъ за собою или заплатить только за убытокъ. Компаніи же не рѣдко предоставляютъ страхователямъ право абандона, ограничивая его впрочемъ случаями важныхъ ущербовъ, такихъ, которые составляютъ не менѣе 50% цѣны предмета (sinistre majeur). Если имѣть въ виду, какъ затруднительны разсчеты убытковъ, происходящихъ на морѣ въ особенности, когда вмѣстѣ съ тѣмъ предметъ становится негоднымъ къ нормальному употребленію, то нельзя не допустить, что успѣхъ страхованія требуетъ абандона для страхователей и становится понятнымъ, почему страховщики повидимому добровольно отступаются отъ предоставленнаго имъ закономъ права соглашаться на абандонъ, либо не соглашаться. Корабельщикъ, положимъ, застраховалъ судно въ 10,000 руб., и оно потерпѣло крушеніе: остались одни обломки. Очевидно, что онъ будетъ вознагражденъ за убытки только въ такомъ случаѣ, если страховщикъ доставитъ возможность имѣть снова судно, которое примется на страхъ въ 10,000 руб. Допустимъ, что страховщикъ приметъ на себя издержки на починку разбитаго судна, но она только тогда и возможна, когда судно было новое; судно же починенное не идетъ въ сравненіе съ новымъ. Допустимъ, что страховщикъ вознаграждаетъ страхователя на столько, чтобы выдаваемая ему сумма въ сложности съ цѣною обломковъ равнялась застрахованной суммѣ; но тутъ спрашивается, какая же цѣна обломковъ, и оказывается, что для совершеннаго удовлетворенія страхователя необходимо, чтобы цѣна эта опредѣлялась остаткомъ отъ выручки изъ произведенной страхователемъ продажи разбитаго судна за вычетомъ расходовъ, сопряженныхъ съ продажею, ибо только сумма этого остатка и платежа отъ страховщика даетъ страхователю возможность пріобрѣсти вновь надлежащее судно. Можно однакожь сказать навѣрное, что такая оцѣнка обломковъ невыгодна для стра-

ховщика: во-первыхъ, въ большой части случаевъ выручка отъ произведенной страхователемъ продажи будетъ ниже настоящей цѣнности или даже той цѣны, которую бы получилъ, распоряжаясь продажею, страховщикъ, заинтересованный въ наиболѣе выгодномъ сбытѣ остатковъ отъ судна и имѣющій, должно предполагать, возможность устранить случайности, которыя препятсвують успѣшному исходу продажи со стороны страхователя; во-вторыхъ, расходы, сопряженные съ продажею, для страхователя значительнѣе нежели для страховщика, ибо первый включаетъ сюда и убытки отъ проволочки, связанной съ продажею, и по отвлеченію страхователя (корабельщика) отъ другихъ его занятіи. Чтобы достигнуть бо́льшей выручки и сократить расходы по продажѣ, страховщикъ можетъ принять ее на себя, но это именно и есть дѣйствіе абандона, предоставляемаго страхователю и оказывающагося за тѣмъ столько же сообразнымъ съ существомъ страхованія, сколько согласнымъ съ пользами контрагентовъ. Но важно, чтобы абандонъ составлялъ именно право страхователя и не зависѣлъ отъ усмотрѣнія противной стороны, ибо возможны конечно отдѣльные случаи, въ которыхъ страховщикъ захотѣлъ бы оставить застрахованные предметы за страхователемъ и вознаградить его только за убытки: нужно поэтому страхователю быть обезпеченнымъ, что его несчастный случай не будетъ отнесенъ къ числу этихъ случаевъ, тѣмъ болѣе что и самая премія бываетъ разсчитана на скорую развязку страхователя съ застрахованными предметами при ущербахъ, подходящихъ подъ условія договора. Обезпеченіе дается страхователю предоставленіемъ права на абандонъ. Страховщикъ съ своей стороны, соглашаясь даровать это право, обязываетъ страхователя заботиться по возможности о спасеніи и сохраніи имущества, могущаго сдѣлаться предметомъ абандона, и тѣмъ старается отвратить вредныя послѣдствія отъ уступки его страхователю. Нельзя конечно ожидать, чтобъ эта мѣра всегда была успѣшна, но какъ бы то ни было, абандонъ столь существенъ въ страховомъ дѣлѣ, что третейскіе суды, разбирающіе споры между участниками страхованія, силятся допустить его даже и тогда, когда онъ не былъ собственно выговоренъ въ полисѣ. Такъ я знаю случай, что судно, застрахованное въ Одессѣ безъ прямого условія объ абандонѣ, сѣло на мель и значительно повредилось близь Дунайскихъ Гирлъ. Агентъ страховой компаніи принялъ немедленно мѣры для облегченія судна; оно сошло съ мели, было починено и доставлено въ Одессу. Страхователь отказывался принять судно и требовалъ страховой суммы на томъ основаніи, что поврежденіе, понесенное судномъ, не исправимо. Страховщикъ напротивъ уклонялся отъ платежа страховыхъ

денегъ утверждая, что произведя на свой счетъ починку судна, онъ избавилъ контрагента отъ всякихъ убытковъ и тѣмъ удовлетворилъ своему обязательству. Третейскій судъ, къ которому должны были обратиться обѣ стороны, нашелъ, что по обстоятельствамъ дѣла страховщикъ только тогда можетъ быть признанъ вознаградившимъ понесенные страхователемъ убытки и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворившимъ своему обязательству, когда выдастъ страховую сумму, оставивъ въ своемъ распоряженіи починенное судно.

При заключеніи договора страхованія компаніи воздерживаются по большой части отъ розысканія, въ правѣ-ли противная сторона вступить въ договоръ и дѣйствуетъ-ли она при семъ на законномъ основаніи. Такъ не требуется удостовѣренія на счетъ участія страхователя въ застраховываемомъ предметѣ, на счетъ дѣйствительнаго существованія риска для страхователя, хотя по закону и ничтожно страхованіе предмета, производимое лицемъ, котораго интересъ не связанъ съ невредимостью предмета или ужь обезпеченъ другимъ страхованіемъ. Когда предметъ отдается на страхъ по порученію, не требуется свѣдѣній о лицѣ довѣрителя, о правахъ его на страховку, о полномочіи страхователя, хотя могли бы открыться обстоятельства существенной важности для дѣйствительности страхованія; оно напротивъ производится безъ всякаго вниманія къ этимъ обстоятельствамъ: *«въ счетъ того, кому слѣдуетъ»* — вотъ употребительная при такомъ страхованіи формула (pour compte de qui il appartiendra). Равнымъ образомъ принимается обыкновенно на вѣру показаніе страхователя относительно стоимости предмета, хотя лживость уничтожаетъ въ этомъ случаѣ дѣйствительность договора. Страховщикъ имѣетъ въ виду, что совершеніе страхованія немедленно доставляетъ премію или право на премію, что раскрытіе обстоятельствъ, лишающихъ страхованіе силы, важно только въ случаяхъ несчастія, за которое приходится отвѣчать, что случаи эти все-таки рѣдки сравнительно съ количествомъ страхованій, и потому онъ предоставляетъ себѣ требовать надлежащихъ удостовѣреній, когда открывается обязательство вознаградить страхователя. Это тѣмъ удобнѣе, что большею частью по условіямъ полиса полагается болѣе или менѣе продолжительный срокъ на удовлетвореніе страхователя, обыкновенно трехмѣсячный съ той поры, какъ будетъ признана въ данномъ случаѣ отвѣтственность страховщика, и ему слѣдовательно довольно времени, чтобы собрать нужныя свѣденія о законности заключеннаго договора. Притомъ же страховщикъ обязываетъ страхователя возвратить платежъ, если въ теченіе извѣстнаго времени, большею частью трехъ мѣсяцевъ же, обнаружится, что не было вовсе обязательства произвести платежъ.—

Такимъ образомъ какъ-бы ни былъ снисходителенъ страховщикъ къ страхователю при заключеніи договора, едва-ли приведется страховщику изъяниться по договору незаконному, а между тѣмъ онъ и тутъ пріобрѣтаетъ премію и получаетъ ее по множеству другихъ страхованій, незаконность которыхъ только потому не открывается, что не представляется страхователю повода требовать страховыхъ денегъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ должно замѣтить, что существующее между страховщиками совмѣстничество исключаетъ разборчивую мнительность при пріемѣ страховокъ. Одно что взвѣшивается тщательно — это обстоятельства, принимаемыя въ соображеніе для того, чтобъ назначить премію: дѣлаются распросы о рейсѣ, о суднѣ, шкиперѣ, находящійся въ Одессѣ купеческій корабль осматривается, а если нѣтъ корабля на мѣстѣ, то наводятся справки о времени его построенія, къ чему служитъ пособіемъ издаваемое ежегодно въ Парижѣ росписаніе купеческихъ кораблей.

Въ отношеніи къ предметамъ страхованія Одесса не представляетъ никакихъ особенностей: принимаются на страхъ суда, съ грузами и безъ грузовъ, грузы сполна и по частямъ, отдѣльные товары, бодмерейныя деньги въ обширномъ смыслѣ, ожидаемая отъ судна либо товаровъ прибыль, и всѣ эти предметы принимаются или въ цѣлости цѣны или въ доляхъ ея или наконецъ въ извѣстныхъ суммахъ, составляющихъ часть цѣны, такъ-что по одному предмету можетъ быть нѣсколько страхованій. Какъ по закону и по обычнымъ условіямъ полиса предметы эти, даже считаясь въ цѣлости застрахованными, оставляютъ на отвѣтственности страхователя часть урона, то случается, что и она подвергается особому страхованію и въ такомъ случаѣ при выдачѣ страховой суммы по этой части уже не дѣлается вычета за какую-либо долю страха, относимую на счетъ страхователя: вычетъ былъ-бы тутъ противенъ цѣли производимаго страхованія и первоначальному соглашенію контрагентовъ, опредѣляемому этою цѣлью. Одинъ и тотъ же предметъ подвергается многократной страховкѣ: такъ его перестраховываетъ страховщикъ, въ цѣлости, либо въ части. Это бываетъ, когда онъ находитъ, что обремененъ страхованіями, или когда есть случай произвести перестраховку по меньшей противъ платимой первымъ страхователемъ преміи, или когда страховая сумма для одного страховщика слишкомъ значительна. Должно замѣтить, что перестраховка части, производимая страховщикомъ, не есть раздѣленіе страхованія, не рѣдко случающееся въ дѣйствительности, хотя то и другое называется раздѣленіемъ по одинакости фактическаго результата. При перестраховкѣ все-таки первый страховщикъ во всей страховой суммѣ отвѣтственное лице предъ первымъ страхователемъ,

тогда-какъ при раздѣленіи каждый страховщикъ отвѣчаетъ предъ страхователемъ за свою часть въ страхованіи. Перестраховка должна производиться страхователемъ въ огражденіе отъ несостоятельности страховщика, слѣдовательно страховая сумма получается только въ такомъ случаѣ, если настанетъ для него обязательство удовлетворить страхователя, и признанная несостоятельность страховщика будетъ препятствіемъ къ исполненію обязательства. Но какъ она по большой части не лишаетъ удовлетворенія совершенно, то страхователь, вознаграждаясь за убытки отъ второго страховщика и получая еще часть изъ массы перваго, очевидно былъ бы въ барышахъ отъ постигшаго застрахованные предметы бѣдствія, что безусловно противно существу и цѣли страхованія. Отъ втораго страховщика страхователю слѣдуетъ получить лишь ту часть платежа, которой не дополучилъ отъ перваго страховщика; но легко можетъ случиться, что при наступленіи срока для удовлетворенія еще не будетъ извѣстно, сколько достанется изъ массы страхователю и нельзя будетъ ему выдать его часть. И такъ одно изъ двухъ: или обязательство втораго страховщика подлежитъ исполненію лишь въ то время, когда будетъ приведена въ извѣстность часть, причитающаяся страхователю изъ массы перваго страховщика, ибо только тогда опредѣляется надлежащимъ образомъ это обязательство; или второй страховщикъ производитъ немедленно удовлетвореніе сполна, страхователь же обязывается возвратить имѣющій оказаться излишекъ, какъ скоро получитъ, что слѣдуетъ изъ массы, или же передаетъ вмѣсто того право на сіе полученіе второму страховщику. Только въ послѣднемъ случаѣ перестраховка оберегаетъ страхователя надлежащимъ образомъ отъ несостоятельности перваго страховщика и отъ ея послѣдствій, ибо дѣйствіе ея проявляется обыкновенно не въ одной неполнотѣ удовлетворенія вѣрителей, но и въ просрочкѣ удовлетворенія. Въ примѣненіи же къ ней перестраховка должна породить обязательство страховщика вознаградить страхователя въ тотъ срокъ, въ который первому страховщику слѣдовало бы произвести удовлетвореніе. Въ этотъ же срокъ оно только и можетъ быть произведено сполна. Такъ дѣйствительно и бываетъ въ Одессѣ, и при полученіи страхового платежа страхователь переводитъ на втораго страховщика право на удовлетвореніе отъ перваго. Перестрахованія предметовъ, застрахованныхъ въ Одесскихъ компаніяхъ, встрѣчаются впрочемъ довольно рѣдко со стороны страхователей: компаніи, по настоянію правительства, располагаютъ значительнымъ капиталомъ, и потому довѣріе къ ихъ состоятельности покамѣстъ еще не колебалось.

Встрѣчающееся во многихъ мѣстахъ страхованіе преміи не

употребительно въ Одессѣ. Тамъ находятъ, что для преміи нѣтъ вовсе риска и что поэтому условіе о ея страхованіи совершенно чуждо существу этого договора. Мнѣ кажутся Одесскіе страховщики совершенно правыми въ этомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ тамъ, гдѣ допускается страхованіе преміи, оно заключается на случай ущерба предмета, за который платится премія. Но ужъ если примѣнять понятіе о рискѣ къ преміи, то должно относить его къ случаю благополучнаго прибытія предмета, а не къ ущербу. Рискъ состоитъ въ томъ, что страхователь обяжется, пожалуй, преміею, а имущество, не пострадавъ ни отъ какой морской опасности, достигнетъ назначенія, такъ что могло бы быть и не застраховано. Но и тутъ должно имѣть въ виду, что расходъ на премію входитъ въ разсчетъ страхователя и въ нормальномъ порядкѣ вещей покрывается выручкою отъ застрахованнаго предмета. Вотъ почему премія и не подвергается страховкѣ на случай успѣшности плаванія. На противный же случай она производится по соображенію, что не вся страховая сумма, получаемая страхователемъ, составляетъ собственно для него вознагражденіе, а лишь сумма, остающаяся за вычетомъ преміи, и что вознагражденіе только тогда будетъ равняться платимой страховщикомъ суммѣ, если за премію также будетъ сдѣлано вознагражденіе, что право на такое вознагражденіе иначе не удобомыслимо, какъ при страхованіи преміи. Оно конечно предполагаетъ платежъ другой преміи, но онъ будетъ, разумѣется, гораздо менѣе первой преміи и можетъ при томъ также содѣлаться предметомъ страхованія за премію (третью), еще меньшую второй. Такимъ образомъ страхованіе преміи на случай ущерба въ предметъ первоначальнаго страхованія можетъ быть продолжено до тѣхъ поръ, пока не окажется премія столь незначительная, что для нея въ отдѣльности не найдется и страховщикъ, и ничтожный расходъ на нее нисколько не будетъ отяготителенъ для плательщика. Мнѣ кажется однакожь, что въ цѣломъ ряду этихъ договоровъ страхуются все-таки не преміи, для которыхъ нѣтъ риска, а предметъ первоначальнаго страхованія, которое вслѣдствіе платежа преміи оказывается не покрывающимъ страхового предмета въ соразмѣрность страховой суммѣ, такъ-что часть предмета остается на рискѣ страхователя. Она допускаетъ новую страховку, которая однакожь также, по причинѣ платежа за премію, оставитъ часть предмета не покрытою, подлежащею потому новому страхованію, которое даетъ мѣсто четвертому, а это пятому и т. д., пока наконецъ малѣйшая часть имущества должна бы сдѣлаться предметомъ договора, еслибы только польстился на нее страховщикъ, или рискъ по ней заслуживалъ вниманія страхователя. Но какъ страховая сумма каждаго

послѣдующаго страхованія равняется премін предъидущаго и страховая сумма вообще называется не рѣдко предметомъ страхованія, то оказывается возможность выставлять образующійся здѣсь рядъ договоровъ страховками премій. Дѣйствіе этого страхованія конечно то, что страхователь въ случаѣ бѣдствія обложенъ самымъ ничтожнымъ расходомъ на премію, такъ – что приходится на него отсчитать малѣйшую часть выдаваемой страховщикомъ суммы. Но за то при успѣшномъ плаваніи издерживается на премін гораздо болѣе денегъ. Теперь примите въ соображеніе, что, гдѣ встрѣчаются страховки премін, страховщикомъ является не рѣдко во всѣхъ договорахъ одно и тоже лицо, и именно страховщикъ предмета, съ котораго платится первая премія, что страховки премій употребительны преимущественно тогда, когда первая премія по условію платится не прежде, какъ опредѣлится судьба застрахованнаго предмета, и выйдетъ, что онъ одинъ только и страхуется, но съ уговоромъ, что премія должна быть заплачена лишь при благополучномъ исходѣ плаванія. Возлагаемый на страховщика рискъ усиливается при такомъ условіи еще рискомъ не получить премін, и потому она должна быть конечно выше обыкновенной премін. Впрочемъ и сведенная къ этому, смѣю думать, настоящему значенію и виду, страховка премій не существуетъ въ Одессѣ. По господствующему тамъ воззрѣнію, нѣтъ прямого соотношенія между преміею и страховою суммою и не опредѣляютъ полученія страхователя вычетомъ премій изъ страховой суммы, точно также какъ при страхованіи по коммиссіи не считаютъ ея уменьшенною коммиссіоннымъ процентомъ. Премія представляется тамъ расходомъ, которымъ лицо окупается отъ риска. Имѣя въ виду возможность бѣдствія, страхователь, можетъ быть, и старается накинуть эту издержку на предъявляемую къ страхованію сумму, хотя самая премія должна отъ того увеличиться. Въ такомъ случаѣ страховая сумма почти покрываетъ премію и невозвратный расходъ страхователя самый незначительный. Когда же не удается ему произвести страховку въ такой полнотѣ, премія съ подвергшагося гибели предмета составляетъ одинъ изъ тѣхъ не рѣдкихъ въ промышленности расходовъ, которыми количество прибыли лица приводится къ болѣе умѣренной цифрѣ. Но вѣдь морскія несчастія все-таки составляютъ исключеніе, большею же частію страхуемые предметы достигаютъ назначенія благополучно, а если лицо будетъ платить усиленныя премін, то, очень можетъ быть, ему и ни удается весь расходъ на нихъ вознаградить выручками.

Риски, по которымъ отвѣтственность падаетъ на страховщиковъ, опредѣляются въ Одессѣ по большой части согласно существующимъ узаконеніямъ; объ особенностяхъ же въ установленіи

мѣры отвѣтственности я помянулъ прежде и было мною замѣчено, что она ограничивается между прочимъ по соображенію тѣхъ ущербовъ, которые испытываются предметами независимо отъ морскихъ опасностей. Но будучи разъ допущено, ограниченіе это должно именно относиться къ случаю урона, отъ нихъ происшедшаго, ибо только такой случай лежитъ на отвѣтѣ страховщика; ущербы же, иначе причиненные страхователю по застрахованному предмету, вовсе не касаются страховщика и потому ни въ какой мѣрѣ не отвѣчаетъ онъ по нимъ. Если товаръ отъ утечки утратилъ 10% цѣны, на счетъ хозяина относится только 5% страха, то все-таки страховщикъ, за отсутствіемъ изъяна отъ морской опасности, свободенъ отъ всякой отвѣтственности. Отсюда однакожъ не слѣдуетъ, что въ отношеніи къ страховщику случай урона въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ онъ остается на рискѣ самого страховщика, равнозначущъ съ убыткомъ, хотя-бы и болѣе значительнымъ, но происшедшимъ не отъ морской опасности. Должно имѣть въ виду, что когда убытокъ не достигаетъ предѣла, съ котораго беретъ начало отвѣтственность страховщика, страхователю въ нормальномъ порядкѣ вещей вовсе не приходится искать удовлетворенія, ибо съ предъявленіемъ требованія неразрывно доказательство, подтверждающее заявленіе о мѣрѣ убытковъ, о такой мѣрѣ, которая обязываетъ страховщика къ вознагражденію, въ самомъ требованіи заключался бы слѣдовательно приговоръ его неосновательности. Когда же убытокъ таковъ, что относился бы къ отвѣтственности страховщика, если-бы только не происходилъ отъ случая, изъ нея исключаемаго, то страхователь все-таки въ правѣ требовать удовлетворенія, а дѣло страховщика доказать, что онъ на этотъ разъ свободенъ отъ отвѣтственности по причинѣ независимости урона отъ морской опасности. Представленіе такого доказательства бываетъ не рѣдко сопряжено съ чрезвычайными затрудненіями. И такъ очевидно, что положеніе страховщика въ первомъ случаѣ гораздо благопріятнѣе, нежели въ послѣднемъ. Бываетъ, что претерпѣваемый страхователемъ убытокъ слагается изъ ущерба отъ морской опасности и другого. Напримѣръ, на товарѣ убытку 10%: — 6 отъ утечки, 4 отъ бури. Если предположить, что 5% аваріи падаютъ на самаго страхователя, то при разложеніи убытковъ страховщику не придется ничего платить, при слитіи же ихъ онъ бы долженъ былъ уплатить 10%. Разложеніе въ Одессѣ не производится. Извѣстная примѣсь ущерба отъ опасности неморской предполагается во всякомъ поврежденіи застрахованнаго предмета, и я показалъ, что въ этомъ обстоятельствѣ заключается отчасти основаніе выговариваемой страховщиками свободы отъ незначительныхъ аварій. Если они въ одномъ случаѣ

вовсе не производятъ удовлетворенія, хотя бы весь ущербъ происходилъ отъ морской опасности, то пусть они въ другомъ случаѣ платятъ страхователю, хотя-бы былъ убытокъ не отъ одной морской опасности. Притомъ же едва-ли возможно въ большой части случаевъ совершенно точное количественное распредѣленіе ущербовъ по ихъ происхожденію, а потому только и остается разсчитывать ихъ въ цѣлости при установленіи обязательства страховщика. Но между прочимъ по соображенію, что въ убыткахъ, вознаграждаемыхъ страховщикомъ, есть часть, не лежащая собственно на его отвѣтственности, допускается обыкновенно извѣстный вычетъ изъ дѣлаемой страхователю денежной выдати, — вычетъ въ 3%.

Одинъ и тотъ же убытокъ можетъ быть дѣйствіемъ морской опасности или другого какого-либо случая, и притомъ можетъ быть такъ, что убытокъ, обыкновенно бывающій въ совершенной отъ нея независимости, въ одномъ случаѣ будетъ причиненъ именно морскою опасностью и на оборотъ убытокъ, постоянно ею наносимый, въ данномъ случаѣ будетъ слѣдствіемъ иного событія. По трудности изслѣдовать происхожденіе такихъ убытковъ, въ свойствѣ которыхъ оно прямо не высказывается, контрагенты не рѣдко опредѣляютъ, какіе убытки должны состоять на рискѣ страховщика и какіе изъемлются изъ страха, съ тѣмъ чтобы ужь не обращаться въ случаѣ несчастія къ разсмотрѣнію его источника. Понятно, что такое условіе порождаетъ возможность покрыть убытокъ, возникшій безъ морской опасности договоромъ морского страхованія, служащимъ собственно къ огражденію отъ вредныхъ послѣдствій морскихъ опасностей. Но вѣдь причина убытка согласно условію не развѣдывается, не принимается въ соображеніе, и потому остается мѣсто предположенію, что онъ могъ произойти отъ морской опасности. Законодательство даетъ впрочемъ такой обширный просторъ условіямъ страхованія, что они могутъ и выступить изъ существа договора, что̀ безпрестанно и встрѣчается въ дѣйствительности.

Существованіе риска для застрахованнаго предмета со времени заключенія договора признается необходимымъ для его дѣйствительности, и потому, напр., если не состоится рейсъ, для котораго отдано на страхъ судно, страховщикъ получаетъ обратно полисъ и возвращаетъ премію. Но допускается одно исключеніе, вполнѣ сообразное съ свойствомъ мореплаванія: какъ при заключеніи договора контрагенты не всегда имѣютъ и не всегда могутъ имѣть свѣденія о судьбахъ страхуемаго предмета и получаемыя о немъ на мѣстѣ страхованія извѣстія весьма часто нисколько не соотвѣтствуютъ его положенію въ моментъ ихъ полученія, то принято также въ Одессѣ считать страхованіе дѣйствительнымъ, хотя бы рискъ

ему предшествовалъ, если только контрагенты не могли знать при заключеніи договора — страховщикъ о благополучномъ прибытіи предмета, страхователь о приключившемся бѣдствіи. Судно прибыло благополучно до страховки, риску слѣдовательно не было для страховщика, а онъ все-таки пріобрѣтаетъ премію. Судно погибло прежде чѣмъ заключенъ договоръ: значитъ, нѣтъ не только риска, нѣтъ и предмета для страхованія, а страховщикъ обязанъ все-таки вознагражденіемъ. Требуемое въ настоящемъ случаѣ отсутствіе возможности вѣдома о прекращеніи риска опредѣляется расчетомъ разстоянія мѣста прекращенія отъ Одессы, при соображеніи времени, истекшаго послѣ прекращенія риска, и предположеніи, что требовалось бы часа времени на совершеніе 8 верстъ пути. Пусть число верстъ равняется a, время (число часовъ) b: если $\frac{a}{b}$ болѣе 8, то вѣдомъ считается невозможнымъ. По особому условію впрочемъ сохраняетъ силу страхованіе и при возможности вѣдома (assurance à bonne ou mauvaise nouvelle): въ этомъ случаѣ оно признается недѣйствительнымъ только тогда, когда доказано будетъ, что, заключая договоръ, контрагентъ имѣлъ свѣденіе, а не только могъ имѣть, о прекращеніи риска. Если-бы оказалось, что свѣденіе ложно, то договоръ тѣмъ не менѣе долженъ бы былъ лишиться дѣйствительности. На пр. судохозяинъ, получивъ ложную вѣсть о гибели судна, застраховалъ его, вскорѣ же послѣ того оно точно гибнетъ: страхованіе недѣйствительно и убытки не вознаграждаются. Такъ въ самомъ дѣлѣ разъ было въ Одессѣ. Но положимъ, что страховщикъ принялъ на страхъ судно, подвергающееся крушенію и окажется, что, вступая въ договоръ, онъ имѣлъ ложное свѣденіе о благополучномъ прибытіи судна на мѣсто назначенія. Тутъ можетъ показаться сомнительною недѣйствительность страхованія по соображенію, что терпѣть потерю въ этомъ случаѣ должно лицо невинное—страхователь, который лишается права на удовлетвореніе по договору. Я полагаю однакожъ, что съ юридической точки зрѣнія недѣйствительность несомнѣнна, а вопросъ о дѣйствительности и недѣйствительности договора есть вопросъ чисто юридическій, претерпѣваемые же лицомъ убытки — это моментъ экономическій, который отнюдь не входитъ въ разсчетъ при рѣшеніи юридическаго случая. Если впрочемъ докажетъ страхователь, что онъ безъ обмана страховщика не подвергался бы убыткамъ, то послѣдній конечно долженъ быть приговоренъ къ ихъ вознагражденію, не на основаніи договора, а по нарушенію права страхователя. Сообразно коммиссіонному свойству торговли въ Одессѣ, случается тамъ часто, что и на страхъ отдаются предметы по коммиссіи. Тутъ можетъ случиться, что, производя страхованіе, коммиссіонеръ знаетъ о происшедшемъ

бѣдствія, или что коммитентъ узнаетъ о немъ прежде, нежели заключенъ договоръ. Въ первомъ случаѣ страхованіе недѣйствительно и отвѣтственность по заключенію его падаетъ на коммиссіонера; въ послѣднемъ случаѣ оно недѣйствительно, если коммиттентъ, дѣлая коммиссію, имѣлъ надлежащее свѣдѣніе или, получивъ его послѣ, не принялъ зависящихъ отъ него мѣръ для отмѣны коммиссіи. Но если мѣры употреблены, то страхованіе по коммиссіи вполнѣ дѣйствительно, хотя-бы вѣдомъ коммиттента и предшествовалъ совершенію договора.

Продолжительность риска опредѣляется въ Одессѣ двояко: путемъ, на который производится страхованіе, и срокомъ. Заключаемое во многихъ мѣстахъ страхованіе на отправленіе и возвращеніе судна (assurance pour l' aller et le retour, à prime liée) не употребительно въ Одессѣ. Но и тамъ случается, что заключается страхованіе на рейсъ и на обратный путь, но большею частію тутъ разумѣются два страхованія, и потому во время нахожденія судна на мѣстѣ прибытія оно не состоитъ на рискѣ страховщика, тогда-какъ единый договоръ страхованія на оба пути обнимаетъ и пребываніе судна на мѣстѣ назначенія, развѣ будетъ выговорено иначе. Начало и конецъ страхованія на срокъ опредѣляются въ точности наступленіемъ срочнаго времени — числа мѣсяца, дня либо часа или, напр., временемъ выгрузки товаровъ, разснастки судна, временемъ совершенія какого-либо дѣйствія. Для судна, застрахованнаго на рейсъ, начало страха есть моментъ отплытія; конецъ—моментъ прибытія на мѣсто назначенія; для груза, застрахованнаго отъ мѣста до мѣста, начало страха—помѣщеніе на суднѣ или на перевозной лодкѣ для доставленія на судно, конецъ — когда грузъ на мѣстѣ назначенія будетъ сложенъ на берегъ, если это сдѣлается до истеченія 15 дней со дня прибытія судна, иначе же съ истеченіемъ 15 дня.

Премія страхованія, сколько мнѣ извѣстно, въ Одессѣ всегда денежная: она почти исключительно опредѣляется процентомъ съ страховой суммы; въ отдѣльныхъ же случаяхъ назначается въ премію извѣстная сумма за весь страхъ или мѣсячный платежъ. Послѣднее бываетъ при неопредѣленномъ продолженіи рейса. Въ печатныхъ условіяхъ полисовъ обыкновенно значится, что премія должна быть заплачена страхователемъ при полученіи полиса, разумѣется, премія, состоящая въ единственномъ платежѣ. Тутъ имѣютъ въ виду, что безъ взноса преміи не произойдетъ и передача полиса, существенная, какъ мы видѣли, для совершенія страхованія, что слѣдовательно нѣтъ и страхованія, когда не заплачена премія. Но отсюда не вытекаетъ, что его нѣтъ и въ такомъ случаѣ, если полисъ будетъ переданъ безъ полученія страховщикомъ преміи. Да и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ

препятствій для дѣйствительности страхованія отъ платежа премія не при самомъ заключеніи договора, а въ послѣдствіи. Въ составѣ страхованія существенно понятіе о преміи, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но лишь-бы при страхованіи установлено было обязательство страхователя заплатить премію, немедленнаго же взноса ея не требуется. Въ Одессѣ дѣйствительно по большой части премія не требуется отъ надежнаго страхователя при страхованіи, а онъ даетъ вмѣсто того письменное обязательство внести премію по истеченіи 3-хъ мѣсяцевъ. Письменный актъ называется *боною* — отъ итальянскаго слова buona — годный (по французски bon), что значитъ актъ, *годный* для доставленія владѣльцу извѣстной суммы денегъ. Боны имѣютъ тамъ курсъ на биржѣ и подлежатъ учету подобно векселямъ. Такимъ образомъ, если даже считать существенною принадлежностью страхованія, чтобы премія была заплачена при совершеніи договора и если вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть въ виду указанное свойство Одесскихъ бонъ, придающее имъ денежный характеръ, окажется, что дача боны удовлетворяетъ самому взыскательному понятію о страхованіи. Этимъ можетъ быть и объясняется, почему въ Одесскихъ полисахъ, въ которыхъ печатнымъ пунктомъ требуется платежъ преміи при выдачѣ полиса, не дѣлаютъ никакой письменной оговорки объ отмѣнѣ того пункта, когда на премію дается бона. Случается впрочемъ, что страховщикъ, принявъ бону, въ послѣдствіи по возникшему у него съ страхователемъ спору, отзывается, что страховка за неплатежемъ преміи, должна быть признана недѣйствительною. Одесскій купецъ вступилъ въ переговоры съ страховою компаніею о застраховании четырехъ грузовъ. Не рѣшивъ окончательно на счетъ количества преміи, управляющій дѣлами компаніи послалъ къ купцу полисъ и бону, съ означеніемъ въ обоихъ актахъ премія, на которую не совсѣмъ согласенъ былъ страхователь. Онъ однакожъ удержалъ полисъ, подписалъ бону съ оговоркою, что въ случаѣ благополучнаго прибытія грузовъ $\frac{1}{20}$ должно быть вычтено изъ суммы преміи и затѣмъ препроводилъ бону въ контору компаніи. Управляющій дѣлами увѣдомилъ купца, что съ такимъ условіемъ страховка не можетъ состояться, а купецъ отвѣчалъ, что иначе онъ не можетъ на нее согласиться. Полисъ остался у купца, компанія же удержала бону. Вскорѣ послѣ того одинъ изъ грузовъ погибъ близъ Антверпена и тогда купецъ сталъ требовать вознагражденія за убытокъ, но компанія отозвалась, что не обязана платить, такъ-какъ страхованіе вовсе не состоялось. Она ссылалась на бывшее между ею и купцомъ разногласіе на счетъ величины преміи, несовмѣстное съ совершеніемъ договора и на отсутствіе платежа преміи, тогда-какъ условія полиса и законы относятъ сей

платежъ сполна или съ разсрочкою какой-либо части къ моменту совершенія договора. Но тѣмъ не менѣе компанія принуждена была заплатить купцу страховую сумму за погибшій грузъ: страхованіе не признано несостоявшимся потому только, что не была заплачена премія и что страхователь оговоркою на бонѣ протестовалъ противъ назначенной въ полисѣ преміи, компанія же отказала въ сбавкѣ, которую купецъ въ послѣдствіи объявилъ условіемъ страхованія. Дѣйствительно воспослѣдовавшимъ со стороны купца принятіемъ полиса совершилось страхованіе на условіяхъ полиса; принятіе же въ настоящемъ случаѣ заключалось въ удержаніи полиса по разсмотрѣніи его содержанія. Но будучи совершенъ, договоръ уже не могъ разрушиться отъ односторонняго отреченія купца: только по взаимному соглашенію контрагентовъ договоръ могъ бы прекратиться, а соглашенія не было. Если же страхованіе должно считаться состоявшимся, то дѣйствительно и основанное на взаимномъ согласіи контрагентовъ условіе объ отсрочкѣ платежа преміи: оно было въ началѣ словесное, а потомъ выразилось въ произведенномъ страховщикомъ изготовленіи боны, подписанной купцомъ. Приписка на бонѣ о пониженіи преміи не имѣетъ никакого значенія въ настоящемъ дѣлѣ: не бона опредѣляетъ величину преміи, а полисъ. Бона ничто иное, какъ обязательство заплатить извѣстную сумму денегъ. Вслѣдствіе приписки бона купца становится обязательствомъ не на всю страховую премію, а на сумму полупроцентомъ меньшую, но само собою разумѣется, что обязательство уплатить и этотъ полупроцентъ существуетъ для страхователя, точно также какъ существовало бы обязательство внести страховую премію сполна, хотябы и вовсе не было боны, если только существуетъ договоръ о страхованіи. Такимъ образомъ страховая компанія имѣетъ право на всю премію, значащуюся въ полисѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ обязана удовлетворить купца за понесенный имъ ущербъ.

Трудно опредѣлить законъ, которому слѣдуетъ величина преміи. Премія есть цѣна риска, но рискъ не поддается подъ сколько нибудь точную оцѣнку: можно только сказать, что онъ менѣе цѣненъ, чѣмъ подлежащая ему вещь, но этимъ не опредѣляется величина преміи. Въ Одессѣ установилось страхованіе въ то время, когда оно во многихъ другихъ мѣстахъ уже было учрежденіемъ вѣковымъ и страховщики уже назначали премій не ощупью, а руководствуясь обычаемъ, основаннымъ на указаніяхъ опыта: въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій выяснились же экономическія условія страхованія по крайней мѣрѣ на столько, что для занимавшихся имъ людей содѣлалось возможнымъ назначать выгодныя преміи; а соперничество страховщиковъ должно было противодѣйствовать чрезмѣр-

ности выгодъ отъ величины премій. Такимъ образомъ ко времени открытія страхованій въ Одессѣ образовалась уже, такъ сказать, различная цѣна имъ, которую только нужно было перенести туда и согласить съ нѣкоторыми мѣстными условіями.

Величина преміи мѣняется въ Одессѣ по соображенію мѣста, въ которое назначается страхуемый въ Одессѣ предметъ и изъ котораго онъ отправляется въ Одессу. Относительно меньшая премія взимается за плаваніе между Одессою и Константинополемъ, за тѣмъ слѣдуетъ путь между нею и Греціею да Іоническими островами, далѣе между Одессою и Мальтою, Неаполемъ, Сициліею; нѣсколько болѣе премія между Одесскимъ портомъ и другими мѣстами Средиземнаго Моря (за исключеніемъ Алжиріи) или мѣстами Адріатическаго Моря, ее же превышаетъ премія между Одессою и Великобританіею, а еще болѣе премія между Одессою и Алжиріею; самая большая премія изъ Одессы въ Азовское Море, къ Дунайскимъ Гирламъ и обратно.

Величина преміи мѣняется по времени года и самыя значительныя преміи приходятся на зимнее время, на Ноябрь и Декабрь мѣсяцы одного года и Январь мѣсяцъ слѣдующаго года, но увеличеніе идетъ постепенно полумѣсячными сроками, начиная со второй половины Августа. Равнымъ образомъ понижаются преміи постепенно до Іюля.

Приблизительное означеніе премій составляется обыкновенно въ Одесскихъ страховыхъ конторахъ два раза въ годъ, въ Январѣ и Августѣ. Въ бывшемъ у меня подъ рукою росписаніи показано отъ 6 до 4½ % преміи изъ Одессы въ Азовское Море, съ Ноября по Февраль, отъ 2% до 1% за путь въ Константинополь, съ 16 по 31 Августа. Въ Англію наибольшая зимняя премія составляетъ отъ 5½ до 4%. Замѣчательно, что сообразно съ этимъ страховка изъ Одессы въ Лодонъ обходится дешевле, чѣмъ въ Бердянскъ.

Кромѣ означенныхъ перемѣнъ происходятъ еще измѣненія въ преміи по соображенію прочности судна и національности шкипера. Такъ за судно съ Австрійскимъ шкиперомъ платится менѣе преміи, нежели за то же судно съ русскимъ либо французскимъ шкиперомъ.

По общему закону споры, возникающіе между контрагентами страхованія, разбираются третейскимъ судомъ. Разумѣется, что такъ бываетъ и въ Одессѣ. Третейскій судъ тамъ устраивается при посредствѣ Коммерческаго Суда, въ который первоначально поступаетъ страховой искъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ должно замѣтить, что ужъ если между страхователемъ и страховщикомъ доходитъ до судебнаго разбирательства, то дѣло рѣдко кончается третейскимъ судомъ, а поступаетъ на рѣшеніе высшихъ судебныхъ мѣстъ, если не путемъ

аппелляціи, то посредствомъ жалобъ. Бываетъ, что одна изъ спорящихъ сторонъ уклоняется отъ примирительнаго разбирательства и предпочитаетъ ему разсмотрѣніе дѣла въ Коммерческомъ Судѣ. Такъ былъ случай, что компанія страхованія отказывала въ удовлетвореніи судохозяину на томъ основаніи, что страхованіе признавала несостоявшимся. Она протестовала противъ учрежденія третейскаго суда, утверждая, что онъ узаконенъ для споровъ по страхованію, по такимъ слѣдовательно спорамъ, которыми не отрицается самое существованіе договора, тогда-какъ въ настоящемъ дѣлѣ вся сила спора именно заключается въ вопросѣ о существованіи страхованія. Тѣмъ не менѣе однакожь дѣло было подвергнуто третейскому суду, который призналъ договоръ состоявшимся и страховщика принудилъ произвести удовлетвореніе. Но впрочемъ обязательность третейскаго суда не выходитъ изъ области столкновеній, возникающихъ между страхователемъ и страховщикомъ. Другія же претензіи, порождаемыя страхованіемъ, не подлежатъ узаконенному третейскому суду. Такъ произошелъ слѣдующій споръ. Страховщикъ опорочивалъ разсчетъ общей аваріи, по которому ему приходилось вознаградить страхователя, и потому отказывалъ въ полномъ удовлетвореніи. третейскій судъ обвинилъ страховщика, но предоставилъ ему вѣдаться надлежащимъ судомъ съ диспашеромъ, составлявшимъ означенный разсчетъ. Страховщикъ дѣйствительно объявилъ претензію на диспашера и она была разсмотрѣна уже не третейскимъ судомъ.

III. Перехожу къ произведеннымъ мною въ Одессѣ розысканіямъ о движеніи переводныхъ векселей. Не могу похвалиться обильною жатвою. Я успѣлъ разсмотрѣть только нѣкоторые изъ юридическихъ моментовъ, которые представляютъ переводные векселя. Прежде всего замѣчу, что они употребительны въ Одессѣ почти исключительно во внѣшней торговлѣ, во внутренней же въ ходу простые векселя, какъ вездѣ въ нашемъ отечествѣ. Причина, полагаю, та, что главнѣйшія статьи отпуска получаются въ Одессѣ отъ производителей, не принадлежащихъ къ торговому сословію, привозимые же изъ-за границы товары, не потребляемые на мѣстѣ, доставляются въ нѣкоторые южные города, въ Кіевъ, Харьковъ, Полтаву, Николаевъ, Екатеринославъ и въ др., города же эти отправляютъ самую малость товаровъ въ Одессу, гдѣ поэтому торговцы городовъ тѣхъ имѣютъ много кредиторовъ, не имѣя тамъ должниковъ. Употребленіе же переводныхъ векселей предполагаетъ нѣкоторое равновѣсіе между долгами и полученіями двухъ торговыхъ мѣстъ, въ особенности если оба или одно изъ нихъ не находится въ значительныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ другими торговыми пунктами. Въ Одессѣ было бы конечно очень трудно пустить

въ ходъ тратту на Кіевъ или Черниговъ, а должнику Кіевскому или Черниговскому не приходится трассировать на Одессу въ пользу тамошняго кредитора, ибо для этого бы требовалось, чтобы трассантъ распоряжалъ фондами въ Одессѣ, чего нельзя предположить при незначительности или даже ничтожности отпуска товаровъ изъ Кіева, Чернигова въ Одессу. Равнымъ образомъ не представляется должнику возможность пріобрѣсть римессу для кредитора своего, ибо въ мѣстѣ его жительства нѣтъ надлежащихъ банкирскихъ оборотовъ, нѣтъ торговли векселями. Но само собою разумѣется, что удобомыслимы отдѣльные случаи, въ которыхъ возможно употребить переводный вексель, хотя обыкновенно представляются препятствія его движенію. Такъ напр. бываетъ, что Одесскіе купцы состоятъ должными Харьковскимъ за шерсть, а Харьковскіе Одесскимъ за мануфактурныя издѣлья: тутъ Харьковскій должникъ безъ сомнѣнія можетъ трассировать на своего Одесскаго должника и ремиттентомъ назначить своего Одесскаго заимодавца. Но ужъ если въ торговыхъ сношеніяхъ не принято пользоваться переводными векселями, какъ орудіями кредита, то можно сказать на-вѣрное, что для отдѣльныхъ удобныхъ случаевъ не будетъ сдѣлано исключеніе тѣмъ болѣе, что въ извѣстной мѣрѣ простые векселя могутъ служить замѣною переводнымъ. Если Одесскій должникъ далъ простой вексель Харьковскому кредитору, онъ можетъ передать его своему Одесскому кредитору, который и предъявитъ его къ платежу. Въ самой Одессѣ простые векселя обращаются съ большою легкостью и тамъ въ ходу нѣкоторые пріемы, переносящіе на простые векселя усвоенный въ торговомъ мірѣ переводными векселями денежный характеръ. Такъ пишется простой вексель и векселеприниматель дѣлаетъ безоборотную надпись: въ такомъ видѣ вексель оказывается въ рукахъ векселедателя и отъ него уже переходитъ къ другому лицу, или вексель пишется отъ имени близкаго векселепринимателю лица, которое по неполученію вовсе валюты, ограждается отъ отвѣтственности по векселю особою платежною роспискою векселепринимателя, вексель же пускается имъ въ оборотъ съ бланковою надписью; или наконецъ вексель пишется отъ имени какого-либо лица на чье-нибудь имя, векселеприниматель даетъ векселедателю платежную росписку и самъ передаетъ вексель съ безоборотною надписью и затѣмъ уже вексель поступаетъ въ оборотъ [1]). Слышалъ я также, что пишутся векселя,

[1]) Впрочемъ по закону платежная росписка оправдываетъ векселедателя только предъ судомъ (срав. ст. 1847. св. уст. и учр. торг.), а не предъ мѣстомъ, производящимъ по векселю взысканіе; ст. 546 того же свода.

въ которыхъ одно и тоже лицо является векселедателемъ и векселедержателемъ и при посредствѣ надписи передаточной пускаются въ обращеніе; но находятъ, что въ такомъ случаѣ надпись не должна быть бланковая, основываясь на томъ, что всякое обязательство необходимо предполагаетъ участіе двухъ лицъ: обязывающаго и обязаннаго, что вексель, будучи письменнымъ актомъ обязательства, долженъ содержать указаніе участниковъ обязательства, что въ обыкновенныхъ случаяхъ ими бываютъ векселедатель и векселеприниматель какъ разныя лица, что при тождествѣ же сихъ двухъ лицъ необходимо еще участіе лица, которому передается вексель, какъ второго дѣйствующаго въ обязательствѣ лица, и что потому существенно его обозначеніе въ векселѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что существо обязательства, требующее безъ всякаго сомнѣнія, чтобъ было болѣе одного участника, не требуетъ непремѣнно обозначенія въ письменномъ актѣ другого участника, а только указанія на его существованіе, бланковая же надпись на векселѣ есть такое указаніе, какъ-скоро онъ вышелъ изъ рукъ векселедателя. Особое ея дѣйствіе будетъ состоять только въ томъ, что всякій законный держатель векселя можетъ быть признанъ за участника обязательства, ибо пробѣлъ бланковой надписи можетъ считаться выполненнымъ формулою о передачѣ именно сему держателю, тогда-какъ вексель съ полною передаточною надписью составлялъ бы обязательство между векселедателемъ (и векселедержателемъ) и предъявителемъ векселя только въ такомъ случаѣ, если передача векселя значится въ надписи произведенною именно предъявителю; одна надпись безъ дѣйствительнаго бытія векселя изъ рукъ векселедателя также не составляетъ обязательства. Настоящее практическое значеніе свое проявляетъ бланковая надпись совершенно въ другомъ отношеніи и, по моему мнѣнію, оно нисколько не обусловливается различіемъ между векселями, въ которыхъ датель и приниматель одно лицо и тѣми, въ которыхъ они разныя лица. Значеніе бланковой надписи относится къ риску надписателя и лица, принявшаго вексель по такой надписи: надписателя — въ томъ смыслѣ, что она не ограждаетъ отъ обращенія на него векселя, хотя-бы онъ и былъ переданъ собственно безоборотно; къ риску лица, принявшаго вексель, такъ-какъ можетъ случиться, что оно присуждено будетъ доказать, что вексель переданъ именно ему, а не другому лицу, между-тѣмъ какъ полная надпись совершенно устраняетъ необходимость такого доказательства. Но очевидно, что сопряженные съ бланковою надписью риски представляются одинаковыми при всевозможныхъ векселяхъ съ тождественными и нетождественными дателемъ и пріобрѣтателемъ, а потому нѣтъ и надобности никакой требовать для движенія послѣдняго рода

векселей полныхъ надписей, тѣмъ болѣе что и законъ (ст. 456 св. уст. и учр. торг.) не указываетъ никакихъ ограниченій для бланковъ.

Отсюда видно, что возможность передачи векселя составляетъ существенное условіе его движенія и обращенія, придающаго векселю значеніе денегъ. Но конечно одна возможность передачи не въ состояніи сдѣлать вексель эквивалентомъ цѣнностей въ торговомъ мірѣ: требуется еще готовность воспользоваться этой возможностью, вызываемая лишь вѣрою въ состоятельность лицъ, обязанныхъ по передаваемому векселю, и поощряемая строгостью ихъ отвѣтственности. Кто принимаетъ вексель, тотъ разсчитываетъ на платежъ со стороны надписателя или векселедателя, которыхъ онъ считаетъ въ силахъ заплатить; онъ руководствуется слѣдовательно соображеніемъ, относящимся именно къ личности вексельныхъ отвѣтчиковъ, и поэтому замѣна одного изъ нихъ другимъ стороннимъ лицомъ, произведенная по-мимо тѣхъ лицъ, которымъ можетъ принадлежать право на удовлетвореніе по векселю, была бы противна существу передачи и вмѣстѣ съ тѣмъ движенія векселя. Правда могло бы казаться, что легкость его обращенія и пригодность служить орудіемъ для торговыхъ оборотовъ должны бы были еще усилиться, если-бы онъ не только могъ быть употребляемъ хозяиномъ на пріобрѣтеніе товара либо денегъ, на платежъ долга, но и стороннее лицо могло бы пріобрѣсти цѣнность или уплатить долгъ, заступая мѣсто лица, обязаннаго по векселю, въ особенности векселедателя, такъ-какъ ему непремѣнно рано или поздно пришлось бы произвести удовлетвореніе по векселю. Но усиленіе оборотовъ было бы только кажущимся, а въ сущности былъ бы несомнѣнный подрывъ того обращенія векселя, которое основано на передачѣ. Въ Одессѣ я впрочемъ встрѣтился съ воззрѣніемъ, допускающимъ подставку векселедателей, и потому я касаюсь его. Вексель былъ представленъ ко взысканію съ векселедателя, который отозвался, что не считаетъ себя обязаннымъ платить, такъ-какъ зять его, принимая жены своей приданое, обязался заплатить по векселю сумму, равную взыскиваемому долгу. Взысканіе обратилось на зятя, и какъ денегъ у него не оказалось, то было отобрано движимое его имущество и назначено къ публичной продажѣ: онъ обратился къ защитѣ суда и добился пріостановленія продажи, для которой уже были сдѣланы всѣ приготовленія, и судъ въ послѣдствіи освободилъ зятя отъ всякой отвѣтственности по векселю, принимая конечно въ соображеніе: 1) что векселедатель не доказалъ заявленія, будто вексель, по которому зять обязался быть плательщикомъ, есть именно представленный ко взысканію, тогда-какъ слѣдовало это доказать и слѣдовало именно

векселедателю, какъ уклонявшемуся этимъ заявленіемъ отъ платежа; 2) что одно равенство суммъ по обязательству зятя и по векселю тестя не составляетъ доказательства; 3) что обязательство заступить мѣсто лица, обязаннаго по векселю, не имѣетъ никакого дѣйствія въ отношеніи къ лицу, которое въ правѣ требовать платежа, если оно не изъявило согласія на заступленіе; 4) что взысканіе не могло быть обращено на зятя, если самъ заимодавецъ не просилъ о взысканіи съ него, а просилъ именно о взысканіи съ тестя.

Если впрочемъ движеніе векселя допускаетъ только сдѣлки со стороны векселепріобрѣтателя, то самыя сдѣлки могутъ заключаться не въ одномъ отчужденіи векселя посредствомъ передачи. Такъ въ Одессѣ случается залогъ векселей. Подобно залогу другихъ обязательствъ, напр. обязательствъ по принятымъ кредитными установленіями вкладамъ, онъ составляетъ иногда условную передачу, на случай просрочки въ удовлетвореніи по обезпеченному обязательству. Но въ такомъ случаѣ требуется, чтобы вексель былъ переданъ при самомъ установленіи залога, иначе право на платежъ по заложенному векселю не будетъ прямымъ послѣдствіемъ неисправности залогодателя, ибо съ своей стороны лицо, обязанное по векселю, въ правѣ будетъ отказать въ платежѣ залогопринимателю, котораго право на удовлетвореніе не явствуетъ изъ надлежащей передаточной надписи. Нельзя сказать, что при залогѣ векселей безъ надписи, залогопринимателю принадлежитъ безусловное право ея требовать, ибо существо залога векселя не состоитъ непремѣнно въ предоставленіи залогопринимателю удовлетворенія по обезпечивающему векселю, а можетъ заключаться также въ одномъ правѣ удержанія его, пока не будетъ произведено удовлетвореніе по обезпеченному обязательству. Врученіе же векселя залогопринимателю безъ передаточной надписи именно заставляетъ допустить, что залогъ въ данномъ случаѣ не долженъ быть передачею векселя и потому не долженъ порождать право на надпись. Залогъ векселя тутъ имѣетъ слѣдовательно такое же значеніе какъ напр. встрѣчающееся въ юридическомъ быту обезпеченіе долга на недвижимое имущество должника купчею крѣпостью либо другимъ актомъ. Залогопринимателю не предоставляется право извлечь изъ акта всѣ тѣ же выгоды, которыя онъ можетъ доставить хозяину, и нѣтъ на то даже возможности; самъ по себѣ актъ совершенно безполезенъ залогопринимателю, но въ томъ актѣ нуждается залогодатель, онъ его непремѣнно выкупитъ и въ этомъ-то обстоятельствѣ содержится обезпечительная сила залога; вмѣстѣ съ тѣмъ однакожь онъ допускаетъ взысканіе по обезпеченному имъ обязательству на основаніи

правилъ, установленныхъ для обязательствъ, которыя не обезпечены залогомъ, т. е. предметомъ, подлежащимъ публичной продажѣ для удовлетворенія залогопринимателя при неисправности залогодателя. Безъ особеннаго условія контрагентовъ нѣтъ возможности допустить, что залогъ векселя составляетъ аналогію залога движимаго имущества, что въ случаѣ неисправности залогодателя должно произвести при посредствѣ надлежащаго присутственнаго мѣста публичное отчужденіе векселя, которое, не будучи продажею, несовмѣстною съ существомъ его, заключалось бы прежде всего въ передачѣ векселя по надписи тому, кто наибольшую внесъ бы за него сумму, и что изъ суммы этой должно быть сдѣлано удовлетвореніе залогопринимателю. Ближайшая аналогія для залога векселей — это такъ называемыя ссуды подъ учетъ векселей, производимыя Коммерческимъ Банкомъ и его конторами, ибо тутъ представляются всѣ тѣ же юридическія отношенія, которыя встрѣчаемъ при частномъ залогѣ векселя: хозяинъ его вступаетъ въ обязательство, которое обезпечиваетъ правомъ своимъ на удовлетвореніе по векселю, съ тою только разницею, что залогоприниматель не частное лицо, а Государство, но разность въ лицахъ не затрогиваетъ учрежденій Гражданскаго Права. Но эти ссуды подъ учетъ векселей требуютъ, чтобъ закладчикъ передалъ вексель по надписи залогопринимателю—Банку, который, если не воспослѣдуетъ выкупъ векселя, производитъ по немъ взысканіе. Законодательство не препятствуетъ распространить и на частные векселя его взглядъ на залогъ векселей Коммерческому Банку во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ прямая воля контрагентовъ не устраняетъ примѣненія сего взгляда, и потому нѣтъ мѣста дальнѣйшей аналогіи заклада движимостей, въ силу которой существо векселя должно быть представляемо не въ правѣ на полученіе извѣстной суммы, а въ правѣ собственности на вексельный листокъ и должна быть допущена публичная передача векселя, не удобомыслимая иначе, какъ въ связи со множествомъ затрудненій и даже несообразностей, кажущаяся дикою понятіямъ людей причастныхъ къ вексельнымъ оборотамъ и въ дѣйствительности нигдѣ не встрѣчающаяся.

При ссудахъ подъ учетъ векселей передаточная надпись производится безусловно, а закладчикъ выкупаетъ вексель непосредственно на основаніи закона (статьи 721. 722. 889. учр. уст. Госуд. Кред. Устан.), безъ всякой ссылки на отношенія, порожденныя ссудою. Но когда вексель переданъ по надписи частному лицу, основаніе для выкупа заключается прежде всего въ условіи этой передачи, въ назначеніи векселя служить сперва только обезпеченіемъ для залогопринимателя, и потому необходимо какое-либо указаніе на принадлежащее закладчику выкупа, тѣмъ болѣе

что надпись для передачи безусловной и условной одинаковая и слѣдовательно отчужденіе векселя можетъ быть смѣшано съ залогомъ. Въ особенности же важно это указаніе на ограниченное значеніе передачи, когда обезпечиваемое обязательство также вексельное: иначе залогоприниматель поставляется въ возможность совмѣстно требовать платежа и по обезпечивающему векселю и по обезпечиваемому. Въ Одессѣ представился мнѣ относящійся сюда слѣдующій случай. По векселю были взяты деньги подъ залогъ векселей же, снабженныхъ надписью, и, по наступленіи имъ срока, залогопринимателю произведенъ платежъ. Закладчикъ узнавъ о томъ, не считалъ уже нужнымъ заплатить по данному имъ самимъ векселю и вскорѣ послѣ того умеръ. Дѣла его оказались разстроенными и учрежденъ былъ по нимъ конкурсъ. У залогопринимателя кромѣ вексельной претензіи была на закладчикѣ еще другая не малозначительная: опасаясь, что Конкурсное Управленіе не признаетъ ея подлежащею удовлетворенію на-равнѣ съ векселями, онъ умолчалъ о ней, къ удовлетворенію же представилъ вексель, по которому залогъ доставилъ платежъ. При отсутствіи доказательствъ, тѣсная связь между этимъ документомъ и векселями, переведенными на векселедержателя въ обезпеченіе, осталась нераскрытою, и онъ успѣлъ попасть въ число вексельныхъ кредиторовъ.—Выкупы по ссудамъ, производимымъ Конторою Коммерческаго Банка подъ учетъ векселей, встрѣчаются въ Одессѣ весьма рѣдко: количество ссуды въ такой степени соразмѣрно цѣнности закладываемаго векселя, что нѣтъ для залогодателя интереса хлопотать о выкупѣ, а конторѣ все равно, отъ кого ни получить удовлетвореніе, такъ-что ей нѣтъ интереса употреблять мѣры, могущія побудить къ выкупу. Если принять еще въ соображеніе, что самая ссуда производится безъ всякаго акта, то окажется весьма понятнымъ, почему въ операціи конторы совершенно теряется характеръ займа, обезпечиваемаго залогомъ, а выступаетъ вексельный учетъ, т. е. досрочное удовлетвореніе векселепріобрѣтателя, соединенное съ передачею векселя, и принимается въ разсчетъ отвѣтственность сего лица не въ качествѣ должника по займу, а надписателя по векселю. Прибѣгающіе къ учету конторы по большой части вовсе не знаютъ, что вступаютъ въ договоръ займа, который обезпечиваютъ учитываемымъ векселемъ, какъ залогомъ. Дѣйствуя съ надлежащею осторожностью и распоряжая сильною властью на случай неисправности лица, обязаннаго произвести платежъ по учитанному векселю, Контора производитъ ссуды весьма успѣшно и рѣдко страдаетъ отъ неисправности плательщика. Всѣ дошедшіе въ Одессѣ до моего свѣдѣнія случаи платежа за честь относились именно къ векселямъ, пріобрѣтеннымъ тамошнею Кон-

торою Коммерческаго Банка. Потери, можно сказать, угрожають ей только въ такомъ случаѣ, если *всѣ* лица, могущія подлежать какимъ-бы то ни было образомъ отвѣтственности по векселю, окажутся несостоятельными. Одесскій купецъ, временно управляя дѣлами другого, бывшаго въ отлучкѣ, принялъ до срока платежъ по векселю, но самаго векселя не возвратилъ векселедателю, а объявилъ, что вексель у довѣрителя, далъ впрочемъ платежную росписку и обязался доставить самый вексель. Между-тѣмъ векселедержатель представилъ вексель для учета въ Контору Коммерческаго Банка. При наступленіи срока она обратилась за удовлетвореніемъ къ векселедателю, который предъявилъ квитанцію въ платежѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ себя несостоятельнымъ, подобно векселедержателю. Контора распространила отвѣтственность и на купца, принявшаго платежъ, находя, что учетъ не случился бы, если-бы вексель не былъ оставленъ въ рукахъ векселедержателя. Но будь на мѣстѣ конторы частное лицо, оно не могло бы изъявить претензію противъ купца: онъ бы подлежалъ отвѣтственности предъ однимъ векселедателемъ за всѣ убытки, отъ вины въ удержаніи векселя происшедшіе.

Будучи мѣстомъ обращенія переводныхъ векселей, Одесса представляетъ и всѣ тѣ учрежденія, которыми законодательство имѣло въ виду содѣйствовать ихъ движенію. Такъ напр. составленіе переводныхъ векселей въ двухъ и болѣе образцахъ употребительно въ Одессѣ, равнымъ образомъ изготовленіе копіи сверхъ подлинника. Можно сказать, что въ Одессѣ, имѣющей сношенія по переводнымъ векселямъ преимущественно съ отдаленными заграничными мѣстами, подлежащими другимъ почтовымъ управленіямъ, другимъ судебнымъ вѣдомствамъ, въ особенности ощутительны тѣ потребности, которымъ удовлетворяетъ составленіе переводнаго векселя въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Въ самомъ дѣлѣ при пересылкѣ тратты въ иностранное государство и при переходѣ ея изъ рукъ въ руки, тамъ легко можетъ возникнуть опасеніе, что она затерястся или что замедлится доставленіе по адресу. Между тѣмъ важно для векселедателя и векселепріобрѣтателя увѣриться по возможности скоро въ акцептѣ тратты. Отправленіе особеннаго экземпляра векселя на мѣсто жительства акцептанта въ этомъ случаѣ мѣра весьма полезная. Въ самой Одессѣ, сколько я могъ замѣтить, не даютъ значенія различію между образцами одного и того же векселя и копіями съ подлиннаго векселя: какъ дупликатъ (второй образецъ) или трипликатъ (третій), такъ и первая и вторая копія съ векселя служатъ совершенно одинаково вексельнымъ оборотамъ. Отсюда проистекаетъ возможность прилагать названіе копіи безразлично ко всякому воспроизведенію векселя, какъ дѣйствительно тамъ и дѣ-

лается. Замѣчательно встрѣчающееся въ Одессѣ употребленіе копій безъ подлиннаго векселя. Какъ уже сказано, Одесскія тратты по большой части подлежатъ платежу за границею. Но тамъ не существуетъ условія, чтобъ вексель былъ писанъ на гербовой бумагѣ, и онъ не признается недѣйствительнымъ какъ по нашимъ законамъ, требующимъ, чтобъ векселя писались на гербовой бумагѣ соразмѣрнаго вексельной суммѣ достоинства. Имѣя въ виду, что меньшая часть векселей, трассируемыхъ въ Одессѣ, возвращается туда по отказу въ принятіи либо въ платежѣ, и что въ случаѣ возврата векселедатель не уклоняется отъ платежа, негоціанты принимаютъ векселя, писанные на бумагѣ 15 копѣечнаго достоинства, назначенной для копій съ векселей, тратты слывутъ за копіи и въ видѣ таковыхъ представляются даже иногда къ протесту и взысканію, подъ предлогомъ, что небывалые подлинники затеряны или не возвращены въ Одессу. Такимъ образомъ сберегается расходъ на вексельную бумагу, нерѣдко весьма значительный. Но въ отдѣльныхъ случаяхъ экономія эта бываетъ разорительна. Нотаріусъ въ-правѣ отказать въ протестѣ, трассантъ въ-правѣ требовать предъявленія подлиннаго векселя, безъ протеста же гибнетъ вексельное право векселедержателя, а если ему невозможно исполнить требованіе векселедателя, то приходится искать на немъ удовлетворенія судебнымъ порядкомъ. Одесскій купецъ трассировалъ вексель въ копіи на Лондонъ: акцептъ воспослѣдовалъ, но къ наступленію срока платежа трассатъ, которому должно было платить въ счетъ векселедателя, усомнился въ его состоятельности и отказалъ въ удовлетвореніи: вексель пошелъ обратно въ Одессу, но тамъ векселедатель уклонился отъ платежа, ссылаясь на недостаточность предъявленія копіи. Ходъ взысканія дѣйствительно пріостановился, не смотря на значившійся на копіи акцептъ и не смотря на протестъ въ неплатежѣ, произведенный надлежащимъ образомъ въ Лондонѣ. Векселедатель обратился къ судебному разбирательству, но я не думаю, что судебное мѣсто признаетъ дѣйствительность вексельной претензіи. Руководствуясь уставомъ о векселяхъ, оно не придастъ значенія векселя акту, корый самъ себя выдаетъ за копію съ векселя, заявленіе же истца о потерѣ подлинника оно уважитъ лишь при представленіи доказательствъ, въ настоящемъ случаѣ невозможныхъ; но если раскроется существованіе долгового обязательства со стороны отвѣтчика въ отношеніи къ истцу, то судъ можетъ признать обязательство подлежащимъ удовлетворенію независимо отъ вексельнаго права.

Уставъ о векселяхъ содержитъ узаконенія какъ о векселяхъ простыхъ, такъ и о переводныхъ и есть много статей, которыя не упоминаютъ, къ какимъ именно векселямъ онѣ примѣняются, между-

тѣмъ какъ изъ содержанія ихъ явствуетъ пространство дѣйствія, именно относятся-ли заключающіяся въ нихъ опредѣленія ко всѣмъ векселямъ безъ различія, или къ одному только роду. Если имѣется въ виду, что векселедатель не есть ближайшій плательщикъ векселедержателя, то, значитъ, идетъ рѣчь о векселѣ переводномъ: это несомнѣнно. Я замѣтилъ однакожъ въ Одессѣ готовность примѣнять всѣ статьи Устава безразлично ко всякому векселю безъ соображенія его содержанія и допускать только упомянутыя самимъ закономъ ограниченія. Въ этомъ отношеніи рѣзкимъ примѣромъ представлялось мнѣ приложеніе ст. 512. Уст., по которой векселедержатель упущеніемъ протеста теряетъ право иска на томъ, отъ кого вексель къ векселедержателю дошелъ и на предшествовавшихъ надписателяхъ и самомъ векселедателѣ, когда плательщикъ придетъ въ несостоятельность и когда векселедатель докажетъ, что плательщикъ на срокъ векселя имѣлъ въ распоряженіи капиталы или товары векселедателя или былъ ему долженъ не менѣе той суммы, на которую данъ вексель. Очевидно, что въ этой статьѣ и векселедатель и плательщикъ принимаются за разныя лица и векселедатель не ближайшее лицо, отвѣтственное платежемъ предъ векселедателемъ. Значитъ, здѣсь опредѣляются отношенія по переводному векселю, хотя по отсутствію надобности и не упоминается о немъ. Тѣмъ не менѣе допускаютъ нерѣдко въ Одессѣ, что лицо, давшее простой вексель, свободно отъ отвѣтственности, когда упущенъ протестъ въ платежѣ, и ссылаются при семъ на ст. 512 Устава о векселяхъ.

Д. Мейеръ.

ИСТОРІЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

О ТАБАЧНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

ВЪ РОССІИ

ДО ЕКАТЕРИНЫ II.

Исторію законодательства о табачной промышленности въ Россіи отъ начала ея до Екатерины II можно раздѣлить на два періода и границею ихъ выбрать 1697 годъ. Въ самомъ дѣлѣ до этого времени наше правительство запрещало употребленіе, разведеніе и торговлю табака; съ 1-го же Февраля 1697 года оно позволяетъ все это и поощряетъ развитіе табачной промышленности. Конечно и до 1697 года иногда позволялось продавать табакъ, а съ этого времени иногда запрещалось разводить его; но общій характеръ нашего законодательства о табачной промышленности въ оба періода былъ таковъ, какъ мы сказали.

Согласно съ дѣленіемъ Исторіи табачной промышленности въ Россіи на два періода мы раздѣлили свое разсужденіе на двѣ главы. Въ первой главѣ мы будемъ говорить о запрещеніяхъ нашего духовенства и правительства относительно табака, о наказаніяхъ за нарушеніе ихъ, о причинахъ и слѣдствіяхъ запрещеній употребленія табака; о томъ, кѣмъ и гдѣ преимущественно употреблялся и продавался табакъ, и наконецъ о разведеніи его въ первомъ періодѣ. Во второй главѣ мы будемъ говорить объ уничтоженіи запрещеній на

табакъ и о послѣдствіяхъ этого, о продажѣ, о разведеніи и фабрикаціи его во второмъ періодѣ.

Источниками нашего разсужденія были: Акты, собранные Археографическою Экспедиціею; Юридическіе и Историческіе Акты; Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ; Дѣянія Петра Великаго, соч. Голикова (изд. 8); Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи; Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ, соч. Успенскаго; Примѣчанія на Исторію Россіи Леклерка, соч. Болтина; Россія въ царствованіе Алексѣя Михайловича, соч. Котошихина; Сочиненіе И. Посошкова; Указатель Законовъ, соч. Максимовича; Записки Желябужскаго и разныя статьи, помѣщенныя въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ, напр.: Государственное Хозяйство при Петрѣ Великомъ, соч. Афанасьева (Совр. 1847 г. т. IV); Табачная Промышленность въ Россіи (Отеч. Зап. т. XXVIII); Табакъ и Табачная Промышленность въ Россіи (Библ. для Чт. т. XCIV) и проч.

ГЛАВА I.

Табакъ начали привозить въ Россію Англичане, но навѣрное нельзя сказать, съ котораго времени. Въ Европѣ онъ сталъ извѣстенъ въ половинѣ XVI столѣтія, слѣдовательно и у насъ тоже не раньше этого времени. Сперва Англичане привозили его къ намъ конечно для собственнаго своего употребленія, а потомъ, когда и русскіе познакомились съ этимъ *«зельемъ»*, для вымѣна его на русскіе товары. Табакъ, привозимый ими въ Россію, они покупали у Французовъ и онъ былъ самаго плохого качества, — такой, какого въ Англіи никто уже не покупалъ[1]).

Въ началѣ XVII столѣт. наши духовенство и правительство обратили свое вниманіе на табакъ и вотъ почему: въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича у насъ было распространено какое-то суевѣрное преданіе о табакѣ, да сверхъ того тогда же въ Россіи вышла книга, переведенная, какъ въ то время думали, съ греческаго языка и называвшаяся *«Миръ съ Богомъ»*, въ которой табакъ названъ проклятымъ и богомерзкимъ, а объ употребленіи его сказано, что оно составляетъ смертный грѣхъ и лишаетъ человѣка Божьяго

---

[1]) Полн. Собр. Зак. т. XVI № 11,777, проэктъ Теплова.

благословенія. На этомъ основаніи патріархъ запретилъ употреблять табакъ[1]) и съ этого времени до XVIII столѣтія наше духовенство постоянно противилось употребленію его въ Россіи и особенно смотрѣло за тѣмъ, чтобы крестьяне, ему, духовенству, принадлежавшіе, не употребляли табака, за что оно часто присуждало ихъ къ тѣлесному и денежному наказанію[2]).

Послѣ проклятія табака патріархомъ Михаилъ Θеодоровичъ въ 1634 г. слѣдующимъ указомъ запретилъ употребленіе его: «*Великій Государь указалъ: на Москвѣ и въ городѣхъ о табакѣ заказъ «учинить крѣпкой подъ смертною казнію, чтобъ нигдѣ Русскіе люди «и иноземцы всякіе табаку у себя не держали и не пили и табакомъ не торговали. А кто Русскіе люди и иноземцы табакъ учнутъ «держати, или табакомъ учнутъ торговати и тѣхъ людей продавцовъ «и купцовъ велѣно имати, и присылати въ Новую Четверть*[3]) *и за*

[1]) Иностранный писатель о Россіи Леклеркъ говоритъ, что табакъ былъ проклятъ патріархомъ, и потому еще, что его въ то время начали курить не только въ дворцѣ и въ домахъ вельможъ, но и въ церквахъ; однако Болтинъ оспариваетъ такое извѣстіе тѣмъ, что у насъ въ церквахъ всегда строго соблюдалось благочиніе, «*развѣ во время царствованія «ложнаго Димитрія, яко не радившаго о сохраненіи древнихъ «православныхъ обрядовъ, или паче въ продолженіе междоцар«ствія по Шуйскомъ таковыя безчинства дѣлать отъ Поля«ковъ попущено было: сему противорѣчить не буду*». (Опытъ повѣствованія о древностяхъ Русскихъ, Успенскаго. ч. I, стр. 85. Дѣянія Петра В. т. XV, стр. 33 и примѣчанія на Исторію Россіи Леклерка, соч. Болтина т. I, стр. 506).

[2]) Въ наказной памяти Тихвинскаго Монастыря 1653 г. положено съ десятника, который не донесетъ о тѣхъ изъ его десятка, у кого есть табакъ, взыскивать 10 рублей пени «*да сверхъ «того будетъ монастырское смиреніе безъ пощады*». (Юридич. Акты N° 349). Въ приговорѣ тихвинскаго монастырскаго собора въ Апрѣлѣ 1666 г. сказано, что если у кого изъ посадскихъ людей этого монастыря вынутъ табакъ, того «*смирять монастырскимъ смиреніемъ, бить плетьми нещадно, да «на нихъ же приговорили правити пени на человѣка по 2 рубля «по 4 алтына, по полторы деньги въ монастырскую казну безот«даточно*» (Юрид. Акт. N° 69. Также Акты Арх. Эксп. т. IV NN° 143, 164 и 232).

[3]) Этотъ Приказъ также завѣдывалъ дѣлами по винной регаліи (Россія въ царствованіе Алексѣя Михайловича, соч. Котошихина, стр. 86).

«то тѣмъ людямъ чинити наказанье большое безъ пощады, вѣдь смер-«тною казнью, а дворы ихъ и животы имая, продавати, и деньги «имати въ государеву казну[1]).

Смертная казнь за употребленіе, продажу и даже за держаніе въ домѣ табака вѣроятно въ послѣдствіи замѣнена была тѣлеснымъ наказаніемъ, потому-что въ наказѣ Якутскимъ воеводамъ 10 Февраля 1644 года говорится, чтобы людей, ѣдущихъ въ ясачныя волости и везущихъ съ собою табакъ, наказывать кнутомъ, запретить имъ дѣлать это впередъ и отбирать у нихъ табакъ[2]).

Предположенье, что въ это время въ Европейской Россіи смертная казнь за держаніе табака не была замѣнена тѣлеснымъ наказаніемъ, тогда-какъ въ Сибири оно назначалось за провозъ табака въ ясачныя волости — такое предположеніе едва-ли будетъ справедливо, потому что наше правительство особенно старалось, чтобы табака не возили къ ясачнымъ народамъ, находя это для себя невыгоднымъ, какъ увидимъ ниже, поэтому оно скорѣе уменьшило бы наказаніе табачниковъ въ Европейской Россіи, нежели въ Сибири. И такъ вѣроятнѣе предположить, что наказаніе для табачниковъ было смягчено для всей Россіи, а не для одной Сибири. Въ 1649 году Алексѣй Михайловичъ издалъ Уложеніе, въ которомъ выписанъ указъ 1634 г. о табакѣ, а потомъ прибавлено: *«а нынѣ тѣмъ людямъ, у кого табакъ «объявится, указъ чинити противъ того же, какъ о томъ указано «въ прошломъ во сто сорокъ второмъ (1634) году»*. Сверхъ того въ Уложеніи Алексѣя Михайловича о табакѣ постановлено слѣдующее. Если обвиняемые въ нарушеніи постановленій о табакѣ будутъ говорить, что они табакъ купили для продажи у Литовцевъ, то первыхъ подвергнуть пыткѣ для узнанія истины; если они и тогда будутъ говорить тоже самое и если табакъ у нихъ былъ найденъ въ большомъ количествѣ, то пытать ихъ въ другой разъ и тогда уже подвергать заслуженному наказанію. Если же приведенные съ табакомъ въ Новую Четверть будутъ говорить, что они табакъ купили у Русскихъ или у иностранцевъ, находящихся въ государственной службѣ, то тѣхъ, на кого они скажутъ, допрашивать, ставить на очную ставку съ донесшими на нихъ, пытать и въ случаѣ справедливости извѣта табачниковъ подвергать положенному наказанію. Если приведенные въ Приказъ Новой Четверти скажутъ, что они табакъ нашли, или если тотъ, у кого *«вымутъ»* табакъ,

---

[1]) Указатель Россійскихъ Законовъ Максимовича I, стр. 144 и 145 и Полн. Собр. Зак. т. I. Уложеніе Алексѣя Михайловича гл. XXV, ст. 11 стр. 159.

[2]) Дополн. къ Ак. Ист. т. II. № 100, стр. 274.

станетъ говорить, что это не его и не знаетъ чей, или если на кого донесутъ въ употребленіи, или въ торговлѣ табакомъ, а обвиняемый будетъ запираться, то всѣхъ такихъ пытать и, если они и во время пытки будутъ говорить все тоже, освобождать. Если приведенные съ табакомъ будутъ говорить, что табакъ подкинули приведшіе ихъ, то давать имъ съ послѣдними очную ставку, расспрашивать и наконецъ пытать. Если тогда они будутъ утверждать прежде показанное, то уже пытать тѣхъ, которые привели табачниковъ. Если приведшіе кого-либо съ табакомъ признаются, что табакъ подкинутъ ими самими, то ихъ за это подвергать наказанію кнутомъ на козлѣ.

«А которые стрѣльцы и гулящіе и всякіе люди съ табакомъ «будутъ въ приводѣ дважды, или трожды: и тѣхъ людей пытать «и не одинова, и бити кнутомъ на козлѣ, или по торгомъ; а за «многіе приводы у такихъ людей пороти ноздри и носы рѣзати, а «послѣ пытокъ и наказанья ссылати въ дальные городы, гдѣ Государь «укажетъ, чтобъ на то смотря инымъ такъ не повадно было дѣлать».

Если виновные, чтобы избавиться отъ наказанія, дадутъ деньги объѣзжимъ головамъ и дѣтямъ боярскимъ, принадлежавшимъ къ Приказу Новой Четверти и занимавшимся между прочимъ поимкою табачниковъ, но они все-таки приведутъ ихъ въ Приказъ, то этихъ денегъ не брать у головъ и дѣтей боярскихъ. Но если они, взявъ деньги, отпустятъ табачника, то ихъ пытать, наказывать кнутомъ и удалять отъ службы въ Приказѣ. Если кто будетъ отбивать табачниковъ у головъ и дѣтей боярскихъ, то такихъ наказывать кнутомъ или батогами. Тяглые люди черныхъ сотенъ и слободъ должны выбирать между собою ежегодно десятниковъ для корчемной выемки; послѣднимъ велѣно смотрѣть, чтобы корчемныхъ напитковъ и табака ни у кого не было. Если десятники не объявятъ въ Новой Четверти о тѣхъ, у кого есть табакъ, то *«и на тѣхъ людѣхъ, у «кого воровство объявится, и на десяцкихъ имать на Государя пени, «по десяти рублевъ на человѣкѣ, а на достальныхъ на осми человѣ«кѣхъ того же десятка по пяти рублевъ на человѣкѣ»* [1]).

Примѣчаніе. Интересно сравнить первоначальную судьбу табака въ Россіи съ судьбою его въ Западной Европѣ. Табакъ первые начали курить американскіе дикари для отогнанія отъ себя его дымомъ насѣкомыхъ. Для этого они собирали табачныя листья, зажигали ихъ и посредствомъ тростниковыхъ трубочекъ втягивали въ себя табачный дымъ, при выдыханіи котораго на-

---

1) Полн. Собр. Зак. т. I. Уложеніе Алекс. Михайлов. гл. XXV, ст. 11 — 21.

Сравнивая наказанія, опредѣленныя Уложеніемъ Алексѣя Михайловича за употребденіе и продажу табака, съ наказаніями, постановленныя тѣмъ же Уложеніемъ за другія преступленія, мы на-

---

сѣкомыя отлетали и Индѣйцы освобождались отъ ихъ укушенія. Такимъ образомъ дикари привыкли курить табакъ, и трубка сдѣлалась у нихъ символомъ дружбы и мира. Табакъ также употреблялся индѣйскими шаманами для заклинаній и при колдовствѣ. Вотъ начало употребленія табака. — Испанскій монахъ Романъ Пано, сопровождавшій Колумба въ его путешествіяхъ въ Америку, первый привезъ табакъ въ Европу. Въ 1550 г. табакъ былъ разведенъ въ Королевскомъ Лиссабонскомъ саду отъ сѣмянъ, привезенныхъ однимъ купцомъ изъ Флориды, и сталъ быстро распространяться по Португаліи и Испаніи. Французскій посланникъ при Лиссабонскомъ Дворѣ Жакъ-Нико-де-Вильменъ посадилъ его въ своемъ саду и потомъ вылечилъ имъ нѣсколькихъ больныхъ; въ слѣдствіе чего табакъ сталъ называться herbe d'ambassadeur и herba nicotiana; около 1557 г. онъ послалъ табакъ къ своему Двору; тамъ Марія и Екатерина Медичи такъ сильно пристрастились къ нему, что табакъ стали называть «*poudre à la reine,*» «*herbe à la reine*». Въ 1552 г. Кардиналъ Николай Торнабона прислалъ табакъ въ Италію къ своему дядѣ епископу Альфонсу, который сталъ его употреблять какъ лекарство и табакъ получилъ названія: herba divina, herba sancta и herba tornabona. Въ Англію табакъ привезенъ спутниками Драка, которые, бывши въ 1548 г. въ Виргиніи, пристрастились къ этому растенію; вскорѣ послѣ того въ Лондонѣ появились первыя табачныя таверны (taverna tabaccanae). При Лондонскомъ Дворѣ табакъ введенъ въ употребленіе извѣстнымъ щоголемъ своего времени сиръ Вальтеромъ Ралегомъ (или Рели). Разсказываютъ, будто Ралегъ сначала курилъ табакъ тайно, запершись въ своей комнатѣ; но разъ онъ курилъ трубку, забывъ запереть дверь, какъ вдругъ вошелъ въ комнату его слуга и увидѣвъ, что у его барина идетъ изо рта дымъ, встревожилъ домашнихъ крикомъ, что сиръ Ралегъ горитъ. Въ Голландіи табакъ введенъ въ употребленіе англійскими студентами. Въ Швеціи въ царствованіе Христины табакъ такъ мало былъ извѣстенъ, что жители одного приморскаго городка, нашедши въ обломкахъ корабля нѣсколько свертковъ табака, приняли ихъ за оборванныя веревки.

Между тѣмъ Медицинскій Факультетъ въ Парижѣ воздвигъ

ходимъ большія несообразности. Такъ напр. за убійство сына или дочери положено только церковное покаяніе и заключеніе въ тюрьму (гл. XXII, стр. 3); за употребленіе же и продажу табака велѣно

гоненія на табакъ, приписывая ему ядовитыя свойства. Людовикъ XIV приказывалъ проповѣдывать въ церквахъ противъ употребленія табака, противъ тѣхъ, qui poulverisaient leur tabac en église (въ то время носили табакъ папушами въ карманахъ и по мѣрѣ надобности натирали въ маленькихъ ручныхъ мельницахъ). Разсказываютъ, будто докторъ Фагонъ, говоря по приказанію короля рѣчь противъ табака и проповѣдуя, что онъ смертельный ядъ, до того увлекся своимъ краснорѣчіемъ, что безпрерывно нюхалъ табакъ, не замѣчая смѣха слушателей. Папы Урбанъ VIII въ 1684 г. и Иннокентій XII въ 1690 годахъ торжественно прокляли табакъ и употребляющихъ его отлучили отъ церкви какъ соблазнителей и еретиковъ; только Бенедиктъ XIII, когда ему представили, что во время долгихъ обѣденъ невозможно удержаться отъ нюханья табака, который сверхъ того удерживаетъ отъ грѣха и соблазна, уничтожилъ нѣкоторыя запрещенія его и не отлучалъ уже отъ церкви, потому что самъ привыкъ курить и нюхать его, бывши еще кардиналомъ. Въ Англіи употребленіе табака въ первый разъ было строго запрещено Елизаветою; Іаковъ I, прозванный Британскимъ Саломономъ, убѣждалъ своихъ подданныхъ бросить нестерпимую привычку курить табакъ, отвратительную для глазъ и для чувства обонянія, распространяющую около курителя столь заразительный запахъ, что кажется, будто онъ выходитъ изъ ада, наконецъ привычку, развращающую нравственность, затмѣвающую разумъ и дѣлающую человѣка какимъ-то низкимъ существомъ; онъ говорилъ, что если-бы ему привелось угощать дьявола, то онъ сперва бы попотчивалъ его горчицей, а въ заключеніе подалъ бы ему трубку. Наконецъ въ 1604 г. онъ обложилъ табакъ огромною пошлиною: (6 шиллин. и 10 штиверовъ съ фунта). Въ Швейцаріи гоненія на табакъ начались въ 1655 съ кантона Берна, въ которомъ въ 1656 г. нѣсколько лицъ, куривпихъ на улицѣ, были жестоко наказаны; въ 1661 г. Аппенцельскій Магистратъ за торговлю табакомъ, какъ за грѣхъ, запрещенный самимъ Богомъ, опредѣлилъ такое же наказаніе, какъ за убійство; а въ 1675 г. въ эдиктахъ Аппенцельской Судной Коммиссіи, учрежденной единственно для преслѣдованія и наказанія табачниковъ, куреніе табака было причислено къ преступленію противъ седьмой заповѣди.

рѣзать носы, пороть ноздри, ссылать на поселеніе въ дальные города и конфисковать имущество виновныхъ, *«яко-бы менѣе грѣха «было убить сына, или дочь, нежели вложить въ носъ щепотку «истертой травы»*, какъ говоритъ Болтинъ [1]).

Что касается до наказаній табачниковъ въ послѣдствіи времени, то о нихъ можно судить по многимъ наказамъ нашихъ государей. Такъ напр. въ наказѣ 30 Іюля 1665 года велѣно табачниковъ *«бить кнутомъ и батоги смотря по человѣку и по винѣ и держать «въ тюрмѣ»* и *«на питухѣхъ имать первые заповѣди по полуполтинѣ, въ другіе по полтинѣ, въ третьи по двадцати по пяти алтынъ «да бить батоги»* [2]); въ наказѣ 1670 г. къ Якутскому воеводѣ сказано: *«а тѣмъ людемъ, у кого табакъ выймутъ, чинити наказанье, велѣти ихъ бити кнутомъ»* [3]). Въ наказѣ 18 Февраля 1696 года Нерчинскимъ воеводамъ написано: *а тѣмъ людемъ у кого вынутъ «табакъ чинить наказанье, велѣти ихъ бить кнутомъ»* [4]); въ наказѣ 1 Сентября 1697 года кн. Черкасскому велѣно табачниковъ въ первый разъ *«бити кнутомъ нещадно, а бивъ кнутомъ посадить въ*

Въ Германіи проповѣди священника Гаспара Гофмана противъ табака многихъ лишили жизни. Въ Венгріи въ 1670 г. за куреніе табака опредѣленъ штрафъ въ 300 гульденовъ. Въ Турціи султанъ Амуратъ IV въ 1625 г. велѣлъ табачниковъ водить по улицамъ съ петлею на шеѣ, казнить ихъ и выставлять отрубленныя ихъ головы съ трубкою во рту напоказъ. Въ Персіи шахъ Аббасъ жегъ табачниковъ вмѣстѣ съ табакомъ и трубками, такъ что Персіяне курить уходили въ лѣса. (Объ этомъ можно прочесть въ Отеч. Запск. т. XXVIII Отд. IV; отчасти также въ Отеч. Записк. 1849 г. въ ст. *«О жизненныхъ потребностяхъ»* и проч.; въ Библ. для Чт. т. XCIV. Отд. III; Журн. Мин. Гос. Им. ч. XVIII. Отд. II, а болѣе подробныя свѣдѣнія можно извлечь изъ слѣдующихъ сочиненій: Opus epistolaris per Martyr; Im Briefwechsel, meist historischen und politischen Inhalts, von A. L. Schlözer; Materia Medica, regnum vegetabile, per B. I. Bergius; Historia general de las Indias par Hernandez-de-Oviedo; Singularités de la France Antarctique par André Tefst; Agriculture et maison rustique par dr. Etienne; Epistolarum medicinalium Conradi Gesneri Philosophi et Medici Tigurini; Appenzelische Chronik von Valfous.

---

1) Примѣчанія на Исторію Россіи Леклерка т. 1, стр. 471.
2) Акты Арх. Эксп. т. IV. № 206, стр. 274.
3) Акты Ист. т. IV. № 209, стр. 451.
4) Полн. Собр. Зак. т. III. № 1542. § 26, стр. 247.

«тюрьму на недѣлю, а изъ тюрмы давать на крѣпкія поруки»; во 2-ой разъ отбирать у нихъ имущество и сажать въ тюрьму до полученія объ нихъ указа; въ 3-й разъ тоже[1]).

Ни въ уложеніи Алексѣя Михайловича, ни въ упомянутыхъ нами наказахъ ничего не говорится о томъ, кто производилъ надъ табачниками судъ въ провинціяхъ, но изъ одного суднаго дѣла видно, что это лежало на обязанности воеводъ, на неправыя рѣшенія которыхъ дозволялось жаловаться самому Государю[2]). Замѣтимъ еще, что изъ одной поручной записи видно, что людей *«пришлыхъ гулящихъ и новокрещеныхъ»* велѣно было отдавать на поруки и что если-бы они стали продавать или употреблять табакъ, то поручившіеся за нихъ должны были платить пеню[3]).

Разсмотрѣвъ постановленія нашего правительства, запрещающія употребленіе табака, обратимъ наше вниманіе на причины и послѣдствія этихъ запрещеній.

Къ одной изъ причинъ запрещеній нашимъ правительствомъ табака должно отнести то, что покупка послѣдняго дорогою цѣною была разорительна для подданныхъ. Такъ въ одной отпискѣ изъ Тобольска къ Туруханскъ говорится, что *«служилые люди и всякіе «табакъ покупають дорогою цѣною; пудъ табаку по 100 рублей и «больше и пьютъ тотъ табакъ вмѣсто вина и пропиваются пуще «вина. Отъ сего многіе обнищали и одолжали*[4]).

Сверхъ того табакъ былъ запрещенъ не только изъ видовъ государственнаго благосостоянія, но также изъ видовъ финансовыхъ, что видно изъ той же отписки: *«да и торговые и промышленные «люди, которые съ Руси въ сибирскіе города притекаютъ для своихъ «промысловъ и торговъ, тотъ табакъ покупаютъ же, а отъ сего «пропиваются, на промыслы не ходятъ, потому что на промыслы «подняться нечѣмъ, и въ томъ Государевой пошлинѣ чинится убыль».* Отсюда очевидно, что наше правительство и для того запрещало табакъ, что бы получить болѣе дохода.

Запрещенія употребленія табака можно также объяснить политико-экономическими идеями, которыя тогда господствовали не только въ Западной Европѣ, но и въ Россіи. Извѣстно, что Алексѣй Михайловичъ, а также и Петръ Великій придерживались меркантильной системы; меркантилисты же полагали, что для государства

---

[1]) Полн. Собр. Зак. т. III. N° 1594. п. 14, стр. 348.

[2]) Юрид. Акты N° 30.

[3]) Москвитянинъ 1852 г. кн. 2. Историч. Матер., стр. 31.

[4]) Библіот. для Чт. т. XCIV статья: *«Табакъ и Табачная Про«мышленность въ Россіи»*, стр. 11.

чрезвычайно невыгодно, если изъ него посредствомъ торговли съ другими государствами выходитъ больше денегъ, чѣмъ получается изъ-за границы, что богатство народа зависитъ отъ массы денегъ, обращающихся въ государтвѣ. На этомъ основаніи и наши государи запрещали употребленіе табака, потому-что, покупая табакъ у иностранцевъ, мы отпускали за границу большія суммы денегъ. Въ подтвержденіе этого мнѣнія служитъ наказъ Петра Великаго Терекскому воеводѣ 14 Мая 1697 года: по наказу между прочимъ запрещалось иностранцамъ привозить табакъ въ Астрахань *«потому «что напередъ сего они иноземцы на табакъ въ Астрахани и во всѣхъ «Русскихъ городахъ сбирали многія серебряныя деньги и вывозили изъ «Московскаго государства въ свои земли и отъ того многіе ихъ люди «обогатились»*[1]).

Не считало-ли наше правительство употребленія табака безнравственнымъ, какъ напр. пьянство, если не болѣе? Наши предки табакъ даже относили къ числу напитковъ, что доказываютъ выраженія: *«пить табакъ вмѣсто вина и пропиваться пуще вина»*, *«питье табаку»* и названіе курящихъ *«пропойщиками»* и *«питухами»*. Замѣчательно также, что во многихъ актахъ, гдѣ говрится о запрещеніи употреблять табакъ, вслѣдъ за тѣмъ говорится и о запрещеніи пьянства, игры въ карты или зернь и о запрещеніи грѣха противъ седьмой заповѣди, такъ-что всѣ эти проступки считаются какъ-бы подобными[2]), а изъ одного акта можно заключить, что наше правительство считало ихъ причиною важныхъ преступленій: воровства, разбоя и убійствъ[3]).

Сверхъ того наши Государи чрезвычайно уважали патріарховъ и старались исполнять желанія ихъ: они думали угодить Богу,

---

[1]) Полн. Собр. Зак. т. III. N° 1585. п. 21, стр. 316.

[2]) *«Беречь накрѣпко, чтобъ.......корчмы и блядни и зерни и табаку ни у кого не было»* (Акты Ист. т. IV. N° 159, стр. 308); *«смотрѣти и беречи накрѣпко, чтобъ...... зернью и «карты не играли, и не бражничали, и табаку не пили»* (Акт. Ист. т. IV. N° 209, стр. 450 и т. V. N° 240, стр. 439). *«...вина не пить и не бражничать, табакомъ не торговать «и въ зернь проклятую не играть»*. (Москвит. 1852 г. N° 2. Историч. Матер., стр. 31). *«Ни которые-бъ плуты корчемнымъ «питіемъ, табакомъ, виномъ и пивомъ и дрожжанымъ квасомъ «не промышляли и зернь, и картъ и корчемъ и блядни..... «не было-бъ»* (Акты Арх. Эксп. т. IV. NN° 144 и 164, также NN° 199 и 159, стр. 308 и пр.).

[3]) *«Во многихъ мѣстахъ учали жить прихожіе и пріѣзжіе люди,*

угождая служителямъ Его[1]). Не потому-ли наше правительство запрещало табакъ, что патріархи не желали употребленія его въ Россіи? Подтвержденіемъ этого мнѣнія служитъ то, что табакъ былъ сперва запрещенъ духовною властію, а потомъ уже свѣтскою[2]).

Наконецъ была еще причина запрещеній нашего правительства употреблять табакъ—особенная, относящаяся только до инородцевъ, обитавшихъ въ Сибири и платившихъ намъ ясакъ. Здѣсь табакъ запрещался единственно по финансовымъ разсчетамъ: потому что инородцы, вымѣнивая табакъ на мягкую рухлядь, стали бы неисправно платить ясакъ. Михаилъ Ѳеодоровичъ первый обратилъ на это вниманіе; въ наказѣ его къ Якутскимъ воеводамъ 10 Февраля 1644 года говорится, чтобъ они съ ясачными сборщиками табака не посылали и смотрѣли, что бы служилые люди въ ясачныхъ волостяхъ табака не имѣли; у кого же вынутъ табакъ, велѣно *«чинить наказанье: бить кнутомъ и имати на нихъ по Го-«судареву указу, заповѣдь, чтобъ отнюдь никто служилые люди изъ «Сибирскихъ городовъ на Лѣну рѣку вина и табаку и товаровъ съ «собою не возили, и на Лѣнѣ рѣкѣ и нигдѣ съ ясачными иноземцы «ничѣмъ не торговали, тѣмъ бы они въ Государевомъ ясачномъ сборѣ «убыли не чинили и мякою рухлядью и никакою государевою казною «не корыстовались»*. Торговые люди, ѣдущіе въ ясачныя волости, тоже не должны были имѣть при себѣ табака[3]).

Такія запрещенія ввоза табаку въ ясачныя волости продолжались во весь разсматриваемый нами періодъ времени[4]). Такъ и Петръ Великій, не дозволялъ служилымъ людямъ ввозить туда табакъ чтобъ они *«тѣмъ Великаго Государя въ ясашномъ сборѣ недобору «не чинили и мягкую рухлядью и никакою Великаго Государя казною «не корыстовались»*[5]). Но запрещеніе употребленія табака яса-

---

«и живучи виномъ и табакомъ торгуютъ, и чинится и зерни «и блядня и отъ того на Москвѣ и по дорогамъ учали быть «многія татьбы и разбои и смертныя убивства» (А. А. Э. т. IV. N° 199).

[1]) Дѣянія Петра Великаго т. XIII, стр. 140.

[2]) Вообще объ отношеніи нашихъ Государей къ духовенству можно почерпнуть довольно любопытныя свѣденія изъ Дѣяній Петра Великаго, соч. Голикова (т. XIII, стр. 133 — 148.

[3]) Дополн. къ Акт. Ист. т. II. N° 100, стр. 274.

[4]) Акты Ист. т. IV. N° 209, стр. 451 и т. V. N° 246, стр. 439 440. Полн. Собр. Зак. т. III. N° 1542 п. 26 и N° 1590.

[5]) Полн. Собр. Зак. т. III. N° 1542 п. 26.

чьими народами было хорошо не въ одномъ только финансовомъ отношеніи: оно также служило предупредительною мѣрою противъ разоренія сибирскихъ дикарей. Наше правительство, запрещая продажу имъ табака, поступило очень благоразумно: сильное употребленіе его въ настоящее время (они его, по словамъ Сибиряковъ, и курятъ, и нюхаютъ, и жуютъ) показываетъ,—до какой степени они могли бы пристраститься къ нему; они стали бы отдавать за него послѣдніе свои мѣха, какъ теперь это дѣлаютъ Индѣйцы за боченокъ виски (водки). Надо замѣтить, что наше правительство запрещало ввозить въ ясачныя волости не только табакъ, но и зернь, и карты, и вино, и всякіе товары[1]).

Не смотря на эти запрещенія привязанность къ табаку въ нашемъ народѣ возрастала болѣе и болѣе[2]). Притомъ же лихоимство чиновниковъ того времени давало возможность употребляющимъ табакъ ускользать отъ положеннаго закономъ наказанія[3]).

Что табакъ у насъ былъ въ довольно сильномъ употребленіи, это подтверждаютъ слова англійскаго посланника Карлиля, бывшаго въ 1663 году въ Вологдѣ, который говоритъ, что всѣ Русскіе охотно употребляютъ табакъ, особенно курительный, дымомъ котораго они упиваются до обмороковъ[4]). И такъ, не смотря на то, что это, «чортово зелье» повсюду жгли и проклинали, оно постоянно пріобрѣтало себѣ новыхъ поклонниковъ.

Табакъ у насъ употребляли «*всякихъ чиновъ люди*», но всего болѣе конечно иностранцы, которые и насъ познакомили съ нимъ. Особенно сильное употребленіе табака было въ Малороссіи, гдѣ оно не стѣснялось запрещеніями, и въ Сибири, какъ мы это постараемся доказать, когда будемъ говорить о табачной регаліи въ этомъ краѣ. Военные вѣроятно болѣе нежели прочіе классы народа пристрастились къ нему. Во многихъ грамотахъ къ воеводамъ говорится о наблюденіи за стрѣльцами, чтобы они табака «*не пили*»; притомъ же извѣстно, что во всѣхъ странахъ куреніе табака было и есть болѣе всего распространено въ военномъ сословіи; такъ у насъ Малороссійскіе Казаки были страстными охотниками до табака: казакъ безъ люльки (трубки) никуда не отлучался. Вообще должно полагать, чтобъ табакъ употребляли преимущественно въ городахъ, а не въ селахъ: бо́льшее

---

[1]) Полн. Собр. Зак. т. III. N° 1542 ст. 26, стр. 246 и 247 и пр.

[2]) Опытъ повѣств. о древн. русск. ч. I, стр. 85 и прим. на Исторію Россіи, соч. Леклерка т. I, стр. 507.

[3]) Полн. Собр. Зак. т. III. N° 1570.

[4]) Библ. для Чт. 1849 г. т. XCIV ст. «*Табакъ и Табачная Промышленность*», стр. 12.

население городовъ, болѣе значительныя средства горожанъ для удовлетворенія своихъ прихотей, бо̀льшія сношенія городскихъ жителей съ иностранцами — конечно должны были служить тому причинами. Доказательствомъ тому, что табакъ употреблялся преимущественно въ городахъ, можетъ служить то, что и нынѣ крестьяне, особенно живущіе не въ помѣщичьихъ и въ отдаленныхъ отъ большихъ городовъ деревняхъ, смотрятъ на употребленіе табака какъ на грѣхъ: они по преданію знаютъ, что табакъ былъ проклятъ. — Табакъ конечно особенно находилъ себѣ приверженцевъ въ людяхъ праздныхъ, лѣнивыхъ, потому-что отсутствіе трудолюбія было и есть едва-ли не главною причиною большого употребленія табака. Такъ нынѣ Персіяне, Турки, Ладзарони (въ Италіи), у насъ Малороссіяне, Черемисы, Чуваши, не отличающіеся трудолюбіемъ, особенно приверженны къ куренію его. Табакъ у насъ былъ также любимъ людьми неодобрительнаго поведенія, «*гулящими*». Такъ иностранцы, жившіе въ Новонѣмецкой Слободѣ въ просьбѣ своей 1698 года о непостроеніи въ этой слободѣ свѣтлицы для продажи табака, говорятъ, что тамъ «*будетъ пристанище злымъ* «*людемъ и пропойцомъ, отъ которыхъ татьбы и разбои умножатся* «*и проѣздъ къ Москвѣ и съ Москвы отъ того станетъ опасной, а* «*наипаче имъ иноземцомъ изъ дворовъ выдти будетъ въ вечерновое время* «*не возможно, потому-что люди у нихъ живутъ небольшіе, и то* «*наемные и вольные, и станутъ пропиватись, и ихъ красть, и убив-* «*ства и разбой чинить*»[1]).

Но между-тѣмъ какъ у насъ были люди, которые употребляли табакъ, не смотря на тяжкія наказанія, за то положенныя, въ то же время были и такіе, которые гнали его, считая его напущеніемъ діавольскимъ, распущимъ на пагубу рода человѣческаго. Къ этимъ-то гонителямъ табака надо отнести тогдашнихъ нашихъ диссидентовъ. И чего-то они не придумывали, чтобы отстоять свои убѣжденія! И нынѣ старовѣры, кромѣ того что, ложно толкуя слова священнаго писанія, хотятъ доказать, что употребленіе табака запрещено самимъ Богомъ[2]), разсказываютъ еще нелѣпое объясненіе происхожденія его[3]), можетъ быть, то же самое, кото-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. т. III. № 1622, стр. 442.

[2]) Они думаютъ, что Апостолъ Павелъ подразумѣвалъ табакъ, говоря: «*Смотряюще, да не кто лишится благодати Божія;* «*да некій корень горести, выспрь прозябай, пакость сотворитъ* «*и тѣмъ осквернятся мнози*». (Посланіе Апостола Павла къ Евреямъ гл. XII. ст. 15).

[3]) Этого объясненія мы здѣсь не разсказываемъ по его циничности.

рое, по словамъ Болтина, занесли къ намъ греческіе монахи въ царствованіе Михаила Θеодоровича. Если же и въ наше время есть люди съ такими дикими понятіями, что же было въ до-петровской Россіи? Наши диссиденты того времени до того увлеклись своею ненавистью къ «*зелью табачищу*», что думали, будто-бы употребленіе его приноситъ вредъ религіи; такое мнѣніе ихъ о табакѣ доказываютъ два старинныя старовѣрческія присловья: «*колокольню «рожкомъ подколотили*»[1]) и «*крестъ на щепоть табаку промѣня«ли*[2]). Почему-же поборники старины такъ сильно возставали противъ табака? Что заставляло ихъ всѣми неправдами вооружаться противъ него? Кажется, на это можно положительно отвѣтить, что преимущественно суевѣріе. Можетъ быть, ихъ пугало сходство курящаго съ дьяволомъ, какъ обыкновенно его представляютъ суевѣры: съ дымомъ, клубящимся изо рта, съ сѣрнымъ запахомъ, вынесеннымъ изъ ада и потому-то они считали употребленіе его грѣхомъ и ересью. Леклеркъ, бывшій въ Россіи и написавшій ея исторію въ 1784 г., говоритъ также, что омерзеніе Русскихъ къ употребленію табака произошло изъ отвращенія ихъ къ иностраннымъ обычаямъ. Замѣчательно слѣдующее мѣсто въ поручной записи 1692 г., помѣщенной въ первой книгѣ Москвитянина за 1852 г.: «*Буде же онъ....будетъ...табачное зелье продавать, или самъ ку«рить, или той скверный табакъ въ носъ пихать, какъ нѣкіе ере«тики то творятъ*» и еще другое: «*мы тому новокрещеному... «заказывали....нѣмечьскій скверной обычай*» (употребленіе табака) «*не сполнять и діавола изъ себя не представлять, грѣхъ-бо великій «и сатанинское искушеніе тотъ табакъ, да и государевыми указами «крѣпко на крѣпко заповѣданъ*»[3]).

Разсмотримъ, кто продавалъ у насъ табакъ въ періодъ запрещеній торговли имъ.

Не смотря на строгія наказанія, опредѣленныя за продажу

---

[1]) Это присловье выдумано про жителей Бѣжецкаго уѣзда, съ незапамятнаго времени страстныхъ охотниковъ до табаку и державшихъ его въ рогѣ. Когда они хотѣли нюхать табакъ, то вынимали рожекъ и били имъ о ладонь, или сапогъ. (Сахарова Сказанія Русскаго народа т. I. кн. 2, стр. 107).

[2]) Эта поговорка старовѣровъ, говорятъ, очень старинна и относится ко всѣмъ православнымъ, потому-что мы, по ихъ мнѣнію, когда молимся, складываемъ пальцы такъ, какъ будто брали щепоть табаку. Поэтому они насъ называютъ щепотниками и табачниками.

[3]) Примѣчанія на исторію Россіи Леклерка, соч. Болтина т. I, стр. 506.

табака, онъ все-таки продавался иностранцами вѣроятно потому, что лихоимство чиновниковъ того времени давало имъ средства безнаказанно заниматься торговлею его. Такъ въ указѣ 1 Февраля 1697 года говорится, что многіе продаютъ табакъ за взятки воеводамъ и приказнымъ людямъ[1]). Впрочемъ смѣлость табачниковъ была удивительна: они даже дѣлали насилія посылаемымъ для обыска и отобранія табака[2]). Наше Правительство издавало постановленія, запрещавшія продажу его иностранцами; такъ напр. объ этомъ говорится въ наказѣ гостю Ѳедотову въ Іюнѣ 1649 года[3]); 3 Февраля 1661 года вышелъ указъ, тоже подтверждающій запрещеніе иностранцамъ продавать табакъ, подъ опасеніемъ торговой казни и взысканія большой дежной пени *«безо всякія пощады»*[4]). Разсмотримъ же, кто именно доставлялъ намъ табакъ.

Мы уже говорили, что табакъ къ намъ начали привозить Англичане. Когда Михаилъ Ѳеодоровичъ въ 1634 году издалъ указъ о запрещеніи торговли табакомъ, они все-таки не переставали тайно продавать его[5]), что продолжалось и въ царствованіе Алексѣя Михайловича, который *«по дружбѣ съ Карлусомъ «Королемъ Анлійскимъ»* прощалъ имъ это, но наконецъ, разсердившись на Англичанъ за убіеніе ими Короля ихъ Карла, позволилъ имъ торговать только въ Архангельскѣ, табакомъ же, разумѣется, нигдѣ[6]). Но они подкупили Архангельскаго воеводу и все-таки продолжали торговать табакомъ[7]). Наконецъ Петръ Великій 16 Апрѣля 1698 года заключилъ съ адмираломъ анлійскаго флота Маркизомъ фонъ Кармартеномъ договоръ объ исключительной имъ торговлѣ табакомъ въ Россіи[8]).

Мы получали также отъ Китайцевъ табакъ подъ названіемъ шаръ. Первыя свѣденія объ этомъ относятся къ 90-мъ годамъ XVII ст.[9]); но можно полагать, что мы стали получать его гораздо ранѣе. Есть предположеніе, что табакъ у Китайцевъ былъ туземнымъ растеніемъ. Такъ въ статьѣ: *«Табачная Промышленность въ Россіи»*,

---

1) Полн. Собр. Зак. т. Ш. N° 1570.
2) Юрид. Акты N° 344.
3) Дополн. къ Акт. Ист. т. Ш. N° 55, стр. 198.
4) Полн. Собр. Зак. т. I. N° 299.
5) Юрид. Акты т. 344 и Дополн. къ Акт. Ист. т. Ш. N° 116.
6) Собр. Государ. Гр. и Дог. т. Ш. N° 138.
7) Жур. Мин. Нар. Просв. 1843 г. N° 1. ст. Обозрѣніе иностранныхъ извѣстій объ Россіи въ вѣкъ Петра В.
8) Полн. Собр. Зак. т. Ш. N° 1628.
9) Тамъ же N° 1542 п. 30 и Акты Ист. т. V. N° 288, стр. 527.

помѣщенной въ От. Зап. (т. XXVIII), написано: *«плантаціи табака въ отдаленной Сибири въ 1690 годахъ*[1]) *заставляютъ думать, «что Китайцы справедливо приписываютъ себѣ разведеніе табака съ «незапамятныхъ временъ*[2]); *дѣйствительно, наши Сибирскіе поселенцы «скорѣе могли достать его изъ Китая, нежели изъ Россіи. Табакъ «Американскій привезенъ въ Индію въ XVII столѣтіи: о привозѣ «же его въ Китай ничего не извѣстно. Притомъ, если бы Китайцы «и получили табакъ отъ Европейцевъ въ это время, во всякомъ слу«чаѣ трудно предположить, что плантаціи его до того распростра«нились въ недоступномъ Китаѣ, чтобъ онъ могъ сбывать табакъ «за границу»*. Къ подтвержденію этого предположенія служитъ и то, что въ Сибири по словамъ тамошнихъ жителей, нынѣ разводятъ два рода табака: черкасскій и такъ называемый простой; напр. въ Бійскѣ и Семипалатинскѣ сѣятъ послѣдній въ огородахъ въ большомъ количествѣ, и жители Бійска преимущественно занимаются этою отраслію промышленности. Откуда же появился простой табакъ, какъ не изъ Китая? Если же табакъ въ Китаѣ былъ туземнымъ растеніемъ, то конечно мы начали получать его оттуда довольно рано, вѣроятно съ первыхъ годовъ XVII ст., когда по завоеваніи почти всей Сибири мы вошли въ сношенія съ Китайцами. Въ подтвержденіе этого мнѣнія служитъ и то, что употребленіе табака въ Сибири извѣстно съ давняго времени.

Въ Великороссію привозили также табакъ изъ Малороссіи[3]), въ которой не запрещалось разводить его. Поэтому въ 1683 году вышелъ указъ, по которому положено Черкассовъ (Малороссіянъ) и иноземцевъ, ѣдущихъ изъ Малороссіи съ табакомъ въ Великороссію, отсылать обратно, а табакъ отбирать и хранить въ съѣзжихъ избахъ до полученія объ немъ указа.

Что касается до Грековъ, то за ними въ царствованіе Михаила Θеодоровича не было замѣчено продажи табака; но при Алексѣѣ Михайловичѣ многіе изъ нихъ были часто изобличаемы въ такой торговлѣ[4]), почему имъ вмѣстѣ съ другими иностранцами, продававшими табакъ, сдѣланъ въ 1661 году касательно

[1]) Даже въ 1640, какъ мы уже видѣли. Прим. М. Чулкова.

[2]) Многіе писатели какъ напр. Толедо, Уллоа, Цермбштедтъ и др. утверждаютъ, что табакъ въ Азіи былъ извѣстенъ до открытія Америки; притомъ же Китайцы и Японцы утверждаютъ, что они съ незапамятныхъ временъ знаютъ употребленіе травы *«дамбагу»* т. е. табака (От. Зап. т. XXVIII, отд. IV, 2).

[3]) Полн. Собр. Зак. т. I. N° 299.

[4]) Акты Арх. Эксп. т. IV. N° 214, стр. 291.

торговли табакомъ *«заказъ крѣпкой подъ казнью и подъ большою «заповѣдью: что велять имъ чинить жестокое наказанье и пени «велять на нихъ имать денежныя большія».*

Также мы получали табакъ изъ Литвы[1]), Швеціи[2]), отъ Кизылбашъ[3]), Калмыковъ, Бухарцевъ[4]), Тезиковъ[5]) Голландцевъ[6]), и вообще отъ всѣхъ торговыхъ иностранцевъ.

Торговлей табака занимались также и Русскіе; такъ въ одномъ указѣ 1674 года говорится: *«во многихъ мѣстахъ»* (около Москвы) *«начали жить въ слободахъ прихожіе и пріѣзжіе люди, и живучи «виномъ и табакомъ торгуютъ, и чинится зернь и бледня и отъ «того на Москвѣ и по дворамъ учали быть многіе татьбы и разбои «и смертные убивства»*[7]).

Сверхъ того табакъ продавался у насъ нѣкоторое время даже самимъ правительствомъ. Такъ-какъ этотъ фактъ, не согласный съ предыдущими и послѣдующими постановленіями нашего правительства, противный духу того времени, представляетъ очень любопытное явленіе, то разсмотримъ его подробнѣе.

Въ 1646 году было послано изъ Приказа Большой Казны въ Сибирь 130 пудъ табака съ Иваномъ Еремеевымъ изъ гостинной сотни и посадскимъ Иваномъ Третьяковымъ съ тѣмъ, чтобы они продавали его во всѣхъ сибирскихъ городахъ *«всякимъ людямъ, «почему цѣною доведетца»*. Тѣхъ, которые будутъ продавать свой табакъ, велено отдавать на поруки или сажать въ тюрьму до полученія объ нихъ указа; табакъ же у нихъ брать въ казну, а имущество по перепискѣ опечатывать. Воеводы получили приказаніе дать Еремееву и Третьякову для табачнаго дѣла съѣзжій домъ, цѣловальниковъ, разсыльщиковъ, толмачей, также стрѣльцовъ и пушкарей для выемки табака, подъячихъ для письма, подводы и провожатыхъ для перевоза табака и наконецъ подводы для отсылки въ Москву денегъ, вырученныхъ посредствомъ продажи табака[8]).

[1]) Улож. Алек. Мих. гл. XXV. п. 12.

[2]) Акт. Ист. т. IV. N° 162, стр. 313.

[3]) Полн. Собр. Зак. т. I. N° 299.—Турки Персіянъ называли: Кизиль-баша (красная голова) отъ красной чалмы, которую послѣдніе носили. Отъ Турокъ это названіе перешло и къ намъ (Записки Желябужскаго замѣч. 22, стр. 262).

[4]) Акт. Ист. т. V. N° 288, стр. 527.

[5]) Полн. Собр. Зак. т. I. N° 299.

[6]) Юрид. Акты т. 344.

[7]) Акт. Арх. Эксп. т. IV. N° 199, стр. 233 и 234.

[8]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. III. N° 124 и Дополн. къ Акт. Ист. т. III. N° 10, стр. 47.

Вѣроятно Еремеевъ и Третьяковъ были посланы въ Сибирь не постоянно торговать табакомъ, а только на одинъ годъ, потому что ровно чрезъ годъ вмѣсто нихъ въ Сибирь посланы гости Василій Подошевниковъ и Алексѣй Грудцынъ, да еще четыре человѣка; они въ Сибири были тоже одинъ годъ и имъ велѣно было поступать съ виновными въ продажѣ табака, а воеводамъ въ вспоможеніи Подошевникову и Грудцыну, какъ прежде было приписано наказомъ объ Еремеевѣ и Третьяковѣ[1]). Но въ слѣдующемъ 1648 году изъ Приказа Большой Казны пришелъ указъ къ Сибирскимъ воеводамъ: они должны были взять у Василія Подошевникова и Алексѣя Усова[2]) *«съ товарищи»* оставшійся отъ продажи табакъ и *«выбравъ изъ Сибирянъ, изъ торговыхъ изъ лучшихъ людей человѣка или двухъ добрыхъ и прожиточныхъ, которые бъ были душею прямы и хитрости бъ никакой въ продажномъ табаку не учинили»*, выдавать имъ его по одному, или по два фунта, для продажи тертаго по 10, а сырого по 8 денегъ за золотникъ. Подошевникову же и Усову велѣно дать подводы и провожатыхъ *«чтобъ Государева казна довести до Москвы здорово»*. Далѣе воеводамъ велѣно смотрѣть за цѣловальниками, чтобы они своего табака не продавали, а торговали бы казеннымъ *«въ правду, безъ всякой хитрости, помня Государево крестное цѣлованіе»*, и чтобы еженедѣльно приносили къ нимъ, воеводамъ, росписи о томъ сколько и кому продано табака; воеводы же должны были смотрѣть, чтобы никто къ цѣловальникамъ табака не привозилъ и его въ Сибири не сѣялъ. Если изъ Россіи къ цѣловальникамъ пріѣдутъ родственники, то ихъ велѣно осматривать, чтобы они не провезли табака. О выбранныхъ въ цѣловальники надлежало писать къ Государю. На вырученныя же за табакъ деньги воеводы должны были покупать соболей, *«какъ бы Государевой казнѣ было прибыльнѣе»* и отсылать ихъ въ Москву въ Приказъ Большой Казны[3]). Замѣчательно, что въ 1646 г. Третьякову и Еремееву велѣно продавать табакъ *«по чему цѣною доведетца»* т. е. такою цѣною, какую они признаютъ за лучшую, сообразно съ запросомъ и предложеніемъ на табакъ. Наше правительство постановило теперь цѣну на табакъ вѣроятно потому, что табачные головы продавали его или слишкомъ дорого, или слишкомъ дешево. Сверхъ того они могли утаивать у

---

[1]) Акт. Ист. т. IV. № 19, стр. 51.

[2]) Алексѣй Усовъ вѣроятно поступилъ на мѣсто Алексѣя Грудцына.

[3]) Дополн. къ Акт. Ист. т. III. № 38, 139 и 140 и Собр. Госуд. Грам. и Догов. т. III. № 128.

себя часть денегъ, получаемыхъ отъ продажи табака. Теперь же опредѣлена цѣна табака, слѣдовательно возможность злоупотребленій, нами сказанныхъ, была устранена.

Но вскорѣ послѣ того изъ Приказа Большой Казны присланъ указъ о сожженіи всего непроданнаго табака и о запрещеніи всѣмъ имѣть у себя или сѣять табакъ. «*А будеть у кого* «*объявится* (табакъ) *или кто учнеть имъ торговать и за то ве-*«*льно чинить жестокое наказанье, бить по торгамъ кнутомъ нещадно,* «*да на нихъ же имати заповѣди большія*»[1]).

И такъ около трехъ лѣтъ табакъ продавался въ Сибири отъ казны. Высшій надзоръ за продажею его принадлежалъ Приказу Большой Казны. Цѣловальники, продававшіе его, вѣроятно не получали за это жалованья, а продажа табака была для нихъ повинностію; при вступленіи въ должность, они, равно какъ и головы, должны были присягать. Еще должно замѣтить, что табачная регалія была нераздѣльна съ соляной.

Почему же только въ одной Сибири продавался отъ казны табакъ? Не потому-ли, что онъ тамъ былъ въ большемъ употребленіи, нежели въ Европейской Россіи? По словамъ Сибиряковъ нынѣ табакъ во всеобщемъ употребленіи въ Сибири; тамъ почти каждый крестьянинъ куритъ его. Въ Европейской же Россіи (исключая Малороссіи и странъ, пріобрѣтенныхъ нами съ Петра Великаго), въ деревняхъ очень мало курятъ табакъ. Не справедливо-ли отсюда вывести слѣдствіе, что и въ-старину употребленіе табака въ Сибири было значительнѣе, нежели въ остальной Россіи. Съ этимъ предположеніемъ заставляетъ согласиться и то обстоятельство, что въ Сибири въ то время даже сѣяли табакъ, что несомнѣнно можно заключить по нѣкоторымъ словамъ грамотъ къ сибирскимъ воеводамъ, писаннымъ въ половинѣ XVII ст.[2]). Даже ясачные народы употребляли его[3]). Все это доказываетъ, что, не смотря на строгія наказанія за употребленіе табака, онъ сильно распространился въ Сибири; поэтому-то вѣроятно правительство полагало, что казенный табакъ скоро продастся въ ней. Притомъ же если бы табакъ дозволено было употреблять и въ Европейской Россіи, то такая мѣра произвела бы

[1]) Собр. Государ. Грам. и Догов. т. III. N° 133.

[2]) «*Въ Сибири бъ Татарове и всякіе иноземцы и Русскіе люди табаку не сѣяли......*» (Собраніе грамотъ Государственныхъ и договоровъ. т. III. N° 128 и Дополненіе къ Актамъ Истор. т. III. N° 38). *Табаку.......въ Сибирскихъ-бы городѣхъ не сѣяли.......*» (Собр. Госуд. Гр. и Договоровъ т. III. N° 133).

[3]) Дополн. къ Акт. Ист. т. II. N° 100, стр. 274.

требленіе, и разведеніе, и торговля табака. Но то былъ только зародышъ, начало табачной промышленности: она развивалась медленно, вяло; только съ 1697 года табачная промышленность, менѣе удерживаемая обстоятельствами, препятствующими ея развитію, начинаетъ представлять болѣе отрадныя явленія.

ГЛАВА II.

Мы уже видѣли, что запрещенія касательно употребленія, разведенія и торговли табакомъ существовали въ первые годы царствованія Петра Великаго. Но во время путешествія этого Государя по Европѣ мысли его касательно табака измѣнялись. Онъ увидѣлъ, что наказаніями нельзя остановить употребленіе табака и что даже въ финансовомъ отношеніи лучше дозволить употребленіе табака, чѣмъ запрещать его. Поэтому-то 1 Февраля 1697 года дозволено всякихъ чиновъ людямъ употребленіе и продажа табака, съ изъясненіемъ, что и безъ того его многіе изъ Малороссіи и изъ-за моря привозятъ и продаютъ тайно и что даже *«въ иныхъ городѣхъ и «уѣздѣхъ тотъ табакъ продаютъ съ вѣдома воеводъ и приказныхъ «людей, которымъ продавцы табака даютъ многія дачи, чтобъ имъ «отъ таможенныхъ головъ какой обиды не было»*.

Для продажи табака велѣно построить около кабаковъ свѣтлицы. Пошлины же на табакъ были назначены слѣдующія: съ виргинскаго и кнастера по 5 алтынъ съ фунта; съ тонкаго[1]) (изъ Швеціи) по 3 алтына и 2 деньги съ фунта, а съ черкасскаго (витого и листового) по 10 денегъ. Эти пошлины положено было брать головамъ и ларечнымъ[2]) съ цѣловальниками[3]) точно также, какъ брались таможенные и кружечные сборы. Деньги, собранныя за табакъ до 1 Декабря 1698 года, велѣно оставлять у сборщиковъ, для того чтобы *«строить имъ на тѣ деньги, что къ тому*

---

[1]) Въ указѣ 15 Апрѣля 1697 г. говорится вмѣсто тонкаго о *«польскомъ табакѣ, что возятъ изъ-за свейскаго рубежа»* (Полн. Соб. Зак. т. III. № 1580, стр. 302.)

[2]) Въ эти должности положено выбирать въ Москвѣ изъ гостей и гостинной сотни, а въ другихъ городахъ и селахъ изъ лучшихъ посадскихъ людей.

[3]) Въ цѣловальники велѣно выбирать изъ черныхъ сотенъ и изъ слободъ.

«дѣлу пристойно». Въ Архангельскѣ и Москвѣ дозволено торговать безпошлинно табакомъ, купленнымъ въ первомъ городѣ, иностранному купцу Томасу фонъ де Брахту тоже до 1 Декабря 1698 года, *«какъ велѣно было тѣмъ табакомъ торговать Якову Брюсу»* [1]). Перваго жъ Декабря 1698 года велѣно взять у него табакъ въ казну и запретить частнымъ лицамъ продажу его вездѣ, кромѣ Малороссіи. Если же кто захочетъ взять табакъ на откупъ, то *«отдавать въ которомъ мѣстѣ пристойно»*. Въ городахъ и на дорогахъ велѣно учредить заставы для того, чтобы табака тайно, мимо таможенъ [2]) не провозили и имъ не торговали. Назначены служилые люди для выемки табака, для осмотра на таможняхъ, для карауловъ на заставахъ и для охраненія казны, составленной изъ пошлинъ съ табака. Если кто будетъ пойманъ съ неявленнымъ въ таможнѣ табакомъ, то того велѣно подвергать наказаніямъ и взысканію съ него пени, опредѣленнымъ за неявленныя вино, пиво и медъ. Продажу табака велѣно было вѣдать, кромѣ Приказовъ Большой Казны и Большой Таможни, еще и Преображенскому Приказу [3]).

Главная причина, по которой Петръ Великій уничтожилъ запрещенія продавать табакъ,—финансовая: потому-что, хотя табакъ и продавался прежде, казна не получала дохода посредствомъ пошлинъ съ него. Петръ Великій постановилъ однакожь довольно значительныя пошлины на табакъ, привозимый въ Россію: по 15 к. съ фунта виргинскаго и кнастера, по 10 коп. съ привозимаго изъ Швеціи и по 5 коп. съ малороссійскаго. Такія пошлины были очень значительны по высокому курсу денегъ того времени [4]). Отсюда мо-

---

[1]) Когда дозволено торговать табакомъ Брюсу и на какихъ правахъ — рѣшительно неизвѣстно. Что же касается до Томаса фонъ-де-Брахта, то вскорѣ у него было отнято право торговать табакомъ и передано Мартыну Богданову (16 Апрѣля того же года). Поэтому 8 Февраля 1698 г. ему указомъ Преображенскаго Приказа было запрещено продавать табакъ, какъ и всѣмъ иностранцамъ. (Полн. Собр. Зак. т. III. N° 1622, стр. 441.)

[2]) Въ Европейской Россіи таможни были въ слѣдующихъ городахъ: въ Архангельскѣ, Псковѣ, Новгородѣ, Великихъ Лукахъ, Смоленскѣ, Брянскѣ, Калугѣ, Сѣвскѣ, Путивлѣ, Бѣлгородѣ (Полн. Собр. Зак. т. III. 1570).

[3]) Полн. Собр. Зак. т. III. N° 1570.

[4]) Голиковъ говоритъ: *«по истинѣ сказать можно, что тогдашніе 7 рублей болѣе стоили, нежели теперешніе 70»*. (Дѣян. Петра В. т. II, стр. 470).

жно заключить, что Петръ, налагая такія пошлины на табакъ, хотѣлъ достигнуть двухъ цѣлей: доставить казнѣ больше дохода и уменьшить притомъ ввозъ табака въ Россію, а стало быть и вывозъ денегъ за него за границу. Послѣднее подтверждается тѣмъ, что Петръ придерживался меркантильной системы, какъ мы уже говорили объ этомъ прежде.

15 Апрѣля 1697 года велѣно въ Вологдѣ съ 1 Декабря этого года по 1 Декабря слѣдующаго, на основаніи сообщеннаго нами указа 1 Февраля, продавать табакъ гостю Мартыну Богданову[1]).

16 Апрѣля 1697 г. ему же было велѣно *«быть у продажи «табака и у сбора съ него пошлинъ въ Москвѣ и во всѣхъ городахъ* (кромѣ Сибири и конечно Малороссіи), тоже съ 1 Декабря 1697 года по 1 Декабря 1698 года. Богдановъ долженъ быть подвѣдомственъ только Преображенскому Приказу[2]).

23 Іюня 1697 года велѣно Богданову продавать табакъ и въ сибирскихъ городахъ, но только на деньги, и *«въ ясачные улу- «сы къ иноземцамъ не возить и на соболи и ни на какую мягкую «рухлядь нигдѣ не мѣнять, для того что по Его Великаго Государя «указу соболиную рухлядь велѣно въ ясакъ имать и покупать въ «одну Великаго Государя казну, также и на иную всякую мягкую «рухлядь имъ Мартыну съ товарищи табакъ не мѣнять, для того «что сборы Великаго Государя ясачной казны станутъ, или предъ «прежнимъ многимъ учнутъ малиться»*[3]). За нарушеніе этого постановленія велѣно у виновныхъ отнимать имущество. Но это дозволеніе продажи табака въ Сибири было не надолго. Такъ въ наказѣ кн. Черкасскому, назначенному въ Тобольскъ воеводою, 1 Сентября 1697 года говорится, чтобы тѣхъ, у кого найдутъ табакъ, *«бити «по торгамъ кнутомъ нещадно и бивъ кнутомъ посадить въ тюрьму «на недѣлю»* и пр. Изъ того же наказа видно, что дѣла касательно табака въ Сибири вѣдались не въ Преображенскомъ Приказѣ, а въ Сибирскомъ, потому-что росписи вынутому табаку велѣно представлять въ послѣдній[4]).

Уничтоженіе запрещенія торговли табакомъ должно было произвести реакцію въ поборникахъ старины. Въ самомъ дѣлѣ вотъ что говоритъ Голиковъ: *«нечувствительно сталъ оный»* (табакъ) *«входить въ употребленіе, что видя патріархъ и клиръ церковный, «упомянутое проклятіе табака и употребляющимъ оный»* (при Ми-

[1]) Полн. Собр. Зак. т. III. N° 1580.
[2]) Тамъ же N° 1581.
[3]) Тамъ же N° 1530.
[4]) Тамъ же N° 1594. п. 14.

зангѣ Өеодоровичѣ) *«возобновили однакожъ привычка къ табаку тѣмъ не унялась. Когда же Монархъ, по выѣздѣ своемъ изъ «чужихъ краевъ, отдалъ продажу онаго въ Москвѣ одному купцу на «откупъ, за 15,000 рублей въ годъ: то патріархъ сего откупщика «со всѣмъ его домомъ отлучилъ отъ церкви*[1]) *Какъ же въ семъ случаѣ «поступилъ Великій Государь? Онъ, не употребляя власти своея и «не хотя дать указа въ отмѣну, какъ сказано, закона отца своего, «умѣлъ уговорить патріарха къ перемѣнѣ его мыслей: онъ предста«вилъ ему, что употребленіе табака попущено въ Россіи для ино«странцевъ, пріѣзжающихъ и живущихъ въ ней, и чего запретить «имъ не можно, а привычка у нихъ къ оному такъ велика, что если «запретить употребленіе его, то значить оное будетъ запретить «въѣздъ ихъ въ Россію, и проч. И такъ патріархъ снялъ святи«тельскую клятву свою съ помянутаго дома невиннаго откупщика»*[2]).

Въ то время, какъ Петръ Великій изучалъ въ голландскомъ городкѣ Заандамѣ искуство мореплаванія, англійскіе министры 14 Октября 1697 года просили русскихъ пословъ о томъ, чтобы Англичанамъ дозволено было ввозить въ русскіе торговые города и пристани *«траву никоціанскую, вообще табакомъ называемую»*. Послы обѣщались донести объ этомъ Петру[3]). Писали-ли послы къ Государю и, если писали, что онъ имъ отвѣчалъ, не извѣстно.

Въ слѣдующемъ 1698 г. Петръ пріѣхалъ въ Лондонъ и ему самому сдѣлано было предложеніе о табакѣ. 1 Февраля, бывши у адмирала англійскаго флота маркиза фонъ Кармартена, Государь разговаривалъ съ нимъ о торговлѣ табакомъ въ Россіи, и тогда же они составили договоръ о томъ, чтобы ему, Кармартену, одному производить эту торговлю.

Договоръ былъ посланъ въ Амстердамъ къ русскимъ посламъ для разсмотрѣнія и подписанія[4]). Но заключенію его препятствовало запрещеніе людямъ Греко-Россійскаго вѣроисповѣданія употреблять табакъ въ Россіи, отъ чего, какъ сказалъ Кармартенъ, его покупаютъ только находящіеся въ Россіи иностранцы. Когда Петръ

---

[1]) Про кого говоритъ это Голиковъ? Брюсъ, фонъ де-Брахтъ и въ послѣдствіи Кармартенъ были иновѣрцы, слѣдовательно не могли быть отлучены патріархомъ. Вѣроятно Голиковъ говоритъ здѣсь про Богданова, хотя изъ указа, которымъ велѣно ему торговать табакомъ, также не видно, чтобы онъ взялъ табакъ на откупъ за 15,000 рублей.

[2]) Дѣянія Петра В. т. XV, стр. 34.

[3]) Тамъ же т. I, стр. 407.

[4]) Тамъ же стр. 456.

узналъ объ этомъ, сказалъ: *«я приведу все въ порядокъ, когда возвращусь домой»*[1]).

Наконецъ 16 Апрѣля 1698 года договоръ былъ утвержденъ обѣими сторонами: съ одной Кармартеномъ, съ другой стороны генералами Головинымъ и Лефортомъ. Вотъ содержаніе этого договора.

Маркизъ фонъ Кармартенъ обязанъ до 1 Сентября 1699 года привести въ Россію 3,000 *«беременныхъ бочекъ травы никоціаны»*; каждая изъ нихъ должна заключать въ себѣ 500 англинскихъ фунтовъ, слѣдовательно всего въ 3000 бочкахъ было 1,500,000 фунтовъ табака.

Съ 1 Сентября 1699 г. до 1-го же Сент. 1700 г. Кармартенъ обязанъ привести 5000 бочекъ табака (въ каждой бочкѣ тоже должно быть по 500 фунт. вѣса) съ тѣмъ условіемъ, что если онъ будетъ не въ состояніи продать всего табака, то можетъ отказаться отъ договора; если же Кармартенъ найдетъ для себя выгоднымъ продавать въ Россіи табакъ и согласится продолжить договоръ еще на 5 лѣтъ, то дозволить ему и это, съ тѣмъ чтобы въ третій годъ послѣ заключенія договора онъ ввезъ въ Россію 6000 бочекъ (тогожъ вѣса), въ 4-й 7000 и т. д. каждый годъ тысячью бочками больше предыдущаго.

Если же кто-либо прежде или послѣ первыхъ двухъ лѣтъ по заключеніи этого договора согласится привозить въ Россію табака для продажи болѣе 6000 бочекъ и впередъ дастъ 20,000 ф. ст. наличными деньгами, то Кармартенъ долженъ или привозить это бо́льшее число бочекъ, или оставить договоръ.

Съ своей же стороны Кармартенъ обязуется платить въ казну съ каждаго фунта табака по 4 коп. пошлины.

Для устраненія уменьшенія доходовъ казны не только запрещается воздѣлывать табакъ, но даже то, что посѣяно уже, должно быть уничтожено, исключая Казацкой провинціи, въ которой допускать табакъ рости свободно.

За провозъ табака виновныхъ въ этомъ положено подвергать такому наказанію, *«какому Его Царское Величество за благо признаетъ»*; табакъ же отнимать и одну половину его брать въ казну, а другую отдавать Кармартену.

«Дабы сія торговля доброе поведеніе имѣть могла, того ради «Его Царское Величество вольность и позволеніе даетъ всѣмъ своимъ «подданнымъ, какого ни есть чина, никоціанъ курить и употреблять, «не смотря на всѣ прежніе противные указы и правы».

---

[1]) Дѣянія Петра Великаго т. I, стр. 469.

Только Кармартенъ и его уполномоченные имѣютъ право привозить въ Россію безпошлинно табачныя нѣмецкія трубки, табакерки (*«никоціанскія коробочки»*) и всѣ мелочи, къ куренію относящіеся, съ тѣмъ условіемъ, что если бъ съ нихъ была взыскана пошлина, то привелось бы получить не болѣе 200 рублей.

Кармартенъ обязанъ давать въ казну ежегодно по 1000 фунт. табака, да сверхъ того, при врученіи ему этого договора, онъ обязуется заплатить 12,000 ф. ст., которые будутъ вычтены изъ пошлины съ табака, въ первый разъ привезеннаго.

Государь позволяетъ Кармартену или его приказчикамъ обращаться съ просьбами по табачной продажѣ прямо къ нему *«или «къ высокимъ своимъ служителямъ»* [1]).

О заключеніи этого договора было объявлено въ Россіи 11 Іюля 1698 года [2]). Голиковъ говоритъ, что оно *«особливо духовен«ству россійскому было непріятно»* [3]).

Разсматривая этотъ договоръ, мы находимъ, что Петръ, заключая его, хотѣлъ достигнуть преимущественно финансовой цѣли. Это доказывается тѣмъ, что онъ запретилъ не только сѣять табакъ, но и повелѣлъ даже уничтожить труды земледѣльцевъ, уже посѣявшихъ его: *«понеже сей торговлѣ»* (табакомъ) *«и доходамъ Его Цар«скаго Величества зѣло помѣшательно будетъ, егда въ государствахъ «и земляхъ Его Царскаго Величества никоціану садить и растить «и инымъ какимъ ни есть людямъ позволено привозить будетъ»*.

Но что значитъ условіе, заключенное съ Кармартеномъ, относительно доставленія имъ ежегодно казнѣ 1000 фунт. табака? Для какихъ цѣлей правительство хотѣло употребить его? Это объясняетъ указъ 12 Ноября 1698 года о сборѣ въ сибирскихъ и приморскихъ городахъ таможенныхъ пошлинъ, гдѣ между прочимъ говорится слѣдующее.

Если кто привезетъ въ Нерчинскъ шаръ (китайскій табакъ) и объявитъ о немъ, то тому, по взятіи десятой части табака въ видѣ пошлины, за остальной заплатить изъ казны товарами, по цѣнамъ примѣняемымъ къ нерчинской и китайской цѣнѣ табака, по 2 алт. или по 2 алт. и 2 деньги за фунтъ, а самый табакъ брать въ казну. Продавать же табакъ, или мѣнять его на товары не въ казну запрещается. Табакъ, взятый въ казну, велѣно *«дер«жать по прежнимъ указамъ на иноземскіе расходы и мѣнять на «соболи, и верблюды, и лошади, какъ по разсмотрѣнію вѣрному вое«водѣ и головамъ будетъ прибыльнѣе*.

[1]) Полн. Собр. Зак. т. III. № 1628.

[2]) Тамъ же № 1637.

[3]) Дѣянія Петра Великаго т. I, стр. 128.

Если же кто будетъ шаръ продавать тайно, то съ продавцовъ и покупателей его взыскивать столько рублей пени, на сколько этого товара продано, а самый шаръ конфисковать въ казну.

Если найдутъ шаръ у калмыцкихъ и монгольскихъ (мунгальскихъ) пословъ и у пріѣхавшихъ съ ними Бухарцевъ, Калмыковъ и Монголовъ, то его у нихъ взять, заплативъ по 2 алт. и 2 ден. за фунтъ (товарами или монетою) и предупредивъ, что если ихъ люди будутъ продавать шаръ, то онъ будетъ отбираться въ казну безденежно.

Собранный казною шаръ велѣно давать *«одному человѣку, гдѣ «дороже, по небольшому, велѣть продавать и мѣнять цѣною, какъ «прибыльнѣе, а безъ указу въ ясачныя волости про себя отнюдь сбор«щикамъ ясачнымъ шару и табаку, ни вина не возить и на мягкую «рухлядь на себя не мѣнять, чтобы отъ того иноземцы пронися «безъ нужныхъ одеждъ не пропали».*

«Но если ясачные сборщики захотятъ взять съ собою въ ясачныя волости заповѣданные товары, то имъ это дозволять на 30 «рублей въ дальнія, и на 10 руб. въ ближнія мѣста; когда же они изъ «ясачныхъ областей выѣдутъ, то шаръ у нихъ отбирать на за«ставахъ» [1]).

О какихъ иноземцахъ, которымъ велѣно было продавать казенный табакъ, здѣсь говорится? Не о нашихъ-ли ясачныхъ народахъ? Если на послѣднее отвѣчать утвердительно, то будетъ понятно, почему теперь правительство запрещаетъ «*безъ указу*» ввозить табакъ въ ясачныя области частнымъ лицамъ: во избѣжаніе подрыва казнѣ отъ соперничества ихъ. Но спрашивается: почему же въ такомъ случаѣ наше правительство разрѣшило инородцамъ употребленіе табака и почему оно, отдавая табачную продажу во всей Россіи на откупъ, рѣшилось ввести въ ясачныхъ волостяхъ казенную продажу табака? Первое вѣроятно потому, что наше правительство убѣдилось, что запрещеніями продажи табака ясачнымъ инородцамъ нельзя остановить у нихъ употребленіе его: продавцы табака, находя для себя очень выгоднымъ вымѣнивать табакъ ясачнымъ народамъ на мѣха, конечно продолжали это дѣлать. Поэтому-то вѣроятно наше правительство дозволило употребленіе табака ясачнымъ народамъ, а чтобы это доставляло доходы казнѣ, оно ввело у нихъ казенную продажу его. Притомъ же если-бы табакъ продавался инородцамъ частными лицами, то послѣдніе вымѣнивали бы табакъ на значительное количество мягкой рухляди, что было бы

---

[1]) Полн. Собр. Зак. т. III. № 1654. п. 8, 10, 12 и 14.

разорительно для первыхъ; при казенной же мѣнѣ табака на мягкую рухлядь, правительство въ видахъ государственнаго благоустройства могло вымѣнивать табакъ на меньшее количество мѣховъ, нежели частныя лица, единственно заботившіяся о своей выгодѣ. Сверхъ того правительство могло продавать табакъ въ ограниченномъ количествѣ и тѣмъ удерживать ясачные народы отъ разоренія, тогда-какъ такого побужденія у частныхъ лицъ, продававшихъ табакъ, быть не могло: чѣмъ больше они продали бы табака, тѣмъ больше получили бы выгоды за это. И такъ наше правительство ввело казенную мѣну табака на мѣха въ ясачныхъ волостяхъ также отчасти въ видахъ государственнаго благосостоянія: «*чтобы*», скажемъ словами указа 12 Ноября 1698 года, «*иноземцы пропився* «*безъ нужныхъ одеждъ не остались*». Но конечно запрещенію частнымъ лицамъ вымѣнивать ясачнымъ инородцамъ табакъ на мѣха содѣйствовало и то убѣжденіе, что въ такомъ случаѣ могъ бы случиться недоборъ въ ясакѣ, состоявшемъ въ мягкой рухляди.

Изъ указа 12 Ноября 1698 года видно, что табакъ «*иноземцамъ*» продавался казною ранѣе этого, но съ котораго именно времени, объ этомъ не упоминается въ актахъ.

Теперь очень естественно предположить, что въ договорѣ съ Кармартеномъ для того вмѣнено ему въ обязанность доставлять ежегодно 1000 фунт. табака, чтобы этотъ табакъ былъ вымѣненъ казною на соболей и проч.

Продажа табака Кармартеномъ продолжалась 6 лѣтъ. Поводомъ къ прекращенію ея послужило то, что договоръ съ Кармартеномъ нестрого соблюдался съ нашей стороны; такъ напр. и другимъ иностранцамъ, кромѣ Англичанъ, дозволено было привозить табакъ въ Россію[1]). По-этому Англійскій посланникъ Витвортъ въ 1704 г., вѣроятно по просьбѣ Кармартена, въ нотѣ своей Петру Великому, просилъ о возстановленіи всѣхъ статей договора, или же о взятіи отъ Кармартена за приличную цѣну всего ввезеннаго имъ въ Россію табака. Петръ долгое время не соглашался на первое[2]), но наконецъ, вѣроятно вслѣдствіе просьбы Кармартена, 31 Декабря 1704 года издалъ указъ о непривозѣ никакого табака изъ порубежныхъ городовъ и портовъ во внутренніе города Россіи подъ опасеніемъ большой пени на основаніи прежнихъ указовъ[3]).

Между тѣмъ Петръ Великій рѣшился уничтожить договоръ съ

---

[1]) Голиковъ говоритъ, что Англичане вѣроятно сами начали дѣлать отступленія отъ договора.

[2]) Дѣянія Петра Великаго т. III, стр. 107.

[3]) Полное Собр. Зак. т. IV. № 2002.

Кармартеномъ. Было поручено Курбатову[1]) договориться съ нимъ объ этомъ дѣлѣ и потомъ объявить повѣренному его по табачной торговлѣ въ Россіи Гутфелю, что полученъ указъ о пріемѣ въ казну компанейскаго табака и что ему, Курбатову, поручено договориться о платѣ за этотъ табакъ Гутфелю по предварительномъ опредѣленіи, сколько какого табака находится у Гутфеля, нѣтъ-ли гнилого и испорченнаго, или не подмѣшано-ли черкасскаго. Гнилого табака принимать въ казну не велѣно, а если найдется черкасскій, то о такомъ *«воровствѣ»*[2]) велѣно, по соглашеніи съ адмираломъ писать къ Петру Великому. О цѣнѣ же табака слѣдовало договариваться по предварительномъ совѣщаніи съ знающими людьми и стараться не назначать высокой цѣны за табакъ, потому-что уже онъ лежалъ и его было много. Деньги за табакъ должно договориться заплатить въ три или четыре срока, для того чтобы можно было заплатить деньгами, вырученными за продажу компанейскаго табака изъ казны[3]). Велѣно поступать въ этомъ дѣлѣ, *«чтобы былъ «посланникъ доволенъ, потому-что намъ сіе нынѣ потребно»*[4]).

Замѣчательна въ письмѣ Петра Великаго къ Курбатову собственноручная его приписка: *«также зѣло не добро вы учинили, «что аглійскому консулу сказано, что часть, а не весь табакъ «принять. Хотя и велѣно часть принять, однакожъ объявлять было «не надобно»*[5]).

4-го Апрѣля 1705 года изъ Ратуши былъ объявленъ указъ слѣдующаго содержанія:

---

[1]) Дьякъ Алексѣй Курбатовъ былъ инспекторомъ Ратушскаго Правленія; должность эта состояла въ надзорѣ за бурмистрами. (От. Зап. 1850 г. N° 1 ст. *«Изслѣдованія началъ «торговаго законодательства Петра Великаго»*). Онъ былъ изъ числа прибыльщиковъ, т. е. людей, составлявшихъ проэкты объ увеличеніи государственныхъ доходовъ, о доставленіи прибыли казнѣ. За одинъ изъ этихъ проэктовъ въ 1699 году *«ему дано дьячество и велѣно ему сидѣть въ Ору«жейной Палатѣ и зборы всякіе вѣдать»*. (Зап. Желябужскаго стр. 133 и 295).

[2]) Черкасскій табакъ запрещено было ввозить въ Великороссію и покупать въ ней всѣмъ, не исключая и Кармартена.

[3]) На это Гутфель уже прежде изъявлялъ согласіе.

[4]) Петру хотѣлось, чтобы англійская королева приняла участіе въ заключеніи имъ мира съ Карломъ XII и чтобы она при этомъ похлопотала въ нашу пользу.

[5]) Дѣянія Петра Великаго т. III, стр. 108 и 109.

Велѣно Бурмистрамъ табакъ, находящійся у приказчиковъ Гутфеля, описать и взять у нихъ показанія подъ клятвою: сколько и какою цѣною они продали табака съ 1 Января этого года, сколько получили за продажу его денегъ и сколько въ домахъ имѣютъ. Деньги, полученныя ими за продажу табака съ Января 1705 г., велѣно взять въ Земскія Избы, раво какъ и бумагу, въ которой продавали они тертый табакъ; также велѣно взять у приказчиковъ и цѣловальниковъ всѣ вѣдомости о продажѣ табака съ Января 1705 же года, а выемочный черкасскій табакъ находящійся у воеводъ, взвѣсить и описать. Табакъ, взятый у Гутфеля и его приказчиковъ, а также и у воеводъ, приказано продавать кабацкимъ бурмистрамъ и цѣловальникамъ: фунтовой по 8 алтынъ и 2 деньги за фунтъ, а витой по 2 деньги за аршинъ[1]). Если въ какомъ-нибудь городѣ табака оставалось мало, то бурмистры должны были о присылкѣ его писать въ Московскую Ратушу: если же табакъ весь проданъ, то брать его изъ другихъ близкихъ городовъ. Бурмистры Земскихъ Избъ должны были кабацкимъ бурмистрамъ и цѣловальникамъ *«чинить всякое радѣніе и состоятельному въ тою промыслу пополненію усмотрѣніе»*.

Въ многолюдныя села и деревни и на ярмарки велѣно безпрестанно посылать выборныхъ для продажи тамъ табака; они также должны были *«всячески провѣдывать»*, не продаетъ-ли кто корчемнаго табака; а чтобы всѣ знали о запрещеніи торговать корчемнымъ табакомъ, велѣно о томъ *«на торгахъ кликать бирючемъ по вся мѣсяцы, и, написавъ о томъ на листахъ, прибить въ приличныхъ мѣстахъ на дщицахъ»*. Если-же кто будетъ *«по замерзелому своему противству»* продавать корчемный табакъ, то у такихъ *«неправдивцевъ»* брать въ казну все имущество, а ихъ наказавъ ссылать съ женами и дѣтьми на поселеніе въ Азовъ, или даже на каторгу, *«для того что многими Его Великаго Государя указами то корчемство запрещено, а истребитися не можетъ»*; донесшимъ же объ этомъ преступленіи велѣно давать четвертую часть изъ взятаго имущества корчемника и сверхъ того, если они изъ крѣпостного сословія, свободу. Съ узнавшихъ же о такой продажѣ, но не донесшихъ о ней, брать половину имѣнія и четверть этой половины отдавать сдѣлавшимъ объ этомъ извѣтъ.

Земскимъ и кабацкимъ бурмистрамъ положены точно такія же

---

[1]) Въ этомъ указѣ также есть рецептъ приготовленія тертаго табака: на 1 ф. табака должно брать 1 фунт. 38 золот. золы, 82 золотн. воды и 56 золотн. бумаги, слѣдовательно всего привѣсу на 1 фунтъ табака должно быть 2 фунта 8 золотниковъ.

награды и наказанія за доносъ и не доносъ о корчемникахъ. Воеводы должны были давать бурмистрамъ посыльныхъ и служилыхъ людей и не дѣлать имъ «препонъ» въ исполненіи ихъ обязанности и проч.[1]).

Казенная продажа табака существовала въ Россіи до 10 Октября 1716 года. Этого числа велѣно было обнародовать, что табакъ отдается на откупъ и о томъ, кто пожелаетъ взять его на откупъ, въ какомъ мѣстѣ, за какую цѣну, съ какимъ уговоромъ, также о томъ, сколько въ тѣхъ мѣстахъ прежде было съ табака денежнаго сбора большаго, меньшаго и средняго окладовъ и наконецъ, если откупа никто не захочетъ взять, то и объ этомъ велѣно генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ донести въ Канцелярію Сената къ 1 Января 1717 года[2]). Вѣроятно табака никто не взялъ на откупъ, потому-что объ этомъ не говорится въ Полномъ Собраніи Законовъ.

Послѣ смерти Петра Великаго наше правительство первоначально издаетъ постановленія о табакѣ, относящіяся только до нѣкоторыхъ мѣстъ, а именно: 4 Августа 1725 г. дозволенъ безпошлинный провозъ табака и свободная его продажа въ Дербентѣ, Баку и въ крѣпости Св. Креста для пользы войскъ, тамъ стоящихъ; это постановленіе имѣло силу до 9 Ноября 1736 г., когда положено и въ этихъ мѣстахъ брать пошлину съ табака[3]). 18-же Іюля 1726 г. велѣно въ Выборгѣ *«для размноженія тамошнихъ «торговъ»* брать пошлину съ табака, 1 коп. съ фунта.

Наконецъ 10 Октября 1727 г. вышелъ довольно важный указъ: о вольной торговлѣ табакомъ, учрежденной для освобожденія купечества отъ службы по табачной продажѣ и для пользованія его этою продажею. Пошлину съ табака велѣно брать по 1 к. съ фунта; съ тѣхъ, кто повезетъ табакъ въ Сибирь и Астрахань, на границѣ еще брать такую же пошлину. Постановленія о малороссійскомъ и слободскомъ табакѣ оставлены безъ измѣненія. Съ табака же, отправляемаго въ Остъ-Зейскій Край, пошлины брать не положено. За безпошлинный провозъ табака опредѣлено его отбирать, а пошлину взыскивать съ того, кто возметъ его[4]). Въ томъ же году положено съ табака, провозимаго изъ Малороссіи въ Великороссію, брать пошлину по 12 коп. съ пуда.

Такая вольная продажа табака продолжалась до 1 Января 1749

[1]) Полн. Собр. Зак. т. IV. N° 2045.
[2]) Тамъ же т. V. N° 3043.
[3]) Тамъ же т. VII. N° 4757 и IX. N° 7094.
[4]) Тамъ же N° 5164.

года, съ котораго времени продажа его въ Великороссіи и Сибири отдана на откупъ на 4 года Московскому купцу Козмѣ Матвѣеву съ компаніей изъ платежа имъ за малороссійскій табакъ по 42,891 руб. 6¼ коп. съ надлежащими пошлинами. Причиной отдачи продажи табака на откупъ была незначительность дохода казны отъ вольной продажи его. Условія, на которыхъ Матвѣевъ взялъ на себя табачный откупъ, были слѣдующія:

Онъ табакъ изъ Малороссіи и Слободскихъ Полковъ долженъ былъ возить чрезъ пограничные малороссійскіе города Брянскъ, Курскъ и Сѣвскъ, гдѣ въ таможняхъ онъ, Матвѣевъ, долженъ былъ объявить провозимый табакъ, но не для платежа пошлинъ, (которыя будутъ браны въ Камеръ-Коллегіи), а для записки въ особыя книги вѣса и цѣны его. Матвѣевъ или его товарищи должны давать провозящимъ табакъ ярлыки, съ которыми бы табакъ можно было безостановочно и безпошлинно провозить во всей Великороссіи и въ Сибирь. Въ Остъ-Зейскомъ Краѣ, въ Малороссіи и Слободскихъ полкахъ Матвѣеву въ платежѣ пошлинъ поступать на основаніи правилъ и привилегій тѣхъ странъ; а въ платежѣ пошлинъ съ привозимаго изъ-за моря и съ отвозимаго за море табака поступать по тарифу и по указамъ. Табакъ опредѣлено продавать вдвое дороже издержекъ употребленныхъ на провозъ его и покупку, но впрочемъ для уничтоженія корчемства черкасскій табакъ позволено продавать и дешевле этой двойной цѣны. Въ ясачныя волости въ Сибири съ табакомъ запрещено ѣздить.

Иностраннымъ рульнымъ и курительнымъ табакомъ никому кромѣ Матвѣева не дозволено торговать, а шаромъ запрещено торговать и Матвѣеву; его только казна можетъ покупать для продажи или мѣны инородцамъ. По-этому, если у кого найдется шаръ, Матвѣевъ долженъ конфисковать его въ пользу казны, за что̀ положено выдавать Матвѣеву деньги, которыхъ тотъ шаръ стоитъ; изъ нихъ Матвѣевъ долженъ былъ платить жалованье офицерамъ и солдатамъ, опредѣленнымъ для выемки корчемнаго табака. Малороссіянамъ позволено торговать своимъ табакомъ.

За провозъ табака за границу съ виновныхъ, равно какъ съ сообщниковъ ихъ и съ вѣдавшихъ о ихъ преступленіи, но не донесшихъ о томъ, положено взыскивать пеню: за первый разъ 50 р., за второй 100, а за третій *«чинить жестокое наказаніе по Уло«женію»*[1]); штрафныя деньги велѣно Матвѣеву употреблять на жалованье таможеннымъ офицерамъ и солдатамъ и на награды до-

---

[1]) Такое же наказаніе положено въ 1716 и 1736 гг. за корчемство вина.

носителямъ о корчемствѣ (по полтинѣ за пудъ). Послѣднихъ велѣно приводить въ провинціальныя и городовыя воеводскія канцеляріи. Имѣющимъ табачные огороды и заводы позволено свой табакъ продавать только откупщикамъ.

Матвѣевъ могъ отдавать отъ себя табакъ на откупъ.

Разрѣшено всѣмъ, по покупкѣ у Матвѣева папушнаго табака и по передѣлкѣ его, продавать разновѣсно, но только съ полученіемъ отъ Матвѣева на то письменнаго дозволенія. Это постановлено потому, что многіе, преимущественно отставные солдаты, находили себѣ пропитаніе въ ручной обработкѣ табака.

Имѣющіе табакъ должны съ 1 Января 1749 г. объявить и продать его Матвѣеву по добровольной цѣнѣ; привезшіе же табакъ въ Остъ-Зейскій Край должны продавать его въ этотъ срокъ мѣстнымъ жителямъ. Малороссіянамъ оставлены ихъ прежнія права.

Матвѣевъ всѣмъ можетъ продавать табакъ для отпуска за границу, но со взятіемъ портовыхъ и внутреннихъ по тарифу и указу пошлинъ [1]).

16 Мая 1749 года вышелъ указъ о позволеніи Матвѣеву и его повѣреннымъ продавать табакъ въ Рижской губерніи оптомъ и о запрещеніи продавать его тамошнимъ русскимъ купцамъ для развичной перепродажи [2]).

По истеченіи срока откупа Матвѣева въ 1753 году табакъ въ Европейской Россіи отданъ на откупъ купцу Горбылеву на 6 лѣтъ за 63, 662, р. 61 к. въ годъ съ надлежащими пошлинами. Въ Сибири же табачный откупъ по взаимному соглашенію Горбылева съ Матвѣевымъ отданъ послѣднему. Условія договора съ Горбылевымъ такія же, какія прежде были заключены съ Матвѣевымъ, исключая того, что теперь ничего не говорится о запрещеніи торговать шаромъ или привозить табакъ въ ясачныя волости, и наказаніе за корчемство табака опредѣлено такое же, какое указомъ 3 Мая 1732 г. положено за неявленные товары [3]). Сверхъ того велѣно мѣстнымъ властямъ не дѣлать остановки Горбылеву въ продажѣ табака, а напротивъ помогать ему, потому-что откупъ ему отданъ за большую сумму [4]).

Когда срокъ, на который Горбылевъ взялъ на откупъ продажу табака, кончился, правительство заключило договоръ съ генералъ-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. т. XII. № 9543.

[2]) Тамъ же т. XIII. 9617.

[3]) Въ чемъ заключается сказанный указъ — неизвѣстно, потому-что его нѣтъ въ Полн. Собр. Зак.

[4]) Тамъ же № 10,078.

фельдмаршаломъ графомъ Шуваловымъ, по которому ему и его наслѣдникамъ позволено какъ продавать табакъ въ Россіи, такъ и отпускать его за границу въ продолженіи 20 лѣтъ, за что Шуваловъ долженъ былъ платить въ казну по 70,000 руб. въ годъ.

По какой же цѣнѣ продавался табакъ съ 1697 г.? Должно замѣтить, что цѣна его была неодинакова. Такъ Посошковъ говоритъ, что табакъ продавался дороже 30 коп. за фунтъ; въ 1704 г. при введеніи казенной торговли табакомъ велѣно продавать его вѣсовой по 25 коп. за фунтъ, а витой по 1 коп. за аршинъ. Въ половинѣ же XVIII ст., по словамъ Теплова, продавался тертый табакъ по 2 и по 2½ руб. за фунтъ. Съ перваго раза покажется удивительнымъ, что цѣна табака въ полвѣка (съ 1704 до 1761 г.) сдѣлалась въ-десятеро выше, но при этомъ надобно замѣтить, что курсъ денегъ въ половинѣ XVIII ст. очень упалъ.

И такъ мы видѣли, что торговля табакомъ во второмъ періодѣ табачной промышленности была то казенная, то вольная, то отдавалась на откупъ. Нѣтъ сомнѣнія, что монополія правительства въ табачной промышленности не совсѣмъ благопріятствовала послѣдней; такъ напр. мы знаемъ, что Шуваловъ подорвалъ заграничную торговлю табакомъ и притомъ вотъ какимъ образомъ: однажды онъ, заключивъ съ французскими откупщиками договоръ о поставкѣ имъ малороссійскаго табака, отпустилъ его неправильнаго вѣса, вслѣдствіе чего мы потеряли кредитъ у иностранцевъ. Какъ казенная, такъ и откупная продажа табака конечно имѣла свою невыгодную сторону: первая требовала контроля, потому-что на добросовѣстность чиновниковъ того времени положиться было не льзя; вторая, избавляя правительство отъ контроля, представляла выгоды откупщику на счетъ другихъ гражданъ, потому-что откупщикъ для своихъ выгодъ конечно назначалъ большую цѣну за табакъ. Екатерина Великая вполнѣ сознавала дурныя стороны въ табачной монополіи, когда торговлю табакомъ сдѣлала вольною, *«въ «разсужденіи того, чтобъ не одинъ»* (человѣкъ), *«но все общество «тѣмъ торгомъ пользовалось»*[1]).

---

[1]) Полн. Собр. Зак. т. XVI. № 11, 630 и 20. Намъ кажется, что здѣсь не лишнее будетъ привести слѣдующія слова г. Горлова о невыгодахъ табачной регаліи вообще: *она стѣсняетъ «земледѣліе, отъ чего происходятъ большія потери, не возна«граждаемыя никакими выгодами. Воздѣлываніе табаку, для «предупрежденія обмановъ, подвергается строгому надзору, ко«личество поставляемаго ежегодно въ казну табаку опредѣ«ляется, чрезъ это табачный промыселъ соединяется съ неудо-*

Прямымъ слѣдствіемъ откупной системы табака и слѣдовательно дорогой цѣны его было въ высшей степени сильное корчемство и контрабанда имъ, не смотря на тяжкія наказанія, опредѣленныя за это преступленіе. Такъ въ указѣ 4 Апрѣля 1705 г., какъ мы уже то видѣли, назначается за корчемство ссылка съ женами и дѣтьми въ Азовъ на поселеніе и даже на каторгу, «*для* «*того что многими Его Великаго Государя указами то корчемство* «*запрещено, а истребитися не можетъ*». Въ указѣ 21 Марта 1761 г. говорится, что многіе разными способами, а преимущественно подъ видомъ развоза для внутренней продажи табака, вывозятъ его по-нѣскольку сотъ возовъ на самую границу и иногда съ насиліемъ провозятъ черезъ нее; поэтому малороссійскому гетману было предписано принять по его усмотрѣнію мѣры противъ этого преступленія [1]).

Уничтоженіе запрещеній на табакъ должно было увеличить употребленіе его, чему могло способствовать наше знакомство съ Европой, пріѣздъ въ Россію многихъ иностранцевъ и примѣръ Двора; такъ мы знаемъ, что Петръ Великій и многіе его приближенные, вѣроятно во время своего пребыванія за границей, привыкли употреблять его [2]), а извѣстно, что въ прихотахъ моды низшее сословіе всегда старается подражать высшему. Его курили въ австеріяхъ и на гуляньяхъ; даже въ церквахъ нюхали его, что̀ въ царствованіе Елизаветы Петровны было запрещено. Она велѣла своимъ гайдукамъ и лакеямъ смотрѣть, чтобы въ придворной церкви никто не нюхалъ, и позволяла имъ, если они у кого увидятъ въ рукахъ табакерку, какой бы цѣны она не была, взять ее себѣ [3]). Особенно употребленіе табака усилилось въ концѣ второго періода табачной промышленности. Такъ напр. Тепловъ говоритъ: «*упо*«*требленіе сей планты* (табака) *въ аптекахъ, табакеркахъ и труб*«*кахъ курительныхъ, мѣры почти свои въ нашъ вѣкъ превосходитъ*»; и «*словомъ вся Россія, или лучше сказать вся Европа безъ изъятія,*

«*вольствіями и потерями, многіе оставляютъ его, предложеніе* «*табаку уменьшается, отъ чего происходитъ вздорожаніе. По* «*этимъ причинамъ, регалія есть самый невыгодный способъ* «*облагать табакъ податью*». (Теорія финансовъ, соч. Горлова, стр. 57).

[1]) Полн. Собр. Зак. т. XV. № 11,222.

[2]) Это можно заключить изъ нѣкоторыхъ писемъ Петра (Дѣянія Петра Великаго т. II, стр. 235, 277; т. VI, стр. 496).

[3]) Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ Успенскаго.

«а многія части и Азіи употребленіемъ табака разнообразнымъ за-«ражены»[1]).

Теперь разсмотримъ мѣры нашего правительства касательно разведенія и обработки табака во второмъ періодѣ табачной промышленности.

О разведеніи табака въ Россіи вотъ какъ думалъ современникъ Петра Великаго, Посошковъ: *«намъ такъ мочно его размно-«жить, что милліонная отъ него прибыль будетъ; а на какихъ земляхъ «онъ родится, такихъ земель у насъ премножество: мочно намъ или «его сѣять во всѣхъ городѣхъ, а наипаче въ Симбирску, на Самарѣ, «на Пензѣ, на Инсарѣ, на Ломовѣ, во Мченскѣ, на Саратовѣ, на «Царицынѣ и въ Астрахани, и на Воронежѣ и во всей Кіевской странѣ «и въ тѣхъ городѣхъ мочно его по тысячѣ тысячь пудъ наплодить «на каждой годъ»*[2]).

Но Петръ Великій въ первые годы своего царствованія запрещалъ разведеніе табака въ Россіи, даже послѣ того какъ позволилъ продажу его. Сперва эти запрещенія касались только одной Сибири[3]), (вѣроятно по той же причинѣ, почему и прежде преимущественно въ этой странѣ запрещалось употребленіе табака: во избѣжаніе неисправности въ платежѣ инородцами ясака), а потомъ всей Россіи, кромѣ *«токмо единыя провинціи Казацкой»*. Вѣроятно въ Сибири табакъ запрещалось разводить во все время царствованія Петра Великаго, потому-что мы не нашли указа о дозволеніи его разводить тамъ. Что же касается до запрещенія разводить табакъ въ Европейской Россіи, постановленнаго 16 Апрѣля 1698 года въ договорѣ съ Кармартеномъ, то по уничтоженіи договора оно конечно уничтожилось, какъ уже не имѣвшее тогда никакого основанія.

Заботы Петра Великаго о разведеніи табака начинаются въ послѣдніе годы его царствованія и преимущественно состоятъ въ выписываніи изъ-за границы сѣмянъ иностраннаго табака для разведенія его въ Малороссіи, потому-что климатъ и почва ея одинаковы

---

[1]) Полн. Собр. Зак. т. XVI. № 11, 777.

[2]) Соч. Ив. Посошкова, стр. 137.

[3]) Такъ въ наказѣ Тобольскому воеводѣ 1 Сентября 1697 года говорится: *«табакъ сырой и толченой и дымной и на поле «сѣянной велѣти вынимати»* и за разведеніе табака въ Сибири полагается за первый разъ тѣлесное наказаніе и заключеніе въ тюрьму на недѣлю, а потомъ отдача на поруки; за второй и третій—конфискація имущества и заключеніе въ тюрьмѣ до полученія о виновномъ указа. (Полн. Собр. Зак. т. Ш. № 1594 п. 14, стр. 348).

съ климатомъ и почвою Виргиніи и Марилянда, откуда получался самый лучшій табакъ [1]). Такъ 12 Сентября 1715 г. писалъ онъ къ Соловьеву, бывшему тогда въ Англіи, о покупкѣ сѣмянъ табака англійскаго и голландскаго [2]). Голиковъ, разсказывая о дѣлахъ Петра Великаго въ 1719 году, говоритъ: *«извѣстно, что Великій Государь, за нѣсколько еще до сего времени, развелъ въ Малороссіи разныя «породы лучшаго американскаго табаку»* [3]). Указомъ 3 Декабря 1723 года онъ повелѣваетъ Мануфактуръ-Коллегіи выписывать изъ-за границы сѣмена иностраннаго табака и разводить этотъ табакъ въ мѣстахъ, гдѣ онъ можетъ хорошо родиться; также приказываетъ ей выписывать изъ-за границы людей, умѣющихъ разводить его [4]). 12 Января 1724 года онъ писалъ въ Испанію къ министру своему Сергѣю Голицыну о высылкѣ изъ Испаніи или изъ Португаліи табачныхъ сѣмянъ, такихъ, *«какія сѣются въ климатѣ, сходномъ «съ Гилянскимъ и Шемаханскимъ»* [5]).

Сѣмена, вывезенныя изъ иностранныхъ государствъ, сѣяли на земляхъ, приписанныхъ къ Ахтырскому заводу въ Малороссіи. Табакъ, получаемый отъ нихъ, былъ гораздо лучше малороссійскаго [6]). Послѣ смерти Петра Великаго наше правительство перестало выписывать сѣмена иностраннаго табака.

Что же касается до простого малороссійскаго табака, то его позволялось разводить каждому съ платою по 60 коп. съ пуда; въ послѣдствіи же времени, *«послѣ Гетмана»*, какъ говорится въ Полномъ Собраніи Законовъ, эта пошлина была замѣнена десятиною. Но такъ-какъ десятинный табакъ не расходился, то 25 Мая 1725 г. съ табака опять положено брать пошлину по-прежнему [7]); правительство при этомъ расчитывало, что если для него понадобится табакъ, то его выгоднѣе будетъ купить на деньги, полученныя отъ табачныхъ пошлинъ, нежели пользоваться десятиннымъ табакомъ.

Малороссійскій табакъ, по неумѣнью земледѣльцевъ выбирать для него почву, разводить, собирать, обработывать и сохранять его, былъ дурного качества и не годился для заграничной торговли: послѣдній откупщикъ генералъ-фельдмаршалъ Шуваловъ подрядился было поставить французскимъ откупщикамъ малороссійскаго табака,

[1]) Полн. Собр. Зак. т. XVI. № 11, 777, проэктъ Теплова ч. 1. гл. 2.
[2]) Дѣянія Петра Великаго т. VI, стр. 337.
[3]) Тамъ же, стр. 587.
[4]) Полн. Собр. Зак. т. VII., № 4281, стр. 3.
[5]) Дѣянія Петра Великаго т. X, стр. 356.
[6]) Полн. Собр. Зак. т. IX., № 6371.; т. VII., № 4381, п. 3.
[7]) Тамъ же т. VII., № 4513, стр. 288.

но тѣ по негодности его, да и по другой причинѣ, мною уже прежде высказанной, не приняли этого табака. И такъ табакъ можно было сбывать только внутри Государства. Разведеніе его приносило самыя незначительныя выгоды занимающимся этою отраслію промышленности. При всѣхъ этихъ условіяхъ культура табака у насъ не могла процвѣтать, а послѣдняя монополія еще болѣе повредила ей, такъ-что плантаціи табака въ Россіи пришли въ крайнее разстройство. Вотъ въ какомъ жалкомъ состояніи находилось у насъ разведеніе табака до Екатерины Второй, которая указомъ 14 Мая 1763 г. обратила на него свое вниманіе и, поощряя его съ того времени, дала ему возможность улучшиться[1]).

Что касается до фабрикаціи табака, то о выгодахъ ея для Россіи справедливо говоритъ Посошковъ слѣдующее: «*Аще табачные заводы завести въ Россіи и ради добраго въ немъ управленія, чтобы онъ былъ ничемъ хуже заморскаго, добыти мастера добраго, чтобы научился строить по заморски, то такъ намъ мочно на него нанасти, что и коробьями за море мочно намъ его отпускать, и если въ Руси его строить, то выше копѣйки фунтъ его не станетъ, а заморскаго выше 10 алтынъ фунтъ покупаютъ......*»[2]).

Петръ Великій вполнѣ раздѣлялъ такое мнѣніе; вотъ что онъ писалъ собственноручно 16 Января 1716 года въ Амстердамѣ къ Соловьеву:

«*Понеже у насъ въ Черкасскихъ городахъ довольно табака родится, только онаго не умѣютъ строить на такую маниру, какъ изъ Голландіи отвозятъ въ расходъ для продажи на Остзей; и для того пріищи въ Голландіи нанять въ нашу службу на три года подмастерья, или добраго работника, (который бы зналъ табакъ отбирать, вить и жать, и чтобъ при немъ были двѣ табачныя прясельцы, и два колеса, и двои тиски, простыя, желѣзомъ окованныя), котораго ищи изъ служителей Яна Тесина, понеже оныхъ искуснѣе въ Голландіи на сіе дѣло нѣтъ, и смотри, чтобъ былъ трезвый, трудолюбивой и не старой человѣкъ, а именно: чтобъ не былъ болѣе сорока лѣтъ; и нанявъ таковаго человѣка, пришли сюда, (сколько возможно сіе тайно дѣлай, дабы не провѣдали тѣ, которые симъ промышляютъ и получаютъ богатство; ибо ежели провѣдаютъ, то отобьютъ наемщиковъ); и какъ онаго наймешь, тогда купи сыропу, или масла табачнаго, сколько на 50,000 фунтовъ табаку подлежитъ; также и сверхъ того ежели какіе припасы помянутому подмастерью понадобятся, то взявъ у него роспись и все*

[1]) Полн. Собр. Зак. т. XVI., N° 11,777.

[2]) Соч. Ив. Посошкова, стр. 137.

«некупя, съ ними же пришли, и чтобъ онъ какъ тотъ сыропъ, такъ «и прочее все выбиралъ самъ, дабы послѣ пріѣхавъ сюда не сказалъ, «что ты худое ему купилъ»[1]).

Соловьевъ дѣйствительно нанялъ табачнаго мастера и отправилъ его въ Петербуръ. Поэтому Петръ Великій писалъ 18 Апрѣля 1716 года къ Меньщикову, чтобы онъ, посовѣтывавшись съ вицеадмираломъ Крейцомъ, опредѣлилъ его къ дѣлу, «дабы онъ не гулялъ»[2]). Видно, что этотъ мастеръ очень занималъ мысли Петра: такъ 15 Апрѣля 1716 г. онъ опять въ письмѣ къ Меньщикову подтверждаетъ, чтобы табачный мастеръ не былъ безъ дѣла. Въ томъ же году Петръ Великій писалъ къ вице-адмиралу Крейцу, чтобы онъ при помощи пріѣхавшаго табачнаго мастера постарался учредить по-голландски табачную фабрику и привелъ фабрикацію табака въ совершенство[3]).

Старанія Петра касательно этой фабрики увѣнчались успѣхомъ: такъ 7 Января Крейцъ донесъ ему, что «табачная фабрика начинаетъ происходить изрядно» и что «не малая отъ того впредь будетъ прибыль», за что̀ и получилъ благодарность отъ Петра.

3-го Марта 1717 года Петръ писалъ къ Меньщикову, чтобы онъ отъ себя предложилъ Крейцу взять фабрику «въ хозяйственное его смотрѣніе» за нѣкоторую часть прибыли, которая будетъ получаться отъ той фабрики[4]). Согласился-ли на это Крейцъ, или нѣтъ — не извѣстно.

10-го Декабря того же года Меньщиковъ писалъ къ Петру, что табачный мастеръ «изъ нашего табака изрядную пробу учинилъ, изъ чего можно надѣяться не малому быть плоду», но что у него не достаетъ инструментовъ, а поэтому онъ и просилъ прислать ихъ изъ Голландіи[5]). Петръ Великій, бывши въ Голландіи, заказалъ тамошнему мастеру сдѣлать эти инструменты и потомъ прислалъ ихъ въ Петербургъ[6]).

Послѣ этого не встрѣчается никакихъ извѣстій о табачной фабрикѣ въ Петербургѣ, исключая того, что Петръ 2 Мая 1718

---

[1]) Дѣянія Петра Великаго т. VI, стр. 375 и 376.

[2]) Тамъ же, стр. 376 и 377.

[3]) Тамъ же, стр. 487 и 504.

[4]) Тамъ же, стр. 585 и Полн. Собр. Зак. т. V. № 3071.

[5]) Въ этомъ же письмѣ написано: «нынѣ мы изъ того табаку «посылаемъ для пробы въ Корелію, въ Финляндію, въ Ревель и «въ прочія мѣста, и какой опытъ учиненъ будетъ, о томъ Вашему Величеству не оставлю донесть».

[6]) Дѣянія Петра Великаго т. VII, стр. 586.

года смотрѣлъ, какъ на ней вили табакъ *«на Голландскій ма-«нерь*[1]). Голиковъ полагаетъ, что объ этой фабрикѣ потому нѣтъ дальнѣйшихъ извѣстій, что табачный мастеръ вѣроятно вскорѣ умеръ, другого же мастера достать не могли, и поэтому фабрика уничтожилась. Предположеніе, что другого табачнаго мастера достать не могли, онъ доказываетъ тѣмъ, что голландскій фабрикантъ Тессинъ старался удержать при себѣ секретъ табачной фабрикаціи, отъ котораго зависѣла вся его выгода, что ему и удалось сдѣлать, такъ-что его фабрика до времени Голикова была лучшею[2]). Г. Афанасьевъ[3]) высказываетъ предположеніе, что табачная фабрика была переведена изъ Петербурга въ Ахтырскій уѣздъ[4]). Но также очень можетъ быть, что табачный мастеръ по прошествіи трехъ лѣтъ, на которыя его наняли въ Россію, уѣхалъ на родину. Это тѣмъ правдоподобнѣе, что иностранные мастера, по словамъ Голикова, неохотно оставались въ Россіи и, проживъ въ ней то время, на которое ихъ выписывали, уѣзжали обратно въ свое отечество. Впрочемъ для насъ нѣтъ большого интереса узнать, почему уничтожилась эта фабрика.—При Петрѣ Великомъ была еще *«знатная»* табачная фабрика въ Ахтырскомъ уѣздѣ, заведенная *«по Нѣмец-«кому обыкновенію отъ иноземцевъ мастеровъ»*. Время ея учрежденія не извѣстно. На ней табакъ, разведенный отъ американскихъ сѣмянъ, *«вили въ рули по Голландски и рѣзали въ картузы»*. Этотъ табакъ продавался на мѣстѣ приготовленія, а также развозился въ столичные и другіе города Россіи, впрочемъ въ незначительномъ количествѣ, меньше нежели сколько обработывалось на заводѣ, такъ что его довольно много оставалось въ магазинахъ, гдѣ онъ гнилъ отъ времени и сырости. Къ Ахтырской фабрикѣ было приписано 550 дворовъ, взятыхъ у полковника Перекреста; на ней училось много учениковъ изъ Великороссіянъ и Малороссіянъ[5]).

И такъ при Петрѣ были заведены 2 табачныя фабрики: въ Петербургѣ и Ахтырскѣ; но тѣмъ заботы его о фабрикаціи табака не кончились: такъ 3 Декабря 1723 года онъ издалъ указъ, по которому Мануфактуръ-Коллегія должна была устроивать *«со време-*

[1]) Дѣянія Петра Великаго т. VII, стр. 353.

[2]) Тамъ же т. VI, стр. 586 и 587.

[3]) Современ. 1747 г. т. IV. ст.: *«Государственное Хозяйство при «Петрѣ Великомъ»*, стр. 52.

[4]) Городъ слободскихъ полковъ, принадлежавшій къ Бѣлогородской провинціи въ Малороссіи (Дѣян. Петра Великаго т. XIII, стр. 509).

[5]) Дѣянія Петра Великаго т. XIII, стр. 511. и Полн. Собр. Зак. т. IX. N° 6371.

«немъ мельницы противъ Голландскихъ, на которыхъ табакъ крошить, «въ рули вить и толочь» [1]).

Послѣ смерти Петра Великаго Ахтырскій заводъ началъ приходить въ упадокъ. Въ 1727 г. велѣно, если никто не возметъ его въ собственное содержаніе, строеніе, принадлежащее къ заводу, продать, а сѣмена раздать малороссійскимъ обывателямъ для разведенія табака въ свою пользу. Поэтому Мануфактуръ-Контора, которая завѣдывала Ахтырскимъ заводомъ, отдала его съ мастеровыми Санктпетербургскому купцу Маслову на содержаніе, съ платою за строніе безъ деревень, приписанныхъ къ нему Петромъ Великимъ, 234 руб.; инструменты же за незнаніемъ цѣны ихъ отданы даромъ. Но Масловъ, не заплатя денегъ, умеръ, а наслѣдниковъ послѣ него не осталось. Поэтому заводъ отписанъ въ казну, а деревни остались во владѣніи Ахтырскаго полка, полковнику котораго велѣно на заводѣ табакъ въ рули вить и крошить и сдѣланное продавать, а мастеровымъ платить жалованье. Но полковникъ донесъ, что на заводѣ получается мало папушнаго табака и мастеровымъ нечего дѣлать, а они просятъ жалованья. Между тѣмъ три раза было публиковано, не желаетъ-ли кто взять заводъ на свой коштъ, но на это никто не вызвался. 17 Апрѣля 1733 г. Сенатъ, принявъ во вниманіе, что казна, платя жалованье мастеровымъ и не получая отъ завода прибыли, потерпитъ убытокъ, опредѣлилъ, если никто завода не возметъ въ содержаніе, отдать его Ахтырскому полку, потому-что ему принадлежала земля, находящаяся подъ заводомъ. За строеніе и инструменты завода велѣно взять съ Ахтырскаго полка деньги въ пользу казну; сѣмена же велѣно раздать Малороссіянамъ, а табакъ продавать на Ахтырскѣ и въ другихъ мѣстахъ [2]).

Послѣ этого объ Ахтырскомъ заводѣ нѣтъ извѣстій; вѣроятно онъ, какъ не приносившій выгоды, вскорѣ былъ уничтоженъ, и Россія до Екатерины Второй не имѣла уже табачнаго завода.

---

[1]) Полн. Собр. Зак. т. VII. № 4381. Голиковъ говоритъ, что 3 Декабря 1713 года былъ изданъ указъ, по которому повелѣвалось *«заводить всѣмъ желающимъ всякія мануфактуры «и табачныя плантаціи, съ предписаніемъ выгодныхъ къ тому «поощреній, и какъ поступать съ послѣднимъ въ разсужденіи его «обдѣлки, дабы былъ подобенъ вывозимому изъ Голландіи.»* (Дѣянія. Петра Великаго. т. V стр. 546). Г. Афонасьевъ думаетъ, что Голиковъ подъ этимъ указомъ разумѣлъ указъ 3 Декабря 1723 года. (Совр. 1847 г. т. IV. ст. Госуд. Хоз. при Петрѣ Великомъ).

[2]) Полн. Собр. Зак. т. IX, № 6371.

Бросимъ же теперь общій взглядъ на табачную промышленность у насъ во второмъ періодѣ. Мы видѣли, какія мѣры употребилъ Петръ Великій относительно нея; должно замѣтить, что основаніемъ многихъ изъ нихъ были меркантильныя понятія, чему можетъ служить доказательствомъ причина запрещенія 14 Мая 1697 года продажи табака въ Россіи иностранцами и самое стараніе о разведеніи у насъ сѣмянъ иностраннаго табака и о заведеніи табачныхъ фабрикъ; зная приверженность Петра къ меркантильной системѣ, мы можемъ полагать, что, заботясь обо всемъ этомъ, онъ думалъ чрезъ обработку его ограничить ввозъ иностраннаго табака какъ сырого, такъ и приготовленнаго, и тѣмъ уменьшить вывозъ денегъ за границу. Сверхъ того его постановленія касательно табачной промышленности имѣютъ финансовый характеръ; онъ смотрѣлъ на нее преимущественно какъ на источникъ государственныхъ доходовъ; въ удостовѣреніе чего стоитъ вспомнить о причинѣ уничтоженія запрещеній продавать табакъ, изложенной въ указѣ 1 Февраля 1697 года, о причинѣ запрещенія разводить табакъ вслѣдствіе заключенія договора съ Кармартеномъ; да наконецъ и самый этотъ договоръ и откупная система продажи табака могутъ служить къ подтвержденію нашей мысли: не натурально-ли предположить, что они были вызваны желаніемъ доставить правительству значительный доходъ, хотя вредъ ихъ въ экономическомъ отношеніи очевиденъ? Но не смотря на нѣкоторыя ошибочныя понятія того времени относительно табачной промышленности, Петръ Великій сдѣлалъ для нее очень много пользы: одно уже уничтоженіе запрещеній на табакъ, не говоря о заботахъ относительно разведенія у насъ лучшихъ породъ табака, заведенія табачныхъ фабрикъ, и пр., составляетъ значительную заслугу. Правда его труды не имѣли тѣхъ результатовъ, какихъ бы можно было ожидать отъ нихъ, но этому уже не онъ былъ причиною. Наконецъ, чтобы вѣрнѣе оцѣнить эти мѣры, надо вспомнить духъ его времени, требованія обстоятельствъ и бытъ современной ему Россіи. Развѣ не тѣ же меркантильныя понятія, не то же преобладаніе финансовыхъ расчетовъ надъ экономическими требованіями, не та же откупная система продажи табака были въ то время въ Западной Европѣ? А война съ Карломъ XII, реформа Россіи, — развѣ онѣ не могли заставить Петра прибѣгнуть къ табачному откупу, обѣщавшему довольно значительныя временныя выгоды для удовлетворенія государственныхъ потребностей? Мы еще болѣе оцѣнимъ дѣла Петра касательно табачной промышленности, когда вспомнимъ, что такое была тогда Россія, съ какими предразсудками ему приходилось бороться при дозволеніи употреблять табакъ и стараніи о лучшемъ

удовлетворенія этой потребности. Не разсказывая здѣсь всѣхъ фактовъ, относящихся до этой борьбы, упомянемъ только, что, когда Петръ въ 1702 г. былъ за границей, участники стрѣлецкаго бунта для привлеченія народа на свою сторону распространяли въ немъ слухи, будто бы Петръ ведетъ съ собою иностранное войско, чтобы заставить Русскихъ брить бороды, курить табакъ и проч. Такъ негодовали они на него за то, что онъ пренебрегалъ пустыми преданьями старины, не связанными съ завѣтами предковъ потомству, такъ испугались они его нововведеній.

Послѣ Петра Великаго табачная промышленность начала ослабѣвать и при вступленіи на престолъ Екатерины II была въ упадкѣ.

М. Чулковъ.

НѢСКОЛЬКО

СПОРНЫХЪ ВОПРОСОВЪ

по

ИСТОРІИ РУССКАГО ФИНАНСОВАГО ПРАВА.

Рецензіи сочиненій ученаго содержанія, относящихся притомъ къ предметамъ науки еще мало извѣстнымъ и неразработаннымъ, если онѣ написаны съ знаніемъ дѣла и должнымъ безпристрастіемъ, имѣютъ не одинъ скоропреходящій только интересъ беллетристической статьи, но, составляя сами по себѣ ученый трудъ, могутъ не мало содѣйствовать успѣшному обработыванію наукъ. Съ одной стороны вѣрное указаніе погрѣшностей и недостатковъ не только побуждаетъ самого сочинителя исправить ошибочное, дополнить недостающее, но еще предохраняетъ отъ подобныхъ заблужденій и позднѣйшихъ изслѣдователей науки; съ другой, для большинства читателей, истины, высказанныя сочинителемъ и подтвержденныя рецензентомъ, пріобрѣтаютъ себѣ новый авторитетъ въ лицѣ самого рецензента, особенно если послѣдній самъ извѣстенъ, какъ основательный ученый, и самъ занимался изслѣдованіями въ той области знанія, къ которой принадлежитъ разбираемое имъ сочиненіе. Прямо противоположно вліяніе рецензій, написанныхъ поспѣшно или пристрастно и наполненныхъ ошибочными возрѣніями на предметы науки. Онѣ могутъ подать поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ и тѣмъ легче ввести въ

заблужденіе читателей, что многіе только изъ журнальныхъ разборовъ получаютъ понятіе о достоинствѣ вновь выходящихъ книгъ и часто не имѣютъ ни времени, ни возможности свѣрить съ источниками выводы, сдѣланные сочинителями. Смотря, и кажется справедливо, съ такой точки зрѣнія на ученую критику, я полагаю, что будетъ не поздно и теперь сдѣлать нѣсколько замѣчаній на двѣ рецензіи моей книги: «*Изслѣдованіе о внутреннихъ таможенныхъ пошлинахъ въ Россіи 1850 г.*», напечатанныя—одна въ Москвитянинѣ (Нояб. 1850 г.), другая въ Современникѣ (Дек. того же года). Не помѣщая своей статьи въ какомъ-либо періодическомъ изданіи, я имѣлъ въ виду показать тѣмъ, что не оскорбленное авторское самолюбіе, а единственно желаніе еще болѣе уяснить нѣкоторые спорные предметы, относящіеся къ исторіи русскихъ финансовыхъ законовъ, и разрѣшить разныя недоразумѣнія, къ которымъ могутъ подать поводъ означенныя рецензіи, побудило меня отвѣчать на возраженія, сдѣланныя противъ моей книги.

Рецензія моей книги, помѣщенная въ Москвитянинѣ, принадлежитъ г. Бѣляеву, котораго сочиненіе о войскѣ и другіе труды справедливо заслужили себѣ одобрительный отзывъ знатоковъ нашей русской старины. Имя рецензента въ журналѣ Современникъ не означено. Я начну съ разсмотрѣнія статьи г. Бѣляева особенно потому, что она обратила на себя вниманіе ученыхъ, и Журналъ Мин. Народнаго Просвѣщенія при обозрѣніи разныхъ статей, помѣщенныхъ въ повременныхъ изданіяхъ 1850 года, отозвался о ней, какъ о примѣчательной критической статьѣ.

Г. Бѣляевъ начинаетъ свою рецензію опроверженіемъ слѣдующаго мѣста моей книги: «*если допустить, что рано развилась въ нѣкоторыхъ частяхъ Руси торговля внутренняя и внѣшняя, то можно бы было подумать, что уже въ глубокой древности таможенныя пошлины съ товаровъ внутренняго и внѣшняго производства были значительны въ нашемъ отечествѣ. Однакожъ до временъ ига Монгольскаго мы встрѣчаемъ въ историческихъ памятникахъ очень не много извѣстій о таможенныхъ пошлинахъ; упоминается только о мытахъ, о вѣсчемъ, о торговомъ, о передмѣрѣ, о перевозѣ. Первыя извѣстія о нихъ относятся къ концу 10 вѣка*». По мнѣнію г. рецензента никакъ нельзя утверждать, чтобы таможенныя пошлины не были разнообразны въ нашемъ отечествѣ до ига монгольскаго. Какія же доказательства приводитъ онъ въ подтвержденіе своего взгляда? Во 1-хъ онъ замѣчаетъ, что по лѣтописямъ нельзя судить, проста или разнообразна была система таможенныхъ пошлинъ въ древней Руси, потому-что лѣтописи не говорятъ ничего, относящагося къ этому предмету не только о X, XI и XII вѣкахъ, но и о XV вѣкѣ;

чисто же административныхъ памятниковъ, касающихся собственно сбора таможенныхъ пошлинъ, говоритъ г. Бѣляевъ, ранѣе конца XIII вѣка мы не имѣемъ, точно также какъ не имѣемъ и многихъ другихъ памятниковъ за древнѣйшее время, что впрочемъ не доказываетъ, чтобы ихъ не было въ свое время.—Можно спросить, доказывается-ли этими словами сколько-нибудь существованіе разнообразной таможенной системы въ древнѣйшій періодъ русской исторіи? Нимало. Г. Бѣляевъ высказалъ только два предположенія, ничѣмъ неподтвержденныя, во 1-хъ о существованіи многихъ памятниковъ русскаго законодательства за древнѣйшее время,—предположеніе едва-ли правдоподобное: потому-что ни одинъ народъ въ древнѣйшій періодъ своего существованія не имѣлъ не только многихъ законодательныхъ, но и вообще многихъ письменныхъ памятниковъ. Во 2-хъ предполагается, что въ этихъ не открытыхъ еще памятникахъ глубокой древности упоминается о разнообразной таможенной системѣ, догадка еще болѣе произвольная, чѣмъ первая. Догадки и предположенія, ни на чемъ не основанныя, можетъ конечно дѣлать всякой, но ими нельзя ничего ни опровергнуть, ни доказать.

Впрочемъ г. Бѣляевъ и не ограничивается двумя имъ высказанными, но недоказанными предположеніями: онъ приводитъ въ подтвержденіе своей мысли еще и другія доказательства. «*Слово «мытъ*», говоритъ онъ, «*встрѣчающееся въ нашихъ лѣтописяхъ, «отнюдь не должно принимать въ собственномъ частномъ значеніи «слова, какъ оно принимается въ разныхъ таможенныхъ грамотахъ «XV и XVI вѣка; но въ смыслѣ собирательномъ, т. е. означающемъ «всѣ таможенныя пошлины. Это ясно утверждаетъ лѣтопись въ «договорѣ Олега съ Греками, гдѣ сказано: приходящіи (въ Констан«тинополь) Русь... да творятъ куплю яко же имъ надобѣ, не платяче «мыта ни въ чемъ же. Здѣсь лѣтописецъ говоритъ именно объ осво«божденіи Русскихъ отъ всѣхъ пошлинъ въ Константинополѣ, не «платяче мыта ни въ чемъ же, и обозначаетъ ихъ однимъ «собирательнымъ именемъ мытъ. Точно также при переводѣ свя«щеннаго писанія сборщикъ податей вообще названъ мытаремъ; ко«нечно здѣсь нельзя разумѣть сборщика собственно мыта, portorium «(portitor), но сборщика податей вообще (publicanus). Въ западной «Руси даже въ XV столѣтіи мытомъ назывались безъ различія всѣ «торговыя и проѣзжія пошлины. Такъ напримѣръ въ грамотѣ Ли«товскаго князя Александра Кіевскому войту 1499 года (А. З. Р. «т. I. № 170) или въ Литовскомъ Статутѣ*».

Къ несчастію почтенный рецензентъ приведеннымъ имъ мнѣніемъ подтвердилъ истину прямо противоположную той, которую онъ хотѣлъ защитить. На обширное и собирательное значеніе мыта

до 13 ст. указываю и я въ своей книгѣ на стр. 20, 21 и 90, ссылаясь между прочимъ и на грамоту Литовскаго князя Александра и на Литовскій Статутъ. Приведу подлинныя слова: «*Я думаю, что до ига Монгольскаго, понятіе мыта еще не установилось и что мытомъ могли называть въ разныхъ мѣстахъ разныя пошлины: въ В. Новгородѣ пошлину съ продажи товаровъ на торгахъ, а въ Кіевѣ и Смоленскѣ проѣзжую. Даже въ одномъ и томъ же мѣстѣ и въ одно и тоже время могли понимать подъ мытомъ различныя пошлины. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что до ига Монгольскаго мытъ во многихъ мѣстахъ былъ важнѣйшею изъ немногихъ таможенныхъ пошлинъ, а въ нѣкоторыхъ, кажется, даже единственною; отъ того объемъ понятія мыта могъ быть обширнѣе. Даже въ послѣдствіи, въ 15, 16 и 17 ст., слово мытъ очень часто было употребляемо въ Западной Россіи въ смыслѣ пошлины съ товаровъ вообще, безъ различія дѣйствія, на которое она подала, или повода, по которому была взимаема. Такъ въ 15 ст. въ Кіевѣ (въ Молдавіи) иногда называли мытами пошлины, взимаемыя на торгу съ опредѣленнаго количества извѣстнаго товару, или съ цѣны онаго, или также съ возовъ....... Въ Литовскомъ Статутѣ слово мытъ также употребляется въ обширномъ смыслѣ, такъ что имъ называется не только пошлина, собираемая на рѣкахъ, дорогахъ, перевозахъ, но и на торгахъ и въ мѣстечкахъ*». Въ другомъ мѣстѣ, на стр. 90 моей книги сказано: «*можетъ быть, даже съ понятіемъ древнѣйшей таможенной пошлины—мыта до 13 ст. соединяли иногда значеніе сбора съ товаровъ за право торговли........*». Но именно обширность значенія и собирательный смыслъ слова мытъ и то обстоятельство, что во многихъ мѣстахъ эта пошлина замѣняла собою всѣ проѣзжія и торговыя пошлины, въ послѣдствіи столь разнообразныя, а въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ была главнѣйшею изъ немногихъ, и указываютъ на недостатокъ разнообразія въ таможенныхъ сборахъ и на чрезвычайную простоту взиманія и управленія ихъ. Мытникъ въ древнѣйшее время замѣнялъ собою многихъ таможенныхъ сборщиковъ: онъ взималъ не только мытную пошлину, но по всей вѣроятности и мостовщину. По крайней мѣрѣ въ Кіевской лѣтописи въ половинѣ XII ст. встрѣчаются слова, дающія косвенное на то указаніе: «*въ то же веремя Борисъ пьяшетъ въ Бѣлъгородѣ, . . . да че бы не мытникъ устерегълъ и моста не переметалъ, то али быша.....*». (Ипат. лѣт., стр. 56, г. 1150; срав. Кар. т. II., пр. 332). Мытникъ же собиралъ и торговую пошлину, сколько можно заключать изъ словъ Русской Правды: «*паки ли что будетъ купилъ татебно на торгу......то вывести свободна мужа два или мытника.......мытника передъ кимъ купивше*». Мытомъ назы-

вались въ древнѣйшее время не только проѣзжія, но и торговыя пошлины, какъ самъ же говоритъ г. Бѣляевъ. И такъ гдѣ же онъ видитъ разнообразіе таможенной системы? Далѣе, опровергая мое мнѣніе объ отсутствіи разнообразія въ таможенной системѣ до Монголовъ, г. рецензентъ находитъ, что я опустилъ два довольно значительные вида пошлинъ, именно *пятно*, упоминаемое еще въ Русской Правдѣ, и *пудъ вощаной*, встрѣчающійся въ грамотѣ Всеволода Мстиславича, относящейся къ началу XII вѣка, гдѣ пудъ именно отдѣленъ отъ вѣса, слѣдовательно составлялъ особую пошлину. «*Притомъ же*», говоритъ г. Бѣляевъ, «*здѣсь въ сборѣ вѣсчей пошлины является значительное разнообразіе: такъ низовый гость платилъ съ двухъ берковсковъ вощаныхъ полгривны серебра да гривенку перцу; Полочянинъ и Смольнянинъ по двѣ гривны кунъ отъ берковска; Новоторженинъ полторы гривны; Новгородецъ шесть мордокъ. Это различіе въ платежѣ пошлины разными торговцами, сдѣланное на томъ же основаніи, на каковомъ таковое же различіе дѣлалось въ разныхъ таможенныхъ грамотахъ XV и XVI столѣтій, ясно говоритъ, что внутреннія таможенныя пошлины Руси и до Монголовъ были также разнообразны, какъ и при Монголахъ, и разнообразились въ то и другое время на одинакихъ основаніяхъ*». На это считаю нужнымъ замѣтить, что въ древнѣйшей Русской Правдѣ Ярослава не упоминается не только о *пятнѣ*, какъ таможенной пошлинѣ, но и о пятненіи лошадей. Только въ Новгородской лѣтописи, напечатанной въ Вивліоѳикѣ и относящейся къ позднѣйшему времени, одно мѣсто Правды является въ слѣдующемъ видѣ: «*а за княжь конь, иже той съ пятномъ, 3 гривны, а за смердій 2 гривны*». (Карам. т. II, пр. 78.) Но даже это мѣсто указываетъ не на существованіе *пятеннаго*, а только на относящееся къ этому времени обыкновеніе клеймить лошадей. Мы знаемъ кромѣ того и изъ другихъ мѣстъ источниковъ, что пятненіе лошадей было въ обыкновеніи въ половинѣ XII ст. Это видно изъ слѣдующихъ мѣстъ лѣтописи: «*начаста молвити Бориславичи, Петръ и Нестеръ, злѣ рѣчи на Мьстислава къ Давыдови, лжюча: занеже бяше Мьстиславъ озлобивъ я̑ отпустилъ отъ себе, про ту вину, оже бяху холопи ею покралѣ конѣ Мьстиславли у стадѣ, и пятны своѣ въсклалѣ, рознаменываюче*. (Ипат. лѣт., стр. 99, г. 1170; сравн. Карамз. т. II, прим. 422). Но о пятенномъ, какъ пошлинѣ, еще не упоминается. Въ первый разъ о немъ говорится въ жалованной грамотѣ Звенигородскаго князя Юрія Дмитріевича Саввосторожевскому монастырю 1404 года. (А. Ист. I, стр. 23). Что же касается до *пуда вощанаго*, то я не оставилъ этой пошлины безъ разсмотрѣнія. Напротивъ на стр. 67 своего сочиненія я говорю о

ней въ слѣдующихъ словахъ: «*Выраженія уставной Новгородской грамоты*, (на которую ссылается г. Бѣляевъ), *вѣсъ вощаный и пудъ вощаный, по видимому, указываютъ на различіе между вѣсами для оптовой торговли и вѣсами для мелкой продажи и вмѣстѣ съ тѣмъ на отличіе вѣсчаго отъ пудоваго, изъ которыхъ первое представляется пошлиною за взвѣшиваніе товаровъ большими количествами, а второе за взвѣшиваніе пудами. Но, кажется, вѣсчее и пудовое, хотя объ нихъ упоминается отдѣльно въ нѣкоторыхъ грамотахъ, были только различныя названія одной и той же пошлины. По крайней мѣрѣ въ Смоленскѣ, въ 1228 г., выраженія вѣсъ и пудъ были тождественны*». И въ позднѣйшихъ грамотахъ 15, 16 и 17 столѣтій о пудѣ, какъ пошлинѣ отдѣльной отъ вѣса *вѣсчаго* или вѣсчей пошлины, вовсе не встрѣчается извѣстій; слово *пудовщикъ* принимается за тождественное съ словомъ вѣсовщикъ. (А. А. Э. I. 139; Д. А. И., стр. 164; А. А. Э. III, стр. 163 и др. мѣста). И такъ я не опустилъ пошлины пудъ вощаной, но я считаю ее, и кажется не безъ основанія, тождественною съ вѣсомъ. Мѣсто той же грамоты Всеволода Мстиславича, приводимое г. рецензентомъ, о взиманіи вѣсчей пошлины въ различной величинѣ съ городскихъ жителей, иногородцевъ и иноземцевъ, сообщено мною въ подлинникѣ на стр. 69 моего сочиненія. Но изъ этого мѣста не льзя сдѣлать тотъ выводъ, къ которому склоняется почтенный рецензентъ. Разнообразіе таможенной системы должно было бы обнаружиться въ существованіи многихъ различныхъ пошлинъ, падавшихъ на различныя окладныя дѣйствія, также въ различеніи, относительно величины пошлины, туземныхъ жителей отъ иногородцевъ и иноземцевъ не только при вѣсчемъ, но и при другихъ пошлинахъ, чего источники вовсе не показываютъ во времена до-монгольскія. Мое мнѣніе о томъ, что въ глубокой древности таможенныя пошлины съ товаровъ внутренняго и внѣшняго производства не были значительны и разнообразны въ нашемъ отечествѣ, между прочимъ основывается еще на слѣдующихъ соображеніяхъ.

1. Не въ однихъ лѣтописяхъ, какъ ошибочно замѣчаетъ г. Бѣляевъ, почерпнуты мною свѣденія о таможенныхъ сборахъ до ига монгольскаго. И ранѣе конца XIII ст. мы имѣемъ чисто административные, правда весьма немногіе памятники, касающіеся между прочимъ и таможенныхъ пошлинъ. О мытахъ упоминается уже въ уставной грамотѣ Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича, данной въ 1150 году епископіи Смоленской: «*а мыта и корчмити невѣдомо, а что ся сойдетъ изъ того Святѣй Богородици и епископу десятина.*» (Д. А. Истор. I, стр. 5). Въ той же грамотѣ говорится и о перевозахъ, о передмѣрѣ, о торговлѣ и гостиной дани. Далѣе

о мытахъ мы имѣемъ извѣстіе въ первой половинѣ XIII вѣка изъ договорной грамоты Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ городомъ Ригою и Готскимъ берегомъ 1229 г. (Русск. Достоп. II, стр. 267 и Кар. III, пр. 248). На существованіе вѣсовыхъ пошлинъ указываетъ, хотя не прямо, уже уставъ о церковныхъ судахъ, приписываемый св. Владиміру. Прямо же о вѣсовыхъ пошлинахъ упоминается въ уставной грамотѣ (около 1134—1135) Новгородскаго князя Всеволода Мстиславича, данной церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ: *«и даю Святому Великому Ивану отъ своего великоимѣнія на строеніе «церкви и въ вѣкы вѣсъ вощаной и въ торжку пудъ вощаной, по«ловина Святому Спасу, а половина Святому Великому Ивану на «Петрятино дворище».* (Д. А. Ист., стр. 3). Если бы таможенныя пошлины до ига монгольскаго были разнообразны, то въ этихъ памятникахъ, изданныхъ за-долго до конца XIII ст., въ особенности же въ Смоленской и Новгородской уставныхъ грамотахъ,— актахъ, по содержанію своему чисто административныхъ, при исчисленіи разныхъ пошлинъ было бы непремѣнно упомянуто и о другихъ таможенныхъ сборахъ, если бы они существовали.

2. Мою мысль подтверждаетъ самое сравненіе историческихъ памятниковъ конца XIII вѣка съ актами XIV и XV, особенно же съ актами XVI и XVII вѣковъ. Въ послѣднія два столѣтія встрѣчается много новыхъ пошлинъ, не существовавшихъ въ XV, а тѣмъ менѣе въ XIV и XIII столѣтіяхъ. Если оказывается несомнѣннымъ изъ сличенія историческихъ документовъ, что таможенная система была гораздо разнообразнѣе въ XVII и XVI вѣкахъ, чѣмъ въ XV столѣтіи, и что въ послѣднемъ существовали нѣкоторыя пошлины, неизвѣстныя въ XIV и XIII вѣкахъ, то не должно-ли допустить еще большаго отсутствія разнообразія таможенной системы въ самой глубокой древности, въ XII, XI и X вѣкахъ, когда и другія вѣтви администраціи находились еще въ самомъ простомъ, неразвитомъ состояніи? Дѣйствительно до половины XIII столѣтія намъ извѣстны только мытъ, перевозъ, передмѣръ, вѣсчее, торговое, гостиная дань. Послѣ Монголовъ во 2-й половинѣ XIII вѣка встрѣчается названіе *тамги*. Въ XIV вѣкѣ въ первый разъ упоминается объ осмничемъ и косткахъ. Въ XV ст. встрѣчаются: пятно, контарное, роговое, задніе колачи, порядное, явка, головщина. Не ранѣе XVI столѣтія говорится въ актахъ о замытѣ, рукознобномъ, свальномъ, подъемной и дрягильской пошлинѣ, покоречномъ и привязной пошлинахъ.

Кромѣ появленія многихъ новыхъ пошлинъ въ XV и XVI столѣтіяхъ, значительное распространеніе таможенной системы обнаружилось еще въ увеличеніи самого пространства и круга дѣйствія

пошлинъ. Въ глубокой древности таможенныя пошлины были взимаемы, сколько можно судить по существующимъ источникамъ, только въ городахъ (напр. мыты до XIII столѣтія), гдѣ сосредоточивалась вся торговля; въ послѣдствіи, въ особенности съ XVI столѣтія, таможенныя пошлины не только проѣзжія, но и торговыя были собираемы въ весьма многихъ селахъ и деревняхъ. Изъ прежде существовавшихъ проѣзжихъ пошлинъ нѣкоторыя въ XV и XVI вѣкахъ дѣлаются извѣстными въ разныхъ мѣстахъ подъ разными названіями. Такъ мытъ называется съ конца XV столѣтія иногда *подужнымъ*, иногда *полозовымъ*. Эта же пошлина въ XVI столѣтіи нерѣдко называется вообще проѣзжею пошлиною; водяный мытъ называется иногда, особенно въ XV и XVI столѣтіяхъ, *побережнымъ*, *посаженнымъ*, *носовымъ* и *шестовымъ* по различію повода взиманія. Такого разнообразія названій мы не встрѣчаемъ въ древнѣйшихъ памятникахъ. Все это указываетъ на болѣе и болѣе разнообразящуюся съ теченіемъ времени систему таможенныхъ пошлинъ Россіи.

3. Впрочемъ уже по простой аналогіи, по одному сравненію финансовой исторіи Россіи съ финансовою исторіею другихъ европейскихъ государствъ, напр. Франціи и Англіи и др., можно заключить о чрезвычайной простотѣ таможенныхъ сборовъ въ самый древнѣйшій періодъ существованія нашего отечества. Нигдѣ, ни въ одномъ государствѣ система косвенныхъ налоговъ вообще и таможенныхъ пошлинъ въ особенности не являлась при самомъ ея установленіи разнообразною. И это происходило по двумъ причинамъ: во 1-хъ потому-что всякая система налоговъ на потребленіе до полнаго своего развитія требуетъ предварительно многихъ опытовъ въ маломъ видѣ, и во 2-хъ потому-что разнообразіе пошлинной системы предполагаетъ существованіе весьма сложнаго управленія, которое несовмѣстно съ простотою всей администраціи государства, стоящаго еще на низкой ступени развитія.

По всѣмъ изложеннымъ выше основаніямъ первое возраженіе г. Бѣляева не можетъ быть признано основательнымъ.

Другое замѣчаніе г. Бѣляева касается слѣдующаго мѣста моей книги: «*духовенство, которому, по свидѣтельству приписываемаго* «*Владиміру Святому церковнаго устава, былъ порученъ надзоръ за* «*торговыми вѣсами и мѣрами, кажется, ввело обыкновеніе на Руси* «*собирать таможенныя пошлины*» (стр. 5). «*Очень трудно допу-* «*стить*», говоритъ г. Рецензентъ, «*чтобы духовенство, только что* «*пришедшее изъ Греціи при Владимірѣ, при немъ же ввело и та-* «*моженныя пошлины; изъ Владимірова устава видимъ только, что* «*оно получило привилегію пользоваться нѣкоторыми изъ сихъ пошлинъ;*

«вводить же их вновь оно не могло; ибо это повредило бы только «что принятой Русскими христіанской религіи, что конечно очень «хорошо понимали греческіе духовные». Я не думаю, чтобы г. Бѣляевъ понималъ приведенныя выше слова моей книги такъ, будто греческое духовенство по своему собственному усмотрѣнію, само вводило на Руси таможенныя пошлины. Я желалъ высказать только ту мысль, что в. князь по совѣту греческихъ духовныхъ установлялъ пошлины, предоставляя имъ право взимать въ свою пользу нѣкоторые изъ этихъ сборовъ. Иначе нельзя толковать означеннаго мѣста, если бъ даже на стр. 19 моей книги не было ясно сказано: *«можетъ быть, по совѣту греческаго духовенства «введены были въ нашемъ отечествѣ и первые мыты, равно какъ и «первыя вѣсовыя и помѣрныя пошлины».* И такъ вопросъ состоитъ только въ томъ, имѣло-ли греческое духовенство своими совѣтами вліяніе на введеніе первыхъ таможенныхъ пошлинъ на Руси, или онѣ существовали ранѣе введенія христіанства? Но въ пользу моего предположенія говорятъ слѣдующія основанія:

1. О существованіи таможенныхъ пошлинъ въ Греціи, до введенія на Руси христіанской религіи, мы знаемъ несомнѣнно изъ мирнаго договора, заключеннаго Олегомъ съ Греками, гдѣ говорится объ освобожденіи русскихъ купцовъ, торгующихъ въ Греціи, отъ пошлинъ: *«...да творять куплю, якоже имъ надобѣ не платяче мыта ни въ чемъ «же».* (Лавр. Лѣт. стр. 13). Какъ греческое духовенство вмѣстѣ съ религіею старалось вводить у насъ и свои уставы и образованность, то уже по этому одному легко предположить его вліяніе и на финансовое устройство Руси, легко предположить, что похвалы Грековъ своимъ финансовымъ учрежденіямъ могли побудить в. князя ввести нѣкоторыя изъ нихъ и въ своей землѣ. 2. Эта догадка вполнѣ подтверждается лѣтописными извѣстіями. Изъ нихъ открывается прямое вліяніе духовенства на дѣла общественнаго управленія вообще и финансоваго въ особенности. Не о церковныхъ только дѣлахъ, не о средствахъ распространенія христіанской вѣры совѣтуется Владиміръ съ епископами, но и о томъ, какъ наказывать преступниковъ. Епископы предлагаютъ мѣры для внѣшней безопасности, совѣтуютъ князю, куда употребить доходъ отъ виръ (судебныхъ сборовъ), и князь раздѣляетъ ихъ мнѣніе. Лѣтописецъ разсказываетъ это слѣдующимъ образомъ. Въ княженіе Владиміра умножились разбои. Епископы говорятъ в. князю: *«се умножишася разбойници; почто не «казниши ихъ?»* Владиміръ отвѣчалъ имъ: *«боюся грѣха.»—«Ты по«ставленъ еси отъ Бога,* возразили епископы, *на казнь злымъ, и добрымъ «на миловань: достоить ти казнити разбойниковъ, но со испы«томъ.* Владиміръ согласился съ ними, отвергнулъ виры и началъ

казнить разбойниковъ. Но потомъ тѣ же епископы говорятъ ему: *«рать многа, оже вира, то на оружьи и на конихъ буди»* т. е. *«рать «теперь многочисленна, если будетъ собрана вира, то пусть она будетъ «употреблена на оружіе и на коней»*. Владиміръ отвѣчалъ: *«тако буди»* и сталъ жить опять по устройству отцовскому и дѣдовскому. (Лав. Лѣт., стр. 54, срав. Ист. Россіи Сергѣя Соловьева т. I, стр. 165). Если виры, даже смертная казнь были вводимы на Руси по совѣту греческаго духовенства, то не будетъ ничего невѣроятнаго, если мы припишемъ его же вліянію и установленіе первыхъ таможенныхъ пошлинъ. Греческое духовенство тѣмъ охотнѣе могло совѣтовать Владиміру введеніе ихъ, что нѣкоторые сборы шли въ собственную ихъ пользу. Владиміръ предоставляетъ десятинной церкви: *«отъ всего княжа соуда десятую вѣкшу, а ис торгу десятую «недѣлю......»*.

Далѣе г. Бѣляевъ съ моимъ мнѣніемъ, что *«Монголы имѣли на«сильственное, не рѣшительное вліяніе на распространеніе таможенныхъ «пошлинъ въ нашемъ отечествѣ, что они даже ввели важнѣйшую изъ «нихъ—тамгу»*, соглашается только отчасти. *«Въ ханскихъ ярлыкахъ»*, говоритъ онъ, *«единственныхъ памятникахъ, по которымъ мы можемъ «судить объ этомъ предметѣ, изъ новыхъ торговыхъ пошлинъ встрѣчает«ся только одна тамга, другія же пошлины, упоминаемыя въ ярлыкахъ: «мытъ и мостовщина, были уже извѣстны и до Монголовъ. Слѣдователь«но Монголы только ввели одну новую торговую пошлину тамгу, и этимъ «ограничилось все ихъ вліяніе на развитіе торговыхъ пошлинъ; это «доказывается еще и тѣмъ, что всѣ торговыя пошлины, кромѣ тамги, «у насъ носятъ русскія названія; если же бы онѣ были введены Мон«голами, то конечно ихъ, подобно тамгѣ, называли по-монгольски, а «не по-русски»*. Это возраженіе для меня не совсѣмъ понятно. Г. Бѣляевъ замѣчаетъ, что Монголы ввели только одну новую торговую пошлину тамгу. — И я говорю не то-ли же самое? Я только прибавляю, и кажется не безъ основанія, что тамга была важнѣйшею изъ всѣхъ таможенныхъ пошлинъ. Дѣйствительно она взималась почти со всѣхъ товаровъ, съ ихъ цѣны, и притомъ въ количествѣ, нерѣдко далеко превышавшемъ величину другихъ пошлинъ, такъ-что уже введеніемъ одной этой пошлины Монголы обнаружили весьма значительное вліяніе на таможенную систему древней Руси. Впрочемъ не о введеніи Монголами многихъ пошлинъ говорится въ вышеприведенномъ мѣстѣ моей книги, а о быстромъ распространеніи прежде существовавшихъ въ разныхъ мѣстахъ Руси вслѣдствіе вліянія Монгольскаго. Въ самомъ дѣлѣ мытъ, мостовщина, перевозъ и передмѣръ являются, какъ мы это видимъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ, первоначально только въ городахъ, цвѣтущихъ

торговлею, въ Кіевѣ, Новгородѣ и Смоленскѣ. Ярлыками ханскими духовенство всей Руси освобождается отъ разныхъ сборовъ и таможенныхъ пошлинъ. Слѣдовательно послѣднія во время Монголовъ уже по-всюду были распространены въ нашемъ отечествѣ. Распространеніе на Руси пошлинъ, существовавшихъ прежде только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и появленіе новыхъ послѣ XIII вѣка указываютъ ясно на то, что Монголы имѣли рѣшительное вліяніе на нашу таможенную систему. Посредственнымъ образомъ они могли значительно содѣйствовать даже введенію новыхъ пошлинъ. Князья сами должны были установлять вновь сборы и пошлины или вслѣдствіе увеличенныхъ денежныхъ требованій со стороны хановъ, или вслѣдствіе прямого ихъ повелѣнія. Это объясняетъ между прочимъ, отъ чего новыя пошлины являлись съ русскими, а не съ татарскими названіями.

Г. Бѣляевъ находитъ неправильнымъ мое мнѣніе, что съ XV столѣтія посошная подать замѣнила прежнія подворныя и поголовныя подати. Онъ замѣчаетъ, что посошная подать не была нововведеніемъ XV вѣка, а существовала еще при Дмитріи Донскомъ, какъ значится въ жалованной его грамотѣ Троицкому Сергіеву Монастырю (А. А. Э. т. I. N° 7). Въ отвѣтъ на это я долженъ прежде всего напомнить почтенному рецензенту, что изъ однихъ названій *посошнаго* или *посощины*, встрѣчающихся въ тарханныхъ грамотахъ, еще не всегда можно заключать о существованіи поземельной подати на Руси въ то или другое время, потому-что посошное въ историческихъ документахъ принимается въ различныхъ значеніяхъ. Посощиною называется иногда *исправленіе ратной повинности*, такъ какъ взиманіе ратныхъ людей обыкновенно происходило по сохамъ. Въ XIII ст. въ правилахъ Кирилла митрополита (изд. на соборѣ 1274) *посошнымъ* названа даже пошлина за посвященіе въ игумены или священники (ставленическая пошлина): «*аще кто явиться «отъ святаго нашего сбора* (собора) *или игумена свящая на мьздѣ, «рекомое посошное, или постризая мірьскаго попа на мьздѣ въ игумень«ство, или попа поставляя*» и проч. (Карамз. IV, прим. 154). Но положимъ даже, что посошное въ смыслѣ прямой поземельной подати встрѣчается еще во 2-й половинѣ XIV столѣтія. Чтожъ изъ этого слѣдуетъ? Опровергается-ли тѣмъ положеніе, мною высказанное? Нимало. Я вовсе не думалъ утверждать, что посошное есть нововведеніе XV вѣка, я только защищаю мнѣніе, несомнѣнно подтвержденное источниками, что распредѣленіе податей по сохамъ сдѣлалось всеобщимъ съ конца XV столѣтія и замѣнило большею частію подворныя и поголовныя подати, существовавшія до того времени на Руси. Историческіе памятники несомнѣнно доказываютъ,

что Василій Васильевичъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи 1462 года первый подалъ мысль ввести соху во всеобщее употребленіе. «*А тѣ волости и села.......пославъ сынъ мой, да моя княгиня, «опишютъ да положатъ на нихъ дань по силѣ* (Собр. Гос. Грам. I. «стр. 81 и другое подобное мѣсто тамъ же стр. 205)».

Иванъ Васильевичъ III, стараясь осуществить мысль своего отца, послалъ писцевъ описывать по московски Тверскую область (см. Ист. Карамз. т. VI стр., 112, 217 и пр. 599). Преемники Ивана Васильевича, слѣдуя его примѣру, разсылали по всему государству писцевъ, которые, описывая имущество податныхъ сословій, составляли такъ называемыя книги сошнаго письма. Изъ всего этого видно, что если посошная подать и существовала гдѣ-либо до XV столѣтія, то она не была всеобщею и слѣдов. не могла замѣнить подворныхъ и поголовныхъ податей. Только съ конца XV вѣка распредѣленіе налоговъ по сохамъ вводится во всеобщее употребленіе и такимъ образомъ производится то существенное преобразованіе въ системѣ податей, о которомъ я говорю въ своемъ сочиненіи.

Г. Бѣляевъ находитъ противорѣчіе между словами, встрѣчающимися на 6-й стр. моей книги: *Монголы имѣли насильственное, «но рѣшительное вліяніе на быстрое распространеніе таможенныхъ «пошлинъ въ нашемъ отечествѣ»* и другимъ мнѣніемъ, высказаннымъ на стр. 11: «*Монголы содѣйствовали распространенію тамо«женныхъ пошлинъ по разнымъ частямъ Руси, но вліяніе ихъ обна«ружилось не въ равной степени во всѣхъ странахъ, въ нѣкоторыхъ «даже вовсе не обнаружилось*».

По моему мнѣнію противорѣчія тутъ нѣтъ никакого. Имѣть вліяніе на распространеніе и содѣйствовать распространенію пошлинъ—выраженія однозначущія. Вліяніе Монголовъ на таможенную систему Руси остается и насильственнымъ и рѣшительнымъ, хотя въ нѣкоторыхъ немногихъ странахъ оно было слабѣе, чѣмъ въ прочихъ, а въ нѣкоторыхъ, также весьма немногихъ, и вовсе не обнаружилось, именно въ В. Новгородѣ и Псковѣ, изъ которыхъ въ первомъ тамга введена не ранѣе государствованія Іоанна III, а въ послѣднемъ она появилась только въ 1510 году (см. Внут. Там. Пошл. въ Россіи, стр. 88).

«*По мнѣнію г. Осокина*», продолжаетъ рецензентъ, «*изъ того, «что князья въ договорахъ другъ съ другомъ ставили въ числѣ усло«вій не замышлять новыхъ таможенныхъ пошлинъ, вытекаетъ до«казательство, что при таможенныхъ сборахъ всегда обнаруживалась «какая-то неподвижность, что привязанность къ старому поддержи«вала самую нестройную систему пошлинъ: на дѣлѣ же договоры «князей здѣсь доказываютъ не привязанность къ старинѣ и непо-*

«денежность, а единственно заботу не отягощать торговлю новыми «поборами, ибо въ сихъ же договорахъ не запрещалось отмѣнять по- «шлинъ». Прочитавъ это возраженіе, всякой подумаетъ, что мое мнѣніе о нестройности нашей таможенной системы до 2-й половины XVII ст. и о томъ, что она происходила отъ привязанности къ старому, не допускавшей никакой существенной реформы, основывается единственно на условіи князей, часто высказываемомъ въ ихъ договорныхъ грамотахъ, не вводить новыхъ пошлинъ. Однакожь мое положеніе подтверждено многими другими доказательствами. Они подробно изложены на стр. 6—12 моего сочиненія. Тѣ же взаимныя договорныя грамоты, о которыхъ упоминаетъ г. Бѣляевъ, опредѣляютъ не только неизмѣняемость, но и однообразную величину таможенныхъ пошлинъ въ цѣлой Руси (по крайней мѣрѣ относительно пріѣзжихъ торговыхъ людей). Неизмѣняемость таможенныхъ сборовъ поддерживается в. князьями посредствомъ договоровъ не только внутри Руси, но и въ сосѣднихъ государствахъ. Чѣмъ объяснить, какъ не привязанностію къ старому, что князья постоянно уклонялись отъ всякой попытки привести таможенныя пошлины въ стройный порядокъ, что изстари введенные сборы, даже по изданіи уставныхъ таможенныхъ грамотъ, въ которыхъ объ нихъ не упомянуто, были собираемы по-прежнему на-равнѣ съ названными въ грамотахъ, что издавна заведенный порядокъ при взиманіи пошлинъ былъ предпочитаемъ иногда даже въ XVII столѣтіи законнымъ опредѣленіямъ уставныхъ грамотъ [1])? Чѣмъ объяснить, что таможенныя пошлины въ разныхъ мѣстахъ назывались различно и по величинѣ своей были различны въ разныхъ мѣстахъ даже въ одно и тоже время, что въ нѣкоторыхъ городахъ было болѣе пошлинъ, чѣмъ въ другихъ, и что наконецъ нѣкоторыя области Руси даже въ XVII столѣтіи были вовсе отъ нихъ свободны? Г. Бѣляевъ говоритъ, что договорныя грамоты князей доказываютъ единственно заботу ихъ не отягощать подданныхъ новыми поборами. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же въ послѣдствіи, въ XV и XVI столѣтіяхъ были вводимы в. князьями и государями Московскими новыя пошлины? —

[1]) Это доказывается царскою жалованною грамотою 1626 года объ освобожденіи Борисоглѣбской Слободы отъ платежа пошлинъ и мыта городу Романову (А. А. Э. т. III, стр. 248). Какъ скоро Борисоглѣбцы доказали, что они изстари не платили пошлинъ Романову, то, не смотря на то, что въ новое время Романовцы получили противъ нихъ уставную грамоту, Борисоглѣбцы освобождены отъ платежа мыта. (Срав. также А. А. Э. I, стр. 55. стр. 460).

Впрочемъ даже при этихъ нововведеніяхъ привязанность къ старинѣ обнаруживалась самымъ рѣзкимъ образомъ въ томъ, что новыя пошлины никогда не приводимы были въ связь и согласіе со старыми, такъ-что между таможенными пошлинами съ теченіемъ времени должны были появиться налоги, падавшіе подъ различными названіями на одно и то же дѣйствіе, на одну и ту же операцію перехода предмета къ потребленію. Всѣ эти основанія, кажется, достаточно говорятъ въ пользу защищаемаго мною мнѣнія.

Послѣ разсмотрѣнныхъ мною замѣчаній, касающихся введенія къ моей книгѣ, г. рецензентъ обращается къ самому изслѣдованію характера внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ и, слѣдуя порядку, принятому въ моей книгѣ, останавливаетъ прежде всего свое вниманіе на проѣзжихъ пошлинахъ.

Соглашаясь съ опредѣленіемъ мыта, мною сдѣланнымъ, г. Бѣляевъ замѣчаетъ, что я не опредѣлилъ, какъ постепенно развивалась разскладка мытной пошлины съ возовъ и съ водоходныхъ судовъ, а только сказалъ, что съ большихъ судовъ брали больше пошлины, чѣмъ съ малыхъ. Опредѣленіе раскладки, продолжаетъ г. рецензентъ, имѣетъ большое значеніе въ исторіи мытной пошлины, и въ дошедшихъ до насъ памятникахъ выражено довольно ясно; такъ напр. въ грамотѣ 1402 положено съ лодьи съ доски по алтыну, а съ струга съ набоемъ два алтына, а безъ набоя денга (Собр. Г. Гр. и Д. т. I. N° 36). Слѣдовательно при раскладкѣ пошлины принимался счетъ досокъ въ лодьѣ и различіе струговъ съ набоемъ и безъ набоя; то же, только яснѣе, говорится въ таможенной грамотѣ 1521 (А. А. Э. I. N° 170); но въ 1588 году, при разсчетѣ мытной пошлины принимали уже вѣсъ товара: «*съ насада и дощаника и сколько въ которомъ насадѣ или дощаникѣ какого товару будетъ, съ тысячи пудъ по два рубли и по два гривны, а со ста пудъ по семи алтынъ и по двѣ денги, да съ того же судна вельно имати посаженнаго по десяти алтынъ*» (А. А. Э. I. N° 338).

На это возраженіе считаю нужнымъ прежде всего сказать въ отвѣтъ, что на грамоту 1402 года я ссылаюсь въ 54 прим. къ своей книгѣ и кромѣ того тамъ же указываю и на другія грамоты Собранія Гос. Грам., не упоминаемыя г. Бѣляевымъ, въ которыхъ о распредѣленіи мытной пошлины говорится то же самое, именно на грамоты 1433, 1447 и 1483 годовъ. На вопросъ, отъ чего въ самомъ текстѣ сочиненія я не обращаю вниманія на счетъ досокъ въ лодкахъ и на различіе струговъ въ набоемъ и безъ набоя, отвѣчаю: отъ того что такая раскладка не была обще-употребительною даже въ одно и то же время. При взиманіи водяной проѣзжей пошлины въ разныхъ мѣстахъ общаго было дѣйствительно

только то, что брали во вниманіе величину судна, величина же судна опредѣлялась различно, не всегда и вездѣ по числу досокъ или по набоямъ, до 1588 года и послѣ этого времени. Такъ въ договорныхъ грамотахъ 1451, 1462 и 1484 о набоѣ уже не упоминается; въ нихъ сказано: *«а съ лодьи пошлина съ доски по два «алтына, а больши того пошлинъ нѣтъ, а съ струга алтынъ.... «а поѣдетъ безъ торговли, ино съ того мыта нѣтъ и пошлинъ».* Изъ грамоты 1592 г. видно, что судили по другимъ признакамъ о величинѣ судна и распредѣляли проѣзжую пошлину не по доскамъ лодокъ: *«кто пріѣдетъ на Чаранду или Коротков или мимо «ихъ Москвичъ, Новгородецъ и всякой иноземецъ у нихъ имати съ «устюжны и со ржавки и съ насада и съ подвозка и съ бѣлоозерки, «и съ матицы, и съ дощаника, которое судно десяти саженъ «и съ того судна по рублю, а болье будетъ десяти саженъ и имъ «имати по росчету; съ подвозка тогожъ судна по алтыну, а съ за«возни по два алтына, а съ лодки съ четверика съ однодеревки по «4 алтына, а съ шестерика по полуполтинѣ, а съ набасъ по пол«тинѣ»* (А. А. Э. I, стр. 432). Значитъ, для опредѣленія величины судна и количества пошлины не всегда принимали въ соображеніе число досокъ или набои, или вѣсъ товара; напротивъ измѣряли суда саженями; также различали относительно величины извѣстные виды судовъ и облагали оные различными пошлинами. Напрасно г. Бѣляевъ думаетъ найти какое-то постепенное измѣненіе характера мытной пошлины и замѣчаетъ, что въ 1588 году при разсчетѣ ея принимали за основаніе уже вѣсъ товара. И прежде и послѣ 1588 года водяный мытъ распредѣлялся обыкновенно по величинѣ судна за весьма немногими исключеніями, указанными въ моей книгѣ. Грамота 1592 уже доказываетъ это. Приведемъ еще и другое мѣсто источниковъ, относящееся къ 1633 году, о распредѣленіи мыта въ Гороховцѣ: *«съ лодки съ одновесельныя, что «привезетъ со всякими мѣлкими товары, съ лодки имати по 4 ал«тына по 4 дени......; съ струга одношестового мыта рубль три «алтына 4 дени, съ дощеника съ набойною, которой придетъ съ солью «и съ рыбою и съ хлѣбомъ, съ судна мыта рубль 27 алтынъ 2 «дени; съ судна невеликого, которое придетъ съ бочешною съ про«солною рыбою, съ судна мыта 17 алтынъ, утурнаго (т. е. судна) «по 17 алтынъ; съ оханки, что съ оханною рыбою, по 5 алтынъ «по 2 дени съ сажени».* (А. А. Э. III, стр. 363). Это мѣсто также доказываетъ, что при взиманіи мыта въ XVII столѣтіи обращали вниманіе на величину судна, но опредѣляли ее различно, не по числу досокъ, а назначали пошлину или прямо на извѣстный видъ судовъ, или измѣряли его саженями, при чемъ бралось, кажется,

нѣсколько въ соображеніе и качество товаровъ, которыми было нагружено судно. Даже въ 1588 году, когда по мнѣнію г. рецензента измѣнилось распредѣленіе мыта, мы встрѣчаемъ въ источникахъ мѣсто, прямо опровергающее такое предположеніе. Въ царской жалованной несудимой грамотѣ Терехову Монастырю сказано: *«а что у нихъ перевозъ и мытъ на Окѣ рѣкѣ, и тѣмъ мы«томъ и перевозомъ владѣти по старому; а имати имъ мыта: съ «посаду и съ ладьи, по нашему указу, по гривнѣ, а съ паузка по «два алтына, а съ прибойнаго струга по 10 денегъ, а съ однодере«ваго по два алтына»* (А. А. Э. I, стр. 490). Слѣдов. мытенная пошлина и въ 1588 году, вопреки мнѣнію г. Бѣляева, распредѣлялась по величинѣ судна, а не по вѣсу товаровъ. Можно было бы указать много и другихъ мѣстъ, доказывающихъ ту же мысль. Слова источниковъ, приводимыя рецензентомъ, если въ нихъ говорится именно о мытѣ, что̀ еще сомнительно, представляютъ не правило, а одно изъ рѣдкихъ исключеній, гдѣ мытъ теряетъ свой первоначальный характеръ или гдѣ по неразличенію понятій проѣзжая пошлина смѣшивается съ другими пошлинами.

Далѣе г. Бѣляевъ дѣлаетъ мнѣ слѣдующее замѣчаніе: *«говоря о мытѣ, г. Осокинъ, между прочимъ опровергаетъ мнѣніе Гаге«мейстера о томъ, что въ древности право на мытъ было соединено «съ правомъ на поземельную собственность, и въ опроверженіи своемъ «ссылается на то, что будто бы это мнѣніе не подтверждается ис«точниками и въ подтвержденіе противнаго мнѣнія указываетъ на «Литовскій Статутъ* и *на Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича. «Новыя правила Литовскаго Статута относились только къ Западной «Литовской Россіи, а Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича появи«лось въ XVII вѣкѣ; слѣдовательно и тотъ и другой законъ не мо«гутъ ни утверждать, ни отрицать мнѣніе Гагемейстера о соеди«неніи права на мытъ съ правомъ поземельной собственности въ «Московской Россіи XIV, XV и XVI столѣтій; слѣдовательно г. «Осокинъ не имѣлъ права на нихъ ссылаться»*. На это считаю нужнымъ сказать въ отвѣтъ: свидѣтельства, приводимыя въ пользу моего мнѣнія, не взяты только изъ Уложенія Царя Алексѣя Михайловича и Литовскаго Статута. Напротивъ положеніе, мною защищаемое, основывается на слѣдующихъ свидѣтельствахъ источниковъ и соображеніяхъ: 1. Еслибъ частные владѣльцы имѣли право на своихъ земляхъ безъ позволенія правительства собирать проѣзжія пошлины, то князья московскіе и удѣльные не раздавали бы своимъ дѣтямъ по духовнымъ завѣщаніямъ городовъ и уѣздовъ вмѣстѣ съ мытами, какъ это мы видимъ напр. въ духовной грамотѣ 1328 г. Ивана Калиты, также въ духовныхъ грамотахъ:

1356 г. Ивана II, 1410 г. князя Владиміра Андреевича и 1434 г. князя Георгія Дмитріевича Галицкаго (см. Собр. Госуд. Грам. ч. 1). 2. Взаимное обязательство в. князей Московскихъ, Тверскихъ, Рязанскихъ и удѣльныхъ князей, высказываемое въ ихъ договорныхъ грамотахъ о томъ, чтобъ не вводить новыхъ мытовъ, а держать старые мыта и брать опредѣленное ихъ количество не имѣло бы никакого смысла, еслибъ право установленія и взиманія пошлинъ не принадлежало исключительно князьямъ и еслибъ каждый собственникъ могъ установлять на своей землѣ мыты безъ дозволенія правительства. 3. Равнымъ образомъ часто встрѣчающееся въ тарханныхъ грамотахъ в. князей и удѣльныхъ и Государей Московскихъ освобожденіе монастырскихъ людей отъ мытовъ было бы нарушеніемъ правъ частной собственности, о которомъ вѣрно было бы по крайней мѣрѣ упомянуто, еслибъ догадка Гагемейстера была справедлива. Между тѣмъ тарханныя грамоты обыкновенно не говорятъ о подобныхъ частныхъ мытахъ и объ освобожденіи отъ нихъ монастырскихъ людей. Изъ этого можно заключить, что долгое время и безъ сомнѣнія во весь удѣльный періодъ большая часть мытовъ принадлежала непосредственно князьямъ. Въ послѣдствіи, особенно же въ концѣ XVI столѣтія, частные мыты по пожалованію являются чаще и на нихъ-то по всей вѣроятности указываетъ мѣсто Актовъ Арх. Эксп., приводимое графомъ Толстымъ въ Исторіи Финансовыхъ Учрежденій Россіи[1]). 4. Впрочемъ это же самое мѣсто источниковъ и многія другія показываютъ, что не одинъ мытъ, но явка, тамга и иныя торговыя пошлины, даже доходы цѣлыхъ городовъ, слѣд. и прямыя подати (см. А. А. Э. III, стр. 248) были предоставляемы частнымъ лицамъ. Было бы произвольно и неосновательно предполагать, что право взиманія торговыхъ пошлинъ, даже прямыхъ податей соединялось съ правомъ на поземельную собственность, и столько же произвольно и неосновательно считать и мытъ необходимою ея принадлежностію. 5. Въ пользу своего мнѣнія я могу привести далѣе и то, что нельзя встрѣтить въ источникахъ ни одного случая, гдѣ бы частное лице пользовалось

---

[1]) Стр. 74 «*И вы бъ Намѣстницы Переславскіе, и иныхъ городовъ намѣстники, и волостели, и князи, и бояре, и дѣти боярскіе, вотчинники и помѣщики, и митрополичьи, и владычьи, и боярскіе, и монастырскіе, и сельчане, и оброчные и черные, и псари, и конюхи, и осочники, и сокольники, и всѣ безомѣны чей кто ни буди, на Троицкихъ мастерѣхъ и на людехъ, и на казакѣхъ, явки и мытовъ и иныхъ никотбрыхъ пошлинъ не имали*». (А. А. Э. т. I. № 190).

правомъ собиранія мытныхъ пошлинъ на своей землѣ безъ пожалованія. Напротивъ въ жалованныхъ грамотахъ на поземельную собственность упоминается и о пожалованіи частныхъ лицъ *мытомъ*, чего не нужно бы было прибавлять, еслибъ съ правомъ на поземельную собственность необходимо соединялось право на взиманіе мыта. Такъ въ жалованной грамотѣ 1438 г. литовскаго в. князя Свидригайла кухмистру Петру Мышчичю на села сказано, что онѣ отдаются ему и съ *мыты* (А. Запад. Росс. I, стр. 48). Въ жалованной грамотѣ 1497 г. литовскаго в. князя Кіевскимъ мѣщанамъ о мытѣ ясно сказано, что оно, составляя доходъ княжескій, принадлежало къ числу правъ верховной власти: «*мно мы для таковою «ихъ впаду, отпустили есмо имъ мыто наше вѣчно, во вѣки вѣ«ковъ, по всему нашому панству, великому князьству Литовскому «и Рускому и Жомонтскому сухимъ путемъ и водою*». (А. Зап. Росс. I. ст. 173). 6. Что мытъ не составлялъ необходимой принадлежности поземельной собственности, это доказывается мѣстомъ, приводимымъ мною въ моемъ сочиненіи и взятымъ изъ духовной грамоты 1410 г. князя Владиміра Андреевича, гдѣ онъ отдаетъ въ собственность своимъ сыновьямъ «*Городецъ на Волзѣ опричнь мыта «и тамги*», предоставляя мытъ и тамгу на Городцѣ женѣ своей «*Оленѣ*». По всѣмъ этимъ соображеніямъ и свидѣтельствамъ источниковъ я полагаю, что и въ XIV, XV и XVI столѣтіяхъ мнѣніе Гагемейстера не подтверждается источниками. Они напротивъ ясно показываютъ, что право на мытъ не было соединено съ правомъ на поземельную собственность. 7· Самое Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича доказываетъ, что не только въ XVII столѣтіи, но и прежде собирать мытныя пошлины могъ только владѣлецъ, имѣвшій на то жалованную грамоту. Въ самомъ дѣлѣ 9 статья X главы Уложенія говоритъ слѣдующее: *въ которыхъ селѣхъ и на плотинахъ и на рѣкахъ и на перевозѣхъ и на торгѣхъ изстари мыта «не бывало, и въ тѣхъ мѣстѣхъ новыхъ мытовъ никому не вымы«шляти и не заводити никоторыми дѣлы, опричь тѣхъ мѣстъ, въ «которыхъ мѣстѣхъ мыты и перевозы изстари были, и на кото«рые мыты и перевозы и мосты кому жаловальныя гра«моты даны*». Яснѣе этого мѣста ничего не можетъ быть.

Не смотря на то, г. Бѣляевъ старается защитить мнѣніе Гагемейстера и въ пользу онаго приводитъ слова окружной царской грамоты 1596 года: «*а иные мыты и перевозы устроили на себя «наши бояре, и дворяне, и наши дьяки, и дѣти боярскіе, и всякіе «люди, и монастырскіе люди, и крестьяне для своей корысти; а «землю нашу пустошатъ безъ нашего указу*». «*Здѣсь ясно говорится*», замѣчаетъ почтенный рецензентъ, «*что мыты были не одни казен-*

«ные или Государевы, но и частных землевладѣльцевъ всѣхъ состо-«яній безъ различія, и притомъ учреждались не по жалованію отъ «Государя, а безъ Государева указу, по собственному соображенію «землевладѣльцевъ. Называть же ихъ самовольствомъ, злоупотребле-«ніемъ мы не имѣемъ права; ибо само правительство въ приведенной «нами грамотѣ не присвоивало имъ таковаго названія даже тогда, «когда рѣшилось взять ихъ на Государя; причиною или поводомъ «къ взятію частныхъ мытовъ на Государя въ грамотѣ выставлена «не противозаконность ихъ учрежденія, а излишніе поборы. Гра-«мота ясно говоритъ: «и тѣ всѣ перевозы и мосты велѣли есмя вѣ-«дати на себя для того: слухъ до насъ дошелъ, что нашимъ по-«сломъ и всякимъ проѣзжимъ людемъ мотчанье и продажи великіе». «(А. А. Э. т. I. № 368). Притомъ же и взявши ихъ на Государя, «по свидѣтельству той же грамоты, правительство, назначивъ новую «таксу для сбора, опредѣлило половину сбора отдавать вотчинни-«никамъ, помѣщикамъ и монастырямъ, на чьихъ земляхъ были пере-возы и мыты. Но конечно», заключаетъ г. Бѣляевъ, *«подобный ра-«здѣлъ пошлины между казною и частными землевладѣльцами не имѣлъ «бы мѣста, если бы учрежденіе мытовъ и перевозовъ первоначально «не было соединено съ правомъ поземельной собственности»*. Къ сожалѣнію грамота Царя Θеодора Ивановича, на которую ссылается г. рецензентъ, вовсе не доказываетъ того, что онъ хотѣлъ подтвердить ею. Въ приведенномъ имъ мѣстѣ именно говорится какъ о самовольномъ учрежденіи мытовъ, такъ и о взиманіи излишнихъ на нихъ пошлинъ. *«Мыты»*, говоритъ рецензентъ, *«учреждались «безъ Государеву указу, по собственному соображенію землевладѣль-«цевъ и само правительство не называетъ ихъ самовольными.»* Какъ не называетъ? Не все-ли равно сказать: *«мы отбираемъ въ казну «самовольно учрежденные мыты»* или *«мы отбираемъ мыты, учре-«жденные частными владѣльцами только для своей корысти, безъ «нашего указу»?* Но чтобъ вполнѣ убѣдиться въ томъ, что мыты, учреждаемые частными лицами на своихъ земляхъ безъ предварительной подачи просьбы Государю и безъ его указа, назывались самовольными и до Уложенія и во время Уложенія и были уничтожаемы или отбираемы на Государя именно за самое незаконное ихъ учрежденіе, а не за излишніе поборы, для этого нужно только раскрыть дополнительныя статьи къ Судебнику, помѣщенныя въ III томѣ Актовъ Историческихъ, и Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича. На стр 112 III тома Ак. Историч. мы читаемъ слѣдующее мѣсто, относящееся къ 1641 году: *«а которые люди не «бивъ челомъ Государю, самовольствомъ на своихъ водахъ по-«мѣстныхъ и вотчинныхъ завели мыты и перевозы . . . . и не-*

«ревоз и мыть емлють самовольно (тамъ гдѣ прежде не было се«ю......) тѣмъ перевозамъ и мытамъ не быть». Тамъ же говорится далѣе, что если владѣльцы и впредь будутъ брать мостовщину и мыты самовольно, то, кромѣ уничтоженія ихъ мостовъ и мытовъ, они подвергаются еще пенѣ 50 руб. на Государя. Изъ этой же статьи можно видѣть, что даже на пожалованныхъ мытахъ взимались пошлины по уставнымъ грамотамъ, въ которыхъ опредѣлялась величина сборовъ. Въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича (гл. IX, ст. 10) находятся слѣдующія слова: *а кто «мыть или перевозъ или мостовщину заведетъ вновь для своего по«житку своимъ вымысломъ безъ указу и у него то все взяти на «Государя»* (ср. также ст. 19 и 20 той же главы) Все это ясно показываетъ, что мыты учреждались не по собственному соображенію землевладѣльцевъ, а съ дозволенія правительства, вслѣдствіе Государева указа.

Чтожь касается до того, что въ пользу вотчинниковъ, помѣщиковъ и монастырей, которымъ принадлежали мыты, мосты и перевозы, взятые на Государя, была предоставлена половина собирaемаго съ нихъ дохода, то эта мѣра по всей вѣроятности касалась только землевладѣльцевъ, устроившихъ мыты, мосты и перевозы по праву пожалованія. По крайней мѣрѣ догадка подтверждается тѣмъ, что передъ взятіемъ на Государя повелѣно было мыты и перевозы владѣльческіе и откупные всѣ переписать, при чемъ легко могло открыться, кто владѣлъ ими по пожалованію и кто самовольно. Впрочемъ если бы даже и самовольные учредители мытовъ получили половину сборовъ, то это нимало не послужило бы въ пользу мнѣнія г. Бѣляева, потому-что въ самой же грамотѣ 1596 года прямо сказано, что половина доходовъ, получаемыхъ съ мытовъ и мостовъ, предоставляется частнымъ землевладѣльцамъ *въ вознагражденіе за издержки*, употребленныя ими на устройство на своихъ земляхъ мытовъ, мостовъ и перевозовъ, а не отъ того, что право ихъ на самовольное учрежденіе сборовъ тѣмъ самымъ было признано правительствомъ.

Соглашаясь съ моимъ опредѣленіемъ головщины, заднихъ калачей и костокъ, почтенный рецензентъ находитъ, что я напрасно отличаю головщину отъ костокъ. «*По грамотамъ*», говоритъ онъ, *«видно, что сіи два названія означали одну пошлину, взимаемую съ «торговыхъ людей при проѣздѣ, въ то же самое время, какъ мытъ «сбирался съ возовъ и съ судовъ; названіе костокъ было древнѣйшее, а голо«вщина появилась позднѣе. Доказательствомъ тому, что сіи два названія «означали одну, а не двѣ пошлины, служитъ то, что онѣ не встрѣчают«ся вмѣстѣ ни въ одной грамотѣ».* По моему мнѣнію это еще не доказы-

ваетъ тождества костокъ и головщины, а только указываетъ на то, что тамъ, гдѣ брали головщину съ проѣзжихъ, торговыхъ людей, не брали съ нихъ костокъ. Дѣйствительно изъ источниковъ мы знаемъ, что костки были собираемы на каждомъ мытѣ, слѣд. и въ селеніяхъ, гдѣ не было торговъ, а головщина только при проѣздѣ людей съ товаромъ мимо городовъ или торжковъ. Въ селахъ, гдѣ не было торжковъ, головщина, сколько можно судить по существующимъ источникамъ, никогда не взималась. Можно сказать съ большою вѣроятностію, что съ конца XV столѣтія головщина замѣнила для городовъ костки; въ селеніяхъ же, гдѣ не было торжковъ, костки постоянно оставались и позднѣе, въ XVI и даже въ началѣ XVII столѣтія, отдѣльною пошлиною, хотя падавшею на то же дѣйствіе, на какое падала головщина въ городахъ и торжкахъ. Впрочемъ на стр. 34 моего сочиненія я замѣчаю, что головщина и костки почти совершенно сходны между собою и объясняю существованіе двухъ почти одинаковыхъ пошлинъ, падавшихъ на одно и то же дѣйствіе, тѣмъ, что правительство при введеніи новыхъ пошлинъ не обращало вниманія на приведеніе ихъ въ связь съ преждесуществовавшими. Въ началѣ XVII столѣтія о косткахъ упоминается въ царской жалованной грамотѣ 1616 года Бѣжецкому Антоніеву монастырю (см. А. А. Э. III, стр. 117). Это да послужитъ отвѣтомъ и на слѣдующее замѣчаніе г. Бѣляева: «*г. Осокинъ думаетъ доказать различіе головщины и костокъ тѣмъ, что головщина не вытѣснила костокъ и не замѣнила ихъ; ибо костки встрѣчаются въ грамотахъ даже въ началѣ XVII ст., когда уже давно существовала головщина. Но это не доказательство, ибо хотя костки и встрѣчаются въ грамотахъ XVI столѣтія (въ XVII мы ихъ не видали), однако не какъ особая пошлина, а какъ та же головщина, только съ старымъ названіемъ, сохранившимся въ нѣкоторыхъ областяхъ, позднѣе поступившихъ подъ непосредственное распоряженіе Московской администраціи*».

Въ сдѣланномъ мною объясненіи мостовщины и перевозовъ, вообще заслужившемъ одобреніе г. рецензента, онъ находитъ однакожъ двѣ значительныя ошибки. Первая состоитъ по его мнѣнію въ томъ, что я не допускаю существованія права у частныхъ землевладѣльцевъ содержать мосты и перевозы; при этомъ почтенный рецензентъ говоритъ, что та же грамота 1596 года, которая опровергала мое мнѣніе о мытахъ, опровергаетъ и настоящее мое мнѣніе о мостовщинѣ и перевозахъ. Вторая моя ошибка по словамъ г. Бѣляева та, что я признаю участіе правительства въ расходахъ на содержаніе мостовъ и перевозовъ, тогда-какъ содержаніе мостовъ и дорогъ составляло рѣшительно прямую повинность жителей. На первое

замѣчаніе г. рецензента считаю долгомъ возразить, что я вовсе не отрицаю права частныхъ лицъ заводить на своихъ земляхъ мосты и перевозы и собирать мостовщину и перевозныя деньги: я только утверждаю, основываясь на источникахъ, что это право пріобрѣталось пожалованіемъ отъ правительства. На стр. 38 моей книги сказано: «*только по пожалованію, частныя лица, свѣтскія и духовныя, равно какъ и монастыри, заводили на своихъ земляхъ мосты и перевозы и пользовались правомъ собиранія на нихъ пошлинъ.* «*Самое количество взимаемыхъ пошлинъ опредѣлялось уставными грамотами*». Окружная грамота 1596 г. Царя Ѳеодора Ивановича, какъ я выше замѣтилъ, не только не опровергаетъ моего мнѣнія о мытахъ, мостовщинѣ и перевозахъ, но еще болѣе подтверждаетъ его. Вообще всѣ доказательства, приводимыя уже мною въ опроверженіе мнѣнія гг. Гагемейстера и Бѣляева, имѣютъ свое примѣненіе и къ мостовщинѣ и перевозамъ[1]). Такимъ образомъ не оста-

---

[1]) Кромѣ г. Бѣляева недавно проф. Московскаго Университета Лешковъ въ своей статьѣ: «*Историческій очеркъ русскаго законодательства о путяхъ сообщенія и ямской гоньбѣ или почтахъ*» (см. Москв. 1852. кн. 1. стр. 11) объявилъ, что не раздѣляетъ моего мнѣнія объ исключительномъ правѣ правительства учреждать мосты и перевозы. Приведу подлинныя его слова: «*проф. Осокинъ, въ его разсужденіи о внутреннихъ пошлинахъ въ Россіи, стр. 34 и слѣдующ. напрасно хочетъ дать всей мостовщинѣ и всѣмъ пошлинамъ за перевозъ характеръ источника государ. доходовъ. Противъ этого говоритъ все и самъ г. Осокинъ на стр. 36, дѣлая справедливое различіе между мостами и перевозами казеннаго вѣдомства и частными*» Вотъ возраженіе, которое я не совсѣмъ понимаю. Повторяю еще разъ, что я и не думалъ утверждать, что сборы со всѣхъ мостовъ и перевозовъ на Руси шли въ государственную казну; напротивъ на стр. 38 и 39 моей книги ясно говорится о существованіи частныхъ мытовъ и перевозовъ, сборы съ которыхъ принадлежали частнымъ лицамъ или монастырямъ, на земляхъ которыхъ они были устроены. Слѣдовательно въ этомъ смыслѣ я не даю всей мостовщинѣ и всѣмъ перевознымъ деньгамъ характера источника государственныхъ доходовъ. Но я утверждаю и притомъ на основаніи источниковъ, что частныя лица, не иначе какъ пожалованіемъ пріобрѣтали право на учрежденіе мостовъ и перевозовъ. Въ этомъ смыслѣ конечно взиманіе мостовщины и перевозныхъ денегъ будетъ финансовымъ аттрибутомъ верховной власти.

навливаясь болѣе на первомъ возраженіи г. Бѣляева, я перехожу ко второму.

По мнѣнію почтеннаго рецензента правительство не участвовало въ издержкахъ на мосты и перевозы, такъ-какъ содержаніе ихъ составляло прямую повинность жителей. «*Этому свидѣтельства*», говоритъ г. Бѣляевъ, *находятся даже въ Русской Правдѣ, гдѣ со«хранилась и раскладка этой повинности въ Новгородѣ; а изъ гра«мотъ московскаго періода довольно подробныя объясненія сей повин«ности находятся въ грамотѣ 1512 года, присланной въ Ергольскій «Ямъ (А. А. Э. I. N° 156), въ грамотѣ 1606 года въ Пермь (А. «А. Э. II. N° 54) и во многихъ другихъ. А когда содержаніе мо«стовъ и дорогъ составляло повинность жителей, слѣдовательно мо«стовщина и перевозъ, какъ пошлины, составляли чистый доходъ «правительства, и г. Осокинъ напрасно старается отличить ихъ «отъ мыта и головщины тѣмъ, что будто характеръ ихъ не есть «чисто финансовый*». Въ отвѣтъ на это считаю нужнымъ замѣтить, что я вовсе не думалъ утверждать, будто содержаніе мостовъ и перевозовъ не принадлежало къ повинностямъ жителей. Доказательствомъ могутъ служить слова, находящіяся на 36 стр. моего сочиненія: «*первоначально, устройство мостовъ и перевозовъ, по недо«статку денежныхъ доходовъ правительства, не было производимо «на счетъ казны, а составляло личную повинность гражданъ. Даже «въ XVI ст., не всѣ издержки на мосты и перевозы казеннаго вѣ«домства были принимаемы на счетъ казенныхъ доходовъ*: *часть была «замѣняема личными повинностями. Такъ грамотою 1596 года пове«лѣно было мосты на малыхъ рѣчкахъ, попортившіеся во время ве«шняго разлива, подѣлывать ближними сохами, хотя въ обыкно«венныхъ случаяхъ поправка судовъ и плотовъ была производима изъ*

Между этою мыслью и различеніемъ, которое встрѣчается въ моей книгѣ, мостовъ казенныхъ отъ частныхъ, думаю, нѣтъ никакого противорѣчія. Доказательствомъ того, что право учреждать мосты и перевозы и взимать съ нихъ пошлины принадлежало на Руси правительству и только чрезъ пожалованіе передавалось частнымъ лицамъ, можетъ служить и то, что за злоупотребленія всѣ частные мосты, даже и не самовольно открытые, были иногда отбираемы въ казну, съ вознагражденіемъ владѣльцевъ за издержки на нихъ употребленныя, — мѣра, принимаемая, кажется, не только въ видахъ народнаго благосостоянія, но и въ финансовыхъ видахъ. Что разумѣлъ почтенный професоръ подъ словами»: «*противъ «этого говоритъ всё*», мнѣ неизвѣстно.

«*казенныхъ денегъ, выручаемыхъ за провозъ. О повинности мостить* «*мосты упоминается также во многихъ жалованныхъ грамотахъ*». Изъ этого видно, что правительство въ XVI столѣтіи дѣйствительно участвовало въ содержаніи мостовъ и перевозовъ, нерѣдко возлагаемомъ и въ видѣ повинности на окрестныхъ жителей. Приведенная выше царская грамота въ Устюжну Железо-Польскую, на которую самъ г. Бѣляевъ дважды ссылался въ своей рецензіи, ясно показываетъ это. Въ ней прямо предписано по взятіи мостовъ и перевозовъ въ казенное вѣдомство производить поправку судовъ и плотовъ изъ перевозныхъ денегъ, слѣдовательно изъ того дохода, который долженъ былъ итти въ казну; поправку же мостовъ на малыхъ рѣкахъ распредѣлять на ближніе сохи. Такъ-какъ это предписаніе распространялось въ означенное время на всѣ мосты и перевозы Руси, то очевидно, что тогда участіе правительства въ содержаніи мостовъ и перевозовъ было значительно. Я имѣлъ такимъ образомъ полное право сказать о мостахъ и перевозахъ, что характеръ ихъ не былъ чисто финансовый.

Г. Бѣляевъ заключаетъ критическій обзоръ перваго отдѣла первой части моего сочиненія замѣчаніемъ, что я не упомянулъ въ числѣ проѣзжихъ пошлинъ о ратномъ дѣлѣ, дѣтинномъ и церковной пошлинѣ, названія которыхъ встрѣчаются въ жалованной грамотѣ в. к. Ивана Васильевича 1465 года Сергіеву монастырю, освобождавшей отъ нихъ ладьи и паузки Сергіева монастыря при проѣздѣ ихъ въ Уфу и на Бѣлоозеро и что *побережное*, названное въ той же грамотѣ, я отнесъ несправедливо къ торговымъ пошлинамъ. Но о *побережномъ* я говорю на стр. 24, 115 и 149 (прим). На стр. 24 сказано: «*Если за окладное дѣйствіе, при наложеніи* «*воднаго мыта, принимали самое приставаніе судовъ къ берегамъ,* «*то пошлина судовая называлась побережнымъ*». Въ примѣчаніи на стр. 149 встрѣчаются слѣдующія слова: «*о побережникахъ упоми*«*нается уже въ Ханскихъ Ярлыкахъ. Иногда побережное брали самымъ* «*товаромъ, которымъ было нагружено судно. Побережное взималось въ* «*одинаковой величинѣ съ судна, чѣмъ бы оно ни было нагружено*» и проч. На стр. 115, гдѣ рѣчь идетъ о преобразованіи проѣзжихъ пошлинъ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ числѣ ихъ вмѣстѣ съ мытомъ и другими пошлинами говорится и о побережномъ. Изъ этого, кажется, достаточно видно, что я отношу побережное не къ торговымъ, а къ проѣзжимъ пошлинамъ.

Чтожъ касается до *ратнаго дѣла, дѣтиннаго и церковной пошлины*, то я не говорилъ объ нихъ въ своей книгѣ по очень простой и ясной причинѣ: эти сборы не принадлежали къ числу таможенныхъ пошлинъ. *Ратное дѣло* было сборомъ натурою или деньга-

ми на содержаніе войска и слѣдовательно относилось къ ратной *повинности; церковная* же пошлина, какъ самое названіе показываетъ, взималась не въ пользу государства, а въ пользу церкви, а потому не принадлежала къ области финансовъ. Точное значеніе *дѣтинная* мнѣ неизвѣстно, потому-что въ источникахъ встрѣчается одно только его названіе, но я думаю, что этимъ именемъ называлась также одна изъ повинностей. По всей вѣроятности это была повинность, лежавшая на мѣстныхъ жителяхъ строить дѣтинецъ. О дѣтинцѣ упоминается уже въ половинѣ XII стол. (Лавр. лѣт., стр. 145 1152 г.): «*повелѣша людемъ всѣмъ бѣжати изъ острога въ дѣти*«*нецъ*». (Ср. Ипат. Лѣт., стр. 70, 1152 г.). «*Изяславъ же пришедъ* «*къ Бѣлугороду и стоя около дѣтинца 4 недѣли, острогъ бяше Ро*«*стиславъ до него самъ пожеглъ*». (Ипат. лѣт., стр. 90, 1161 г.). Еслибъ мнѣ должно было помѣщать въ числѣ таможенныхъ пошлинъ всѣ сборы, о которыхъ упоминается въ тарханныхъ грамотахъ, то я долженъ бы былъ говорить и о ямѣ и о подводахъ и о посошномъ и о другихъ сборахъ, вовсе не относящихся къ моему предмету.

Говоря о явкѣ, г. Бѣляевъ замѣчаетъ, что я напрасно отдѣляю ее отъ головщины. «*Онѣ*», говоритъ г. рецензентъ, «*не со*«*ставляли отдѣльныхъ пошлинъ; явкой именно называлась головщина,* «*взимаемая при пріѣздѣ на торгъ*». Въ-слѣдъ за тѣмъ онъ приводитъ въ доказательство слѣдующее мѣсто таможенной грамоты 1571 года: «*А которые гости и торговые люди учнутъ пріѣзжати,* «*и тѣмъ гостемъ и купцомъ являться таможникомъ; а таможни*«*комъ съ тѣхъ гостей и съ торговыхъ людей явка, а съ товаровъ* «*ихъ тамга и всякіе пошлины имати.......съ Новгородца съ го*«*родскаго человѣка съ рубля Московскаго противъ тамги, по полу*«*торѣ московки, да противъ замытные пошлины съ рубля по денгѣ,* «*да сколько у него людей на суднѣ или на плоту, а съ тѣхъ со* «*всѣхъ людей имати по старинѣ съ головы по денгѣ по московской*» (А. А. Э. т. I. N° 77). По моему мнѣнію нельзя смѣшивать головщину съ явкою, не смотря на то, что обѣ были личными пошлинами, падавшими не на товаръ, а на самыхъ торговыхъ людей. Существенное различіе между тою и другою пошлиною состоитъ въ томъ, что головщина была личною проѣзжею пошлиною, а явка личною торговою. Поэтому головщина взимаема была только при проѣздѣ мимо городовъ и торжковъ или при привозѣ товаровъ въ города и торжки, что̀ и составляло при этой пошлинѣ окладное дѣйствіе, явка же собиралась при объявленіи товара и намѣренія торговать. Торговые люди, даже не торгующіе въ городѣ, черезъ который проѣзжали, подвергались головщинѣ. Явку напротивъ пла-

тили только пріѣзжавшіе съ товаромъ *торговать*. Источники прямо говорятъ, что даже лица, пріѣзжавшія для покупки чего-либо для собственнаго употребленія или продающіе съѣстные припасы не въ большомъ количествѣ, не платили явки. Головщину за проѣздъ брали за немногими исключеніями и съ мѣстныхъ городскихъ жителей, пріѣзжавшихъ въ свой городъ изъ другихъ мѣстъ, кромѣ иногородцевъ и иноземцевъ. Явочную же пошлину брали только съ пріѣзжихъ иногородцевъ и иностранцевъ при объявленіи ими намѣренія торговать; городскіе жители въ мѣстѣ своего жительства обыкновенно не платили явочной пошлины, хотя, имѣя въ виду торговать, обязаны были являться въ таможнѣ и являть свои товары, на-равнѣ съ иногородцами и иностранцами. Откупная Новгородская грамота 1586 года и другіе акты доказываютъ это. При головщинѣ различали водяную пошлину отъ сухопутной по различію людей, пріѣзжавшихъ сухимъ путемъ и водою; при явкѣ, какъ падавшей уже не на проѣздъ торговыхъ людей, этого различія не было и не могло быть. Все это указываетъ на существенное различіе двухъ пошлинъ. Мѣсто, приводимое г. Бѣляевымъ, нисколько не доказываетъ его мнѣнія. Изъ словъ таможенной грамоты 1571 года, на которую и я ссылаюсь на стр. 53 своего сочиненія, нельзя вывести, что явка и головщина одно и то же. Видно только то, что съ пріѣзжихъ гостей и торговыхъ людей брали явку, какъ личную торговую пошлину, съ товаровъ брали тамгу и другія пошлины, да кромѣ того съ головы по деньгѣ Московской со всѣхъ людей, находящихся на суднѣ и на плоту. Въ послѣднихъ словахъ приводимаго мѣста говорится о головщинѣ. Мнѣ кажется, что это мѣсто именно указываетъ на различіе явки отъ головщины.

Разсматривая опредѣленіе гостинаго и другихъ съ нимъ сродныхъ пошлинъ, рецензентъ, соглашаясь со многими изъ моихъ выводовъ, замѣчаетъ, что я не вполнѣ исчерпалъ предметъ, опредѣляя гостиное или личною пошлиною съ пріѣзжихъ торговцевъ, или платою за наемъ лавокъ или анбаровъ на гостиномъ дворѣ. «*Конечно*», продолжаетъ г. Бѣляевъ, «*и то и другое объясненіе имѣютъ основаніе, но только въ позднѣйшихъ памятникахъ; въ древности же гостиная пошлина взималась не съ лица и не за наемъ анбара, но только за привозъ товара на торгъ*»; *такъ въ бѣлоозерской грамотѣ 1497 года прямо сказано*: «*со всѣхъ*» *(пріѣзжихъ иногородцевъ)* «*имати тамга по старинѣ съ рубля по алтыну; да у всѣхъ же у тѣхъ имати съ саней по полуденгѣ, за церковную пошлину и за гостиное, что емлютъ на Москвѣ*». (А. А. Э. I. N° 134). При всемъ уваженіи къ почтенному рецензенту, я не могу умолчать о двухъ значительныхъ погрѣшностахъ, сдѣланныхъ имъ

въ его возраженіи. Первая состоитъ въ томъ, что мое объясненіе гостинаго, какъ личной пошлины, основывается не на позднѣйшихъ памятникахъ, а на словахъ уставной грамоты Смоленскаго князя Ростислава, относящейся къ половинѣ XII вѣка. Вторая ошибка еще важнѣе: г. Бѣляевъ толкуетъ совершенно несправедливо мѣсто, имъ приводимое. На слова уставной бѣлоозерской грамоты 1497 года ссылаюсь и я въ 145 прим. къ своей книгѣ. Еслибъ можно было вывести изъ нихъ то, что желаетъ заключить г. Бѣляевъ, то я безъ сомнѣнія упомянулъ бы о новомъ понятіи гостинаго въ текстѣ своего сочиненія или по крайней мѣрѣ въ примѣчаніи. Къ сожалѣнію объясненіе г. рецензента не можетъ быть никоимъ образомъ принято. И вотъ причины. 1. По его толкованію выходитъ, что за гостиное и за церковную пошлину (за двѣ пошлины вмѣстѣ) берется только полденги съ каждыхъ саней. Полденьги наименьшее количество, взимаемое въ видѣ одной пошлины. Въ актахъ мы не встрѣчаемъ нигдѣ меньшей величины сбора; между тѣмъ въ этомъ случаѣ приходится на двѣ пошлины только полденьги. 2. Если опредѣлено брать полденьги съ саней за церковную пошлину и за гостиное, то слова: *«что емлютъ на «Москвѣ»*, оказываются совершенно лишними. Ошибка г. Бѣляева произошла, кажется, отъ того, что онъ опустилъ изъ виду то обстоятельство, что проѣзжая пошлина—*мытъ*—часто называлась просто *пошлиною съ возовъ и саней*. Слѣдующія мѣста источниковъ доказываютъ это. Въ той же уставной бѣлоозерской грамотѣ сказано: *«а привезетъ кто Бѣлозерецъ городскій человѣкъ, окологородецъ «и изъ всѣхъ волостей Бѣлозерскихъ ленъ, лукъ, чеснокъ, орѣхи, «яблоки, макъ, золу, деготь и имъ имать съ воза и съ саней по ден«гѣ»* (А. А. Э. I, стр. 100. Подобное можно найти тамъ же стр. 139, 223, 295, 432. II. т. А. А. Э. 71. 144. III. 162. Собр. Госуд. Грам. II. ч. стр. 53, 54 и проч.). Соображая все это, приведенное г. Бѣляевымъ мѣсто я понимаю, и кажется справедливо, слѣдующимъ образомъ: со всѣхъ (пріѣзжихъ иногородцевъ) брать тамгу по старинѣ по алтыну съ рубля, да со всѣхъ же ихъ брать по полденгѣ съ саней (это проѣзжая пошлина съ саней, дѣйствительно иногда взимаемая въ такомъ количествѣ, какъ видно изъ грамоты 1571. [Собр. Г. Гр. II ч., стр. 53]); *за церковную пошлину и за гостиное брать то, что емлютъ на Москвѣ*. Оказывается, что изъ приведеннаго рецензентомъ мѣста вовсе не видно, что гостиное было взимаемо за привозъ товара на торгъ.

Далѣе г. Бѣляевъ говоритъ, что въ число гостиныхъ пошлинъ я не включилъ *помѣстнаю*, которое взималось съ товаровъ въ такомъ случаѣ, когда кто-либо, купивъ на гостиномъ дворѣ при-

вовный товаръ, не свозя его съ мѣста, продавалъ на гостиномъ же дворѣ. Объ этой пошлинѣ упоминается въ таможенной грамотѣ 1586 года. Отвѣчаю: я не упомянулъ объ этой пошлинѣ, потому-что она ничто иное, какъ гостиная пошлина, взимаемая съ товара, перепродаваемаго на гостиномъ дворѣ. Эта пошлина не имѣла вовсе характера самостоятельной пошлины. Притомъ же не всѣ сборы, о которыхъ упоминается въ таможенныхъ грамотахъ, могутъ быть таможенными пошлинами. Въ уставной таможенной грамотѣ 1598 г. о сборѣ въ городахъ Каргополѣ, Турчасовѣ, Устьможѣ и Мехренгѣ разнаго рода пошлинъ (Собр. Гос. Грам. II, стр. 136) говорится напр. о *тепловомъ*, которое брали таможники съ торговыхъ людей на гостиныхъ дворахъ, и *хоженомъ*, которое брали пристава, но уже-ли эти сборы должны быть отнесены къ таможеннымъ пошлинамъ?

Признавая справедливымъ мое объясненіе пошлинъ *свальное*, *вѣсчее*, *контарное*, *подъемное*, *рукознобное*, *помѣрное*, *покоречное*, *пятно*, *писчее*, *роговое*, *привязное* и *узолцовое* и соглашаясь со мною въ опредѣленіи характера *тамги*, почтенный рецензентъ замѣчаетъ относительно пошлины *осмничее*, что я неправильно утверждаю, будто бы эта пошлина первоначально взималась въ одинаковомъ количествѣ съ тамгою. «*На это нѣтъ*», говоритъ г. Бѣляевъ, «*нигдѣ указаній въ источникахъ, ибо вездѣ или прямо говорится, «что тамга гораздо менѣе осминичьего, какъ напримѣръ въ Дмитровской грамотѣ 1521 г.*: «*тамга имати у всѣхъ у тѣхъ «таможникомъ по старинѣ съ рубля по алтыну, да восминничье имати таможникомъ съ того жъ рубля по дензѣ» (А. А. Э. I. № 170); «или тамга въ осминничимъ не отдѣляются, т. е. назначается за тамгу и осминничье нераздѣльно одна общая плата; такъ напримѣръ въ «договорной грамотѣ Московскаго князя съ Тверскимъ 1484 года сказано: «а тамги и восьминичего отъ рубля алтынъ (Соб. Гос. «Грам. и Дог. т. I., стр. 120). Конечно, это свидѣтельство*», продолжаетъ рецензентъ, «*не значитъ, чтобы взималось по алтыну съ рубля и на тамгу и на осминичье, а какъ раздѣлялся алтынъ между «сими двумя пошлинами не видно, слѣдовательно и по свидѣтельству «сей грамоты и другихъ таковыхъ же, на которыя ссылается г. Осокинъ, не льзя еще заключать, чтобы тамга и осминничье взимались въ одинаковомъ количествѣ, особенно когда другія грамоты, подобно выше приведенной 1521 года, всѣ единогласно утверждаютъ, «что осминничье было гораздо меньше тамги*». Замѣчу на это прежде всего, что вѣроятно по какому-либо недоразумѣнію или даже невольной ошибкѣ, рецензентъ говоритъ, что тамга по указаніямъ источниковъ была гораздо менѣе осминичего. Цитата, имъ приведенная,

и послѣднія слова его возраженія прямо тому противорѣчатъ. На стр. 109 моего сочиненія я самъ утверждаю, что въ XVI столѣтія осминичее было взимаемо въ количествѣ, менѣе значительномъ сравнительно съ тамгою, но я не могу согласиться съ г. Бѣляевымъ въ томъ, что тамга и осминничье первоначально не были взимаемы въ равной величинѣ. Слова источниковъ: *«а тамги и восьминичего отъ рубля алтынъ»*, встрѣчающіеся не только въ договорной грамотѣ 1484 г., но и въ дог. гр. в. князя Василія Дмитріевича съ Тверскимъ в. княземъ 1398 г. (А. А. Э. I, стр. 10), также въ договорныхъ грамотахъ 1451 г. (Собр. Гос. Гр. и Дог. I, стр. 175) и 1462 г. (Собр. Гос. Грам. и Дог. стр. 214), можно понимать двояко: или взималось тамги алтынъ и осминичего алтынъ, или приходилось три деньги на тамгу и три деньги на осминичее. Послѣднее предположеніе для XIV и XV столѣтія кажется вѣроятнѣе; потому-что только во времена позднѣйшія, въ XVI и XVII столѣтіяхъ, начали брать съ иногородцевъ тамги по 6 и 7 денегъ и притомъ исключительно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они были сравнены съ иноземцами. Если бы величина двухъ пошлинъ, тамги и осминничего, была различна въ XIV и XV столѣтіяхъ, то объ этомъ было бы непремѣнно упомянуто въ договорныхъ грамотахъ, такъ-какъ вездѣ, во всѣхъ историческихъ памятникахъ не только величина различныхъ пошлинъ опредѣляется отдѣльно и ясно, но даже указывается прямо, за немногими исключеніями и предметъ, съ котораго взималась каждая пошлина. Умолчаніе о различной величинѣ отдѣльныхъ пошлинъ допустить не льзя, потому-что оно повело бы къ чрезвычайной неопредѣленности и произволу во взиманіи пошлинъ.

Разсмотрѣвъ всѣ замѣчанія г. Бѣляева, долгомъ считаю присовокупить въ заключеніе, что не смотря на то, что я не могъ согласиться съ мнѣніями почтеннаго рецензента, я вполнѣ ему благодаренъ за добросовѣстный и ученый разборъ моей книги. Его возраженія заставили меня снова повѣрить по источникамъ выводы, мною сдѣланные, и, можетъ быть, высказать нѣкоторыя мысли яснѣе и опредѣленнѣе. Образованные читатели, знакомые съ моею книгою и возраженіями противъ нея сдѣланными, теперь легко могутъ рѣшить сами, кто изъ насъ правъ и кто виноватъ: я или ученый рецензентъ моего сочиненія.

Обращаюсь къ рецензіи моей книги, помѣщенной въ Современникѣ (Декабрь 1850 г).

Рецензентъ Современника, не подписавшій своего имени, еще не приступая къ разбору моего сочиненія, разсуждаетъ предварительно о новости и важности историческаго изложенія финансовыхъ вопросовъ Россіи. Я не буду останавливаться на мнѣніяхъ, вы-

сказанныхъ имъ во вступленіи къ его критической статьѣ, впрочемъ довольно извѣстныхъ, и перейду непосредственно къ тѣмъ замѣчаніямъ, которыя онъ дѣлаетъ на мою книгу. Рецензентъ находитъ прежде всего, что задача, которую я выбралъ себѣ для разрѣшенія, слишкомъ широка, что, можетъ быть, наука больше бы выиграла, если бъ я ограничился предметомъ менѣе обширнымъ, но изслѣдовалъ его полнѣе и тщательнѣе. «*Недостатокъ фактической полноты и тщательнаго сличенія памятниковъ*», говоритъ онъ, «*замѣчаемый въ исторіи финансовыхъ учрежденій, равнымъ образомъ замѣчается и въ трудѣ г. Осокина. Все свое сочиненіе, обнимающее внутреннія таможенныя пошлины въ Россіи отъ первыхъ извѣстій памятниковъ до половины XVIII ст, авторъ умѣстилъ на девяти печатныхъ листахъ довольно разгонистой печати. Между тѣмъ подробный разборъ свидѣтельствъ объ исторіи одной тамги можетъ составить отдѣльную и не малую статью.* «*Понятно, что разбираемое нами сочиненіе г. Осокина*», продолжаетъ рецензентъ, «*по широкому значенію своей задачи и по своему небольшому внѣшнему объему, не могло имѣть надлежащей полноты. Авторъ ограничился болѣе общимъ изложеніемъ; онъ даже не приводитъ тѣхъ подлинныхъ мѣстъ памятниковъ, которыя послужили ему для дѣланія различныхъ выводовъ, а представляетъ выводы прямо, цитуя въ ссылкахъ большею частію только одинъ нумеръ актовъ, изданныхъ Археологическою Коммиссіей и Экспедиціей. Кто не знаетъ запутанности въ нашей древней финансовой системѣ? Г. Осокинъ самъ не однократно указываетъ на такой ея характеръ и между тѣмъ ссылается на одинъ актъ, принадлежащій только извѣстному времени и имѣющій въ виду только извѣстную мѣстность, думая тѣмъ подтвердить выводъ, сдѣланный относительно цѣлой эпохи и всей русской земли. Оттого и повѣрить выводы автора почти не возможно. Для этого нужно снова приняться за перечитываніе и сличеніе памятниковъ. Неприведеніе подлинныхъ словъ памятниковъ въ спеціальномъ ученомъ трудѣ, обращенномъ на предметъ еще новый, не тронутый, составляетъ большой недостатокъ.*» Признаюсь, прочитавъ это, я не могъ не подивиться странности выводовъ рецензента и несправедливости его показаній. Не останавливаясь уже на томъ, что въ моей книгѣ съ примѣчаніями, объясняющими и дополняющими текстъ не девять, какъ говоритъ г. рецензентъ, а 11 печатныхъ листовъ, я спрашиваю только, уже-ли содержаніе и достоинство ученыхъ сочиненій можно измѣрять количествомъ печатныхъ листовъ? Согласенъ, что объ исторіи тамги можно написать отдѣльную и немалую статью. Обширность или краткость сочиненія нерѣдко зависитъ между прочимъ и отъ

самаго образа изложенія, многословнаго или сжатаго. Можно писать цѣлыя книги о самой мельчайшей подробности ученаго предмета. Я не имѣлъ этой цѣли. Не привыкши измѣрять достоинство трудовъ ни своихъ, ни чужихъ числомъ печатныхъ листовъ, я желалъ только въ краткомъ и сжатомъ очеркѣ изложить всѣ выводы, относящіеся къ исторіи таможенныхъ пошлинъ, которые можно сдѣлать на основаніи доселѣ изданныхъ источниковъ. Пусть укажетъ мнѣ рецензентъ, что я при своемъ обзорѣ опустилъ какой-либо примѣчательный фактъ, касающійся исторіи внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ, не оцѣнивъ его по достоинству, и тогда я соглашусь съ справедливостію его замѣчанія, что моя исторія таможенныхъ пошлинъ неполна, что задача, мною выбранная, оказалась для меня слишкомъ широкою и я не могъ обнять ее. До тѣхъ поръ я буду смотрѣть на слова рецензента какъ на обвиненіе, ничѣмъ не доказанное. Мѣста источниковъ, безспорныя или неважныя, подтверждаемыя всѣми другими дошедшими до насъ памятниками, иногда заключающія въ себѣ одно названіе пошлины не были приводимы мною въ подлинникѣ, а означаемы въ простой цитатѣ примѣчанія по той ясной причинѣ, что желающіе повѣрить мои выводы легко найдутъ акты и въ нихъ мѣста грамотъ, относящіяся къ моимъ выводамъ. Самъ г. рецензентъ, еслибъ хотѣлъ произвести эту повѣрку (вовсе не такъ трудную, какъ ему кажется, по крайней мѣрѣ это доказываетъ рецензія г. Бѣляева), и написать основательную критическую статью, безъ сомнѣнія легко нашелъ бы и время и случай взглянуть въ акты. Тогда бы онъ конечно не говорилъ объ актахъ *Археологической* Коммиссіи и Экспедиціи, потому-что уже на заглавномъ листѣ увидѣлъ бы, что акты изданы *Археографическою,* а не Археологическою Коммиссіею и Экспедиціею. Напротивъ смѣло могу сказать, ни мало не нарушая истины, что всѣ мѣста источниковъ, сколько-нибудь важныя или по древности свидѣтельства, или по важности опредѣленія, въ нихъ заключающагося, еще болѣе мѣста спорныя были приводимы мною постоянно въ подлинникѣ и сличаемы съ мѣстами, имъ противорѣчащими. Чтобъ видѣть всю неосновательность обвиненія рецензента, что я не привожу подлинныхъ мѣстъ памятниковъ, которыя послужили мнѣ для различныхъ выводовъ, а цитую въ ссылкахъ *большею частію одинъ нумеръ актовъ*, достаточно замѣтить, что въ текстѣ моего сочиненія приводится въ подлинникѣ 83 мѣста источниковъ и кромѣ того въ примѣчаніяхъ болѣе 48. Несправедливость показаній рецезента произошла между прочимъ отъ того, что онъ такъ невнимательно читалъ книгу, которую удостоилъ своимъ разборомъ, что не замѣтилъ даже, что я цитую не нумера, а страницы актовъ, такъ-что ци-

таты, которыя по его предположенію взяты изъ одного нумера актовъ, на самомъ дѣлѣ относятся ко многимъ нумерамъ. Впрочемъ дѣйствительно случалось, что я цитовалъ и одно мѣсто источниковъ, но это только въ такомъ случаѣ, когда въ актахъ не оказывалось другого, относящагося къ разсматриваемому предмету. И это не моя вина: я не могъ вымышлять источниковъ. Но приводя изъ нихъ одинъ фактъ, я непремѣнно означалъ, къ какому времени онъ принадлежитъ и какой мѣстности касается, не думая вовсе подтверждать имъ выводы, относящіеся къ цѣлой эпохѣ и ко всей русской землѣ, какъ совершенно несправедливо и недобросовѣстно увѣряетъ г. рецензентъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ не приводитъ ни одного мѣста изъ моей книги. Но пусть читатель обратитъ вниманіе на цитаты моего сочиненія, въ которыхъ дѣйствительно указывается на одно мѣсто источниковъ, и разсмотритъ относящіяся къ нимъ слова самого текста и онъ убѣдится въ неосновательности обвиненія г. рецензента. Для примѣра приведу примѣчанія къ моей книгѣ 56, 123, 125, 127, 132, 140, 142, 143, 144, 146, 147, 148, 157, 158, 159, 165, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 184, 185, 186, 192, 198, 215, 258, 264 и другія. Вездѣ указывается и на время и на мѣсто упоминаемаго факта. О возможности сдѣлать повѣрку моимъ выводамъ я уже говорилъ выше. Такая повѣрка очень облегчается множествомъ приведенныхъ въ моей книгѣ подлинныхъ мѣстъ источниковъ.

Другой и важный недостатокъ моего сочиненія рецензентъ находитъ въ отсутствіи *исторической послѣдовательности и связи*. Исторія внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ раздѣлена мною на два періода: первый простирается отъ самыхъ древнихъ временъ до изданія торговаго устава 1653 г., а второй отъ 1653 г. до совершеннаго уничтоженія внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ въ 1757 г. «*Оба года и 1653 и 1757*», говоритъ рецензентъ, «*весьма важны въ исторіи нашихъ финансовъ, но уже ли только эти пункты и могутъ быть обозначены, какъ время финансовыхъ измѣненій? Неуже ли эпоха Петра Великаго не произвела въ исторіи даннаго вопроса никакихъ* в а ж н ы х ъ *перемѣнъ? Неуже ли во весь долгій періодъ времени отъ начала XII (если не раньше) и до половины XVII столѣтія, неуже ли въ продолженіи пяти съ половиною вѣковъ вопросъ о внутреннихъ таможенныхъ пошлинахъ у насъ существенно не измѣнялся и оставался постоянно съ одинаковымъ характеромъ? И это тогда, когда бытъ народный нѣсколько разъ измѣнилъ свои общественныя формы, когда образовавшаяся изъ отдѣльныхъ племенъ русская земля раздробилась на удѣлы и когда изъ этихъ раздробленныхъ частей родилось Московское госу-*

«*дарство! Г. Осокинъ каждый періодъ своего изслѣдованія не излагаетъ соотвѣтственно его историческому развитію, постепенно и съ сохраненіемъ связи явленій одновременныхъ. Напротивъ, онъ принялъ въ основаніе то распредѣленіе предметовъ, какое встрѣчается въ теоретическихъ сочиненіяхъ о финансіи, и разсматриваетъ значеніе каждой пошлины отдѣльно, внѣ всякаго соотношенія ея съ другими пошлинами. Подобный недостатокъ*», продолжаетъ рецензентъ, «*еще прежде мы замѣтили въ сочиненіи графа Толстаго. Работать по готовымъ рубрикамъ легче и сподручнѣе; но отъ того мы не получимъ представленія о характерѣ извѣстной эпохи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ составить себѣ понятіе о финансовомъ характерѣ извѣстной эпохи, если авторъ, назначившій своему изслѣдованію разобрать цѣлыя столѣтія, излагаетъ рядомъ съ явленіями XII вѣка явленія XV и XVI столѣтій, когда эти разновременныя явленія перемѣшаны и даже нерѣдко не указано время появленія тѣхъ или другихъ правительственныхъ мѣръ*».—На вопросы и замѣчанія, предложенныя рецензентомъ, мнѣ не трудно отвѣчать. Частныя измѣненія, касающіяся той или другой таможенной пошлины въ отдѣльности, безъ сомнѣнія можно найти въ исторіи разсматриваемыхъ мною налоговъ и внѣ 1653 и 1757 годовъ. Иногда появляются новыя пошлины, иногда старыя исчезаютъ, порядокъ сбора той или другой пошлины дѣлается опредѣленнѣе, точнѣе опредѣляется величина сбора или пошлинный предметъ. Но *важныхъ перемѣнъ*, существенныхъ измѣненій, касающихся всѣхъ таможенныхъ сборовъ и преобразованія цѣлой ихъ системы, на основаніи которыхъ можно бы было допустить дѣленіе на періоды, дѣйствительно не встрѣчается, кромѣ двухъ означенныхъ мною годовъ. Самое царствованіе Петра Великаго, впрочемъ вообще столь важное въ исторіи нашихъ финансовъ (по введенію подушной подати, устройству лучшаго порядка въ собираніи государственныхъ доходовъ и строгаго контроля въ финансовомъ управленіи, по учрежденію Камеръ-Коллегіи, Штатсъ-Конторы и Ревизіонсъ-Коллегіи, по увеличенію многихъ источниковъ государственнаго дохода и проч.), въ исторіи внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ не составляетъ эпохи. И рецензентъ легко могъ бы убѣдиться въ томъ, еслибъ, вмѣсто того чтобъ предлагать краснорѣчивые вопросы и дѣлать громозвучныя восклицанія, потрудился заглянуть въ Полное Собраніе Законовъ. Онъ увидѣлъ бы, что, кромѣ введенія на короткое время новоуравнительной пошлины и нѣкоторыхъ мелкихъ сборовъ, взиманіе внутреннихъ таможенныхъ сборовъ при Петрѣ Великомъ происходило на основаніи Торговаго и Новоторговаго уставовъ. Во весь долгій періодъ отъ начала XII до половины XVII столѣ-

тія характеръ внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ существенно не измѣнялся. Различіе между XII вѣкомъ и половиною XVII-го состоитъ только въ томъ, что въ XII вѣкѣ упоминается о немногихъ пошлинахъ, которыхъ и способъ собиранія и пошлинный предметъ и величина не были ясно опредѣлены въ дошедшихъ до насъ историческихъ памятникахъ; между тѣмъ какъ въ XVI и началѣ XVII вѣка оказывается уже гораздо болѣе пошлинъ, появившихся съ теченіемъ времени одна за другою. Пошлинные предметы, способъ взиманія и величина сборовъ съ конца XV столѣтія опредѣлены уже точнымъ образомъ въ уставныхъ грамотахъ. Постепенное появленіе разныхъ пошлинъ, видоизмѣненія въ характерѣ той или другой изъ нихъ, словомъ сказать, частныя измѣненія постоянно указываются въ моемъ изслѣдованіи съ означеніемъ времени, къ которому онѣ относились. Послѣ этого мнѣ кажется весьма страннымъ обвиненіе рецензента, что я не излагаю каждаго періода своего изслѣдованія соотвѣтственно его историческому развитію, постепенно и съ сохраненіемъ связи явленій одновременныхъ. Напротивъ въ каждомъ изъ двухъ періодовъ, на которые раздѣляется мое изслѣдованіе, я разсматриваю каждую существовавшую во время онаго пошлину, въ ея историческомъ развитіи, потому-что указываю на постепенныя измѣненія въ ея характерѣ. Связь одновременныхъ явленій соблюдена, потому-что при каждой пошлинѣ точно показано время перваго ея появленія въ историческихъ памятникахъ и всѣхъ ея измѣненій. Отношеніе одной пошлины къ другимъ вытекаетъ уже изъ самаго опредѣленія ея характера и существенныхъ свойствъ, отличающихъ ее отъ другихъ пошлинъ. Изложить исторію таможенныхъ пошлинъ въ другомъ порядкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ уяснить характеръ и значеніе каждой отдѣльной пошлины невозможно. Столь же неосновательно упрекаетъ меня рецензентъ, что въ моемъ изложеніи разновременныя явленія перемѣшаны и что рядомъ съ явленіями XII вѣка представлены явленія XV и XVI столѣтій. Напротивъ древнѣйшія извѣстія всюду отдѣлены отъ болѣе позднѣйшихъ, даже между послѣдними, относящимися напр. къ XVI вѣку, всякое сколько нибудь важное видоизмѣненіе указано съ точнымъ означеніемъ времени. Всякій, кто возметъ на себя трудъ прочитать мою книгу, легко въ томъ убѣдится. Не болѣе основательности я нахожу и въ словахъ рецензента о готовыхъ рубрикахъ. Позволяю себѣ въ свою очередь спросить его, изъ какого теоретическаго сочиненія о *«финансіи»* (какъ онъ выражается) взято мною распредѣленіе предметовъ, встрѣчающееся въ моемъ сочиненіи? Пусть онъ укажетъ мнѣ хотя на одно сочиненіе, въ которомъ бы была

изложена теорія внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ. Я до сихъ поръ еще не встрѣчалъ такой книги и съ большимъ бы удовольствіемъ познакомился съ нею. Въ ожиданіи этого смѣю увѣрить неизвѣстнаго мнѣ рецензента, что и опредѣленіе внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ и ихъ раздѣленіе на проѣзжія и торговыя и подраздѣленія пошлинъ внутри этихъ двухъ классовъ столько же, сколько самое объясненіе ихъ характера и исторіи, основаны на историческихъ нашихъ памятникахъ, на долгомъ и тщательномъ соображеніи и сличеніи разныхъ мѣстъ Собранія Госуд. Грамотъ и Договоровъ и Актовъ Коммиссіи и Экспедиціи Археографической (не *Археологической)*, а не на какихъ-либо теоретическихъ сочиненіяхъ о финансахъ. Самъ графъ Толстой въ своей исторіи финансовыхъ учрежденій могъ заимствовать изъ теоретическихъ сочиненій только главное раздѣленіе источниковъ государственнаго дохода на подати, сборы, судныя пошлины, регаліи и государственныя имущества. Въ моемъ сочиненіи нѣтъ и этого заимствованія.

Рецензентъ въ доказательство того, что я или просто умалчиваю о времени различныхъ мѣръ, или вмѣсто точнаго обозначенія употребляю выраженія *общія*, приводитъ нѣсколько примѣровъ изъ моей книги. Я разсмотрю каждый изъ нихъ отдѣльно. На стр. 26 *(не 261*, какъ сказано у рецензента) моего сочиненія встрѣчаются слѣдующія слова: «*иногда даже всѣ частные мыты* «*на время были отбираемы правительствомъ въ казенное управле*«*ніе*». — «*Когда это было*»*?* спрашиваетъ рецензентъ,—«*отвѣта* «*нѣтъ; иной читатель, пожалуй, отнесетъ къ XIII столѣтію; по*«*тому что мытъ существовалъ и въ это время*». Отвѣчаю: читатель, не отдѣляющій выраженія отъ предыдущихъ и послѣдующихъ словъ, съ которыми оно находится въ связи, не сдѣлаетъ такой ошибки, потому-что стоитъ только начать читать 6-ю строками выше, то и окажется, что въ приведенномъ мѣстѣ рѣчь идетъ о концѣ XVI столѣтія, къ которому и относится мѣра, предписанная грамотою 1596 года и излагаемая въ выше означенныхъ словахъ моего сочиненія. Вотъ цѣлая мысль въ ея связи, какъ она у меня изложена: «*Въ концѣ XVI столѣтія уже было* «*много частныхъ мытовъ на Руси, въ томъ числѣ не мало само*«*вольныхъ*..... *Они составляли злоупотребленіе, противъ котораго* «*Правительство постоянно принимало свои мѣры: или уничтожало* «*самовольно открытые мыты, подвергая штрафамъ собирателей по*«*шлинъ, или отбирало такіе мыты въ казну. Иногда даже всѣ* «*частные мыты были на время отбираемы въ казенное управленіе*».

Далѣе рецензентъ выписываетъ слѣдующія мѣста моей кни-

ги, означая курсивомъ, слова, по его мнѣнію, неопредѣленныя. На стр. 13 говорится: «*въ послѣдствіи преимущества монастырей* «*были значительно ограничены*». На стр. 39: «*строго было воспре*«*щено собирать мостовыя и перевозныя деньги сверхъ указу. Съ* «*теченіемъ времени однакожъ вкралось много злоупотребленій.*» На стр. 41 моего сочиненія сказано: «*Сельскіе жители въ дре*«*вности, кажется, не имѣли права производить торговлю въ* «*мѣстахъ своего жительства*». — «*Но что̀ собственно значитъ*», говоритъ рецензентъ, «*въ послѣдствіи, съ теченіемъ време*«*ни, въ древности — неизвѣстно*». Я принужденъ здѣсь снова повторить, что выписки сдѣланы рецензентомъ и въ этомъ случаѣ отрывочно и безъ всякой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ для цѣли весьма понятной: посредствомъ подобныхъ выписокъ всего легче представить каждое сочиненіе не тѣмъ, что оно есть на самомъ дѣлѣ. Слова: *въ послѣдствіи*, встрѣчающіяся на стр. 13 моей книги, относятся къ началу уничтоженія тархановъ, къ 1549 году, который и приведенъ мною нѣсколько строкъ ниже, на той же страницѣ. На стр. 39 выраженіе: *съ теченіемъ времени* относится къ царствованію Θеодора Ивановича, какъ это и сказано чрезъ нѣсколько строкъ. Здѣсь идетъ рѣчь опять объ указѣ 1596 г., касавшемся не только мыта, но и мостовщины и перевоза. Злоупотребленія, *съ теченіемъ времени* вкравшіяся при собраніи мостовыхъ и перевозныхъ денегъ, исчисляются въ этомъ самомъ указѣ. Что касается до послѣдняго мѣста, приводимаго рецензентомъ: «*сельскіе жители въ древности, кажется, не* «*имѣли права производить торговлю, въ мѣстахъ своего житель*«*ства*», то если бъ рецензентъ потрудился выписать еще двѣ строки, за тѣмъ слѣдующія, читатель и увидѣлъ бы, что должно понимать подъ выраженіемъ: *въ древности*. Дѣйствительно въ моей книгѣ непосредственно за приведеннымъ выше мѣстомъ находятся слѣдующія слова: «*по крайней мѣрѣ извѣстно, что В. К. Вла*«*диміръ въ 1006 году запретилъ болгарскимъ гостямъ торговать* «*съ сельскими жителями*».

Далѣе г. рецензентъ упрекаетъ меня въ томъ, что въ моемъ сочиненіи часто встрѣчаются выраженія: «*кажется*», «*можетъ* «*быть*» «*вѣроятно*» и тому подобныя, приводитъ нѣсколько примѣровъ изъ моей книги и наконецъ говоритъ: «*на что указываютъ* «*всѣ подобныя выраженія? на недостатокъ твердыхъ, положитель*«*ныхъ выводовъ. А между тѣмъ всѣ подобныя выраженія имѣютъ* «*цѣлію отвѣчать на многіе важные вопросы въ исторіи русской фи*«*нансіи. . . . . Эта нетвердость въ выводахъ*», продолжаетъ онъ, «*это со*«*мнѣніе автора въ своихъ собственныхъ словахъ болѣе всего кладутъ на*

«его трудъ печать поспѣшности». Считаю долгомъ сказать на это въ отвѣтъ, что означенныя выраженія, встрѣчающіяся въ моей книгѣ, указываютъ не на шаткость и нетвердость выводовъ, а только на недостатокъ, историческихъ извѣстій о нѣкоторыхъ таможенныхъ пошлинахъ, на невозможность по существующимъ матеріаламъ, нерѣдко малочисленнымъ или противорѣчащимъ, съ несомнѣнностію опредѣлить характеръ той или другой пошлины и на возможность появленія новыхъ источниковъ, могущихъ если не опровергнуть, то по крайней мѣрѣ видоизмѣнить выводы, сдѣланные на основаніи историческихъ памятниковъ, доселѣ изданныхъ. Если я высказываю свои выводы не такъ безусловно и положительно, какъ этого, можетъ быть, желалъ бы рецензентъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, что я сомнѣваюсь въ собственныхъ своихъ словахъ. Я добросовѣстно воспользовался всѣми, изданными до 1850 года историческими матеріалами, относящимися къ моему предмету, а потому не могу быть обвиненъ справедливо ни въ поспѣшности, ни въ сомнѣніи въ своихъ собственныхъ словахъ. Выводы, какіе можно было сдѣлать на основаніи существующихъ источниковъ, мною сдѣланы. И не моя вина, что они невсегда представляются положительными и несомнѣнными. Неопредѣленность характера нѣкоторыхъ пошлинъ условливается самымъ количествомъ и качествомъ источниковъ. Мнѣ не было бы ничего легче, какъ выпустить означенныя выраженія и высказать свои выводы догматическимъ, положительнымъ образомъ. Но въ такомъ случаѣ я поступилъ бы недобросовѣстно и подвергся бы справедливому упреку со стороны знатоковъ отечественной исторіи и ея источниковъ. Считаю нужнымъ присовокупить, что выраженія: *кажется, можетъ быть, вѣроятно* и проч. весьма часто встрѣчаются и на страницахъ сочиненій Эверса, Рейца, Неволина и другихъ извѣстныхъ писателей, которыхъ однакожь никто не обвиняетъ за то ни въ поспѣшности, ни въ нетвердости выводовъ.

«Не уяснивъ себѣ характера различныхъ и разновременныхъ «явленій, ихъ связи и послѣдовательности», продолжаетъ г. рецензентъ, *«не льзя дать себѣ отчета, почему и на какомъ основаніи совершилось извѣстное движеніе или развитіе народнаго быта. Вотъ почему г. Осокинъ не замѣтилъ многихъ коренныхъ перемѣнъ въ финансовой системѣ, которыя условливались зарожденіемъ и дальнѣйшею жизнію государственныхъ идей. Иначе онъ «бы отмѣтилъ княженіе Іоанновъ III и IV, какъ время, опредѣлившее новую степень финансоваго развитія. Но у г. Осокина финансовыя явленія XV — XVII столѣтій»*, говоритъ рецензентъ, *«слиты съ подобными же XII—XIV столѣтій, слиты до того, что*

«*всѣ они подведены подъ уровень одной характеристики и введены въ* «*составъ одного періода. Не смотря на это, самъ авторъ безпрерывно долженъ былъ замѣчать, что такая-то пошлина болѣе или* «*менѣе измѣнилась въ своемъ характерѣ съ XV и XVI вѣка*». (*См. стр. 22, 25, 50, 67 и мн. друг.*)

Во всей этой тирадѣ, признаюсь, я не встрѣтилъ ничего, кромѣ общихъ и неопредѣленныхъ, хотя и громкихъ фразъ, нимало не относящихся къ моему сочиненію. Рецензентъ обвиняетъ меня, что я не замѣтилъ коренныхъ перемѣнъ въ финансовой системѣ, условливаемыхъ зарожденіемъ и дальнѣйшею жизнью *государственныхъ* идей. Какихъ перемѣнъ—онъ этого не объясняетъ. «*Княженіе Іоанновъ III и IV*», выражается онъ далѣе и столь же темно и неясно, «*опредѣлило новую степень финансоваго развитія*». Какую—неизвѣстно. Но положимъ, что замѣчанія рецензента при всей ихъ общности и неопредѣленности оказываются, и можетъ быть даже безъ его вѣдома, въ извѣстной степени справедливыми; положимъ, что относительно нѣкоторыхъ вѣтвей финансоваго управленія, напр. относительно прямыхъ налоговъ, княженіе Іоанна III дѣйствительно составляетъ эпоху. Чтожъ изъ этого слѣдуетъ? Ровно ничего, относящагося къ моему сочиненію. Я писалъ не о финансовой системѣ древней Россіи, не о цѣломъ ея финансовомъ развитіи, а только о внутреннихъ таможенныхъ пошлинахъ, въ которыхъ ни Іоаннъ III, ни Іоаннъ IV не произвели никакихъ коренныхъ перемѣнъ, а потому я и не отмѣтилъ ихъ княженій, какъ образовавшихъ особую эпоху. Что въ моемъ сочиненіи характеръ различныхъ и разновременныхъ явленій опредѣленъ ясно, сколько это возможно при существующихъ нынѣ источникахъ, и что связь и послѣдовательность явленій также были указываемы мною, объ этомъ я имѣлъ уже случай замѣтить выше. Равнымъ образомъ я отвѣчалъ и на обвиненіе, что я слилъ финансовыя явленія XV—XVII столѣтій съ подобными XII—XIV, показавъ выше всю его несправедливость.

Рецензентъ указываетъ далѣе на неопредѣленность и отчасти ошибочность нѣкоторыхъ положеній, встрѣчающихся въ моей книгѣ. По мнѣнію его принятое мною положеніе, что «*Монголы имѣли насильственное, но рѣшительное вліяніе на быстрое распространеніе пошлинъ въ нашемъ отечествѣ*», ни сколько не доказано, потому-что оно основывается только на словѣ *тамга*. «*Намъ кажется*», говоритъ рецензентъ, «*что при рѣшеніи даннаго вопроса* «*необходимо объяснить слово тамга филологически (оно встрѣчается еще въ Ярославовомъ церковномъ судѣ) и разсмотрѣть, какіе* «*сборы вводили азіатскіе народы между покоренными племенами и*

«какія пошлины взимались въ ихъ собственной средѣ. А безъ того, «можетъ быть, мнѣніе автора и справедливо, а можетъ быть и «нѣтъ».—Такъ-какъ на подобное замѣчаніе г. Бѣляева я отвѣчалъ выше и притомъ подробно, то это освобождаетъ меня отъ обязанности распространяться о томъ же предметѣ въ другой разъ. Считаю нужнымъ только замѣтить г. рецензенту, что тамга во всякомъ случаѣ есть пошлина, введенная у насъ и распространенная Монголами. Если въ Уставѣ Ярослава о церковныхъ судахъ и встрѣчается названіе тамги (на что я указываю въ своемъ сочиненіи на стр. 87 и 162, прим. 271), то это безъ сомнѣнія прибавленіе позднѣйшаго времени тѣмъ болѣе, что слово тамга встрѣчается только въ Архангельскомъ лѣтописцѣ, сообщающемъ одно начало Устава. Лѣтописцы напротивъ приписываютъ прямо требованіе тамги Монголамъ. Филологическія изысканія о словѣ тамга[1]) и изслѣдованіе о сборахъ, существовавшихъ у азіатскихъ народовъ и вводимыхъ ими у покоренныхъ племенъ, предоставляю ученымъ, спеціально занимающимся литературою азіатскихъ языковъ и исторіею Востока. Я не могъ принять на себя разсмотрѣніе означенныхъ вопросовъ, не выходя изъ предѣловъ задачи, которую я предложилъ себѣ для рѣшенія.—*«До сихъ поръ необъяс«ненный сборъ костки»*, говоритъ рецензентъ, «*г. Осокинъ счита«етъ личною пошлиною съ людей, проѣзжавшихъ съ товарами; но «мнѣніе его остается только сомнительною догадкою—не болѣе. Самъ «авторъ чувствовалъ неубѣдительность своего мнѣнія, потому что «весь разсужденія свои о косткахъ основалъ на словахъ* в*ѣ*р*о*я*т*н*о *и «*к*а*ж*е*т*с*я*.... *Другихъ выводовъ и невозможно было представить «безъ розысканій филологическихъ, потому что источники не объя«сняютъ смысла стариннаго слова костокъ, а филологическихъ соо«браженій авторъ нисколько не коснулся».* — Я объяснилъ уже выше, почему и въ какихъ случаяхъ я употреблялъ слова: *вѣроятно* и *кажется.* И такъ, не останавливаясь болѣе на этомъ, считаю нужнымъ возразить рецензенту, что филологическія соображенія, относящіяся къ слову: «*костки*», не были вовсе опущены мною изъ вида. На стр. 33-й своей книги я привелъ три объясненія этого слова и между ними остановился, какъ на болѣе близкомъ къ истинѣ, на объясненіи Снегирева, по словопроизводству котораго костки оказываются пошлиною за право ѣхать по большой дорогѣ.

Далѣе рецензентъ, возражая противъ моего мнѣнія, *«что пра-*

[1]) Впрочемъ доказывается въ моемъ сочиненіи (стр. 91 и 162) на основаніи источниковъ, что тамга означала *печать, клеймо. «Также рекше и ярлыкъ со* а*л*о*ю* т*а*м*г*о*ю дали есмя».* (Соб. Гос. Грам. II, стр. 13).

вительство опасалось дозволеніемъ сельскихъ торговъ подорвать та-«моженные доходы городовъ, гдѣ уже учреждены были управленіе на «вѣрѣ и откупа, потому что торговые люди могли, оставивъ го-«рода, обратить свой торгъ на деревни» (см. стр. 44 моего сочиненія), замѣчаетъ, что я не объясняю, когда это было. Но пусть рецензентъ обратитъ вниманіе на стр. 41, 42 и 43 и онъ увидитъ изъ всего предыдущаго, что въ приведенномъ здѣсь мѣстѣ говорится о концѣ XVI и началѣ XVII вѣка.—«*Развѣ легко про-«давцу*», продолжаетъ рецензентъ, «*перенесть торгъ изъ города въ «деревню? Мѣсто торга не зависитъ отъ произвола торгующихъ; «что нибудь значитъ также большая или меньшая масса потре-«бителей, большее или меньшее знакомство жителей съ удобства-«ми жизни*». Да, перенесеніе торговли въ села, отдаленныя отъ городовъ не легко, а въ ближайшія къ городамъ весьма не затруднительно. Еслибъ такое перенесеніе торговли не было возможно и не вредило интересамъ казны, то правительство не запрещало бы торговать по селамъ подъ опасеніемъ штрафовъ (заповѣдей) и конфискаціи товаровъ, какъ это видно изъ таможенныхъ бѣлоозерскихъ грамотъ 1497 и 1551 годовъ и изъ Новгородской грамоты 1571 г. (см. А. А. Э. I, стр. 100 и 224 и Собр. Гос. Грам. и Догов. II, стр. 53. сравн. также стр. 55 и I, стр. 397). Въ одномъ документѣ 1619 г. Русскимъ позволялось торговать съ Шведами только въ городахъ, а въ селахъ и деревняхъ было запрещено. И вотъ причина: «*чтобъ Государевой пошлинѣ истери не «было, потому что многіе люди торгуютъ безпошлинно по дере-«внямъ*» (А. А. Э. III, стр. 262). Отсюда видно, что перенесеніе торговъ изъ городовъ въ села и деревни происходило часто къ ущербу казны.

Рецензентъ находитъ, что я, стараясь вездѣ указывать на различіе городовъ и селъ, провожу это различіе нѣсколько темно и даже странно. Онъ говоритъ: «*на стр. 22 напримѣръ сказано: по-«шлина сухой мытъ называлась часто въ городахъ подужнымъ и по-«лозовымъ. По почему же такъ она называлась* т о л ь к о *въ городахъ, «а въ селахъ—нѣтъ? названія эти—производныя отъ* д у г а *и* п о-*«лозья—чисто русскія, народныя и, конечно, одинаково были извѣстны «въ селахъ и городахъ*». Дѣло въ томъ, что у меня сказано не такъ, какъ излагаетъ мою мысль рецензентъ. Вотъ подлинныя мои слова: «*въ городахъ она (т. е. проѣзжая пошлина) называлась часто про-«сто пошлиною съ* в о з о в ъ *и* с а н е й, *также* п о д у ж н ы м ъ; *пошлина съ саней называлась* п о л о з о в ы м ъ». Вовсе не говорится, что пошлина съ возовъ и саней, подужное и полозовое были называемы такъ только въ городахъ.

«*Все разсужденіе о пошлинѣ узолцовой (узолки),* говоритъ «рецензентъ, *основано на словахъ вѣроятно и кажется; любо-«пытные могутъ справиться на, стр. 85, 86, 102».* Любопытные однакожъ найдутъ, что нѣкоторыя положенія объ узолцовой пошлинѣ высказаны прямо и положительно, другія дѣйствительно съ прибавленіемъ слова *кажется* и не безъ причины. «*Отношеніе по-«шлины порядной къ тамгѣ*, продолжаетъ рецензентъ, *изложено «слишкомъ темно».* Не думаю, чтобъ для внимательнаго читателя мое изложеніе показалось темнымъ. Любопытные могутъ справиться. Рецензентъ найдя, что въ одномъ мѣстѣ моего сочиненія (стр. 89) вмѣсто XIII столѣтія названо XII столѣтіе, говоритъ: «*если это «описка, то желательно, чтобъ подобныхъ не встрѣчалось въ уче-«ныхъ трудахъ».* Но это не описка и лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то, что на стр. 87 моей книги, гдѣ говорится о томъ же предметѣ (о тамгѣ), названо XIII столѣтіе. Это просто опечатка въ цифрѣ, точно такая же, какая вкралась въ самую статью рецензента: такъ онъ ссылается, цитуя одно мѣсто о мытѣ, на 261-ю страницу моего сочиненія, тогда-какъ этой страницы вовсе нѣтъ въ моей книгѣ, 261 поставлено вмѣсто 26.

«*Но довольно*, говоритъ рецензентъ, *пора указать на хорошія «мѣста разбираемаго сочиненія.......»*

И я скажу въ свою очередь: довольно. Съ грустнымъ впечатлѣніемъ оставляю разборъ этой рецензіи, не представившей мнѣ ни одного замѣчанія, которое бы показывало внимательное чтеніе моей книги и въ которой я усматриваю даже какое-то для меня непонятное пристрастіе и недоброжелательство.

Е. Осокинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Объ органахъ судебной власти въ Россіи отъ основанія государства до вступленія на престолъ Алексѣя Михайловича, *П. Чеглокова* . . . . 1.

О прямыхъ налогахъ въ древней Руси, *В. Кури* . . . . . 105.

Изслѣдованіе началъ огражденія имущественныхъ отношеній въ древнихъ памятникахъ русскаго законодательства, *А. Станиславскаго* . . . . 153.

Древнее русское право залога, *Д. Мейера* . . . . 219.

Древнее русское поручительство, *С. Капустина* . . . . . . 279.

Историческое развитіе русскаго законодательства по почтовой части, *О. Бржозовскаго* . . . . 341.

Опытъ ученой разработки купчихъ грамотъ, помѣщенныхъ въ Актахъ Юридическихъ, *К. Киндякова* . . . . 409.

Юридическія изслѣдованія относительно торговаго быта Одессы, *Д. Мейера* . . . . 449.

Исторія законодательства о табачной промышленности въ Россіи до Екатерины II, *М. Чулкова* . . . . 495.

Нѣсколько спорныхъ вопросовъ по исторіи русскаго финансоваго права, *Е. Осокина* . . . . 539.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка	Напечатано:	Должно читать:
494	19	векселедателемъ	векселедержателемъ
542	16	*(въ Молдавіи)*	*(и въ Молдавіи)*
544	13	отъ вѣса *вѣсчаю*	отъ *вѣса, вѣсчаю*
553	33	*съ набойною*	*съ набойчатаю*